

РОССИЯ в 1917 году

ЛЕВ ТРОЦКИЙ: PRO ET CONTRA

**Серия «Русский Путь: pro et contra»
основана в 1993 году**

Л. Д. ТРОЦКИЙ: PRO ET CONTRA

*Образ Льва Троцкого
в культурной памяти России*

Антология

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2016

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырев (председатель), В. Е. Багно, С. А. Гончаров,
А. А. Ермичев, митрополит Иларион (Алфеев),
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, В. Ф. Федоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор тома

Д. К. Богатырев

Составитель

А. В. Резник

Публикация подготовлена в рамках

поддержанного РГНФ научного проекта №15-33-12016

«Революция 1917 года в исторической памяти русской культуры»

Л 11 **Л. Д. Троцкий: pro et contra, антология / Сост., вступ.**
статья, коммент. А. В. Резника. — СПб.: РХГА, 2016. —
864 с. — (Русский Путь).

ISBN 978-5-88812-768-1

Лев Давидович Троцкий (1879–1940) — международный революционер, один из вождей Октябрьской революции, Красной армии, Третьего (Коммунистического) и Четвертого Интернационалов, ключевая фигура большевизма, а затем — антисталинского течения в коммунистическом движении. Противоречивый образ Л. Д. Троцкого, сложившийся в российской культурной памяти России преимущественно в межвоенные годы, остается крайне дискуссионным по сей день. Воспоминания, публицистика, пропагандистские и другие тексты, публикуемые в настоящем издании, проливают свет на особенности восприятия разными авторами Л. Д. Троцкого как личности и политика, а также позволяют увидеть эпоху войн и революций (и ее последствий) в новой перспективе.

Издание предназначено для исследователей и всех интересующихся историей России XX века.

УДК 94(47).084

- © А. В. Резник, составление,
вступ. статья, комментарии, 2016
- © Русская христианская гуманитарная
академия, 2016
- © «Русский Путь», название серии, 1993

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках книгу из серии «Русский Путь», посвященную рецепции личности и деятельности российского политического и государственного деятеля Льва Давидовича Троцкого.

Позволим себе напомнить читателю замысел и историю реализации серии «Русский Путь», более известной широкой публике по подзаголовку «pro et contra». Серия открылась в 1994 году антологией о Н. А. Бердяеве. Последующие книги были посвящены творчеству и судьбам видных деятелей отечественной истории и культуры. Состав каждой из них формировался как сборник исследований и воспоминаний, компактных по объему и емких по содержанию, оценивающих жизнь и творчество этих представителей русской культуры со стороны других известных ее деятелей — сторонников и продолжателей, либо критиков и оппонентов. В результате перед глазами читателя предстали своего рода «малые энциклопедии» о М. Ломоносове, Н. Карамзине, П. Чаадаеве, А. Пушкине, Ф. Тютчеве, Н. Гоголе, В. Белинском, М. Бакуanine, А. Сухово-Кобылине, А. Герцене, М. Лермонтове, М. Салтыкове-Щедрине, Н. Чернышевском, Л. Н. Толстом, К. Леонтьеве, В. Ключевском, Вл. Соловьеве, В. Розанове, А. Чехове, М. Горьком, А. Блоке, П. Флоренском, В. Эрне, Е. Замятине, Н. Гумилеве, А. Ахматовой, Б. Пастернаке, В. Маяковском, М. Зощенко, С. Эйзенштейне, В. Набокове, Н. Заболоцком, Д. Шостаковиче, А. Твардовском, Л. Гумилеве и других персонах.

«Русский Путь» исходно замышлялся как серия книг не только о мыслителях, но и о творцах отечественной культуры и истории. В результате увидели свет антологии о творцах российской политической истории и государственности. Ряд книг посвящен российским царям — Алексею Михайловичу, Петру I, Екатерине II, Павлу I, Александру I, Николаю I, Александру II, Александру III. Готовятся книги о Петре III и Николае II. К ним примыкают антологии о государственных деятелях — М. Кутузове, К. Победоносцеве, П. Столыпине, А. Керенском. Опубликованы сборники, посвященные лидерам стран антигитлеровской коалиции — И. Сталину, У. Черчиллю, Ф. Д. Рузвель-

ту и Ш. де Голлю. К юбилею Революции планируются издания антологий о А. Керенском, Л. Троцком и В. Ленине.

Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Последние могут быть выражены различными терминами — «универсалии культуры», «мифологемы», «формы общественного сознания», «категории духовного опыта», «формы религиозности». В последние годы работа в указанном направлении заметно оживилась. В наших планах публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию важнейших духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Опубликованы антологии, посвященные российской рецепции славянофильства, православия, католицизма, протестантизма. Идет работа над осмыслением отечественной рефлексии ключевых идеологий Нового времени — либерализма, консерватизма, социализма, анархизма и национализма. Антологии, посвященные анархизму и консерватизму, уже опубликованы, а сборник, представляющий историю и современность российского отношения к либерализму, перед Вами.

Обозначенные направления работы могут быть дополнены созданием расширенных (электронных) версий антологий. Поэтапное структурирование этого информационного ресурса может привести к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Очерченная перспектива развития проекта является долгосрочной и требует значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. Поэтому РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что данный проект несет в себе как научно-образовательную ценность, так и жизненно-важный духовный смысл.

А. В. Резник

ВВЕДЕНИЕ

Повествование о Льве Давидовиче Троцком, как и о других личностях большого исторического масштаба, нередко страдает от таких стереотипных характеристик, как: «великий», «героический», «выдающийся», «гениальный», «трагический», «противоречивый». Кажется, сложно рассчитывать на понимание читателя, не использовав эти шаблоны, не ограничив и не «подчинив» предмет разговора устойчивым фигурам речи. Учитывая эти соображения, следует признать, что, в самом общем смысле, эта книга посвящена Троцкому. Но важнее, что это — сборник разных текстов, посвященных образу революционера в культурной памяти России, и вместо главного героя в ней представлено множество действующих лиц российской истории минувшего столетия. Все они «писали жизнь» и Троцкого, и — через создаваемый ими образ Троцкого — свою собственную жизнь. Внешне не всегда сводимые друг к другу, в совокупности их нарративы образуют многослойное пространство культуры.

Одним из важнейших интеллектуальных компонентов этой культуры является биография — древний литературный жанр, с помощью которого объяснялись многие «вечные вопросы». Сам Троцкий, среди революционеров соразмерного исторического значения, безусловно, остается наиболее продуктивным биографом. Широкая популярность и устойчивость жанра, конечно, не равнозначна его совершенству. На примере новейших «толстых» жизнеописаний Троцкого читатель преимущественно имеет дело с событийным повествованием, в котором превалируют идейно-политические и морально-психологические оценки,

не говоря об откровенных нравоучениях¹. Не останавливаясь на всей обширнейшей историографии, посвященной Троцкому, следует констатировать, что биография как область знаний и как жанр часто становится заложницей либо «летописцев», либо «идеологов». Но в контекстуальной взаимосвязи биографические нарративы могут служить пониманию более широких исторических процессов².

Целью введения, как и антологии в целом, является постановка проблемы складывания образов Троцкого в историческом контексте российской культуры XX века; при этом акцент сделан на первую половину столетия, когда были сформированы основные трактовки рассматриваемого феномена. В рамках данного проекта сознательно исключены современные тексты, в том числе академические: вместо создания исчерпывающей «Троцкианы» или «Троцкопедии» намечается карта дальнейших сфокусированных поисков и детальных исследований. Читатель сформирует свой образ Троцкого, каким он был или не был «на самом деле», через ознакомление с чужими представлениями о Троцком, а также обращаясь к комментариям, освещающим фактические стороны.

Взаимосвязь и преемственность образов в исторической ретроспективе тесно связаны с проблемой культурной памяти. К 2017 году, разумеется, не осталось личной, семейной и другой «живой» памяти о Троцком. Речь идет только о социальной, исторической и культурной памяти (об этих понятиях далее). В настоящий момент эта память заполонила собой каналы массовой информации, произвела целую индустрию, для которой прошлое служит символическим, коммерческим, политическим ресурсом³. «Памятные» дискурсы относятся к прошлому, но их практическое применение может использоваться в ответ на вызовы современности. Неписанные правила академической культуры находятся в конфликте с обыденным сознанием. Голос профессиональных исследователей

¹ См. обзор состояния историографии: *Reznik A. V. Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17, N 1. P. 181–191.*

² *Reznik A. V. Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution. P. 190–191; См. также: David-Fox M. The Leader and the System // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 17, N 1. P. 119–129.*

³ См.: *Калинин И. Бой за историю: прошлое как ограниченный ресурс // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 330–339.*

почти не слышен на фоне мифотворческого гула журналистов, политиков и государственной бюрократии, преследующих свои, далекие от научных цели⁴. Риторический прием обращения к истории чаще всего не имеет ничего общего с конвенциональными представлениями о профессиональном историописании. Так, среди прочего, дискурс пристрастного «суда» над историей подминает непредвзятый и беспристрастный анализ⁵. Этот коммуникативный разрыв особенно драматичен накануне столетия центрального события истории XX века — Великой Российской революции 1917 года⁶, острота и продуктивность дебатов о которой явно уступила в популярности оценке эпохи сталинизма и в особенности — государственного террора.

Уникальность случая Троцкого — в ряду крупных деятелей эпохи войн и революций 1914–1922 годов — заключается в устойчиво негативном восприятии его образа. На это указывают сегодняшние опросы общественного мнения или полки книжных магазинов, высказывания первых лиц государства и большинства их политических оппонентов. Негативные оценки Троцкого раздаются с самых верхов российского политического истеблишмента⁷. О том, как и почему это произошло, писали многие, включая и самого Троцкого: достаточно обратиться к его мемуарам, статьям и заявлениям после изгнания из СССР. Не погружаясь в детали, следует констатировать доминирующую

⁴ См.: Касьянов Г., Миллер А. Россия — Украина: как пишется история. Диалоги — лекции — статьи. М.: РГГУ, 2011; Колосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Миллер А. И., Липман М. (ред.) Историческая политика в 21 веке: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М.: Политическая энциклопедия, 2015.

⁵ Об этом можно судить по серии популярных телевизионных ток-шоу «Суд времени» (2010) и «Исторический процесс» (2011–2012).

⁶ Здесь используется конвенциональное название. В контексте жизни и творчества Троцкого довольно примечательно, что свой главный исторический труд он назвал «История русской революции».

⁷ См. статью редактора нескольких изданий Троцкого на русском языке: Бударйтскис И. Кто же стоит за троцкистским заговором? [Электронный ресурс.] URL: <http://openleft.ru/?p=4709>; См. также: Общество Мемориал: Лев Троцкий в историческом и в современном общественно-политическом дискурсах. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xuvi9HUAi8M>.

коммеморативную практику в отношении Троцкого — *негативное* забвение, *вытеснение* из исторической памяти как *чуждого* российской культуре. И это лишь отчасти вызвано естественным, «нормальным» процессом затухания интереса к тем или иным проблемам прошлого — как подсказывает здравый смысл, фигуры вроде Наполеона или события типа Первой русской революции потеряли свою злободневность для общества. Троцкий же остается нашим «современником».

Культурная память как форма коллективной памяти и национальной культуры в целом — это сложносоставной комплекс коммуникативных и дискурсивных практик. Последние сами по себе являются не столько объяснением событий прошлого, сколько объектом жарких дискуссий и специального научного интереса⁸. Важным отличием культурной памяти от индивидуальной, семейной и политической является ее многообразие, постоянное обсуждение, (само) обновление⁹. Это становится очевидным в эпоху информационной открытости и возрастания роли (новых) медиа¹⁰. Культурная память охватывает более широкие процессы, которые не сводимы к (государственной) исторической политике (*historical policy*), навязывающей общеобязательные каноны, и политике памяти (*history politics*) как конкурентному пространству политической борьбы¹¹. Культурная память в то же

⁸ См. главный труд Яна Ассмана: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. С. 58 и др. Книга Алейды Ассман является одной из лучших, хотя и спорной попыткой популярного изложения теоретических проблем исторической памяти.

¹⁰ См.: *Erlil A., Nunning A.* (Eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. Part VI. Media and Cultural Memory.

¹¹ *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Миллер А., Липман М.* (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. С. 7–32. Комментируя понятие «политика памяти», И. М. Савельева справедливо заметила, что «само слово “политика” указывает на то, что речь идет либо об изучении способов идеологизации прошлого, либо о самом процессе идеологизации знания о прошлом. Не случайно во многих сочинениях о “политике памяти” мы обнаруживаем манифесты очередных “движений”, на этот раз “движений за память” (жертв Холокоста, депортаций, Гулага), что уж точно выводит соответствующие тексты за пределы научного, исторического

время, как показывают сравнительные исследования, не может быть до конца автономной ни от политики, ни от идеологий¹².

Образы политиков прошлого становятся инструментами в руках Мы-групп (от литературных кружков до политических партий), мотивированных идеологическими пристрастиями и преследующих политические задачи в самом широком смысле. Традиционно главным ресурсом для такого конструирования образов служат исторические нарративы, среди прочих — свидетельства очевидцев. В случае Троцкого, как можно увидеть на страницах этой книги, мы имеем самые разнообразные источники личного происхождения — и по жанру, и по содержанию. Но для формирования «работающего» образа требуется простой непротиворечивый нарратив, маркирующий «своих» и «чужих» вдоль ясных границ «добра» и «зла». Возможно, в решении этих задач языки политического плаката или кино, учитывая их эмоциональное воздействие, наиболее эффективны, но тексты способны выстроить более устойчивую, долговременную сопричастность самому персонажу либо его врагам и жертвам.

Образ Троцкого был и остается в наибольшем конфликте с двумя большими идеологическими традициями. Первая из них может быть условно обозначена как белоэмигрантская, рожденная в ходе Гражданской войны, а затем проявившаяся в эмиграции, вторая — сталинистская, бывшая орудием и продуктом политической борьбы в СССР в 1920-е годы. Будучи не однородными, со своими внутренними гибридами и мутациями, они, как бы то ни было, стабильны и влиятельны по сей день, нередко оформляясь в виде общественно-политических движений. В этом отношении они все в той или иной мере ангажированные, «партийные». Стержнем этих и других традиций «памяти» являются разнообразные мифы и ритуалы¹³. При этом и «белые» антикоммунисты, и «советские» коммунисты формировали свои представления не только в оппо-

дискурса» (Савельева И. М. Перекрестки памяти // Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2003. С. 409–410.)

¹² О важности идеологии для исследования разных «режимов памяти»: Bernhard M., Kubik J. The Politics and Culture of Memory Regimes: A Comparative Analysis / Twenty years after Communism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 261–296.

¹³ См., например, анализ стратегий памяти на примере Франции времен противостояния голлистов и коммунистов: Nora P. Gaullists and Communists //

зиции «троцкизму» и друг другу, но и другим конкурирующим проектам памяти либералов, социалистов и анархистов (в кавычках и без). Для левых политических движений, по понятным причинам, Троцкий более актуален — как предмет исторических дебатов о революционной тактике, природе СССР и т. д. Но для самых разных людей Троцкий служит воплощением конкретных процессов, требующих объяснения и концептуализации. Первой, хотя и не всегда проговариваемой задачей является ответ на вопрос: что достойно и не достойно памяти — что следует вспоминать, а что подвергнуть забвению.

Трудно преуменьшить роль Троцкого в истории России (и можно бесконечно спорить о его роли во всемирной истории). Несмотря на это, внимание к нему со стороны российских публицистов, мемуаристов, философов и историков, которые по сей день определяют наше восприятие ключевых событий, вряд ли избыточно. Для образованных людей образ революции 1917 года не будет полным без таких фигур, как Александр Керенский, Павел Милюков, Антон Деникин, Борис Савинков, Виктор Чернов или Юлий Мартов. Но эти властители умов, равно как и активно публиковавшиеся меньшевики Григорий Аронсон, Владимир Войтинский, Федор Дан, Иракий Церетели, эсеры Николай Авксентьев, Владимир Зензинов, консерваторы Василий Шульгин, Иван Ильин, Петр Струве, Николай Устрялов и др., не уделили Троцкому сколь бы то ни было значительного внимания. Это лишь отчасти можно объяснить тем, что в российской и советской публицистике приоритет отдавался массам, народам и государствам, а не отдельным личностям¹⁴. Положение дел в «Троцкиане» не изменило и постепенное усиление элементов персонализации политики и складывание «современных» (модерных) культовых образов современности, в явной мере обозначившихся уже в годы Первой мировой войны.

Nora, P., Kritzman L. D. (Eds.) *Realms of Memory: Conflicts and divisions* (Vol. 1). New York: Columbia Univ. Press. 1996.

¹⁴ Так, например, в авторитетном четырехтомнике «Общественное движение в России в начале XX века» Мартов назвал Троцкого «видным деятелем» «откола от меньшевистского литературного штаба» (Общественное движение в России в начале XX века. Том III. Кн. 5. Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. С. 553).

Игнорирование Троцкого со стороны большинства политических вождей и властителей умов — сама по себе актуальная проблема для исследователей исторической памяти. Был ли Троцкий действительно настолько неинтересен и неважен? Существовали ли объективные и субъективные условия для попыток интерпретации? Уместно ли ставить вопрос о наличии постреволюционного травматического эффекта от поражения, изгнания и унижения? Расценивалось ли посвящение Троцкому статьи или главы как нежелательное признание значимости своего врага? По мере изменения статуса Троцкого с «диктатора» на «врага народа», произошедшего после высылки из СССР в 1929 году и обеспечившего раскрепощение Троцкого как публициста и политика, казалось бы, появилось больше информационных поводов: так, новый изгнанник стал объектом пристального внимания европейской прессы (об этом можно судить и по пропагандистской статье Ярославского, опубликованной в наст. антологии). Издание Троцким «Опыта автобиографии» в 1930 году еще больше подогрело интерес к нему. Эмигранты наслаждались свободой слова, но преимущественно отстраненно наблюдали за процессом складывания мифов советской пропаганды о «троцкизме» и одновременного табуирования биографий Троцкого¹⁵. Катастрофа Второй мировой войны привела к фундаментальному сдвигу культурной памяти. Уже представители третьего поколения русской эмиграции, среди которых были такие чуткие наблюдатели, как Георгий Владимов, Виктор Некрасов, Александр Зиновьев, или даже Сергей Довлатов и Иосиф Бродский, не уделяли Троцкому своего внимания. Яркими исключениями служат произведения

¹⁵ Илья Эренбург даже в опубликованных на излете оттепели воспоминаниях был вынужден зашифровать имя Троцкого: «В Вене я жил у видного социал-демократа Х. — я не называю его имени: боюсь, что беглые впечатления зеленого юноши могут показаться освещенными дальнейшими событиями. <...> Х. был со мною ласков и, узнав, что я строчу стихи, по вечерам говорил о поэзии, об искусстве. Это были не мнения, с которыми можно было бы поспорить, а безапелляционные приговоры. <...> Для Х. обожаемые мною поэты были “декадентами”, “порождением политической реакции”. Он говорил об искусстве как о чем-то второстепенном, подсобном» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 1. Кн. 1–3. М.: Текст, 2005. С. 77). Следует согласиться с Б. Я. Фрезинским, крупнейшим публикатором Эренбурга, что утверждения мемуариста о взглядах Троцкого на искусство не справедливы.

Льва Копелева и Александра Солженицына¹⁶. Образ Троцкого, как бы то ни было, пережил все попытки полного забвения и с неизбежностью актуализируется в контексте современных историко-политических процессов.

Говорим ли мы о провалах в формировании культурной памяти о Троцком, или просто о ее постепенном «умиротворении», нельзя игнорировать тот факт, что эта память приобрела парадоксальную «глубину» и «живучесть». Для того чтобы приблизиться к пониманию причин этой долговечности, представляется необходимым рассмотреть то, что можно условно назвать «эффектом Троцкого», состоящего из «внутренних» и «внешних» аспектов восприятия его образа.

Троцкий известен широкой публике во многом благодаря визуальной репрезентации его образа в пропагандистских плакатах, в первую очередь красных и белых сторон Гражданской войны и сталинской пропаганды 1930-х годов¹⁷. Восприятие внешнего вида Троцкого изначально проходило через фильтр идеологических пристрастий, поэтому не удивительно, что, переводя свои впечатления в литературную форму, авторы нередко теряли необходимую объективность. Возможно, наиболее характерный пример — это публикуемая в нашей антологии статья Куприна, использовавшего свои выдающиеся таланты в откровенно пропагандистских целях. Но он не был в этом одинок.

Однако, несмотря на симпатии и антипатии, попытки дать объективный визуальный портрет Троцкого все же имели место. Один из таких портретов принадлежит перу Владимира Лопухина:

«Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие

¹⁶ В случае Солженицына следует говорить о глубокой преемственности с предшествующей эпохой и несомненными амбициями идеолога, к которым поколение Галича или Бродского относилось негативно.

¹⁷ *Wyndham F., King D. Trotsky: A Documentary*. New York: Praeger Publishers, 1972 (рус. изд.: *Кинг Д., Райн Д. Троцкий: биография в фотодокументах*. Екатеринбург: «СВ-96», 2000); *Bonnell E. A. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press. 1998.

скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И — непостижимая странность! Необычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народною фантазиею.

Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальный воротничок рубашки был сильно заношен. Плечи и рукава сюртука засыпаны перхотью с головы.

Штанишки мятые, сильно раздавшиеся у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромкой.

Такова была внешность остановившегося передо мной человека. И не отвечавший этой внешности, раздался приятный мелодичный голос. Слова чистого русского произношения, без малейшего акцента. Поразила неожиданностью и форма обращения:

— С кем имею честь?.. Троцкий. Вы не товарищ министра Нератов?¹⁸

Неподдельное удивление «странному» Троцкому, только что назначенному наркомом иностранных дел и впервые явившемуся в совершенно чуждую ему цитадель ведомственного консерватизма и аристократизма, пронизывает этот внешне нейтральный фрагмент воспоминаний бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. В дальнейшем повествовании Лопухин не возвращался к Троцкому даже для критики его действий, хотя никаких симпатий к большевикам он не испытывал.

Любопытен и другой портрет, данный Троцкому в 1917 году Владимиром Лихтенштадтом. Эсер-максималист, он с 1906 по 1917 год пробыл в заключении Шлиссельбургской крепости. Описание внешности Троцкого — нейтральное и детальное: «... Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, орлиный, скорее ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы... усы и эспаньолка; голос немного резкий и “узкий” (без богатого тембра), но отчетливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом». Но дальнейшая оценка несет отпечаток политических антипатий автора, примыкавшего на тот момент к меньшевикам: «Нужно видеть, как он действует на толпу! Это великолепный

¹⁸ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 313–314.

актер, честолюбец и властолюбец, любитель сильных ощущений, широких жестов, больших пожаров, он будет поджигать, и любоваться, и самолюбоваться»¹⁹. Важно отметить, что Лихтенштадт передал свои впечатления в личном письме возлюбленной. В 1919 году он вступит в РКП (б) и Красную армию, и вскоре, захваченный войсками генерала Юденича под Петроградом, он будет расстрелян как комиссар. Каково было отношение бывшего эсера к Троцкому после написания письма, насколько широким был круг людей, с которыми он делился своими мыслями и впечатлениями, — таковы вопросы, которые следует задавать этому и подобным источникам.

Траектория политического развития Нестора Махно хорошо известна, и он до сих пор остается культовой фигурой среди сторонников политической традиции анархизма (в данной антологии она представлена Всеволодом Волиным). Хотя в случае разгрома «махновщины» Троцкий сыграл роковую роль, Махно в своих эмигрантских воспоминаниях не баловал своего врага чрезмерным вниманием. Самая любопытная характеристика касается событий июля 1918 года, когда Махно приехал в Москву на V Всероссийский съезд Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Тогда он «поспешил отправиться на митинг Л. Троцкого, которым как оратором увлекался не только я за время своего пребывания в Москве, но и многие друзья и противники его. И нужно сказать правду, он этого заслуживал. Его речей нельзя было равнять ни с речами щелкопера Зиновьева, ни с речами Бухарина. Он умел говорить; и им можно было увлекаться. Правда, этому много помогало особо острое в смысле боевизма партии большевиков время»²⁰. В этом же ключе следует рассматривать воспоминания меньшевистского лидера Петра Гарви, написанные не позднее рубежа 1930–1940-х годов. Повествуя о событиях в Женеве в 1903–1904 годы, он признавал ораторский талант своего старого оппонента: «С большой речью выступил Троцкий, обрушившийся на большевиков. Такого блестящего оратора мне не приходилось еще слышать

¹⁹ «К тебе и о тебе мое последнее слово»: письма В. О. Лихтенштадта к М. М. Тушинской / Публ. Н. К. Герасимовой, А. Д. Марголиса // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 20. М.; СПб., 1996. С. 129–165.

²⁰ *Махно Н. И. Воспоминания*. М.: Республика, 1992. С. 173.

ни в подполье, ни в тюрьме. Бросались в глаза боевой задор, отточенность, пожалуй, нарочитая и чрезмерная, формулировок, полемическое искусство: в руках не меч, а шпага»²¹. В этом с ним мог бы согласиться и минский большевик Вацлав Солский, услышавший речь Троцкого в конце 1917 года в Петрограде: «Троцкий говорил с большим подъемом, он был, несомненно, прекрасным оратором, но я помню, что меня несколько отталкивало то, что он был оратором слишком эффектным, т. е. таким, который искал эффектов и умел их находить. <...> У Троцкого паузы и фразы, после которых он ожидал аплодисментов, были рассчитаны»²². Такое же впечатление осталось у Александра Нагловского. «Слугой своего ораторского таланта» окрестил Троцкого его бывший единомышленник Михаил Покровский (см. в наст. антологии).

Непросто судить о том, какие образы Троцкого преобладали в восприятии «простых людей». Жителю Минска Иосифу Голубеву принадлежат, возможно, самые интересные характеристики. 14 и 19 июля 1918 года, находясь в Москве, он оставил следующие записи:

«Как хорошо говорил товарищ Троцкий, я еще нигде не слышал такого оратора, пожалуй, и не придется. Все разъяснил подробно и справедливо, я не заметил, как прошло 3 часа непрерывной речи. <...> Как приятно видеть тов. Троцкого, первого комиссара по военному ведомству и флоту свободной России. Я остался очень доволен, слушая лекции тов. Троцкого. Насколько они приятны для рабочих, бедных крестьян. Пришел к себе в комнату вполне успокоенный, кажется, при таком положении и умереть не страшно за свободу дорогих товарищей <...>. Был на митинге и ораторствовал тов. Троцкий. Говорил прекрасно. <...> Но наши, быдло, а не люди, не дали говорить, да и тов. Троцкому очень мешали говорить, но он все-таки все сказал, что следует»²³.

Разумеется, политические оппоненты Троцкого интерпретировали ораторские таланты иначе. Так, в начале Граждан-

²¹ Цит. по: *Чернявский Г. И.* Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 67.

²² *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Мн.: Тесей, 2004. С. 184.

²³ «Счастье мое...»: *Дневники Иосифа Голубева. 1916–1923 годы.* Мн.: Энциклопедикс, 2002. С. 131.

ской войны Виктор Чернов, комментируя заявление Троцкого на Брест-Литовских мирных переговорах об отказе заключить мир и демобилизации, заявил: «Когда, бывало, еще 1905 г. надо было победоносным видом и трескучими фразами прикрыть полный провал... Он “в сих делах — портной без узелка”: так шьет, что нитка в шву не остается, а насквозь проходит, да с такой грацией и легкостью, что любо-дорого»²⁴. Наблюдается закономерность: чем сильнее антипатия к Троцкому, тем менее авторы были склонны выходить за рамки описания наиболее общего впечатления. Например, Иван Куторга, известный своими комментариями ораторских способностей многих политических деятелей, ограничился в случае Троцкого категорическим суждением:

«Троцкий, которого я слышал уже искушенным посетителем политических собраний, поразил меня тем чудовищным запасом ненависти, которую излучал из себя настоящий демон революции. Уже тогда в нем чувствовалось нечто действительно страшное. Помню, я также был поражен его диалектическими способностями. На крестьянском съезде он выступал среди предельно враждебной ему аудитории. Казалось, большевистский оратор не сможет сказать ни одного слова. И действительно, вначале оборончески и эсеровски настроенные делегаты прерывали Троцкого на каждом слове. Через несколько минут своей находчивостью и страстностью Троцкий победил аудиторию настолько, что заставил себя слушать. А окончив речь, он даже услышал аплодисменты»²⁵.

Семен Либерман, чьи воспоминания включены в настоящую антологию, свидетельствовал о схожем случае переубеждения Троцким враждебного ему большинства.

Историк и экономист Саул Боровой, родившийся в 1903 году в Одессе, хотя, по его собственным словам, видел Троцкого «только два раза и совсем недолго», тем не менее оставил одни из самых любопытных свидетельств:

«На так называемом Куликовом поле он выступал, стоя на броневике, перед частями Одесского гарнизона. Помню его слова: “Пусть знают наши соседи и соседи наших соседей”, что мы не боимся угроз... и далее в таком же духе. Это было примерно в 1924 г. <...>

²⁴ Чернов В. На авось // Дело народа. 1918. 1 (14) февраля.

²⁵ Куторга И. Ораторы и массы. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году // Независимая газета. Фигуры и лица. 2000. № 6 (48).

Через день-два я случайно увидел Троцкого, когда он проезжал в открытой машине. Мне запомнился хищный оскал его лица, толстые губы, а под ними борода. В его лице было что-то злое, жестокое, я бы сказал, “мефистофельское”. Честолюбец, глубоко презирающий всех, на все готовый ради броской фразы, эффектной позы. Таким он мне тогда показался, и таким я его навсегда запомнил.

Это находилось в несоответствии с его фигурой, такой заурядной: коротконогой, с явно выпирающим брюшком. Словом, вид не слишком интеллигентного еврея, если бы не, повторяю, этот запоминающийся хищный оскал.

Это ощущение пришло не позже, когда по его адресу раздавались самые страшные обвинения, а уже тогда, когда еще всюду висели его портреты, когда он еще числился среди “вождей”²⁶.

Зловещий демон-Мефистофель служил стереотипным образом Троцкого практически с первых дней его широкой известности. Так, в 1917 году Зинаида Гиппиус пересказывала слова общественного деятеля Манухина о жене известного меньшевика Николая Суханова, которая, по словам писательницы, «демонскими глазами Троцкого пленилась». Не скрывая своей юдофобии, Гиппиус вспоминала Галину Суханову только в связи с ее «влюбленностью» в «демонские очи Троцкого»²⁷. Михаил Булгаков в романе «Белая гвардия» назвал Троцкого демоном Аггадоном и пытался сохранить этот мотив в пьесе для советских театров. Но еще раньше, в ноябре 1919 года, он писал для газеты «Грозный»: «Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю. <...> придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба»²⁸. Не случайно и в других пропагандистских нарративах Троцкому придаются откровенно сатанинские черты. В романе, изданном в 1924 году, один из «белых» военных лидеров Петр Краснов писал: «В прекрасной, наглухо застегнутой кожаной куртке с отложным воротником, с гордо поднятой головкой в пенсне — Лейба Бронштейн. <...>

²⁶ Боровой С. Воспоминания. М., Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. С. 356.

²⁷ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. С. 337, 363, 379.

²⁸ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Дьяволиада. М.: Голос, 1995. С. 86.

Натянуто сидел Бронштейн, и острый взор из-под пенсне следил за каждым из нас»²⁹. Герой Краснова «вспомнил, как слушал речи Зиновьева и Троцкого, как в образе дьявола представилось ему на красной звезде лицо Троцкого, и понимал, что... правы те, кто верит в силу бесовскую». Автор романа в другом месте развивает этот «бесовской» мотив:

«Как видение, стала перед Федором Михайловичем кроваво-красная звезда, и в ней лицо Троцкого.

Согнулся крючковатый нос, из вьющихся волос проступили маленькие, острые рожки, скривился в презрительно-саркастическую улыбку рот.

Дьявол!.. «Сатана там правит бал!»³⁰.

Борьба с «троцкистской» оппозицией в большевистской партии справедливо называется историками «демонизацией»³¹. Поколение советских детей испытало на себе влияние повести Алексея Толстого «Хлеб», которая была написана в 1937 году (и вошла в собрание сочинений 1947 г.) и рекомендовалась для чтения в средней школе. Описывая — и фальсифицируя — историю переговоров в Брест-Литовске, классик соцреализма нарисовал характерный портрет «предателя» Троцкого: «...с волчьим лбом, татарскими усиками, черной — узким клинышком — бородкой, стоял в щегольской визитке, боком к столу, подняв плечи супрематическим (!) жестом, — похожий на актера, загримированного под дьявола»³². Такой образ должен был вызывать отторжение, особенно среди детей. В то же время Троцкий здесь — это «актер, загримированный под дьявола», то есть отчасти юмористическая фигура позера в «щегольской визитке»³³. Толстой был первым

²⁹ Краснов П. Н. Понять — простить. [Берлин]: Медный всадник, 1924. С. 112.

³⁰ Там же. С. 223.

³¹ См. изучение риторических практик демонизации внутрипартийной оппозиции в большевистской партии: *Halpin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.

³² Толстой А. Хлеб (Оборона Царицына). М.: Гос. изд.-во детск. лит.-ры, 1950. С. 25.

³³ В дни первого Московского процесса литературный критик и пропагандист Н. Изгоев назвал Троцкого «кровавым позером» и «самовлюбленным Нарциссом, всю жизнь примерявшим к себе фарсовые и трагические ходули» (*Изгоев Н. Последнее слово // Известия. 1936. 24 августа*).

крупным писателем, проделавшим путь от неприятия большевизма к олицетворению собой «сменовеховского» движения: вначале стал редактором литературного приложения берлинской газеты «Неделя», а затем вернулся в Советскую Россию в надежде на постепенное «перерождение» советской власти (и это обеспечило стойкую антипатию к Троцкому). Толстой пользовался огромными привилегиями, среди которых был открытый доступ к эмигрантской литературе, поэтому образ «актера» («артиста» у Марка Алданова) мог родиться из того же культурного контекста, в котором актером величали Александра Керенского³⁴. Прямые аналогии между Троцким и Керенским проводят такие разные авторы, как Павел Муратов и Михаил Покровский (см. в наст. антологии). Еще ранее, в 1920 году, Андрей Платонов назвал Троцкого «революционером-артистом» на страницах провинциальной газеты «Красная деревня»³⁵, как и Михаил Нильский в своих воспоминаниях, публикуемых в настоящей антологии. Этих авторов не случайно объединяло схожее восприятие Троцкого.

И демон-мефистофель, и актер-артист скрывают свою сущность и намерения, они играют роли, лицедействуют, выдают себя за других³⁶. Пропагандистский текст Сергея Ауслендера о Троцком, представленный в данном сборнике, начинается с описания

³⁴ Об образе министра-актера Керенского см.: *Колоницкий Б. И.* Керенский как «новый человек» и новый политик: К изучению генеалогии культа личности // Человек и личность в истории России (Конец XIX — XX век): Материалы международного научного colloquiuma. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 262–274. Более подробно этот сюжет рассмотрен в книге Б. И. Колоницкого «“Товарищ Керенский”: Антимонархическая революция и начало формирования культа вождя народа (март-июнь 1917 года)», выход которой предполагается в 2017 г. в издательстве «Новое литературное обозрение».

³⁵ Троцкий, писал Платонов, «революционер-артист, гордый, острый дух революции, страсть восстания и ненависти, воин чести и справедливости — вождь победы» (*Платонов А. П.* Чутье правды. М.: Советская Россия, 1990. С. 69).

³⁶ Абрам Гоц, видный эсер, председатель Комитета спасения Родины и Революции, писал: «Поймите же, господин Троцкий, что вы в своем стремлении копирования Робеспьера, топтать свободу мысли, издеваться над правами гражданина, надругаться над элементарными завоеваниями революции, — не страшны, а только жалки. Вы, г. Троцкий, — не террорист французской революции, а просто российский озорник» (*Гоц А. Р.* Клеветникам // Дело народа. 1917. 3 ноября).

реакции на портрет Троцкого: «Какая-то старуха в теплом, рваном платке долго слезящимися глазами разглядывала сатанинский облик, перекрестилась и заплелась: “Тьфу, тьфу, окаянный, последние антихристовы времена пришли, вместо икон какую-то нечисть показывают...”». Александр Куприн вывел свою «характеристику» Троцкого на основе впечатления от «большого поясного портрета» Троцкого, который он якобы увидел у приятеля в Петрограде. Разумеется, нет ничего удивительного, что разные авторы упоминали визуальные изображения Троцкого.

Один из героев повести Платонова «Сокровенный человек», отвечавший за пропаганду в годы Гражданской войны, «исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления». На одном из плакатов Троцкий был изображен в образе Георгия Победоносца, и это заставило героя, «ревниво следившего за революцией, стыдящегося за каждую ее глупость» испытать удручение: «Один плакат перемалевали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты же на ризе Георгия-Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая, и из-под звезд виднелись опять-таки кресты»³⁷. Скорее всего, Платонов выразил свое отношение к стилистике подлинного плаката, на котором кресты могли виднеться лишь метафорически. Любопытно и то, что герой Платонова рассказывал красноармейцам о «Троцком, которого никогда не видел», потому что он, «не видя удовольствия в жизни, привык украшать ее геройскими рассказами, и всем становилось от того веселей»³⁸.

Полковник Генерального штаба Иван Фокке, участвовавший в качестве военного консультанта в мирных переговорах в Брест-Литовске, вспоминал, что когда ему представили Троцкому, лицо наркома ему уже было «известно по многим фотографиям и портретам». Отметив, что «у себя в кабинете и в присутствии очень немногих лиц, Троцкий держался спокойно, [был] неразговорчив и деловит», Фокке объяснил «спокойствие и выдержку этого комиссара с громкой репутацией “огненного” вождя» тем,

³⁷ Платонов А. Сокровенный человек / Происхождение мастера. М.: Федерация, 1929. С. 111.

³⁸ Там же. С. 123.

что «герой большевизма не только заседал, но и позировал. В его кабинете, за занавеской помещался скульптор (как мне говорили, Гинцбург), спешивший по заказу правительства увековечить Льва Давидовича»³⁹. Хотя Илья Гинцбург действительно участвовал в осуществлении плана монументальной пропаганды, маловероятно, что он работал над скульптурой «огненного вождя». Впрочем, для художника и писателя Юрия Анненкова предложение написать большой портрет народного комиссара военно-морских дел к пятилетию Красной армии послужило основанием для создания одного из самых интересных мемуарных нарративов о Троцком. В настоящей антологии также приводятся воспоминания Михаила Нильского о трагикомическом эпизоде ноябрьской демонстрации 1927 года, когда оппозиционные вожди защищали свои портреты от сторонников «генеральной линии» партии.

В мировой литературе известны мотив и сюжет «ожившего портрета», которые в России впервые концептуально применил Николай Гоголь в повести «Портрет» (1835, 1842). Куприн решил не «оживлять» картину Троцкого (и тем более — не давать ему голоса и субъектности), хотя ранее он использовал этот прием в своих новеллах «Психея», «Безумие» и др.

Наоборот, Владимир Нарбут, воспитанный в той же культуре поэт-акмеист, так начинал свое стихотворение «ЧЕКА» (1920):

Оранжевый на солнце дым
и перестук автомобильный.
Мы дерево опередим:
отпрыгни, граб, в проулок пыльный.
Колочей проволоки низ
лоскут схватил на повороте.
— Ну что, товарищ?
— Не ленись,
спроси о караульной роте.
Проглатывает кабинет,
и — пес, потягиваясь, трется
у кресла кожаного.
Нет:
живой и на портрете Троцкий!⁴⁰

³⁹ Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии // Архив русской революции. Т. 30. Берлин, 1930. С. 65.

⁴⁰ Нарбут В. Стихотворения. М.: Современник, 1990. С. 216.

В несколько иных масштабах, чем Нарбут, работал в пропаганде и Платонов. В антологии приведена его юмористическая газетная заметка 1923 года, ориентированная на крестьян и будущих красноармейцев.

Не менее яркий пример обращения к приему «оживления изображения» представлен в фельетоне Булгакова «Московские сцены», написанного в 1923 году для упомянутого выше литературного приложения газеты «Накануне». Автор описал сцену застолья в квартире, хозяин которой активно приспособлялся к новому режиму: «В столовой он повесил портрет Маркса, а в комнате кузена над великолепным зеркальным желтым шкафом кнопками прикрепил Л. Троцкого. Троцкий был изображен en face, в пенсне, как полагается, и с достаточно благодушной улыбкой на губах. Но лишь хозяин впился четырьмя кнопками в фотографию, мне показалось, что председатель Реввоенсовета нахмурился. Так хмурым он и остался». Во время застолья, иронизировал писатель, хозяин злоупотреблял «советской» риторикой, и после повторного произнесения им слова «вождь», Булгакову тут же «совершенно явственно показалось, что судорога прошла по лицу фотографического Троцкого и губы его расклеились, как будто он что-то хотел сказать. То же самое, вероятно, почудилось и хозяину, потому что он смолк внезапно и быстро перевел речь»⁴¹. Разумеется, все, что было связано с портретом, стремительно теряло актуальность по мере удаления Троцкого с политического Олимпа. Надежда Иоффе вспоминала, что бывшему председателю Реввоенсовета посвящали стихи, в которых звучали и такие строчки: «Опортреченных повсюду бескоронный король» (см. в наст. антологии). Таким образом, важным компонентом культурной памяти о Троцком стала «плакатизация» его образа.

Биографический нарратив изначально испытывал огромное воздействие тогда еще новой науки о психической деятельности (к ней, среди прочих, был неравнодушен и Троцкий, сыгравший свою роль в развитии фрейдизма в СССР). Представляется, что именно его оппоненты неслучайно опирались на дискурс «психологии»⁴². Яркой иллюстрацией предстает известная поэтесса

⁴¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Дьяволиада. М.: Голос, 1995. С. 249–250.

⁴² 29 декабря 1917 г. Н. С. Русанов, авторитетный эсеровский деятель с амбициями теоретика, опубликовал на первой странице центрального органа

Зинаида Гиппиус, одна из самых часто цитируемых свидетельниц революции, чьи дневники пользуются традиционным вниманием читателей. 1 декабря 1917 года Гиппиус писала в своих «Черных тетрадах»: «Игра ведется до такой степени в руку Германии, и так стройно и совершенно, что, по логике, приходится признавать и агентуру Ленина. О Троцком — ни у кого нет сомнений, тут и логика, и психология»⁴³.

Чуждый декадентству, врач Григорий Зив с первых же страниц своих воспоминаний активно оперирует естественнонаучным инструментарием, рассуждая о «психике» и даже «подсознательных» аспектах личности Троцкого. Так, по Зиву, во внутреннем мире Троцкого главенствовали не «познание» и «чувство», а «воля», поэтому, отказывая своему другу в способностях к «чувству», Зив описывает его через категории «властной природы» и «властного характера». Настойчиво используя этот мотив, Зив создал образ циника и прагматика, использующего людей в качестве средств для достижения своих целей⁴⁴.

Схожие мотивы встречаются в пропаганде большевиков. Так, брошюра Георгия Устинова «Трибун революции» (1920), история создания которой до сих пор плохо исследована, содержит небольшой раздел под характерным названием «Нездешняя сила». Там автор доводит свои апологетические гиперболы до предела, и важную роль при этом играют рассуждения о функции личности в безличном процессе: «В Троцком кристаллизовалась вся

Партии социалистов-революционеров статью с говорящим названием «“Их” души». Пронизанная морализмом, статья содержала риторические вопросы: «В самом составе большевистской партии, в психологии ее вожаков, в душе тех, кто наиболее усердно поддерживает новое правительство, есть стороны, от которых стала отвыкать молодая республиканская Россия... Не всякий большевик является деспотом, тираном, фразером, насильником, злобным, мелким человеком... Но почему лагерь большевиков столь изобилует тиранами...» (Русанов Н. С. «Их» души // Дело народа. 1917. 29 декабря).

⁴³ Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. С. 347.

⁴⁴ Любопытно и другое противопоставление: «Марксизм, — бесстрастно анализирующий социальный организм, выясняющий роль социальных групп в нем, социальные силы, движущие этот организм в том или ином направлении, — совершенно чужд всему психическому складу Троцкого, слишком занятого своей собственной личностью и ее именно ролью в истории данного момента».

психика революции, вся совесть, весь гнев, все великодушие, вся гордость, вся моральная сила масс, творящих революцию. И сладость побед, и мучительные страдания поражений. Троцкий — экстракт революции, ее лицо, ее душа. В то время как Ленин — ее кормчий, ее рулевой. Ее разум» (см. в наст. антологии).

Однако ссылки на «психологию» были более распространены в антибольшевистской пропаганде и публицистике. «В темном здании человеческой души есть один совсем темный уголок, где покоятся камни, из которых слагается психология Троцкого <...> в которых гнездится трясинная психология Троцкого», — писал Лев Войтоловский в статье, напечатанной до Октябрьского переворота.

Владимир Сольский, также представленный в данной антологии, выступал одним из ведущих публицистов берлинской эмигрантской газеты правозсеровского направления. Статья Сольского, опубликованная в мае 1919 года, открывалась указанием на собственную пронизательность: «С психологией Троцкого мы познакомились близко. Нам ясна до скуки вся его эстетически оскорбительная фигура. Ходульность, бестактность, холодная напыщенность, рассудочная жестокость, балаганная позировка, лживость, лицемерие, тупое равнодушие к делам совести и чести, наконец, внешнее отношение к великому содержанию нашего времени рисуют во весь его небольшой рост этого залитого кровью фигляра и шута. Его личность не вносит ни одной оригинальной черты в галерею его предшественников. И Плеве был палач, и Муравьев-вешатель был усмиритель. Разница в их фразах, но не в их презренном внутреннем убожестве»⁴⁵.

В другой статье Сольского говорится даже о «пустоте психологии» Троцкого (см. в наст. антологии). Ожесточение Гражданской войны наложило неизгладимый отпечаток на способность к различению особенностей, когда это касалось врагов. Даже в 1930 году, когда Троцкий был изгнан из СССР, ведущий эмигрантский публицист и редактор Марк Вишняк считал необходимым категорично заявить: «Ибо Троцкий прав: большевик — не только политическая категория, но и — особый психологический тип!.. В этом общем типе растворяются индивидуальные черты и Лени-

⁴⁵ Голос России. 1919. 18 (3) мая. Цит. по: Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 214.

на, и Троцкого, и Сталина и других большевиков. Каждый похож на каждого». Экс-большевик Александр Нагловский, ставший невозвращенцем и опубликовавший свои воспоминания в журнале Вишняка, наоборот, видел разницу в «психологии» даже между Троцким и «ленинцами», а ранее Сергей Дмитриевский подкреплял свою апологетику Сталина указаниями на его различия с Троцким в «психологии».

Как бы то ни было, следует констатировать очевидное: «психология» являлась для большинства авторов «служанкой» и оберткой для их — негативного или позитивного — восприятия Троцкого. Не случайно, что Михаил Шварц, автор первой эмигрантской брошюры, целиком посвященной идеям Троцкого, признал в итоге, что «еще не настал, по-видимому, момент для исчерпывающего и окончательного разрешения этой живой психологической загадки, какой является Троцкий». Уместно предположить, что инструментарий психологии как таковой едва ли пригоден в данном случае.

Разумеется, пресловутый «еврейский вопрос» имеет особое звучание в случае с Троцким. Не претендуя на раскрытие всей сложности этой проблематики, следует все же обозначить наиболее важные аспекты. В этом отношении, возможно, один из самых любопытных образов Троцкого, бытовавших в «советской» среде, нарисовал Зиновьев, выступая на заседании Петроградского совета 28 августа 1919 года. «Когда мы прочитали, что в Одессе, когда она была под Скоропадским, еврейские раввины собрались на специальном “соборе”, и там официально перед всем честным миром эти представители богатых евреев отлучали от еврейской синагоги таких евреев, как Троцкий, как я, ваш покорный слуга (*смех, аплодисменты*), и другие, то ни у кого из нас от горя не выросло ни одного седого волоса (*аплод.*). Мы смеялись по поводу этого зрелища...»⁴⁶.

Юлий Айхенвальд, находившейся в противоположном лагере, писал в 1918 году: «...“безбожные” Нахамкесы и Троцкие, эти недавние завсегдатаи всех европейских кафе, вовсе не служат типичными представителями еврейства». По мнению Айхенвальда,

⁴⁶ Зиновьев Г. Памяти тов. Урицкого // Зиновьев Г. Соч. Т. XVI: Основоположники и вожди коммунизма: биографические очерки. М., Пг.: Госиздат, 1924. С. 230.

«большевик интернационален, еврей — националист», а «Троцкий не правило еврейское, а, наоборот — исключение из еврейского правила»⁴⁷. Отказывался признавать еврея в Троцком и Семен Дубнов, чьи краткие заметки опубликованы в нашей антологии.

Нет нужды говорить о том, что Троцкий был (и остается) одной из любимейших мишеней для антисемитов. Василий Шульгин, «культовая» фигура русского национализма, «идейный» антисемит, выражал эти настроения в неприкрытой пропагандистской манере:

«С социализмом надолго покончено в России. Хотя Троцкий еще носится по всем фронтам, ободряя кровавое усердие юдаизированных чрезвычайек, но он прекрасно знает, что его карта также бита. И так как он еврей, т. е. существо, в котором сатанинский ум может уживаться рядом с безнадежной тупостью, то он не выдумал ничего лучшего, как повторить “великий исход”, о котором повествует Библия. Его величество Лейба I во главе преданного ему народа собирается в страну, именуемую Монголией»⁴⁸.

Юдофобские мотивы охватывали не только читателей одиозных газет. Например, блестящий сатирик Аркадий Аверченко, работавший в белогвардейских пропагандистских изданиях, в скетче «Самое справедливое» представил воображению читателей «грандиозный провинциальный зверинец», надпись под одной из клеток которого гласила: «Троцкий из семейства Бронштейновых, гиена-гробокопательница...»⁴⁹. В другой зарисовке Аверченко повествовал, что по Москве ходил «список пьес, которые будут ставить по своему выбору власти в пользу голодающих», и Троцкому посвящалась одна под названием «Царь Иудейский»⁵⁰. Важно

⁴⁷ Айхенвальд Ю. Наша революция: Ее вожди и ведомые. М.: Революция и культура, 1918. С. 20–21.

⁴⁸ Далее Шульгин писал: «Пожелаем же скорого пути избранному из избранного народа и надемся, что пространствовал сорок лет где-нибудь в пустыне Гоби или Шамо, досточтимый Лев Маркович (! — А. Р.) вынесет своему племени новые скрижали со старыми заповедями, гласящими: Вог еврейский так же, как и Вог русский, грозно карает воров, грабителей и убийц, хотя бы они назывались социалистами» (Шульгин В. Годовщина // Киевлянин. 1919. 28 августа).

⁴⁹ Аверченко А. Т. Собр. соч. В 14 т. Т. 11. Салат из булавок. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2015. С. 478.

⁵⁰ Там же. С. 577.

отметить, что при этом не столь важно, был ли сам Аверченко антисемитом, сколько то, что его скетчи встраивались в устойчивый ксенофобский нарратив. В контексте многостороннего конструирования «еврейства» не следует удивляться известному фрагменту воспоминаний некоего З. Ю. Арбатова, опубликованных в 1922 году в многотомном эмигрантском «Архиве русской революции» и, что особенно любопытно, процитированных Троцким в его автобиографии. Арбатов рассказывал о событиях после очередного взятия Екатеринослава силами Красной армии:

«Заехавший к нам повидаться казак, кем-то умышленно уязвленный тем, что ныне служит и идет на бой под командой “жида Троцкого”, горячо и убежденно возразил:

— Ничего подобного! Троцкий не жид... Троцкий боевой!.. Наш!.. Русский!.. А вот Ленин, тот — коммунист... жид, а Троцкий — наш... боевой... русский!.. Наш!»⁵¹.

Александр Боярчиков, чьи воспоминания о Троцком, реальные или ложные, приводятся на страницах этой книги, отнес первые из них к эпизоду о диалоге, состоявшемся в 1917 году между пассажирами конки, в ходе которого студент не согласился с дьяконом, противопоставившего «иудея» Троцкого «русским» и «православным».

В межвоенные годы европейские евреи становились объектами для конструирования самых иррациональных и чудовищных фобий современности. За год до начала Второй мировой войны, откликаясь на рост антисемитизма, философ Николай Бердяев не случайно обратился к образу Троцкого:

«...Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные евреи-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах. Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революции, они составляли существенный элемент в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что и евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью

⁵¹ Арбатов З. Ю. Екатеринослав 1917–22 гг. // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 2. М.: Книга, 1990. С. 113. Широко известно утверждение Керенского, что в дни Октябрьского переворота он увидел на стене лозунг «Дорой жида Керенского, да здравствует Троцкий».

евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии ее развития. В терроре якобинцев евреи ведь не играли никакой роли. Я вспоминаю, что в годы моего пребывания в Советской России, в разгар коммунистической революции еврей — хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мной часто говорил: «Какая несправедливость, вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей»⁵².

Ксенофобия по отношению к Троцкому принимала не только национальное обличие, но и культурное — как к одному из «чуждых» русской традиционной культуре большевику. К примеру, это можно понять из текста лекции, прочитанной Иваном Буниным в Одессе 20 сентября и 3 октября 1920 года. В ней автор «Окаянных дней» эмоционально комментировал одну фразу Троцкого⁵³ следующим образом: «Строки эти принадлежат одному из главнейших представителей “рабоче-крестьянской власти”, царствующей в Кремле, — о, Бог мой, эта власть — какая это стократная нелепость, какой архииздевательский хохот над одурманенной, черту душу продавшей Россией! — строки принадлежат Троцкому и звучат, как видите, очень уверенно. Однако, только в одном прав Троцкий: подлый зверь, слепой, но хитрый и когтистый крот в самом деле недурно рылся под Кремль, благо почва под ним еще рыхлая, — в остальном Троцкий ошибается. Старые владыки Кремля, его законные хозяева, его кровные отцы и дети, строители и держатели русской земли, в гробах перевернулись бы, если бы слышали Троцкого и знали, что сделали над русской землей его сообщники...»⁵⁴. Едва ли будет преувеличением предположить, что мысли Бунина были созвучны многим представителям российской

⁵² Бердяев Н. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства) // Путь. 1938. № 56. С. 18.

⁵³ «Цари и попы — старые владыки московского Кремля — никогда, надо полагать, не предчувствовали, что в его седых стенах соберутся представители самой революционной части современного человечества. Однако, это случилось. В одной из зал дома судебных установлений, где еще бродят унылые тени уголовных статей царского уложения, ныне заседают делегаты Третьего Интернационала. Поистине, крот истории недурно рыл свои ходы под кремлевскими стенами» (Троцкий Л. «Великое время» // Коммунистический интернационал. 1919. № 1. С. 69–70).

⁵⁴ Бунин И. Великий дурман // Южное слово. 1919. 30 ноября; Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 50–51.

интеллигенции, тем более — в эмиграции. Более того, Николай Бердяев поражался, «до чего Троцкий чужд всем умственным и духовным течениям своей эпохи». Представление о несовместимости — культурной, «кровной» — образов Троцкого и России развил в «национал-патриотическом» направлении Сергей Дмитриевский, предтеча современного «патриотического» сталинизма, имеющего широкое распространение в популярной литературе.

Многие принципиальные враги Троцкого были готовы признать его таланты. Возможно, одна из лучших формулировок принадлежит Вишняку: «Предельно отвергая Троцкого, ненавидя и борясь с ним, надлежит все же отдать ему то, что ему принадлежит. Умалая своих врагов, одержавших над ним пусть исторически кратковременную и иллюзорную победу, но все же победу, мы умалаяем не только них, но и самих себя, претерпевших поражение от ничтожества. Морально — за единичными исключениями буквально, большевики стоят друг друга, все одинаково ничтожны. Но интеллектуально — они все-же “разнствуют во славе”, как бы призрачна ни была она»⁵⁵. Но, заимствуя выражения Вишняка, «разнствовали» в своих оценках и те, кто «претерпел поражение».

Кто-то, подобно философу Льву Карсавину, кратко признавали Троцкого «человеком талантливым»⁵⁶. Философ, деятель революции 1917 года, Федор Степун вспоминал «импрессионистически-острого и надменно-умного Троцкого». Даже много лет спустя он воспроизводил по памяти яркий образ ненавистного ему политика: «...умный, горячий и смелый оратор, с криво сидящим на нервных ноздрях пенсне и демонически-петушиной шевелюрой»⁵⁷. Другой философ, Иван Ильин, вряд ли видевший Троцкого вживую, характеризовал его следующим образом: «Троцкий умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач...»⁵⁸. Фокке, военный консультант советской делегации в Брест-Литовске, признавал, что «Троцкий очень тщательно

⁵⁵ Вишняк М. Герои нашего времени // Современные записки. NXLII. 1930. С. 463.

⁵⁶ Карсавин Л. П. Россия и евреи // Версты (Париж). 1928. № 3. С. 67.

⁵⁷ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб: «Алетейя», «Прогресс»-«Литера», 1994. С. 345, 389.

⁵⁸ Ильин продолжил «...думаю, что он — давнишний сотрудник немцев». Цит. по: Соколов В. В. Вожди и герои в пропаганде и общественном мнении Стра-

готовился к заседаниям и работал усидчиво. До поздней ночи в его комнате горел огонь, и туда поминутно призывались отдельные члены делегации и консультанты, с которыми происходила принципиальная разработка затрагиваемых на заседаниях разнообразных вопросов»⁵⁹. В характеристиках Зива соседствовали указанные выше ссылки на аморализм с признанием «природной ловкости, сообразительности и находчивости». Василий Гроссман, человек другого поколения, в своем главном романе упоминал Троцкого как «блестящего, бурного, великолепного» и «почти гениального»⁶⁰.

В контексте ключевого нарратива о жизни Троцкого — его смертельного противостояния со Сталиным — особое место занимает оценка, которую дал Сталин в первую годовщину октябрьского переворота в статье с одноименным названием. Говоря о «роли и значении выдающихся деятелей партии», Сталин констатировал: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому»⁶¹. В одном из своих выступлений в 1919 году скупой на похвалу Лев Каменев, стремясь подчеркнуть «степень напряженности» первых дней большевиков у власти, вспоминал, что однажды Троцкий, «не отходивший от телефона, отдававший распоряжения нашим комиссарам на железных дорогах... побледнел, задохнулся и упал на пол. Когда мы привели его в чувство, оказалось, что этот упадок сил объясняется тем, что он вторые сутки не имел времени ничего перекусить»⁶². Николай Бухарин более Сталина позволял себе подобные дифирамбы в текстах о подготовке Октябрьского восстания: «В центре

ны Советов. 1918–1925. Орел, 2013. С. 223. Соколов дал ссылку на дневник А. А. фон Лампе, хранящийся в ГАРФ.

⁵⁹ Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии // Архив русской революции. Т. 30. Берлин, 1930. С. 138.

⁶⁰ Гроссман В. С. Все течет. Frankfurt/M.: Посев, 1970. С. 185.

⁶¹ Сталин И. Октябрьский переворот // Правда. 1918. 7 ноября.

⁶² Каменев Л. Как произошла организация первого в мире рабоче-крестьянского правительства // Первый народный календарь на 1919 г. Союза коммун Северной области. Пг., 1919. С. 82.

этой мобилизационной работы стоял Петербургский Совет, который демонстративно выбрал своим председателем Троцкого, самого блестящего трибуна пролетарского восстания», «Троцкий, блестящий и мужественный трибун восстания, неутомимый и пламенный проповедник революции»⁶³. Но в том же году, когда вышло переиздание процитированной брошюры, Бухарин сделал свой выбор в пользу политического союза, направленного против «трибуна» революции (см. тексты Каменева, Зиновьева, Молотова и Мартынова в наст. антологии). К тому же пришли многие однопартийцы, писавшие ранее комплементарные и хвалебные тексты: среди них опубликованные в настоящем сборнике тексты Анатолия Луначарского, Демьяна Бедного, Владимира Невского, Карла Радека и Емельяна Ярославского⁶⁴.

⁶³ Бухарин Н. От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923. С. 131, 138.

⁶⁴ Ярославский, незадолго своего превращения в одного из самых грубых «борцов с троцкизмом», успел дать одну из самых хвалебных оценок ранней литературной деятельности Троцкого:

«Блестящая литературно-публицистическая деятельность т. Троцкого составила ему всемирное имя “короля памфлетистов”: так называет его английский писатель Бернард Шоу. Кто следил в течение четверти века за этой деятельностью, тот должен был убедиться, что особенно ярко этот талант памфлетиста и полемиста развился, вырос и расцвел за годы нашей пролетарской революции. Но и на заре этой деятельности уже заметно было, что пред нами глубочайшее дарование: Все газетные статьи его проникнуты были одухотворенностью, все они выделялись образностью, красочностью хотя писать приходилось в цензурных тисках царского самодержавия, уродовавших и смелую мысль и смелую форму всякого, кто хотел вырваться из этих тисков и подняться над уровнем обывательщины. Но так велики были назревшие подпочвенные силы, так сильно чувствовалось биение сердца пробуждавшегося народа, так остры были возникавшие противоречия, что никакие цензоры не смогли заглушить творчество таких ярких индивидуальных личностей, какой была уже в то время фигура Л. Д. Троцкого.

Вероятно, многие видели довольно широко распространенный снимок юноши Троцкого, когда его отправляли в первую ссылку в Сибирь: эта буйная шевелюра, эти характерные губы и высокий лоб. Под этой шевелюрой, под этим высоким лбом, уже тогда кипел бурный поток образов, мыслей, настроений, иногда увлекавших т. Троцкого несколько в сторону от большой исторической дороги, заставлявших его иногда выбирать или слишком далекие обходные пути или наоборот идти неустрашимо напролом там, где нельзя было пройти. Но во всех этих исканиях перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна, с остро, отточенным и гибким, как сталь, языком разящим противников

Порой признание выдающихся способностей Троцкого со стороны самых разных деятелей выражалось в весьма замысловатых формах. Алексей фон Лампе, военный агент барона Врангеля в Венгрии, называл Троцкого не иначе как «поганим жидом» и, вероятно, был несколько удивлен оценкой Троцкого, которую дал ему правитель Венгрии Миклош Хорти во время встречи 23 марта 1921 года: «...если бы вообразить Троцкого, приглашенного в его комнату и получившего задачу сделать путем пропаганды китайского императора королем французов, то тот подсчитал бы на бумаге и потом бы объявил, что это будет стоить 375.000.000 золотом, то он это выполнил бы! Он подчеркнул свою веру в силу пропаганды!»⁶⁵. Несмотря на анекдотичность формы, представляется, что фон Лампе не случайно записал в дневник эти слова, соглашаясь с оценкой «успешного» контрреволюционного деятеля. «Он — сверхчеловек, сверхаферист, сверхпреступник», — писал Сергей Ауслендер в своей пропагандистской брошюре, фрагменты которой включены в настоящую антологию.

Историк Саул Боровой (1903–1989), которого можно назвать живым ровесником века, в своих воспоминаниях представил попытку оценки Троцкого без оглядки на личную антипатию к нему:

«В одно архивное дело была вшита пачка писем Л. Д. Троцкого, написанных в одесской тюрьме и адресованных его невесте — Соколовской. Эти письма не попали по назначению и были задержаны тюремным начальством. Я, может быть, был первым и единствен-

и пером пригоршнями художественных перлов рассыпающим богатство мысли. Пишущему эти строки рассказывал в 1903 г. покойный народоволец Н. Н. Фрейлих, какое глубокое впечатление на него и других народовольцев произвел Троцкий в ссылке одним из своих нелегальных докладов, именно этой красочностью, яркостью, истовостью.

<...>

Свой протест против пессимизма размагниченной русской интеллигенции т. Троцкий обосновал позже. Не словом, а делом обосновал он его, плечом к плечу с революционным пролетариатом великой пролетарской революции. Нужно было много сил для этого. Сибирская деревня не убила в нем эти силы: она лишь больше убедила его в необходимости коренной, до основания, ломки всего этого строя, при котором возможны описанные им факты» (Ярославский Е. Л. Д. Троцкий — Антид Ото: Литературная деятельность Л. Д. Троцкого в Сибирской газете «Восточное Обозрение» в 1900–1902 гг. // Сибирские огни. № 1–2. 1923. С. 113–126.)

⁶⁵ Алексей фон Лампе — военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сб. док. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 30.

ным человеком, который их прочел, — за исключением, понятно, “властей”, которые распорядились задержать письма. В них, наряду с обычными излияниями тоскующего по невесте юноши, многословно говорилось, какое он испытывает удовлетворение, что посвятил жизнь борьбе за высокие идеалы, будет всегда им верен и т. д. Но обо всем этом писалось в выпяченном, ходульном тоне. В них было столько самолюбования, позерства, я бы сказал, дешевой литературщины. Создавалось впечатление, что письма явно рассчитаны стать достоянием не только адресата, но более широкого круга друзей-единомышленников.

Трудно было предположить, что автор этих литературно беспомощных, наивно-провинциальных писаний станет вскоре прославленным, высокого профессионального уровня литератором, замечательным публицистом, блестящим оратором»⁶⁶.

Восприятие Троцкого представителями творческих профессий является еще одной большой темой, ждущей своих исследователей. Известно мнение известного историка литературы Дмитрия Святополка-Мирского, утверждавшего в 1925 году, что Троцкий «немногим более чем воодушевленный и ловкий полемист», стиль которого — «неряшливый, газетный, изуродованный обычным большевистским жаргоном», а язык его можно считать русским только в самом широком смысле слова⁶⁷. Далеко не все современники согласились бы с такой оценкой. Так, Максим Горький в письме Всеволоду Иванову 25 августа 1922 года писал, что Троцкий как публицист «после Герцена — это лучший русский публицист. И вообще, и всячески талантлив, к тому же — благороден. Большой человек, хотя и “не моего романа герой”, ибо в его страстности — на мой взгляд — слишком много чувства мести, и я боюсь, что это чувство несколько искусственно раздуто у него. А все же — красавец»⁶⁸. В публицистике Горького, приведенной в настоящей антологии, можно увидеть эволюцию отношения иконы социалистического реализма к «лучшему русскому пу-

⁶⁶ *Боровой С.* Воспоминания. М., Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. Автор имеет в виду письма, хранящиеся в Государственном архиве Одесском области Украины.

⁶⁷ *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы. Новосибирск, 2005. С. 801.

⁶⁸ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Т. 14. Письма 1922 — май 1924. М.: Наука, 2009. С. 78.

блицисту». Юрий Анненков, напротив, за четыре десятка лет после встречи с Троцким не изменил своего взгляда, окрестив его «интеллигентом в подлинном смысле слова».

Известно, что с 1922 года Троцкий целенаправленно общался с ведущими поэтами, писателями и художниками, а также деятельно способствовал дискуссиям по вопросам литературы и быта⁶⁹. Редким свидетельством того впечатления, которое мог оказать Троцкий на своих собеседников, служит письмо Бориса Пастернака Брюсову 15 августа 1922 года:

«...вызвал меня к себе Троцкий. Он более получаса беседовал со мною о предметах литературных, жалко, что пришлось говорить главным образом мне, хотелось больше его послушать, а надобность в такой декларативности явилась не только от двух-трех его вопросов, о которых — ниже; потребность в таких изъяснениях вытекала прямо из перспектив заграничных, чреватых кривотолками, искажениями истины, разочарованиями в совести уехавшего.

Он спросил меня (ссылаясь на “Сестру” и еще кое-что, ему известное) — отчего я “воздерживаюсь” от откликов на общественные темы. Вообще он меня очаровал и привел в восхищение, надо также сказать, что со своей точки зрения он совершенно прав, задавая мне такие вопросы»⁷⁰.

Восхищенный поэт не скоро изменил свое отношение к Троцкому и выражал его подчас своеобразным образом. В письме Горькому 30 августа 1928 г. он назвал только что приехавшего в СССР писателя «высочайшим авторитетом страны и времени», что было «редкостью со времени Вашего отъезда и смерти Ленина и несчастий с Троцким»⁷¹. На тот момент Троцкий уже был подвергнут остракизму, исключен из партии и выслан в Алма-Ату.

В то же время нельзя утверждать, что образ Троцкого был широко распространен в литературных произведениях: скорее наоборот, он отсутствует, примерно в той же степени, что и образ

⁶⁹ См.: Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

⁷⁰ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. VII. Письма 1905–1926. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. С. 398.

⁷¹ Там же. С. 221–221.

Ленина до начала строительства посмертного культа. Составить полную «Троцкиану» в этом отношении — большая и сложная исследовательская задача. Подчас непросто обнаружить первые варианты произведений даже известных произведений, хотя это возможно, о чем свидетельствуют тексты Булгакова и Зощенко, приведенные в настоящей антологии. Учитывая широкую известность Троцкого, приобретающую в глазах многих современников преувеличенные масштабы, в определенном диссонансе могут прозвучать строчки из поэмы Владимира Маяковского «150.000.000» 1921 года: «Не Троцкому / не Ленину стих умиленный / В бою / славлю миллионы / вижу миллионы / миллионы пою...»⁷². Такой взгляд был вполне естественным и распространенным даже среди правоверных сторонников советской власти. Валерий Брюсов в стихотворении «Прибой поколений» (1923) помещает Троцкого в контекст хтонических символов: «Что ж я в море, где зыбь — Троцкий, тина — Деникин / Я, где явь, нет, не мы, ты — Земля, шар-колосс!»⁷³. В 1924 году еще никто не мог удивляться, когда поэт-футурист Давид Бурлюк, подобно Маяковскому, упоминает Троцкого в тесной связке с Лениным: «Сподвижники Ленина: Троцкий / Красноармии бодрости лев, / Кто волю военным по-братски / Святыней хранить повелел»⁷⁴. На рубеже 1923–1924 годов, в результате масштабной политической кампании против Троцкого, «Красноармии бодрости лев» будет вынужден подать в отставку со всех военных постов. Но еще в 1926 году Всеволод Иванов мог опубликовать вполне рядовой рассказ об участнике Гражданской войны, вспоминая: «...как на Урале, на хозяйственном фронте дивизия заготавливала дрова. Должен был приехать Троцкий. Красноармейцы десять верст, прямо через снега, шли к рельсам для того, чтобы прокричать мчащемуся мимо поезду “ура”...»⁷⁵. Надо ли говорить, что подобные свидетельства вскоре станут невозможными ни для художественной литературы, ни для публицистики: начиная с 1931 года сталинское обвинение в «троцкистской контрабанде» станет одним из самых тяжких.

⁷² *Маяковский В.* 150.000.000. М.: Госиздат, 1921. С. 55.

⁷³ *Брюсов В. Меа:* Собрание стихов 1922–1924 года. М.: Госиздат. С. 28.

⁷⁴ *Бурлюк Д., Бурлюк Н. Д.* Стихотворения. М.: Гуманитарный проект, 2002. С. 415.

⁷⁵ *Иванов Вс.* На покой // *Иванов Вс.* Тайное тайных. М.: Наука, 1927. С. 202.

Авторские нарративы о Троцком нечасто содержали осмысление воспоминаний, отстранение или самокритику. Николай Суханов, автор одной из самых известных «больших историй» революции 1917 года, честно признавал, что его «записки — плод не размышлений и еще меньше *изучения*: они плод *памяти*. <...> Пусть это не история, и не публицистика, и не беллетристика; пусть это и то, и другое, и третье, в беспорядочной череде, в случайных и уродливых пропорциях. Пусть!»⁷⁶. Примерно в то же время Дмитрий Сверчков в предисловии ко второму изданию своих воспоминаний сожалел, что «...все же многие ценнейшие факты... остаются неизвестными до сих пор и хранятся, может быть, только в памяти его непосредственных участников»⁷⁷. Оба автора, фрагменты воспоминаний которых опубликованы в данной антологии, выражали скепсис относительно объективности фактов, их зависимости от особенностей индивидуальной памяти, что было свойственно интеллектуальной культуре эпохи позитивизма. Воспоминания Федора Степуна и марксистов Суханова и Сверčkова различаются не только политическими оценками — философ-идеалист Степун не сдерживает эмоций: «Вспоминая свои частые заезды в Смольный, я до сих пор чувствую жар у лица и помутнение взора от едкого смрада кругом. Воля, чувство и мысли массовой души находились здесь в раскаленном состоянии. С подиума эстрады точно и злобно, словно удары молота на наковальню, падали упрощенные формулы и страстные призывы вождей международного пролетариата. Особенно блестящ, надменен и горяч был в те дни Троцкий, особенно отвратителен, нагл и пошл — Зиновьев. Первому хотелось пустить пулю в лоб, второго — растереть сапогом»⁷⁸. Можно с уверенностью предположить, что такой подход был свойственен многим творцам общественного мнения. Так, например, 3 августа 1936 года Петр Бицилли в письме редактору «Современных записок» Вадиму Рудневу писал: «Вы как будто колеблетесь, стоит ли в дальнейшем помещать *воспоминания Н. Н.* По-моему, они исключительно интересны; на меня, по крайней мере, произвели сильнейшее впечатление. Ленин и Троцкий там

⁷⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 44–45.

⁷⁷ Сверчков Д. На заре революции. 4-е изд. Л.: Госиздат, 1926. С. 11.

⁷⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 444.

как живые встают передо мною, хотя и никогда их не видал: верный признак правдивости изображения»⁷⁹. Бицилли имел в виду записанные Романом Гулем воспоминания Александра Нагловского, ценные, но далекие от правдивости.

Наоборот, Семен Либерман счел необходимым во введении к своим воспоминаниям сослаться на актуальные исследования в лице Сиднея Хука⁸⁰, чтобы подчеркнуть, что «в современной исторической и мемуарной литературе почти нет таких биографических или портретных описаний Ленина или других советских лидеров, которые не были бы, главным образом, данью междупартийным спорам, вместо того чтобы давать правдивый отчет о впечатлениях автора от его встреч или сотрудничества с этими лицами». Либерман «не хотел бы заслужить упрек в недостаточной скромности», но позволил «себе надеяться, что настоящая книга поможет — хотя бы в минимальной доле — восполнению этого пробела в области прямого и беспристрастного свидетельства»⁸¹. Не следует удивляться, что метод «беспристрастности» в случае Либермана наложил отпечаток сухости на созданный им образ Троцкого.

Лев Копелев лично не видел Троцкого, но все же блестящим образом воспроизвел его образ, не в последнюю очередь благодаря своей надежде на «целительные силы памяти, освобожденной от недобрых пристрастий идеологических, сословных, этнических». Копелев хотел «верить, что память людей и народов можно очистить от лжи всех кумирен, от жестоких предрассудков, от инстинктов мести безрассудного эгоизма — личного и сверхличного: партийного, церковного, националистического... И тогда наши дети и внуки постепенно обретут пока еще редкую способность извлекать уроки из прошлого»⁸². Вопреки господствующим тенденциям в непрекращающихся «войнах памяти» хотелось бы завершить введение на этой ноте здорового идеализма и гуманистического

⁷⁹ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 583.

⁸⁰ Hook S. The Hero in History: A Study in Limitation and Possibility. New York: The John Day Company, 1943.

⁸¹ Либерман С. И. Дела и люди (На советской стройке). New York: New Democracy Books, 1944. С. 3.

⁸² Копелев Л. И сотворил себе кумира. Харьков: Права людини, 2010. С. 341–342.

пафоса. Сам Копелев, подобно другим тонким наблюдателям, не стремился создать цельный нарратив о Троцком, но его подход может послужить вдохновением для новых авторов, способных отказаться от готовых клише и шаблонов и взглянуть на историю свежим взглядом. Логичным продолжением данного издания могла бы стать антология, охватывающая тексты о Троцком за период смены эпох — политических и культурных, — длящийся с конца 1980-х годов по настоящий день в большой степени как «проработка прошлого».

Составителю настоящей антологии оказали неоценимую помощь Г. Ю. Альберт, А. В. Ганин, А. В. Гусев, Ю. В. Гусева, Н. А. Заяц, Ф. Корни, И. В. Кукулин, Е. Михайлик, Т. Н. Ракон, К. А. Тарасов и Ю. Т. Туточкин. Отдельная благодарность Е. А. Жданковой и Б. И. Колоницкому.

I

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Л. ПАРВУС

По тюрьмам во времена революции

<Фрагмент>

<...>¹

В это время я заметил в углу тов. Троцкого, который стоял, нагнувшись над каким-то узлом. Я поспешил к нему и схватил его за руку. «Троцкий?» Мы обнялись и поцеловались.

Он заметно поправился в тюрьме. После столь прекрасных, но и столь утомительных ноябрьских дней — днем в редакции, в бесчисленных заседаниях Совета Рабочих Депутатов, продолжавшихся до 3 часов ночи и позже; по воскресеньям — на агитационных митингах на заводах и под открытым небом — после всей этой кипучей деятельности, требовавшей страшного напряжения нервов, он в тюрьме отдохнул. На лице снова появилась краска. Однако этот синевато-красный оттенок мне не совсем понравился. В нем было что-то лихорадочное, свидетельствующее о слишком возбужденных нервах.

У нас много было что рассказать друг другу. Я рассказывал о декабрьской борьбе, он — о замечательном заседании Совета рабочих депутатов 2 декабря. За оживленной беседой — сначала в тюремной конторе, а затем на пути в крепость, куда нас повезли в одном экипаже, — мы перестали обращать внимание на все, что происходило вокруг нас. Мы обозревали нашу деятельность в «Начале» и в «Русской газете», вспоминали политические планы, которые мы вместе продумали, и подводили итог им. Неужели это был конец? Нет, ни в коем случае. Революция находилась еще в полном ходу. Конституционалистам-демократам

не удастся остановить ее — в этом были мы уверены. Если они вздумают предаться правительству, что неминуемо связано с изменой демократии, то они потеряют поддержку народа, настроение которого достаточно определенно выразилось на выборах. Они, таким образом, поработали бы для нас и в конце концов должны были бы уступить народному возмущению. Если же они вступят в резкую оппозицию к правительству, то они таким образом превратят Государственную думу в центр революционной агитации — за этим неминуемо последует разрыв с правительством и, как дальнейшее следствие, — революционное народное восстание.

Троцкий полагал, что первая Государственная дума просуществует лишь очень короткое время; быть может, ее разгонят в первый же день, как она соберется, или же не дадут ей собраться совсем. Мне казалось более вероятным, что правительство сделает сначала попытку сойтись с Государственной думой. Нам предстояло бы, таким образом, пережить еще одну либеральную эру, во время которой революционные народные массы должны будут пройти известную политическую школу и организовать себя. И в этом случае неминуемо должен будет наступить разрыв с правительством и в конечном результате также революционное народное восстание. Однако я допускал также возможность немедленного разгона Государственной думы.

Ни правительство, ни Государственная дума не были в состоянии разрешить те великие социальные проблемы, которые поставила на очередь революция. В этом заключалась главная сторона вопроса при всех случаях. Революция повелительно шла своим чередом, и ничто не могло больше задержать ее. Она могла бы кончиться лишь тем, что из сил, которые она привела в движение, выработалась бы одна господствующая, которая определила бы дальнейшее направление исторического процесса. Но для этого требовалось еще много времени.

Если нас не освободит политическая амнистия, то это сделает революционный народ. Чем позже мы выйдем из крепости, тем больше будет триумф, с которым это совершится.

— Троцкий, когда мы выйдем на свободу, мы должны встретиться в тот же вечер, и на следующий день должна уже выйти рабочая газета. Мы останемся работать вместе.

— Ничего другого я так сильно не желаю.

Мы приближались к крепости. Уже видны стали большие ворота, ведущие в нее. С своей стороны, справа, я прочел большими буквами число 47.

- Троцкий, адрес 47, что вы видите с своей стороны?
- Семнадцать.

Итак 1747. Это был год постройки крепостных стен. Крепости, следовательно, уже более полутораста лет. Сколько подавленных страданий скрыла она в своих стенах?

Мы проехали вторые ворота. После этого путь наш довольно долго шел по широкому шоссе, окруженному с обеих сторон тенистыми аллеями из деревьев. Затем мы проехали по боковым путям мимо казарм, сараев и других строений. Крепость раскрывалась перед нами в таких размерах и таком разнообразии, что она показалась нам целым городком. Наконец экипаж наш остановился перед железными решетчатыми воротами. За воротами виднелось низкое двухэтажное здание. Перед ним на скамейке сидело несколько жандармов. Это была наша тюрьма.

Первым отвели Троцкого. Мы нежно попрощались и крепко пожали друг другу руки. «До свидания!» Сердце у меня сжалось. Мне казалось, что с этим прощанием обрывается последняя нить, связывавшая каждого из нас с внешним миром. Нечто подобное должен испытывать человек, начинающей долгое морское путешествие. Последнее пожатие руки... еще чувствуешь его в своей руке, а огромное чудовище уже задвигалось, водная громада все больше и больше отделяет тебя от родных и друзей, они у тебя еще перед глазами, но они уже для тебя недостижимы, их голоса замирают, и вскоре морская ширь оторвет тебя от мира, которому ты принадлежишь всем своим существом.

<...>

Г. А. ЗИВ

**Троцкий. Характеристика
(по личным воспоминаниям)**

Предисловие

История предлагаемой брошюры такова: во время последнего пребывания своего в Нью-Йорке Л. Г. Дейч¹ печатал в еврейском журнале «Цукунфт»² серию статей под названием: «Евреи в русской революции». Когда я встретился с ним в Петрограде в 1917 году, он сообщил мне, что собирается присоединить к своей серии еще статью о Троцком, и предложил мне, — как лицу, хорошо знавшему Троцкого с 1896 года, с первых шагов его политической деятельности и почти не прекращавшему связей с ним в течение около 20 лет, — написать для него все, что я помню о Троцком из личных соприкосновений с ним. Мои встречи с Троцким и встречи Дейча с ним охватывают разные промежутки времени, и наши воспоминания должны были бы, таким образом, дополнять друг друга, и вместе покрывали бы почти весь период его политической активности. Я принял предложение Дейча, уехал к себе на юг и немедленно принялся за работу, намереваясь через короткое время выполнить обещание и послать первые главы моих воспоминаний.

Но наступили октябрьские дни 1917 года, железнодорожное движение прекратилось, и я обещания выполнить не мог. Работы я, однако, не прекратил.

Тем временем, по мере укрепления власти большевиков, надежда на то, что мне удастся снестись с Дейчем и он сможет использовать мой материал, становилась все более проблематичной, пока совсем не испарилась. Я решил издать свои заметки самостоятельно. Для этого мне пришлось несколько изменить план, заполнив неизбежные пробелы некоторыми фактами, хотя достоверно известными

мне, но не из личных воспоминаний. Таким образом были написаны первые одиннадцать глав. Одесса, где я в то время жил, скоро была захвачена большевиками, и о том, чтобы издать воспоминания в России, не могло быть и речи. Решив, по возвращении в Нью-Йорк, издать их здесь, я прибавил двенадцатую главу, касающуюся деятельности Троцкого по приезду в Россию в 1917 году. В этой главе я отнюдь не претендую дать полную картину деятельности Троцкого с тех пор, как он приехал в Россию и стал у власти (эта одна глава должна была бы составить почтенный том. Для этого у меня сейчас нет под рукой материала, и это совсем не входит в планы предлагаемой брошюры). Цель этой главы лишь, при помощи нескольких фактов, закончить характеристику Троцкого.

Обо всем этом я счел нужным заранее сообщить читателю, чтобы предупредить неосновательные ожидания и отклонить возможные упреки в неполноте.

Нью-Йорк, 25 апреля 1921 г.

Первая глава

Первое знакомство с Левой Бронштейном

«Салон Франца» в Николаеве в 1896 году. — Первые встречи с реалистом Бронштейном. — Бронштейн в семье, в школе и среди друзей в революционном кружке. — Его «народничество» и борьба с марксизмом. — Неумолимая «логика» и роковая брошюра Шопенгауэра

С Л. Бронштейном я познакомился зимой 1896-го года. Я был тогда студентом киевского университета и приехал в Николаев на Рождественские каникулы.

В Николаеве жил тогда популярный среди радикально-социалистической молодежи Франц Швиговский, чех по национальности, садовник по профессии. Он снимал в аренду сад, при котором был жалкий полуразвалившийся домишко. В нем уютился Франц (как все его звали по имени) со своим младшим братом, учеником реального училища.

Франц принадлежал к разряду тех радушных людей, к которым при первой встрече уже невольно питаешь глубокую симпатию и чувствуешь себя с ним так, как будто знаком и дружен с ним очень, очень давно.

Эта черты характера и радикальный образ мыслей Франца, естественно, привлекали к нему ту часть молодежи, которая

не могла довольствоваться картами, попойками и другими подобными занятиями, единственно встречавшими одобрение царской полиции, зорко следившей за поведением молодого поколения.

Немудрено, что, при таких условиях, домик при саде Франца сделался сборным пунктом для этой молодежи, принял характер незатейливого «салона», куда, как мотыльки на огонь, собиралась радикально-социалистическая молодежь, которая, за отсутствием общественного дела, тем более охотно любила поболтать на общественные темы и вела нескончаемые горячие споры о том, возможен ли в России капитализм, суждено ли ей (России) в своем развитии пойти по пути Западной Европы, или ей уготованы особые пути, минуя злокозненный капитализм.

Сторонники первого взгляда называли себя «марксистами» и составляли то ядро, из которого впоследствии развилась социал-демократическая партия; сторонники второго взгляда называли себя «народниками» и образовали впоследствии партию социалистов-революционеров.

Собрания эти носили самый невинный характер. В них не было ничего планомерного, преднамеренного или клонящегося к «ниспровержению». Ходили туда, как в клуб, где все чувствовали себя хорошо, уютно и непринужденно. Времяпрепровождение далеко не ограничивалось одними спорами на указанные серьезные темы; там веселились, дурачились, встречали Новый год и т. п.

В городе сад Франца, благодаря этим таинственным собраниям, пользовался страшной репутацией; его считали центром всяких ужаснейших политических заговоров.

Жандармское управление, в своей прозорливости не далеко ушедшее от среднего обывателя, тоже очень косо посматривало на этот сад и зорко за ним следило.

Брат Франца кончал реальное училище, и к нему ходил его товарищ по училищу, 18-летний юноша, уже тогда обращавший на себя внимание всех посещавших Франца своими выдающимися способностями и талантливостью. Этот юноша был Лева Бронштейн.

Когда я был введен в «салон» Франца, я только что прочел недавно вышедшую книгу Бельтова* «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» и решил, что я марксист.

* Бельтов — псевдоним Г. В. Плеханова.

Александра Соколовская³, впоследствии жена Бронштейна-Троцкого, узнав, что я марксист, чрезвычайно обрадовалась, неожиданно нашедши союзника. До этого она была единственной марксисткой во всем саду, и ей на себе приходилось выносить всю тяжесть нападений со стороны всех завсегдатаев сада, начиная с самого Франца, самого старшего из всех нас (ему было лет 28–30) и кончая самым молодым — Бронштейном. Все они причисляли себя к народникам и рьяно накидывались на Соколовскую как на марксистку.

Положение Соколовской было тем более трудное, что в этих словесных схватках ей приходилось опираться почти исключительно на весьма скудную нелегальную литературу, которую было очень трудно доставать; иногда приходилось пользоваться рукописными, подчас безграмотными списками. Из легальных книг — книга П. Струве* «Критические заметки об экономическом развитии России» и вышеупомянутая книга Бельтова только что появились.

Противники же Соколовской имели к своим услугам обильную и солидную легальную литературу: Николая-она, В. В., Кареева, Михайловского⁴ и т. д. Самым смелым и решительным спорщиком был Лева Бронштейн. Заранее предвидя победу, он обдавал противника своим безжалостным сарказмом.

Ему казалось, что его устами говорить сама непреоборимая и неумолимая логика. Интонацией и всей манерой спора он как бы говорил упрямо противнику о бесполезности борьбы против неотразимой силы железных силлогизмов.

Не надо забывать, что ему тогда было всего 18 лет, и, живя в провинциальном городе и будучи учеником реального училища, он физически не имел возможности приобрести много знаний, особенно в области социальных вопросов. В действительности он имел знаний гораздо меньше, чем можно было бы предполагать, принимая во внимание его исключительные дарования, и гораздо меньше, чем очень многие из посетителей «салона» Франца, которых он с таким успехом сражал. Усидчивые кропотливые занятия для приобретения солидных знаний и обогащения своего умственного багажа, по-видимому, мало привлекали его. Он принимал самое

* Один из основателей росс. соц. демокр. партии в 1898-м году, затем отошел от социалистов, сделался членом партии к.-д., а в последнее время был членом правительства Врангеля.

горячее участие во всех спорах в «салоне» Франца, фактически не прочитав решительно ни одной книги, как народников, к которым он себя причислял, так и марксистов, против которых он с таким остервенением боролся.

Но, обладая блестящей памятью, он умел на лету схватывать доводы сторонников и противников, быстро ассимилировать нужное ему и тут же преподносить слушателям продукт своей талантливой импровизации, заполняя пробелы прочным цементом непобедимой «логики».

В реальном училище он, разумеется, занимал первое место. Но не потому, что он больше других занимался или обнаруживал особенную любовь к преподаваемым там наукам, а потому, что, при своих способностях, он мог усвоить преподаваемую в училище премудрость, почти не занимаясь. При этом не видно было, чтобы он питал особый интерес к наукам, преподававшимся в училище. Несмотря на свои экстраординарные дарования, он никогда не проявлял склонности сколько-нибудь расширить свои знания в какой-нибудь из наук, в которых он делал такие хорошие успехи в училище. Принимая во внимание его независимый характер, на первый взгляд трудно даже понять, почему он продолжал посещать училище. Будучи отдан в училище отцом, когда он был еще маленьким мальчиком, он, надо полагать, продолжал посещать его по инерции, а позже потому, что, до поры до времени, училище все-таки представляло единственное поле, где он мог проявлять свое превосходство над другими. А это ему и тогда уже нужно было, как рыбе вода. Если бы возможность захватывающей революционной деятельности с открываемой ею более широкой сферой морального господства подвернулась за год или даже за полгода до окончания училища, не может быть сомнения, что он, не задумываясь, бросил бы училище, не дожидаясь получения аттестата.

Из наук, преподававшихся в училище, одна, казалось, интересовала его больше других. Это была математика, возможно, опять потому, что математика, во многих отношениях близка столь любимой им «логике». При ее помощи, как и при помощи «логики», можно, не тратя времени на кропотливое и скучное приобретение реальных знаний, силою собственного ума, посредством подчас сложных выкладок и искусных комбинаций величин (или понятий) прийти к нужной истине и убедить в ней других. Впрочем,

и в области любимой логики он не прочел ничего сверх того, что полагалось по школьной программе, если не считать «Эристики» (искусство спорить) Шопенгауэра, которая как-то попала в его руки.

Это — маленькая брошюрка, состоящая из 20 или 30 кратких положений, параграфов, в которых преподаны правила, как побеждать противника в споре, независимо от того, действительно ли вы правы или нет. Шопенгауэр предупреждает читателя не забывать, что его «эристика» это не искусство доказывать истину, а искусство одерживать верх в спорах, хотя бы в ущерб истине. Шопенгауэр не преподает правила, которым надо следовать при ведении спора, а скорее разоблачает приемы, — более или менее грубые или более или менее тонкие, — к которым прибегают спорщики с целью победить в споре. В конце каждого такого параграфа, разоблачающего один из приемов спора, Шопенгауэр дает совет, как данный прием парировать. Можно себе представить, как Бронштейн обрадовался этой маленькой, но оттого отнюдь не менее ценной брошюрке. В ней он нашел прямо откровение. Ведь это была та «логика», которой он до этого так гордился. На немногих страницах его любимый метод получил свое «научное» обоснование и твердую формулировку. Искусство побеждать всякой ценой! Какие тома самых научных сочинений могут заменить эти несколько страничек?

Получив аттестат об окончании реального училища, он считал свое формальное образование совершенно законченным. Естественные в молодом человеке колебания по окончании средне-учебного заведения, сомнения, какой выбрать дальнейший путь, как строить будущую жизнь и т. п., — были совершенно чужды бурно-активному Леве Бронштейну. Обладая нужным запасом природной «логики», он считал себя совершенно подготовленным к жизни, к тому, чтобы выявить свое «я» на широкой арене общественной деятельности, в процессе выработки новых форм жизни для всего человечества.

Психологи обыкновенно разлагают всю многообразную человеческую психику на три элемента: познание, чувство и волю.

Познание, как мы видели, у Бронштейна сводилось, главным образом, к тому, что он схватывал из нескончаемых споров, и к «логике». Что касается чувства, то, хотя я был с ним в очень близких отношениях, я не могу припомнить никаких фактов, ко-

торые указывали бы на то, что у Бронштейна были какие-нибудь склонности в какой-нибудь области изящных искусств, любовь к театру, художеству, музыке и т. п. Изящную литературу, он, конечно, читал. Обладая блестящей памятью, он любил иногда цитировать наизусть некоторым стихотворения Некрасова, но особенно он увлекался одно время Козьмою Прутковым, любил пользоваться его «философскими» сентенциями и с наслаждением цитировал наизусть длиннейшие отрывки из его стихотворений. Если у него был любимый писатель из прозаиков, то это, пожалуй, был Щедрин, сарказм которого был, по-видимому, очень близок его сердцу. В разговорах он очень часто любил прибегать к оборотам и формам, заимствованным из того или иного сочинения Щедрина.

Но действительная индивидуальность Бронштейна не в познании и не в чувстве, а в воле. Бронштейн как индивидуальность весь в активности. Активно проявлять свою волю, возвышаться над всеми, быть всюду и всегда первым — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками.

Так как, по обстоятельствам времени, активность его могла сводиться и действительно сводилась исключительно к революционной деятельности, то весьма естественно, что в ней и воплотилась вся его индивидуальность. Революция и его активное «я» совпадали. Все, что было вне революции, было вне его «я» и потому не интересовало его, не существовало для него.

Рабочие его интересовали как необходимые объекты его активности, его революционной деятельности; товарищи его интересовали как средства, при содействии которых он проявлял свою революционную активность; он любил рабочих, любил своих товарищей по организации, потому что он любил в них самого себя.

Лев Бронштейн был сыном богатого еврейского землевладельца. Отец его, конечно, не мог не видеть, что сын обладает выдающимися способностями и, как отец, не мог не желать, чтобы сын пошел далеко, и, конечно, не пожалел бы для этого средств, но Лева чуждался своих родителей, хотя учился, кажется, на их средства; они же, если не ошибаюсь, платили за его содержание в семье, где он жил (родители жили в своем имении, вне города); во всяком случае, он жил так, что не видно было, чтобы он когда-нибудь нуждался. Родители были для него такими же чужими, как мил-

лионы других «буржуа» и не-революционеров. Но это не значило, что нельзя было пользоваться их средствами. «Для дела» все источники хороши, родители так же хороши, как всякие другие «буржуа». Впоследствии, когда он был совсем самостоятельным, его дочери (от первой жены, Соколовской) большей частью годами жили у его родителей, на счет которых они содержались, или у друзей. Это освобождало его от стеснительных семейных уз и позволяло ему свободно разъезжать и заниматься «делом».

Родителей очень огорчало это его отчуждение и то, что он не позволял им обставлять его жизнь такими удобствами, как им хотелось бы. Встречаясь с Бронштейном очень часто, я всего несколько раз имел случай видеть его отца, приехавшего из имения посмотреть, как живет его блудный сын. Я не помню, имел ли я случай видеть его мать. Я знал, что у него есть брат или братья и сестры, но только одну из них, младшую, Ольгу Давидовну⁵, я видел несколько раз. Бронштейн указывал мне на нее как на подающую надежды*. Об остальных братьях и сестрах, как и о родителях, он не любил говорить. Ему прямо непонятно было, как это революционер, хотя бы в отдаленнейшей степени, мог интересоваться или считаться с интересами родителей, родственников и друзей. В проявлении самой малейшей слабости в этом отношении он уже видел измену революции.

Александра Соколовская как-то получила сообщение из Петербурга об аресте подруги ее, с которой она состояла в интимной дружбе. В течение некоторого времени Соколовская была явно удручена этим обстоятельством. Бронштейн в беседе со мной неоднократно выражал крайнее удивление по поводу такой непонятной сентиментальности. Он мне прямо сказал, что, при всем расположении ко мне, он не испытывал бы никакого чувства огорчения, если бы я был арестован; а в это время он, действительно, был очень дружен со мной. Друзей он, несомненно, любил и искренно любил, но любовь эта была такого рода, как любовь крестьянина к своей лошади, которая содействует утверждению его крестьян-

* Впоследствии она действительно стала революционеркой. В 1905 году я встретился с ней в Екатеринославе, где мы работали в одной революционной организации. Она производила тогда впечатление барышни с аристократическими замашками и большими претензиями. Она теперь замужем за Каменевым и занимает самостоятельный политический пост.

ской индивидуальности. Он будет искренно ласкать, холить ее, с радостью подвергать себя лишениям и опасности ради нее, он может даже проникнуться любовью к самой индивидуальности данной лошади, но как только она станет неспособной к труду, он, не колеблясь, без зазрения совести, пошлет ее на живодерню.

Такого же характера была и любовь Бронштейна к друзьям; он умел быть нежным, обнимал, целовал и прямо засыпал ласками. И это было не только по отношению к лицам другого пола, где можно было бы заподозрить естественное привхождение другого, помимо дружбы, чувства, но также и по отношению к лицам одного пола. Но когда друг оказывался бесполезным, нежное чувство моментально отпадало; он, не задумываясь, отсылал вчерашнего друга на живодерню, проявляя иногда жестокость, которая тем более поражала, что казалась совершенно не мотивированной и ничем не вызванной.

Накануне 1897 года у Франца была вечеринка. Участвовали, понятно, все завсегдатаи «салона», в том числе и Лева Бронштейн. Незадолго перед этой вечеринкой он, в беседе с А. Соколовской, заявил, что стал марксистом. От радости Соколовская забыла даже удивиться, как это с ним произошел такой неожиданный переворот. Она до сих пор как марксистка пребывавшая в «салоне» Франца в полном одиночестве, вдруг приобрела такого талантливого единомышленника. Она готова была простить ему все прежние прегрешения и обиды, и на описанной вечеринке, имевшей место вскоре после этого, была особенно нежна к своему новому союзнику.

Когда стали произносить тосты на политические темы, она с особым нетерпением ждала, что скажет он.

И, о ужас! Как только он открыл рот, не только А. Соколовская, но и все присутствовавшие прямо остолбенели. Это была не речь, а самая грубая, площадная ругань против марксизма, с трескучими проклятиями и прочими атрибутами дешевого, но забористого ораторского искусства. Из всей обстановки и характера речи ясно было, что единственной целью этого выступления было оплевать и возможно больней уязвить А. Соколовскую, единственная вина которой состояла в том, что она была марксисткой.

Все присутствовавшие были крайне смущены. А. Соколовская, страшно растерявшаяся и бледная, немедленно покинула веселое собрание. «Никогда, никогда не протяну руки этому мальчиш-

ке», — вся кипит от негодования, говорила она сопровождавшей ее и ушедшей вместе с ней с вечеринки приятельнице.

Б., тогда близкий друг А. Соколовской и Бронштейна, услышав впоследствии об этой предательской выходке, в негодовании воскликнула: «Из него выйдет или великий герой, или великий негодяй; в ту или другую сторону, но непременно великий».

Ее предсказание было поистине пророческим. Б. рассказывала потом, что не раз, после этого события, Бронштейн в мыслях представлялся ей в виде разбойника вроде Стеньки Разина.

А. Соколовская некоторое время после этого не могла равнодушно не только смотреть на Бронштейна, но даже слышать его имени.

Само собою разумеется, что указанные черты характера Бронштейна не могли ускользать и не ускользали от внимания его друзей, очень и очень часто испытывавших их действие на собственных спинах, но, ввиду его явного превосходства над всеми и яркой одаренности, причиняемые неприятности скоро забывались, а маленькие моральные недочеты легко прощались, и дружественные отношения сохранялись ненарушенными. То же самое было и с только что описанной выходкой на новогодней вечеринке. Она скоро была забыта всеми членами «салона» Франца, и Соколовской в том числе; настолько забыта, что между нею и Бронштейном скоро возникли самые нежные чувства.

Глава вторая

Первые шаги на политическом поприще

Неудачная попытка выступления от имени «всей интеллигенции и рабочих масс». — Бронштейн объявляет себя социал-демократом, но не марксистом. — Организация Южно-Русского Рабочего Союза. — Львов и Лассаль. — Первое выступление Бронштейна на рабочих собраниях и в нелегальной печати. — Арест

Когда в 1897 году народнический журнал «Новое слово» перешел в руки марксистов и, к нашей великой радости, стал первым марксистским легальным органом, Бронштейн написал длинное мотивированное заявление в имевшейся для этой цели при общественной библиотеке книге. В этом заявлении, ссылаясь на перемену направления журнала «Новое слово», он требовал от администрации библиотеки прекратить выпуск этого журнала или, по крайней мере, сократить число выписываемых экземпляров.

Не довольствуясь этим, Бронштейн написал в том же духе в редакцию «Русских ведомостей» письмо, которое заканчивал таким образом: «Вся интеллигенция и рабочие массы крайне возмущены таким поворотом журнала». Н. М. Осипович*, к которому как народнику-единомышленнику он обратился с предложением присоединить свою подпись к составленному им протесту, выразил естественное удивление: «Какие же это интеллигенция и рабочие массы, раз всего будет 3–4 подписи, и среди них ни одного рабочего». — «Это ничего, — не смущаясь, заметил Бронштейн, — мы напишем: имеются тысячи подписей».

Это были его первые литературно-публицистические опыты, в которых юноша Лева Бронштейн в зародышевой форме проявил к признаваемой им тогда свободе печати ту нужную склонность, которая впоследствии таким пышным цветом расцвела в декретах, речах и писаниях комиссара Троцкого об этом «мелкобуржуазном предрассудке».

Как отрицательно ни относились друзья к приемам Бронштейна в отношении политических противников, он не мог не заметить, что эти его литературные опыты имели большой успех среди них, тем более, что почти все они были противниками марксизма. Это так его подбодрило, что он вскоре после этого написал уже целую полемическую статью против марксистов.

Эта статья привела в неописуемое восхищение не только его ближайших друзей в саду, но и редакцию одной маленькой народнической газеты в Одессе, куда он понес свое произведение для напечатания.

При всем своем восторге, газета напечатать статью Бронштейна, однако, отказалась, боясь, что в случае возражений со стороны марксистов запасов знаний, как редакции, так и Бронштейна, окажется недостаточно для ответа.

В январе 1897 года я уехал в Киев. Весною, вернувшись на каникулы в Николаев, я, разумеется, немедленно возобновил свои посещения сада Франца и там опять встретил Бронштейна.

Его кипучая, активная натура, понятно, не могла долго довольствоваться времяпрепровождением у Франца и холостыми, так сказать, спорами с марксистами и публицистическими упражненьями в узком кругу друзей. Она бурно искала выхода

* Известный теперь писатель.

наружу. Ему нужна была широкая общественная деятельность. Но где было взять ее в те времена, особенно в таком общественном захолустье, как Николаев?

Понятно, что он с радостью ухватился за предложение Франца организовать маленькое общество для покупки популярных дешевых брошюрок и распространения их среди крестьян. Средства «общества» должны были состояться из скудных взносов самих немногочисленных членов его, вербовавшихся среди посетителей сада Франца. Организация при всем своем невинном характере (брошюры предполагались исключительно легальные) должна была, по условиям того времени, быть строго тайной.

Все это окончательно суживало и без того не Бог весть какой широкий размах «организации» и не открывало никаких перспектив для такого человека, как Бронштейн.

Но noblesse oblige*. Бронштейн был народником, что еще мог он делать в Николаеве, оставаясь народником?

Это общественное крохоборство, претившее всей властной натуре Бронштейна, понятно, скоро должно было ему надоеть и надоело.

Однажды он таинственно отозвал меня в сторону и предложил принять участие в организуемом им рабочем союзе. Народничество было отброшено в сторону: по плану, эта организация должна была быть социал-демократической, хотя Бронштейн этого названия избегал, как вообще избегал затрагивать вопрос о марксизме и народничестве, и предложил назвать организацию «Южно-русский рабочий союз».

Я принял его предложение. Кроме меня, он пригласил также Александру Соколовскую и Илью Соколовского, впоследствии редактора «Одесских новостей».

Когда я вступил в организацию, я пришел на все готовое. У Бронштейна уже были связи с рабочими, а также с революционными кружками Одессы, Екатеринослава и других городов, где возникли аналогичные кружки социал-демократического характера.

Работа была живая, интересная, и Бронштейн с присущим ему жаром отдался ей, скоро совсем забыв о своем «народничестве». Он забыл о своем недавнем заявлении в жалобной книге библиотеки;

* Положение обязывает (фр.).

о том, что еще так недавно, с неумолимой железной логикой (как ему казалось) неопровержимо доказывал совершенную невозможность капитализма в России, забыл свои саркастические советы нам заводить кабаки и насаждать капитализм, раз мы желаем оставаться последовательными и логичными. Все это было предано забвению с легкостью прямо изумительной.

Только временами, в интимных беседах со мной, у него как будто пробуждалось желание оправдаться передо мною в своем противоречии, и он добивался от меня признания, что можно быть социал-демократом, не будучи марксистом. Мы, четверо, очень близко сошлись, стали говорить друг другу «ты» и, вопреки элементарным правилам конспирации, в закрепление нашей дружбы, сфотографировались группой, которая потом фигурировала у жандармов в деле против нас. Бронштейн на этой группе снят в небрежно одетой косоворотке. У меня он настоял, чтобы я оделся попроще (косоворотки у меня не было). От старых народников он перенял склонность к опрощению и всегда косо посматривал на мои манишку и галстук; и вообще в моей привычке одеваться чисто и по-европейски он видел покушение на революционную чистоту. От этого «предрассудка», как и от многих других, он впоследствии более чем излечился.

Окунувшись, как я сказал, с головой в дела организации, он с подозрением относился ко всякому, кто, как ему казалось, проявлял преданность делу не в должной мере. Будучи со мной в большой дружбе и на «ты», он, давая мне свою фотографическую карточку, сделал надпись: «Вера без дел мертва есть».

Александра Соколовская, питавшая уже тогда к нему нежные чувства, прочитав эту надпись, была очень ею смущена, неприятно шокирована и настаивала на ее исправлении. Но я не согласился, и надпись осталась. Поводом к подозрению меня в измене в будущем и к предостерегающей надписи на карточке послужило мое решение, по окончании каникул, поехать в Казань кончать университетское образование (я был на пятом курсе медицинского факультета). Если мне дорога была революция, я, по мнению Бронштейна, не должен был прерывать своей деятельности в организации, хотя бы на несколько месяцев, ради получения какого-то диплома врача.

Как Бронштейн представлял себе ход предстоящей в России революции, которой он, по-видимому, был так горячо предан,

я не знаю, и он сам, я полагаю, не знал; по крайней мере, он никогда ничем не подавал повода думать, что у него имеются на этот счет какие-нибудь взгляды или «планы». И это вполне естественно: ведь единственное значение революции для Бронштейна заключалось в активном проявлении своего «я» в его революционной деятельности. Ход революции, ее возможные результаты, то, что для других было «конечной целью», для Бронштейна было лишь средством для самоутверждения своей личности. С этой точки зрения он всегда был оппортунистом чистейшей воды, несмотря на всю свою неизменную крайнюю «революционность».

Знаменитое изречение: «Движение — это все, конечная цель — ничего», в известном смысле, как нельзя более было применимо к нему. В революции его интересовала не столько сама эта революция и ее ход, сколько собственная его роль в ней*.

Вот почему в нем так мирно могли уживаться народническая идеология и марксистская практика, совсем не вызывая обычной в таких случаях внутренней драмы и не требуя немедленного разрешения противоречия.

Честолюбивая мысль о выдающейся и первенствующей роли в русской революции, несомненно, уже тогда обуревала его голову, и он неоднократно, с чувством большого самодовольства, сообщал мне, будто рабочие не верят, что его зовут Львовым (это было его конспиративным именем) и принимают его за Лассала⁶.

Должен сознаться, что рабочие мне лично никогда ничем не подавали вида, что считают Бронштейна переодетым Лассалем (кстати, умершим за 30 с лишним лет до того), да и имя это они вряд ли когда слышали. Вероятнее всего, тут дело было так: он так долго носился с своей затаенной мечтой — быть русским Лассалем, — что в конце концов сам уверовал в нее как в факт: *Der Wunsch war der Vater des Gedankens*⁷.

Дела наши шли великолепно. Мы открыли непочатый угол сравнительно интеллигентных сектантов, среди которых работа наша шла чрезвычайно успешно. Не мудрено, что голова у нас всех

* Сказанное отнюдь не следует понимать в том смысле, что Бронштейн тогда сознательно видел в революции лишь средство для собственного возвеличения, но что в подсознательных центрах такое подчинение революции собственной личности имело место, — не может подлежать сомнению, особенно в ретроспективном свете его последующей карьеры.

(особенно у Бронштейна) начала немного кружиться при мысли о грандиозных перспективах, рисовавшихся перед нашими разгоряченными взорами.

У нас было несколько рабочих, которые составляли нашу особенную гордость, и мы друг другу передавали высказанные тем или другим из них фразы, как любящие родители хвастают проявлениями «гениальности» своих детей.

Раз Бронштейн с одним рабочим пошел в читальню. Там библиотекаря для статистики, между прочим, спрашивает рабочего о его религии. «Я — рационалист», с гордостью заявил тот. Библиотекаря в недоумении, первый раз в жизни слыша о такой религии. «Что вижу — признаю, чего не вижу — не признаю», — с достоинством пояснил рабочий.

Другой рабочий, тоже гордость нашей организации, послушав раза 2–3 речи о революции, написал на малороссийском языке («украинского» тогда еще не было) стихотворение, из которого у меня в памяти задержались следующие строки:

Ось пришов пророк велький,
Марксом прозывався,
Покорыв царизм вин дикий,
Тай за працю взявся...

Этот «самородок», «краса и гордость русской революции», как выразился бы теперь Троцкий, рыжий, уже не совсем молодой рабочий, потом оказался шпионом-provokатором, предавшим всю нашу организацию.

Наша группа была первой социал-демократической организацией в Николаеве. Успех нас взвинчивал так, что мы находились в состоянии, так сказать, хронического энтузиазма. И львиной долей этих успехов, мы, несомненно, были обязаны Бронштейну, неистощимая энергия, всесторонняя изобретательность и неутомимость которого не знали пределов.

Однажды Бронштейн пришел ко мне с проектом устроить в лесу маленький митинг, на который наши рабочие должны были привести и своих друзей, еще не приобщенных к нашей организации. Мы с Бронштейном условились, что оба произнесем речи. Зная, что агитационный багаж у нас обоих был не богат, а скудные источники у нас обоих были одни и те же, мы боялись, как бы речи наши не оказались идентичными. Поэтому, перед тем, как

отправиться на митинг, мы сообщили друг другу планы наших речей. К нашей радости оказалось, что речи не совпадают.

Бронштейн первый произнес свою речь, которая продолжалась минут десять. Когда очередь дошла до меня, я струсил и своей речи не произнес.

Эта речь Бронштейна была его первым опытом в области ораторского искусства. Надо сознаться, что, не в пример его первым литературным выступлениям, это ораторское выступление отнюдь не обнаруживало того мастера ораторского искусства, каким впоследствии оказался Троцкий; и его претензии на наследство Лассалья тогда были решительно преждевременны.

Эту сравнительную неудачу, пожалуй, можно объяснить тем, что у Бронштейна тут не было непосредственного осязаемого объекта, на котором он мог бы изощрять свой сарказм, свою находчивость, смелость и решительность атаки.

Во всяком случае, фурора среди слушателей этот первый опыт Бронштейна не произвел, хотя наши рабочие знаками одобрения всячески старались подогреть пришедшую публику, которой всего было, может быть, около десятка. Возможно, что и этот незначительный размер аудитории повлиял на пылкого по натуре оратора.

Мы скоро завели гектограф, и в рабочих кварталах появилась прокламационная литература нашей собственной фабрикации. В это время к нам приехал один товарищ, очень ограниченный и невежественный, но обладавший, в известных, узких пределах, практической сметкой. Ему удалось в некоторых местах оборудовать маленькие нелегальные типографии. Он так возомнил о себе вследствие этого, что уверял, будто ему достаточно 100 000 рублей, чтобы произвести в России революцию. План его был очень прост: на 100 000 рублей он может оборудовать 1000 типографий, а этого, по его компетентному мнению, было вполне достаточно, чтобы наводнить Россию нелегальной литературой и таким образом осуществить революцию. Все это я узнал от Бронштейна, с которым приезжий вел тайные переговоры.

Не знаю, как Бронштейн тогда отнесся к плану сфабриковать революцию за 100 000 рублей путем наводнения России печатной бумагой. Его упорные попытки теперь, когда он уже находится в зрелом возрасте, ввести социализм путем наводнения страны декретами заставляют думать, что идея приезжего изобретателя тогда глубоко засела у него в голове. Опыт лишь обнаружено,

что к этой простой идее необходимо не менее простое дополнение в виде усекновения голов, неспособных должным образом воспринять эти декреты.

Как бы там ни было, но идея оборудовать маленькую типографию Бронштейну, понятно, весьма улыбалась. Вся задержка была лишь в необходимых для этого ста рублях. И мечту эту ему тогда так и не удалось осуществить.

В другой раз он пришел с проектом печатать нелегальные брошюры в типографии его дяди. По обыкновению, представленный им план был заранее детально разработан и все мелочи и случайности тщательно предусмотрены. Он подробно узнал процедуру, которой подвергаются рукописи в типографии, проходя через цензуру, и придумал простой способ обойти ее: после того, как легальная рукопись одобрена цензором, она вся удаляется, за исключением обложки и страницы с подписью цензора, и вместо нее вставляется нелегальный текст.

Ему все это легко было, по его словам, устроить, так как, пользуясь доверием дяди, он имел свободный доступ к его типографии и без труда мог поместить там своего человека, в качестве наборщика.

Он отлично знал, что этим способом, если бы он и удался, вряд ли можно было бы воспользоваться более одного раза; во всяком случае, скорый провал его был неизбежен. И при провале дяде его, не имевшему никакого отношения к революции и не питавшему сочувствия к революционной деятельности своего племянника, грозило многолетнее тюремное заключение и ссылка в Сибирь с закрытием типографии и, стало быть, полным разорением семьи. Но эти мелочи Троцкому и в голову не приходили. Проект, однако, не встретил сочувствия по причине этих именно «мелочей» и не был приведен в исполнение.

В августе 1897 года я уехал в Казань доканчивать свое университетское образование. После моего отъезда работа нашей организации продолжала расти и расширяться. Литературная деятельность Бронштейна и других, несмотря на то, что по-прежнему приходилось прибегать к услугам примитивного гектографа, также быстро росла.

Неукротимая энергия Бронштейна была ключом. Он затеял выпускать газету под названием «Наше дело». Первый номер был выпущен в количестве 200–300 экземпляров. Несмотря на то,

что газета была гектографирована, она в техническом отношении представляла верх совершенства, не только не уступая печатным изданиям подпольного происхождения, но даже превосходя их. Все статьи были написаны печатными буквами, четко, красиво. Материал был обильно иллюстрирован картинами, очень хорошо выполненными. Так, описанная в газете стачка мясников в Париже была иллюстрирована несколькими картинками-карикатурами, талантливо составленными самим Бронштейном. Для этих картин он просмотрел юмористические журналы за несколько лет и позаимствовал все, что хоть сколько-нибудь подходило к тексту статьи, часто комбинируя заимствованные иллюстрации, видоизменяя их и т. п.

Всю самую существенную часть технической (не говоря, само собою разумеется, о литературной) работы вынес на своих плечах Бронштейн.

Вышло всего три номера «Нашего дела». Газета имела необычайный успех не только среди рабочих, но и во всем городе. Все говорили о «Нашем деле». Градоначальник сам обходил мелкие мастерские для того, чтобы проверить сообщенные в «Нашем деле» факты ужасного обращения с «учениками».

В январе 1898 года, когда 4-й номер «Нашего дела» был весь составлен и вполне приготовлен для гектографирования и даже отчасти отгектографирован, вся организация сверху до низу, от первого до последнего члена, была арестована. Остался на свободе один я, который в это время находился в Казани.

Глава третья

В тюрьме

Два года в одесской тюрьме. — Старший надзиратель Троцкий. — Переписка с Бронштейном в тюрьме. — Внезапный поворот к марксизму. — Голодовка. — Припадок эпилепсии

В марте 1898 года был арестован и я. В апреле я очутился в Одесской тюрьме, где уже находились Бронштейн и все другие, привлекавшиеся по нашему делу. Тюрьма эта была образцовая, построенная согласно новейшим требованиям тюремоведения, в виде креста. Каждое крыло креста состояло из высокого коридора, по обе стороны которого были расположены камеры в четыре этажа. Двери каждой камеры открывались на железную галерею,

идущую вдоль всего этажа. Галерея каждого этажа железной лестницей соединялась с галереей соседнего верхнего и нижнего этажа; кроме того, каждая галерея сообщалась с соответствующей галереей по другую сторону коридора при помощи железного мостика.

Внизу, в центре, где сходились все четыре крыла тюрьмы, стоял старший надзиратель тюрьмы, которому как на ладони была видна вся тюрьма, содержащая около 1000 обитателей. Никто не мог войти в камеры или выйти из них, не будучи замеченным им. Ничто происходящее у дверей камер или на галереях не могло ускользнуть от его взора. Если младшие надзиратели хотели (за мзду, конечно) делать поблажки отдельным арестантам, то они могли это делать только с согласия старшего надзирателя, тоже не безвозмездно, разумеется.

В случае малейшего нарушения порядка все надзиратели, по мновению руки старшего надзирателя, в момент могли, по лестницам и мостикам, соединяющим галереи, ринуться к требуемому стратегическому пункту.

Не только все арестанты были в почти бесконтрольной власти старшего надзирателя, но также и младшие надзиратели были в полной зависимости от него и боялись его не меньше, чем арестанты. И арестанты, и надзиратели не дрожали так перед начальником тюрьмы, как перед ним. И действительно, фактически хозяином тюрьмы был он, а не начальник.

Идя на прогулку, свидание и т. п., я каждый раз видел величественную фигуру старшего надзирателя, опирающегося на длинную саблю и орлиным взором фельдмаршала озирающего свои владения и чувствовавшего себя царьком; и поистине, он был царьком.

Фамилия этого старшего надзирателя была — Троцкий.

Однако политические заключенные были исключены из его ведения. Режим для них был значительно более суровый, чем для уголовных. Надзор за ними был поручен двум жандармам, и тюремные надзиратели к ним совсем не допускались. Изоляция соблюдалась самая строгая. Принимались самые тщательные меры к тому, чтобы воспрепятствовать им какое-либо сношение друг с другом. Рядом со мною, в соседней камере, сидел товарищ по делу, с которым я все время перестукивался; но увидеть его мне впервые удалось лишь после того, как мы были с ним такими близкими соседями в течение года.

Тем не менее, несмотря на все эти строгости, мы все-таки сносились друг с другом путем перестукивания и контрабандных разговоров через окна. Таким путем я узнал, что Бронштейн незадолго до своего ареста стал марксистом (действительно стал). Меня это естественно обрадовало, и мне очень хотелось повидаться с ним и побеседовать, чтобы убедиться, насколько глубок и основателен происшедший в нем переворот. Я не мог себе представить, чтобы Бронштейн, так резко осуждавший марксизм как низменное учение лавочников и торгашей, мог целиком и без оговорок принять эту точку зрения.

Кое-что мне удалось слышать через окно во время затевавшихся там споров. Но этого было мало для того, чтобы составить себе точное суждение; разговоры были коротки, торопливы, отрывочны и часто на самом интересном месте прерывались вмешательством жандармов.

Надо признать, что и в этих отрывочных спорах Бронштейн умудрялся обращать внимание даже посторонних (более интеллигентных уголовных) нечистоплотностью своих приемов. Хорошо усвоив все приемы «Эристики» Шопенгауэра, он и тут в тюрьме часто слишком явно обнаруживал, что заботится не столько о торжестве правды, сколько о том, чтобы в данный момент сразить своего противника в глазах слушателей, хотя бы путем предательской логической подножки. Он как будто боялся, что жандармы прекратят спор прежде, чем он успеет добиться нужной ему во что бы то ни стало победы. Он не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, в его присутствии остался победителем; и все средства, ведущие к цели, были хороши.

Такое его отношение к противникам уже тогда очень возмущало меня (да и не только меня, конечно). Я старался объяснить себе это тем, что он слишком чувствовал свое превосходство, был всегда уверен в своей победе во всяком словесном турнире и был потому небрежен в выборе средств, торопясь поскорей отделаться от слабого противника, которому все равно суждено быть сраженным.

На этой почве у нас неоднократно возникали ссоры, и мы по долгу не говорили друг с другом. Как у новообращенного, однако, у него была сильная потребность к излипаниям, тем более, что больше некуда было давать выход бьющей через край жизненной энергии. И, может быть, этим надо объяснить, что он всегда первый протягивал руку примирения. Меня это всегда очень трога-

ло, тем более, что оно так резко противоречило всему складу его властного характера.

Однажды утром я был разбужен знакомым стуком в стену: меня спешили предупредить, чтобы я, когда буду в уборной, подобрал на полу коробочку из-под спичек; там будет записка от Бронштейна.

В это время к нам еще не пропускали никаких книг со стороны, ни газет; и письменные принадлежности запрещались. Путем невероятных ухищрений нам иногда удавалось достать маленький клочок бумаги и огрызок карандаша. С большими предосторожностями писалась маленькая записочка микроскопическими буквами (для экономии бумаги) и самыми замысловатыми путями доставлялась адресату, часто находившемуся не дальше соседней камеры. Понятно, что очень часто корреспонденция не доходила по назначению, погибнув на одном из этапов.

Можно себе представить мою радость, когда из подобранной мною коробочки из-под спичек я извлек объемистую записку, — целое послание, написанное хорошо знакомым мелким, четким почерком.

Это было настоящее литературное произведение, тем более ценное, что я уже давно никакой литературы, ни писанной, ни печатной, не видал, не считая, конечно, Житий Святых и редких, проходящих строгую жандармскую цензуру и потому официальных и сухих, писем от родных.

Бронштейн, при своей кипучей деятельной натуре, стремящейся к властвованию и повелеванию, понятно, более всех нас должен был тяготиться вынужденной бездеятельностью под замком в четырех стенах маленькой каморки и с жадностью ухватился за подвернувшийся случай, чтобы в литературном упражнении разрядить хоть часть накопившейся и льющей через край энергии и хоть на бумаге излить свою злобу и негодование на тех, которые так неожиданно и так жестоко прервали его деятельность, рисовавшую для него такие яркие перспективы.

А задача была для него, в этой записке, нелегкая. Он должен был изложить в ней всю историю своего ареста, обстоятельств, его сопровождавших, и свои показания на допросе у жандармов. Написать все это надо было так, чтобы дать мне полное понятие о том, как все это произошло, и вместе с тем не дать улики против себя, в том случае, если записка будет перехвачена. И он выполнил

это мастерски. Письмо было полно искрометного сарказма, злой сатиры — блестящий памфлет.

Надо помнить, что в то время политические дела не разбирались даже тем упрощенным судебным порядком, каким они велись после 1904 года и до революции. Судебная реформа Александра II не коснулась дел политических, и они велись в дореформенном порядке. Не было ни гласности, ни публичности, ни прочих атрибутов действительного суда. Обвиняемые допрашивались жандармами, причем им не только не предъявлялись показания их товарищей по обвинению, но и показания «свидетелей», осведомителей и прочих. Они не были субъектами судебного разбирательства, а только объектами, материалом, из которого жандармы, вместе с другими ингредиентами, стряпали более или менее стройное «дело», по которому в Петербурге чиновники министерства юстиции и внутренних дел постановляли приговоры.

Тогда еще не был в ходу, ставший впоследствии для политических заключенных обязательным, обычай отказа от показаний, и большинство обвиняемых совершенно наивно длинными показаниями всячески старались выгородить себя. Понятно, что все это было совершенно бесполезно, потому что уже фактом ареста приговор обыкновенно был предрешен.

Бронштейн, конечно, не мог этого не знать. Если же он все-таки давал длинейшие показания, то, я думаю, не столько для того, чтобы себя выгородить (он знал, что жандармы не верят его «1001 ночи», как они называли его показания), сколько для того, чтобы разрядить накопившуюся энергию, злобу и негодование и удовлетворить писательской потребности; хотя он сам этого, вероятнее всего, не сознавал. Как, между прочим, видно из этой первой записки, он и перед жандармами не прочь был прибегнуть к своей «неотразимой логике». Но первую же его попытку сойти со стези «1001 ночи» и обосновать свое alibi «по логике и здравому смыслу» допрашивавшей его жандармский полковник оборвал коротким «А по закону наоборот».

Записки посыпались ежедневно, одна за другой. Я получил написанную им частушку: «Эх, и прост же ты, рабочий человек»... и т. д. Она потом вошла в сборник революционных песен⁸.

Все шло гладко. И я, и Бронштейн были очень довольны. Но с самого начала радость наша была омрачена, особенно для Бронштейна: «переписка» была односторонняя. Так как его камера была ближе

к уборной, то он выходил всегда раньше меня, и я не имел возможности воспользоваться его способом передачи письма. Если бы я оставил в уборной записку, Бронштейн мог бы подобрать ее только на следующий день. За сутки ее успели бы много раз подобрать уголовные или надзиратели. Невозможность получения ответов от меня, естественно, очень раздражала его. Со времени обращения в марксизм у него так много накопилось, что потребность в обмене мнениями была громадна. «Ради Бога, придумай способ отвечать мне», — нервно заканчивал он каждую записку. Мне этого хотелось не меньше, чем ему. Наконец, нам удалось придумать способ, очень простой и удобный и дававший нам возможность беспрепятственно вести регулярную и обширную переписку.

Бронштейн, не теряя времени, предложил мне открыть дискуссию по какому-нибудь вопросу и сам дал тему: «Роль личности в истории». Я охотно принял его предложение. Я не знал, конечно, насколько полно он воспринял теорию материалистического понимания истории. Мне не представлялось, чтобы он в такой короткий срок мог решительно порвать со своей старой точкой зрения и стать на новую, которую он, еще так недавно, столь энергично и решительно отвергал. Самое предложение его я понял как вполне естественное желание, при помощи дискуссии с другим лицом, получше разобраться в вопросе и самому себе точнее выяснить свою позицию. Поэтому в своем вступительном «реферате» я старался выражаться по возможности осторожно, избегать резких формулировок, ставить точки над «i», боясь спугнуть начинающийся поворот. Я был жестоко наказан за свою осторожность. Бронштейн, что называется, разделал меня под орех: «Вполне определенную идею о классовой борьбе, ясные и недвусмысленные положения материалистического понимания ты потопил в море недоговоренностей и неопределенностей»... и т. д., и т. д. Я прямо глазам своим не верил: Бронштейн был теперь таким же решительным и прямолинейным «марксистом», каким он раньше был его противником.

Когда и где успел он столько начитаться? На свободе за революционной работой у него для этого не было времени, а в тюрьме, кроме «Житий Святых» и «Православного вестника», он ничего читать не мог.

Как бы там ни было, фразеологию марксистскую он, несомненно, усвоил в совершенстве, и рассуждать о роли личности,

о классовой борьбе, значении производительных сил и т. п. он мог как самый заправский марксист и с присущим ему талантом. Но как только он пытался от усвоенной теории перейти к практике, к марксистскому творчеству, к применению материалистического понимания истории к живой жизни, он неизменно обнаруживал полное бессилие.

Он взялся писать о масонстве с точки зрения материалистического понимания истории. Он достал три или четыре книги по этому вопросу (это было тогда, когда к нам уже допускались кое-какие книги) и думал, что этого вполне достаточно. Понятно, что из этого ничего не могло выйти и не вышло, и он свою затею оставил.

Однажды он прислал мне длинное рассуждение на тему о сдельной и повременной плате. (В агитационных брошюрках, — обыкновенно народнического происхождения, — велась борьба за повременную плату против сдельной.) Зная, что марксисты основу общественных явлений видят в состоянии и росте производительных сил, он, вразрез с установившимися среди революционеров взглядами, бесстрашно защищал преимущество сдельной платы перед повременной: она увеличивает интенсивность, а стало быть, и производительность труда, она дает возможность более правильной и научной оценки заработной платы, какой достоин тот или другой рабочий, и т. д. Интересы производства были разобраны им прекрасно и исчерпывающим образом. В своем увлечении он забыл только, что рабочий является не только материалом, обслуживающим производство, но и субъектом, интересы которого, в конце концов, это производство должно иметь в виду. Это была система Тэйлора в зародыше*.

Среди политических заключенных было несколько юношей, прямо мальчиков, которые к революции никакого отношения не имели и были арестованы только потому, что случайно были знакомы с тем или другим революционером. Таких юношей держали месяцами. Отцу одного из таких юношей жандармы заявили,

* Для поднятия неудержимо падающей производительности труда в промышленности большевики, как известно, одно время очень много говорили, а также делали попытки к применению системы Тейлора в своем «социалистическом» государстве. И в этом, как мы видим, зрелого Троцкого предвосхитил юноша — прозелит Бронштейн.

что выпустят сына, если отец пообещает высечь его, как только тот вернется домой.

Это возмутило всех политических заключенных. Был поднят вопрос о всеобщей голодовке, чтобы таким путем заставить жандармов освободить юношу. Бронштейн стал во главе кампании за голодовку. Я вместе с немногими другими был против.

Сообщаться в тюрьме, конечно, нелегко, а если администрация этого определенно не хочет, то и почти совсем невозможно. Понятно, что мы, противники голодовки, не могли развить своих доводов перед зеленой молодежью, которая, не имея возможности разобраться в сущности вопроса, взвесить свои силы и предвидеть все возможные последствия и боясь показаться трусливой, голосовала, как всегда в таких случаях бывает, за то, что ей казалось по внешности более революционным: голодовка была принята подавляющим большинством голосов.

Но скоро, конечно, обнаружилось, что голодать не так легко, как голосовать за голодовку; и та же самая очень «революционная» молодежь первая быстро стала отпадать, предоставив продолжать голодовку своим вождям и всем сознательным противникам ее. Через три дня стало ясно, что голодовка потерпела полный крах.

Надо было искать благовидного предлога для ее полного прекращения. К счастью, администрация тюрьмы очень сочувственно к нам относилась и всячески старалась помочь нам выйти из затруднительного положения. После краткого совещания мы решили требование к жандармам об освобождении невинного юноши заменить требованием от тюремной администрации (заручившись заранее ее согласием на это) рассадить нас по камерам согласно представленному нами плану. Администрация, конечно, согласилась тем более охотно, что дела наши были дознанием закончены и строгая изоляция уже теряла всякий смысл. По этому плану я с Бронштейном были посажены в соседние камеры, между которыми, как мы раньше знали, было в стене отверстие (скрытое парашей), через которое можно было свободно общаться. Когда нас таким образом рассадили, я, воспользовавшись возможностью свободно с глазу на глаз поговорить с Бронштейном через отверстие, указал ему на то, что я был прав, когда был против голодовки. Печальный результат ее, казалось, доказывал это с неоспоримой очевидностью. К моему крайнему удивлению Бронштейн не только не был обескуражен, но с чувством полного удовлетворения нахо-

дил, что, несмотря на отказ от нашего ультимативного требования и на то, что юноша, из-за которого мы голодали, остался в тюрьме, мы одержали полную победу: во-первых, вся Европа будет знать об этом; во-вторых, нас рассадили, как мы желали, и. т. д., и т. д.

Это было наше первое тактическое разногласие.

Вскоре нас ждала новая радость. Жандармское управление разрешило нам общие прогулки (до этого каждый из нас совершал одиночную прогулку в течение 15–30 минут в день, в сопровождении жандарма). Перед первой общей прогулкой нас всех вместе пустили в тюремную баню. Можно себе представить, какой это был праздник для нас. Праздник этот был, однако, немного омрачен маленьким приключением: с Бронштейном случился какой-то припадок. Мы это приняли за обморок, и скоро успокоились. Впоследствии, когда Бронштейн был уже за границей, такие «обмороки» случались с ним нередко: среди речи на собрании он вдруг неожиданно падал и оставался некоторое время в бессознательном состоянии. Друзья объясняли это «слабостью сердца», хотя он по внешности совсем не производил впечатления большого человека и кроме этих «обмороков» ничем не обнаруживал физической слабости. Такой же «обморок» случился с ним на суде при разборе его дела о Совете рабочих депутатов в 1906 году. Из-за этого пришлось даже приостановить разбор дела и отложить его. Л. Г. Дейч, с которым Бронштейн был очень близок за границей, сообщил мне во время своего пребывания в Нью-Йорке (1911–1916 гг.) как об известном и установленном факте, что эти припадки были эпилептические. Я лично присутствовал только при описанном припадке в одесской тюрьме. Но, судя по всей обстановке припадков и по отрицательным, в других отношениях, данным со стороны его физической конструкции, надо думать, что припадки эти происходили, действительно, на почве эпилепсии.

Многие черты его характера также невольно наталкивают на такое предположение: резко выраженный эгоизм, гипертрофированное самомнение, чрезмерное и болезненное самолюбие, стремление к экстравагантности в речи, писаниях и поступках, известного рода придиричивый педантизм (пресловутая «логика»), проявляющейся даже в четком, аккуратном почерке, и т. п.

Правда, все эти черты могут, конечно, присутствовать и у не эпилептиков. Но в психопатологии, более чем где-либо в другой области, весь вопрос — в степени.

Глава четвертая

Этап и ссылка

В Бутырках в 1900 году. — Брак с А. Соколовской. — «Бунт» в тюрьме. — Ссылка в Иркутскую губ. — Бронштейн-Антивд Ото в «Восточном обозрении». — Приглашение его в редакцию женеvской «Искры»

В ноябре 1899 года, после того, как Бронштейн и его товарищи просидели около двух лет в тюрьме, из петербургских канцелярий получились наконец приговоры. Бронштейн, ожидавший по меньшей мере заключения в крепости, был приятно изумлен, узнав, что его приговорили к четырем годам ссылки в Восточную Сибирь. Меня приговорили к трем годам ссылки туда же.

Начались сборы в дорогу, которые внесли некоторое разнообразие в нашу монотонную жизнь.

Вместе с уголовными арестантами мы этапным порядком были отправлены через Киев, Курск в Москву в пересыльную тюрьму (Бутырки). В Бутырках нас рассадили в башнях, помещающихся в четырех углах каменной ограды тюрьмы, — мужчин в Часовой башне, женщин в Пугачевской. В этих башнях политические сидели подолгу, пока их не собиралось такое количество, что они составляли целую партию для отправки в Сибирь. Перед нашим приходом была отправлена такая партия. Мы были первыми в новой партии, и нам пришлось ждать около полугода. Нас было пятеро, все по одному делу: Бронштейн, И. Соколовский (впоследствии редактор закрытой большевиками газеты «Одесские новости»), Г. Соколовский, С. Гуревич и я. Мы все были помещены в большой круглой камере на втором этаже башни, с круглым столом посредине, придававшим ей намек на уют и комфортабельный вид, с десятью кроватями, расположенными радиусами, и столиками возле некоторых из них, как в больнице. Дверь камеры днем не замыкалась, так что мы свободно могли выходить в маленький дворик при башне, отгороженный высоким железным забором от остального огромного двора огромной пересыльной тюрьмы. Калитка в этом заборе всегда была заперта на замок, и с нами в этой маленькой придаточной тюрьме постоянно был заперт один надзиратель. Не имея над собой постоянного надзора старших, надзиратели эти предоставляли нам довольно широкий простор, и мы чувствовали себя довольно хорошо, особенно в первое время,

когда мы еще находились в медовом месяце нашего наслаждения совместным житьем после почти двухлетнего одиночного заключения.

Еще в Одессе, задолго до отправки в ссылку, все те, у кого были невесты или женихи, поспешили запастись разрешениями на венчание и обвенчались. Те, у кого невест не было, фиктивно обвенчались, чтобы в отдаленной ссылке не очутиться в полном одиночестве.

Бронштейн и А. Соколовская в этом отношении наткнулась на неожиданное препятствие в лице отца Бронштейна. Так как Лева был несовершеннолетним, то ему не давали разрешения на брак без согласия его отца.

А отец самым решительным образом воспротивился этому браку (Соколовская была, по крайней мере, на десять лет старше Бронштейна). Лева рвал и метал и боролся со всей энергией и упорством, на какие он был способен. Но старик был не менее упорен и, имея преимущество пребывания по ту сторону ограды, остался победителем.

По приезде в Москву Бронштейн немедленно принялся за хлопоты о браке и скоро добился успеха. Эта борьба на некоторое время дала пищу искавшей выхода энергии его. Жизнь скоро потекла интересно (насколько это возможно в тюрьме) и, сравнительно с Одессой, очень разнообразно. Мужчинам два раза в неделю давали свидания с женщинами на правах мужей, братьев, кузенов и т. п. Свидания давались всем сразу в одном месте, без строгого ограничения времени и с весьма слабым надзором, так что эти свидания носили характер маленьких интимных собраний близких людей, связанных узами тесной дружбы и общностью идей.

Не знаю, как наши женщины, но мужчины к свиданиям готовились очень тщательно, и всех тщательнее Бронштейн. На свиданиях он обнаруживал трогательную нежность не только к своей невесте, а потом жене А. Соколовской, но и ко всем остальным дамам, приходившим на свидание к своим мужьям, братьям и т. п. и очаровывал всех их своим рыцарством. Когда дамы предложили нам прислать им наше белье для починки, Бронштейн с негодованием отверг это как устарелый предрассудок, возлагающий на женщину неприятную работу, и сам починял свое белье.

По возвращении со свидания весь избыток нежности он продолжал расточать нам: ласкал, целовал, обнимал и т. п.

Я уже указывал на припадки нежности в Бронштейне до ареста, в разгаре первого увлечения политической деятельностью.

Теперь, когда протекло столько времени, заполненного столькими событиями и превращениями, каждый раз, когда я вспоминаю об этих нежностях Бронштейна, в воображении моем неизменно встает также фигура деспотического императора Павла I с его исключительной сентиментальностью и припадками неистощимой нежности.

А вот что пишет Б., одна из тех женщин-товарищей, которая вместе с нами в описываемый период сидела в Бутырской пересыльной тюрьме, с которой Бронштейн встречался на описанных интимных собраниях-свиданиях и которую он впоследствии удостоил своей дружбой: «Когда я узнала в 1906 году, что Лева арестован и сидит в Доме предварительного заключения, мне очень захотелось написать ему (мы не переписывались уже несколько лет), что я и сделала. Ответ не заставил себя долго ждать. Теперь, когда знаешь, во что выродился Бронштейн, когда с уст этого человека только срываются слова вроде “беспощадно расправиться”, “уничтожить”, “расстрелять”, трудно допустить, что письмо, полученное тогда мною, писано было этим самым человеком, — столько в нем было задушевности, нежности, теплоты и ласки. Мне очень жаль, что я не сохранила этого письма. Это был, несомненно, интересный психологический документ.

Начиналось письмо с того, что лежал он (Бронштейн) как-то в камере своей в особенно придавленном настроении*. В голову лезли самые мрачные мысли, будущее казалось таким неприглядным, на душе мрак и ужас. Вдруг надзиратель входит и подает мое письмо. В миг камера преобразилась, точно добрый гений ворвался с письмом. Что случилось с тоской и душевным смятением? Они уплыли куда-то вдаль; ему сделалось легко и хорошо, и опять захотелось жить и верить во все лучшее. И так далее, и так далее на многих, многих страницах. И столько тепла, столько ласки,

* Надо помнить, что тогда Бронштейн был арестован вместе с первым Петербургским советом рабочих депутатов, где он был в то время одним из главных руководителей и вершителей. Несомненно, у него уже тогда начала кружиться голова и честолюбие рисовало ему самые увлекательные перспективы; и вдруг арест: он сидит в тесной камерке, как в клетке, а Россия молчит и не рвется вырвать на свободу своего героя. Есть от чего прийти в отчаяние.

нежности. Неужели Лева Бронштейн и Троцкий одно и то же лицо?..»

Пользуясь довольно широкой «автономией» в пределах нашей башни с отгороженным вместе с ней уголком двора, мы не лишены были связей и с внешним миром, откуда нам доставлялись деньги, провизия, одежда, необходимые для далекого путешествия в Восточную Сибирь. Доставлялись нам также в обилии и книги. До нас доходили почти все новинки. К нам попала только что дошедшая до России известная книга Э. Бернштейна⁹ («Предпосылки социализма») на немецком языке, впервые открыто обосновывавшая ревизионизм в марксизме. В нашей камере она вызвала страшное возбуждение, и мы все с жадностью ухватились за чтение. Все мы горели нетерпением убедиться, сколько правды во всем том, что мы слышали об этой ужасной книге. Книга подвергала сомнению все, что мы, марксисты, считали непререкаемой истиной. И все мы единодушно отвергли ее; никаких разногласий на ее счет у нас не было. Получали мы и другие книги, недостатка в них у нас не было.

Но Бронштейн не обнаруживал большой склонности к систематическому чтению. Жажда пополнить свое образование, накопить побольше знаний, столь естественная, казалось бы, в молодом и талантливом человеке, была в значительной степени чужда Лева Бронштейну. Это тем более странно, что Бронштейн не мог не видеть, и он, действительно, прекрасно видел, что его талантливость поражает всех его окружающих и приходящих с ним в соприкосновение, но ему некогда было тратить себя на то, чтобы учиться и получать наставления: он горел нетерпением поучать других и повелевать ими. Он начал писать роман, в котором в беллетристической форме хотел развить марксистскую точку зрения на российскую общественную действительность. Понятно, что для этого, при всем его таланте, у него не хватило ни материала, ни знания; и он скоро оставил эту затею.

Избыток энергии, однако, искал выхода. Ему пришла в голову идея воспользоваться тою сравнительною свободой от надзора, которою мы были окружены внутри башни для устройства там тайной типографии. Он разработал все детали, как технической постановки дела и получения нужного материала, так и доставки готовой работы в город. Он передал свой проект местной революционной организации в городе.

То ли эта затея показалась слишком фантастической, по другой ли какой причине, но она горячего отклика за оградой башни и тюрьмы не встретила и таким образом заглохла.

Время тянулось. Шли месяцы. Наша башня постепенно наполнялась новыми заключенными, предназначенными для пополнения нашей партии, но она далеко еще не была полна.

Состав заключенных был теперь очень разношерстный. Пребывание в общей камере становилось все более тягостным, утомительным и начало вредно отзываться на состоянии наших нервов. Мы, члены первоначального кружка, обратились к начальнику тюрьмы с просьбой перевести нас в другую башню, где нет общих камер. Мы знали, что при слабости высшего надзора в башне, будучи формально в одиночных камерах (камеры там сходятся радиусами в один общий коридор), мы, освободившись от всех неудобств общей камеры, имели бы все преимущества и одиночного, и общего заключения. Начальник нам отказал на том основании, что одиночное заключение пересыльным назначается только за провинности, а мы ни в чем не провинились. Сверх всякого ожидания, скоро нам представился блестящий случай провиниться. И мы, к нашему общему удовольствию, были переведены в башню с одиночными камерами.

Случилось это так.

Однажды, когда Бронштейн, я и еще несколько человек сидели в камере, со двора прибежал взволнованный товарищ и сообщил, что Илью Соколовского и еще одного или двух явившийся неожиданно во дворик башни начальник тюрьмы отправил в карцер за то, что они не сняли шапок при его приходе. Все всполошились. Надо было немедленно реагировать. На этот счет спора не могло быть. Бронштейн сразу овладел положением. На фоне однообразной жизни в пределах башенки, предстоящее выступление и ожидаемое столкновение с начальником тюрьмы представлялось большим делом, и Бронштейн заранее настраивал себя на боевой лад. На коротком совещании было решено выйти во дворик всем в шапках, потребовать от надзирателя дать тревожный сигнал для вызова начальника. Шапок мы, конечно, при его приходе, не снимаем. Дальнейшее будет диктоваться обстоятельствами.

Надзиратель растерялся, дать тревожный сигнал, однако, отказался. Мы все столпились около него. Бронштейн, стоя впереди всех, вынул часы и, держа их перед собой, торжественно заявил

надзирателю: «Даю две минуты на размышление». Когда срок ультиматума истек, Бронштейн, отодвинув несопротивлявшегося надзирателя в сторону, величественным жестом надавил кнопку. Затем мы все, надвинув шапки на головы, вышли во дворик. Через короткое время щелкнул замок железной калитки, она с шумом распахнулась, и во дворик, окруженный огромной свитой вооруженных надзирателей, влетел начальник.

«Почему шапки не снимаешь?» — заорал он, кинувшись к Бронштейну, стоявшему впереди всех и, по-видимому, имевшему наиболее вызывающий вид: «А ты почему шапки не снимаешь?» — с достоинством ответил Бронштейн. «В карцер его!»

Нисколько дюжих надзирателей подхватили Бронштейна и унесли в карцер. С тем же криком начальник подбежал ко мне и другим с теми же результатами.

В карцере мы просидели сутки, после чего нас, всех участников «бунта», перевели в башню с одиночными камерами, и мы вздохнули с облегчением: наша давнишняя мечта сбылась.

После этого мы недолго оставались в московской пересыльной тюрьме. 3-го мая 1900 года нас наконец отправили. Мы ехали без пересадки до Иркутска в отдельном вагоне. Конвой обращался с нами хорошо, и это путешествие было довольно приятным. Оно продолжалось 13 дней, нас из вагона все время не выпускали, и к нам никого не впускали. Бронштейн, однако, ни к чему не обнаруживал никакого интереса. Он весь был поглощен А. Соколовской.

Мы прибыли в Иркутск. Там в тюрьме я провел неделю вместе с Бронштейном и другими товарищами. Затем мы расстались: нас разослали в разные места. Бронштейна я, однако, не потерял из виду. Связь между нами поддерживалась перепиской; хотя надо сознаться, поддерживалась она не очень деятельно, а потом и совсем прекратилась: не было реальных связей и общих захватывающих интересов.

Зато я имел возможность следить за ним по печати. В Иркутске выходила прогрессивная газета «Восточное обозрение», которую читали все ссыльные и в которой почти все они сотрудничали (присылая корреспонденции о местной жизни, часто содержавшие очень интересный и ценный этнографический материал).

Такой человек, как Бронштейн, не мог не обратить на себя внимания, и редакция скоро заключила с ним лестно-выгодный для него, по условиям того времени, договор о сотрудничестве.

При отправке первой статьи, однако, возник очень серьезный вопрос о псевдониме. Решить его было не так легко, как это может показаться с первого взгляда. Назвать себя, как большинство поступало, по какому-нибудь женскому имени: Тасин, Манин, Ленин, Мартов и т. п., или по месту жительства, Ангарский, Ленский, Печерский и т. п., Бронштейн, разумеется, не мог уже хотя бы потому, что так делали другие, а он не мог быть «как другие». Самым простым выходом было бы назвать себя своей настоящей фамилией, это было бы в высшей степени оригинально: никто так не поступал. Но это было еще более невозможно. Этого вопроса он даже не ставил. Назвать себя Бронштейном значило навсегда прикрепить к себе ненавистный ярлык, указывающий на его еврейское происхождение. А это было как раз то, о чем он хотел, чтобы все, как можно скорее и основательнее, забыли. Его отчуждение от родителей в ранней молодости, пожалуй, в значительной степени можно объяснить нежеланием иметь перед собою слишком реальное напоминание о его национальности: отец имел типичные черты и повадки еврея¹⁰.

Наконец выход был найден. Бронштейн открыл имевшийся под рукой итальянский словарь, и первое слово на странице должно было стать его псевдонимом. Слово это оказалось «Antidoto» (противоядие). И Бронштейн назвал себя «Антид Ото».

Успех его в газете был такой, что о большем и мечтать невозможно было. Его честолюбие должно было получить полное удовлетворение; во всяком случае, максимум того, на что можно было рассчитывать при данных обстоятельствах.

Но понятно, что эта литературная деятельность в сравнительно маленькой газетке, к тому же находящейся за тысячи верст, не могла заполнять и далеко не заполняла его жизни. У него оставалось очень много свободного времени и ищущей выхода энергии, которую решительно некуда было расходовать. И он принимал деятельное участие во всех играх и развлечениях, которыми ссыльные старались скоротать время. Особенно пристрастился он к крокету, отчасти, может быть, потому, что характер этой игры, более чем всякой другой, давал особый простор проявление его природной ловкости, сообразительности и находчивости. И тут, как всюду и во всем остальном, где ему представлялся случай так или иначе проявить свою индивидуальность, Бронштейн органически не переносил соперников рядом с собой; и одержать победу

над ним в крокете было самым верным средством приобрести злейшего врага в нем.

Слава о литературных талантах Бронштейна росла и скоро дошла до заграничных революционных кружков. Руководящим органом русских социал-демократов в то время была издававшаяся в Женеве и тайно переправлявшаяся в Россию газета «Искра». Несмотря на то, что во главе ее стояли такие силы, как Г. В. Плеханов, родоначальник научного социализма в России; его не менее великий антипод Ленин, вождь большевиков и вершитель судеб России впоследствии, Аксельрод, Засулич, Дейч, Потресов¹¹, Мартов, — «Искра» не могла пренебречь такую восходящую звезду, как Бронштейн. И он получил приглашение принять активное участие в газете. Бронштейн не заставил себя долго ждать. Он бросил крокет, жену и двух детей (второй только что родился) и бежал из ссылки, пробыв там около года. На время я потерял его из вида.

Глава пятая Заграницей

II-й съезд РСДРП и раскол в партии. — Большевики и меньшевики. — Бронштейн-Троцкий, Плеханов и Ленин

В ноябре 1902 года я, окончив срок ссылки, вернулся в Николаев. Там мне скоро пришлось с головой окунуться в дела местной социал-демократической организации. Хотя память о Sturm und Drang¹² периода времен Львова (Бронштейна) еще не умерла, но организация влачила жалкое существование. В то время как при Бронштейне подпольно-общественное дело было все, а частная жизнь революционера была лишь придатком к ней (вспомните «Вера без дела мертва есть»), — теперь интеллигенты, стоявшие во главе организации, были заняты своими частными делами, отдавая революции лишь крохи свободного от личных дел времени, да и то еще с опаской, как бы не повредить себе и своей кое-как налаженной маленькой карьере.

Понятно, что при таких условиях дела шли через пень колоду.

При помощи привезенных из Сибири связей мне удалось организовать более правильную доставку нелегальной литературы. Я устроил получение единичных экземпляров «Искры», завел связи с нелегальной типографией «Организационного комитета»

и стал печатать листки. Скоро организация наша пополнилась притоком нескольких новых интеллигентных сил, и мы сообща дружно взялись за работу. Мы возобновили издание «Нашего дела», уже в печатном, а не гектографированном виде, начав с 4-го номера, того номера, на котором остановился Бронштейн.

Работа в организации освежилась и оживилась. Незаметно прошло несколько месяцев. Между нашей организацией и социал-демократическими организациями других городов завязались более или менее прочные связи. И мы послали своего делегата на партийный съезд, состоявшийся в Лондоне в 1903 году.

Мы с нетерпением ждали результатов этого съезда, долгие месяцы ждавшего объединить все разрозненные социал-демократические организации в России в единую целостную партию. Но нас ожидало разочарование. Посланный нами делегат не вернулся. Отчет о съезде нам был представлен субъектом, позорно прославившимся на съезде и известным со времени этого съезда под кличкой Гусева¹³. Этот Гусев был одним из тех надежных эмиссаров, которых приверженцы Ленина, оказавшиеся на съезде в большинстве и получившие впоследствии название большевиков, поспешили разослать по организациям в России и за границей для того, чтобы в нужном для Ленина свете изобразить результаты съезда. «Отчет» Гусева никого из нас не удовлетворил. Он, очевидно, не договаривал, глухо намекая на то, что меньшинство затевает какие-то каверзы против большинства и выбранных съездом органов, что оно чуть не готовится к расколу. От того же Гусева мы узнали, что наш земляк Бронштейн, который тоже был на съезде, заручившись из Женевы мандатом от Сибирской организации, также находится в этом меньшинстве и, понятно, играет видную роль среди «бунтовщиков».

Участие Бронштейна, о преданности делу которого у нас у всех остались лучшие воспоминания, еще больше увеличило наше недоумение.

Что-то непоправимое случилось на съезде: но что именно, мы не знали.

Тем временем я очутился в одесской тюрьме, так и не разъяснив своих недоумений.

В тюрьме я встретился с В. Н. Малянтовичем¹⁴, впоследствии товарищем министра почт и телеграфов при Керенском, и другими товарищами по партии. Воспитанные на идеях строгой партийной

дисциплины в духе Германской Социал-демократической партии, мы все единодушно осуждали «бунтовщиков»-меньшевиков и лояльно считали себя сторонниками большевиков.

Позже нам удалось устроиться так, что мы довольно регулярно стали получать «Искру». Она на съезде была объявлена центральным органом партии; но, по странному стечению обстоятельств, возможно только в подполье, очутилась целиком в руках меньшевиков. Они, естественно, поспешили сделать ее органом для развития своих диссидентских взглядов.

Чем больше я читал «Искру», тем более я недоумевал: каждая статья развивала идеи, под которыми я не только не мог не подписаться обеими руками, но которые явно и очевидно вытекали из всеми нами всегда признававшихся основных принципов.

Чего же большевики хотят?

Среди других статей были также блестящие, негодующие статьи Бронштейна, возбуждавшие в читателе возмущение против Ленина и его чисто нечаевских приемов¹⁵.

Ровно через год после ареста, в сентябре 1904 г., я был освобожден из тюрьмы.

В Одессе, как и в других городах, в это время борьба между большевиками и меньшевиками была в полном разгаре. Суть разногласий между ними уже вполне определилась. Большевики стремились углубить заговорщический характер партии с самым строгим подчинением центру, т. е. Ленину, жившему за границей. В приемах большевиков всегда проглядывало недоверие к массам, боязнь, как бы массы, предоставленные самим себе на пути самостоятельности, не ускользнули от их влияния и не подпали под вредное чужое.

Меньшевики залог успеха партии и будущей революции видели в развитии самостоятельности в массах и настаивали на использовании всякой представляющейся возможности в этой области.

Так как для самостоятельности широких масс, по тогдашним условиям, представлялось очень мало простора, то борьба между большевиками и меньшевиками постепенно стала вырождаться в бесплодную чисто организационную склоку.

В это время из-за границы получилась брошюрка Бронштейна: «Наша тактика». Она уже вышла не под псевдонимом Антида Ото, а Н. Троцкого.

Как только я впервые увидел этот псевдоним, в моей памяти невольно всплыла импозантная фигура Троцкого, старшего надзирате-

ля одесской тюрьмы, величественно опирающегося на свою длинную саблю и из своего центра держащего в руках всю тысячную толпу непривыкших к покорности и повиновению обитателей тюрьмы, всех младших надзирателей и даже самого начальника тюрьмы.

Сильная и властная фигура Троцкого, несомненно, произвела глубокое впечатление и на Бронштейна.

И чем более я знакомился с деятельностью Бронштейна впоследствии, тем больше росла во мне уверенность, что Бронштейн свою новую фамилию позаимствовал у царька одесской тюрьмы.

Когда в 1918 году я встретился в Одессе с Ильей Соколовским, который находился в одном месте с Бронштейном во время его побега из Сибири и, возможно, принимал участие в организации этого побега, я поделился с ним моими соображениями о происхождении псевдонима Бронштейна.

Он поднял меня на смех. По его словам, произошло это гораздо более просто. Бронштейн достал паспорт местного жителя Троцкого и с этим паспортом бежал.

Каково бы ни было происхождение этого псевдонима, он представлялся как нельзя более удобным способом отвязаться наконец от ненавистной еврейской фамилии и навсегда принять фамилию чисто русскую.

Насколько для него важно было избавиться от фамилии, напоминающей о его связи с еврейской нацией, можно судить по тому, что после захвата власти в октябре 1917 года, когда, казалось, руки большевиков были полны самых неотложных работ по коренному преобразований страны и борьбы не на жизнь, а на смерть с еще живой «контрреволюцией», одним из первых их актов, в самые первые дни их господства, был декрет о том, что всякий гражданин имеет право, при желании, переменить свою фамилию, для чего этим же декретом устанавливалась очень упрощенная процедура.

Кому, кроме Троцкого, Стеклова и еще небольшой кучки рвущихся в историю отщепенцев, была такая спешная надобность в этом в такое горячее время?*

* Когда делегация из почетных евреев обратилась к Троцкому как еврею с просьбой воздействовать на своих товарищей-большевиков и не губить приобретений февральской революции, впервые давшей евреям права граждан в России, он пришел в бешенство от такого напоминания о его национальности и в негодовании заявил: «Я не еврей, а интернационалист».

В указанной брошюрке «Наша тактика» Троцкий (будем теперь так называть его) впервые попытался стройно и систематически изложить основные черты тактики меньшевиков, отличавшие ее от тактики большевиков.

В это время Троцкий находился под сильным влиянием П. Б. Аксельрода, одного из пяти основателей первой в России социал-демократической «Группы Освобождения Труда». И «Наша тактика» была лишь распространенной передачей тогдашних идей Аксельрода.

В одном месте этой брошюры, Троцкий в нескольких словах дает характеристику каждого из досъездовских лидеров партии. С наибольшим уважением он, понятно, относится к Аксельроду. Аксельрод, — говорится в брошюре, — пишет мало, но каждая его фраза является для других темой для больших статей. Мартов — это Добролюбов партии. Там же, где надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю, там на первом месте выступал Ленин.

Несмотря на лестную аттестацию, сам Аксельрод, как мне уже тогда приходилось слышать, был далеко недоволен брошюрой Троцкого и тем, как он изложил его идеи. Они получили слишком упрощенный и схематический вид.

Как бы там ни было, брошюрка резко отличается от большинства других произведений Троцкого. В ней совершенно нет того искрометного блеска, составлявшая столь характерную черту его памфлетов впоследствии, и она ничем особенным не выделяется в ряду многих других более или менее хороших брошюр. Она лишена черт оригинальности, в ней отсутствует отпечаток индивидуальности автора.

И это вполне естественно. Меньшевизм совершенно несовместим со всем складом характера Троцкого. Его место скорее было там, где находился Ленин, где «надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю». Но там первое место было занято самим Лениным, который уже тогда явно представлял такую крупную величину и занимал такое выдающееся положение, что нечего было и мечтать не только о том, чтобы занять его место, но даже стать рядом с ним.

А Троцкий никогда не принадлежал к тем людям, которые могут занимать второе место или даже терпеть кого-либо рядом с собой. Единственный выход оставался — стать в ряды «бунтовщиков»; там была надежда выдвинуться в первые ряды и занять впоследствии первое место.

Плеханову бывший среди меньшевиков, конечно, был бы конкурентом, гораздо более опасным, чем Ленин. Но, во-первых, на съезде Плеханов был с большинством, руководимым Лениным; во-вторых, он никогда в организационных делах большой роли не играл, будучи по существу теоретиком. А теория именно всегда мало привлекала Троцкого. И с первого же личного знакомства с Плехановым он питал инстинктивную ненависть к нему, что впоследствии неоднократно печатно засвидетельствовал с развязностью, поистине изумительной и никем не превзойденной.

Впрочем, и Плеханов сразу почувствовал к Троцкому непреодолимую антипатию. Задолго до приезда Троцкого из ссылки за границу, о нем уже много говорили, как о человеке, у которого замечательное перо. «Это перо мне очень не нравится», — говорил Плеханов друзьям после того, как в первый раз увидел Троцкого*.

Как бы там ни было, вся последующая политическая деятельность Троцкого с очевидностью доказывает, что идеи брошюры «Наша тактика» совершенно чужды были всему складу его характера, и она являлась лишь плодом вынужденного положения. И потому нет ничего удивительного в том, что она носит характер вымученности, характер статьи, написанной на заказанную чужую тему, что на ней нет отпечатка индивидуальности Троцкого.

Глава шестая В Петербург

Октябрьские дни 1905 году. — Троцкий в Петербургском Совете рабочих депутатов. — Парус и «перманентная революция». — Арест. — Первая Государственная дума

После этого я на некоторое время потерял Троцкого из виду.

Настали октябрьские дни 1905 года. Все выползли из подполья. Лидеры из зарубежных стран хлынули в Россию, в Петербург. Троцкий к этому времени уже находился там.

Для меньшевиков впервые открылась реальная возможность проводить в жизнь свои идеи о самостоятельности масс в широком масштабе. И они, действительно, не дожидаясь законодательного оформления, приняли самое деятельное участие в организации

* В этом с ним впоследствии сходилась Ленин, назвавший Троцкого «революционной балалажкой».

профессиональных союзов, кооперативов и всяких других объединений.

Идея Совета рабочих депутатов, сыгравшего такую видную роль в революции 1905 года, нашла у них свой первый самый живой отклик. Большевики, с Лениным во главе, верные своим принципам, решительно восставали против всех этих затей, пока власть находится в руках старого правительства. Увидев, однако, что рабочие, не слушаясь их окриков, охотно организуются в профессиональные союзы, идут в кооперативы и пр. и что Совет рабочих депутатов становится главным центром революции, большевики с Лениным во главе переменили тактику, хлынули в эти организации и всюду начали свою большевистскую дезорганизацию; а в Совете рабочих депутатов, вся сила которого была в его беспартийности, подняли скоро вопрос о подчинении его социал-демократической партии, т. е. в конечном счете большевикам; но в этом они успеха не имели.

Для Троцкого открылась наконец возможность выдвинуться и широко развернуть свои таланты. Он меньше всего интересовался теоретическими спорами между меньшевиками и большевиками, раз открылась возможность широкого действия и активного проявления своей личности. И когда первый председатель Совета рабочих депутатов, Хрусталеv-Носарь¹⁶, был арестован, Троцкий, под именем Яновского, фактически стал одним из главнейших руководителей Совета. Он достиг самого высшего, чего он мог желать. Взоры всей России были устремлены на Совет рабочих депутатов и его руководителей. Главный царский министр Витте¹⁷ вел переговоры с Троцким, как с равным себе представителем новой сильной державы. Было от чего закружиться голове и у всякого другого, а тем более у Троцкого, который, — теперь уже под сильным влиянием Парвуса — известного русского и германского социал-демократа, впоследствии ренегата и спекулянта, — бредил «перманентной революцией». Когда Николай издал свой знаменитый октябрьский манифест, Троцкий, отвергнув участие в выборах в Государственную думу и вместе с большевиками всецело приняв точку зрения бойкота, в одной из своих речей заявил, что «рабочий класс на кроваво-красных стенах Зимнего дворца кончиком штыка напишет свой собственный манифест».

Организационно, впрочем, Троцкий по-прежнему оставался с меньшевиками; и парвусовские идеи о «перманентной революции» он развивал на страницах меньшевистского «Начала».

В декабре 1905 года я приехал в Петербург и в первый же день встретился с Троцким в редакции «Начала».

В элегантно одетом, изящном господине с очень важным видом я с трудом узнал Леву Бронштейна с его небрежной косовороткой и прочими атрибутами былого опрощения.

Хотя он обнялся со мной и расцеловался, в его отношении ко мне ясно давал себя чувствовать покровительственный холодок человека, стоящего очень высоко на общественной лестнице и не имеющего возможности тратить время с друзьями того отдаленного времени, когда он еще не был в чинах. Он уделил мне всего 2–3 минуты в коридоре, пригласил на завтрашнее заседание Совета и исчез в редакционном лабиринте.

Присутствовать на заседании Совета мне, однако, так и не удалось, и Троцкого на свободе я больше не видел. На квартире, где мне была предоставлена ночевка, ночью, когда дом был полон гостей, был произведен обыск (по доносу о хранении нелегальной литературы), и я как еврей, не имевший права жительства в Петербурге, был арестован. Я переночевал в участке, а на следующее утро меня посадили в поезд и выслали из Петербурга. С первым встречным поездом я в тот же день вернулся обратно в Петербург.

На заседание Совета я, однако, решил некоторое время не ходить, чтобы не попасть на глаза арестовавшему меня приставу.

Тем временем весь Совет, вместе с Троцким, был арестован и предан суду.

После ареста Совета политическая жизнь продолжала идти интенсивным темпом, направившись лишь по другому руслу: началась Думская кампания.

Между большевиками и меньшевиками опять загорелась борьба. Меньшевики отстаивали участие в выборах, большевики были решительно за бойкот, боясь, что участие в выборах создаст в массах иллюзии, будто эта недемократическая и почти бесправная Дума может разрешить все политические и социальные вопросы, и отвлечет внимание этих масс от необходимости борьбы за Учредительное собрание. Учредительное собрание в их глазах, таким образом, в отличие от Думы, приобретало характер какого-то талисмана или социально-политической отмычки, обладающей чудесными свойствами, независимо от условий места, времени и окружающей обстановки. Сторонников участия в выборах они обвиняли на этом основании в распространении и поддержке

вредных антидемократических «конституционных иллюзий». Это было у них тогда таким же любимым выражением, как теперь «контрреволюционеры». Государственная дума была наконец избрана и созвана. Ее успех и популярность в массах превзошли все ожидания. Даже большевики опешили, хотя не хотели в этом сознаться. Вопреки всем их гаданиям на кофейной гуще, Дума стала центром революционного освободительного движения в России, и правительство не могло ее долго терпеть. В июле она была разогнана. Реакция решительно подняла голову. Начались аресты и обыски. Был арестован и я.

Глава седьмая

В Доме предварительного заключения

Споры о бойкоте Думы. — Кадетизм и анархизм. —

Колебания Троцкого. — Чужие лавры

В Доме предварительного заключения, куда я попал, политические пользовались свободой настолько, что совершенно беспрепятственно могли переговариваться через окна. Политические события резко нарастали. Каждый день приносил что-нибудь новое, и каждого вновь прибывшего (а арестованные прибывали непрерывно) товарищи осаждали допросами. Той же участи подвергся и я. Троцкий, который в это время тоже находился в Доме предварительного заключения, между прочим, спрашивал меня об общих знакомых. Мое замечание по поводу одного из очень интересовавших его лиц, что он теперь «совсем меньшевик, почти кадет», вызвало злорадную реплику со стороны Троцкого: «Это очень пикантно в устах меньшевика!» В его глазах таким заявлением я убийственно компрометировал и себя, и меньшевиков. Между тем у меня это не было неудачной обмолвкой; для меня, действительно, ясно было, что кадетизм это — свойственная меньшевизму форма оппортунизма, тогда как оппортунизм, свойственный большевикам, — анархизм. Всякая революционная тактика (большевизм тогда еще был течением революционным) имеет свойственную ее сущности форму оппортунизма. Я считал, что мне чужд и тот и другой вид оппортунизма. Но если бы мне пришлось выбирать из двух форм оппортунизма, анархистского и кадетского, я всегда предпочел бы кадетский. Троцкий, несомненно, питал предпочтение и склонность, — хотя ни в каком

случае тогда он не решился бы признаться в этом, — к анархистскому оппортунизму, которому он теперь отдался всецело. Отсюда сарказм.

Следствие по делу Троцкого скоро после моего ареста было закончено; и он стал пользоваться сравнительно большей свободой, чем я и другие, находившиеся под следствием. Он писал статьи и брошюры, и они печатались. Пользуясь сравнительной свободой внутри тюрьмы, он часто подходил к моей камере, и мы подолгу беседовали через «волчок».

Благодаря ему я имел возможность вести переписку с женой. Он брал у меня письма и доставлял ответы, минуя тюремную администрацию. Он также доставлял мне газеты и нелегальную литературу.

Как я уже указывал, во всех тактических вопросах он всегда был с большевиками, хотя организационно связывал себя с меньшевиками. Связь эта, как я также указывал, на мой взгляд, объясняется чисто случайными обстоятельствами в момент возникновения меньшевизма. Большевик по натуре, Троцкий стал меньшевиком по необходимости.

Во время одной из наших бесед через волчок я задал ему прямой вопрос: неужели он, считающий себя марксистом, не видит, что меньшевики именно являются настоящими марксистами и что большевикам совершенно чужд марксистский образ мышления. Он признал справедливость этого (иначе какой бы он был меньшевик?) и допустил, как самоочевидную вещь, что Ленин совсем не марксист. Однако при этом он прибавил, что меньшевики совершенно неспособны к живому, активному политическому действию, в то время как большевики всегда умеют схватывать настоящую здоровую, правильную тактику. И в его словах явно звучала горячая симпатия к близким ему по духу большевикам и с трудом скрываемаая антипатия к совершенно чуждым ему меньшевикам.

«Как ты объяснишь, в таком случае, такое странное обстоятельство, что правильную марксистскую тактику могут проводить только очевидные не марксисты, а марксисты совершенно неспособны к марксистской тактике?»

На это я ответа не получил. Ему «помешали», и он больше к этому вопросу не возвращался.

Однажды он принес мне свою написанную в тюрьме и только что напечатанную брошюрку «Наши задачи в связи с разгоном

Думы»¹⁸ (не ручаюсь за буквальную точность заглавия, но таково было ее содержание). Он, надо полагать, этим своим произведением был очень доволен. И ему, по-видимому, очень хотелось услышать похвалу из чужих уст. По этой ли или по другой причине (судить не берусь), но он попросил меня подробно написать мое мнение о ней. Я охотно согласился: при вынужденной тюремной бездеятельности и у меня жажда хоть какой-нибудь деятельности далеко превосходила предоставляемые для нее возможности.

В этой брошюлке Троцкий откровенно признается, что тактика бойкота в первую Государственную думу была ошибкой*: «Мы не учли момента, и надо не бояться открыто признаться в этом».

Но когда он переходит к «Нашим задачам», он прямо поражает бедностью мысли и отсутствием реального содержания. Никакой осязаемой тактики он, в сущности, не предлагает. Все изложение ограничивается громкими трескучими фразами, не дающими читателю никакого указания: что же делать?

Я уже в другом месте указывал, что Троцкий мог в свое время хорошо излагать теории марксизма, но когда дело доходило до применения его на практике, он неизменно пасовал.

Марксизм, — бесстрастно анализирующий социальный организм, выясняющий роль социальных групп в нем, социальные силы, движущие этот организм в том или ином направлении, — совершенно чужд всему психическому складу Троцкого, слишком занятого своей собственной личностью и ее именно ролью в истории данного момента. У него не хватает терпения внимательно и вдумчиво вчитываться в страницы книги жизни. Он быстро перелистывает ее, спеша отыскать свое имя в ней и занять свое место (непреренно первое и по возможности эффектное). Статья или брошюра «Наши задачи», «Наша тактика» и т. п. должна только оправдать занятую позицию. Где уж тут до марксистского анализа? Он после, белыми нитками, пришивается спереди или сзади, смотря по тому, как это диктуется архитектурными соображениями, а то и совсем забывается.

* В этом отношении он резко отличается от Ленина, который упорно отстаивал правильность потерпевшей очевидный крах тактики бойкота выборов в первую Думу даже тогда, когда признавал необходимость участия в выборах во вторую Думу.

Кадеты Родичев и Петрункевич, через Думу, стали героями страны¹⁹. Лавры, доставшиеся им, могли бы достаться «нам», если бы «мы» не сделали ошибки, правильно учли бы момент и т. д. А потому «Наши задачи», «Наша тактика» и т. д., и т. д.

Кое-какие общипанные лавры во второй Думе выпали и на «нашу» долю, но не в лице Троцкого, которого они опять миновали, а в лице большевика Г. Алексинского*.

Из всех профессий, в которых Троцкий до сих пор с большим или меньшим талантом изощрялся: памфлетиста, публициста, народного трибуна, дипломата, — эта профессия политика-аналитика меньше всего соответствует его психической конструкции. Тут он наиболее резко обнаруживает свою Ахиллесову пяту. Более всего на своем месте он, пожалуй, в теперешней роли фельдмаршала. На этом поприще все его таланты могут развернуться во всю ширь.

Так или иначе, брошюрка мне совсем не понравилась. Я откровенно написал свое мнение, в виде критической заметки, не скрывая того, что я думал, но, понятно, в очень корректной, дружески-товарищеской форме. Мне и в голову не приходило, что эта моя невинная заметка, в ответ на его просьбу, может сколько-нибудь повлиять на наши отношения, в особенности если принять во внимание разницу общественно-политического удельного веса каждого из нас.

Я жестоко ошибся. После моей заметки он явно дулся на меня, стал избегать меня и если и подходил к моей камере, то быстро просовывал сквозь щель под дверью газету или письмо от жены и немедленно исчезал. О моей заметке — ни слова, как будто я ее не писал и он меня об этом не просил; и беседы со мной через «волчок» прекратил. Он демонстративно давал мне чувствовать свое полное охлаждение ко мне.

Скоро его отправили в Сибирь. Через некоторое время и меня отправили в административную ссылку в Вологодскую губернию, и я надолго потерял Троцкого из виду.

* Со времени войны Алексинский решительно порвал с большевиками и стал в ряды борцов против большевизма.

Глава восьмая В эмиграции

*Лондонский съезд РСДРП. — Троцкий со «своим складным стулом». —
Веская «Правда». — Отношение к старым друзьям*

В 1907 году состоялся съезд российских социал-демократов в Лондоне. Там присутствовал цвет партии. Со стороны меньшевиков были Плеханов, Мартов, Церетели и многие другие светила. Со стороны большевиков — Ленин, Роза Люксембург, Алексинский, А. Богданов, Покровский, Тышко и др. Лучшие места с обеих сторон были заняты. Что было делать Троцкому, который успел бежать из ссылки и попал на этот съезд? Примкнуть к чужому течению он не мог, и он основал собственное третье течение, «болото», как его называли. В качестве лидера этого третьего течения, он отныне выступал на съездах и конференциях, не смущаясь, если ему приходилось быть ее единственным представителем. Мартов как-то позднее, уже во время войны, выразился о нем, что он всюду приходит со своим собственным складным стулом.

В 1908 году я очутился в Соединенных Штатах, в Нью-Йорке. До 1912 года сведения мои о Троцком были очень скудны. Партия в это время переживала период разлагающего застоя. В ней даже развилось особое течение, имевшее сторонников среди очень видных представителей ее, требовавших ликвидации партии. Это был период «ликвидаторства»²⁰.

Троцкому, большевику по духу, меньшевику по организационным связям, в качестве «лидера» третьего течения, легко было, в этой нездоровой обстановке, занять положение примирителя и объединителя. Он издавал в Вене свою собственную газетку «Правда», где он проводил свои собственные «третьи» идеи... Мне приходилось читать «Правду», но особую идею мне выудить там никак не удалось.

В 1912 году нью-йоркская организация русских социал-демократов стала выпускать свою газету «Новый мир». В качестве редактора был из Парижа приглашен Л. Г. Дейч.

Однажды Л. Г. Дейч вручил мне письмо, полученное для меня на адрес редакции из Парижа. Она было от Троцкого.

Не могу скрыть, что я ему очень обрадовался. Прежде, чем я успел вскрыть его, на меня повеяло чем-то близким, родным и вместе с тем ушедшим куда-то в грустную даль.

Содержание письма меня, однако, в значительной степени разочаровало. Оно было коротко и написано в очень сдержанном тоне. От письма у меня получилось такое впечатление, что Троцкий боялся, как бы не очутиться в объятиях совершенно чужого человека или еще больше, чтобы дружески протянутая рука не повисла в воздухе без ответного пожатия: ведь мы так давно не виделись, и он обо мне давно ничего не слыхал. В одном месте письма он прямо так и спрашивает: не «американизировался» ли я (опять намек на пресловутую «измену»). Не сообщая о себе ровно ничего, он просит меня подробно сообщить о себе, оставляя, по-видимому, за собою право поступить в дальнейшем со мною в зависимости от моего ответа.

Что побудило его написать это письмо: потребность ли возобновить старые дружеские отношения, или какое-либо другое изображение, мне трудно было тогда решить. Позже, когда он поехал в Америку, в беседе со мной, он сообщил мне, что как-то написал (судя по всему, это было около того времени, когда он написал мне) письмо Францу Швиговскому. Но, совершенно неожиданно и к величайшему своему изумлению, получил от него такой грубый отпор, что о продолжении переписки не могло быть и речи²¹.

Для меня, хорошо знавшего благородство, чуткость и деликатность Франца, такое его поведение было совершенно непонятно, в особенности по отношению к человеку, с которым он был так близок и дружен. Когда же я про себя сопоставил историю этого письма с письмом Троцкого ко мне, мне стало ясно, что Троцкий чего-то не договаривает. Очень возможно, что в письме своем к Францу (также, вероятно, предусмотрительно сдержанном и холодном) он еще резче, чем в письме ко мне, намекнул ему об «измене».

Встретив Франца, уже по приезде в Россию, в 1918 году, я спросил его об этом письме. Точно содержания письма Троцкого он не помнил. Он помнил только, что оно было написано в таком оскорбительном духе, что другого ответа, кроме того, который он ему дал, оно не заслуживало.

Я не сомневаюсь, что у Троцкого не было намерения в письме к Францу оскорбить последнего, как у него не было намерения оскорбить меня. Я склонен думать, что письмом к Францу, как и письмом ко мне, он искренно хотел возобновить дружеские отношения. Но, не обладая ни чуткостью, ни деликатностью, ни бла-

городством Франца, он, в эгоистическом стремлении обезопасить себя от возможности неприятного для его гипертрофированного самолюбия отпора, слишком перегнул палку в противоположную сторону и добился, — как это часто в таких случаях бывает, — как раз того, чего так старательно хотел избегнуть. Что касается меня, то я, с одной стороны, очень хотел ответить Троцкому и завязать с ним переписку; с другой стороны, какой-то неприятный осадок от письма меня каждый раз удерживал. И я так ему и не ответил. Возможно, что это было записано мне в пассив не менее, чем Францу его «грубый» отпор.

Я считал нужным остановиться на этом незначительном по себе эпизоде потому, что он характеризует Троцкого как друга. Как бы Троцкий ни был привязан к другу, он никогда не является для него самоцелью. Друг существует для него и ценен только до тех пор, пока так или иначе дает возможность для проявления его (Троцкого) индивидуальности. Он, действительно, любит его, привязан к нему и пр. Как самостоятельная индивидуальность, вне указанной служебной роли, друг не имеет для него значения. Поэтому, как только друг перестал играть эту роль, дружба сразу отпадает, как будто ее никогда не было, без всякой внутренней борьбы, без трагических переживаний.

Он говорил о разрыве с Францем так легко, как о совершенно чужом, с которым он никогда не был близок; то же он проявил по отношению ко мне после моей критики его брошюры в Доме предварительного заключения; то же было по отношению к Дейчу; к жене, Александре Соколовской, которую он оставил с двумя детьми, с легкостью прямо изумительной, и т. д., и т. д.

Глава девятая

Война

Троцкий в Цюрихе и Париже. — Парижские «Голос» и «Наше слово». — «Интернационализм» и пораженчество. — Полемика с оборонцами. — Арест и высылка Троцкого из пределов Франции

Прошло два года. В 1914 году вспыхнула война, разделившая почти всю Европу на два враждующих лагеря. Но и нейтральные страны, естественно, никоим образом не могли оставаться равнодушными к исходу войны и, более или менее откровенно, становились на ту или другую сторону.

Население нейтральных Соединенных Штатов в громадном большинстве было решительно на стороне Англии и ее союзников.

На стороне центральных держав были, главным образом, патристически настроенные выходцы из Германии и Австро-Венгрии, в том числе многочисленные в Америке галицийские евреи. Массы этих выходцев, не способные стать на более широкую общую точку зрения, естественно желали победы своей родине.

Но были и такие, которые сочувствовали центральным державам только потому, что желали поражения своей родине. К ним принадлежали ирландцы, всегда имевшие зуб против Англии; а также выходцы из России, большинство которых эмигрировало в Америку в поисках за убежищем от политического и национального гнета на родине. Они были проникнуты ненавистью к деспотическому русскому правительству, которое они, в своем невежестве, смешивали с Россией. И потому они, естественно, желали России поражения и всяческих бед и питали враждебные чувства к связавшимся с нею Англии и Франции.

Газеты, заботясь, главным образом, о тираже, отражали настроение своих читателей. Громадное большинство их было на стороне Англии, Франции и пр. Те же, главный контингент читателей которых составляли немцы, ирландцы или пораженчески настроенные русские выходцы, были за победу Германии и ее союзников.

Социалистические газеты, большинство читателей которых были те же немцы и выходцы из России, были настроены резко германофильски. Таков был английский «Колл», немецкий «Фолксдайтунг», русский «Новый мир». Такою же была газета «Русское слово», редактировавшаяся тогда Иваном Окунцовым.

Особенно в этом отношении отличалась еврейская социалистическая газета «Форвертс». Эта газета всегда имела все типичные черты желтой газеты. Рост тиража всегда был основной целью и предметом гордости ее редактора Абрама Кагана, который даже хвастался этим в своих передовицах.

«Форвертс» сначала занял было позицию сочувствия Англии и ее союзникам. Но, увидев, что его конкурент («Варгайт») потерпел крах вследствие такой политики, в короткий срок потеряв большинство своих галицийских читателей, — он быстро повернул фронт. Ведь его читатели тоже наполовину состояли из галицийских евреев, а другую половину составляли русские

эмигранты, враждебно настроенные к царскому правительству. Эта газета не только открыто заняла германофильскую позицию, но и в шумно крикливых сообщениях своих прибегала к приемам, свойственным желтой шовинистической прессе самого низкого пошиба, с рекламным восхвалением «геройских» подвигов германских войск, командиров, отдельных солдат и шпионов и всяческой хулой на такого же рода подвиги противной стороны.

В 1916 году Л. Г. Дейч, давно устранившийся от редактирования «Нового мира», стал издавать ежемесячный журнал «Свободное слово», в котором последовательно развивал точку зрения социалистов, оставшихся верными своим освободительным тенденциям; он решительно и со всею энергией восставал против германофильства местных социалистических изданий, все равно, принадлежали ли они к откровенным пораженцам, в духе Ленина, или прикрывали свое германофильство благозвучной кличкой «интернационалистов».

Хотя редакция «Свободного слова» в первой программной статье вполне ясно и определенно высказала свою точку зрения, она, тем не менее, там же объявила, что в интересах всестороннего освещения вопроса, она открывает свои страницы также для товарищей из лагеря «интернационалистов»*.

Троцкому, Мартову и другим были с этой целью посланы формальные приглашения. Никто, однако, кроме В. Мандельберга²², члена 2-й Государственной думы, не откликнулся. Мартов прислал отказ. Троцкий не удостоил даже ответа.

Троцкого война застала в Австрии. Еще в самом начале войны он написал брошюрку на немецком языке, изданную в Цюрихе, под названием «Война и Интернационал»²³. После объявления войны он как русский подданный был выслан из пределов Австрии и поселился сначала в Цюрихе, а потом в Париже.

Там, в то время, когда немцы вели свое усиленное наступление и когда они грозили овладеть Парижем, Троцкий в самом Париже, под охраной французских штыков, в своей газетке «Голос» (скорее маленькая листовка, чем газета), не переставая, обливал грязью французское правительство и союзников. Изливая на них потоки

* Тогда еще не было полного разрыва с ними. И группа «интернационалистов» еще резко отделяла себя от пораженцев, возглавляемых Лениным, который заявил, что Троцкий, в сущности, такой же предатель, как и Плеханов.

фанатической злобы, он не оставлял без придирчивых нападок самого малейшего действительного или мнимого промаха этих правительств, в то время как самые возмутительные акты германского и австрийского правительств самым странным образом совершенно замалчивались им²⁴.

Варварское потопление «Лузитании», при котором погибли тысячи женщин и детей, вызвало, как известно, бурю негодования во всем цивилизованном мире. Даже желтый шовинистически-германофильский «Форвертс» не считал возможным не поместить несколько обширных статей, выражающих возмущение этим актом.

В газетке Троцкого это событие было обойдено самым полным молчанием.

На небольшом пространстве этой маленькой газетки Троцкий не уставал, бия себя в грудь, трубить о своем «интернационализме» и клеймить «пошлого» Плеханова и других «предателей» из того же лагеря, осмелившихся отстаивать еретическую идею о праве всякого народа на самозащиту в случае нападения на него. В то же время он так явно на каждом шагу проявлял свою более чем нежную терпимость к слишком «интернационалистическим» наклонностям Вильгельма и его союзников, что приходилось невольно только руками разводиться.

И Дейч однажды, под влиянием только что прочитанного свежего номера газетки Троцкого, весь кипя негодованием, воскликнул: «Если бы я лично не знал Троцкого, я бы не сомневался в том, что он подкуплен германским правительством».

Так как упомянутая выше брошюрка Троцкого «Война и Интернационал» была единственным имевшимся тогда в нашем распоряжении литературным произведением, в котором более или менее полно излагалась вся несложная премудрость «интернационализма», то Дейч считал полезным дать своим читателям понятие о ней, тем более что сами «интернационалисты» наотрез отказались познакомить читателей «Свободного слова» со своей точкой зрения, хотя в шовинистическом, откровенно-германофильском «Форвертсе» они охотно сотрудничали (и Троцкий, и Мартов, и вся братия). Написать соответствующую статью Дейч поручил мне, в результате чего в одном из первых номеров журнала появилась моя библиографическая заметка об этой брошюре.

Троцкий, считавший ниже своего «интернационального» достоинства сотрудничать в таком журнале, как «Свободное слово»,

тем не менее считал, по-видимому, своим публицистическим долгом самым внимательным образом следить за ним.

Газетка Троцкого, вообще не отличавшаяся разборчивостью в выборе средств борьбы и более чем беззаботно относившаяся к элементарным требованиям чистоты литературных приемов, — совсем уже распясывалась, когда дело касалось маленького, но тем более ненавистного далекого американского журнала. Получалось впечатление, будто Троцкий лично мстил за что-то редакции и ее главе Дейчу, с которым он до самого недавнего времени был в самых дружеских отношениях и которому очень многим был обязан.

Ничто в этом журнале не ускользало от зоркого ищущего внимания Троцкого и его верных помощников-сотрудников.

Все подвергалось самому строгому «критическому» разбору: статьи, статейки, скромная библиографическая заметка Дейча о выходе первого тома «Истории общественной мысли в России» Плеханова, даже объявления. Ничего не пропускалось, и все подвергалось самому тщательному глумлению и оплевыванию.

Одного, казалось, в «Нашем слове» упорно не хотели замечать: моей библиографической заметки о брошюре Троцкого. Дейч уже подтрунивал надо мною по этому поводу.

Прошло три месяца, и вдруг неожиданно-длинная статья, озаглавленная «Война и Интернационал», или что-то в этом роде (заглавия таких статей также однообразны и несложны, как и сама идея «Интернационализма»), подписанная Троцким и целиком направленная против моей заметки; но на этот раз не в парижском «Нашем слове»*, а в нью-йоркском «Новом мире».

За этой длинной статьей последовали другая, третья и четвертая, — все о той же небольшой библиографической заметке.

Все четыре статьи представляли сплошной набор изысканных ругательств по моему адресу, без малейшей попытки привести хотя бы самую короткую цитату из моей заметки для характеристики моих наивных и глупых поползновений провинциального дилетанта в области литературных упражнений, осмелившегося выступить против признанного корифея русской публицистики.

В своей парижской газетке Троцкий по-прежнему неутомимо продолжал заполнять две маленькие странички, имевшиеся в его

* «Наше слово» заняло место закрытого французским правительством «Голоса».

распоряжении, нападками на французов и союзников, и также упорно замалчивать деяния Германии и ее союзников. Оставалось только удивляться тому, как французское правительство терпело у себя такую занозу, хотя и маленькую, но от того не менее назойливую.

Наконец чаша его терпения переполнилась и газетка была окончательно закрыта, а Троцкий был арестован.

Его выслали из пределов Франции, и он попал в Испанию. Правительство Испании, — возможно под давлением французского, — также не пожелало иметь его у себя на свободе, и ему грозила ссылка чуть ли не в Новую Каледонию. Благодаря вмешательству американских социалистов, ему были высланы деньги на дорогу, и он приехал в Нью-Йорк.

Глава десятая В Америке

Митинг-встреча в Нью-Йорке. — Речи о «немедленном прекращении военных действий на фронтах». — «Реакционная империалистическая Антанта» и «прогрессивная» Германия. — Грядущая «мировая революция»

Как только стало известно, что Троцкий приезжает в Нью-Йорк, местные социалистические газеты начали кампанию подготовки и обработки публики для достойной встречи гостя.

Обстоятельства были более чем благоприятны для того, чтобы провести эту кампанию в чисто американском масштабе и размерах: старый борец за свободу и демократию России (Троцкий тогда еще был сторонником свободы и демократии), социалист и революционер, изгнанный из Австрии, не допущенный в Германию, преследуемый во Франции и Испании, подвергшийся травле во всей Европе за свою горячую и самоотверженную преданность идее мира, — чего больше надо для анти-милитаристически настроенных читателей социалистических газет, каждый день подогревавших энтузиазм своих читателей все новыми сведениями о прежней и теперешней деятельности Троцкого.

Не только «Форвертс», «Новый мир» и «Колл» были полны статьями о нем, но и кое-где в буржуазной прессе появились благожелательные заметки об ожидаемом госте: ведь он был не только анти-милитаристом, но и деятельным участником борьбы за рус-

скую свободу, к которой в Америке всегда относились с большим сочувствием.

Прежде чем Троцкий успел ступить на американскую почву, опытные интервьюеры от местных газет поспешили учинить ему самый строгий допрос о прежней и теперешней жизни, о политических взглядах, идеях, планах, — обо всем, что ему хорошо известно, малоизвестно, совсем неизвестно и не может быть известным.

На другой день в социалистических газетах появились подробные отчеты об этих интервью. «Форвертс» поместил самую большую статью, заполнив ею чуть не полстраницы обширного формата. На следующий день появилось продолжение и т. д., и т. д.

На одном из таких интервью Троцкий, осажденный полудюжиной интервьюеров, польщенный таким неожиданным приемом и помпой, заметил: «Никогда на самом строгом допросе жандармов я так не потел, как теперь, под перекрестным огнем этих специалистов своего дела».

В газетах помещались его портреты, старые и только что схваченные в разных позах и положениях.

Вскоре по приезде Троцкого в Нью-Йорк в честь его был устроен так называемый Reception Meeting в «Купер Юнион».

Понятно, митинг этот всячески рекламировался предварительно и в статьях, и в объявлениях с чисто американским размахом и шумом.

Я, конечно, решил пойти на этот митинг. Хотя я пришел с значительным опозданием, снаружи, вопреки ожиданию, не было никакой толпы, зал был почти пуст, и я мог занять место в одном из передних рядов.

Я помню такое собрание в этом самом зале в 1912 году, когда такой же Reception Meeting был устроен в честь Дейча. Задолго до часа, объявленного для начала митинга, зал был переполнен. Не только вся платформа на сцене, все сидения в амфитеатре и все проходы были заняты, — было занято все пространство позади сидений, между сидениями и сценой, даже на подоконниках; где только можно было опереться ногой, стоял человек. Так широко популярно было имя Дейча, приехавшего для скромного дела редактирования маленькой русской газеты.

Теперь же самой искусной рекламы, с игрой на самые чувствительные струны эмигрантской массы, очевидно, оказалось недостаточно для того, чтобы за ночь создать популярность человеку,

жившему до этого далеко за океаном и до сих пор громадному большинству, заполняющему обыкновенно залы таких митингов, совершенно неизвестному.

Зал наполнялся очень медленно, и собрание пришлось открыть при наполовину пустом зале, после того, как время, назначенное для начала, давно прошло.

Опять, в полном согласии с установленным обычаем, прежде чем было дано слово Троцкому, выступило множество ораторов, на разных языках изошрявшихся в дифирамбах высокому гостю, но особенно надрывался представитель редакции немецкой социалистической газеты Лоре, который рвал и метал (он был, конечно, «интернационалистом» и желал победы немцам) и из кожи лез, чтобы возможно выше превознести «нашего дорогого учителя», совершенно забывая, что, по крайней мере, три четверти собрания, не знавшего немецкого языка, его совсем не понимало.

Как Троцкий, писавший по-русски, мог стать учителем немца Лоре, русского языка совсем не знавшего, и какие ученые труды, хотя бы на русском языке, имел в виду усердный дифирамбист, так и осталось его личной тайной. Неужели брошюрка «Война и Интернационал» так просветила неприхотливого ученого редактора?

Когда публика была в достаточной мере утомлена этой нестройной многоязычной армией ораторов, выступил сам виновник торжества Троцкий, встреченный дружными аплодисментами.

Известно, что в Америке популярность оратора измеряется промежутком времени, в течение которого ему мешают начать его речь более или менее неистовыми выражениями любви, уважения и преклонения: аплодисментами, свистом, топаньем ног и т. п. очень несложными, но оттого не менее шумными приемами.

Это называется «cheering».

Неизвестно, сколько времени продолжался бы «cheering» в честь Троцкого, если бы он, не успев еще приобрести вкуса к американским угощениям, резко не пресек его в самом начале явными знаками нетерпения и не начал свою речь, невзирая на самый разгар аплодисментов, после того как знаки нетерпения не произвели должного эффекта.

Публика моментально присмирела.

Трудно высказывать суждение об ораторских достоинствах противника. Тем не менее я должен сознаться, что эта речь Троцкого произвела на меня очень сильное впечатление, просто

с художественной стороны. Слушая его, я испытывал истинное эстетическое наслаждение, цельное, несмотря на то, что я решительно отвергал всю идею, на которой она была построена. Это был образец ораторского искусства.

Я слушал его много раз после этого. То были иногда речи посредственные, были хорошие, были и очень хорошие. Но такой, как эта, я больше не слышал. Троцкий, несомненно, к ней тщательно подготовился, на что имел редкую возможность; и подготовился так, как он к другим речам, несомненно, не готовился и не мог готовиться. Эта речь была лишена грубо демагогических приемов воздействия на слушателей, по крайней мере, таких для культурного слуха явных, которые мы с правом можем назвать демагогическими: благодарная тема делала их совершенно излишними. Он подавлял слушателей массой фактов, рисуя реальные ужасы войны и непоправимые разрушения, материальные и духовные, которые она приносит сейчас и которыми, в еще большей степени, она неизбежно грозит нам в будущем.

Он приводил своих читателей в трепет, с ужасом сообщая им, что Париж с 6-ти часов вечера погружается в мрак. Но не из боязни германских цеппелинов, — в горячем пафосе выкрикивал он, — а потому, что, в своей экономической деградации, Франция уже дошла до того, что у нее не хватает угля; и женщины с мешками ходят по улицам, собирая осыпавшиеся кусочки угля для того, чтобы согреть своих озябших детей и сварить им немного теплой пищи...

А моральная деградация. Французское правительство, ради победы во что бы то ни стало (это было время апогея побед Германии), в полном согласии со своими не менее варварскими союзниками, не останавливаются перед тем, чтобы для спасения цивилизации посылать против немцев африканских чернокожих дикарей, в ранцах которых (тут негодующий пафос Троцкого достиг высшего напряжения) находили отрезанные уши немецких солдат.

Дальше моральное одичание, вызываемое войной, идти не может. Он подавлял аудиторию обилием фактов, один ужаснее другого. И его горячее негодование и благородный пафос передавались слушателям; и, наэлектризованные его красноречием, они проникались искренним возмущением против французского правительства и его союзников, ведущих Европу к таким ужасам экономического, социального и морального разложения.

Правда, все эти ужасы, при всей их действительной колоссальности, только невинная детская игра в сравнении с ужасами и деградацией, вызванными бесконечной гражданской войной, разразившейся впоследствии в России. Правда, что невольно возникает сомнение в искренности Троцкого, когда вспоминаешь, что вдохновителями и руководителями этой гражданской войны являются именно Троцкий и его друзья, успевшие стать у власти, и всякими правдами и неправдами старающиеся распространить священный пожар этой гражданской войны на всю Европу, которая с трудом уже обрела наконец столь горячо желанный Троцким мир, и стремящиеся даже перекинуть этот пожар на весь остальной цивилизованный и не цивилизованный мир, еще к ужасам этой тлетворной деградации не приобщенный.

Но слушатели его тогда всего этого не могли знать, точно так же, как не могли они знать о будущей коммунистически-цивилизаторской роли китайцев, и многих других дел и вещей Троцкого и его друзей, от которых кровь стынет и перед которыми бледнеют самые вопиющие ужасы войны, такими яркими красками изображенные Троцким перед его нью-йоркскими слушателями.

И потому художественная цельность их впечатления ничуть нарушена не была, и триумф Троцкого был полный. Эта часть речи, касающаяся ужасов войны, была решительно доминирующей, как по объему, так и по содержанию, как это мы всегда видели и до него у всех абстрактных сторонников мира во что бы то ни стало, назывались ли они «интернационалистами», анти-милитаристами или нейтралистами, безразлично.

Отличалась она от других не новизной идеи, не глубиной мысли, а исключительно художественностью выполнения.

Раз война такое ужасное зло, то ясно, что всякий социалист должен решительно и безоговорочно быть против нее. И тот, кто приемлет войну, кто своим сознательным участием в ней, в той или иной форме, в той или иной, хотя самой малой и робкой мере, так или иначе содействует продлению ее хотя бы на один день, тот является изменником, предателем дела рабочего класса. И у социалистов, оставшихся верными своим идеям, с этими отщепенцами ничего общего быть не может; с ними не может быть никаких отношений, кроме отношений самой беспощадной борьбы, как с отъявленными врагами рабочего класса. Об этом он считал нужным заявить с самого начала, так как не хочет, чтобы

на этот счет у кого-нибудь остались какие бы то ни было сомнения. Это отмежевание от социал-патриотов и предателей (он так решительно и прямо все время выражался), какое бы высокое положение в социалистическом мире они до этого ни занимали, как бы они ни назывались: Плеханов, Вандервельде, Тома, Гед²⁵ и т. п. — есть первое дело для всякого честного социалиста.

Как я ни был увлечен художественной стороной речи, этот странный логический скачок от ужасов войны к абстрактному, прекраснородушному, меццански-наивному антимилитаризму *quand meme*²⁶ резнул мое ухо.

Как бы там ни было, но тут Троцкий не допускал никаких компромиссов и обрушился со всей силой своего красноречия на французского социалиста Тома и других, навсегда опозоривших себя тем, что вошли в буржуазные правительства обороны, признали войну, приняли в ней сознательное участие и тем самым взяли на себя ответственность за все изображенные им экономические, социальные и моральные ужасы ее.

А когда он заговорил о том, как девять русских волонтеров были расстреляны на фронте за какое-то нарушение дисциплины, красноречие его достигло наибольшей силы, и негодованию его не было пределов. И пусть правительство французское не попытается свалить всю тяжесть этого отвратительного преступления на военные фронтовые власти; оно целиком ответственно за него. И пусть Тома не утешает себя тем, что он этого смертного приговора не подписал. Его материальной подписи, может быть, там не было, но морально его имя выжжено там позорными неизгладимыми буквами. И да будут прокляты те социалисты, которые и после этого находят возможность протягивать руку таким социалистам, как Тома, для какого бы то ни было совместного действия. Тут он дошел до апогея; его бьющее, казалось, из самой глубины души, бичующее негодование передалось всему собранию, напряженно слушавшему его с затаенным дыханием.

Это было в самом конце 1916 года, незадолго до того, как вспыхнула русская революция. А в начале 1918 года Троцкий уже в качестве фельдмаршала, а не скромного эмигранта, докладывал в Москве о нарушениях дисциплины в подведомственной ему армии. От былого пафоса и пацифистского негодования не осталось и следа. Он спокойно и деловито, как подобает человеку на таком высоком и ответственном посту, информировал о принятых им

мерах и, успокоительно, сообщал о том, что все обстоит благополучно и 10 нарушителей дисциплины арестованы; он мимоходом лишь, в скобках, как о маленьком досадном упущении, заметил: «К сожалению, они еще не казнены»²⁷.

Но публика на Reception Meeting об этом тогда, конечно, не могла знать, как она не могла знать, с какой изумительной легкостью тот же Троцкий скоро после этого казнил и убивал не девять и не десятки и сотни провинившихся перед ним солдат, и не только солдат, но и жен и детей и других родственников их, если эти солдаты ускользали от кары... И потому цельность художественного впечатления опять ничуть нарушена не была.

Я с нетерпением слушал Троцкого, все еще надеясь услышать от него разъяснение, почему это из несомненных ужасов войны следует, что бельгийцы, французы, сербы и пр. должны побросать оружие перед лицом победоносно наступающей рати Вильгельма; и какие блага от этого могут последовать как для побежденных бельгийцев, французов, сербов, русских, так и для народов, находящихся под властью правительств победителей.

Ответ скоро не замедлил прийти.

Он был донельзя прост. Изображенные им ужасы войны так подавляюще колоссальны, губительны и очевидны для всех, что не может быть ни малейшего сомнения в том, что рабочие, больше всего на себе испытывавшие эти ужасы, вернувшись с фронта, ни одной минуты не смогут терпеть тот политический и общественный строй, который породил эти ужасы. Не может быть ни малейшего сомнения, что, придя домой, они немедленно всюду устроят восстания против своих правительств и сметут их с лица земли вместе со всеми ужасными буржуазными отношениями, выразителями которых эти правительства являются, и установят социалистический строй.

Ужасы войны испытали работе всех стран, как победительниц, так и побежденных. И потому вернувшиеся с фронта рабочие будут устраивать революции всюду, все равно, победило ли их правительство или потерпело поражение.

У меня сразу открылись глаза, — мне все стало ясно. Раз, вернувшись с фронта, все рабочие неизбежно устроят социалистическую революцию, то не все ли, в самом деле, равно, какая страна останется победительницей.

Важна не победа, а скорейшее повсеместное возвращение с фронтов. Так просто!

Ну, а если не устроят? Тогда... «Тогда,— заявил Троцкий, угрожающе потрясая кулаком в воздухе, — тогда — я сделаю мизантропом». Таким образом, как видите, прочная гарантия была вполне обеспечена.

«Немедленное прекращение военных действий» — вот что важно. А всякие «без аннексий, контрибуций» и прочие агитационные привески — это мелочи, необходимые лишь как приманка для того, чтобы вызвать необходимый уход с фронта домой.

Какое, в самом деле, могут иметь значение все эти вещи, раз все общество, весь мир все равно будут перестраиваться на совершенно новый лад, и вся карта Европы и всего мира будет заново перекраиваться в полном согласии с программой, подробно и детально начертанной Троцким в его брошюре «Война и Интернационал».

Нечего говорить, что речь эта имела колоссальный успех.

Троцкий быстро приобрел популярность в местной русской колонии. Он скоро окончательно порвал с «социал-патриотами», устроившими его проезд в Америку и так радушно принявшими его.

Он сделался редактором «Нового мира» и быстро превратил эту газету во второе издание «Нашего слова».

Время приезда Троцкого в Нью-Йорк совпало с сезоном балов, устраивавшихся в это время в несметном изобилии всеми организациями. И Троцкий был весьма заманчивой приманкой для тех из организации, которым удавалось залучить его в качестве оратора на такой бал и, таким образом, значительно увеличить доходность предприятия. Я видел и слушал его на многих балах.

Но столкнуться с ним и говорить мне не приходилось. Его решительная и определенная вступительная речь отбивала всякую охоту к этому. Да и вообще он держал себя очень недоступно. Он произносил речь, вызывая должный энтузиазм, получал свою порцию триумфа и сходил с кафедры; но не спускался в толпу, не сливался с нею как старший любящий и любимый товарищ, а исчезал как-то ввысь, в закулисные облака, окруженный атмосферой высокомерного холодного отчуждения, которое, как толстая броня, отпугивала от него даже самых горячих поклонников его, раз они не принадлежали к партийным и организационным верхам.

Это бросалось в глаза не только мне, но и тем, кому удалось подойти к нему поближе, за эту броню. Сотрудник одной газеты,

которому было поручено важное и ответственное дело интервьюировать Троцкого при его приезде, так поделился со мною своими впечатлениями: «В 1912 году я интервьюировал Л. Г. Дейча, когда он приехал в Нью-Йорк для редактирования “Нового мира”. Какой контраст между ним и Троцким! В то время как Дейч весь сама простота, и с ним с первой же минуты чувствуешь себя, как с равным товарищем, несмотря на громадную разницу в возрасте, в присутствии Троцкого все время находишься как бы перед важным сановником, который ни на минуту не позволяет забыть о разделяющем вас от него расстоянии».

Между тем Дейч, при приезде своем в 1912 году, был уже широко известен как старый русский революционер, побывавший уже в Америке после побега с каторги, и как автор «16 лет в Сибири»²⁸, переведенных чуть ли не на два десятка языков. И известен он был не только среди социалистической публики, но и среди всего остального населения.

Троцкого же до его изгнания из Франции несоциалистическая часть совсем не знала, а в социалистическом мире он хорошо был известен только узкому кругу русских эмигрантов.

Но чем более высокомерно и отчужденно он держался, тем более невольного благоговейного почтения он вызывал к себе. Тот самый сотрудник газеты, о котором я только что упомянул, однажды с трудом скрываемой гордостью поведал мне, что Троцкий обещал посетить его. Должен сознаться, что и мне хотелось как-нибудь повидаться с Троцким, — слишком уж много у нас было общих старых связей и воспоминаний, чтобы их легко можно было игнорировать. «Когда у Вас будет Троцкий, скажите, что я передал привет ему». Если бы у Троцкого явилось желание повидаться со мною, ему легко было бы вызвать меня по телефону. Вызова, однако, не последовало.

«Ну, что, был у Вас Троцкий?» — спросил я на следующий день. — «Да, я помню такого» — это все, чем реагировал Троцкий на полученный через сотрудника газеты привет от меня.

Прошло недели три со дня приезда Троцкого. Однажды подхожу к телефону: «Это ты, Гриша? Узнаешь меня? Я — Троцкий».

Оказалось, что он давно хотел видеть меня, всячески разыскивал меня (при желании не было ничего легче, как найти меня). О моем присутствии на балах он узнавал либо когда меня уже там не было, либо после того, как сам уходил. Словом, он хочет со мною увидеться и просит назначить удобное место и время.

Я пошел к нему. Встреча наша была дружеская, хотя и не очень горячая. Неловкости никакой не чувствовалось, потому что мы оба, как бы по молчаливому уговору, избегали всяких разговоров на животрепещущие политические темы (дело было еще до февральской революции), у нас был богатый материал для общения и без них. От него я узнал о судьбе многих друзей и товарищей, которых я давно из виду потерял.

«Как Парвус?» (когда-то учитель и вдохновитель Троцкого) — спросил я.

— Наживает двенадцатый миллион, — кратко ответил Троцкий.

Я был у него еще несколько раз. На политические темы мы почти совсем не беседовали. Однажды он как-то сделал замечание по поводу Плеханова, понятно, не совсем одобрительного свойства. «Значит, он контрреволюционер, папа?» — спросил его одиннадцатилетний сын, стоявший тут же и внимательно прислушивавшийся к нашему разговору. Троцкий улыбнулся и ничего не ответил.

Он предложил мне как-то сыграть в шахматы, по-видимому, считая себя хорошим шахматистом. Он обнаружил себя слабым игроком, — проиграл, чем был явно недоволен, и предложил немедленно сыграть другую партию. Выиграв ее, он больше играть не пожелал.

В этом маленьком эпизоде характерно не только то, что Троцкий не хотел играть, раз опасность проиграть, т. е. обнаружить превосходство противника, была велика, — но, еще более, что Троцкий при своей натуре не мог научиться хорошо играть. Чтобы научиться хорошо играть в шахматы, надо много играть с превосходящими игроками, т. е. проигрывать. Троцкий никогда себе этого позволить не мог.

Я уже указал выше, что первая речь Троцкого открыла мне глаза на смысл, вкладываемый им в повторяемый всеми «интернационалистами» лозунг «немедленный мир». Мне стало ясно, почему он так хочет немедленного прекращения военных действий, совершенно независимо от военной карты в данный момент. Для меня только еще менее ясным стало после этого, почему его симпатии все-таки явно клонятся к Германии и почему он с несомненным сочувствием относится к ее победам.

Одна его лекция открыла мне глаза и на эту сторону вопроса. Нарисовав в этой лекции картину того, как современное капитали-

стическое общество Европы и даже всего цивилизованного мира, в своем прогрессивном развитии, идет все к большему и большему объединению, как это развитие неизбежно ведет к уничтожению экономической независимости и самостоятельности отдельных стран, усиливая их взаимную связь, он приходит к правильному выводу, что все усиливающаяся прогрессивная связь и зависимость между цивилизованными странами неизбежно влечет за собой и необходимость политического объединения. И всякие попытки отстоять политическую независимость и самостоятельность той или иной страны — будь то Бельгия, Сербия, Австрия, Франция или Россия — неизбежно будут политически, а стало быть, и социально, реакционными. И потому всякие разглагольствования об обороне являются в высшей степени вредными и реакционными. «Социал-патриоты» же своими идеями о защите данного отечества сбивают только массы с правильного пути, удерживая их от того, чтобы они поскорее бросали оружие.

Только одна из всех воюющих стран, по размаху своего капиталистического развития, ушла так далеко и обладает такими колоссальными экономическими, духовными и культурными ресурсами, что она единственная, может быть, смогла бы, в случае победы, насильственно сверху осуществить это объединение всего цивилизованного мира и, таким образом, сыграть весьма прогрессивную роль. Эта страна — Германия.

Троцкий выражался очень осторожно. Очевидно, он боялся более определенно высказываться, чтобы как-нибудь слишком открыто не обнаружить вытекающее отсюда его германофильское пристрастие. Я с напряжением вслушивался в его речь, чтобы уловить и не потерять основную нить его рассуждений. Сделать прямые выводы из этой идеи и высказать их с полной определенностью у него не могло быть сильного желания по весьма понятным причинам: он тогда находился в апогее своих надежд осуществить это объединение другим путем, путем революции и восстаний в отдельных странах. Идею германского завоевания он прятал, — может быть, и от самого себя, — на задах своей психики, как резерв, как запасной план на тот случай, если первый путь потерпит крах.

Как опытный стратег, он не мог, конечно, распространяться о перспективах маловероятного, по его мнению, поражения, чтобы помешать возможной еще победе. «Метод буржуазии в решении

назревших вопросов между государствами — это война, метод пролетариата — это революции», — авторитетно заявляет он в своей брошюрке «Война и Интернационал». Как «революционер», он предпочитает второй метод, и только при провале его соглашается на первый метод, метод завоевания мира деспотической Германией.

После заключения в Бресте мира с деспотической Германией, очень беззастенчиво давшей почувствовать свою тяжелую лапу, большевики некоторое время чувствовали себя немного ошеломленными. Не только внешнее, но и внутреннее положение было таково, что отнюдь не располагало большевиков к радужным мыслям насчет ближайшего будущего. Настроение у новых господ России было довольно мрачное. И вот когда стали приходить сведения о том, что Япония, с согласия своих союзников, готовится к нашествию на Советскую Россию, Троцкий в печати заявил: «Если нам будет грозить нашествие империалистов Антанты, мы заключим наступательно-оборонительный союз с Германией (правительство Вильгельма тогда, только что сокрушив Россию, еще вело победительную войну с державами Согласия) как с более прогрессивной империалистической страной против более реакционной Антанты».

Тщательно скрываемая от себя и других резервная идея германского завоевания из психических задворков начала, таким образом, выступить на передний план и принимать реальный облик.

Возвращаясь иногда вместе со мной с лекции, Троцкий удостаивал меня своим вниманием и, покровительственно похлопывая меня по плечу, обращался к сопровождавшей его небольшой свите: «Это мой старый друг, которому надо только месяца два побыть во Франции, чтобы стать хорошим социалистом».

Однажды, воспользовавшись тем, что мы были одни, я стал интервьюировать его относительно некоторых его нью-йоркских сотрудников-«интернационалистов». Был среди них некий Семков²⁹, человек малограмотный, но от природы наделенный громким голосом и чрезвычайно «революционной» манерой речи. Он обладал какую-то исключительной способностью без передышки сыпать в течение любого периода времени фразами отборного «революционного» качества, хотя без всякой внутренней связи и какого бы то ни было отношения друг к другу. Как для человека совершенно невежественного, для него совсем не было трудных тем

или вопросов, и все ему было понятно и ясно. Его никогда нельзя было застать врасплох. Он всегда и во всякий момент был готов «возражать» по всякому вопросу, по всякому поводу и во всяком месте. Его исступленные выступления производили такое впечатление, как будто, отправляясь из дому на собрание, он, вместе с папиросами и спичками, наспех и впопыхах набивал карманы также первыми попавшимися фразами из катехизиса Ленина и Троцкого. А придя на собрание, не выслушав даже толком противного оратора, поспешно выворачивал карманы и высыпал весь этот хлам: фразы, изломанные, исковерканные, искрошенные, без начал, без концов, средин, но зато неизменно падавшие с тем более оглушительным «революционным» звоном и неизменно доставлявшие их автору колоссальный успех в «революционно» настроенной толпе. Его очень ценили в «интернационалистических» сферах, и он считался незаменимым ценным работником. Вот об этой-то звезде я, не без ехидства, спросил Троцкого.

«Что бы там ни было, — отчеканивая своим излюбленным манером слова, ответил Троцкий, ни на минуту не задумавшись, — когда надо будет, Семков будет там, где надо, а вот N. N. (постоянный оппонент Троцкого на всех собраниях) будет там, где не надо»*.

Глава одиннадцатая Революция в России

*Мартовские дня 1917 года. — Отъезд Троцкого из Америки. —
Задержание его английской властью в Ванкувере*

В марте 1917 года пришли первые вести о русской революции. Вся Америка, во всех слоях и классах, встретила эти известия с чрезвычайным сочувствием, граничащим с энтузиазмом. Американцы устраивали торжественные митинги, на которых произносились восторженные речи, высказывались лучшие пожелания и посылались приветы русским революционерам.

Понятно, что русская колония первая поспешила устроить несколько митингов. И Троцкий на всех, естественно, был гвоздем

* Впоследствии, следя по русским газетам за деятельностью прежних нью-йоркских сподвижников Троцкого, я действительно имел возможность убедиться, что Семков всегда был «там, где надо», занимая «там» видное положение.

собрания. Митинг иногда оттягивался на несколько часов, потому что Троцкий, участвовавший одновременно на нескольких митингах, физически не мог успеть всюду. Но публика терпеливо ждала его, жажда услышать слово, бросающее свет на то грандиозное, что происходило в России.

Увы! Всякого, кто не привык довольствоваться одними ораторскими эффектами, кто в речи по такому поводу ищет просвещающего указания на смысл происходящего, — первая речь Троцкого по поводу русской революции не могла не расколдовать.

Ни малейшей попытки сделать объективный анализ причин, вызвавших революцию; сил, на которые она может опираться, и возможного хода ее. Вместо этого — детальный рецепт технического проведения революции, посылаемый из «Бетховен Голл» в Нью-Йорке через океан в Россию, в ожидании, пока Троцкий сам приедет и наладит все наилучшим образом. Этому рецепту предпосылаются более или менее эффектные выходки против лиц, составляющих первое Временное правительство.

Милюков — это тот самый, который красное знамя назвал тряпкой. И это все. Счастлив был бы тот биограф Милюкова, которому совесть позволила бы не вписывать в его политический пассив ничего другого, кроме этого оскорбления красного знамени.

Гучков³⁰, это тот самый, который благословил Столыпина на свирепые военно-полевые суды (увы, представляющиеся теперь россиянам, живущим под благословенной сенью чрезвычай, идеалом человеческого правосудия).

Керенский — это только пленник в стане торжествующей буржуазии, которой он нужен лишь в качестве заложника против пролетариата, если он слишком будет зарываться. Не успев вступить во Временное правительство, этот самый Керенский запятнал себя тем, что в качестве министра юстиции арестовал царского министра Сухомлинова и тем спас его от революционного народа, желавшего расправиться с ним по заслугам, и т. д. и т. п., все в том же духе.

Как я был очарован подготовленностью, изяществом и красотой первой речи Троцкого в Америке, так я был разочарован этим лубочно-бессодержательным выступлением по поводу русской революции.

Закончил он эту свою речь так: «Я горжусь, что принадлежу к тому классу, который бросил зажженный факел в пороховые

погреба всех империалистических держав». Какой именно класс разумел при этом Троцкий — журналист, писатель и сын богатого землевладельца, он слушателям так и не сообщил.

Все последующие многочисленные речи его были в том же духе. Одни более, другие менее талантливы, но все одинаково политически бессодержательны: не до просвещения русских выходцев в Америке, видно, было ему, — он спешил в Россию творить историю. Тем более что очень многие из этих русских выходцев, шествовавших до сих пор рука об руку с ним по пути непримиримого «интернационализма», с падением царского самодержавия начали быстро отпадать от него, так как весь их «интернационализм» и зиждился ведь на ненависти к этому царскому самодержавию.

«Что с этим Троцким? Чего он хочет?» — говорили они, в недоумении пожимая плечами.

Наконец, с первой партией эмигрантов Троцкий отправился в Ванкувер, в Канаду, чтобы оттуда, через Тихий океан и Японию, направиться в Россию. Можно себе представить, каким нескончаемым должно было казаться ему это путешествие. Пока пароход долгие недели будет влечь его по необъятному океану, там, вдали, в России революция будет идти своим путем, без его руководства, угрожая забрести черт знает куда.

И, о, ужас! В Ванкувере английское правительство, совершенно, очевидно, не считаясь с великими планами революции, арестовало его как германского агента. Пароход с другими мелкими сошками уплыл дальше, а Троцкий остался. Никакие старания американских друзей не помогали, пока не вмешался (злая ирония судьбы) Миллюков³¹. И Троцкий после долгого томительного сидения в течение нескольких недель в Ванкувере получил наконец возможность двинуться в дальнейший путь, теперь уже без всяких задержек.

Нетрудно понять, сколько злобы против английского правительства прибавил в нем этот эпизод.

И кто, — зная эгоцентрический характер Троцкого, — может с уверенностью сказать, что это обстоятельство не сыграло своей роли в еще большем укреплении германофильской склонности его.

Глава двенадцатая Троцкий и большевизм

Июльское восстание и открытый переход к большевикам. — Троцкий — председатель петроградского Совета. — Подготовка к восстанию. — Переворот. — Троцкий-дипломат. — Троцкий военный министр. — Дело Щастного. — Троцкий фельдмаршал и «революционный» империалист

В конце мая 1917 года и я выехал в Россию. Как только я прибыл во Владивосток, первое, что меня поразило, это все усиливающееся торжество максимализма. Он все более и более опутывал революцию по рукам и ногам и парализовал ее активность.

Легкость, с которой удалось свергнуть царя, вскружила головы не только массам, но и некоторым лидерам, и они думали, что для них нет ничего невозможного. Вместо того, чтобы активной поддержкой укрепить новую власть, они не уставали предъявлять к этой власти, получившей от свергнутого царского правительства пустые сундуки, невыполнимые требования. Они считали, что могут диктовать не только своему правительству, но и правительствам Антанты и Германии с ее союзниками.

Большевики не преминули воспользоваться этими настроениями и, не теряя времени, принялись за свою разрушительную работу. Когда я подъезжал к Петрограду (в Вятке, кажется), я прочел в газетах об июльском восстании большевиков. Когда я приехал в Петроград, оно было уже подавлено, повсюду царствовало уныние; все чувствовали, что революции нанесен тяжелый удар, от которого она, может быть, не оправится. Большевики струсили и явно опешили. Ленин скрылся, а оставшиеся мелкие сошки все переименовали себя в «интернационалистов» и наперебой уверяли, что это восстание было стихийным актом несознательных масс, не только не руководимых большевиками, но и не встречавшим их сочувствия и осуждаемым ими*.

Троцкий в это время еще не примкнул к большевикам. Когда он приехал в Россию, Ленин, Мартов и другие лидеры «интернационалистических» фракций давно были там, и все места были заняты. Он таскался со своим «складным стулом» и никак не мог

* После успешного Октябрьского переворота большевики признали, что июльское восстание было делом их рук.

найти места, где можно было бы его прочно поставить и эффективно усесться. Он пробовал было даже издавать свою газету «третьего» направления, но из этого ничего не вышло.

Он, как и большевики, отрекся от июльского восстания. Однако он был скомпрометирован настолько, что правительство нашло необходимым арестовать его³². Он посылал из тюрьмы в газеты негодующие письма против «социалистического» правительства, позорно и непоправимо запятнавшего себя, арестовав такого социалиста, как Троцкий. Из тюрьмы же он впервые прислал в газеты заявление, что еще до ареста присоединился к большевикам, и если до сих пор не сотрудничал в их органе, то это было исключительно по мотивам «личного характера».

Скоро Троцкий был освобожден. Так как Ленин и Зиновьев бежали, то он занял вакантное место и стал лидером большевиков. Это было в августе³³. С этого момента начинается его возвышение.

В сентябре он был избран председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, на место Чхеидзе, причем всю кампанию в пользу его избрания вел Павел Деконский, левый с.-р., незадолго до октябрьского большевистского переворота изобличенный в провокации и в том, что он служил в царской охране³⁴.

Первым делом нового Совета под председательством Троцкого было организовать «военно-революционный комитет», после чего большевики начали открыто готовиться к восстанию³⁵.

При таких условиях в открывшемся 7-го октября Совете Российской Республики (Предпарламент)³⁶, в котором большевики оказались в меньшинстве, им, естественно, нечего было делать.

На первом собрании Предпарламента Троцкий, в качестве лидера фракции большевиков, выступил с декларацией, в которой мотивировал ее уход. Он клеймил Временное правительство, называя его правительством «народной измены». Он бросал ему обвинение в том, что оно «открыто держит курс на костлявую руку голода, которая должна задушить революцию и, в первую очередь, Учредительное собрание... Революция в опасности. В то время как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского и Коновалова готовится бежать из Петрограда, чтобы превратить Москву в оплот контрреволюции... Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: Да здравствует немедленный честный демократический мир! Вся власть Советам, вся земля народу! Да здравствует Учредительное

собрание!» (Стенографический отчет заседания предпарламента. «Речь», 8-го октября 1917 г.).

В это время я был на юге. В конце октября, по личным делам, я опять приехал в Петроград. Не доезжая до Бологого (около суток езды от Петрограда), я прочел в газетах о совершенном большевиками перевороте. В поезде произошла паника. Почти все пассажиры в страхе высадились в Бологом, и я был одним из немногих, решившихся доехать до Петрограда. Всюду на углах были расклеены огромные плакаты с лозунгами, возвещавшими цели переворота: немедленный демократический мир. Безотложный созыв Учредительного собрания. Отмена смертной казни* и т. д.

Троцкий быстро стал входить во вкус безответственного властителя. Уже 29-го октября на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов он показал, как он понимает отмену смертной казни, объявив врагам большевизма «беспощадную месть» и «беспощадный расстрел». Слово «беспощадный» отныне стало одним из наиболее излюбленных в его лексиконе.

В новом правительстве на долю Троцкого как комиссара по иностранным делам выпало осуществление «немедленного честного демократического мира», который, — согласно тому, что большевики не уставали до переворота долбить, — полагалось заключить непосредственно с народами воюющих стран, «через головы их империалистических правительств», потому что мирные переговоры с этими правительствами, если верить Ленину, уже являются совершенно недопустимым «соглашательством».

Однако как только, очутившись у власти, большевики стали лицом к лицу с необходимостью делать реальную политику, они на первых же шагах вынуждены были с облаков безответственной митинговой декламации спуститься в болото преступного «соглашательства».

Уже в первый день упоения достигнутой властью Ленин окатил своих приверженцев ушатом холодной воды, заявив, что нечего ожидать скорого заключения демократического мира, чем вызвал ропот среди солдат, для которых такой поворот был совершенной неожиданностью.

* Правительством Керенского незадолго перед тем была введена смертная казнь за измену на фронте.

В изданном в первый же день переворота «декрете о мире» новое правительство обращается не прямо к народам воюющих стран, а «к правительствам и народам»³⁷.

В то же время по армии Лениным рассылается воззвание, увещающее солдат не дать «контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира» и предлагается им самостоятельно выбирать «тотчас же уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем. Совет народных комиссаров дает вам право на это».

Однако то ли правительства воюющих держав не передали своим народам большевистского «декрета о мире», по другой ли причине, но народы эти убийственно безмолвствовали.

Что же касается правительств, то Антанта совершенно недвусмысленно дала понять, что на сепаратный мир России с Германией она смотрит как на измену союзникам и всякие попытки большевиков в этом направлении встретят с ее стороны должное возмездие.

Германское же правительство молчало и совсем, по-видимому, не торопилось откликнуться. Оно выжидало того неизбежного момента, когда, в результате вышеуказанного воззвания Ленина, русская армия станет совершенно небоеспособной.

Когда же ясно стало, что Россию уже можно брать голыми руками, германское правительство изъявило согласие на переговоры о перемирии.

Троцкий, смущенный было неожиданным для него результатом, или, скорее, безрезультатностью его дипломатического искусства, воспрянул:

«Если германский император вынужден принимать представителей прапорщика Крыленко³⁸ и вступить с ними в переговоры, то это значит, что крепко русская революция наступила своим сапогом на грудь всех имущих классов Европы».

Забыв о том, что мир предполагалось заключить «через головы буржуазных правительств», Троцкий захлебывается от счастья, что «германский кайзер с нами заговорил, как равный с равными» («Правда», 21-го ноября 1917 г.).

Все шло как по маслу:

«Германия и Австрия согласны на ведение переговоров о перемирии на основе советской формулы».

Восхищенным взорам Троцкого уже рисовались упоительные картины, как «сидя с ними (с правительствами Германии и Ав-

стрии) за одним столом, мы будем ставить им категорические вопросы, не допуская никаких уверток... Под влиянием низов германское и австрийское правительства уже согласились сесть на скамью подсудимых! будьте уверены, товарищи, что прокурор, в лице русской революционной делегации, окажется на своем месте» («Правда», 19 ноября 1917 г.).

Как только большевистские делегаты, сняв с глаз, наложенные на них немцами, повязки, подошли к тому столу, за которым сидели опытные германские дипломаты, генерал Гофман грозным солдатским окриком сразу вывел их из состояния сладостного гипноза, навешанного на них красивыми речами Троцкого, и дал им совершенно недвусмысленно понять, что они не равные, а побежденные и должны беспрекословно и без митинговых разглашований принять предписываемые им условия мира.

А условия эти были так тяжки и так безмерно унижительны, что даже большевистская делегация не решалась подписать их. Но что было теперь делать? Думать о сопротивлении было уже поздно: приказами и воззваниями о повзводном и поротном перемирии армия была окончательно разложена.

Троцкий, однако, не унывал и предложил, по его словам, «небывалый еще в мировой истории исход»: «Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора». Большевистское правительство «не желает воевать с народом Германии... и вкладывает свое оружие в ножны»... «Российским войскам отдается приказ о полной демобилизации по всем линиям фронта»... «Защита его вверяется германским рабочим».

Небывалый в мировой истории жест был сделан. Что, в самом деле, значит гибель миллионов людей, целой страны, раз жест красив?

Но прозаически беспощадные немцы не дали ему даже эффективно закончить этот жест: перемирие кончилось, — заявили они, — и, раз мир не заключен, немецкие войска продолжают наступление. Немцы берут город за городом, не встречая никакого сопротивления. Большевистские комиссары, поручив защиту русского «социалистического отечества» немецким рабочим (одетым в солдатские мундиры), первые показывают пятки.

Пришлось, не закончив жеста, вернуться. Троцкий, не читая (опять эффектный жест!), подписывает условия мира, еще гораздо более тяжкие и унижительные, чем первые³⁹.

Дипломатическая карьера Троцкого закончилась. Короткое время он был еще продовольственным диктатором, успел объявить «беспощадную» войну мешочникам и скоро сделался военным министром.

Одновременно с принятием условий «архитяжкого мира» (слова Ленина) большевики лихорадочно берутся за организацию «Красной социалистической армии». Сначала она носит характер добровольческой, и на службу принимаются со строгим разбором. Впоследствии, с расширением военных операций, она превращается в обычную буржуазную армию с мобилизацией всего способного к ношению оружия населения и с суровыми карами для всех уклоняющихся от военных обязанностей, к какому бы классу они не принадлежали.

С назначением Троцкого военным министром это превращение идет ускоренным темпом. Выборы офицеров, всякие митинги солдат и «повзводные» обсуждения боевых операций и действий начальства (не говоря уже о «братании» и пр.), при помощи которых большевики так успешно разрушали армию Временного правительства, — все это теперь строго преследуется. Вводится самая суровая дисциплина. К ненадежным командирам приставляются политические комиссары, зорко следящие за каждым их шагом*. Семьи находящихся на фронте офицеров держатся в качестве заложников и подвергаются суровым карам, если провинившийся офицер оказывается вне пределов досягаемости.

Керенский, введший смертную казнь за измену на фронте, не подписал ни одного смертного приговора. Троцкий, отменивший смертную казнь, в применении «беспощадного расстрела» проявил ненасытность, прямо патологическую. К расстрелу он прибегает не только за измену «социалистическому отечеству», но и из личной мести.

В этом отношении одну из самых мрачных страниц его карьеры составляет дело капитана Щастного, который был казнен в личную угодку Троцкому тогда, когда отмененная большевиками смертная казнь еще не была восстановлена⁴⁰.

Капитан Щастный был назначен большевиками начальником морских сил Балтийского моря. Он спас от немцев балтийский флот, находившейся в Гельсингфорсе, с большим трудом прове-

* Еще до захвата власти Троцкий говорил: «Мы приставим револьвер к виску царских генералов и заставим их служить революции».

дя его через льды до Кронштадта и устья Невы. Он пользовался большой популярностью среди матросов и, ввиду своих крупных заслуг перед большевистским правительством, держал себя более независимо, чем это мог терпеть Троцкий; и его необходимо было устранить. Никакого определенного обвинения обвинителям не удалось формулировать. Ни одного свидетеля защиты не было на суде, и письменные показания не явившихся свидетелей (большевистских же комиссаров) не были допущены к прочтению. Единственным свидетелем был «свидетель» обвинения Троцкий, который произнес такую речь, что обвинителю Крыленко ничего не оставалось делать.

«Я считаю, что перед вами — опасный государственный преступник, который должен быть наказан беспощадно», — заявил Троцкий. И семь покорных «судей» исполнили приказ. Видные большевики, в которых еще сохранилась человеческая искра, были чрезвычайно взволнованы этим политическим убийством. Приговор произвел удручающее впечатление в левых партийных кругах и в матросских массах.

Взяв в свои руки руководство военными делами, Троцкий наконец нащупал свою настоящую профессию, в которой все его таланты и способности могли проявиться и развернуться во всю ширь: неумолимая «логика» (принявшая форму военной дисциплины), железная решительность и непреклонная воля, не останавливающаяся ни перед какими сентиментальными соображениями гуманности; ненасытное честолюбие и безмерная самоуверенность, специфическое ораторское искусство и пр., и пр.

Организация побед «социалистического отечества» скоро целиком перешла в его руки. Он стал самой популярной фигурой в глазах всех, кто в торжестве большевистского коммунизма видел начало новой эры всеобщего счастья.

Троцкий стал большевистским фельдмаршалом, обнаружившим необыкновенные стратегические дарования, если верить отзывам знатоков военного дела даже из лагеря противников.

В своем специальном поезде, обставленном с невероятной роскошью и удобствами*, он мчится с одного конца России в другой, смотря по тому, где положение настолько критическое, что

* Там имеется даже хорошо оборудованная типография, всегда готовая в пути к его услугам.

требуется его личное немедленное присутствие. И горе тому, кто окажется виновником малейшей задержки в пути.

Его манеры, выступления и приемы действия стали предметом подражания даже со стороны генералов из армии Деникина и Врангеля.

В первой главе мною было указано, что индивидуальность Троцкого надо искать в его воле. Так как теперь вся воля его находит свое проявление в военном деле, то, естественно, что «революция» в этот период сводится для него к организации побед, которая становится самоцелью, независимо от того, к чему она ведет.

Когда нет внутренних врагов, он делает диверсию на врагов внешних. Он простирает свои руки на социалистическую Грузию, на Армению, залезает в Персию, мечтает чуть ли не о завоевании всего мира. Для этого надо всю Россию превратить в один сплошной военный лагерь. Он милитаризует железные дороги, и при помощи милитаризации труда во всей промышленности и земледелии он мечтает превратить всю Россию в одно обширное аракчеевское военное поселение со строгим военным режимом, где все по сигналу встают, по сигналу едят, по сигналу идут на работу, по сигналу ложатся, по сигналу выходят на парады для знатных иностранцев и по сигналу славят свое идеальное правительство.

Когда такое счастье окончательно стало невозможным изголодавшемуся русскому народу и когда «краса и гордость русской революции»*, кронштадтские матросы стали во главе восстания против деспотизма коммунистов во имя восстановления советской власти, Троцкий был назначен диктатором с неограниченными полномочиями для подавления «бунта» верноподданных. При помощи китайских и других иноземных войск** он потопил восстание в море крови⁴¹.

Заключение

Таков удивительный путь, пройденный Бронштейном. Юноша, самоотверженно и бесстрашно отдающий весь богатый и неистощимый запас силы, энергии и таланта, которыми природа так щедро

* Так с гордостью назвал матросов Троцкий в июле 1917 г.

** Красноармейцы, по секретным донесениям большевиков, оказались ненадежными.

одарила его, на борьбу с царским деспотизмом, под скромным именем Львова, мечтающий стать русским Лассалем, — достигнув зрелости, превращается в свирепого диктатора, безжалостно заковывающего в цепи самого тяжелого рабства население своей родины, готового, не моргнув глазом, погубить миллионы людей и даже целую страну ради исключительной цели сохранения во что бы то ни стало власти в руках кучки беззастенчивых авантюристов*, и гордо позирующего в роли всемирного жандарма, «крепко наступившего сапогом на грудь» угнетенных народов.

В оправдание Троцкого и к стыду человечества надо, однако, признать, что внушающие в каждом морально здоровом человеке отвращение качества Троцкого ни в каком случае нельзя считать явлением хоть сколько-нибудь исключительным в теперешней России. Если бы это было так, Троцкий не занял бы того положения, которое он занимает. Он никоим образом не стал бы героем нашего времени в России, если бы отрицательные качества, выдвинувшие его вперед, были исключительным свойством его психики. Эта особенность его психики заключается не в том, что он более жесток, чем другие жестокие насильники и изуверы, — как большевистские, так и не большевистские, — а в том, что весь психический комплекс, относящейся к области симпатических переживаний, ему совершенно чужд, как чуждо слепому все, что относится к области зрительных впечатлений.

В психике Троцкого нет элементов, соответствующих понятиям жестокости и человечности; на их месте — пробел. Чувство симпатии к людям не как к средству собственного удовлетворения, а как к носителям самостоятельных чувств, стремлений, желаний у него совершенно отсутствует. Люди для него это — лишь единицы, сотни, тысячи, сотни тысяч единиц, при помощи которых можно дать наибольшее питание своему *Willezur Macht*⁴². А как это осуществляется путем ли доставления этим «*Vielen, allzuvielen*»⁴³ условий райского житья, или путем безжалостного их избияния и истребления, это — совершенно несущественная подробность и диктуется не симпатиями или антипатиями, а стечением внешних обстоятельств в данный момент.

* Одно время, когда положение большевиков было очень шатко, Троцкий заявил: «Мы, может быть, уйдем, но тогда мы так хлопнем дверь, что мир содрогнется».

Троцкий нравственно слеп. Это у него природный, так сказать, физиологический дефект; то, что по-английски называется *moral insanity* — нравственное помешательство. Психический орган симпатии атрофировался у него в утробе матери, как атрофируются там физические органы, вследствие особых ненормальных условий внутриутробного положения. До того, как Троцкий занял свое теперешнее положение, это уродство не замечалось, как мы долго не замечаем природной слепоты у младенца или паралича у ребенка, которому, по возрасту, еще не полагается ходить.

Каковы же те условия, которые способствовали проявлению и вызвали широкий спрос на психические качества, составляющие основную сущность индивидуальности Троцкого? Едва успевшая выйти из крепостного состояния, Россия, с ее невежественным и непривыкшим к самостоятельности населением, вследствие безумной политики Романовых, до войны была уже на краю социально-экономического и политического краха. Война явилась лишь последним толчком. Вся предыдущая история России привела к тому, что она оказалась совершенно неподготовленной к тому, чтобы выдержать вызванную войною гигантскую встряску всех основ. И она, естественно, первая поддалась и быстро стала распадаться. Давно прогнившие социальные скрепы отвалились. Революция была поставлена историей на очередь дня. Падение дисциплины и повиновения старым, сдерживающим политическим, социальным и моральным нормам сделали ее неизбежной. Но начатое войною разрушение старых основ материального существования не могло быть остановлено революцией. Война, давшая импульс революции, менее всего могла способствовать накоплению необходимых для нового строительства и без того скудных творческих сил, как материальных, так и духовных. Таким образом открылась эпоха затяжного разрушения без соответствующего положительного строительства.

И как в эпоху общественного подъема выступают наружу кто их знает откуда берущиеся симпатические общественные инстинкты, так в период упадка, разложения выступают наружу, как грибы после дождя, низменные общественные (или лучше, антиобщественные) инстинкты.

И те и другие инстинкты заложены во всех людях, в одних в одной пропорции, в других в другой. Беззаветная, забывающая себя любовь к ближним и животный эгоизм, попирающий все и всех ради

узких интересов своего собственного тела; героическая преданность далекому общему делу и бесшабашная эксплуатация общества в исключительных интересах своей собственной личности; революционный энтузиазм и контрреволюционное изуверство — словом, доктор Джекил и мистер Хайд живут рядом в одной и той же душе. В самоотверженных революционных действиях принимают участие те же массы, которые раньше активно выступали в еврейских и других погромах. Эти же самые массы принимают потом участие в контрреволюционных (большевистских и небольшевистских) эксцессах и зверствах. Вчерашние бескорыстнейшие общественные деятели сегодня выступают как беззастенчивые циничные спекулянты и т. д., и т. д.

Революция вспыхнула в России после того, как подорванные материальные ресурсы были окончательно разрушены трехлетней войной; после того, как длительная антиобщественная практика, неизбежно связанная с войною, успела уже вызвать атрофию особенно нужных теперь симпатических общественных инстинктов и расчистила почву для развития заложенных во всех, и до времени находившихся под спудом, инстинктов антиобщественных, эгоистических.

Естественно, что во главе возникшего при таких условиях общественного движения скоро стали люди, быстрее и основательнее других освободившиеся от сдерживающего влияния разрушенных политических, социальных и моральных норм. Но чем более человек был свободен от этих норм раньше, тем с большей быстротой и основательностью он освобождается от этих препятствующих «свободному» проявлению личности «устарелых» пут теперь. И потому понятно, что на авансцену общественного действия выступают те, у которых эти нормативные «предрассудки», — «мелкобуржуазные», или как они там еще иначе называются, — сохранились в минимальных размерах, или, еще более, те, которые и раньше были свободны от них. Убийцы, грабители, спекулянты, предатели, шпионы, шулера, торговцы живым товаром, сутенеры, садисты, эпилептики и т. д., и т. д. — все эти низы, лишенные задерживающих центров, неизбежно становятся во главе общества и ревниво гонят, под видом «интеллигентов», всех, кто хоть сколько-нибудь сохранил в себе общественную совесть и в ком не совсем искоренена склонность ко всякая рода ненавистным «предрассудкам».

Вызванное разрушением производительных основ страны господство этих паразитических непроизводительных низов, окрашенное в цвет чайний трудящихся классов, и есть большевизм.

Пока «интеллигенты», т. е. люди, в которых еще не прекратили своего действия нормативные задерживающие аппараты: чувство ответственности перед законом (все равно, старым или новым), перед нравственными предписаниями и пр., — пока эти «интеллигенты», под влиянием неискоренимого уважения к чужой личности и ее благополучию, колеблются, взвешивают и не дерзают на решительные действия, — люди, от природы свободные от всех этих нормативных задержек, естественно, становятся во главе общественного действия. А талантливейший и честолюбивейший из них Троцкий по необходимости делается общественным кумиром и народным героем.

Поэтому понятно, что хотя в историю большевизм по справедливости войдет с именем Ленина как отца и пророка его, для широкой массы современников торжествующий большевизм (и покуда он торжествует) естественно связывается с именем Троцкого. Ленин олицетворяет собою теорию, идею большевизма (даже большевизм имеет свою идею), Троцкий — его практику.

Для истории, интересующейся сущностью исторических явлений, сокровенными пружинами общественных движений, выступит на первый план Ленин. Эта история пройдет мимо Троцкого как несущественного, хотя эффектного эпизода.

С другой стороны, историк-бытописатель, который когда-либо пожелает воспроизвести переживаемую теперь в России эпоху, в драматическом действии дать цельную, живую, действенную картину ее, — такой историк пройдет мимо Ленина, тогда как Троцкий для него явится незаменимой моделью, как яркий выразитель эпохи большевистского разложения страны.

Современники, поскольку они являются участниками и объектами большевистских экспериментов, относятся к Ленину и Троцкому так же, как указанный историк-бытописатель: Ленина абстрактно уважают и почитают одни, перед ним питают благоговейный ужас другие. Троцкого одни любят до самозабвения, как вождя и бойца, другие ненавидят, как кровожадного изверга. Для тех и других он — герой нашего времени⁴⁴.

Д. В. СВЕРЧКОВ

На заре революции

<Фрагменты>

<...>

С раннего утра я уже был в нашей штаб-квартире Совета — на Торговой улице, 25, в помещении союза рабочих печатного дела. Там я ежедневно оставался до глубокой ночи. После бурного дня, когда, поздно вечером, наконец мы немного освобождались от решения повседневных дел и от ответов на многочисленнейшие запросы, обращаемые к нам не только из Петербурга, но и со всех концов России, мы — чаще всего втроем: Л. Д. Троцкий, Петр Александрович Злыднев (рабочий Обуховского завода, умерший в 1913 году в ссылке в Сибири) и я — собирались и вели длинные беседы о дальнейшей тактике Совета и о планах наших действий.

Идейным руководителем Совета был Л. Д. Троцкий. Председатель Совета — Носарь-Хрусталеv — был скорее ширмой, ибо сам не был в состоянии решить ни одного принципиального вопроса.

Человек с болезненным самолюбием, он возненавидел Л. Д. Троцкого именно за то, что ему приходилось обращаться постоянно к нему за советами и указаниями.

<...>

Исполнительный комитет заседал в комнате совета Вольно-экономического общества, дверь в которую вела с хор общего зала. Тов. Троцкий вышел на хоры и предупредил всех депутатов о предстоящем аресте, о том, что Исполнительный комитет решил остаться и никуда не уходить и не оказывать сопротивления вследствие полной невозможности это сделать. Никаких возражений не последовало. Тов. Троцкий возвратился в Исполнительный комитет и продолжал вести заседание.

Кто-то выглянул в окно и сообщил, что здание оцепляется войсками. Через некоторое время слышится звук шпор и лязг оружия внутри здания. Отворилась дверь, и в комнату, где заседал Исполнительный комитет, входит полицеймейстер Значковский, с несколькими охранниками. Он вынимает бумагу и готовится читать. Один из членов Исполнительного комитета продолжает говорить речь по поставленному на обсуждение вопросу. Полицеймейстер перебивает его и читает:

«Согласно распоряжению министра»...

Тов. Троцкий резко обрывает его:

— Прошу не мешать говорить оратору. Если вы хотите получить слово, попросите его у меня, и я поставлю вопрос на обсуждение собрания, которое захочет или не захочет вас выслушать.

— Продолжайте, товарищ! — обращается тов. Троцкий к говорившему члену Исполнительного комитета.

Тот продолжает.

Полицеймейстер стоит с растерянным видом, не зная, что делать. Так продолжается несколько минут. Оратор кончил. Тов. Троцкий обращается к собранию.

— Представитель полиции желает сделать нам какое-то сообщение. Разрешаете ли предоставить ему слово в порядке информации?

Решаем: слово дать. Полицеймейстер, ободрившись, читает приказ о нашем аресте. Тов. Троцкий предлагает принять его к сведению и перейти к очередным делам. Слово получает следующий оратор по вопросам порядка дня. Полицеймейстер стоит в полнейшем недоумении, не зная, что делать. На физиономии его написано, что такого случая в его многолетней практике еще не наблюдалось.

— Позвольте! — начинает он опять, обращаясь к тов. Троцкому.

— Прошу вас не мешать нам! — резко обрывает тот. — Я дал вам слово, вы сделали сообщение, которое нами принято к сведению. Желает ли собрание, — обращается он к нам, — вести дальнейшие разговоры с полицейскими?

Все отвечают отрицательно.

— Прошу вас удалиться! — говорит Троцкий полицеймейстеру.

Тот беспомощно разводит руками и, постояв еще несколько минут, уходит вместе с охранниками. Мы хохочем.

— Товарищи! — говорит тов. Троцкий, — предлагаю не называть себя и немедленно уничтожить все документы, записки и все, что есть лишнего в карманах.

<...>¹

Тов. Троцкий попал в Петербургскую одиночную тюрьму («Крестья»), где режим был гораздо более легкий. Ему удалось сразу же установить сношения с волей, и он написал там и передал на волю целый памфлет «Петр Струве в политике», изданный в начале 1906 г.² Он получал в свою камеру — конечно, нелегально — газеты и журналы. Издание этого памфлета под именем Тахоцкого, в котором по блестящему, острому, как бритва, стилю все узнали настоящего автора, показало наличие связи его с волей и получение им свежих журналов (он цитировал в памфлете номер «Полярной звезды», вышедший уже после московского восстания) и повлекло за собой перевод его из «Крестов» в Петропавловскую крепость. Лишь в апреле 1906 г. он был перевезен оттуда в дом предварительного заключения.

<...>

Тюремная камера Л. Д. Троцкого превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали решительно все, сколько-нибудь заслуживающие внимания, новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой.

— Я чувствую себя великолепно, — говорил он нам. — Сижу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать!.. Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...

<...>

После защиты за потрепанного генерала принимается тов. Троцкий. Он устанавливает по отношению к полицейским и жандармам особо презрительную форму поведения. Он не смотрит совсем на свидетеля и задает вопросы в третьем лице, не желая себя загрязнить даже непосредственным обращением к ним.

— Не помнит ли свидетель, что в числе «вещественных доказательств», отобранных у меня при аресте, был новенький портфель с серебряной монограммой?

— Как же, помню! Т. е. портфеля я не видел, но в описи такой значился, — отвечает генерал.

— Не может ли передать суду свидетель, что он мне ответил, когда я спросил его о судьбе этого портфеля?

— Извините, времени много прошло, и в точности я не припомню, — говорит генерал, — может быть, вы мне напомните, тогда я могу подтвердить.

— Не сказал ли мне свидетель, что этот портфель пропал в охранном отделении; что стоит только туда попасть какой-нибудь дорогой вещи, как она непременно там пропадает?

— Совершенно верно. Это самое я и сказал! — подтверждает генерал и смеется самым глупейшим образом.

Крашенинников доходит чуть ли не до обморока от злости. Удовлетворенный Троцкий садится на место.

<...>

Л. Д. Троцкий почти не выходил никуда из своей комнаты в больнице. Здоровье его «ухудшалось». «Ишиас» разыгрался вовсю. Приходивший проверять наше присутствие в Березове стражник вскоре совершенно успокоился относительно Троцкого: куда ему бежать! и ходить-то еле-еле может!

Между тем мы вели длинные разговоры о способах переселения к юго-западу. Зачастую я и Троцкий собирались у Ф. Н. Рошковского, который один только был посвящен в наши планы, и делились разными соображениям. После долгих обдумываний остановились на плане отъезда Троцкого прямо на запад, через Урал, на Сосьвинские юрты, и дальше, до Богословского завода, соединенного узкоколейкой веткой железной дороги с Пермской линией. Путь этот был выбран Троцким потому, что являлся наименее удобным и таким образом гарантировал, что полиция ошибется и качнет розыски в направлении по большому Тобольскому тракту, по которому мы приехали. Последний путь, действительно, обещал наибольшую помощь со стороны расселенных почти через каждые 100–200 верст политических ссыльных, тогда как отправляться по дороге, избранной тов. Троцким, значило вплоть до железной дороги — около 1000 верст — не встретить ни души, кроме остяцких юрт или кочевых самоедов. Вдобавок «дорога» эта вовсе не была дорогой в настоящем смысле этого слова. Ехать можно было только на оленях и не сбиваться с пути в том случае, если руководствоваться следом проехавшей раньше нарты.

План был установлен. За осуществление его взялся тот же неутомимый Ф. Н. Рошковский. В своей книжке «Туда и обратно»³, описывавшей наше путешествие в ссылку и обратное возвращение тов. Троцкого в Петербург, тов. Троцкий вывел Ф. Н. Рошковского под видом «молодого либерального купца Никиты Серапионьча». Этого требовала конспирация при царском режиме. Думаю, что

тов. Ф. Н. Рошковский не обиделся, что его из политического ссыльного тов. Троцкий превратил в купца.

Ф. Н. Рошковский взялся подыскать проводника, который бы согласился отвезти Л. Д. Троцкого в намеченном направлении, купил для путешествия «гуся» (шубу мехом вверх с капюшоном, надевающуюся, как женская юбка, через голову), меховые чулки и пимы, рукавицы — словом, все необходимое. Проводнику тов. Троцкий, кроме вознаграждения, обещал подарить при прибытии на место назначения оленей, которых он также купил на свой счет, «гуся» и все принадлежности путешествия, делавшиеся ненужными и опасными при прибытии на железную дорогу.

Уладив и организовав все, начали ждать подходящего момента для отъезда. В разговорах со мной Л. Д. Троцкий спрашивал:

— Ну, а ты как думаешь, скоро двинуться?

Я отвечал, что пока не знаю, что, по всей вероятности, придется провести лето здесь. Кроме того, уехать было очень трудно, особенно после побега Л. Д. Троцкого, который, конечно, произведет много шума.

Нам сказали, что из Березова есть возможность бежать с первым прибывающим весной по открытию навигации пароходом. Не помню уже подробных условий, но уехать можно было только одному и только именно с первым из пароходов, ибо на последующих обстановка уже не та. Троцкий усиленно рекомендовал мне воспользоваться этим случаем, если только удастся до весны задержаться в Березове.

Я ответил ему, что ведь нас остается двое: я и Хрусталева, а бежать можно только одному, и что я затрудняюсь придумать способ, которым можно было бы обеспечить именно за мной эту возможность отъезда на пароходе. Хрусталева также все время говорил о своих приготовлениях к побегу. Л. Д. Троцкий рассмеялся и сказал:

— Ну, уж проще ничего и быть не может! Просто пойдешь как-нибудь к Хрусталеву и спросишь его: «Георгий Степанович, у вас уже есть план вашего побега?» Если он даже ничего еще не придумал, он по своему самолюбию ни за что не признается в этом и, конечно, ответит, что есть. Тогда ты и скажи, что с первым пароходом представляется возможность удрать и что раз у Хрусталева уже имеется другой план, то ты фиксируешь за собой пароход. Вот и все.

Я не мог отказать этому предложению в остроумии. Оно как нельзя больше было рассчитано на характер и поведение Г. С. Хрусталева-Носаря.

Через несколько дней в Березов приехала моя жена. Ее мы тотчас же посвятили во все наши тайны. Она начала, с своей стороны, готовить все необходимое для путешествия Л. Д. Троцкого в смысле всякого продовольствия и проч.

Наконец настала долгожданная возможность осуществить план побега. Местными любителями был назначен в пользу кого-то или чего-то большой концерт и спектакль. Все члены военной и полицейской администрации участвовали, кто — в чеховском «Медведе», необходимой для всякого любительского спектакля пьесе, кто — в концерте, собираясь пленить местное общество своим голосом или игрой на скрипке или гитаре. Мы получили приглашение почтить нашим присутствием этот спектакль и оценить со столичной точки зрения таланты березовских артистов. Л. Д. Троцкий решил, что более подходящего случая, чтобы скрыться, вряд ли представится. Все без исключения блюстители порядка и представители власти были или заgrimированы на сцене, или находились в числе зрителей.

Отъезд Л. Д. Троцкого решили: назначить на одиннадцать часов ночи, когда спектакль будет и полным разгаре. Вечером я, жена и Л. Д. Троцкий, сильно прихрамывающий (как назло «ишиас» усилился, а он жаловался на это больничному доктору), отправились на спектакль. Я с женой заняли места в пятом или шестом ряду. Л. Д. Троцкий поместился за мною. Спектакль происходил в помещении казармы. На этот случай оно было разукрашено, по стенам горели свечи в канделябрах, устроенных из штыков.

Прослушали «Медведя», которого изображал толстый больничный фельдшер. В антракте зрители собирались группами и вели приятные разговоры. Нам уделялось много внимания.

Лица из администрации считали своим долгом подойти к Л. Д. Троцкому и справиться об его здоровье. Он жаловался на ухудшение болезни.

Началось концертное отделение... На сцене под аккомпанемент гитары местное трио приступило к исполнению романса «Ночевала тучка золотая». Л. Д. Троцкий слушал, наклонившись вперед через мое плечо. Через несколько времени он приложил свою щеку к моей, — в знак прощания, — медленно поднялся и вышел

из залы. Я, не оборачиваясь назад, продолжал слушать романс. Мысли были там, в квартире Н. Ф. Рошковского, к которому ушел Л. Д. Троцкий для исчезновения с сибирского горизонта. У Ф. Н. Рошковского он остригся, переделся и с проводником прошел в условленное место.

С пожарной каланчи Березова было видно кругом, по крайней мере, на версту, всякое движение по белой пелене снега в город или из города. Основательно предполагая, что полиция станет расспрашивать дежурного пожарного о том, не уехал ли кто-нибудь из города в эту ночь, Ф. Н. Рошковский устроил так, что один из жителей повез в это время по Тобольскому тракту куда-то тушу телятины. Движение это, как и ожидали, было замечено, и полиция, обнаружив через два дня побег Л. Д. Троцкого, прежде всего бросилась за телятиной, вследствие чего потеряла еще два дня бесполезно.

Через час после ухода со спектакля тов. Троцкого в залу возвратился ушедший раньше Ф. Н. Рошковский. Я молча посмотрел на него. Он глазами ответил утвердительно. Побег тов. Троцкого не был замечен целых два дня. В больнице предполагали, что он остался у меня; а когда стражник приходил ко мне, то выносил впечатление, что он в больнице. Нам совершенно неожиданно помогла баба, отпуская обед, которая клялась и божилась полицейским, что Л. Д. Троцкий исправно обедает вместе со мной...

<...>

Л. Д. Троцкий, давно вышедший из фракции меньшевиков и не примкнувший к «плехановцам», начал издавать вместе с украинской с.-д. организацией «Спилка» газету «Правда», в которой, не стоя на фракционных точках зрения, стремился объединить все, что есть здорового и в большевизме, и в меньшевизме, и поставить в порядок дни единство пролетарского революционного движения без посторонних наслоений. В этой газете он по-прежнему настойчиво и упорно проводил мысль о «перманентности» русской революции, т. е. доказывал, что, раз начавшись, она не может закончиться до тех пор, пока не приведет к ниспровержению капитализма и водворению социалистического строя во всем мире. Над ним смеялись, его обвиняли в романтизме и в семи смертных грехах как большевики, так и меньшевики, но он упорно и твердо проводил свою точку зрения, не смущаясь нападками.

Я глубоко сочувствовал ему, хотя принадлежал сам к меньшевикам⁴. Мне ценнее всего было в его деятельности стремление

сохранить партию на высоте ее задач и отместить в сторону все чуждые ей наслоения.

Иногда Л. Д. Троцкий приезжал в Париж. Мы проводили с ним длинные вечера в беседах, строя планы на будущее. Как-то однажды, возвращаясь после одного из собраний, на котором выявилась та же склока и сумятица в образе мыслей членов одной и той же партии, я начал говорить, что кризис, который переживает партия, следует ускорить, что разложение на всяких «истов» приведет лишь к тому, что в бездне противоречий потонет основная цель партии и что, по-моему, пора поставить в порядок дня вопрос о выходе из партии всех марксистски мыслящих элементов и о создании другой единой революционной партии, или об исключении из партии тех, кто отошел от марксистской точки зрения. Л. Д. Троцкий начал критиковать мою мысль и спросил:

— Ну, а как же ты назовешь эту новую правоверную марксистскую партию?

Я ответил:

— Первый, подписанный Марксом и Энгельсом документ, характеризующий научный социализм, который мы ставим во главе нашей программы, есть Коммунистический манифест. Почему же не назвать новую партию коммунистической?

Л. Д. Троцкий подумал и сказал, что с именем Российской социал-демократической рабочей партии связано слишком много заслуг в деле революционной борьбы пролетариата, чтобы от этого имени отказаться. На этом тогда этот наш разговор и закончился.

Должен сказать, что, говоря о будущей коммунистической партии, я, конечно, совершенно не имел в виду, что она будет включать в себя только большевиков-ленинцев. Я полагал, что в ней можно будет объединить как большевиков, так и меньшевиков, но стоящих на точке зрения марксизма, не закрытой всякими модными наслоениями того времени.

В то время в Париже создалась из довольно узкого круга партийных товарищей комиссия по содействию думской социал-демократической фракции. В эту комиссию вошли: В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, П. Б. Аксельрод и другие товарищи. Задачей комиссии была предварительная разработка вносимых в Думу от имени с.-д. фракции законопроектов, составление тезисов для произносимых в Думе с.-д. депутатами речей, критика правительственных законопроектов и точек зрения

представителей других партий, связь думской фракции с партией и организациями партии и т. д. В эту комиссию был приглашен и я.

Работа, проведенная там в течение нескольких месяцев, была чрезвычайно интересной и живой. Разрабатывая тот или иной вопрос, мы через несколько времени читали произнесенными с думской кафедры на всю Россию результаты нашей работы. Для меня, кроме того, имели особое значение и особый интерес речи и доклады, делавшиеся на заседаниях комиссии лидерами нашей партии. Каждый такой доклад, каждое заседание комиссии стоили дюжины университетских лекций.

После одного из заседаний комиссии в частной беседе с П. Б. Аксельродом зашла речь о Л. Д. Троцком. П. Б. Аксельрод рассказал мне, что, несмотря на свое несогласие с Троцким, он любит его от всей души с первой же своей с ним встречи, а встреча эта произошла при оригинальных обстоятельствах.

«— Как-то, в 1903 году, в Цюрихе, где я постоянно живу, глубокой ночью, когда я уже спал, раздается стук в дверь. Я пошел открыть. Входит молодой человек и спрашивает:

— Вы — Павел Борисович Аксельрод?

Отвечаю утвердительно.

— Я приехал к вам прямо с вокзала. Заплатите, пожалуйста, извозчику, — у меня нет денег. Я останусь у вас ночевать.

Я исполнил требуемое, после чего только узнал, что приезжий, это — Троцкий, что он только что бежал из ссылки из Сибири, никого за границей не знает, мой адрес ему удалось где-то достать, и он явился прямо ко мне попросту и без церемоний. Мне это все страшно понравилось, — действительно, человеку деваться было некуда, и он, как объяснил мне, не мог не верить в то, что встретит именно тот прием, который и нашел. Как бы хорошо было, если бы все наши товарищи относились друг к другу так же просто! Я познакомился с ним и с первых же слов его увидел крупную величину, которая идет на смену нам, старикам. С этого первого момента я его искренно полюбил»⁵.

<...>

В тюрьме я писал письма в ограниченном количестве, но получал их в довольно большом числе, причем моими главными корреспондентами являлись моя жена, которая не ограничивалась свиданиями, а напоминала мне почти ежедневно о том, что меня помнят и обо мне заботятся, и Л. Д. Троцкий. Последний писал

мне из Вены, не подписывая, конечно, своей фамилии и не позволяя писать в письмах что-либо, что могло повести к их задержке тюремной администрацией, но его письма мне были очень дороги. В них он старался поддержать мой дух и хорошее настроение, сообщал кое-что о своей жизни и так или иначе связывал меня с тем партийным миром, который был так далеко от меня и вернуться в который я имел очень мало шансов. Получение его писем, которые, по необходимости, были сравнительно редкими, было для меня праздником, и я долго перечитывал их и всячески старался спрятать от нескромных глаз надзирателей во время частых обысков. Впрочем, штампель прокурора: «просмотрено» или надпись о том же начальника тюрьмы устранили всякое подозрение обыскивающих⁶.

П. Н. КРАСНОВ

На внутреннем фронте

<Фрагмент>

XXIV Кошмар¹

Во дворце творилось черт знает что. Матросы, красногвардейцы и солдаты шатались по комнатам, тащили ковры, подушки, матрацы. Казаки сбились в кучу в коридоре и притихли, за ними в двух комнатах были офицеры. Начальник Уссурийской дивизии со штабом и комитетом под суматоху сел на лошадь и уехал из Гатчины.

Уже в сумерках ко мне вбежал какой-то штатский с жидкой бородкой и типичным еврейским лицом. За ним неотступно следовал маленький казак 10-го Донского полка с винтовкой, больше его роста, в руках и один из адъютантов Керенского.

— Генерал, — сказал, останавливаясь против стола, за которым я сидел, штатский, — прикажите этому казаку отстать от нас.

— А вы кто такие? — спросил я. Штатский стал в картинную позу и гордо кинул мне:

— Я — Троцкий.

Я внимательно посмотрел на него.

— Ну-же! Генерал! — крикнул он мне. — Я Троцкий.

— То есть Бронштейн, — сказал я. — В чем дело?

— Ваше превосходительство, — закричал маленький казак, — да как же это можно? Я поставлен стеречь господина офицера, чтобы он не убег, вдруг приходит этот еврейчик и говорит ему: — я Троцкий, идите за мной. Офицер пошел. Я часовой, я за ним. Я его не отпущу без разводящего.

— Ах, как это глупо, — морщась, сказал Троцкий, и вышел сопровождаемый адъютантом Керенского и уцепившимся в его рукав маленьким, но бойким казачишкой.

— Какая великолепная сцена для моего будущего романа! — сказал я толпившимся у дверей офицерам.

Но было не до романа. Было ясно, что перемирие полетело к черту и все погибло. Мы в плену у большевиков. Однако эксцессов почти не было. <...>

В. Д. МЕДЕМ

Из моей жизни

<Фрагменты>

<...> В Карлсруэ у меня была интересная схватка. Я приехал туда утром, меня встретили на вокзале мои товарищи. Они рассказали мне, что планируют провести небольшую дискуссию до моей вечерней лекции. Дискуссия, организованная членами социал-демократических групп, была посвящена национальному вопросу, в ходе которой планировался политический диалог с только что прибывшим известным молодым искровцем. Что за человек? После того, как я услышал его фамилию, я вспомнил. Около полутора лет до этого, в Берне я исполнял обязанности руководителя кружков, состоявших из молодых женщин-студенток. Одна из них рассказывала мне о своём брате, очень способном молодом человеке, отбывавшем в то время ссылку в Сибири. Фамилия девушки была Бронштейн (нынешняя жена Каменева, известного русского коммуниста). Её брат? Ныне знаменитый Лев Троцкий.

Мы приготовились к схватке. Недалеко от дома, где были организованы дебаты, я увидел небольшую группу людей на противоположной стороне улицы возле указанного места. «Вот он», — сказал мне кто-то. Он был высокий, худой, с длинными волосами и в стоптанных жёлтых ботинках. Эти жёлтые ботинки поразили меня больше всего, потому что они бросались в глаза. У нас такие ботинки просто никто не носил.

Он был похож на свою сестру. Правда, у неё были чёрные глаза, а у него — светло-серые; но у обоих в лицах было что-то, что делало их похожими на хищных птиц. У него это сходство было ещё более поразительным из-за его особенного рта — большого, изогнутого, жёсткого. Это был ужасный рот.

Обмен мнениями продолжался несколько часов. <...> Потом Троцкий выступил с детальной критикой, на которую я ответил. Я не очень хорошо помню подробности дебатов, но помню, что прения были просто неистовыми и что обе стороны, как обычно, были довольны собой. Должен признаться, что у меня тогда появилась неприязнь к этому человеку, и были основания думать, что это чувство взаимно. Прения продолжались почти до самого вечера, тем не менее интерес к ним всё возрастал, и основные положения дискуссии стали очевидны. После завершения моей лекции выступили несколько сионистов, как неприсоединившиеся, юноши с ошибочными идеями. Следующим выступал Троцкий. Он ответил сионистам остроумно и хорошо. Но потом он обратился ко мне, обиженный на то, что я «посмел» высказать несколько язвительных замечаний русским социал-демократам. Я обвинил их в постоянном пренебрежении важной задачей борьбы с антисемитизмом; я не делал секрета из того, что рассматривал это как важный недостаток и серьёзную ошибку, которую следует избежать в дальнейшем.

Троцкий заступился за русских социалистов. Во-первых, сказал он, это неправда: они борются с антисемитизмом. К примеру, в его родном городе Николаеве ещё несколько лет назад была выпущена листовка. И, во-вторых, с ним нечего особенно бороться. В конце концов, антисемитизм — не более, чем следствие всеобщей несознательности широких масс. Значит, нужно привести их в состояние всеобщей сознательности, после чего антисемитизм постепенно исчезнет сам собой. А делать евреев особым объектом дискуссий среди широких масс излишне. Такое оправдание было в высшей степени характерно для искровцев. Потом, когда я встретил Троцкого вместе с другим известным деятелем, если не ошибаюсь, Давидом Рязановым¹, стало ясно, что его попытка отрицать даже перед самим собой собственную подлинную суровую вину, лежащую на русских социалистах, — есть не что иное, как спекулятивное объяснение, принятое в его партии.

Троцкий был уже известен как блестящий оратор, а также публицист. Но статья, которую он написал для «Искры», тогда вызвала сильные протесты. В те дни острая полемика «Искры» была направлена против эсеров вообще и в частности против их практики террора. Полагаю, что для острой полемики не было реального повода, а Троцкий был действительно язвительный по-

лемист. Но он начал с крайностей. В минувшем году молодой эсер Степан Балмашов убил Дмитрия Сипягина, русского министра внутренних дел². «Искра» с большой враждебностью набросилась на молодого страдальца. Она решилась утверждать, что Балмашов вообще был не эсером, а настоящим социал-демократом. Утверждение было ложью. Но искровцы продолжали упорно настаивать на своей точке зрения. Между тем до Балмашова дошло их осуждение, и он повесился. А полемика всё продолжалась, при этом обе стороны в действительности спорили над трупом, каждый тянул его на свою сторону. Это было не только отвратительно, но и гадко — вся эта возня вокруг него. Poleмика такого сорта оставляла после себя горький привкус. Автором этих статей был Троцкий.

Этот инцидент был буквально частным случаем, только одним примером. Однако этот пример очень характерен для Троцкого тех лет. Он обладал хлётским языком, и влияние этого языка на самого Троцкого было сильнее рассудка. Он, конечно же, был не глуп; совсем наоборот, он даже производил впечатление интеллигентного человека. Но более мощными, чем его разум, были его молодость, необузданная импульсивность, а больше всего — его язык. Я помню русскую поговорку о человеке, который ради красного словца не пожалеет и отца. Это применимо и к Троцкому, но с небольшой разницей: для него были важны не именно слова, а то, как ими уколоть. Он был своего рода болтуном. Уже тогда было видно, что человек обладает необычайными способностями. Он мог блестяще писать, а говорить — даже ещё лучше. Но не производил впечатления человека, на которого можно положиться. И в этом главную роль играл его язык.

Троцкий сильно изменился в последующие годы, становясь более зрелым, солидным и серьёзным, но едкость языка осталась.

<...>

Переехав через границу, я без происшествий прибыл в Берлин, где встретился с Либером³. Мы поехали в Копенгаген вместе⁴. Зарегистрировались в большой шикарной гостинице и встретили ещё несколько делегатов. В той же самой гостинице, например, находился Троцкий. Скоро он пришёл в мой номер. Я не видел его несколько лет, он очень изменился за это время. Троцкий много пережил за эти годы. В 1905 году он уехал из Швейцарии в Россию, играл видную роль в Санкт-Петербургском совете, был арестован и сослан в Сибирь. Освободился только недавно и вер-

нул за границу, худой и бледный, утомлённый путешествием. Он изменился и внутренне, стал более зрелым и солидным. В прежние дни, когда я обычно видел Троцкого за границей, в нём было ещё много ребяческого. После дискуссии, в которой мы столкнулись с ним в Карлсруэ, превратившейся в яростную схватку, я встречался с ним в том же самом 1903 году на съездах Российской социал-демократической рабочей партии в Брюсселе и Лондоне. Позже мы участвовали вместе в большом российском митинге, который состоялся в Женеве сразу после начала русско-японской войны. Я был в президиуме митинга. Троцкий был основным оратором. До сих пор очень хорошо помню его речь и то странное впечатление, которое она произвела на меня. Он доказывал, что западноевропейские страны — уже в 1904 году, не позже! — созреют для социальной революции.

Троцкий вообще в те дни производил впечатление человека с крайне малым чувством ответственности, чрезмерно помпезного, занятого погоней за красивыми, острыми и пикантными фразами. Остроумный и язвительный Рязанов тогда навесил ему ярлык «Балалайкин». Другое прозвище он дал Троцкому из-за его позиции на съезде — «Ленинская дубинка». Но сейчас, как я уже говорил, Троцкий заметно изменился. Он повзрослел и, как мне показалось, стал более спокойным и серьёзным. Троцкий далеко отошёл от Ленина и порвал с большевизмом. Он не стал меньшевиком, но занял серединную позицию, которая была почти равна позиции Бунда. Он хотел организовать фракцию своей собственной партии и явно рассчитывал на поддержку Бунда, поэтому начал всё более активно заигрывать с Бундом и бундовцами, и этот флирт продолжался годами. В ранние годы он был озлобленным противником Бунда. На съезде 1903 года Троцкий привлёк к себе внимание благодаря острой полемике с Либером. Но ситуация изменилась, и он пытался установить с нами гораздо более близкие дружеские отношения.

Что касается меня, я никогда не верил в искренность такой новой дружбы. С первого взгляда Троцкий был мне неприятен. Насколько мне известно, его отношение ко мне было точно таким же, как и моё к нему. Что и было подтверждено, между прочим, в то самое утро после нашего приезда в Копенгаген. Когда мы издавали «Наше слово», я написал статью о политическом положении, касаясь причин того, почему революция пока ещё

не может победить. Я подчёркивал, в частности, значение русского крестьянства. Троцкий в то время был в тюрьме и там написал работу, в которой выразил свои взгляды по этому поводу. Когда он вошёл в наш номер в гостинице в Копенгагене, он сразу же спросил Либера: «Скажи, кто из ваших людей Винницкий?» (Эта статья была подписана моим псевдонимом.) По тону вопроса было ясно, что статья ему уж очень понравилась и он готов видеть в авторе своего партнёра. Либер ответил: «Это Медем». «В самом деле!» — откликнулся Троцкий. И замолчал. По его поведению было ясно, что он не особенно восхищён этим открытием.

В. В. БЕРЕНШТАМ

В боях политических защит

<Фрагмент>

Л. Д. Троцкий и Совет рабочих депутатов

Я хорошо помню Троцкого молодым. Он был какой-то необыкновенно блестящий одаренный юноша, редко красивый в минуты подъема своего изумительного красноречия, когда сняли его черные, пронзительные глаза, когда за стальными находчивыми словами исчезала суровая складка его язвительных, тонких и женских губ, когда переставал быть заметным четырехугольный овал его лица и чересчур короткий подбородок. Его имя — Лев. Тогда добродушно шутили, что он не просто «Лев», а «Лев Африканский» и указывали на его знойную, негритянскую шевелюру, а говоря с женщинами, в шутку предостерегающе прибавляли: «Но он легко может быть самым непобедимым — “Львом Столичным”».

И уже тогда для каждого чуткого человека было ясно, что он «Лев Революции», необычайно сильный человек, могущий властвовать толпами, создавать «свое настроение» даже среди врагов...

Ему предстояли не только суд, но и безусловное осуждение по делу 1-го в России Совета рабочих депутатов как одному из самых ярких, выдающихся деятелей разгромленной революции девятьсот пятого года.

На этот громкий процесс со всей России прибыли самые видные защитники, самые блестящие «божьей милостью» ораторы. И все-таки среди них Троцкий сверкал своим красноречием, своей изумительной находчивостью, умением беспощадно, язвительно-корректно высмеять противника...

Прокурор пытался поддерживать указания обвинительного акта на то, что Совет уже поднимал восстание в Петербурге, уже подготовил его и поэтому вооружил рабочих.

Троцкий выпрямился и произнес пламенную отповедь. Он сделал документальный подсчет всего выданного оружия. Оказалось, один-другой десяток револьверов и больше ничего.

И тогда Троцкий рассказал о готовившемся департаментом полиции погроме евреев и демократии, об организации самообороны рабочих и начал с сарказмом высмеивать возможность восстания с несколькими револьверами в руках против пушек.

От доводов прокурора сразу же ничего не осталось. Он был раздавлен! И целые страницы обвинительного акта точно смыло едкой жавелевой водой. То было пустое место.

И сразу всем стало ясно, что подсудимые не пойдут на каторгу.

На другой день близкие подсудимых принесли им красные гвоздики. Все подсудимые украсились цветами. А старая репортерша черносотенной газеты суетилась и возмущенно кричала: «Да ведь это не суд, а пикник!».

Своей речью Троцкий перевернул настроение даже суда. Публика чувствовала это и была в приподнятом настроении. То действительно был «веселый пикник» на суде!.. Хотя у каждого подсудимого имелся «собственный защитник» (а у Троцкого — всезнающий Оскар Грузенберг¹), но по заявлениям подсудимых вся наличная адвокатура была допущена палатой как «солидарная защита» всех. «Все за одного и один за всех!» И так как мы — адвокаты — требовали от тюремной администрации одновременного привода к нам подсудимых «на свидание», то вместо обычной одиночной камеры нам отвели большую тюремную кухню. И эта кухня неожиданно превратилась в зал для митингов. В те времена реакция еще не задавила «тюремных завоеваний» революции, хотя они и доживали последние дни. В судах уже осуждали за предусмотренные 129 статьей речи «на воле», но их «свободно» произносили в тюрьме. И на этих митингах Троцкий властвовал.

Я любовался им, восхищался красотой и силой его слова. И потому захотел сохранить его образ на память. Придя однажды в кухню, я сфотографировал Троцкого в разных позах, снял его потом и на скамье подсудимых. Эти фотографии и негативы хранились у меня долгие годы. Часть снимков я недавно дал

напечатать Д. Ф. Сверчкову в его книге «На заре революции»², во втором издании. Тогда Троцкого осудили на поселение. Он бежал и вернулся в Россию уже после начала революции. Таковы были наши предшествующие отношения. Около двух месяцев постоянных встреч. Мы снова увиделись уже после большевистского переворота в середине марта 1918 г.*

* Этот отрывок воспоминаний о Л. Д. Троцком является лишь частью очерка о великом революционере. Я написал книгу о встречах с вождями революции. Она появится в печати после моей смерти. Настоящий отрывок мне тем легче сейчас опубликовать, что в последнее время вся периодическая печать нападает на Л. Д. Троцкого за «троцкизм». Я всегда был внепартийным социалистом. Эти споры от меня далеки. Но, по моему мнению, Троцкий как гениальный руководитель создал непобедимую Красную армию!..

Б. Г. БАЖАНОВ

Воспоминания секретаря Сталина

<Фрагменты>

<...>

Всегда хорошо запоминается что-то новое. О большинстве из сотен заседаний Политбюро, на которых я секретарствовал, мне трудно что-либо вспомнить — стало рутиной. Но первое заседание вижу ясно.

Заседание назначено на десять часов. Без десяти десять я на месте, проверяю, все ли в порядке, снабжены ли члены Политбюро нужными материалами. Без одной минуты десять с военной точностью входит Троцкий и садится на свое место. Члены тройки входят через три-четыре минуты один за другим — они, видимо, перед входом о чем-то совещались. Первым входит Зиновьев, он не смотрит в сторону Троцкого, и Троцкий тоже делает вид, что его не видит, и рассматривает бумаги. Третьим входит Сталин. Он направляется прямо к Троцкому и размашистым широким жестом дружелюбно пожимает ему руку. Я ясно ощущаю фальшь и ложь этого жеста; Сталин — ярый враг Троцкого и его терпеть не может. <...>

В сентябре тройка решила нанести первый серьезный удар Троцкому¹. С начала гражданской войны Троцкий был организатором и бессменным руководителем Красной армии и занимал пост народного комиссара по военным делам и Председателя Реввоенсовета Республики. Тройка наметила его отстранение от Красной армии в три этапа. Сначала должен быть расширен состав Реввоенсовета, который должен был быть заполнен противниками Троцкого так, чтобы он оказался в Реввоенсовете в меньшинстве. На втором этапе должно было быть перестроено

управление Военного министерства, снят заместитель Троцкого Склянский и на его место назначен Фрунз^{е2}. Наконец, третий этап — снятие Троцкого с поста Наркомвоена.

23 сентября на пленуме ЦК тройка предложила расширить состав Реввоенсовета. Новые введенные в него члены были все противниками Троцкого. В числе нововведенных был и Сталин. Значение этой меры было для Троцкого совершенно ясно. Он произнес громовую речь: предлагаемая мера — новое звено в цепи закулисных интриг, которые ведутся против него и имеют конечной целью устранение его от руководства революцией. Не имея никакого желания вести борьбу с этими интригами и желая только одного — служить делу революции, он предлагает Центральному комитету освободить его от всех его чинов и званий и позволить пойти простым солдатом в назревающую германскую революцию. Он надеется, что хоть в этом ему не будет отказано.

Все это звучало громко и для тройки было довольно неудобно. Слово берет Зиновьев с явным намерением придать всему оттенок фарса и предлагает его также освободить от всех должностей и почестей и отправить вместе с Троцким солдатами германской революции. Сталин, окончательно превращая все это в комедию, торжественно заявляет, что ни в коем случае Центральный комитет не может согласиться рисковать двумя такими драгоценными жизнями и просит Центральный комитет не отпускать в Германию своих «любимых вождей». Сейчас же это предложение было самым серьезным образом проголосовано. Все принимало характер хорошо разыгрываемой пьесы, но тут взял слово «голос из народа», ленинградский чекист Комаров³ с нарочито пролетарскими манерами. «Не понимаю только одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится». Вот это «кочевряжится» окончательно взорвало Троцкого. Он вскочил и заявил: «Прошу вычеркнуть меня из числа актеров этой унижительной комедии». И бросился к выходу.

Это был разрыв. В зале царил тишина исторического момента. Но полный негодования Троцкий решил для вящего эффекта, уходя, хлопнуть дверью.

Заседание происходило в Тронном зале Царского Дворца. Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтоб ее открыть, Троцкий потянул ее изо всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не за-

метил и старался изо всех сил ею хлопнуть. Чтобы закрыться, дверь поплыла так же медленно и торжественно. Замысел был такой: великий вождь революции разорвал со своими коварными клеветами и, чтобы подчеркнуть разрыв, покидая их, в сердцах хлопает дверью. А получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью. Получилось нехорошо.

С этого решения пленума о Реввоенсовете борьба между тройкой и Троцким вступает в открытую фазу. Эта борьба была основным занятием тройки в последние месяцы 1923 года. Главные политические документы этой эпохи посвящены этой борьбе и ее отражают. Поэтому и позднейшие историки партии понимают внутривнутрипартийные события этого времени как борьбу большинства Центрального комитета с оппозицией и оппозицией именно троцкистской. Действительность была совсем иной, и она была много сложнее.

<...>

Троцкий на заседаниях Политбюро начал свирепо атаковать партийную бюрократию. Хорошо помню сцену, как глядя в упор на Молотова⁴, сидевшего против него по другую сторону стола, Троцкий пустился в острую филиппику против «бездушных партийных бюрократов, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс». Молотову, имя которого Троцкий не называл, надо было смолчать и сделать вид, что речь идет совсем не о нем, и еще лучше одобрительно кивать головой. Вместо этого он, поправляя пенсне и заикаясь, сказал: «Не всем же быть гениями, товарищ Троцкий».

(Зрелище было жалкое; мне было неловко за Молотова. Кстати, как пишется история: в 1929 году, очутясь за границей, я эту сцену описал в печати; каково было мое удивление, когда в 1932 году в книжке «Советские портреты» Дмитриевского, советского дипломата, бежавшего от Советов, был приведен весь мой текст, но вслед за этим по Дмитриевскому Молотов принял вызов. Спокойно улыбнулся. Тихо, как всегда, немного заикаясь, сказал: «Не всем быть гениями, товарищ Троцкий; а сильнейший всегда тот, кто побеждает».

Конечно, ничего подобного Молотов не добавлял, но для Дмитриевского 1932 года Троцкий был фанатический и иступленный еврейский революционер, а Молотов — твердый и превосходный

руководитель нового курса России, будто бы вступившей на путь патриотизма и национализма; откуда это вымышленное добавление).

<...>

Было совершенно ясно, что Троцкий, как и Ленин, был фанатиком коммунистической догмы (только менее гибким). Его единственной целью также было установление коммунизма. О благе народа вопрос для него мог стоять лишь как какая-то отвлеченная норма далекого будущего, да и ставился ли?

Но тут пришлось мысленно разделить властителей России на три разные группы: первая — Ленин и Троцкий — фанатики догмы; они доминировали в годы 1917–1922, но сейчас они уже представляли прошлое. <...>

Когда Троцкий писал обо мне, он был почти всегда несправедлив: я — антикоммунист, значит, враг, «реакционер»⁵, и по большевистскому кодексу можно со мной не церемониться. Я не хочу отплатить ему той же монетой и постараюсь быть объективным в его описании.

Из большевистских вождей Троцкий производил на меня впечатление более крупного и одаренного. Но справедливость требует тут же сказать, что он был одарен отнюдь не всесторонне и наряду с выдающимися качествами обладал немалыми недостатками.

Он был превосходным оратором, но оратором типа революционного — зажигательно-агитаторского. Он умел найти и бросить нужный лозунг, говорил с большим жаром и пафосом и зажигал аудиторию. Но он умел вполне владеть своим словом, и на заседаниях Политбюро, где обычно никакого пафоса не полагалось, говорил сдержанно и деловито.

У Троцкого было очень острое перо, он был способный, живой и темпераментный публицист.

Он был человек мужественный и шел на все риски, связанные с его революционной деятельностью. Достаточно указать на его поведение, когда он председательствовал в 1905 году на Петроградском Совете рабочих депутатов; до конца он держался храбро и вызывающе и прямо с председательской трибуны пошел в тюрьму и ссылку.

Но еще более показательна история с «клемансистским тезисом» 1927 года. Власть уже была целиком в руках Сталина, который продолжал шумиху с оппозицией, выявляя (как я уже писал

выше) скрытых врагов. На ноябрьском пленуме ЦК 1927 года, на котором Сталин предложил в конце концов исключить Троцкого из партии, Троцкий взял слово и, между прочим, сказал, обращаясь к группе Сталина (передаю смысл): «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете совершенно бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо, — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы»⁶. Конечно, в этом выступлении много и наивности, и непонимания Сталина, но как не снять шляпу перед этим выступлением?

Благодаря темпераменту Троцкого, его мужеству и его решительности, он был несомненно человеком острых критических моментов, когда он брал на себя ответственность и шел до конца. Именно поэтому он сыграл такую роль во время Октябрьской революции, когда он был незаменимым исполнителем ленинского плана захвата власти; Сталины куда-то попрятались, Каменевы и Зиновьевы перед риском отступили и выступили против, а Троцкий шел до конца и смело возглавил акцию (кстати, Ильич большой храбрости не показал и немедленно уступил доводам окружающих, что ему не следует рисковать своей драгоценной жизнью, и поспешил спрятаться; а Троцкий этим доводам не уступал; так же и до этого, после неудачного июньского восстания Ленин сейчас же скрылся, а Троцкий не бежал, а пошел в тюрьму Керенского.)

Но здесь надо указать и на один важный недостаток Троцкого. Он был слишком человеком позы. Убежденный, что он вошел в Историю, он все время для этой Истории (с большой буквы) позировал. Это было не всегда удачно. Иногда это была большая поза, оправданная ролью, которую играл Троцкий и его социальная революция в мировых событиях; к примеру, когда советская власть во время гражданской войны висела на волоске — «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что весь мир содрогнется»⁷ — это тоже для позы и для истории; иногда это было менее оправдано; еще было

терпимо, когда Троцкий принимал парады своей Красной армии, стоя на броневике; но бывало и так, что поза была не к месту и была смешна. Троцкий не всегда это замечал — вспомните, например, случай с дверью на Пленуме ЦК, о котором я рассказал выше.

Стратегией гражданской войны руководил, конечно, больше Ленин, чем Троцкий. Но в организации Красной армии Троцкий сыграл несомненно очень большую роль. Здесь надо отметить одну черту, характерную не для одного Троцкого. В процессе управления страной, отдельными сторонами в организации борьбы и хозяйства, способные люди быстро росли и учились. Красины, Сокольниковы и Сырцовы⁸ с каждым годом становились все более государственными людьми. В государственной школе даже и менее способные росли и учились. Например, небезызвестный Михалваныч Калинин⁹, которого Ленин ввел в Политбюро отчасти большинства ради, отчасти для того, чтобы постоянно иметь под рукой человека, знающего деревню и психологию крестьян — в этом смысле оказывал несомненные услуги. Но когда он пробовал принимать участие в прениях, требовавших некоторых знаний и культуры, он первое время нес такую чепуху, что члены Политбюро невольно улыбались. И что же? Через два-три года Михалваныч значительно поумнел, во многом разобрался и, не будучи лишен от природы здравого смысла, часто выступал очень толково и перестал быть комиком труппы.

Способный Троцкий, бывший в начале талантливым агитатором, тоже сильно вырос в организаторской и руководящей работе. Но не раз и срывался. После окончания гражданской войны, когда транспорт был совершенно разрушен и железнодорожники, не получавшие практически никакого жалования, должны были, чтобы не умереть с голоду, культивировать овощи и заниматься мешочничеством, им некогда было заниматься поездами, и поезда не ходили, Ленин назначил Троцкого народным комиссаром Путей сообщения (не без скверной задней мысли — чтобы поставить Троцкого в глупое положение). По вступлении в должность Троцкий написал патетический приказ: «Товарищи железнодорожники! Страна и революция гибнут от развала транспорта. Умрем на нашем железнодорожном посту, но пустим поезда!» В приказе было больше восклицательных знаков, чем иному делопроизводителю судьба отпускает на всю жизнь. Товарищи железнодорожники предпочли на железнодорожном посту не умирать, а как-нибудь

жить, а для этого нужно было сажать картошку и мешочничать. Железнодорожники мешочничали, поезда не ходили, и Ленин, достигший своей цели, прекратил конфуз, сняв Троцкого с поста Наркомпути.

Не подлежит сомнению, что и первое время организации Красной армии Троцким все шло в лозунгах и речах, о солдатских комитетах, выборных командирах, бестолковщине, демагогии и бандитизме. Но скоро Троцкий сообразил, что никакой армии без минимальных военных знаний и без минимальной дисциплины создать нельзя. Он привлек специалистов — старых офицеров царской армии; одни были куплены высокими чинами, других просто мобилизовали и заставили отдавать их умение под строгим надзором коммунистических комиссаров. А в борьбе за дисциплину пришлось всю гражданскую войну бороться против Сталиных и Ворошиловых. И сам Троцкий при этом многому научился и из агитатора постепенно превратился в организатора. Но больших высот в этом деле он все же не достиг: не говоря о конфузе с транспортом, когда пришлось организовать борьбу за власть, ничего дельного здесь Троцким создано не было, и в смысле организации посредственные молотобы били его по всей линии. Правда, Троцкий считал, что самое важное в этой политической борьбе — это большие вопросы политической стратегии, «политика дальнего прицела», борьба в сфере идей. Тут он явно шел за Лениным, пытаясь копировать ленинские схемы и ленинские рецепты, явно демонстрируя свою слабость по сравнению с Лениным, который, конечно, занимался, и очень занимался, вопросами политической стратегии, но придавал не меньшее значение и вопросам организационным (в Петербургском перевороте 1917 года организация сыграла большую роль, чем политика).

Здесь приходится коснуться еще одного слабого места Троцкого — его слабости как теоретика и мыслителя.

Я бы сказал, что Троцкий — тип верующего фанатика. Троцкий уверовал в марксизм; уверовал затем в его ленинскую интерпретацию. Уверовал прочно и на всю жизнь. Никаких сомнений в догме и колебаний у него никогда не было видно. В вере своей он шел твердо. Он мог только капитулировать перед всей партией, которую он считал совершенным орудием мировой революции, но он никогда не отказывался от своих идей и до конца дней своих в них твердо верил; верил с фанатизмом. Из людей этого типа

выходят Франциски Ассизские, и Петры Отшельники, и Савонаролы; но и Троцкие, и Гитлеры. Не теоретики, не мыслители, такие фанатики оказывают гораздо большее влияние на судьбу человечества, чем столпы разума и мудрости.

Если попытаться восстановить, какова была основная политическая мысль Троцкого, то не так легко разобраться в горе ложных обвинений, которую беспрерывно громоздили против него сначала зиновьевцы, потом сталинцы, потом сталинские наследники. Во всяком случае, уже в то время, когда эта борьба происходила внутри партии, и я был ее свидетелем, для меня, как и для всех большевистских верхов, была ясна лживость и надуманность большинства разногласий. Нужно было повергнуть соперника и завладеть властью. Но нельзя было иметь такой вид, что это безыдейная борьба пауков в банке. Надо было делать вид, что борьба высокоидейная и разногласия необычайно важны: от того или другого их решения зависит будто бы чуть ли не все будущее революции.

Между тем обычно это были неопределенные споры о словах. В особенности много таких пустых и тенденциозных споров было проведено вокруг знаменитой теории «перманентной революции» Троцкого и сталинского «построения социализма в одной стране». На самом деле идея Троцкого заключалась в том, что с Октябрьской революцией в России началась эпоха мировой социальной революции, которая будет вспыхивать и в других странах. Имея всегда эту цель в виду, надо рассматривать коммунистическую Россию как плацдарм, базу, позволяющую вести и продолжать подготовительную революционную работу в других странах. Это совершенно не означает, что, имея в виду цель мировой революции, можно не придавать никакого значения тому, что будет происходить в России. Наоборот, по мысли Троцкого, надо активно строить коммунизм в России; но, по его мнению (и надо сказать, что Ленин до революции целиком это мнение разделял), одна изолированная русская революция едва ли долго устоит перед натиском остальных «капиталистических» стран, которые постараются подавить ее силой оружия.

Совершенно ясно видно, что хотя Троцкий и изгнан, убит, осужден и предан анафеме, эта общая идея перманентной мировой революции всегда продолжала русским коммунизмом проводиться, продолжает проводиться и будет всегда основной стратегической линией коммунизма.

Правда, под давлением фактов и опыта, русский коммунизм должен был пересмотреть некоторые первоначальные пессимистические прогнозы Ленина и Троцкого. Руководители крупных «капиталистических» держав не только вопреки всякому здравому смыслу не свергли русский коммунизм силой оружия, но, предавая западную цивилизацию, как Черчилль и Рузвельт, сделали все для спасения коммунизма, когда ему стала угрожать опасность, и сделали все, чтобы он захватил полмира и стал основной мировой угрозой для человечества. Предвидеть такую степень предательства и политического кретинизма действительно было очень трудно; здесь я должен заступиться за Ленина и Троцкого: они делали предположения, исходя из того, что имеют дело с противниками нормальными и здравомыслящими. <...>

Точно такой же характер надуманности имеют и споры о сталинской теории «построения социализма в одной стране». Сталин, желая иметь вид, что у него тоже в основном идейные разногласия с Троцким, в начале 1925 года обвинил Троцкого в том, что он не придает значения, «не верит» в возможность построить социализм в одной стране, то есть в России, где коммунистическая революция уже произведена. На беду в этот момент (март 1925 года) опять началась грызня между Зиновьевым и Сталиным: Зиновьев не терпел экскурсий Сталина в область общей стратегии и находил смехотворными его попытки выступать в роли теоретика и стратега. На мартовском пленуме произошли стычки, и Сталин отомстил Зиновьеву, показавши ему, что большинство в ЦК стоит больше, чем какая-то там стратегия. На пленуме тезисы Зиновьева к Исполкому Коминтерна были отвергнуты по вздорным мотивам спора о словах — идет ли речь об «окончательной» победе социализма или нет. В апреле Зиновьев и Каменев на Политбюро удвоили атаки против сталинского социализма в одной стране — надо было не допустить, чтобы Сталин ставил свою кандидатуру в стратеги и вожди революции. В конце апреля Сталин созвал XIV партийную конференцию, на которой этот вопрос сугубо обсуждался.

Опять-таки споры шли о словах и были надуманы. Может ли быть социализм построен в одной стране? Вопрос в конце концов шел о том, свергнут ли его враги силой оружия. На восьмом году революции уже можно было разглядеть, что пока его никто свергать не собирается. Сделать ли из этого символ веры? Какой в этом смысл? Или считать, что пока надо усиляться, а там видно будет,

это в сущности никакого значения не имело. А сколько потом, поссорившись со Сталиным, вылил зиновьевский блок чернил на Сталина, доказывая, что он не революционер, забросил мировую революцию и погряз только в местных делах и т. д.

Кроме всего этого, надуманного, были, конечно, и проблемы капитальной важности. Самая важная, которая встала в 1925–1926 годах, была: продолжать ли НЭП, мирное соревнование между элементами «капиталистическими» (то есть свободного рынка, хозяйственной свободы и инициативы) и коммунистическими, или вернуться к политике 1918–1919 годов и вводить коммунизм силой. От того, по какому пути пойдет власть, зависела жизнь десятков миллионов людей.

Но каков лучший путь? Кое-чему научившиеся практики Бухарин и Рыков считали, что надо продолжать ленинский путь НЭПа. В апреле 1925 года Бухарин на собрании московского актива сделал свое знаменитое заявление, что «коллективизация — не столбовая дорога к социализму» и что надо ставить ставку на развитие крестьянского хозяйства, бросив даже крестьянам лозунг «обогащайтесь!». Строго говоря, это был выбор: идти ли по дороге человеческой, здравого смысла (и тогда эта дорога не коммунистическая), или пойти по дороге коммунистической мясорубки. Характерно, что самые талантливые бухарины, сокольниковы, Красиные, Сырцовы поняли (как, видимо, понял и Ленин), что налицо был провал коммунизма и что надо переходить на дорогу здравого смысла. Ярые фанатики, как Троцкий, бесчестные комбинаторы, искавшие лишь власти, как Зиновьев, и вполне аморальная публика, как Сталин, из разных соображений сошлись на том же: продолжать силой внедрение коммунизма.

Но это произошло не сразу. В 1925 году зиновьевский клан ничего не имел против бухаринской позиции. Понадобилось его удаление от власти в 1926 году, чтобы он сделал вольт-фас и стал защищать рецепты Троцкого о сверхиндустриализации и нажмем на деревню. А Сталин, не особенно углубляясь в идеи, больше подчинял все своим комбинациям. В 1926 году, выбросив Зиновьева и Каменева, он поддержал против них позицию Бухарина. И до конца 1927 года, громя зиновьевско-троцкистский блок, он занимает эту позицию. Но в конце 1927 года он решает отделаться от старых членов Политбюро — Бухарина, Рыкова и Томского. И тогда он без всякого смущения берет всю политику Зиновьева

и Троцкого, которую он все время осуждал и громил. Теперь он и за сверхиндустриализацию, и за насильственную коллективизацию и разгром деревни¹⁰. И когда декабрьский съезд 1927 года дает ему наконец твердое и непоколебимое большинство в ЦК (плод многих лет неустанной работы), он эту попытку принимает, выбрасывает старых членов Политбюро и теперь уже спокойно через горы трупов идет к своему коммунизму.

По существу здесь пути Сталина и Троцкого сошлись. Троцкий тоже коммунист, последовательный и недоступный здравому смыслу.

Между тем надо вспомнить, что даже в своем завещании Ленин писал о «небольшевизме» Троцкого (который он, впрочем, советовал не особенно ему ставить в вину). Фактически это означает, что до революции Троцкий никогда не принадлежал к ленинской партии профессиональных революционеров. Известно, что приехав в Россию после февральской революции, он сначала вошел в группу «межрайонцев», с которыми летом 1917 года и влился в конце концов в ленинскую организацию. То есть Троцкий до революции не был большевиком. Надо сказать, что это — большой комплимент. Члены ленинской большевистской организации были публикой, погрязшей в интригах, грызне, клевете, компания аморальных паразитов. Троцкий не выносил ни нравов, ни морали этой компании. И даже жил не за счет партийной кассы и буржуазных благодетелей, как Ленин, а зарабатывал на жизнь трудом журналиста (еще до войны я читал его статьи в «Киевской мысли»). Не приняв специфической морали Ленина, он был в отличие от него человеком порядочным. Хотя и фанатик, и человек нетерпимый в своей вере, он был отнюдь не лишен человеческих чувств — верности в дружбе, правдивости, элементарной честности. Он действительно не был ленинским большевиком. Когда я уже хорошо его знал, я узнал с удивлением, что он был сыном крестьянина. Как это ни кажется странным, в 80-х годах прошлого века были еще в России еврей-крестьяне, пахавшие землю и жившие крестьянским трудом. Таков был и его отец. Он был хорошим крестьянином (по большевистской изуверской терминологии — кулак, по человеческой — старательный, работающий и зажиточный крестьянин). Какое влияние на Троцкого оказала эта близость к деревне и правде природы? Можно только гадать.

Но Троцкий поставил передо мной и большую человеческую проблему. Уйдя от коммунизма и продолжая о коммунизме думать, я невольно ставил себе некоторые общие вопросы. В частности, такой.

Наше время наполняет борьба коммунизма со старой христианской цивилизацией. Я так определял ее социальную суть. Двадцать веков тому назад, во время римской империи, человек человеку был волк. Пришло христианство и предложило: «Почему бы нам не устроить человеческое общество так, чтобы человек был человеку не волк, а друг и брат?» В этом все социальное значение христианства (я совершенно не касаюсь здесь его чрезвычайно важной религиозной стороны). И в течение двадцати веков, плохо ли, хорошо ли, эти идеи вошли все же в сознание как идеал, к которому нужно стремиться (и порожденная христианством социалистическая идея, конечно, в ее настоящем, не марксистском виде, вышла отсюда же). Но человеческая натура плоха; долгое развитие этих идей не помешало еще в двадцатом веке передовым христианским нациям миллионами истреблять друг друга. Во всяком случае, вся наша многовековая цивилизация пыталась нас вести к этому идеалу. Коммунизм и марксизм являются его прямым отрицанием. Здесь убийство, насилие, массовое истребление вводятся в закон. Человек человеку снова волк. И коммунистическая партия, аппарат создания этого нового общества, или, если хотите, социализма с волчьей мордой, сама построена по принципу волчьей стаи. Здесь нет ни друга, ни брата, здесь есть только «товарищ». Что такое «товарищ»? Это тот, кто идет с вами рядом (волк волку тоже товарищ); но до известного момента; он может двадцать лет идти с вами рядом участвовать с вами в боях и невзгодах, но если он нарушил закон волчьей стаи или стал почему-то стае не подходить, на него набрасываются и мгновенно его загрызают (вам это ничего не напоминает из истории коммунистической партии?): он не друг, не брат, он только «товарищ», не больше.

Почему и для чего коммунизм так решительно отвергает идею дружбы и братства между людьми? Почему стремится он установить это волчье царство? И почему он побеждает, почему за ним идут? Сомнения начинают смущать мою не так уж испушенную молодость. А может быть, вообще идеал братства — совершенно неосуществимая утопия; может быть, светлая мечта, рожденная в земле Галилейской, не более, чем мечта, осужденная историей?

Я знаю, что мужчина всегда был грубым животным и насильником, был ли в течение веков солдатом, охотником, диким кочевником и даже земледельцем, всегда в борьбе против опасностей, врагов, природы, диких зверей соседей, всегда убийца.

Христианская идея нашла прямой отклик скорее у женщин. По самому своему биологическому существу женщина, дающая и продолжающая жизнь, склонна к любви, заботе о слабом; вся ее жизнь — сплошное самопожертвование для своих детей. Христианская идея любви и жалости ей близка. Я убежден, что христианство победило против железных легионов Рима благодаря женщине. А мужскому роду, может быть, более подходит насилие, этот волчий мир, который с таким успехом устанавливает коммунизм?

Вот Троцкий, человек убежденный и искренний. Когда коммунисты уверяют, что они переворачивают мир якобы для того, чтобы упразднить эксплуатацию человека человеком, до смешного ясно, что это ложь. При первой возможности и без малейшего стеснения они заменяют то, что они называют капиталистической эксплуатацией (будто бы рабочему не все доплачивают за его труд) такой социалистической эксплуатацией, какая рабочему раньше и не снилась. Речь идет уже не о доплачивании, речь идет о даровом труде миллионов каторжников, об их бесчеловечном истреблении. Но Троцкий — человек искренний и в свои идеи верующий. Ведь он понимает, что все это ложь. Как же он был вместе с Лениным вдохновителем террора, как предлагал он «трудовые армии» с железной дисциплиной, где отказ от работы означал бы немедленный расстрел?

А между тем Троцкий не лишен человеческих качеств. Он — хороший семьянин, очень любит своих детей, которые преклоняются перед ним, преданы ему и слепо идут за ним. Я был знаком с его дочкой Зиной, очень на него похожей, худенькой и хрупкой туберкулезной молодой женщиной, так же возбужденной и вспыльчивой, как отец. Отец для нее был все. Она, конечно, погибла в сталинских тюрьмах¹¹.

И еще одна черта меня всегда поражала в Троцком — его удивительная наивность и непонимание людей. Можно подумать, что он всю жизнь прошел, видя только абстракции и не видя живых людей, как они есть. В частности, он ничего не понял в Сталине, о котором написал толстую книгу.

В 1930 году, будучи за границей, я написал по поводу высылки Троцкого из СССР, что я очень удивлен и не узнаю моего Сталина,

которого я так хорошо изучил. Гораздо более в его нравах было поступить с Троцким, как, например, с Фрунзе. В сталинском распоряжении сколько угодно способов отравить Троцкого (ну, не прямо, это было бы подписано, а при помощи вирусов, культур микробов, радиоактивных веществ), и потом хоронить его с помпой на Красной площади и говорить речи. Вместо этого он выслал его за границу. Я заканчивал свое изложение так: «В общем, непонятно, почему Сталин не следовал своему обычному методу, который так отвечает его привычкам и его характеру. Но, в конце концов, вполне возможно, что Сталин находит более выгодным убить Троцкого не в СССР, а за границей».

Это было написано в 1930 году. В 1940 году последней работой Троцкого была книга о Сталине, которую смерть не дала ему закончить. Он успел написать 584 страницы этой книги. Следовательно, 579-ю и 580-ю страницы он писал, вероятно, в последние дни или недели своей жизни. Вот что он пишет на этих страницах: «По поводу моей высылки в феврале 1929 года в Турцию Бажанов пишет...» Далее идет на полстраницы цитата из моей книги. Вслед за тем Троцкий продолжает: «В 1930 году, когда появилась книга Бажанова, я рассматривал это как простое литературное упражнение. После московских процессов я ее более принял всерьез». И далее он приводит догадки, что в сталинском секретариате, который я покинул в 1926 году, я что-то по этому поводу слышал и знаю. То есть то, что было для меня ясно еще 1930 году и в чем я не сомневался, а именно, что Сталин в нужный момент его убьет (а с началом войны для Сталина это принимало характер срочности). Троцкий «начинал принимать всерьез» лишь незадолго до своей смерти. И для этого еще нужно было допускать, что Бажанов что-то слышал в сталинском секретариате в 1926 году. А нельзя было просто сообразить, что такое Сталин? Какая поразительная наивность и какое непонимание людей!

К. Х. ДАНИШЕВСКИЙ

Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921)

<Фрагмент>

<...>

Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свиданий с Владимиром Ильичем зашел разговор о Троцком и о его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет. Особенно это было отмечено под Свяжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководстве операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручить его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование. Я передал об этом Владимиру Ильичу и высказался за отзыв Троцкого с этого участка.

И вот Владимир Ильич, выслушав меня, сказал:

— Троцкий — крупный человек, энергичный, им очень много сделано для привлечения старого офицерства в Красную армию. Троцким много сделано для организации Красной армии. Но он не наш, ему нельзя вполне доверять: что он может сделать зав-

тра — не скажешь. Надо внимательно за ним смотреть. Не будем его пока отзывать. Приедете, узнаете, посмотрите и подробно сообщите. Тогда решим. Может быть, для подобной переписки установить специальный шифр. Пишите мне лично...

На меня эти слова Владимира Ильича действовали чрезвычайно сильно. Я был смущен этой оценкой Троцкого, так как знал, что официально Владимир Ильич часто лично подкреплял авторитет Троцкого, говорил о его заслугах и т. д.

Сущность, даже общий тон выражений Владимира Ильича я передаю точно.

И началась своеобразная переписка с Владимиром Ильичем о положении на фронте, о недостатках, болячках фронта. Я писал Петерсону¹ (комиссару Латышской дивизии, старому большевику, теперь уже покойному) часто по-латышски; он передавал письма (прямо или в переводе) Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич внимательно следил за всем тем, что происходило на фронте. На каждое более или менее заслуживающее внимания явление или деловую просьбу он быстро реагировал своим личным распоряжением или ставил вопрос на обсуждение в Совете Оборона.

Петерсон по этому поводу писал мне (к сожалению, не все письма сохранились):

«31 августа 1918 г. В своем последнем письме ты говоришь, что нелегко там, у вас. Нелегко также и здесь. У вас там — предательство, трусость, однако все же какой-то фронт. У нас здесь — преследование из-за угла, низость, гадость. Третьего дня — попытка покончить с Зиновьевым; вчера утром убийство Урицкого, вечером — нападение на Владимира Ильича. Подробности прочтешь в газетах. О ранении узнал поздно вечером. Дал распоряжение здесь оставшимся стрелкам быть готовыми на случай, если негодяи попытаются организовать восстание. Конечно, ничего подобного не случилось; наши противники слишком слабы, чтобы начать здесь открытую борьбу. Мы утопили бы их в крови.

Сегодня в час дня Ильич лежа читал газеты, и пока все еще есть надежда, что он выздоровеет...

Твое последнее письмо не успел передать Ильичу. Я должен был встретиться с ним сегодня, но... Предыдущее письмо он просил меня перевести и перевод передать ему. Так и сделал. Он очень внимательно несколько раз прочел, также вместе со Свердловым:

кое-что в связи с твоим письмом уже сделано. Сегодня вечером содержание твоего последнего письма передам Свердлову.

На террор ответим подобающе. Чтобы только Ильич выздоровел! Не могу даже в мыслях допустить, что это не случится».

9 сентября. «...Сообщи о положении на фронте, информируй о всех недостатках, которые можно было бы устранить отсюда. Что смогу, сделаю... Мне кажется, что Троцкого вам следует удерживать в Арзамасе и убедить его, что его самостоятельные действия могут только вредить. Свердлов вполне согласен, что Троцкого следовало бы оттуда отозвать, но в данный момент положение таково, что этого делать нельзя, ибо этим было бы задето его великое самолюбие, и все это могло бы кончиться скандалом.

Ильич чувствует себя совсем хорошо и хочет через неделю уже встать, хотя врачи хотят его еще удерживать в постели несколько недель».

18 сентября 1918 г. «Ильич уже встал, и скоро начну его снова регулярно посещать. Тогда все пойдет лучше. Попытаюсь убедить, чтобы Троцкого с фронта отозвали».

А на Казанском фронте становилось все напряженнее. Нервничал и делал глупости Троцкий. Владимир Ильич несколько раз обращается к Троцкому с резкими телеграммами-распоряжениями.

30 августа Владимир Ильич телеграфирует Троцкому о том, что надо принять особые меры против высшего командного состава, возможно, отдать под суд и даже расстрелять. Владимир Ильич удивлен и встревожен замедлением операций против Казани и указывает, что нельзя жалеть город².

7 сентября Владимир Ильич телеграфирует: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддержавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное»³.

Пробывание Троцкого на свияжском участке подчас становилось буквально нетерпимым: он и «командовал», и делал «вылазки», был в окружении и притягивал к себе удары белогвардейцев, которым, конечно, было бы чрезвычайно лестно захватить в плен народного комиссара по военным делам. Как было условлено с Владимиром Ильичем, я дал ему телеграмму с описанием положения на свияжском участке и просил вызвать Троцкого в Москву. Копию этой телеграммы я направил Троцкому. Не знаю, под каким предлогом Троцкому было предложено выехать в Москву. Но факт тот, что через несколько дней Троцкий ночью подъехал к Арзамасу.

Мне было предложено немедленно явиться в его вагон. Приехал. Троцкий был буквально взбешен. Говорил в повышенном тоне:

«Вы подчинены мне и не имели права через мою голову направлять телеграммы правительству» и т. д. и т. п. в этом духе. Я ответил, что назначен членом Реввоенсовета тем же органом, что и он, что считаю своим партийным долгом информировать правительство и ЦК партии о всем том, о чем партия и правительство, по моему мнению, должны знать, чтобы успешно руководить военными операциями. Разговор все время велся в резких тонах. Это была моя первая стычка с Троцким на деловой почве. Троцкий не терпел никакой критики (теперь сказали бы — самокритики), его болезненно обостренное самолюбие не допускало никаких замечаний и требовало слепого согласия со всем, что он говорил, и со всем, что он делал. А может быть, Троцкий сам чувствовал, что за внешней поддержкой его авторитета скрывается настроенное внимание, не прошедшее политическое недоверие к нему со стороны Владимира Ильича, которое так отчетливо выявилось в словах Владимира Ильича о Троцком перед второй поездкой моей на Восточный фронт. Троцкий прекрасно знал о великолепном искусстве Владимира Ильича расставлять людей, использовать их именно там, где они могут принести наибольшую пользу, использовать до конца в интересах партии и революции каждого по его способностям и характеру, и даже тех, кому он не на сто процентов политически доверял. Он только к ним особенно пристально присматривался. Был всегда настороже. Таково было отношение Владимира Ильича и к Троцкому.

Но Троцкий знал, что Владимир Ильич не остановится перед жесточайшим ударом по партийцу, если окажется, что доверие, которое ему оказано, он не оправдывает и злоупотребляет им. Отсюда настороженность Троцкого, мнительность, раздражительность в случаях малейшей критики его действий, предложений, высказываний. Троцкий знал и то, что хотя Владимир Ильич и не забывает ошибок товарищей, но их прошлые ошибки не ухудшают его отношения к тем, кто осознал свои ошибки и работу в настоящем ведет правильно, с большевистской выдержкой и настойчивостью, по-партийному.

Об этом мне Троцкий лично говорил в 1921 году после дискуссии по вопросу о задачах и организации профессиональных союзов. В этом вопросе я, как и вся компартия Латвии, начиная

с 1919 года, стоял на неправильной точке зрения «огосударствления» профсоюзов. Я задал вопрос Троцкому о возможном изменении личных отношений ко мне Владимира Ильича. Но Троцкий, не задумываясь, немедленно ответил: «Этого не будет. Никогда Владимир Ильич не перенесет на личные отношения и оценку того или другого члена партии раздражение, возникшее в связи с дискуссией, если после дискуссии член партии действительно осознает ошибку, подчинится решениям партии и продолжит работу по-большевистски». Это было верно. Мы это видели неоднократно. Но у Троцкого было столько приходов и отходов от партии, столько больших и малых разногласий с большевизмом, в связи с чем к нему не могло не быть недоверия со стороны старых большевиков, что внешне хорошее отношение к нему Владимира Ильича, внешняя, официальная поддержка его авторитета правительством, ЦК партии и лично Владимиром Ильичем не могла его успокоить. В партии большевиков он чувствовал себя не в своей партии, не среди своих. Поэтому моя телеграмма Владимиру Ильичу Троцкого чрезвычайно раздражила, как и все прочие такого же характера устные заявления, телеграммы и письма старых большевиков Владимиру Ильичу о Троцком на фронте.

<...>

Н. Н. <А. Д. НАГЛОВСКИЙ>

Троцкий

Впервые я встретил Троцкого в 1905 году в Петербурге на заседании Совета рабочих депутатов в Вольном экономическом обществе. Я был членом Совета от Путиловского завода. Троцкий же, как известно, был товарищем председателя. Надо сказать, что тогда Троцкий пользовался в революционных кругах Петербурга большой популярностью. Заслонив ничтожную фигуру официального председателя Совета, Хрусталева-Носаря, Троцкий вел тогда за собой весь Совет, а Совет вел питерский пролетариат.

Время горячее. Горяч был и Троцкий, эдакий «молодой Ласаль» на питерском фоне. Коньком его тогдашних речей была изобретенная им теория перманентной революции. С этой теорией он и выступал, зовя рабочих «от восстания к восстанию» и обещая неминуемую окончательную победу.

Его выступления помню очень хорошо. Среднего роста, темный шатен, с громадной шевелюрой откинутых волос, большим лбом, острым носом Троцкий на трибуне как бы вырастал и казался высоким. Голос резко-металлический. Демагогический оратор он уже тогда был хороший, хотя речи его всегда, как говорили греки, «попахивали лампадным маслом»: — чувствовалось, что это не экспромты, а сопровождающиеся эффектными жестами и эффектными паузами тщательно разученные выступления.

По своей манере говорить Троцкий был полным антиподом Ленину. Ленин ходил по трибуне. Троцкий стоял. У Ленина не было никаких цветов красноречия. Троцкий ими засыпал публику. Ленин не слушал себя. Троцкий не только слушал, но, пожалуй, и любовался собой. В речах Ленина всегда было ясно, чего он хочет.

У Троцкого предельной ясности никогда не было; его речь всегда можно было несколько вывернуть: — и так и иначе.

Разница душевного строя этих несхожих между собой революционеров сказывалась тогда и в их деятельности в Петербурге. Большевик Ленин редко появлялся на массовых собраниях, он вел борьбу в своей партии, этот «крот» рыл «подземные ходы». Меньшевик Троцкий сразу бросился к «ослепительному» свету рампы, к публике, к аплодисментам. Тут было не только чрезмерное тщеславие, которым очень богат был Троцкий, но был и правильно выбранный плацдарм своей деятельности, ибо Троцкий был действенен только на толпе, «на миру», он должен был быть всегда «любимцем публики», хотя бы даже галерки. Успех Троцкого был всегда успехом актера. И в то время, как в Ленине во всем чувствовалась крайняя деловитость, в Троцком — неизменный треск фейерверка.

Разность этих людей оттенялась даже в одежде. Ленин всегда был одет «как попало». Троцкий одевался с некоторой тщательностью, ему вовсе было не все равно, как и какой повязать галстук.

Но тогда на революционном фоне Петербурга Троцкий был куда более приметен. Ленин вел только большевицкую партию, Троцкий же, через Совет, несомненно вел питерских рабочих. И удайся революция 1905 года, революционным вождем в Петербурге стал бы, конечно, Троцкий.

Но дело кончилось иначе: — письмом Троцкого к Витте¹, от которого, как известно, Витте пришел в бешенство и Троцкий был арестован. Невольно хочется сказать, что судьбы этих двух людей, Витте и Троцкого, впоследствии оказались очень схожи. Достигший власти Витте, в сущности, всегда оставался «чужим» среди придворных Зимнего дворца и кончил опалой. Во время революции достигший «высшей власти» Троцкий неизменно оставался «чужим» среди придворных Кремля, и всем известно, чем он кончил.

Приехавшего из Америки в 1917 году Троцкого я встречал в Таврическом дворце на заседаниях Совета рабочих депутатов. Суммируя впечатление от общений с ним и от его выступлений, скажу, что в отличие от всех социалистов, проводивших войну внутри России, Троцкий был отмечен некой «девственностью». Живший вдали от России, не переживавший войны, Троцкий как бы «законсервировался» на позициях 1905 года, и в то время

как внутри страны российские социалисты неминуемо отражали в себе все сомнения, колебания и тяжелые переживания народа, Троцкий в этом отношении был «девственен». Для него ничего этого не существовало, и задумываться Троцкому не приходилось, у него имелась всё разрешающая теория «перманентной революции»: — японская война, 1905-й год — первый удар; мировая война, 1917-й год — второй удар. И Троцкий выскочил на русскую землю эдаким туристом — «прямо с корабля на бал».

В противоположность Ленину внешне Троцкий за эти годы не сильно изменился. Казался очень бодрым и «полным сил». Да ему и было всего 38 лет.

Возвестив о совпадении своих позиций с позициями Ленина, Троцкий пошел вместе с ним в атаку на Временное правительство, но и теперь, соответственно характерам, распределялись их роли. Приманивая массы на «червя большевизма», Ленин, как свинцовый груз, тянул леску вглубь, а поплавок-Троцкий моментально поплыл по поверхности. Новый свет рампы, речи, аплодисменты, интервью — словом, те же подмостки Совета рабочих депутатов, только тут уж приходилось из задних рядов протискиваться в завоеватели Совета. В этом и есть заслуга Троцкого перед большевизмом: — демагогией своих речей он завоевал большевизму Совет (хотя это было и не особенно трудно)².

Не будет преувеличением сказать, что и в 1917 году в массах Троцкий был известнее и популярнее Ленина. Но то, что было незаметно для зрителя извне, было очевидно всякому более-менее крупному партийцу: — как только Троцкий менял роль «поплавок» и уходил вглубь большевицкой партии, он неизменно в ее теле оказывался «чужероден».

Вражда к Троцкому главных партийных деятелей вовсе не родилась в 1924 году по смерти Ленина. Тогда она только «пришла в действие». Жила же она и не скрывалась все время с 1917 года. Положение Троцкого в партии было всегда как бы положением «кандидата в большевики», а не большевика.

С 1917 года по 1920-й мне часто приходилось встречаться и с Троцким и с его противниками и могу засвидетельствовать, что крайняя неприязненность к нему Зиновьева, Крестинского, Сталина, Стучки, Дзержинского, Стасовой, Крыленко и многих других правоверных ленинцев существовала всегда и редко чем-нибудь прикрывалась. Все эти люди только «терпели» Троцкого

потому, что он был нужен большевицкой революции и потому, что Ильич заключил с ним некое «джентльменское соглашение». Эта владычная рука Ленина, поддерживающая Троцкого под спину, всегда была ощутима, и без этой руки падение Троцкого могло быть ежедневным.

Отказ в кредите Троцкому и недоверие к нему происходили от следующих причин. Во-первых, Троцкий действительно был многолетним меньшевиком. Правда, он занимал всегда более выгодную его натуре межеумочную позицию, плавая по социал-демократическим водам заманчивым поплавком «перманентной революции» и не идя ни под Ленина, ни под Мартова, ни тем более под Плеханова с Потресовым. Но вот именно поэтому со стороны таких совершенно нетерпимых, узко-большевицких мозгов, какими обладали и обладают твердокаменные ленинцы, Троцкий и был всего только «сменовеховцем». Кредит измерялся подпольным стажем и заслугами. У Троцкого ничего этого не было. К тому ж психологически Троцкий и ленинцы были разны. Это чувствовала головка партии, и это тоже против Троцкого вызвало раздражение.

Чтобы быть объективным, надо сказать, что Троцкий интеллектуально был выше ленинцев на голову, хотя это и не Бог весть уж какой комплимент, ибо интеллектуальные силы ленинизма были всегда чрезвычайно убоги. Но умственное и культурное превосходство, эта бывалость и просвещенность, при невероятно-эгоцентрическом характере и надменности Троцкого, при его жажде «наполеонства», сквозившей во всем, в манере, речи, полемике, вызывали естественное озлобление у головки ленинцев. А у некоторых, как у Зиновьева и у Сталина, это чувство переходило в буквальную ненависть.

В рамки большевицкой организации Троцкий не вкладывался, он, как резиновый чертик, неизменно из нее выпрыгивал. Стать «нечужеродным», «своим» мешали болезненное честолюбие, сознание, что если он и не Ленин, то почти Ленин. А я думаю, что наедине Троцкий ценил себя куда выше Ленина!

После октябрьского переворота я видел Троцкого в роли наркоминдела. Тут мне казалось, что на короткое время о Троцком в партии как-то забыли. Дали наркоминдел, «делай, мол, там что хочешь!» И в самом Троцком на короткое время проснулся, пожалуй, больше журналист, чем «министр». Он бросился в се-

кретные архивы, ими зачитываясь, пиша ноты и лозунги, дал волю своей революционной фантазии. На первой же министерской должности Троцкий стал приближать к себе специалистов. В противоположность Ленину, у которого «партиец все мог понимать и все делать», Троцкий искал и брал людей дела, как, например, племянника бывшего военного министра Поливанова³, сына быв [шего] министра Муравьева и других. Троцкий хотел быть окружен «настоящим министерством», настоящими чиновниками, а не большевицкими импровизаторами, к которым в ответ на недоверие относился с презрением.

Но фантазии Троцкого в роли революционного дипломата революционной страны кончились... Брестом. На этом его дипломатическая карьера оборвалась, и Ленин назначил Троцкого наркомвоенном.

Этому шумному назначению Троцкого предшествовало не лишнее интереса и в литературе неосвященное событие. В марте 1918 года, когда совнарком переезжал из Петербурга в Москву, Ленин заявил в Смольном, что хочет оставить Троцкого в Петрограде главой питерского совнаркома, а Зиновьева взять с собой в Москву.

Вопрос этот обсуждался на собрании актива петербургских большевиков, где вызвал взрыв возражений, демонстрировавших открытый отказ в кредите Троцкому со стороны ведущей головки большевизма. Из питерских большевиков Троцкого не поддержал никто, тогда как кандидатура Зиновьева в председатели петербургского совнаркома выставлялась как самоочевидная. И Ленин с этим вынужден был согласиться.

В результате в марте 1918 года Зиновьев взял Петроград своей вотчиной, а Троцкий стал наркомвоенном. С Зиновьевым в 1918–19 гг. я виделся почти ежедневно. Отношение его к Троцкому было самое отвратительное, причем и Троцкий платил Зиновьеву той же монетой.

Причина этой обоюдной ненависти была ясна. Зиновьев требовал себе как раз ту самую роль, на которую претендовал Троцкий, — дублера Ленина. И чистокровный большевик, старый наперсник Ленина, Зиновьев пытался всеми силами отпихнуть Троцкого от попытки дублировать Ильича. Троцкий, разумеется, не оставался в долгу. В своей драке они забыли только о Сталине, который одинаково ненавидел их обоих.

В 1918–19 гг. взаимная враждебность Зиновьева и Троцкого не оставалась только в сердцах двух вельмож, борьба их явственно реализовалась и в жизни. В то время как Троцкий начал организовывать военное ведомство, подбирая опять-таки «настоящих военных», генералов, полковников и комиссаров, долженствующих быть ему преданными, Зиновьев не желал выпускать из рук военную организацию Петрограда. Игра Зиновьева опиралась на то, что «полубольшевик» Троцкий подбирает людей политически ненадежных, в то время как Зиновьев создаст надежную организацию.

Парируя эту игру, Троцкий в 1918 году стал привлекать к себе чекистов, организовав при себе чекистский отряд во главе с Павлуновским⁴. Привлек он к себе и видного чекиста Берзина. Из этого чекистско-коммунистического аппарата впоследствии и выросла, в сущности, оппозиция троцкистов⁵. Тогда же, в ведомственной борьбе Троцкого (с Зиновьевым в Петербурге, со Сталиным в центре, с Ворошиловым на юге), этот аппарат играл большую роль, спасая часто положение Троцкого и поддерживая его у власти.

Троцкий был властолюбив и тщеславен, подчас даже мелочно. В психологии его было что-то от нувориша. Так, помню проезд его в Петроград весной 1919 года. Из Москвы в Петроград Ленин обычно ездил в купе 1-го класса. Троцкий — в комфортабельном поезде. В этот проезд я был вызван к нему на Николаевский вокзал. На Николаевском вокзале — поезд из вагонов бывших царских поездов, оборудованный по последнему слову комфорта, тут и типография, и отдельный вагон для свиты, и первоклассная кухня, и ванны, словом, «царский» поезд. Чтоб дойти до поезда, мне пришлось пройти сквозь две цепи солдат. В поезде меня принял адъютант, бывший царский офицер, который и доложил обо мне наркомвоену. Троцкий принял меня в салон-вагоне, сидя за столом. Следов былого «молодого Лассалья» в Троцком тогда уже не было. Необыкновенная надменность человека, привыкшего к безграничной власти, — вот каков был тон Троцкого. Его окружение из офицеров перед ним держалось необычайно подтянуто. Ни перед Лениным, ни перед Зиновьевым никто бы так не стоял. Тут пахло настоящим аракчеевским фрунтом.

Пока я ждал, Троцкий тут же принимал какой-то доклад, высокомерным тоном министра задавая вопросы, и как только

ответы ему казались неудовлетворительными, он тут же обращался к секретарю, говоря коротко:

— Запишите, что было сейчас сказано!

Иногда такие записи означали вызов Павлуновского и расстрел на месте. Это был стиль Троцкого.

В небрежном постукивании карандашом по столу, во взгляде свысока, в позе нога на ногу, в повелительном обращении со своим окружением из бывших офицеров, во всем у Троцкого чувствовалось, что этот человек упивается властью. Царские поезда, свита, pompa, расстрелы, — в Троцком очень даже теплился «стиль Бонапарта». Но в то время, как извне, иностранцам, белым армиям, обывателям Троцкий казался необычайно властным, на самом деле властность Троцкого, наталкиваясь на партийный аппарат, вглубь не шла. Ленинцы только давали Троцкому резвиться. Победно воевавшему на фронтах Троцкому приходилось жестоко отгрызаться внутри партии, где его хватили за икры со всех сторон.

Именно благодаря этому Троцкий и создавал вокруг своего поезда «государство в государстве», подбирая и обласкивая нужных ему людей, хотя, надо сказать, что критические моменты Гражданской войны иногда выносили Троцкого наверх и с этого верха Троцкий презрительно тыкал сапогом Зиновьева и его товарищей.

Таким моментом для Троцкого было наступление генерала Юденича на Петроград. Эти мрачные, страшные дни конца октября 1919 года заслуживали бы отдельных воспоминаний. Юденич под Петроградом, занял Царское, подошел к Пулковской горке и угрожает Тосно и Ораниенбауму. Головка питерских большевиков переживала подлинную панику. Красные войска разбежались куда глаза глядят. Зиновьев, панически трусливый в моменты опасности, теперь только и делал, что по прямому проводу требовал из Москвы директив по эвакуации Петрограда, заявляя, что «держаться больше не может!»

Попытки организовать наскоро сбитые рабочие дружины ни к чему не привели, под нажимом Юденича подступы к столице обнажались и с часу на час ожидалось занятие города белыми. Предавшийся панике Зиновьев почему-то еще был убежден, что и Финляндия выступит против Петрограда. Вот в этот-то момент, когда в Смольном Зиновьев собрал всех петербургских наркомов и истерически кричал: — «Вы все останетесь тут! Хоть три дня! Я никуда никого отсюда не выпущу!» — из Москвы сообщили,

что в Петербург выехал Троцкий. Для Зиновьева — конфуз. Для Троцкого — триумф, кратковременный, но несомненный.

Троцкий приехал в Петроград поздно вечером⁶. С той же помпой пришли два царских поезда. С Троцким — большая свита двух сортов, военные во главе с генералом Надежным и чекисты во главе с Павлуновским. Окруженный этой свитой, Троцкий с вокзала проехал прямо в Смольный и вошел в кабинет Зиновьева (прежний кабинет Ленина), где вокруг Зиновьева собрались питерские комиссары. С места в карьер, обращаясь к Зиновьеву, Троцкий проговорил:

— Здравствуйте, товарищ Зиновьев! На ваш запрос об эвакуации заявляю, что Петроград сдан не будет! Я приехал от Совнаркома с неограниченными полномочиями. А за сим — созовите собрание партийного актива Петрограда!

И когда Зиновьев еще не успел произнести слова, Троцкий повернулся к Павлуновскому и резко-металлически, с резонансом, рассчитанным на всех присутствующих, проговорил:

— Товарищ Павлуновский, приказываю немедленно арестовать и расстрелять весь штаб защиты Петрограда! А вам, — обратился он к генералу Надежному⁷, — немедленно принять на себя командование 7-й армией и организацию штаба защиты!

Минута — «бонапартовская». При полном молчании Надежный и Павлуновский, окруженные помощниками, вышли из кабинета. В эту же ночь Павлуновский расстрелял совершенно ни в чем неповинный штаб защиты Петрограда во главе с бывшим офицером Генерального штаба Линденквистом⁸. Защита перешла в руки генерала Надежного. А расстрелы — к чекисту Павлуновскому, этому обер-палачу при Троцком, вызывавшему во всяком человеке бесконечное отвращение: — высокий, худой, с жуткими глазами убийцы, одетый в «лихую» кавалерийскую шинель до пят, с рукой на перевязи, Павлуновский со своим отрядом по мановению руки Льва Давыдовича расстреливал бесчисленное количество людей.

Когда Павлуновский и Надежный вышли и в кабинете остались Зиновьев и человек пять питерских комиссаров, Троцкий сразу же как-то «размяк». «Железный жест» был сделан, и в ожидании нового жеста на собрании петербургского актива Троцкий похаживал по большому кабинету Зиновьева, подшучивал над тем, что «Зиновьев, кажется, осунулся», брал с полки книги, перелистывал, читал наугад какие-то цитаты и по поводу их острил, потом

снова клал книгу на полку и снова подшучивал над Зиновьевым и над телефоном с громкоговорителем, стоявшим у него на столе. На эти остроты Зиновьев реагировал слабо. В это время, по приказу Троцкого, происходила смена всей охраны Смольного. Прежнюю охрану сменили приехавшие с Троцким какие-то такие морды, что на них смотреть было жутко. Эта смена, вероятно, должна была подчеркнуть окончательную победу Троцкого над Зиновьевым: не оставалось камня на камне.

Когда в зале Смольного собрался актив петербургских большевиков (это было красочное, «историческое» заседание, занятия Петрограда белыми ждали с минуты на минуту), — Троцкий выступил с речью. Тут снова из посмеивающегося журналиста Троцкий превращался в «железного вождя». Гремела речь о постыдности поведения коммунистов, о психологии дезертирства, о беспощадности мер, которые он примет, всем и всему Троцкий грозил расстрелом.

Ночь в Смольном прошла в лихорадочной работе. Сюда привезли арестованный штаб бригады, действовавший под Ораниенбаумом. Этой же ночью Троцкий в сопровождении генерала Надежного выехал на фронт, а в Смольный из Москвы приехал Красин⁹, на которого было возложено поручение в случае сдачи Петрограда подготовить приведение петербургских заводов в полную негодность. Этим Красин и занялся.

На утро я застал Троцкого в Смольном. Обсуждался вопрос о переброске на фронт подходивших из Москвы и с Мурманского фронта подкреплений. Троцкий стоял посредине кабинета Зиновьева, у двери — двое чекистов, Павлуновский в своей кавалерийской шинели и начальник особого отдела петроградской ЧК Комаров. За столом секретарь Троцкого с неизменным блокнотом, а перед Троцким — перепуганный начальник военных сообщений Петрограда Араратов.

— Сколько времени нужно, чтобы перебросить войска с Финляндского вокзала на Балтийский? — кричал Троцкий Араратову.

— 24 часа, по-моему.

— Что?! Саботаж! Запишите сказанное! — кричит Троцкий и тут же Павлуновскому: — Арестовать!

Павлуновский и Комаров уже двинулись к потерявшему всякое присутствие духа Араратову, и если бы за него не вступились все присутствовавшие, Араратов был бы немедленно расстрелян, как было уже расстреляно множество людей. Троцкому объяснили,

что перебрасывать войска по железной дороге с вокзала на вокзал не нужно, гораздо быстрее войска пройдут в пешем строю.

В этот день под руководством Троцкого Петроград спешно делился на три зоны, из которых две могли быть сданы, а третья должна была защищаться до последнего. В деле обороны Петрограда Троцкий, конечно, сыграл роль, но все же чудес не бывает, и Троцкий ничего бы не сделал, если бы ему не помог... сам генерал Юденич.

Уверенность в том, что если Юденич будет продолжать наступление, то город будет взят, была абсолютна, а сдача Петрограда грозила самыми серьезными последствиями и для центральной власти. Но генерал Юденич в это время три дня простоял перед беззащитным Петроградом в полном бездействии. Бездействие генерала Юденича было непонятно. Оно и создало триумф Троцкого: — в течение этих трех дней все время подходили красные подкрепления.

Под Петроград были переброшены уже довольно значительные части, и для подъема духа войск Троцкий сам выехал на автомобиле в Гатчину. Я сопровождал его. Это был решительный момент, когда красные перешли в наступление, а белые дрогнули.

О Троцком коммунисты-военные частенько говорили как о человеке трусливом. Придерживаясь объективности, должен сказать, что в Гатчине Троцкий держал себя вполне соответственно своей роли. Может быть, у него и дрожали поджилки, когда автомобиль под обстрелом белых влетел в еще не занятую Гатчину. Но трусости Троцкий не проявил. Напротив, несмотря на предостережения окружающих, он вылез из автомобиля, шел под обстрелом, вообще все было именно так, как подобает «полководцу».

Об энтузиазме красных войск при защите Петрограда говорить, конечно, не приходится. Этот энтузиазм создали чекистские и курсантские отряды, шедшие с пулеметами сзади войск, расстреливая на месте всех дрогнувших или пытавшихся дезертировать.

В Гражданской войне защита Петрограда была моментом большого ведомственного успеха Троцкого и поражения Зиновьева. Но насколько Троцкий был непопулярен в партии, показывает хотя бы тот факт, что, несмотря на такие «головокружительные» заслуги, он уже в следующем году под давлением головки партийцев ушел с поста наркомвоена и стал народным комиссаром путей сообщения¹⁰.

Тут, в Москве, на Ново-Басманной, в здании НКПС, я не раз видел Троцкого. Привыкший ко всему «военному», он и тут действовал на военный манер: — часовые в коридорах, часовые у кабинета.

В мае 1920 года я был вызван Троцким по поводу назначения на работу по железнодорожному ведомству. Разговор ничем особым примечателен не был. Но от этого визита осталось ощущение, что снятый с поста наркомвоенна Троцкий уже на ущербе, затерт и поражен ленинцами.

Изменился и вид Троцкого, он сильно постарел, лицо бледно-желтое, пробилась сильная седина, было ясно, что сивку укатывали крутые горки. Популярностью на посту наркома путей сообщения Троцкий не пользовался. Видные коммунисты- железнодорожники, как всегда, считали его не своим, а спецы и низший технический персонал ненавидели за вводимые дикие террористические методы, за военизацию железных дорог. На железных дорогах Троцкий ввел подлинную аракеевщину. Его чекисты, перешедшие сюда вместе с ним из военного ведомства, в смысле бессудных расстрелов творили нечто неопишное. Военизация приводила к невероятному самодурству местных властей. Но в роли наркома путей сообщения Троцкий уже явно пел свою лебединую песню. Он падал медленно, но верно. Подпорка, в виде руки больного Ленина, уже ослабела, а самостоятельной силы удержать власть не было.

В то время как за Лениным стояла вся партия, за Дзержинским вся ВЧК, за Сталиным сильная часть партии и даже за Зиновьевым в Петербурге была довольно крепкая группа лично ему преданных «зиновьевцев», за Троцким была пустота. Дара водительства у Троцкого не было.

В недрах большевиков Троцкий не свой, у него нет ни друзей, ни последователей. В массах, где когда-то Троцкий имел популярность, он ее сам давно потопил в крови расстрелов. В партии за Троцкого была лишь часть интеллигенции и одиночные военные, лично им выдвинутые, да группа чекистов, подобных Павлуновскому. Чтобы сыграть роль, этих сил было слишком мало. И в итоге оказалось, что все свои рулады Троцкий пропел соло, с закрытыми глазами, как глухарь на току.

Так, пролетев по большевицкому небу фейерверочной ракетой, с шумом, треском, пальбой, Троцкий все снижался и потухал. Наконец, перелетев границы России, ракета с шипением упала в воды у Принцевых островов и потухла.

А. И. БАЛАБАНОВА

Моя жизнь — борьба

<Фрагменты>

<...> У Ленина не было никаких внешних черт, которые заставляли бы выделять его среди революционеров его времени. На самом деле из всех русских революционных вождей он внешне казался самым бесцветным. Его выступления в то время также не произвели на меня никакого впечатления ни своей манерой подачи, ни своим содержанием. Троцкий, с которым я познакомилась позднее, был гораздо более яркой фигурой и эффектным оратором, хотя некоторые его манеры и его самоуверенность вообще временами меня раздражали. <...>

<...>

Во время обсуждения этого вопроса¹ Троцкий был особенно враждебно и агрессивно настроен по отношению к примиренческой позиции и заходил гораздо дальше в своих нападках на нее, чем большевики, которые внутри Циммервальдского движения всегда составляли левое крыло, тогда как Троцкий представлял центр.

Этот психологический нюанс со стороны Троцкого позабыл меня, и, когда мы с Лениным уходили с заседания, на котором остальные делегаты были все еще заняты обсуждением, я спросила его:

— Скажите мне, Владимир Ильич, в чем разница между большевиками и Троцким? Почему он держится в стороне от вашей группы и создает другой документ?

Ленин казался и удивленным и раздосадованным моей наивностью, возможно, потому, что он подозревал, что я пытаюсь поддразнить его.

— Вы что же, не знаете? — резко ответил он. — Амбиции, амбиции, амбиции!

В течение этих недель со времени моего возвращения в Россию я встречалась с Троцким довольно часто, так как он, подобно мне, еще не был членом ни одной из главенствующих социал-демократических фракций. И хотя он когда-то был связан с меньшевиками, с тех пор он основал новую, свою, фракцию. В это время он стоял обособленно и от большевиков, и от меньшевиков, которые возвратились в Россию раньше его. Его поездка из Соединенных Штатов, где он во время революции работал в русской газете, была прервана кратким интернированием в Канаду, и после проволочек, которые не давали ему сыграть свою роль в решающих событиях тех первых месяцев, он прибыл в Петроград в дурном расположении духа. И хотя он присоединился в августе к большевикам, когда между этой партией и некоторыми более мелкими революционными группами произошло слияние, в то время он все еще принадлежал к независимой группе, которая ставила своей целью объединение всех марксистов-интернационалистов и недавно стала выпускать в Петрограде газету². И большевики, и меньшевики относились к нему с затаенной враждой и недоверием, возможно памятуя об острой полемике, которую он вел против них в прошлом, и отчасти, несомненно, из страха перед соперничеством с таким ярким писателем и оратором. Более чем любая другая фигура в русской революции, Троцкий оказался способным поднимать массы силой своего революционного темперамента и блестящего ума. Но он не вызывал личных симпатий, или если и вызывал, то не мог долго удерживать их, особенно в близких отношениях среди друзей и товарищей. Его высокомерие было равно его талантам и способностям, а его манера проявлять его в личных отношениях часто создавала дистанцию между ним и людьми из его окружения, которая исключала и личную теплоту, и какое бы то ни было чувство равенства и сотрудничества.

В то время Троцкий был особенно резок, потому что он полагал, что его политические противники, чтобы держать его подальше от политической арены в России как можно дольше, не оказали достаточного влияния на власти союзников, которые держали его в заключении. Его трактовка казалась мне тогда неправдоподобной, но, получив впоследствии опыт общения

с большевиками, я уже не так была уверена в невозможности этого. Большевики проявляли по отношению к Троцкому столько же ненависти, сколько и он питал к ним. И из-за его изоляции и того, как она повлияла на него, и из-за того, что мы с ним оба лелеяли надежду на объединение всех марксистов-интернационалистов, мы довольно часто встречались с ним в то время. Когда же события Октябрьской революции поглотили это объединительное движение, он отказался от этой идеи, выразив свое отрицание еще более резко, чем Ленин. На протяжении всей остальной своей карьеры Троцкому приходилось всячески стараться доказать, что он верный большевик и истинный ленинец.

<...>

Трагическая судьба самого Троцкого проиллюстрировала все то, что я ощущала и думала о своей неспособности как работать, так и соперничать с вождями Коминтерна на их территории. Если бы после укрепления Советской республики и начала фракционной борьбы против него, после решения Центрального комитета о том, что настала пора снизить популярность и самоуверенность бывшего меньшевика, Троцкий показал свое собственное превосходство перед лицемерием его соперников, отказавшись использовать их методы, то насколько другой могла бы быть его судьба! Велика вероятность того, что, когда настал момент разочарования в бюрократии, он стал бы вождем революционного рабочего движения во всем мире и авторитет и число его последователей были бы во много раз больше, чем сейчас. Если бы с самого начала он защищал демократию в партии, боролся бы с подавлением открытого несогласия, с клеветой политических противников посредством партийной машины, насколько больше симпатий и солидарности он нашел бы в России с первого дня своих гонений до самой последней скандальной кампании против него!

Но чтобы последовательно осуждать эти методы, Троцкому следовало бы бороться с ними с самого начала, когда он обладал самой большой властью, когда он был частью бюрократии и когда сами русские были убеждены, что страну нельзя спасти без него. Наверное, он не смог бы искоренить эту болезнь — она была присуща самой природе большевизма, — но он смог бы избежать некоторых ее самых чудовищных проявлений. Он мог бы выражать свой протест с гораздо большим успехом —

и разбудить в других этот протест! — когда он сам стал жертвой. Но сам Троцкий после 1917 года был не только настоящим большевиком, стопроцентным «ленинцем», он также был слишком слабым и слишком робким, чтобы вести такую борьбу, будучи еще частью правящей клики.

«Слишком слабый»? Как я могу использовать это слово в характеристике человека, которого я считаю одним из самых могучих интеллектуалов нашего времени, который сделал для России то, что ни один современный государственный деятель не сделал для своей страны (потому что ни одному государственному деятелю не приходилось работать, разрушать и перестраивать в таких сложных и беспрецедентных условиях), который смотрел в лицо опасности и смерти без колебаний, героически вынес преследования беспрецедентного масштаба?

И все же есть разные способы быть смелым или, скорее, равнодушным к тому, что может произойти. Человек может бросить вызов смерти, но может оказаться неспособным вынести позор или угрозу своей популярности. Так было — и так оно есть и сейчас — в случае с Троцким. Он был достаточно смел в отношениях с Лениным и мог встретиться лицом к лицу с враждебным мнением всего мира. Но он не был в достаточной степени независим, чтобы бороться с этими тенденциями, воплощенными в ленинской марионетке Зиновьеве, или чтобы отказаться от альянса с Зиновьевым даже после того, когда последний первым капитулировал и стал марионеткой Сталина. Он боялся, что о нем будут думать, что он меньше революционер, чем те, кто нападали на него, а в области демагогии и политической дальновидности ему не был равен ни Зиновьев, ни Сталин, ни весь партийный аппарат.

Этот страх, что его будут подозревать в том, что он полностью оторвался от своего первоначального греха — меньшевизма, — и его безграничная уверенность в себе постоянно ложились, как тень, между этим замечательным человеком и ситуациями, которые касались лично его, так что ему не удалось применить к своему собственному развитию критерии, применяемые им к другим людям. Как будто история, логика и законы причинных связей, которые он понимал и с которыми так хорошо умел обращаться, вдруг резко остановились перед силой его собственной личности. Такое положение, безусловно, было вызвано его

непревзойденным успехом в первые годы революции, ошеломляющей популярностью, которой он пользовался. В те дни он был так уверен в том, что, какова бы ни была судьба других, каковы бы ни были опасности для популярности и успеха, — для него, Льва Троцкого, жизнь сделает исключение. Но вместо этого он стал самой главной жертвой извращения революции!

<...>

А. Г. БАРМИН

Тот, кто выжил

<Фрагменты>

<...>

В марте 1920 года Халлер¹ неожиданным броском сумел захватить Речицу и переправиться через Днепр. Гомель был на грани падения. Уже колонны беженцев с их жалкими пожитками на тележках потянулись на восток в направлении Новозыбкова; уже местные власти двинулись вслед за ними на автомашинах. На железнодорожной станции осталась последняя надежда — бронепоезд, командиром которого был бывший матрос — фанатик революции. Неожиданно все переменялось. Прибытие в Гомель Троцкого означало, что город не будет оставлен. С ним прибыл большой штат организаторов, агитаторов и специалистов — все преисполненные решительности и готовые к бою. Но утром из окон школы мы увидели подразделения 58-й дивизии, которые отступали через город под натиском поляков. Надо сказать, что от всей дивизии осталось всего лишь несколько сотен штыков. Мы не верили своим глазам, что перед нами остатки одного из крупных соединений Красной армии. Спустя час начальник школы подтвердил это.

<...>

На фронт приехал Троцкий и произнес перед нами речь. Он заражал всех своей энергией, которая особенно проявлялась у него в критических ситуациях. Положение, которое еще сутки назад было катастрофическим, с его появлением изменилось в лучшую сторону как по волшебству. На самом деле все это волшебство было естественным результатом хорошей организации, мужества и стойкости бойцов и командиров.

Долгое время я хранил среди своих бумаг копию выступления Троцкого, посвященного нашей школе и героической битве за Гомель, отпечатанного в его поезде. Эти несколько листов серой бумаги были для меня драгоценным напоминанием о моей боевой юности и школе, которая выковала из меня настоящего солдата. Интересно, нашло ли эти листки ОГПУ спустя двадцать лет среди моих вещей в Москве, и если да, то использовало ли их в качестве подтверждения моей причастности к измене Троцкого. Почему бы нет? Сейчас всякий здравый смысл выброшен за борт, вместе с исторической правдой...

Среди тех, кто, одетый в черные кожаные куртки, сопровождал Троцкого в его поездке на передовую, был молодой парнишка, на которого я тогда не обратил особого внимания. Это был сын Троцкого, впоследствии приобретший известность как Лев Седов. Тогда ему было пятнадцать лет. Я уже упоминал о нашей встрече в Париже, когда он, как и я, для Москвы был вне закона. Незадолго до его смерти мы вновь пережили с ним эти воспоминания о битве за Гомель.

<...>

Троцкий был совсем не похож на Ленина и в чем-то дополнял его. Там, где Ленин был прост и сердечен, Троцкий был официален и сух. Я помню его первое выступление у нас в академии. Митинг был назначен на восемь вечера, но по чисто русской традиции он мог начаться не раньше девяти. Троцкий, однако, взошел на трибуну вместе с боем часов, ровно в восемь. Это было его правилом, что произвело на публику сильное впечатление. Несмотря на свою простую форму, без знаков различия, он выглядел очень эффектно. Его динамизм, подчеркнутый клиновидной бородкой и сверкающими глазами, еще более усиливался, когда он начинал говорить, сопровождая свою речь резкими жестами и придавая своему голосу металлический оттенок.

В отличие от Ленина, который редко прибегал к личным выпадам, Троцкий обрушивал поток брани на Черчилля, Пуанкаре и других империалистов, пытавшихся блокадой задушить революцию. Его сарказм и уверенность в своих силах вызывали нашу симпатию. Закончив свое выступление, он немедленно покидал зал, не вступая в неформальные контакты с аудиторией. Такая отчужденность, на мой взгляд, отчасти объясняла, почему он не смог приобрести себе сколько-нибудь значительное количество

личных сторонников среди партийной массы. Интригам против него лидеров партии он мог противопоставить только то оружие, которое имел: свое перо и талант оратора. Но и к этому он прибег только тогда, когда уже было поздно. Абсолютно беспринципному и не гнушающемуся ничем Сталину было нетрудно переиграть Троцкого с его пассивностью и донкихотством.

<...>

Постепенно внимание Московской партийной организации было полностью поглощено проблемой борьбы с «троцкизмом». Неясные отзвуки этой борьбы я слышал еще в Персии. Сначала мы, молодые коммунисты, инстинктивно упрощали этот вопрос. Для нас это сводилось к тому, кто станет преемником Ленина, и большинство считало, что только один человек мог претендовать на эту роль. Мы знали, что Троцкий был на голову выше всех других претендентов и только он один мог рассчитывать на поддержку широких масс. Мы знали и то, что ему вместе с Лениным принадлежала заслуга спасения революции и советской власти. В те годы редко можно было услышать имя Ленина отдельно от имени Троцкого. «Да здравствуют Ленин и Троцкий!» — это было постоянным рефреном. Теперь же другие лидеры партии выдвигали против Троцкого обвинения в теоретической ереси, которые мы не могли оценить ни с точки зрения теории, ни исходя из своего опыта. Рядовых коммунистов в этот период захлестнуло половодье псевдомарксистской фразеологии модных словечек. Но какими бы убедительными ни казались теоретические аргументы, мы были глубоко обеспокоены личными нападками на Троцкого. Разве его слава и уникальный авторитет не были бесценным достоянием партии? Оставляя в стороне все партийные догмы, разве не Троцкий обладал необходимым характером и интеллектом, чтобы возглавить партию? Мы испытывали чувство подавленности и разочарования при виде соперничества в руководстве партии. Но в 1925 году мало кто из представителей моего поколения понимал, куда заведет это соперничество.

<...>

Весь начальный период фракционной борьбы Троцкий молчал и держался в стороне. Борьбаться за личную власть — это было ниже его достоинства, а его личная позиция была зафиксирована и общеизвестна. Зачем ему тратить время в бесполезных спорах в печати и на собраниях? Он недооценивал значение партийных дискуссий.

Если бы Троцкий подал хоть малейший сигнал, что он готов к борьбе, большинство партии последовало бы за ним. Вместо этого в разгар борьбы он уехал на Кавказ лечить горло. Он бросил своих сторонников, и они вынуждены были с разочарованием наблюдать, как Сталин постепенно прибирал к рукам партийный аппарат, отправляя своих противников на периферию. Когда Троцкий решил, что пришло время ему включиться в борьбу, было уже поздно. Если еще совсем недавно небольшое выступление Троцкого на московской партийной конференции могло повернуть ход событий, то теперь Троцкий увидел, что Сталин полностью контролирует партию.

Я помню, с каким чувством удовлетворения я читал серию статей Сталина под общим заголовком «Перманентная революция и товарищ Троцкий»². Тон статей был вполне корректным, и вся критика была сосредоточена на одном тезисе Троцкого о том, что для успеха революция должна быть непрерывной, или перманентной; ограничение революции рамками одной страны или задержка ее на какой-то стадии развития неизбежно приведут к краху. Сталин, подкрепляя свои аргументы многочисленными цитатами из работ Ленина, укорял Троцкого за то, что он полностью игнорирует роль крестьянства. Сталин утверждал, что для победы социалистической революции в России нет необходимости ждать революционных выступлений рабочих за рубежом, надо только заручиться поддержкой крестьянства. Спустя два десятилетия этот фальшивый аргумент с его убогой логикой и обещаниями, ни одно из которых не было выполнено, кажется мне столь же двуличным, сколь и невежественным, потому что Троцкий никогда не забывал о крестьянстве. На самом деле в Советском Союзе вместо великого социалистического общества возникла тоталитарная тирания, более несправедливая и жестокая по отношению к человеку, чем это было возможно в Средние века. Однако в 1925 году, сбитые с толку потоком доктринальных тонкостей, мы были убеждены, что политика ЦК, как ее выражал Сталин, была правильной и нельзя было давать волю своим чувствам. Теория «перманентной революции» казалась нам опасной. В конечном счете мы, члены комячейки, с облегчением проголосовали за платформу Центрального комитета, то есть за платформу Зиновьева, Каменева и Сталина. Нам не хотелось голосовать против Троцкого, но поскольку он хранил молчание и вроде как упорствовал в своих ошибках, мы считали своим долгом поступить именно так.

<...>

К концу 1927 года, накануне XV партийной конференции, лидеры «Объединенной оппозиции» Троцкий, Зиновьев и Каменев поняли, что бюрократический партийный аппарат, созданный Генеральным секретарем Иосифом Сталиным, не оставляет им никаких шансов на успех, поскольку все делегаты были обязаны своим избранием только Генсеку. В этих условиях лидеры оппозиции, игнорируя нормы партийной дисциплины, решили апеллировать непосредственно к партийной массе.

Было немало признаков того, что симпатии широких масс все еще были на стороне Троцкого и других руководителей, поддерживающих его позицию. В октябре 1927 года в Ленинграде, как обычно, была организована демонстрация в связи с годовщиной Октябрьской революции. Случилось так, что Троцкий и другие лидеры оппозиции, которые ездили по городу в автомобиле, оценивая настроения демонстрантов, застряли в пробке около Таврического дворца. Около дворца были выстроены грузовики, которые должны были служить трибуной ораторам, и один из руководителей местной милиции, видя перед собой столь важных персон, ничтоже сумняшеся, провел их на одну такую еще не занятую «трибуну». Быстро пронесся слух о том, что Троцкий был на последней трибуне. Тысячи людей двинулись вперед, окружили Троцкого, преградив путь к трибуне Калинину и другим представителям партийного большинства. Милиция, направленная на восстановление порядка, ничего не могла противопоставить энтузиазму толпы. Несколько сторонников Сталина пытались устроить Троцкому обструкцию, но их свистки утонули в гуле приветственных криков толпы. Калинин и другие лидеры вынуждены были слезть со своего грузовика, вокруг которого не осталось демонстрантов, и перебраться поближе к лидерам оппозиции. Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет должен идти к горе. А демонстранты тем временем продолжали скандировать: «Троцкий! Троцкий!»

<...>

Тем временем дискуссии на партийных собраниях становились все острее, но Сталин и здесь боялся дать слово Троцкому, и его приспешники срывали эти выступления. Сталин также продолжал расширять состав Центрального комитета за счет своих сторонников, насколько вмещал зал заседаний. Эти новые члены ЦК знали,

кому они служат. Стенограммы заседаний ЦК показывают, что на Троцкого оказывалось чудовищное давление, чтобы заставить его замолчать. Среди шума и обструкционистских выкриков пламенная речь Троцкого хлестала Сталина как кнутом. Это было его последнее обращение к партийному форуму. <...>

Шум в зале не позволил продолжить выступление. Подпевалы Сталина кричали: «Долой его! Долой негодяя!» Зал неистовствовал. Ярославский схватил со стола увесистый том первого пятилетнего плана и запустил его в голову Троцкому, промахнувшись на несколько сантиметров. Некоторые сторонники оппозиции бросились к трибуне и окружили своего лидера кольцом, чтобы защитить его. Троцкий спокойно посмотрел на Ярославского: «Ну, если вы не можете убедить людей этой книгой, вы можете прихлопнуть их ею!»

<...>

С. И. ЛИБЕРМАН

Дела и люди

<Фрагмент>

<...>

Однажды, в 1920 году, я был вызван в поезд Главного военного комиссара Л. Д. Троцкого, накануне его отъезда на Урал для превращения частей Красной армии в трудовые батальоны. Речь шла о заготовке древесного топлива для уральской металлургической промышленности, работавшей в то время исключительно на древесном угле. Так как на мне лежали ответственные обязанности по заготовке топлива для всей страны, я не мог сопровождать Троцкого в его путешествии. Поезд его был настоящим «красным боевым ковчегом»: там были специалисты по всем отраслям хозяйства, набранные из самых разнообразных учреждений, несколько десятков крупных большевистских деятелей, военные, инструктора. В него грузили продовольствие, орудия производства, машины и пулеметы. Работа кипела: только что вернувшиеся с фронта граждане гражданской войны победоносные красные командиры хотели показать «штафиркам-хозяйственникам», как надо действовать.

Это был тот самый, уже ставший знаменитым, военный поезд Троцкого, о котором он писал следующие строки в октябре 1920 г., отправляясь в Крым против армии генерала Врангеля:

«Наш поезд снова держит путь на фронт.

Бойцы нашего поезда были под стенами Казани в те тяжкие недели 1918 года, когда шла борьба за Волгу. Эта борьба закончилась давно. Советская власть приближается к Тихому океану.

Бойцы нашего поезда с честью дрались под стенами Петрограда... Петроград уцелел, и в его стенах перебивало за последние годы немало представителей мирового пролетариата.

Наш поезд не раз бывал на западном фронте. Ныне с Польшей подписан предварительный мир.

Бойцы нашего поезда были в степях Дона, когда Краснов, а затем Деникин наступали с юга на Советскую Россию. Дни Краснова и Деникина прошли давно.

Остался Крым, который французское правительство превратило в свою крепость. Белогвардейским гарнизоном этой французской крепости командует вольнонаемный немецко-русский генерал барон Врангель.

В новый поход отправляется дружная семья нашего поезда. Да будет этот поход последним»¹.

Фактически крымская кампания и оказалась последней главой Гражданской войны.

Когда Троцкого спросили, как он хочет назвать свой поезд, он ответил: «Поезд победы». Он хотел, чтобы слава этого поезда перешла также и на экономический фронт.

Я сидел в одном из отделений вагона Троцкого и обсуждал вопрос о топливе с рядом военных специалистов, когда вдруг раздался звонок: к телефону вызывали Пятакова², старого заслуженного большевика, о котором Ленин, в своем завещании, отзывался как об одной из надежд коммунистической партии. Он состоял членом Революционного военного комитета южного фронта и других³. Пятаков нервно схватил трубку, ответил: «Слушаюсь!» и поспешно стал напяливать на себя все свое военное обмундирование. Он туго затянул пояс, надел шашку, пристегнул кобуру с револьвером и, не глядя на нас, промолвил: «Лев Давидович любит пафос дистанции... Вероятно, он прав».

Эту дистанцию между собой — вождем Красной армии — и своими подчиненными Троцкий соблюдал весьма строго. Он всегда подчеркивал это, но не как свое личное превосходство, а как свое особое положение. Мне не раз приходилось замечать эту черту его характера на заседаниях Совета труда и обороны, на которых он появлялся, когда приезжал в Москву с фронта.

Нужно сказать, что для некоммунистов, занимавших руководящие посты в государственной машине, заседания Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны, на которые их иногда приглашали, были особенно интересны и поучительны: там проявлялись взаимоотношения вождей и отражались тайные процессы, закулисные столкновения и личная борьба, происходившие внутри ведущей коммунистической головки. Главные

решения принимались не здесь, а в Центральном комитете коммунистической партии, позднее в Политбюро. Совет народных комиссаров и Совет труда и обороны были рангом ниже, хотя они и соответствовали тому, что в буржуазных странах называется кабинетом министров. Только текущие, так называемые деловые вопросы ставились здесь на обсуждение, после того как принципы были заранее установлены партийными органами. Но вполне естественно, особенно в горячие моменты той эпохи, что в процесс практической работы врывались отголоски больших политических вопросов и тех споров, которые они возбуждали в высших партийных учреждениях.

На заседаниях СТО всегда председательствовал Ленин, а членами СТО были лишь те наркомы, которые ведали экономическими и военными делами. <...>

Особое положение занимали только Троцкий, Дзержинский, а отчасти Красин.

Это чувствовалось хотя бы потому, что их появление во время заседания немедленно прерывало намеченный порядок дня: тотчас же начиналось обсуждение вопросов, связанных с их деятельностью. Быть может, это объяснялось тем, что вопросы военные и внутренней политики были важнее многих других; но тут сказывалось также исключительное значение этих людей как руководителей Советского государства.

Любопытна еще одна подробность. На заседании все друг друга называли по имени или по партийной кличке старого времени. К Дзержинскому обращались иной раз официально, по имени и отчеству, но иногда и более фамильярно: товарищ Феликс. Что же касается Троцкого, то к нему никто иначе не обращался, как официально: Лев Давидович.

У него было особое положение. Недавно еще противник большевизма, он заставил уважать себя и считаться с каждым своим словом, но оставался все же чуждым элементом на этом собрании старых большевиков. Другие народные комиссары, вероятно, ощущали, что ему можно простить старые грехи за нынешние заслуги, но окончательно забыть его прошлое они никогда не могли. Ленин, со своей стороны, уважал и подчеркивал не только военные, но, главным образом, организационные таланты Троцкого. Видно было, однако, что это вызывало подчас среди сотрудников Ленина некоторое недовольство и ревность.

Ленин, вероятно, ценил революционный темперамент Троцкого и помнил его роль в подготовке и осуществлении захвата власти в октябре 1917 года; кроме того, всем было отлично известно, что Троцкий фактически создал Красную армию и, благодаря своей неутомимой энергии и пламенному темпераменту, обеспечил ее победу над белым движением. Вообще, в борьбе против контрреволюции и иностранной интервенции Троцкий всегда был на первом плане. В то время Ленина называли «мозгом и волей революции», а Троцкого — «ее разящим мечом». Это пышное определение вполне соответствовало той несколько театральной шумихе, которой он любил окружать свои выступления.

Чувствуя за собой поддержку Ленина, Троцкий на заседаниях, где я его наблюдал, держал себя обособленно, говорил очень авторитетно, а по мере того, как развивались его успехи на фронте, в его поведении появилось даже нечто вызывающее. Эти вызывающие нотки звучали в особенности по адресу так называемых хозяйственников, которые в ту пору никакими успехами похвастаться не могли. Они должны были снабжать армию, работа их оказалась неудовлетворительной с точки зрения как армии, так и гражданского населения. Стрелы Троцкого попадали, главным образом, в руководителей хозяйственных учреждений. Троцкий как бы говорил на этих заседаниях:

— Вот, погодите, мы сначала расправимся с белогвардейцами, а тогда двинемся наводить порядок внутри страны.

Я помню первый конфликт между Троцким и Политбюро. Речь шла о том, будто бы Главный штаб армии давал одни распоряжения, а Царицынский — другие, следуя принципу: «власть на местах». В этой борьбе будто бы «места» имели неофициальную поддержку Сталина. Так как Сталин в это время был членом Совета Южной революционной армии⁴ и находился в Царицыне (впоследствии Сталинград), между тем как военные распоряжения исходили из центра, то есть от Троцкого, конфликт очень быстро принял острую форму.

Наконец, Троцкий потребовал отзыва Сталина с Южного фронта. Политбюро вначале постановило не делать этого, но по настойчивому требованию Троцкого Сталин все же был отозван. В руководящих партийных кругах говорили тогда с раздражением, что Троцкий якобы начал контрреволюционную дезорганизаторскую работу и не желал подчиняться решениям партии. Большинство

партийных вождей было тогда на стороне Сталина, но не из любви к нему, а из антипатии к Троцкому.

На тех заседаниях, где я участвовал, можно было отчетливо видеть разницу между Лениным и Троцким. Ленин был вождем, в задачи которого входило не только руководить, но также и сглаживать противоречия и шероховатости; иной раз казалось даже, что деятельность его полна компромиссов и уступок. Радек сказал о нем: «Ленин, как истый марксист, принимает решения на основании фактов, а уже только потом строит теорию, объясняющую эти решения».

Между тем Троцкий никогда не сгибался, всегда был полон уверенности в том, что он не только знает, чего хочет, но знает также, каким путем надлежит идти к цели. Когда докладывали Ленину — он слушал и прислушивался, Троцкий же выслушивал. Он всегда давал понять, что знает больше собеседника.

Это происходило, вероятно, оттого, что он был «властителем масс», мог их двигать на подвиги. Он сам описал подобный эпизод в своей автобиографии: «...проезжая через Рязань, я решил посмотреть на них (дезертиров, укрывавшихся от призыва в Красную армию). Меня отговаривали: “как бы чего не вышло”. Но все обошлось как нельзя быть лучше. Из бараков их скликали: “Товарищи-дезертиры, ступайте на митинг, товарищ Троцкий к вам приехал”. Они выбегали возбужденные, шумные, любопытные, как школьники.... Взобравшись на стол тут же на дворе, я говорил с ними часа полтора. Это была благодарнейшая аудитория. Я старался поднять их в их собственных глазах и под конец призвал их поднять руки в знак верности революции. На моих глазах их заразили новые идеи... Я не без гордости узнавал потом, что важным воспитательным средством по отношению к ним служило напоминание: “А ты что обещал Троцкому?” Полки из рязанских “дезертиров” хорошо потом дрались на фронтах». В той же главе своей автобиографии Троцкий вспоминает о том, как в феврале 1919 года он говорил молодым красным командирам в Москве: «Дайте мне три тысячи дезертиров, назовите их полком; я дам им боевого командира, хорошего комиссара, подберу начальников для батальонов, рот и взводов — и эти три тысячи дезертиров в четыре недели превратятся, в нашей революционной стране, в великолепный полк»⁵.

Лично я присутствовал на знаменитом митинге представителей реввоенкомов, приехавших с фронта накануне июльских событий

1917 года. Это было в манеже, где собрались не рядовые солдаты, а руководители революционных комитетов. Большинство присутствующих было настроено против большевиков, которых обвиняли в разложении фронта. Тогда я впервые услышал Троцкого, только что вернувшегося в Россию. Встретили его очень враждебно, стоял невероятный шум, гул; слова его, настоящего трибуна, однако, все сильнее — словно свист бичей — хлестали аудиторию и громили беспомощность Временного правительства. К концу его речи слушатели либо аплодировали, либо, смущенно опустив голову, молчали... Выступавший вслед за Троцким тов. Абрам (впоследствии знаменитый Крыленко) уже имел готовую аудиторию. Это был первый большевик с фронта, который мог решиться говорить перед таким собранием...

Теория Троцкого относительно масс в общем сводилась к следующему: человеческий коллектив состоит из громадного инертного большинства — безразличных или нерешительных людей — и небольших групп на противоположных флангах, представляющих лучший и худший элементы. От преобладания одного из них зависит воля большинства, и поэтому Троцкий так гордо говорил о своем влиянии на народ. Умение руководить массой, вести пропаганду — он считал решающим фактором. В такой теории, очевидно, кроется большое презрение к человеку во имя обожествления массы. Это и была та любовь к дальнему и безразличие к ближнему, которое так чувствовалось при встрече с Троцким.

Ленин принимал, например, решения о расстрелах так же легко, как и Троцкий. Для Ленина в этом было что-то абстрактное, но необходимое. Троцкий же не забывал, что это революционный акт, на который он в тот же момент смотрел уже с исторической перспективы.

Он всегда помнил, что находится на мировой сцене, и играл свою роль соответственно, постоянно ощущая устремленные на него взоры участников и зрителей великой революционной драмы.

Моя первая личная встреча с Троцким относится к концу 1920 года.

Гражданская война кончилась полной победой Красной армии. Шла демобилизация, из армии возвращались сотни коммунистов, среди которых было много очень способных, подчас талантливых людей и таких видных деятелей, как Пятаков, Смилга, Данишевский и другие. А во главе военных коммунистов стоял Троцкий.

Их распределяли теперь по гражданским ведомствам, главным образом, на хозяйственную работу. Но очень скоро обнаружился антагонизм между военными большевиками и теми, которые все время вели работу в тылу. Когда большевиков посылали раньше в армию к Троцкому, они обычно были исполнены некоторого недоверия к этому человеку, который до апреля 1917 года, на протяжении многих лет, вел ожесточенную борьбу с их фракцией. Но в процессе военной работы они сживались, и через несколько месяцев антагонизм между Троцким и его сотрудниками-коммунистами исчезал. Все они сделались тогда «троцкистами». Этот термин — он имел тогда иной смысл, чем впоследствии — кажется, впервые был применен по отношению к этой группе большевиков.

Троцкий вернулся с фронта в Москву с идеей создания больших трудовых армий. Красная армия должна была превратиться в рабочую организацию. Троцкий хотел не демобилизовать страну, а милитаризировать хозяйство. Так как он предполагал применить свои трудовые батальоны, в частности, в лесном хозяйстве на Урале, он вызвал меня к себе через моего нового начальника — бывшего его сотрудника по военному ведомству — Данишевского.

Мне указали, что следует быть очень точным. Я явился к 12 часам в помещение Наркомвоена. Но попасть к Троцкому было гораздо сложнее, чем к Ленину. Приходилось пройти через пять комнат, где у дверей находились щегольски одетые военные. В последней комнате перед кабинетом Троцкого стояло двое часовых. Наконец я очутился перед большим столом со всеми атрибутами стола министра. Передо мной сидел начальник Революционного военного совета Троцкий. Во всех его движениях и словах заметно было, что он творит революцию, что на него смотрят века и народы, что он великий человек. В то время как от Ленина веяло простотой, от Троцкого исходил холод и надменная формальность. Его облик: зачесанные назад густые, упрямые волосы, черные с проседью; подстриженная, клинообразная бородка; хорошо скроенный полувоенный костюм цвета хаки; высокие солдатские сапоги офицерского образца; нервные, с удлиненными пальцами руки; жесткие умные глаза и пенсне — все это как-то сразу напомнило мне, что я нахожусь в присутствии министра.

Он сидел за большим письменным столом, от которого веяло порядком и дисциплиной. Стол этот был уставлен множеством всяких письменных принадлежностей; особенно меня поразили

хорошо отточенные и в порядке разложенные разного цвета карандаши.

Троцкий предложил мне сесть, но стол был настолько широк, что я наглядно почувствовал «пафос дистанции».

Много позже — я ничуть не был удивлен, узнав, что Ленин в своем завещании характеризовал Троцкого как талантливое вождя, но отдающего слишком много внимания проблеме организации⁶.

Троцкий мог двигать массами, но в нормальной, повседневной жизни формула у него господствовала над реальностью, теория над практикой. Этим, вероятно, и объясняется его неумение приспособиться к обстановке, когда нужно было «давать и брать», и он — хотя ближайшие сотрудники и обожали его — оставался одинок...

За полчаса моего разговора с ним контакта так и не удалось установить. Я не переставал чувствовать, что докладываю министру. Он пытался меня убедить — но тоном повышенным, — что армия может теперь стать главным фактором лесозаготовок.

Он авторитетно начал мне доказывать, как трудовые команды справятся с тем, чего не мог сделать русский мужик. Я осторожно обратил его внимание на то, что леса неравномерно разбросаны по всей стране и что крестьянин лучше приспособлен для заготовок древесного топлива, так как он живет вблизи лесов. Главное затруднение лишь в том, что мы до сих пор не могли дать мужику достаточно хлеба для его пропитания и овса для его лошадей. Между тем, при заготовке древесного топлива рабочими батальонами, нам понадобится больше пищевых и кормовых продуктов, и в то же время заготовленный лес будет сконцентрирован крупными массами в отдельных районах, тем самым еще увеличивая транспортные затруднения.

В ответ на мои доводы Троцкий заявил, что все эти соображения старого буржуазного порядка. Работа батальонов — шаг вперед по пути завоеваний советской власти и освобождения крестьянина от его косности: мы должны показать русскому мужику, как надо работать, необходимо дисциплинировать наш аппарат, — и это будет первый шаг к истинному социализму. Я сразу почувствовал, что нахожусь в стенах Реввоенсовета...

Однако события приняли иной оборот. Идея милитаризации была мертворожденной. С окончанием гражданской войны исчезли военные импульсы, побуждавшие и позволявшие принимать очень решительные, суровые меры, ибо все это было «для армии». Самый

факт окончания гражданской войны не позволял больше добывать из деревни продукты простым принуждением. Раньше казалось, что можно оправдать эти меры опасностями, угрожавшими революции; теперь же все сознавали, что в хозяйстве разруха и что нужны другие стимулы для оживления экономической деятельности.

В 1921–23 гг. ни для кого не было секретом, что Троцкий часто бывал в оппозиции к основной линии партии — и отчасти и к Ленину — и что разногласия по ряду вопросов отделяют его от некоторых других вождей. Об этом тогда все говорили, да и советская пресса многое сообщала из этой области. И все же для всех, кроме посвященных, положение Троцкого в партии и правительстве казалось не только прочным, но и — после Ленина — руководящим. Поэтому, когда Ленин умирал, казалось несомненным, что либо Троцкий один займет пост вождя, либо разделит его с кем-либо из ближайших соратников Ленина. Дело, однако, приняло другой оборот.

Когда положение Ленина было признано безнадежным — это было в конце 1923 года — и в Политбюро обсуждался вопрос о его заместителе, я был в Москве, приехав из Англии. Явившись на квартиру к Рыкову⁷, я узнал, что заседание Политбюро еще не кончилось, и решил обождать его возвращения. Вскоре явился Ломов, который, конечно, был посвящен во все тайны подготовлявшихся решений.

— Заместителем Ленина, — спросил я, — выбрали, конечно, Троцкого?

— Нет, — ответил Ломов. — Мы предпочитаем трех с головой поменьше, чем одного с двойной головой.

И он пояснил:

— Революция вошла в свою колею, и теперь нам нужны не гении, а хорошие, скромные вожди, которые будут двигать наш паровоз дальше по тем же рельсам. А с Львом Давидовичем никогда не знаешь, куда он заведет.

И. М. ПАВЛОВ <М. И. НИЛЬСКИЙ>

1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера

<Фрагменты>

<...>

Выступление Л. Троцкого в 1923 году было тактической ошибкой¹. Троцкий переоценил свои силы и недооценил силы и влияние партийного аппарата. Ему, как обычно, не достало выдержки. Его выступление было преждевременным. И независимо от содержания его платформы и лозунгов, самый факт его выступления против руководства партии обрекал его на поражение. Троцкий боролся за влияние и первенство в партии. Будучи наиболее одаренным человеком среди членов Политбюро, на целую голову возвышаясь над ними, он всегда стоял рядом с вождем партии Лениным. И, естественно, после ухода Ленина предъявил обоснованные претензии на его замещение. Излишняя самоуверенность, высокомерие и презрительное отношение к другим членам Политбюро мешали Троцкому искать для осуществления своих честолюбивых планов союзников среди них. Его пламенный темперамент, смелость, порывистость, гордость толкали его на немедленные действия. Зная о разногласиях, группировках и взаимной неприязни среди членов Политбюро, он не сдержал себя, не выждал, пока вызреют, обострятся и выльются эти разногласия в открытую борьбу, в которой он мог бы играть роль арбитра или по меньшей мере приобрести себе сильных союзников.

Преждевременный срыв Троцкого был выгоден остальным членам Политбюро, особенно Сталину. Они уже давно конспирировали и вели реакционную борьбу против Троцкого. По свидетельству Каменева и Зиновьева, члены Политбюро обычно незадолго перед

официальными заседаниями Политбюро созывались Сталиным на негласные совещания без участия Троцкого, где они предварительно решали вопросы, подлежащие рассмотрению на официальном заседании.

Бескомпромиссно отвергая его платформу при обсуждении в Политбюро, они толкали Троцкого на открытое выступление, чтобы обнаружить его приверженцев и сторонников, дискредитировать его в глазах партии, воспользоваться поводом, чтобы запугать неискушенную массу рядовых коммунистов жупелом троцкизма и в конечном счете морально изолировать Троцкого, а затем отстранить от руководства партией и вооруженными силами страны.

Будучи блестящим организатором, Троцкий часто недооценивал силу организации, отводя ей второстепенную и подчиненную роль. Троцкий всегда был кустарем-одиночкой. Он способен играть только первые роли. Там, где эти роли ему не удавалось сыграть, он не задерживался, уходил и создавал хотя бы небольшое, кустарное, но свое дело, где он мог бы, никем не сдерживаемый, всюю проявлять свою яркую индивидуальность. Троцкий — революционер-артист. Его стихия — революционная драма. Его качества: великолепный жест, классическая поза, блестящий монолог, смелая, порывистая и благородная поступь в сочетании с искренним вдохновением, граничащим с самозабвением. Склонность к драматизму привела его в 1917 году и в ряды большевистской партии. Попав с великолепной открытой европейской арены в душную и затхлую атмосферу большевистского катакомбного цирка, созданного профессиональными подпольщиками, Троцкий, благодаря умному и опытному режиссеру Ленину, выдвигавшему его на первые роли, продолжал вдохновенно играть. Но с тех пор, как Ленин отстранился, он решил, что наступило время самому выступить в роли режиссера.

Троцкого не любили старые большевики. Его всегда считали чужаком. Большевистская верхушка, за исключением Ленина, всегда подозрительно и косо смотрела на него. Его возвышение в партии, близость к Ленину, популярность в стране раздражали завистливых честолюбцев. Богато одаренный, высококультурный, владеющий несколькими иностранными языками, с безукоризненными манерами европейца, Троцкий подавлял своим превосходством мешковатых провинциалов из Политбюро (за исключением,

конечно, Ленина и умного и высоко культурного Л. Б. Каменева). Он не панибратствовал, не пьянствовал с ними, ни с кем из них не был на «ты».

Своим выступлением Троцкий не увлек большинство членов партии. Привыкшая подчиняться, а не размышлять, рыхлая масса рядовых коммунистов, всегда послушно и слепо следовавшая за своими вождями, не откликнулась на горячий призыв Троцкого. Только партийные организации, во главе которых стояли его сторонники, проголосовали в угоду своему начальству за оппозицию, чтобы затем с поспешной угодливостью при смене начальства проголосовать за противоположную резолюцию.

Сознательными и более прочными идейными сторонниками Троцкого оказались мыслящие, более или менее интеллигентные коммунисты-студенты, работники центральных учреждений, часть работников партийно-комсомольского и советского аппаратов, часть командно-политического состава армии и т. д.

<...>

Нелегальное собрание студентов МГУ на Плющихе в квартире аспиранта Воробьева, где выступал Троцкий, привлекло более ста человек. В двух просторных комнатах люди стояли, тесно прижимаясь друг к другу. Не попавшие в комнату толпились в коридоре. Троцкий, сняв пиджак, говорил стоя на подоконнике. Собрание с большим подъемом продолжалось более двух часов. Несмотря на многолюдность и продолжительность собрания, оно или не было обнаружено шпиками, или его не посмели разогнать. Многолюдным также было нелегальное собрание в квартире нашего студента в доме, расположенном на углу улицы Воровского и Кудринской площади. <...>

Желая избежать массовых демонстраций, сталинцы приказали произвести похороны втихую². Никаких сведений о месте, дне и времени похорон в печати не сообщалось. На второй день утром в рабочее время состоялись похороны на Новодевичьем кладбище. Демонстрации, однако, не удалось избежать. Оппозиция через свою сеть успела предупредить своих сторонников, около полутора-двух тысяч преимущественно учащейся молодежи приняли участие в похоронах. Была осенняя сырая и промозглая погода. Гроб с покойником через всю Москву несли на руках Троцкий, Зиновьев, Каменев, Муралов³ и другие вожди оппозиции. Траурные марши оркестра привлекали все новых и новых участников процессии.

Когда процессия проходила по Моховой, к ней присоединились сразу несколько сот студентов университета. Время от времени в толпе раздавались выкрики: «Позор убийцам Иоффе!» «Позор сталинским душителям революции!» А затем, заглушая оркестр, взметнулась над толпой могучая боевая песня: «Вихри враждебные веют над нами...». Прохожие, разинув рты и пожимая плечами, смотрят на окруженную полужаждоном конной милиции необычную похоронную процессию, где люди поют бодрые и боевые песни. Когда разбухшая процессия достигла Новодевичьего кладбища, конная милиция, выдвинувшись вперед, преградила дорогу. Уныло бредший за гробом представитель сталинского ЦК Рютин⁴ объявил, что «доступ к могиле могут иметь только ближайшие родственники и друзья покойника, остальные могут расходиться». Гроб, колыхаясь, двинулся вперед. Пропустив его, конница снова сомкнулась. Несколько минут длилась напряженная тишина. Затем, точно по команде, зарывав, толпа ринулась вперед, отбросила нескольких лошадей с их всадниками и широким потоком устремила след за гробом в кладбищенские ворота. Сделав вид, как будто ничего не случилось, милиция спешилась и осталась у кладбищенских ворот, пассивно наблюдая за движущимся мимо людским потоком.

Гроб с телом покойника был поставлен на узкий и высокий стол у открытой могилы. Речью Зиновьева был открыт траурный митинг. Вслед за ним от имени ЦК выступил с речью Рютин. В самом начале своей речи он сделал выпад против Троцкого: «Только безумцы могут говорить о сумерках нашей революции...» «Доло-о-ой!» — послышались отовсюду гневные возгласы, и люди ринулись со всех сторон к Рютину. Стоявший в центре толпы гроб заколебался и едва не был опрокинут. Если бы вовремя не поднялся на трибуну и не успокоил собравшихся Л. Троцкий, очевидно, Рютину не поздоровилось бы.

Свою зажигательную речь Л. Троцкий закончил возгласом:

— Под знаменем Маркса и Ленина клянемся до конца сохранить верность революции и рабочему классу...

— Клянемся! — подняв кверху руки, громогласно ответили тысячи присутствующих.

Закончив похороны, люди возвращались большими шумными толпами, распевая боевые революционные песни, особенно подчеркивая и бесконечно повторяя куплет «Веди ж, Муралов, нас смелее в бой, пусть гром гремит, пускай пожар, пожар кругом...».

Вслед за ними сомкнутым строем, шагом безмолвно двигался полуэскадрон конной милиции.

<...>

В то время как мы делали бесплодные попытки прорвать заграждение, рядом с нами в четырехэтажном доме на углу Воздвиженки и Моховой более успешную борьбу вели наши вожди. Сначала немногие, а затем все мы являлись свидетелями этого любопытного зрелища. На уровне третьего этажа вдоль стены, обращенной к Воздвиженке, были выставлены три больших портрета. В центре красовался портрет Троцкого, справа от него портрет Зиновьева и слева — Каменева. Портреты были наклеены на длинном плотном картоне или фанере. Чтобы снять эти портреты, несколько сталинцев забрались на крышу дома и вооружившись длинными шестами с крючьями на конце, пытались зацепить их. Но всякий раз, когда шесты приближались к портретам, из окон четвертого этажа их отбрасывали в сторону. Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооруженный половой щеткой с длинным черенком Троцкий энергично отбивал атаки. У второго окна, с разметавшимися кудрями, защищая правый фланг, стоял Зиновьев с какой-то палкой в руках. Всякий раз, когда они удачным выпадом отталкивали шест, наши люди награждали их аплодисментами и веселым ревом.

До омерзения было неприятно смотреть, как трибун революции и вчерашний председатель Коминтерна ведут унижительную борьбу за собственные портреты, которые, по-видимому, сами же они и выставили. Было обидно, что эти люди, отдавая приказ о выходе на улицу, сами отсиживаются дома и даже не сделали попытки хотя бы из окна обратиться с приветственным словом к своим сторонникам. Видимо, горечь разочарования почувствовали и другие участники нашей контрдемонстрации. <...>

Н. И. СЕДОВА

Жизнь и смерть Троцкого

<Фрагменты>

«В 1902 году я жила в Париже. Я столовалась в квартире на улице Лаланд, где мы заказывали обеды вскладчину. Там бывал Юлий Мартов. В свои 29 лет он уже приобрёл известность как один из создателей первых российских социал-демократических групп, прошедший суровую ссылку в Туруханском крае. Это он однажды за обедом сообщил о прибытии молодого беглеца из Сибири <...>. Лев Давидович пришёл на улицу Лаланд в день своего приезда в Париж. Ему было 23 года, из них три он провёл в ссылке в Восточной Сибири. Его энергия, живость ума, работоспособность говорили о нём как об уже сформировавшейся личности. В тот раз он мало интересовался Парижем. “Одесса лучше!” — шутливо восклицал он. Прежде всего, его интересовала русская революционная эмиграция. Но однажды мы вместе пошли на могилу Бодлера у самой ограды кладбища Монпарнас <...>. С тех пор я уже не мыслила своей жизни без него. Мы жили на улице Гассенди, в открытом всем ветрам квартале, где селились многие российские эмигранты. Моя семья высылала мне по 20 рублей в месяц, что составляло примерно пятьдесят франков. Лев Давидович примерно столько же зарабатывал написанием статей: на жизнь едва хватало, но у нас был Париж, друзья-изгнанники, постоянные думы о России, великие идеи, которыми мы жили...»

<...>

«Мы жили так же скромно, как в Париже или Бронксе. Каждый день приносил важные и сенсационные новости и вместе с ними мелкие продовольственные проблемы <...>. Троцкий был,

возможно, самым популярным оратором в Петрограде, его постоянно вызывали флотские экипажи, полки, заводы, профсоюзы; ему приходилось выступать по нескольку раз в день, и всё же он старался беречь голос и высыпаться, что удавалось не всегда. В цирке “Модерн” у него была своя трибуна, сравнимая с трибуной Якобинского клуба в годы французской революции, но публики здесь было больше. Оттуда, из-за широкой ограды, он обращался к людям с улицы и находил в них пылкую, отзывчивую аудиторию, за каждым его жестом следили тысячи горящих глаз».

«Последние два месяца перед взятием власти мы жили у товарищей в буржуазном квартале неподалёку от Таврического дворца. У нас была только одна комната. Люди, располагавшие средствами, уже тогда делали покупки на чёрном рынке, это называлось “спекуляцией”. Мы же покупали продукты по карточкам и по случаю. У Льва Давидовича не было времени ни на отдых, ни на развлечения. Мы не принимали гостей и сами никого не навещали. Личные отношения полностью стирались, уступая место революционным “деловым контактам”. Лев Давидович уходил рано утром. Он работал в своём кабинете председателя Совета в Смольном институте; это была большая квадратная комната с голыми стенами, почти без мебели, которую каждый день посещали сотни делегатов от разных организаций <...>. Лестницы были заплёваны лужгой от семечек, на стенах висели плакаты и написанные от руки извещения. Коридоры заполняла толпа в фуражках и форменных тёмно-зелёных гимнастёрках. Беспрестанно звонили телефоны. Требовалось особое искусство, чтобы отделять правдивые известия от слухов <...>. Лев Давидович пытался беречь силы, но при этом совсем не берёт себя. Он всегда старался бороться с перегруженностью делами, соблюдать трудовую дисциплину, добиваясь “максимальной самоотдачи”. Тогда было модно одеваться с некоторой небрежностью; этой моде он никогда не следовал. Не стремясь выглядеть щегольски, не понимая, как можно подбирать галстук в тон костюму, он обладал врождённым стремлением к порядку и не желал выглядеть как все окружающие. Обедал он в столовой Совета, большом зале, уставленном деревянными столами и скамьями. Обыкновенные щи, уха, каша, компоты, чай. Он не курил. Ростом он был немного выше среднего, стройный, хорошо сложенный. У него был бледный цвет лица, густая тёмная шевелюра, усики, бород-

ка клинышком. За стёклами пенсне сверкали пронизательные глаза. 7 ноября 1917 года, в день победоносного восстания, ему исполнилось тридцать восемь лет.

Всё время отдавая работе, он редко видел своих детей. Он замечал в толпе на собраниях старших дочерей Зину и Нину, высоких девушек с сияющими глазами, но на выходе его окружало столько людей, что он лишь мог обмениваться с ними взглядом или улыбкой. Оба наших мальчика посещали школу; после уроков они часто отправлялись в Совет. Я работала в профсоюзе краснодеревщиков и добилась разрешения, чтобы они обедали вместе со мной».

<...>

«Из маленькой комнаты на Таврической улице нас переселили в Смольный институт, поближе к месту работы и из соображений безопасности. Мы заняли две светлые квадратные комнаты с высоким потолком и большими окнами. Помню, не найдя материала на рубашки мальчикам, я воспользовалась разноцветными бархатными скатертями, которые обнаружила на столах. Лев и Сергей обрушились на меня с упрёками, они не хотели носить эти рубашки. Однажды Ленин, вместе с женой и сестрой занимавший комнаты по тому же коридору, зашёл к нам на минутку и увидел ребят в этих рубашках. Он поставил их рядом, отошёл подальше, чтобы полюбоваться, и воскликнул: “Мне очень нравится”... Меня поразило это неожиданное замечание, приятно удивило, что Ленина могут интересовать такие мелочи. И, начиная с того дня, дети без возражений одевали эти рубашки <...>. Во всех соседних помещениях заседали комитеты, здание по-прежнему щетинилось стволами пулемётов».

<...>

«Жизнь стала более упорядоченной. Мы по-прежнему занимали квартиру из четырех комнат в Кавалерийском корпусе Кремля. Как всегда, Лев Давидович работал очень методично; он выкладывался максимально, но не переутомлялся. Еще со времен юности в его привычки вошли пунктуальность, внимательность, соблюдение распорядка дня, того же он требовал и от окружающих. Он не допускал опозданий на заседания и встречи. Терпеть не мог болтовни, разгильдяйства, небрежности в работе, и ему без труда удавалось подобрать себе серьезных сотрудников, так что во время разрухи Наркомат по военным и морским делам, Реввоенсовет и другие учреждения, которыми он руководил, а также его лич-

ный секретариат, служили примером хорошей работы, и в Москве об этом говорили порой с восхищением, порой с ненавистью.

Он вставал около половины восьмого утра и приходил в Наркомат по военным и морским делам примерно к девяти. Часто он обедал в Кремле, около половины второго, и иногда после этого ему удавалось недолго отдохнуть. Тогда он позволял себе посмеяться, пошутить вместе со своей семьей — чтобы на какое-то время отвлечься от текущих дел. Вторая половина дня и вечер часто бывали заняты заседаниями и работой в наркомате. Когда председательствовал Ленин, перед ним лежали часы, он направлял дискуссию, у наркомов было по две, три, максимум пять минут, чтобы высказать свое мнение; и пока они говорили, дискуссия продолжалась в письменном виде, при помощи листка бумаги и карандаша, который передавали друг другу. По возвращении с фронта или с заседаний различных комитетов Лев Давидович почти никогда не рассказывал о происходивших там событиях. Охотнее он говорил о людях, их характерах, обыкновенно доброжелательно. Он оценивал людей по их качествам, способностям и даже вынося строгие суждения, когда к тому вынуждали обстоятельства, стремился к беспристрастности и объективности. Во время Гражданской войны он встречался со многими неизвестными или почти неизвестными, но замечательными людьми, и это укрепляло его сознательную веру в массы. Как-то в поезд Троцкого явился знаменитый уральский партизан Чапаев¹. Разговор начался со спора и закончился полнейшим согласием. “Будет сделано!” — сказал партизан, и два человека обнялись. Позднее литература и кино создали образ Чапаева, которого Лев Давидович не узнал. По его словам, партизан был гораздо более живым, лучшим, просто более сильным, способным инстинктивно и хладнокровно идти на самый большой риск. Чапаев погиб на фронте.

Самому Льву Давидовичу не раз угрожали опасности, причём он не искал их и не стремился их избежать, просто делал своё дело с какой-то оптимистичной уверенностью. Он считал, что военачальник должен уметь идти на риск, когда того требует боевой дух войск. Забота о его личной безопасности в боевом поезде была поручена латышу Петерсону, который затем командовал кремлёвской гвардией и организовывал поездки Льва Давидовича. Предосторожности, заранее распланированные маршруты порой

возмущали Троцкого. “Я, кажется, становлюсь вещью!” — жаловался он, но из чувства дисциплины подчинялся. В связи с этим вспоминается забавный случай. Вскоре после того, как мы поселились в Кремле, часовой, не знавший Ленина в лицо, не пустил его в Кавалерийский корпус, где жили мы. Владимир Ильич напрасно пытался уговорить его и в конце концов отправился за пропуском на пост у входа, но история эта привела его в восторг, и он пришёл к нам, смеясь.

Льву Давидовичу часто ставили в упрёк излишнюю сдержанность в общении. Дело в том, что он почти ни с кем не был на “ты”, мы не принимали гостей и сами не наносили визитов — прежде всего, из-за нехватки времени; театр он посещал крайне редко, короче говоря, наш круг общения был узок и обусловлен работой или политической борьбой. Однако при этом складывались и по-настоящему теплые человеческие взаимоотношения. Самые близкие сотрудники Льва Давидовича, более молодые, с которыми он общался только по работе, любили его и знали, насколько он ценит их. Склянский, Бутов, Глазман, Сермуks, Познанский, Виктор Эльцин² сохранили ему верность до конца и погибли во имя её после долгих лет кошмара. Пятаков советовал Льву Давидовичу демонстрировать “большую общительность”, ибо его манера держаться могла вызвать упреки в высокомерии и презрении к окружающим. “Вам надо изменить характер”, — настойчиво убеждал Пятаков. В 1926 году Лев Давидович отправился встречать Новый год к Каменеву, этажом выше, рассчитывая, помимо прочего, составить себе представление о настроениях участников так называемой Ленинградской оппозиции. Вскоре он вернулся: “Это невыносимо. Ликёры и вечерние платья! Болтовня. Можно подумать, что мы в салоне...” Ещё больше не любил он двусмысленных, порой отдающих вульгарностью анекдотов, которые люди охотно рассказывают; Радек, придумывавший их и умевший комично преподнести, замолкал при приближении Льва Давидовича, чьё чувство юмора было иного рода.

Он не курил. Не употреблял спиртного, разве только в исключительных случаях. Его день завершался после полуночи. Единственными его развлечениями были охота и рыбалка, которые он незадолго до того открыл для себя, вместе с Преображенским³, Мураловым, Пятаковым. Оказаться на заре среди бледных вод,

в камышах, в компании опытного старого охотника, сына и внука охотников, и подстергать дикую утку или расставлять силки; пробираться сквозь величественный заледеневший лес, среди моренных гряд и в итоге завалить бурого медведя — это по-настоящему восстанавливало силы соприкосновением с землёй, деревьями, водой, снегом, ветром... Это тоже была своего рода борьба, а также время размышлений».

П. А. ГАРВИ

Воспоминания

<Фрагменты>

Вена была в то время не только столицей Габсбургов, но и столицей Троцкого. Почти вся — правда, небольшая, колония русских с. д. эмигрантов находилась под влиянием Троцкого. У него был и свой «двор». Он состоял из особо приближенных лиц: С. Семковского (С. Ю. Бронштейна)¹ и его жены («Ирека Извольская»), А. Иоффе и Матвея Ивановича Скобелева²: он уже тогда умел создавать между собой и своими соратниками «пафос дистанции». Его боготворили и побаивались — я говорю о членах его секты, «троцкистах» или «правдистах» — по имени журнала «Правда», который он издавал в Вене. Подобно Рязанову, Троцкий тоже был «не большевик и не меньшевик». Но в отличие от Рязанова, Троцкий был раньше твердым «искровцем», на 2-м съезде партии был сначала «дубинкой» Ленина, а под конец ярам и яростным «меньшевиком», в период революции 1905 года он подпал под влияние Парвуса и стал глашатаем «перманентной революции», но не порывал с меньшевиками до самого ареста Совета рабочих депутатов, председателем которого он был и до суда над Исполнительным комитетом совета, в котором (на суде) он играл заглавную роль. После побега с поселения Троцкий занял «объединительную» позицию в расчете на свой престиж возглавителя первой революционной массовой рабочей организации, заставившей все фракции русской социал-демократии на практике координировать свою деятельность поверх своих тактических разногласий и организационных распрей. Но вне атмосферы реального рабочего движения, в обстановке интеллигентской по преимуществу

эмиграции, в неравном соревновании со «старшими богатырями» российской социал-демократии, как Плеханов и Аксельрод, как Ленин и Мартов, престижа Троцкого «не хватило» для самостоятельной роли, как не хватило его теоретического ума и талантливой гибкости для создания «третьей концепции», синтеза между большевизмом и меньшевизмом. Его «нефракционная фракция» осталась маленьким сектантским кружком, не имевшим большого влияния ни в эмиграции, ни особенно в России.

Разумеется, Троцкий принимал самое активное участие во всех объединительных попытках того времени. Одно время созданная им нефракционная «Правда» была даже превращена в орган Центрального комитета. Но все эти опыты соединить несоединимое кончились неудачей.

С оживлением рабочего движения в России, начиная с 1910 года, фракционная борьба внутри формально единой, но фактически расколотой российской социал-демократии, разгорелась с небывалой силой, захватила рабочую интеллигенцию, проникла в открытые рабочие организации — профсоюзы, кооперативы, просветительные общества — и перекинулась на заводы и фабрики. Борьба с «ликвидаторством» велась всеми дозволенными и недозволенными средствами. У Троцкого в России был один единственный опорный пункт — в Петербурге, где горсть его сторонников издавала небольшой журнал, бледную копию венской «Правды». Эту небольшую и невлиятельную группу насмешливо называли «фракцией» «трех Львовен» — ее возглавителями были бывшая жена Троцкого, Александра Львовна Соколовская, София Львовна Дикштейн и Ева Львовна Бройдо...

<...>³

Я бывал у Троцкого не только по делам. Сильвия была с ним коротко знакома и дружна. Не разделяя его политических взглядов, она видела в нем хорошего и деликатного человека как в его семейной жизни, так и в его отношениях к друзьям.

Троцкий на политической арене был человек позы; в личной жизни он, по-видимому, не был таковым. Жилось ему в Вене очень трудно. Заработка его литературного не хватало на содержание семьи из четырех человек, но ни разу он при мне об этом не обмолвился. При его взглядах и при его подчеркнутом революционном ригоризме ему нелегко было решиться на сотрудничество в легальной русской прессе заработка ради. Он вынужден

был, однако, пойти на это и сотрудничал в «Одесских новостях» и в «Киевской мысли». Не раз застали мы его за писанием статей на дешевой, самой примитивной и неудобной пишущей машинке системы «Миньон», в которой слева находилась пластинка с алфавитом. Троцкий наловчился довольно быстро писать на ней: левой рукой он водил рычажком по алфавитной сетке, а правой нажимал каждый раз на педаль. Жена Троцкого, Наталия Ивановна Седова, милая, приветливая, еще молодая женщина, мужественно переносила нужду, стараясь из нерегулярных и небольших доходов мужа выкроить максимум комфорта для обожаемого Льва Давыдовича и, понятно, для детей. Случалось, что она тащилась к нам на другой конец города, чтобы занять 10–20 крон. Когда нас приглашали на ужин, на столе была ветчина, неострый сыр и т. п. — все, что Сильвии можно было есть, и вообще «угощение», хотя мы и знали, что этот сверхрасход будет покрываться сверхсметной экономией на еде в течение нескольких дней. Троцкий был очень радушным хозяином и милым собеседником — без позы.

Жили Троцкие в рабочем предместье, занимая угловую квартиру с видом на незастроенные пустыри. Комната Троцкого была угловая, в три окна, просто, почти бедно обставленная, «собственной мебелью», но чистая: письменный стол у углового окна и книги придавали ей вид кабинета, хотя комната служила им и спальней. На стеклах окон были, помню, наклеены засушенные листья платанов; это придавало комнате менее «сухой» вид...

Жену Троцкий величал по имени и отчеству, но это, быть может, была дань довольно широко распространенному в России среди высших высших классов и интеллигенции обычаю. Жили они, по-видимому, очень дружно. Отцом Троцкий был исключительно любовным и внимательным, дети и в самом деле были прелестные — Левин и Сережа. Младший особенно был похож на мать — те же мягкие, почти крошечные черты лица. Когда Наталия Ивановна приходила к нам с детьми, я обычно после визита провожал ее до приезда, держа в одной руке Сережу, а за другую Левина. Старший ходил уже в школу, и Троцкий полуслушав говорил, что его там усиленно обращают в католическую веру.

<...>

Я уже писал выше о том, что у Троцкого в Вене был свой «двор». Раз в неделю Троцкий со своим «двором» бывал в кафе и засиживался до поздней ночи. В этом кафе бывали и видные члены

австрийской социал-демократии. Раза два-три и мы с Сильвией по приглашению Троцкого посетили это уютное венское кафе. Троцкий в таких случаях держался, я бы сказал, патриархально-покровительственно по отношению к своему маленькому клану, хотя и старался быть «на равной ноге»: тут он уже не забывал своего «пафоса дистанции», хотя и не подчеркивал его. Во всяком случае мне лично было при этом как-то неуютно в уютном венском кафе.

<...>⁴

<...> Странное дело — его возмущало больше всего, что большевики дали своей мнимо нефракционной газете название «Правда», то есть то же название, которое носило и венское издание Троцкого!

Троцкий рвал к метал. Он грозил привлечь большевиков к суду Интернационала. Он посылал во все концы протесты без конца. При встречах только об этом и говорил. Он был убежден, что это позаимствование не случайное, что большевики его политически обокрали, что он хотят использовать авторитет и репутацию его венской «Правды», как нефракционного и объединительного органа, для уловления симпатий рабочих масс.

Мне было смешно и досадно. Конечно, большевики не могли не знать, что название «Правда» уже использовано в нелегальной эмигрантской печати и именно Троцким (хотя возможно, что большевики-практики в Петербурге не знали этого или не задумывались над тем, что это название «Правда» уже использовано за границей). Но я хорошо знал, что даже в кругах рабочей интеллигенции Петербурга, Москвы и других городов о «Правде» Троцкого не имеют никакого понятия, или самое смутное понятие, что сколько-нибудь широкие рабочие массы ничего не слышали о венской «Правде» Троцкого и что авторитет и престиж этого органа не выходит за пределы эмигрантских колоний. Бесплезно было даже пытаться ввести законное возмущение Троцкого в рамки реального вреда, нанесенного его фракционной форме...

<...>

Первомайская демонстрация в Вене поразила меня своей грандиозностью. <...>

Небольшой группой мы сначала стояли в толпе зрителей на тротуаре, чтобы видеть хоть часть этой демонстрации, которой не было конца. Потом мы присоединились к шествию и дошли до Пратера, где демонстранты наполнили все свободное пространство, чтобы

закончить день «на вольном воздухе». За сдвинутыми столиками уселись видные деятели австрийской социал-демократии, делились впечатлениями, закусывали, потягивали пиво. Троцкий, который был с нами, был на этот раз очень оживлен и общителен, шутил, показывал фокусы, вырезал фонарь из апельсина, вообще был «душой общества» — я этого за ним не знал.

<...>

Н. А. ИОФФЕ

Время назад

<Фрагменты>

<...>

Троцкий сидел в тюрьме — в Крестах, а мальчиков, его сыновей — Леву и Сережу — Наталья Ивановна привезла к нам. Помню, как-то мы гуляли на даче, и нам повстречалась группа матросов из Кронштадта. Не знаю, почему они разговорились с нами, с детьми, но помню, что узнав, чьи это мальчики, они хлопнули их по плечам и говорили: «Не горюйте, ребята, скоро пойдем освобождать вашего папашу, со штыками и музыкой!» Нам это ужасно понравилось — «со штыками и с музыкой».

<...>

Однажды отец пришел домой под утро, усталый, счастливый и сказал: «Поздравляю, власть наша». Мы отправились в Смольный. Я увидела Троцкого, который еле держался на ногах от усталости. Помню, как отец, улыбаясь, сказал ему: «Поздравляю вас, Лев Давыдович». И тот, думая очевидно, что отец имеет в виду последние события, ответил: «Вас тоже». Отец, все также улыбаясь, сказал: «Нет, Вас лично поздравляю, Лев Давыдович, с днем рождения». Тот удивленно посмотрел на него, потом хлопнул себя ладонью по лбу, засмеялся и сказал: «Совершенно забыл! А впрочем, очень не плохо отпраздновал день рождения».

<...>

Мужем «мамы Ляли» был в то время некий Неспелов (а может быть, Пospelов), работник Госиздата. Он писал неплохие стихи, в основном пародии, ему же приписывали цикл стихов, посвященных Троцкому. Вернее, не посвященных Троцкому, а как написали бы о Троцком такие разные поэты, как Есенин,

Маяковский, Игорь Северянин, Вера Инбер. Тогда я все это знала наизусть. Сейчас, когда пытаюсь вспомнить, оказалось, что многое забылось. А жаль все-таки в какой-то степени приметы времени.

Вот — «под Маяковского»:

Заменить ли горелкой Бунзене
Тысячевольный «Осрам»? Что Фрунзе?
После Троцкого Фрунзе —
Просто срам¹.

Почему это такое только нынче
Узнали, что Фрунзе то ж
Врангелям гайки завинчивал
И вгонял Колчаков в дрожь.
Теперь, когда закопан последний
паршивый белогвардеец,
Узнали, что под Перекопом
Не на Троцкого следовало надеяться.
Я — от Лили, Краснощекovým лелеяной,
Вы — от героев интендантских выдач
Оба получили по шее мы,
Уважаемый Лев Давыдыч...

(Краснощеков — в то время председатель Промбанка, которому приписывали роман с Лилией Брик.)

А вот — «под Игоря Северянина»:

Лев Давыдыч, как мне больно,
Лев Давыдыч, я печален, Лев Давыдыч, неужели
Вы сыграли Вашу роль.
Лев Давыдыч — это символ, Лев Давыдыч гениален,
Лев Давыдыч для народа — это лозунг и пароль.
Сколько славы, сколько армий,
Сколько девушек и фронтов,
Сколько пушечного грома и блистательных авто,
Но в печальной квинтэссенции
Вами созданных виконтов
Благодарных и печальных
Не осудит Вас никто.
Ленин пышно вмавзолеен,
Вы казались мне наследник —
Опортреченных повсюду бескоронный король.
Но в Кремле уже шипели и завистник и зловердник
Уверяя, будто надо Вам в Кавказовый Тироль.

Где бриллиантовые волны
Бьют в Сухумское Остенде
Бонапартно оеленен беломраморный отель,
Не грустите, Лев Давыдыч!
Ошаманьте шерри бренди!
Я к Вам спешно лимузиню
Выпить дружеский коктейль...

Еще четверостишие «под Веру Инбер»²:

...Теперь покинул эти стены,
Исполненный высоких дум.
Но островом Святой Елены
Войдет в историю Сухум.

<...>

Мои личные воспоминания о Троцком относятся к моим первым жизненным воспоминаниям.

С 1908 года в Вене издавалась газета «Правда», и все ее издатели — Парвус, Скобелев, Троцкий и Иоффе — постоянно встречались, были дружны семьями. Старший сын Троцкого — Лева — мой ровесник и друг детства.

Помню такой эпизод. Мы с Левой — нам обоим года по три или четыре — сидим за столом и едим кашу. Я свою порцию уже съела, а Лева балуется, капризничает, бросает ложку. Заходит Лев Давыдович, спрашивает: «Как дела, ребяташки?» Я тут же докладываю (хорошая, должно быть, была стервочка), что я кашу съела, а Лева не ест, балуется. Он посмотрел на сына, очень спокойно спросил: «Так почему ты не ешь кашу?» Лева схватил ложку и, глядя на него, как кролик на удава, начал поспешно запикивать в себя кашу, давясь и кашляя. А между тем я не помню случая, чтобы Л. Д. не только наказывал, но даже голос не повысил на ребенка.

И еще один эпизод. Я сижу и рассматриваю домики и кораблики, которые мне нарисовал отец. О качестве рисунков можно судить по тому, что Л. Д., который зашел в комнату и посмотрел на них, сказал: «Надюша, как ты хорошо стала рисовать». Я возмущенно сообщаю ему, что это рисовал папа. «Ах, папа! Прекрасно нарисовано, я бы так не сумел». Я очень любила отца и, помню, была просто счастлива, что вот даже Л. Д. не сумел бы так нарисовать, как мой папа.

Осенью 1918 года после высылки советского посольства из Германии, я живя в Москве, училась со старшим сыном Троцкого,

Левой, в одной школе, состояла в одной комсомольской ячейке, часто бывала у них в доме. Лев Давидович же большую часть времени ездил по фронтам, но все же я видела его дома, видела его с товарищами, с людьми, которые у них бывали.

Мне хотелось бы разбить тот стереотип, который сложился вокруг его личности: надменный, высокомерный. Это неверно. Он не был ни надменным, ни высокомерным. Он был сложным человеком, со сложным характером, не раскрывался сразу, как многие другие. Но был требователен к людям, и это не всем нравилось, а также требователен и к себе, и к своим близким.

<...>

А теперь я хочу сказать о роли Троцкого в похоронах моего отца.

Вот что пишут об этом посторонние люди — очевидцы: гнев толпы на кладбище вызвало выступление Рютина, присутствовавшего на похоронах от ЦК. (Несколько лет спустя тот самый Рютин выпустил большой политический документ (сейчас он уже напечатан) с критикой сталинского режима и самого Сталина. И, конечно, был расстрелян.) Речь Рютина прерывалась возмущенными восклицаниями.

Как будто пробудившись от сна, рассказывают очевидцы, Троцкий спросил у стоявшего рядом Сопронова: «Почему они кричат?» Поглядев на Троцкого, можно было понять, что он не слышал выступлений. Погруженный в свои мысли, он глядел на могилу, мускулы левой щеки нервно вздрагивали. Когда сказали, что слово имеет Троцкий, вокруг стало тихо. Троцкий был последним оратором, и это было его последнее выступление в Советском Союзе. Слово «бюрократ» звучало у него, как имя давнего врага. Он призывал брать пример с жизни Иоффе, а не с его смерти. <...>

Да, он был настоящим другом — требовательным и верным. И близкие ему люди знали это. И дети любили его.

Татьяна Ивановна Смилга вспоминает, что, бывая в доме у ее отца, Л. Д. отдыхал от серьезных разговоров, играя с детьми.

Когда в его присутствии Смилгу арестовали, то младшая девочка, пятилетняя Наташа, в детском отчаянии от того, что папу уводят чужие люди, кинулась не к кому-нибудь другому, а именно к Троцкому и горько плакала, обхватив ручонками его ногу.

<...>

Ю. П. АННЕНКОВ

Дневник моих встреч

<Фрагменты>

В середине января 1923 года, в Петербурге, зашел ко мне на Кировую улицу Корней Чуковский¹ и сообщил, что из Москвы приехал Вячеслав Полонский² с «важными заказами» для питерских художников и что он хочет со мной познакомиться. Полонский состоял тогда председателем Высшего военного редакционного совета (ВВРС). Мы уговорились встретиться в тот же вечер у Чуковского, где я и познакомился с Полонским.

Речь шла об устройстве художественной выставки, посвященной пятилетию Красной армии. Выставка эта должна была положить начало художественному отделу Музея Красной армии. Полонский был уполномочен дать соответствующие заказы ряду художников. Что касалось, в частности, меня, то Полонский, рассказав о своем интересе к моим портретным работам, предложил мне исполнить портреты главнейших руководителей Реввоенсовета, и в первую очередь Троцкого.

Мы тут же заключили договор, и через несколько дней я приехал в Москву. Там в полдень (я только что успел привести себя в порядок с дороги) ко мне явился молодой адъютант председателя Реввоенсовета с предложением сейчас же отправиться к Троцкому, который немедленно меня примет. В здании Реввоенсовета, на Знаменке, поднявшись на второй этаж и пройдя по ряду коридоров с расставленными у дверей молодежавшими подтянутыми часовыми, проверявшими пропуска с неумолимым, бесстрастным видом, я очутился в приемной Троцкого. Огромный высокий зал был наполнен полумраком и тишиной. Тяжелые шторы скрывали морозный свет зимнего дня. На стенах висели карты Советского

Союза и его отдельных областей, испещренных красными линиями. За столом, у стены, сидели четверо военных. Зеленый стеклянный абажур, склоненный над столом, распространял по комнате сумеречный уют и деловитость.

Как только я вошел в комнату, все четверо мгновенно встали и один из них, красивый и щеголеватый дежурный адъютант, поспешно подошел ко мне по малиновому ковру.

— Художник Анненков? — спросил он.

— Да, — ответил я, едва удержавшись, чтобы не сказать «так точно».

— Лев Давидович вас сейчас примет.

Щеголеватый адъютант снял телефонную трубку и через несколько секунд снова обратился ко мне:

— Можете пройти в кабинет.

Он проводил меня до двери и, слегка приоткрыв ее, вполголоса добавил:

— Налево, к окну.

Я вспомнил — у Толстого: «Затем князь Андрей был подведен к двери, и дежурный шепотом сказал: направо, к окну...»

Проходя в кабинет, я слышал, как за моей спиной военные снова садились в кресла.

По рассказам, чаще всего злобным и язвительным, Троцкий был щупленький человек маленького роста («меньшевик», — острили про него). С меньшевиками Троцкий был в своей молодости действительно близок, но к его внешнему облику это не имело никакого отношения: он был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен. Его глаза сквозь стекла пенсне блестели энергией. Он встретил меня весьма любезно, почти дружественно, и сразу же сказал:

— Я хорошо знаю вас как художника. Я знаю, что до войны вы работали в Париже. Я знаю ваши иллюстрации к «Двенадцати» Блока, и у меня есть книга о ваших портретах. Я знаю также о вашем участии в массовых зрелищах³. Надеюсь, что вы тоже слышали кое-что обо мне, и, значит, мы — давние знакомые. Присядем.

Мы сели. Троцкий заговорил об искусстве. Но не о русских художниках. Он говорил о «парижской школе» и о французской живописи вообще. Он упоминал имена Матисса, Дерена, Пикассо, но постепенно углублялся в историю. Особенно интересными были для меня довольно колкие замечания Троцкого о том, что французская революция никак не отразилась в искусстве.

— Разве в давидовском «Убийстве Марата», — говорил Троцкий, — есть что-нибудь от революции? Решительно ничего. Один анекдот: голый Марат в ванне. Разве знаменитая «Свобода, ведущая народ» Делакура выражает сущность революции? Конечно, нет. Ребенок с двумя пистолетами, какой-то романтик в цилиндре, идущие по трупам, во главе с античной красавицей, обнажившей грудь и несущей трехцветный флаг? Романтический анекдот, несмотря на прекрасные живописные качества. Но в «Коронации Наполеона» тот же Давид сумел блестяще выразить всю торжественную бессмыслицу этого обряда... Портрет, пейзаж, мертвая натура, интерьер, любовь, быт, война, исторические события, веселье, грусть, трагедия, даже безумие (вспомним хотя бы «Сумасшедшую» Жерико) — все это получило свое выражение в живописи. Но революция и искусство — это единение еще не найдено.

Я возразил Троцкому, что революция в искусстве есть прежде всего революция его форм выражения.

— Вы правы, — ответил Троцкий, — но это революция местная, революция самого искусства, и притом очень замкнутая, недоступная широкому зрителю. Я же говорю об отражении общей, человеческой революции в так называемом «изобразительном» искусстве, которое существует тысячелетия. «Тайная Вечеря» — есть, «Распятие» — есть, даже — «Страшный Суд» есть, да еще какой: микеланджеловский! А революция? Революции я не видел. Картины, пишущиеся сейчас советскими живописцами, стремящимися «отобразить» революционную стихию, революционный пафос — нищенски недостойны не только революции, но и самого искусства...

Побеседовав минут двадцать, я стал прощаться. Троцкий сообщил мне, что завтра он уезжает к себе в ставку, верстах в двадцати под Москвой, и что послезавтра будет там ждать меня для работы.

С этой первой встречи Троцкий превращается для меня из «исторического персонажа» в живого человека и — еще скромнее — в «лично знакомого».

Через день, в условленный час, за мной прислали из Реввоенсовета машину, и я отправился в ставку, забрав с собой все необходимое для рисования. Ставка помещалась в богатейшем национализированном имении князей Юсуповых — Архангельское. Стояла сверкающая зима, снег и иней блестели под ярким солнцем. Около ворот имения стояли часовые. Увидев знакомую машину, они вытянулись

во фронт и откозыряли, глядя на меня. Но еще в пути одна вещь меня удивила: по краям дороги, почти на всем расстоянии между Москвой и ставкой — заржавленные каркасы броневых машин и разбитых орудий, воспоминания о Гражданской войне, высывались из снежных сугробов. Прошло уже полных три года со времени боев (да и были ли они в этом Подмоскovie?). Иностранные дипломаты и военные представители часто ездили в ставку к Троцкому. Какое впечатление мог произвести на них подобный пейзаж? Как-то, в одну из наших бесед, я выразил Троцкому мое удивление по поводу столь мрачного и так легко упразднимого обрамления дороги.

— Стратегическая маскировка, — ответил Троцкий, — пусть пока капиталистам кажется, что у нас — полный бедлам, что наша революция — не более чем временный местный кризис, вызванный военными неудачами, и что иностранным капиталистам беспокоиться нечего. Вот и все. Тактика, товарищ!

И, улынувшись, добавил:

— Однако в скором времени та же тактика потребует обратной маскировки. Когда станет ясным, что наш бедлам не прекращается, но географически расширяется, то нужно будет сделать так, чтобы капиталистическим странам стало страшно пойти против нас. И вот, принимая у себя представителей капиталистического мира, гниющего Запада, мы будем показывать им торжественные парады, силу нашей военной мощи и ее организованность, демонстрируя орудия и всяческие танки, купленные на том же гниющем Западе.

Такая «обратная маскировка» наступила уже при Сталине и распухает до сих пор с каждым днем до невероятных размеров. В обоих случаях «капиталисты» поверили, вследствие чего из года в год и продолжают терять свои позиции.

Я бывал в ставке раз пять, если не больше, и два раза там ночевал. В роскошно обставленных комнатах я любовался произведениями Тьеполо, Буше, Фрагонара и других мастеров той же эпохи. Встречался я с Троцким также и в помещении Реввоенсовета, где познакомился и подружился с его заместителем на посту председателя Реввоенсовета Эфраимом Склянским, с которого мне тоже пришлось написать портрет, воспроизведенный в Большой советской энциклопедии 1926 года, т. 2. В позднейших изданиях этой энциклопедии всякое упоминание обо мне было выброшено.

В ставке я сделал три карандашных рисунка с Троцкого, в натуральную величину (бюсты), печатные воспроизведения которых появились впоследствии почти во всех странах (иногда даже без указания моего имени).

В выпущенном Государственным издательством в 1926 году огромном (56 x 49 см) и прекрасно отпечатанном альбоме, озаглавленном «Юрий Анненков. Семнадцать портретов», Анатолий Луначарский (тогда — народный комиссар просвещения) писал в своем предисловии к этой книге: «Конструктивист возобладал в Анненкове над реалистом. Это словно не портрет Троцкого, а рисунок, сделанный с какой-то очень талантливой гранитной статуи т. Троцкого. Нет, здесь уже нет ни капли ни доброты, ни юмора, здесь даже как будто мало человеческого. Перед нами чеканный, гранитный, металлически-угловатый образ, притом внутренне стиснутый настоящей судорогой воли. В профильном портрете, родственном известному монументальному анненковскому портрету т. Троцкого, к этому прибавилась еще гроза на челе. Здесь т. Троцкий угрожающ. Анненков придал т. Троцкому люциферовские черты. Я, конечно, оставляю целиком на ответственности художника такую характеристику т. Троцкого. Я ведь здесь не его характеризую, а стараюсь передать на словах трактовку его Анненковым. А у этого художника — огромный диапазон».

Альбом содержит два портрета Троцкого...

<...>

Возвращаюсь к Троцкому.

Наши беседы скользили с темы на тему, часто не имея никакой связи с событиями дня и с революцией. Троцкий был интеллигентом в подлинном смысле этого слова. Он интересовался и был всегда в курсе художественной и литературной жизни не только в России, но и в мировом масштабе. В этом отношении он являлся редким исключением среди «вождей революции». К нему приближались Радек, Раковский⁴, Красин и, в несколько меньшей мере, Луначарский (несмотря на то, что именно он занимал пост народного комиссара просвещения). Культурный уровень большинства советских властителей был невысок. Это были очень способные захватчики, одни с идеологическим уклоном, другие — как Сталин — с практической «неуклонностью». Несовместимость интеллигентов с захватчиками становилась ясной уже и первые годы революции. Объединение и совместные действия этих столь

разнородных элементов были только результатом случайного совпадения: рано или поздно они должны были оказаться противниками. И как всегда в такой борьбе, интеллигенции было предназначено потерпеть поражение. Если из междоусобной гражданской войны с прежним режимом Троцкий вышел победителем, то лишь потому, что это была война за идейную, идеологическую победу. Но когда наступила борьба за практическую демагогию, он, как интеллигент, неминуемо должен был проиграть.

Однажды, когда я заработался до довольно позднего часа, Троцкий предложил мне переночевать у него в ставке. Я согласился. Красноармеец постелил на удобном «барском» диване, в кабинете, чистую простыню, одеяло и положил подушку в наволочке с инициалами прежних хозяев имения. Почитав на сон газету, я загасил лампу и задремал, но сквозь дремоту вдруг расслышал неопределенный, затушеванный шумок. Я приоткрыл глаза и увидел, как Троцкий, с маленьким карманным фонариком в руке, войдя в кабинет, прокрадывался к письменному столу. Он старался не производить никакого шума, могущего меня разбудить. Но ходить на цыпочках, «на пальцах», как балетные танцоры, было для него непривычным, и он терял равновесие, покачивался, балансируя руками и с трудом делая шаг за шагом. Забрав со стола какие-то бумаги, Троцкий оглянулся на меня: мои глаза были едва приоткрыты, и я сохранял вид спящего. Троцкий с тем же трудом и старанием вышел на цыпочках из кабинета и бесшумно закрыл дверь.

Нужно было жить в обстановке тех лет в России, чтобы почувствовать всю неожиданность подобной деликатности со стороны вождя Красной армии и «перманентной» революции.

В дальнейшем я часто встречался с Троцким в здании Реввоенсовета и... в национализированном доме Льва Толстого, в Хамовническом переулке, где подготовлялся музей писателя. В этом доме мне была отведена обширная комната, в которой я должен был исполнять монументальный портрет Троцкого (около четырех аршин в высоту и трех — в ширину) и куда по этому случаю доставили огромный мольберт. Тогда же мне была выдана, за подписью Склянского, специальная карточка, разрешавшая завтракать и обедать в столовой Реввоенсовета. Никаких «Яров» и прочих ресторанов, с балалаечниками и цыганскими хорами, в Москве уже не было: они поспешно перебрались в Париж.

Как-то в коридоре Реввоенсовета посыльный, мальчик лет пятнадцати, одетый в красноармейскую форму, увидел Троцкого, встал во фронт и, лихо шелкнув каблуками, отдал честь. Улыбнувшись, Троцкий произнес:

— Здорово, мальчуган! Но ты должен знать, что честь отдают только тогда, когда на голове фуражка: это даже называется «козырять», «отkozyрять». А если голова, как сейчас у тебя, голая, то следует только становиться во фронт, руки по швам.

— Слушаюсь, товарищ Троцкий! — ответил мальчик, снова шелкнув каблуками и снова машинально козырнув.

Испугавшись своей оплошности, мальчик воскликнул:

— Извиняюсь, товарищ Троцкий!

Троцкий засмеялся:

— Катись, катись! Ничего страшного!

— Так точно, товарищ Троцкий!

Руки мальчика на этот раз были по швам.

Я спросил у Троцкого, каким образом он ознакомился со всеми мелочами военных условностей? Он ответил мне довольно длинной тирадой, которую впоследствии я почти дословно прочитал в его книге «Моя жизнь», выпущенной уже за границей, в изгнании. Желая быть наиболее точным, я приведу здесь в качестве ответа выдержку из этой книги: «Был ли я подготовлен для военной работы? Разумеется, нет. Мне не довелось даже служить в свое время в царской армии. Ближе я подошел к вопросам милитаризма во время балканской войны, когда я несколько месяцев провел в Сербии, Болгарии и Румынии. Но это был все же общеполитический, а не чисто военный подход. Мировая война всех на свете приблизила к вопросам милитаризма, в том числе и меня. Но дело шло все же прежде всего о войне как продолжении политики и об армии как ее орудии. Организационные и технические проблемы милитаризма все еще отступали для меня на задний план...

В парламентских государствах во главе военного и морского министерства не раз становились адвокаты и журналисты, наблюдавшие, как и я, армию преимущественно из окна редакции, только более комфортабельной... Но... в капиталистических странах дело шло о поддержании существующей армии, то есть, в сущности, лишь о политическом прикрытии самодовлеющей системы милитаризма. У нас дело шло о том, чтобы смести начи-

сто остатки старой армии и на ее месте строить под огнем новую, схемы которой нельзя было пока еще найти ни в одной книге. Это достаточно объясняет, почему к военной работе я подходил с неуверенностью и согласился на нее только потому, что некому было нынче за нее взяться.

Я не считал себя ни в малейшей степени стратегом... Правда, в трех случаях — в войне с Деникиным, в защите Петрограда и в войне с Пилсудским я занимал самостоятельную стратегическую позицию и боролся за нее то против командования, то против большинства ЦК. Но в этих случаях стратегическая позиция моя определялась политическим и хозяйственным, а не чисто стратегическим углом зрения. Нужно, впрочем, сказать, что вопросы большой стратегии и не могут иначе разрешаться».

— Вот и все, — добавил Троцкий, — я формировал нашу армию, а армия формировала Троцкого. Таким образом я постепенно освоился со всякой чепухой военщины, до маршировки и даже до отдания чести включительно.

Но по существу, вся эта «чепуха военщины» была глубоко чужда Троцкому. Это происходило в эпоху, когда сорванные революцией погоны и эполеты считались символом свергнутого строя. <...>

Когда все мои эскизы к портрету Троцкого были закончены и я должен был приступить к холсту, уже стоявшему на мольберте в доме Толстого, Троцкий, разговаривая со мной в Реввоенсовете, сказал полшутя, полусерьезно:

— А как же мне нарядиться для портрета? Позировать в военной форме мне бы не хотелось. Могли бы вы набросать что-нибудь соответствующее для нашего портного?

Я набросал карандашом темную, непромокаемую шинель с большим карманом на середине груди и фуражку из черной кожи, снабженную защитными очками. Мужичьки сапоги, широкий черный кожаный кушак и перчатки, тоже из черной кожи, с обшлагами, прикрывавшими руки почти до локтей, дополняли этот костюм. Вспоминаю, как во время одной из примерок я сказал:

— В этом нет ничего военного.

Троцкий улыбнулся:

— Но в этом есть что-то трагическое.

— Не трагическое, — ответил я, тоже рассмеявшись, — но угрожающее.

В этой «одежде революции» Троцкий позировал мне для своего четырехаршинного портрета. В этом же костюме Троцкий был снят рядом со мной правительственным фотографом. Этот снимок у меня сохранился до сих пор и в свое время (1923) оказал мне однажды неожиданную услугу. Я жил в Москве на Пречистенке (в здании Академии художественных наук), в первом этаже. Вход в квартиру был со двора, ворота которого наглухо закрывались на ночь, и у жильцов дома был ключ, которым открывалась калитка. Как-то ночью, возвращаясь домой, я обнаружил, что забыл ключ в квартире. Звонок, само собой разумеется, не действовал. Я подошел к окну моей комнаты и нажал на его раму. Окно распахнулось: по счастью, оно не было заперто на задвижку. Обрадованный, я начал карабкаться на подоконник, чтобы перелезть в мою комнату, но чья-то рука схватила меня за плечо. Передо мной стояли два милиционера, которые потребовали у меня объяснений. Но рассказ о забытом ключе их не убедил.

— По ночам через окна порядочные не лазают! Предъявить документы!

Голос милиционера был неумолим. Ни «личной карточки», ни иных документов у меня с собой не оказалось, но в бумажнике нашлась моя фотография с Троцким. Я показал ее милиционерам. Они сразу же узнали «любимого вождя», и, возвращая мне карточку, один из них сказал изменившимся голосом:

— Ладно, лезьте!

— Молчи! — прервал его другой милиционер и, повернувшись ко мне, произнес:

— Мы приносим вам, уважаемый товарищ, наши извинения. Вы видели, как советская милиция бдительна.

Подтолкнув меня на подоконник и откозыряв, они твердым шагом удалились в бесфонарную ночную тьму тогдашней Москвы.

Последняя примерка костюма Троцкого происходила в его ставке. Часов в одиннадцать утра портной уехал в Москву. Я остался завтракать у Троцкого и должен был уехать только около трех часов пополудни. Перед моим отъездом Троцкий оглядел меня с головы до ног и заявил:

— Что же касается вашего собственного костюма, то он мне не нравится; в особенности ваши легкие городские ботинки: они вызывают во мне страх при теперешнем тридцатиградусном морозе. Я вас обую по-моему.

И он повел меня в особую комнату, служившую складом, полным всевозможных гардеробных подробностей: шубы, лисьи дохи, барашковые шапки, меховые варежки и пр.

— Это все подарки и подношения, с которыми я не знаю, куда деваться, — пояснил Троцкий, — пожалуйста, не стесняйтесь!

И он выбрал для меня замечательную пару серовато-желтых валенок на тонкой кожаной подкладке и с неизносимыми кожными подошвами. Валенки были мне несколько велики и подымались почти до самого верха бедер. Мне казалось, что я обулся в легендарные семиверстные сапоги. Внутри валенок было выбито золотыми буквами следующее посвящение: «Нашему любимому Владю, товарищу Троцкому — рабочие Фетротреста в Уральске».

— Прекрасно! Теперь мы сквитались, и моя совесть очистилась! — улыбнулся Троцкий.

К барашковой тужурке, подаренной мне годом раньше К. Станиславским (см. гл. о Мейерхольде), прибавились теперь валенки Троцкого. Я сохранял их в моем шкафу как «исторические ценности» до самого отъезда за границу.

Писать портрет пришлось долго: двенадцать квадратных аршин. Весь верх картины, то есть лицо, я вынужден был писать, сидя на складной лестнице. Троцкий позировал, сидя в кресле, поставленном на столе. Он приходил очень точно в назначенный час, раза по три в неделю, и в моей мастерской переодевался в «одежду революции», хранившуюся здесь же, на вешалке.

В комнате висели два небольших фотографических портрета Толстого: один, вероятно, был ровесником Анны Карениной, другой был сделан лет за пять до трагической смерти Толстого. Когда приходил Троцкий, мы, конечно, говорили о Толстом. Преклонение Троцкого перед Толстым было нескрываемо. Троцкий рассказал мне, как в юности он находился под влиянием толстовского мироощущения и что «одна мужицкая рубаша графа Толстого стоит половины всего Тургенева».

Троцкий уходил, и я оставался наедине с портретом Толстого. Я не был ни суеверен, ни очень застенчив. Но портреты Толстого меня почему-то смущали. Я постоянно оглядывался на них и всякий раз ощущал, что я работаю не в мастерской художника, а в доме Толстого. И вдруг мне припомнилась фраза Толстого, обрисовавшая мастерскую князя Нехлюдова, бросившего службу

и решившего заняться живописью: «В мастерской стоял мольберт с перевернутой начатой картиной и развешены были этюды».

Я осторожно снял со стены портреты Толстого, бережно положил их в ящик стола и приколот на стену мои этюды к портрету Троцкого. И сразу почувствовал облегчение. Вечером, уходя, я отколол мои наброски и снова повесил фотографии Толстого на прежние места. Так поступал я потом ежедневно. Работа значительно облегчилась.

Во время сеансов мы много говорили о литературе, о поэзии (к которой Троцкий относился с большим вниманием) и об изобразительном искусстве. Могу засвидетельствовать, что среди художников тех лет главным любимцем Троцкого был Пикассо. Троцкий видел в формальной неустойчивости, в постоянных поисках новых форм этого художника воплощение «перманентной революции», той самой «перманентной», которая принесла Пикассо славу и богатство и которая стоила Троцкому жизни.

Однажды мы зашли в музей Щукина, находившийся в двух шагах от Реввоенсовета. Музей был национализирован, и самому Щукину, который открыл Пикассо, открыл Матисса, Щукину, создавшему в Москве бесценный музей новейшей европейской живописи, — этому щедрейшему Щукину была отведена в его доме находившаяся при кухне «комната для прислуги».

Троцкий задержался перед холстами Пикассо, и я сделал с него набросок на фоне «Арлекина» этого мастера.

Когда летом 1923 года портрет Троцкого был наконец закончен, Реввоенсовет организовал по этому случаю весьма торжественную однодневную его выставку для командиров Красной армии. Веселое, горлающее сборище крепкотелых молодцов, махорочных курильщиков, опьяненных недавними победами: будущие генералы и маршалы СССР. Среди присутствовавших были: Тухачевский (командующий 5-й армией и Западным фронтом, в будущем — расстрелянный Сталиным); Сокольников (командующий 8-й армией и Туркфронтом, расстрелянный Сталиным); Смилга (член Реввоенсовета 5-й армии, расстрелянный Сталиным); Уншлихт (член Реввоенсовета республики, расстрелянный Сталиным); Раскольников (командующий Балтийским и 276 Каспийским флотами. Покончил самоубийством в эмиграции, во Франции); Зоф (командующий морскими силами республики, расстрелянный Сталиным); Муралов (начальник Москов-

ского военного округа, расстрелянный Сталиным); Антонов-Овсеенко⁵ (начальник Политического управления Реввоенсовета республики, расстрелянный Сталиным) и другие, которых я забыл и которых, вероятно, ожидала та же участь. Дней через пять Тухачевский тоже позировал мне для карандашного портрета, находящегося у меня.

Ни Троцкого, ни его заместителя Склянского в этот день не было в Москве: их представлял Вячеслав Полонский. В гуще этих трагических героев я был сфотографирован на фоне портрета Троцкого. Впрочем, в этой же гуще находились Ворошилов и Буденный, которые сумели уцелеть.

<...>

В январе 1923 года Троцкий попросил меня сделать несколько иллюстраций к его «Приказу Революционного Военного Совета Республики к пятилетию Красной Армии» (5 февраля 1923 года). Но вечером того же дня Полонский, передавая мне текст «Приказа», сказал, что все рисунки должны быть сданы в типографию на другой же день утром. Я сделал их в одну бессонную ночь (что очень понравилось Склянскому, но что, несомненно, отразилось на качестве рисунков). «Приказ» вышел отдельным изданием, в красках, в пяти тысячах экземпляров. Вот несколько фраз из этого «Приказа», которые следовало бы запомнить всем политическим деятелям свободных стран и их «специалистам по советским вопросам», до сих пор еще верящим, что можно добиться «мирного сосуществования» с СССР путем каких-то международных конференций: «Мировая коммунистическая партия задачей своей имеет перестроить весь мир, независимо от нации, расы и цвета кожи. Советская Россия — крепость мировой революции. Красная Армия — щит угнетенных и меч восставших! Красная Армия нужна нынче мировой революции.

Молодые воины!.. Учитесь на прошлом, готовьтесь к будущему... Красноармейцы, командиры, комиссары! Склоним сегодня боевые знамена перед памятью погибших. Отдадим дань героическому прошлому — не для успокоения, а для удесятеренной работы. Наш завтрашний день должен и будет славнее вчерашнего. Учитесь! Крепните! Мужайте! Готовьтесь!»

Под «Приказом» подписи:

Председатель Революционного Военного Совета Республики: Лев Троцкий
Заместитель Председателя Революционного Военного Совета Республики:
Э. Склянский
Главнокомандующий: С. Каменев

Член Революционного Военного Совета Республики: С. Данилов
Начальник Политического Управления Революционного Военного Совета
Республики: Антонов-Овсеенко
Начальник штаба РККА: П. Лебедев

В то время все эти будущие жертвы были еще живы и занимали указанные здесь посты.

У меня до сего дня хранится этот редчайший документ. Более чем редчайший. Через несколько месяцев, в 1924 году, в томе «Советская культура» (Изд. известий ЦИК СССР и ВЦИК, Москва), в статье Ив. Лазаревского «Искусство советской книги» говорилось: «Нельзя не указать на издание РВСР — Приказ РВСР от 5 февраля 1923 года, N 279, к пятилетию Красной армии, с рисунками Ю. Анненкова, едва ли не единственный в мире военный приказ, изданный при участии художника-графика».

<...>

В главе, посвященной Ленину, я уже говорил, что после взятия Зимнего дворца мне удалось пробраться в Смольный институт, где заседал Съезд Советов. Там, на трибуне, я впервые увидел Троцкого. Поверх довольно элегантного черного костюма на нем была надета распахнутая и сильно потасканная шинель дезертира. Троцкий говорил о победе:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует (овация). Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие часы (бурные аплодисменты). Нам говорили, что восстание в настоящую минуту вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменялась другой...

В этот момент в залу вошел Ленин.

Троцкий: «В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появиться среди нас... Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин!» (Бурная овация).

Я убежден, что о «бескровности» переворота Троцкий говорил совершенно искренне: всю последнюю неделю он «заседал», «вырабатывал», «сносился по телефону», «подписывал», «руководил» —

за письменным столом и «наблюдал восстание преимущественно из окна редакции». Кровь на площади Зимнего дворца видел я, то есть обыватель, давно потерявший в те месяцы представление о том, что значит «мирный сон».

Мои встречи с Троцким продолжались на протяжении нескольких месяцев. В личной жизни Троцкий, несмотря на свою огромную популярность, оставался необычайно прост, приветлив и человечен. О кличках — «наш любимый вождь», «наш великий учитель», «любимый отец народов» и пр., которыми украшались коммунистические главы, Троцкий сказал мне по-французски:

— *Stupide exagération!*

И по-русски:

— Пошлая, дурацкая театрализация.

В предисловии к книге «Моя жизнь», написанной уже в изгнании, в Турции, на острове Принкипо под Константинополем, Троцкий говорит (14 сентября 1929 года): «Я не могу отрицать, что моя жизнь не принадлежала к числу наиболее ординарных. Но причины этого следует искать скорее в обстоятельствах эпохи, чем во мне самом... Над субъективным встает объективное, и в конечном счете это оно становится решающим».

Летом 1924 года мой портрет Троцкого вместе с портретом В. Полонского, который я тоже успел закончить к этому времени, был отправлен в Италию, на венецианскую международную художественную выставку, устраиваемую там каждые два года («Biennale»). Я уехал туда же одновременно с ними. Портрет Троцкого был повешен на почетном месте в центральной зале советского павильона и воспроизведен на отдельной странице в книге Уго Неббиа «La XIV Esposizione Internazionale d'Arte della Città di Venezia», 1924. В том же году этот портрет был воспроизведен и в Москве, в книге «Советская культура» (Изд. известий ЦИК СССР и ВЦИК). Троцкий был тогда еще Троцким, а не «Иудой» и не «бешеным псом преступного капитализма» — прозвища, данные ему вскоре Сталиным (Джугашвили) и ставшие в СССР обязательными. <...>

Какая судьба ожидала мой портрет Троцкого?

В 1954 году прибежал в Париж один видный «художественный деятель» Советского Союза, председатель Союза художников РСФСР и член-корреспондент Академии художеств СССР. Он

позвони ко мне по телефону и сказал, что хотел бы повидаться со мной. Мы встретились, и в разговоре я между прочим спросил, где находится этот портрет. Но если в 1926 году в Советской энциклопедии писалось, что «в героической композиции» моего портрета Троцкого «дана попытка передать романтику революции», то мой советский гость, посмотрев на меня с удивлением, сказал:

— Неужели вы не понимаете, что мы не можем выставлять публично портрет Троцкого.

Я посоветовал москвичу побывать во французских музеях, где можно одновременно видеть портреты революционеров и их усмирителей, членов конвента и императоров, потому что эти картины являются не только политическими документами, но прежде всего произведениями искусства. Советский гость ответил с презрением:

— Гнилой Запад. Мы бы давно всех Наполеонов, даже давидовских, выбросили в помойку.

Как я уже говорил, Троцкий знал и любил поэзию. Я приведу здесь выдержки из его предисловия к книге молодого (тогда) поэта А. Безыменского⁶ «Как пахнет жизнь» (1924): «Безыменский — поэт, и притом свой, октябрьский, до последнего фибра. Ему не нужно принимать революцию, ибо она сама приняла его в день его духовного рождения, нарекла его и приказала быть своим поэтом. Вместе со своим новым поколением Безыменский переживал революцию, проделывал ее, претерпевал ее в ее героических моментах, в ее лишениях, в ее жестокостях, в ее повседневности, в ее замыслах, достижениях, в ее величии и в трогательных, а подчас смешных и уродливых пустяковинах. Он берет революцию целиком, ибо это — та духовная планета, на которой он родился и собирается жить. Из всех наших поэтов, писавших о революции, по поводу революции, Безыменский наиболее органически к ней подходит, ибо он от ее плоти, сын революции, Октябrevич. Ему, Безыменскому, нет надобности планеты перекидывать, как колья. Ему не нужны космические размеры, чтобы чувствовать революцию... Безыменский умеет и в отделении милиции революцию найти».

Это, конечно, весьма элементарно и вполне в «партийной линии». Так мог бы написать любой коммунистический «литературовед». Но, искренне говоря, что другое можно было бы написать о Безыменском, второклассном подражателе Маяковского, уснащенного Демьяном Бедным? Что можно было бы написать о Безыменском, избравшем в те годы линию наименьшего сопротивления, по всем извилинам

которой он, правоверный «Октябrevич», продолжает идти до сих пор в рядах послушной советской поэзии? Разве в недавние годы Безыменский не дошел по этому пути к позорным публичным (устным и письменным) обвинениям Б. Пастернака в «измене советской литературе, советской стране, всем советским народам» и к публичным (устным и письменным) обращениям к советскому правительству с просьбой о «лишении Пастернака советского гражданства»?

Но предисловие Троцкого к книге Безыменского одновременно носит нескрываемый оттенок иронии: поощрительное обращение взрослого к ребенку. Рядом с этим предисловием статья Троцкого о смерти Сергея Есенина (полностью приведенная мною в главе об этом поэте) должна, благодаря своей глубокой человечности, остаться в русской литературе тех лет и занять достойное место в биографии Троцкого. Вряд ли кто-либо другой из «вождей» пролетарской коммунистической революции решился бы написать подобные слова, посвященные памяти поэта, покончившего с собой из-за неприятия революции, поэта, «несродного» революции.

Написанный в 1926 году, этот некролог уже предсказывал роман Дудинцева «Не хлебом единым»⁷. Но говоря, что «в утробе нынешней эпохи скрывается еще много беспощадных и спасительных боев человека с человеком», Троцкий, наверное, не предвидел свою собственную трагическую смерть и не считал ее «спасительной» для человечества. Кроме того, этой фразой Троцкий отказывался от утешительных слов, произнесенных им в ночь на 26 октября 1917 года, о «бескровности» революции. Разговор о «беспощадных боях» во имя «гармонического, счастливого, с песней живущего общества» является неискоренимым заблуждением многих революционеров. Бывший коммунист Борис Суварин⁸ писал: «Никто еще не смог серьезно мотивировать принесение в жертву живущих поколений ради гипотетического счастья будущих поколений». Суварин называет подобный идеализм «высшей абсурдностью». Он, конечно, прав. Но Троцкий был неизлечим и писал еще за несколько месяцев до собственной смерти: «Жизнь прекрасна. Пусть будущие поколения очистят ее от всякого зла, от подавления, от жестокости и будут полностью наслаждаться ею» («Diary in Exile»)⁹.

Троцкий поверил в необходимость «высшей абсурдности» смертоносных боев за мир и счастье будущих поколений и пал ее жертвой.

В. Т. ШАЛАМОВ

Четвертая Вологда

<Фрагмент>

<...>

С авторитетом Троцкого речь Луначарского ни в какое сравнение не могла идти ни в политическом, ни тем более — в литературном плане. Троцкий — оратор более талантливый, чем красной Луначарский. Троцкий — оратор стиля особого, где сначала делался вывод, а потом он доказывался.

Луначарский же принадлежал к классической школе — накопление аргументов и — логический вывод.

В этом накоплении аргументов Луначарский пользовался весьма широким привлечением фактов, имен и идей, — подчас даже возникало недоумение — как увязывает Луначарский свой только что рассказанный факт, случай с темой его речи, доклада, от которых он отступил довольно далеко.

Было особенным удовольствием следить за путаными извилами мысли наркома, предвидеть их, угадывать или не угадывать — и с восторгом или осуждением принимать какой-то логический сюрприз, логический парадокс.

Но Луначарский обычно благополучно выбирался из всех сетей, из всех неводов, которые сам себе расставлял, и срывал гром аплодисментов.

Иначе говорил Троцкий. У Троцкого не было лишней фразы, не служащей главной мысли, которая уже высказана. Тебе предстояло лишь подсчитывать бесконечные аргументы — одетые, конечно, всегда в оригинальную, блестящую даже одежду.

Студенческие скептики даже говорили, что из-за этого постоянного блеска слушатель, зритель отвлекался от глубины суждений Троцкого, которые были бы яснее при более простом, более шаблонном изложении дела.

<...>

Л. З. КОПЕЛЕВ

И сотворил себе кумира

<Фрагменты>

<...>

К Троцкому я впервые испытал чувства приязни, когда прочитал в школьной хрестоматии «Освобожденный труд», в чьих-то воспоминаниях о Гражданской войне, как доблестный наркомвоенмор вдохновлял своими речами бойцов, бесстрашно и находчиво командовал, а после боя обнимал и целовал красноармейцев, не имея для них других наград. В книге Ларисы Рейснер «Фронт 1918 года» Троцкий предстал уже вовсе легендарным героем¹. Он вместе с охраной своего поезда отразил налет казаков, забросав их консервными банками, которые те приняли за гранаты и бежали, подставляя спины меткому огню малочисленных, но хладнокровных стрелков.

Прозу дополняли стихи. Моим любимым поэтом после Демьяна Бедного в то время стал Есенин; меня восхищали и его соблазнительно грешные, кабацкие, хулиганские стихи, и героические — «Повесть о великом походе», «Баллада о 26-ти». В «Повести» были слова, которые впоследствии исчезли из новых изданий: «Ленин с Троцким наша двойка, ну-ка пробуй-ка, покрой-ка... Ой, ты атамане, не вожак, а сотский, и зачем у коммунаров есть товарищ Троцкий? Он без слезной песни и лихого звона приказал коней нам наших напоить из Дона»².

<...>

Сомнения, которые в те годы возбуждал Троцкий, не умаляли его величия, даже придавали ему некую живую реальность, привлекательность. Ведь разноречивыми были оценки всех великих людей царя Петра, Наполеона и Бисмарка, которого так чтили мои

бонны и Ганс Шпанбрукер, а потом оказалось, что он был за царей, против рабочих и против Парижской Коммуны.

<...>

Мировая революция была совершенно необходима, а тут, как назло, наши вожди перессорились. Почему они не понимают, что это только вредит нам и радует врагов? Троцкий объединился с ленинградцами. Они называли себя ленинской оппозицией, они бы ли за мировую революцию, и это хорошо. Но они уверяли, что мы сами не можем построить социализм в одной стране. Может быть, это и так, но ведь обидно, мы же победили и в Октябре, и в Гражданскую войну, почему бы не попробовать, пока нет войны, а вдруг все-таки построим, и ведь нашим рабочим и крестьянам неприятно, если им говорят, что им вроде как «слабо» самим построить социализм. В этом я соглашался с Бухариным и Сталиным, которые доказывали, что мы все можем, ведь Ленин же сказал: коммунизм это советская власть плюс электрификация. Но зачем они так несправедливо ругали Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, как будто те контрики и уже никаких заслуг не имеют?

Дискуссии 1926-го года мне показались раздражающе нелепыми в своей ожесточенности. В отряде несколько ребят были за Троцкого, и я с ними разругался потому, что они говорили, будто в деревне никому нельзя верить, каждый дядько лезет в куркули и готов продать пролетариат и мировую революцию по дешевке. Возражая им, я орал уже вовсе по-газетному про смычку города с деревней и доказывал, что социализм строят для всех трудящихся, не для одних только городских рабочих, — их у нас самое малое меньшинство, и нельзя из них новых дворян делать, а Разин и Пугачев, и Калинин, и Буденный тоже крестьяне, а Троцкий был всегда против Ленина и «лезет в Наполеоны». Но в школе, на форпосте, все были за ЦК, говорили, что Троцкий — меньшевик и задается, Зиновьев и Каменев были в Октябре штрейкбрехерами и все ленинградцы — бузотеры. Тогда я тоже лез в спор, доказывал, что без Троцкого не было бы Красной армии, что Зиновьев — вождь Коминтерна, с Лениным дружил всю жизнь, ленинградцы — лучшие пролетарии и они за мировую революцию, а Бухарин и Сталин защищают кулаков и нэпачей.

<...>

В феврале 1929 года меня потрясло сообщение о высылке Троцкого за границу... Пусть он ошибался, пусть затевал внутривнутрипартий-

ные споры, даже самые ожесточенные. Но ведь все-таки в Октябре 1917 года он был главным помощником Ленина; он создавал Красную армию. И высылать его за рубеж, как белогвардейца, — это было уж слишком. Листовки и брошюры, подписанные «большевики-ленинцы (оппозиция)», доказывали, что именно Троцкий, Пятаков, Смилга, Преображенский зовут партию на правильный путь. А Сталин и Рыков потакают кулакам, нэпачам и бюрократам.

<...>

В отличие от Марка, который считал последовательными ленинцами только ленинградцев, меня привлекали героические мифы Троцкого и его приверженцев <...>

Сообщение о том, что убийцу Кирова³ направляли зиновьевцы, поразило и испугало. Но я поверил. Еще и потому, что помнил одну из листовок оппозиции в феврале 29 года, перед высылкой Троцкого. Квадратик бумаги со слепым шрифтом: «Если товарища Троцкого попытаются убить, за него отомстят... Возлагаем личную ответственность за его безопасность на всех членов Политбюро — Сталина, Ворошилова, Молотова, Кагановича, Калинина, Кирова, Куйбышева, Рудзутака...»

И еще помнил Мосю Аршавского, который в марте 1929 года представился:

— Я из Харьковского молодежного центра большевиков-ленинцев.

Долговязый, тощий, коротко остриженный, он никогда не улыбался, брезгливо презирал «хлипких интеллигентиков», «дрейфующих либералов», «бумажные души», «кабинетных вождей». Так он честил Зиновьева, Каменева, Преображенского, Радека и других лидеров оппозиции.

— Лев Давыдыч с них получше будет. Раньше имел хватку. Но он тоже трепач. Буквоед. Теоретик. Вот Сапронов и Шляпников⁴ — это пролетарские вожди без понту. Я лично «децист». Мы, конечно, входим в объединенную ленинскую оппозицию. Но только мы настоящее революционное ядро. Ты на што надеешься? На листовочки, брошюрочки? Што вы переговорите, переумничаєте аппаратчиков и они вдруг отменят решения 15-го съезда? Сталину дадут по жопе, а Льва позовут обратно в Политбюро? Маком!.. Все эти писанины, разговорчики для болота. Штоб с либералов хоть какую-нибудь поддержку иметь, штоб в армию проникнуть. Решать будет настоящая борьба: забастовки, воору-

жение рабочих. А там, если понадобится, и Кремль штурмовать будем. Революцию бумажками не делают...

Аршавского я считал диким фанатиком, возражал ему, спорил, ссылаясь на документы «ленинской оппозиции», которая должна действовать только внутри партии и комсомола, и к беспартийным рабочим обращаться только от имени партии, как ее лучшая часть. Но от споров он отмахивался.

<...>

Г. И. ГРИГОРОВ

Повороты судьбы и произвол

<Фрагменты>

<...>

Добровольческая армия приближалась к Екатеринославу, части Красной армии в этом районе беспорядочно отступали¹. Создавалось очень тяжелое положение для всего Юго-Западного фронта со всеми тылами. Изменить ситуацию можно было только быстрым введением в боевые действия любых дополнительных боеспособных вооруженных формирований. Большая часть рабочих Екатеринослава (а это несколько десятков тысяч человек) отказалась от активной поддержки частей Красной армии. В это время на военном самолете в Екатеринославе прибыл Л. Троцкий, председатель Реввоенсовета республики. На Брянском заводе был срочно организован митинг, куда направили своих представителей все заводы города и военные части, находившиеся в районе Екатеринослава. Несколько человек, среди которых оказался и я, были направлены на митинг от 7-й дивизии. В одном из цехов завода собралось около 3 тысяч человек, примерно столько же расположилось снаружи цеха. В этом цеху была небольшая сцена, предназначенная для выступлений рабочей самодеятельности.

...Вначале выступили рабочие. Они резко критиковали советскую власть, их главное обвинение сводилось примерно к следующему: советская власть не выполняет своих основных, можно сказать, программных обещаний: земля крестьянам, фабрики рабочим. Затем на сцену поднялся Л. Троцкий в полувоенном костюме защитного цвета и военной фуражке. Говорил он около двух часов, естественно, без бумажки. Хотя речь его посвящена обстановке на Юго-Западном фронте, он очень широко пользо-

вался историческими обобщениями и сравнениями. Помню, что вначале он сравнил положение, сложившееся на Юго-Западном фронте, и особенно вблизи Екатеринослава, с ситуацией перед разгромом Парижской коммуны, а затем очень ярко нарисовал картину расправы с коммунарами после падения Коммуны — рабочих Парижа бросали в негашеную известь, а дамочки кончиками своих зонтиков выкалывали глаза коммунарам.

До этого митинга я слышал об ораторском таланте Троцкого, но впечатление от его речи на Брянском заводе передать трудно. Л. Троцкий своей убежденностью, силой духа, глубиной и ясностью анализа сложившейся ситуации и возможных последствий ее развития кардинальным образом изменил настроение слушавших его рабочих. В конце речи он подробно и конкретно изложил, что необходимо делать. Тут же в цеху началась запись добровольцев в вооруженные рабочие отряды, записалось несколько тысяч человек. Эти отряды вместе с регулярными частями Красной армии на какое-то время остановили продвижение Добровольческой армии, что позволило провести перегруппировку сил, прекратить панику, организованно отвести фронтовые тылы. Юго-Западный фронт был спасен от, казалось бы, неминуемого разгрома. Я был свидетелем того, как один человек благодаря своим выдающимся организаторским способностям, ораторскому таланту и силе духа сумел коренным образом изменить почти безнадежное положение.

Та первая встреча на Брянском заводе заняла особое место в моей памяти. Вероятно, это объясняется очень напряженной прифронтовой обстановкой в то время и неожиданным поворотом событий после выступления Троцкого. Несколько позже я узнал, какая огромная и сложная работа была проделана в первую очередь именно Троцким по организации регулярной армии, и понял, что вряд ли кто-либо другой смог бы выполнить ее в тех сложнейших условиях. Я как политработник Красной армии видел, насколько разнородные группы людей постепенно вливались в Красную армию: солдаты прежней царской армии, вновь мобилизованные рабочие и крестьяне, как правило, наспех обученные военному делу, красногвардейские и махновские отряды и даже мелкие банды и бывшие петлюровцы. Надо было подчинить эту разношерстную массу людей с самыми разными личными и групповыми интересами единой дисциплине ради достижения общей цели. Троцкий сумел это сделать, широко привлекая к руководству войсками офицеров царской армии.

<...>

Вскоре я по делам поехал на несколько дней в Москву². В эти дни студенты организовали митинг в театре Зиминой на Малой Дмитровке, посвященный вопросам культуры и литературы. Было известно, что выступит Троцкий. Мне удалось попасть на этот митинг. Театр был забит до предела, а Театральная площадь и Малая Дмитровка были запружены народом, люди хотели если не послушать, то хотя бы увидеть легендарного героя русской революции. Тогда в народе еще так считали. Как видно, в ЦК партии были обеспокоены, прислали военные части во главе с Подвойским, который прибыл верхом на коне. Когда Троцкий подошел к трибуне, молодежь и студенты устроили небывалую овацию, продолжавшуюся минут 15–20. Троцкий никак не мог начать говорить. Я успел занять место в первом ряду и внимательно рассматривал его. В его черных волосах появилось много седины, щеки стали одутловатыми, глаза блестели нездоровым лихорадочным блеском, он непрерывно поправлял свое пенсне. Это уже был не тот Троцкий, которого я впервые видел и слушал в 1919 году перед отступлением из Екатеринослава. Но и на этот раз он говорил ярко, образно, увлекательно, хотя тема доклада не имела отношения к политике. Он сделал блестящий анализ основных направлений в литературе и в заключение призвал молодежь серьезно читать старых классиков, на которых воспиталось не одно поколение революционеров. После доклада снова овация, и, когда Троцкий сел в машину, народ непрерывно кричал ура.

В. В. ШУЛЬГИН

Тени, которые проходят

<Фрагмент>

<...>

Сейчас все знают, кем был Троцкий, но в будущем о нем могут забыть или совершенно исказить его фигуру.

Троцкий был ближайшим сподвижником Ленина, в качестве какового обладал большой властью. Он был крайний честолюбец. Я знал его сотоварища по херсонской гимназии, которую окончил и молодой Бронштейн. И он мне говорил:

— Троцкий жил под знаком чрезвычайного властолюбия. Мы тогда этого не понимали. Но мы понимали, что он желал быть всегда и всюду первым. Быть первым — вот Троцкий.

Поэтому хотя Троцкий был сподвижником Ленина и в случае необходимости ему подчинялся, но, конечно, и в этом положении он мечтал быть первым, то есть отодвинуть Ленина на второй план. Посланный в Брест, он отказался подписать Брестский мир и подписал его только по категорическому требованию Ленина.

Троцкий, как известно, выдвинул теорию: нельзя делать революцию только в одной стране, ее необходимо делать разом во всем мире. Почему? Потому что революция временно ослабляет всякую страну. И вот получилось бы невыгодное неравенство — ослабленная революцией Россия и сильные западные державы, избежавшие революции. Поэтому Троцкий не делал революцию в России после того, как Октябрьская революция дала в его руки часть власти. Он перешел на путь эволюции. Тогда-то, не знаю, при каких обстоятельствах, он высмотрел Якушева¹ и пригласил его к себе.

Но Якушев не признавал советскую власть и проигнорировал приглашение Троцкого. Последний возобновил приглашение,

и Якушева привели под конвоем. Троцкий встретил его с отменной любезностью и угостил сытным обедом, что было лучше всякой любезности. После обеда хозяин сказал гостю:

— Александр Александрович, мы прекрасно знаем, кто Вы такой. Вы русский националист.

Якушев согласился с этим.

— Так вот, мы от Вас ничего больше не желаем, оставайтесь тем, кем Вы являетесь по убеждению. Прежней русской власти нет, но Россия осталась. И теперь мы управляем ею. Наша точка зрения такая: все, что полезно России, выгодно нам, потому что нам нужна сильная Россия, сильная во всех направлениях. И даже на узком фронте внутренних водных сообщений. Наверное, у Вас были широкие планы на этом узком фронте. И вы их представляли царскому правительству. Но вам отвечали: это очень хорошо, но это не срочно, и у нас на это денег нет.

Якушев подтвердил, что, действительно, так бывало.

— Так вот, Александр Александрович, как мы ни бедны сейчас, а на осуществление ваших планов у нас деньги найдутся. Работайте.

Так Троцкий, о котором впоследствии Якушев говорил: «умная жидюга», поддел Якушева на крючок, играя на его любви к своей специальности.

<...>

А. И. БОЯРЧИКОВ

Воспоминания

<Фрагменты>

О Троицком я услышал, когда ехал в конке за Нарвской заставой, в Петрограде. Это было в марте 1917 года, вскоре после свержения царя Николая II.

В конке было много народу: рабочие, солдаты, женщины с сумками, а также два студента-путейца, дьякон в черной рясе и почтовый чиновник с белой повязкой на рукаве. По этим повязкам с красными буквами «Н. М.» узнавали тогда народную милицию, учрежденную Временным правительством вместо распущенной царской полиции.

В конке было шумно. Женщины жаловались на очереди за хлебом и на дороговизну, обвиняя в том бывшую императрицу-немку и ее министров-немцев. Рабочие и солдаты прислушивались к женскому разговору и не соглашались. Виновниками страданий России они считали капиталистов и помещиков, которые затеяли войну и послали умирать русских солдат, а в тылу заставили голодать их жен и детей. Стоявший рядом со мной молодой рабочий сказал:

— Войну придумали буржуи, она приносит им богатства, а рабочим — смерть и голод. Так больше жить нельзя.

Слова молодого рабочего вызвали оживление в конке. А пожилой солдат в серой шинели и папахе продолжил:

— Разве это по-христиански? Я три года в окопах вшей кормил, а что за это мне дали? Ничего. Я малоземельный крестьянин и едва свожу концы с концами. А помещик имеет много земли. Мы ему землю обрабатываем, а он только деньги огребает — так больше жить нельзя. Да. Не по-христиански.

В словах пожилого солдата слышалась вековая мечта Мужика о земле и лучшей крестьянской судьбе. Рядом с ним стоял раненый солдат, у которого левая рука висела на черной повязке. Женщины поглядывали на него и тяжело вздыхали. У солдата на груди был

серебряный крест Георгия Победоносца — высшая солдатская награда за храбрость в бою.

Раненый солдат стал рассказывать своим товарищам про вчерашний митинг в цирке Чинизелли, где с большой речью выступил Троцкий:

— Ну, братцы, и оратор же этот Троцкий. В голосе у него есть звон — как набат. Он говорил о мировом социализме... Тогда не будет ни бедных, ни богатых... Говорил еще про Временное правительство, которое является правительством капиталистов и помещиков, поэтому нам с ним не по дороге. Мы должны создать свое социалистическое правительство рабочих и крестьян. Троцкий еще сказал, что нужно отнять фабрики и землю и передать бесплатно рабочим и крестьянам в общее пользование.

Рассказ раненого солдата произвел впечатление на пассажиров. Он возымел такое действие, будто ударил гром среди ясного неба. Его окружили женщины и стали рассматривать серебряный крест и большую руку.

Кто-то спросил про Троцкого, в какой он состоит партии.

Солдат не знал, что ответить. Но его выручил старый рабочий в темных очках, сидевший неподалеку.

— Троцкий состоит в партии социалистов-интернационалистов, — сказал он. — Еще в 1905 году рабочие выбрали его председателем Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1905 году Троцкий руководил восстанием рабочих Петербурга. За это царь Николай II выслал его в Сибирь «на вечное поселение», а из Сибири он бежал за границу. Теперь он вернулся в Петроград.

В конке нарастал шум. Люди переговаривались, пересказывая слова старого рабочего. Все были взволнованны.

Рассказы о Троцком и о его последней речи всем понравились. Это было новое слово революции...

Вдруг раздался мощный голос дьякона, и все стихли:

— Православные, — сказал он. — Троцкий — человек не русский, а иудей. Он и веры не христианской, а иудейской. Опомнитесь, православные! Христианам нельзя идти за иудеем. Это нам запрещают Господь Бог и православная церковь.

В конке все молчали, опустив головы. Все пассажиры были преимущественно верующими и боялись кары Божьей за непослушание слову Божьему, изреченному пастырем. Эти люди не знали тогда, что православная церковь доживала свою последнюю «вечернюю».

В наступившей тишине сердца бились в тревоге. Однако в напряженной тишине раздался звонкий, молодой голос студента-путейца.

— Вы не правы, отче, — сказал он. — О человеке надо судить не по его национальности и вере в Бога, а по тому, что он сеет на земле — добро или зло. Иисус Христос тоже был иудей, а ему поклоняется половина человечества. Если Троцкий принес на землю добро, то за ним пойдут миллионы людей.

Люди облегченно вздохнули. Будто гроза прошла стороной. На студента смотрели с благодарностью. Он сумел погасить в душе слушателей упреки совести и разрешил сомнения, волновавшие их.

Этот разговор в конке запомнился мне на всю жизнь и глубоко запал в мою юную душу. Я с большой радостью понял тогда, что у российского трудового народа есть мужественный защитник в лице Троцкого, который пойдет на смерть за народное счастье.

Рядом с Троцким в штабе РККА

По роду моей военной службы в Штабе РККА и Реввоенсовете Республики мне часто приходилось работать двадцать четыре часа в сутки. Однажды в полночь мне позвонил секретарь Троцкого Глазман и сказал:

— Вас вызывает к себе председатель Реввоенсовета Республики.

Нас, шифровальщиков, часто вызывали к себе Троцкий, Склянский, Каменев, С. С. Лебедев.

Я догадался, что меня ждет ночная работа.

Дорога в Реввоенсовет Республики вела из Штаба РККА по прямому длинному коридору бывшего Александровского военного училища, где через короткие промежутки стояли ночные часовые, охранявшие мозг и сердце Красной армии.

В секретариате РВС Республики меня встретил Глазман, сообщивший, что Троцкий пишет Тухачевскому очень важный приказ.

Я тихо отворил дверь и вошел в кабинет.

Троцкий сидел за столом, ярко освещенным зеленым абажуром, и писал. Я заставал его в таком рабочем положении очень часто и всякий раз при этом испытывал необъяснимое волнение. Было в нем что-то удивительное, не похожее на других людей. Что-то неповторимое и чудное от природы: в нем было все ярко. Взор глаз приковывал — от него нельзя было оторваться. Иссиня-черный цвет волос. Чарующий, с металлической дикцией голос, звуча-

ший как музыка... Когда он произносил речи, звуки призывали людей на великие свершения, проникали в душу слушателей и завораживали так, будто таинственными путями говорили: «Дерзайте. Боритесь. Побеждайте».

И люди боролись, дерзали, побеждали, шли в бой, не щадя своих жизней за дело революции, за дело пролетариата.

Троцкий был великим оратором мира.

Приказ на имя Тухачевского я получил из его рук. Вручая его мне, Троцкий озабоченно спросил: сколько времени пройдет, пока приказ дойдет до Тухачевского? Он командовал Западным военным округом. Я ответил, что два часа. Мой ответ удовлетворил его. Он сказал: «Спасибо, можете идти».

<...>

<...>...вошел Троцкий. Он поздоровался с нами и пригласил в кабинет.

Мы сидели в мягких кожаных креслах и ждали. Только один из нас, Вася А., отказался сидеть в присутствии Троцкого. Наши уговоры не убедили его, и даже просьба самого Троцкого не подействовала на юношу. Как солдат на карауле, стоял он возле него два с половиной часа.

Беседа началась с задач оппозиции. Вот приблизительный смысл беседы (по памяти).

Мы должны идти в рабочий класс, в рабочую часть партии.

В международном плане наши задачи заключаются в собирании революционных сил в буржуазных странах. Мы должны оказать помощь международному пролетариату в деле подготовки в этих странах вооруженных восстаний. Мы не имеем права упускать революционные ситуации. Наша конечная цель — это мировая социалистическая революция.

В плане работы внутри страны мы должны начинать индустриализацию в необходимых темпах и не за счет увеличения эксплуатации рабочего класса, а за счет увеличения налогов с зажиточных и буржуазных слоев города и деревни... Нас хотят оторвать от рабочего класса, но это им удастся только с кровью. Нас будут арестовывать и даже расстреливать... Эту акцию Сталина надо осмыслить... Слабые от нас отойдут. До конца с нами останутся только сильные...

В словах Троцкого слышалась тревога.

В стране нарастала реакция. Она надвигалась со скоростью грозовой тучи. Все звенья партийного и государственного аппарата

захватили сталинские чиновники. Они не хотели дальнейшего развития революции и ее выхода на международную арену.

Во всех странах мира в это время была самая подходящая ситуация, то есть революционная ситуация, необходимая для свержения прогнивших капиталистических правительств. Да сталинцы не понимали, что мировая революция сама не придет, ее нужно организовывать. Даже в колониальных и зависимых странах — Индии, Китае и других — назревали восстания угнетенных народов. С мировой революцией медлить нельзя. Ее нужно делать теперь, пока живы старые испытанные поколения коммунистов, участников Октябрьской революции и Гражданской войны. Это необходимо не только для победы революции, но и для передачи новым поколениям большевистской ленинской преемственности.

У нашего поколения достаточно революционного опыта, и его хватит на весь мир. Всякая попытка задержать ход мировой революции есть содействие империализму в деле разгрома Советской России, а также всего революционного движения в буржуазных странах.

Поклонники национального социализма «устали» от революции, они хотят отдохнуть. Но так могут поступать только ренегаты, а не пролетарские революционеры, забывшие слова Ленина о том, что наша эпоха есть «эпоха войн и революций». А жизнь об этом напоминает и подтверждает ежедневно, ежечасно фактами.

Кто-то из нас спросил Троцкого:

— Если Сталин нас будет расстреливать, он истребит все революционные кадры. Разве можно ему это позволить? Разве мы не должны принять предупредительные меры?

Это был самый больной вопрос оппозиции. Его задавали Троцкому тысячи наших товарищей.

Речь шла о судьбе не только русской революционной интеллигенции, которую Сталин может физически уничтожить, но и всего русского народа и Октябрьской революции.

От правильного решения этого вопроса зависела и судьба нашей оппозиции, состоявшей из большевиков-ленинцев.

Троцкий обсуждал этот вопрос в кругу своих близких единомышленников. Анализировались причины гибели и перерождения многих революций за многовековой период мировой истории.

На наш вопрос мы получили такой ответ от Троцкого:

— Предупредить акцию Сталина можно только силой. — Троцкий сделал рукой жест вверх. — Но сила — не наш путь. Прошу

это крепко запомнить. История не простит нам непартийного решения внутрипартийного вопроса... Для того чтобы акцию Сталина предупредить силой, мы должны взяться за оружие и начать Гражданскую войну... Если мы прольем хоть одну каплю крови наших заблуждающихся товарищей по партии, то на наши головы падет проклятие живущих и грядущих поколений.

Когда Троцкий это нам говорил, я вспомнил накаленную обстановку в стране в 1918 году: меньшевики и эсеры тогда яростно нападали на Троцкого, выступая против его назначения на пост народного комиссара по военным делам Советской России и изрекая всяческие пророчества, наподобие таких: «Он будет Бонапартом», «Он будет диктатором».

Они ошиблись в своем пророчестве. Троцкий по своей натуре не мог быть Бонапартом. Он был яростным противником авантюры в политике и всегда отталкивал от себя все нечистое, что могло бы запятнать его честь. Он был всегда против тирании и узурпаторства. Он никогда не использовал свою власть в сомнительных политических целях.

<...>

<...> Нравственная чистота его всегда была на высоком уровне. Недаром он много раз говорил своим ученикам: «Лучше быть мучеником, чем палачом, лучше принять смерть, чем позор». Да, Троцкий заглядывал в историческое зеркало и всегда опасался увидеть себя в нем тираном. Эту мысль он повторял в нашей беседе с ним в разных вариантах. Он не хотел рубить внутрипартийный узел мечом, который ему предлагали его военные единомышленники. Он отклонил этот меч потому, что боялся Суда Истории.

Когда мы уходили, Троцкий поочередно протягивал нам на прощание руку. И вот очередь дошла и до нашего товарища Васи А.

Он крепко стиснул руку Троцкого и громко воскликнул:

— Да здравствует вождь мировой революции товарищ Троцкий!

Лев Давидович посмотрел на него с укором и сурово сказал, что «это нехорошо» и что «так больше никогда не надо...».

Ему неприятно было это фанатическое восхваление его личности.

Мы расходились по домам молча. Каждый про себя обдумывал слова Троцкого, памятуя дозволенные и недозволенные средства в политической борьбе внутри партии.

И. Л. АБРАМОВИЧ

Воспоминания и взгляды

<Фрагменты>

<...>

Рассказывал нам Ивар Тенисович и об отношениях между Лениным и Троцким¹. Он говорил, что Владимир Ильич относился к Троцкому с большим уважением, считал его выдающимся стратегом, а в последнее время, когда они особенно сблизились, прочил его в свои заместители. Он нередко принимал перспективные наброски Троцкого при решении вопросов в Политбюро и нередко подчеркивал, что Л. Д. далеко видит прекрасно, но иногда ему не хватает умения увязать далекую перспективу с сегодняшними задачами. Сам В. И. Ленин, по словам Смилги, обладал обоими этими качествами. Зиновьев же, наоборот, в совершенстве обладал даром сегодняшнего, «сиюминутного», но был лишен способности заглядывать вперед. Когда возникла объединенная оппозиция, в оппозиционном центре (это тоже со слов И. Т. Смилги) сложилось даже своеобразное разделение труда: Л. Д. Троцкий делал анализ международного и внутреннего положения СССР и намечал перспективы оппозиции, а Зиновьев увязывал эти перспективы с сегодняшними задачами оппозиции.

У Л. Д. Троцкого был еще один недостаток, о котором с огорчением говорил Смилга. Если В. И. Ленин умел слушать и выслушивать самых разных людей, то Троцкий этого совершенно не умел. Поэтому ему не всегда удавалось прощупывать биение пульса политической жизни. Единомышленники Льва Давидовича не раз старались восполнить этот недостаток. Например, шла речь о непопулярности некоторых лозунгов оппозиции. Соратники Троцкого говорили ему об этом, пытались свести его с некоторыми

передовыми рабочими, которые хотели ему рассказать, что думают рабочие об этих лозунгах. Но из этого, как правило, ничего не выходило. Троцкий принимал их у себя хорошо, по-дружески, но — до конца не дослушивал и начинал говорить сам.

<...>

Крайней остроты борьба достигла 7 ноября 1927 года. Во время демонстрации ряд ведущих оппозиционеров выступали с балконов домов, устраивали летучие митинги на улицах. Из окна квартиры И. Т. Смилги было выброшено красное знамя с лозунгом, направленным против ЦК партии. Работники ГПУ выломали двери, ворвались в квартиру, сорвали знамя и унесли его. Г. Е. Зиновьев в Ленинграде и Л. Д. Троцкий в Москве выступали на улицах, разъясняя свою Платформу. В одном месте работники ГПУ окружили Троцкого и стали оттеснять его от машины, но Н. И. Муралов, человек большой физической силы, оттолкнул их и на руках внес Троцкого в машину.

<...>

Вспоминается обмен репликами между К. Б. Радеком и Л. Д. Троцким 7 ноября 1927 года на квартире у И. Т. Смилги. После демонстрации, устроенной оппозиционерами, сюда пришли Л. Д. Троцкий, Х. Г. Раковский, К. Б. Радек и мы, молодежь. Решили отметить праздник. Ждали только ухода Троцкого, чтобы начать застолье (Троцкий сам не пил и другим не давал). А Троцкий все не уходит. Тогда Радек взял на себя инициативу.

— Лев Давидович, сказал он, кивая на стол. — Говорят, Сталин обязывает своих единомышленников участвовать в коллективных выпивках с ним...

Троцкий понял намек.

— В таком случае, — сказал он, улыбаясь, — боюсь, что у меня не останется ни одного единомышленника...

И тут же собрался уходить. <...>

II

ПРОПАГАНДА

<БЕЗ ПОДПИСИ>

<Из газеты «Рабочий путь»>

Вчера освобожден из-под ареста под залог в 3 тыс. руб. тов. Л. Троцкий.

Длинный путь гонений был пройден тов. Троцким за год войны. Война, как и всех вождей рабочего класса, застала его в изгнании, за рубежом.

Кампанию гонений на тов. Троцкого открыло австрийское империалистическое правительство запрещением и конфискацией его брошюр о войне и интернационале.

Империалисты Франции высылают его затем из пределов этой республиканской страны за интернационалистическую агитацию.

Правительство швейцарской буржуазии соглашается впустить его в свою страну, но по настоянию русского царского правительства отказывает в гостеприимстве. Тогда т. Троцкий едет в Испанию, но там власти по доносу русско-французских шпииков арестовывают его как «опасного русского анархиста-террориста, подготовлявшего покушение на испанского короля». Просидев несколько дней в испанском каземате, т. Троцкий был выслан в С. Америку, где он пробыл до начала русской революции.

Возвращаясь в освобожденную революцией Россию, т. Троцкий в Англии был арестован английскими властями вновь и интернирован ими в лагерь для военнопленных. В русском революционере английская буржуазия не могла не видеть врага, и она взяла его в «плен», подвергая возмутительному лишению свободы.

Когда т. Троцкий вернулся в Россию, то он русской буржуазией был встречен не менее враждебно встречи австрийской, французской, швейцарской, испанской или английской. В этом

деле, в деле борьбы с вождем рабочего класса, как нельзя лучше сказалась солидарность буржуазии всех стран, в преследовании интернационалиста стерлись все отделяющие их грани. И когда т. Троцкий по настоянию русских империалистов был арестован и брошен в тюрьму, то иностранная буржуазная печать встретила это известие бурным проявлением радости.

Почти два месяца находился в этом «русском плену» т. Троцкий. И вот теперь после возмутительных издевательств нашей прокуратуры, после акробатических упражнений г. Каринского, Зарудного¹ и др. он выходит на волю, выходит в тот момент, когда нарастает новая революционная волна, когда пролетариату так нужны работники, его испытанные вожди.

Наш горячий привет освобожденному борцу, наш привет выходящему на волю из «республиканской» тюрьмы товарищу.

С. А. АУСЛЕНДЕР

**Печальные воспоминания
(о большевиках)**

<Фрагменты>

Ленин и Троцкий¹

I

Сиамские близнецы

На днях в газетах промелькнула телеграмма, что Троцкий арестовал Ленина. Сейчас по жуткой иронии судьбы для нас Москва и Петроград — страны более недостижимые, чем острова Таити, получить достоверные известия оттуда труднее, чем из Австралии. Но если этого еще и не случилось, то это неизбежно должно случиться, они должны в конце страшной своей эпопеи пожрать друг друга, эти два каторжника, прикованные к одной тачке, так неразрывно связанные друг с другом и такие различные, ненавидящие друг друга.

Трагедия взаимоотношений Ленина и Троцкого представляется мне схожей с трагедией сиамских близнецов — они не могут существовать один без другого, один, погибая, потянет к смерти другого, и эта проклятая связанность должна еще больше усиливать раздражительное чувство зависимости.

Если подтвердится эта телеграмма из Пекина о событиях в Москве (о, злая), если один из близнецов уже занес нож на своего ненавистного брата, значит, что конец уже близок, уже, значит, поднялся занавес перед пятым актом кровавой, неслыханно потрясающей мелодрамы; еще несколько монологов, несколько новых трупов, и злодеи, как полагается во всякой доброй мелодраме, получают должное возмездие за все бесчисленные преступления, от которых в течение пяти актов кровь холодела в жилах зрителей.

Конечно, сейчас не время еще давать исчерпывающие характеристики героев, чья недвусмысленная слава заставила повторять их имена весь мир, да и слишком много темного, невыясненного во всех этих историях, достойных Рокамболя², в которых так много

крови, больших и малых преступлений, сложных предательств и много такого, что не снилось даже автору Пинкертон.

Когда-нибудь все это будет благодарнейшей темой для кропотливых историков и романтических поэтов, напишутся много тяжелых томов исследований и сколько романов, драм, быть может, — фарсов.

Когда я был в Москве, какое-то болезненное любопытство преследовало меня. Мне хотелось разгадать, пояснее узнать все то жуткое и мерзкое, что происходило, я должен был увидеть их живыми, слышать их голоса, по глазам постараться понять то, что почти нельзя понять.

Я не пытаюсь дать законченных портретов, только легкие, как бы карандашные эскизы успел я сделать в те незабываемые, жуткие минуты, когда мне удалось после долгих усилий увидеть их — Ленина и Троцкого.

<...>

Троцкий

В окне конторы «Известий» на Тверской (бывшая «Русского слова») рядом с портретами Маркса и Ленина красуется огромный, отлично сделанный портрет жгучего брюнета с узкой бородкой а ла чёрт, поэтически разметанными кудрями, изогнутыми бровями, горбатым носом и наглыми, презрительными губами.

Какая-то старуха в теплом, рваном платке долго слезящими-ся глазами разглядывала сатанинский облик, перекрестилась и заплелась: «Тьфу, тьфу, окаянный, последние антихристовы времена пришли, вместо икон какую-то нечисть показывают...»

Она и не знала, наверное, кто этот неведомый наглец, но что-то она знает, что-то понимает, чего нам, ученым, мудрым, не понять...

В душные июньские сумерки висел я на ступеньке трамвая, ехал на митинг в Сокольники³. В трамвае толкались озлобленно, каждый каждого готов был спихнуть с площадки, ругались, охали, скулили, газетчик кричал пронзительно: «Шестнадцать смертных приговоров трибунала». От пота, от духоты кружилась голова и потом слабость, голодная вечная слабость медленного умирания. Уже не хотелось думать, возмущаться — всем все равно.

В низкой, накуренной зале душно, нестерпимо душно, тускло горят лампы, бряцают хвастливо оружием, щелкают затворами

выпившие наглые и настороженные парни во френчах, сквернословят, хохочут, кричат: «Правильно». А у публики лица серые, потные, изнеможенные, озлобленные.

Выступают местные комиссары, в чем-то убеждают, к чему-то призывают, а в толпе глухо и мрачно бродит волнение. Прерывают нетерпеливо ораторов: «Хлеба дайте. Дети с голода умирают. Довольно вас слушали».

Красноармейцы оглядывают протестантов угрожающе и выставляюще, судорожно сжимают револьверы.

В открытые окна не льется прохлада, тяжелые низкие тучи нависли, далекие зарницы прорезают черное небо.

Все напряжено, все доведено до последней черты. Кажется — вот-вот прорвутся голодный гнев, безжалостная ярость на злых обманщиков, давших только голод, смерть, насилие. Кажется, что не сдержать уже больше всем этим комиссарам, которые сами бледнеют от страха перед этой смятенной, изнемогающей толпой, не сдержать им больше всех этих почерневших от истощения, доведенных до последнего отчаяния обманутых, которые жестоко отомстят за обман, за месяцы омрачения. Красноармейцы оглядываются менее нагло и более трусливо сжимают свои винтовки.

И вот в этой накаленной до последнего градуса атмосфере появляется он — Лев Троцкий-Бронштейн. Появляется как-то по-театральному неожиданно, будто из люка выскочил.

«То-ва-ри-щи!» — голос пронзительный, почти оглушает, ошеломляет, заставляет невольно прислушиваться и замолчать. Будто огненная лава, несутся слова, голос гремит, иногда срывается, от движений испуганных со звоном падает стакан, он стучит кулаками по столу, он фозит всем непослушным.

Красноармейцы приосанились, он обещает им так много веселой, кровавой работы.

Лицо наглое, презрительное, перекошенное какой-то судорогой.

Он говорит только об одном — крови, крови и крови. Он хвастается бесстыдно своими палаческими подвигами. Он издевается над трупами замученных. Сладострастье опьяняет его, и это опьянение передается толпе. Ведь все так просто — еще убить, еще пограбить, и все будет наше.

«Если нужно триста миллионов голов, мы, не задумываясь, срежем эти миллионы...»

Он омерзителен, он нестерпимо гадок — этот сатана в безвкусно-приказчиьем красном галстуке, он не может вызывать иного чувства даже у этих ослепленных, разгоряченных голодом и жадностью к грабежам, насилиям, убийствам своих рабов, но они пойдут за ним, так как он умеет разбудить в них все самое черное, самое гнусное.

Если о Ленине еще возможны различные мнения, то о Троцком даже самые заядлые коммунисты не говорят иначе, как с каким-то стыдом и презрением.

Его личность не вызывает никаких сомнений. Это негодяй чистой воды, никогда особенно даже не старавшийся принимать благородные позы. Его заграничные приключения — это сплошная цепь уголовных больших и малых гнусностей. Товарищеским судом он был судим за кражу часов, он обвинялся в растлении, политические интриги его были самого низкого, грязного сорта, с германскими шпионами он был достаточно близок еще до войны⁴.

Но он умел нагло поднимать голову и цинично смеяться над тупыми буржуазными моралистами.

Он — сверхчеловек, сверхаферист, сверхпреступник.

Нестерпимое кощунство — что к своим делам он примешивает слова о благе народном и любви к людям, хотя бы в специфическом большевистском значении этих святых слов.

Впрочем, эти официальные слова он говорит резко, пафос его речей — это пафос ненависти и крови. Мелкомстительный и трусливо беспощадный профессиональный палач (не убийца, а только палач беззащитных), он умеет угрожать и манить на преступления. Его боятся и за ним идут те, для кого соблазнительны черные цветы зла.

Но, кроме этого страшного, есть в Троцком-Бронштейне нечто непередаваемо смехотворное. Дурного тона эlegantность, утрированная гримировка под демоническую личность и пожирателя женских сердец, наглая развязность выскочки, самоуверенная самовлюбленность — все это делает его схожим с коммивояжером, разыгрывающим из себя светского льва, или с кем-нибудь еще похуже — «интересным мужчиной» с темным прошлым, настоящим и, конечно, будущим.

Тогда как у других его коллег по кабинету я все же замечал известное чувство меры и приличия, — Троцкому эти деликатные

ощущения незнакомы. Он разваливается в кресле (в прямом и переносном смысле), готов положить ноги на стол, во всех жестах, в выражении лица чувствуешь только одно — невыносимую, карикатурную пошлость зазнавшегося наглеца.

Все эти парады и смотры Троцкого, вся эта пышность его появлений, окруженного блестящей свитой красных генералов и офицеров, — все это такой грубый, безвкусный балаган, балаган, над которым, к сожалению, нельзя смеяться, так как он слишком отвратителен.

Лев Троцкий-Бронштейн может гордиться — он, международный аферист, покорил под ноги всю Россию, он приказывает расстреливать старых боевых генералов, проливавших кровь за славу Великой России, он живет в Кремлевском дворце и командует русской армией.

Кому пришлось ею видеть хоть мельком, тот, верно, никогда не забудет и долго не сможет отделаться от удушающего ощущения тошноты, как бывает, когда случайно прикоснешься к жабе или другому непереносимо мерзкому животному.

IV

Они уничтожат друг друга

Ленин и Троцкий — альфа и омега советской власти.

Не будь их, неизвестно еще, мог ли бы большевизм принять такие организованные формы. Все, что окружает их, — это мелкота, покорно идущая за своими вождями.

Правительство Керенского избавило, быть может, от многого бы Россию, если бы по своей мягкотелости и безвольному прекраснодушию не позволило этим героям продолжать на свободе их страшную работу.

Но, впрочем, стоит ли вспоминать прошлое? Ленин и Троцкий дополняют один другого.

Ленин — это мозг большевизма, изворотливый, хитрый, твердый мозг, который найдет точные логические формулы для всего самого отвратительного, который сумеет оправдать самое непростительное и безумное.

Троцкий — исполнитель, не задумывающийся ни перед чем, прекрасно понимающий всю притягательную силу убийств, насилий, грабежей, умеющий разжигать все самое темное

и святотатственно-сладострастное, сам опьяняемый своим мастерством палач.

Но в одной берлоге трудно ужиться двум медведям.

Еще в заграничных аферах их столкновения бывали довольно резки.

В международном социалистическом скандале, описанном в капитальной строго исторической (изданной в Москве и не конфискованной) книге «Большевики по документам охранки» (изд [ательство] «Задруга»), в этом скандальном процессе Троцкий выступил с обвинением Ленина в присвоении партийных денег.

Социалисты всех стран были приглашены на товарищеский суд, и после долгого разбирательства суд признал обвинения Троцкого правильными и постановил, чтобы деньги Лениным были возвращены Центральному комитету (Ленин наплевал на всех столпов социализма и денег не отдал).

По тактическим соображениям они заключили перемирие — они слишком были необходимы один другому.

Но внутри, за старыми стенами Кремля, не раз происходили заседания весьма бурные.

Им трудно было поделить власть, да и, по существу, они слишком различны⁵.

Ленин все-таки, пусть безумный маньяк, готовый на преступления для достижения своих целей (ведь он верит твердо, что истину-то, формулу, математически неопровержимую, он знает), все-таки это человек мысли и идеи.

Троцкий — откровенный и наглый предводитель разбойнических банд, преступник по профессии, по призванию, по страсти.

У Ленина есть все-таки доля благоразумия, рассудительности, он, не задумываясь, разрежет кролика, необходимого для опыта, но он не будет с садистским упоением убивать бесцельно, мучить бесполезно. Если он окончательно убедится, что опыт не удался, он, быть может, найдет в себе капельку честности, чтобы громко заявить об этом.

Троцкий же добровольно не откажется от своего права на безнаказанные преступления.

Уже в июле Ленин заговаривал об отступлении в подполье, чувствуя, что кровавый кошмар сметает все его логические выкладки.

Тогда Троцкий решительно, в угрожающем тоне запротестовал против этого — он еще имел возможность повластвовать, попользоваться, попировать на красных кровавых пирах.

Мы не знаем, что делается сейчас там, в Москве, в Петрограде, воображение отказывается нарисовать эти фантастические, страшные картины. Несомненно, что голод, кровавая оргия — все это усиливается до пределов, которые уже нельзя себе даже представить. Пьяное безумие разливается все шире, и уже палачам трудно отличить своих от врагов.

Настал или скоро настанет час, когда они начнут уничтожать друг друга, озверелые, обезумевшие, опьяненные. В сущности, все равно, кто арестует кого — Ленин Троцкого или Троцкий Ленина (а, думаю, последнее вернее).

Страшная мелодрама их должна кончиться таким финалом, которого не придумать ни одному самому изощренному в ужасах, самому гениальному драматургу.

А. И. КУПРИН

Троцкий: характеристика

Помню, пришлось мне в прошлом году, в середине июня, заночевать у одного знакомого на Аптекарском острове. Была полоса белых петербургских ночей, в которые, кажется, никому не спится. В бессонном томлении бродил я по большому кабинету, где мне было постлано, перебирал заглавия книг на полках, разглядывал фотографии на стенах.

Большой поясной портрет Троцкого привлек мое внимание. Около него была укреплена на стенном подвижном кронштейне электрическая лампочка с боковым рефлектором. Я зажег ее и стал долго и пристально всматриваться в это лицо, в котором так странно и противоречиво совмещены крайняя расовая типичность с необыкновенно резко выраженной индивидуальностью.

Я и раньше много раз видал мимоходом этот портрет в окнах эстампных магазинов, и каждый раз он оставлял во мне на некоторое время летучее, смутное, почти бессознательное чувство раздражения и неловкости, какое бывает у каждого, кто на людной улице увидел на мгновение, машинально, что-нибудь отталкивающее и тотчас же позабыл о нем, но через несколько секунд нашел внутри себя беспричинный осадок недовольства и спрашивает свою память: «Что это со мною только что случилось? Откуда во мне эта беспокойная тревога? Ах, да! Портрет!»

Но в ту ночь у меня было много времени. Я глядел неотрывно в это лицо, стараясь вникнуть, как бы войти в него и представить себе: *что* может думать и ощущать этот человек? Широкий, нависший лоб с выдвинутым вперед верхом и над ним путаное,

высоко вздыбленное руно, глаза из-под стекол злобно скошены; брови сатанически вздернуты кверху, и между ними из глубокой впадины решительной прямой и высокой чертой выступает нос, который на самом конце загибается резким крючком, как клювы птиц-стервятников; ноздри расширены, круто вырезаны и открыты; энергичные губы так плотно сжаты, что под ними угадываешь стиснутые челюсти и напряженные скулы; широкий, сильный, но не длинный подбородок; острая тонкая борода дополняет мифистофельский характер лица. Но самое главное — это какое-то трудноописуемое выражение в рисунке верхней губы и в складках, идущих от носа вниз к углам губ. Невольно кажется, что этот человек только что нанюхался какой-нибудь страшной гадости, вроде асафетиды, и никак не может отвязаться от отвратительного запаха. Это выражение гневной брезгливости я видал, как привычное, у закоренелых кокаинистов и у тех сумасшедших, которые, страдая манией преследования, постоянно нюхают всякую еду, и питье, и все предметы домашнего обихода, подозревая в них скрытую отраву.

И я настолько долго вникал в этот портрет, что меня, наконец, охватил темный, первобытный, стихийный ужас. Видали ли вы когда-нибудь под микроскопом голову муравья, паука, клеща, блохи или москита, с их чудовищными жевательными, кровососными, колющими, пилящими и режущими, аппаратами? Почувствовали ли вы сверхъестественную, уродливую злобность, угадываемую в том хаосе, который можно назвать их «лицами»? А если вы это видели и почувствовали, то не приходила ли вам в голову дикая мысль: «А что если бы это ужасное и так чрезмерно вооруженное для кровопролития существо было ростом с человека и обладало в полной мере человеческим разумом и волею?» Если была у вас такая мысль, то вы поймете мой тогдашний ночной страх — тоскливый и жуткий.

Я безошибочно понял, что весь этот человек состоит исключительно из неутолимой злобы и что он всегда горит ничем не угасимой жадной кровью. Может быть, в нем есть и кое-какие другие душевные качества: властолюбие, гордость, сладострастие и еще что-нибудь — но все они захлестнуты, подавлены, потоплены клокочущей лавой органической, бешеной злобы.

«Таким человек не может родиться, — подумал я тогда. — Это какая-то тяжкая, глубокая, исключительная и неизлечимая

болезнь. Фотография, вообще, мало говорит. Но несомненно, что у живого Троцкого должна быть кожа на лице сухая, с темно-желтоватым оттенком, а белки глаз обволочены желтой желчной слизью».

Впоследствии, из показаний людей, видевших Троцкого часто и близко, я убедился в верности моих предположений. Я не ошибся также, угадав, что ему непременно должна быть свойственна нервная привычка — теревить и ковырять нос в те минуты, когда он теряет контроль над своей внешностью. Я узнал также и то, о чем раньше не догадывался: в детстве Троцкий был подвержен, хотя и в слабой степени, эпилептическим припадкам¹.

Среди всех народов, во все времена, существовало убеждение, что иногда отдельные люди, — правда, очень редкие, — заболели странной, гадкой и ужасной болезнью: подкожными паразитами, которые будто бы размножаясь в теле больного и прорывая себе внутренние ходы между его мясом и внешними покровами, причиняют ему вечный нестерпимый зуд, доводящий его до иступления, до бешенства. Молва всегда охотно приписывала эту омерзительную болезнь самым жестоким, самым прославленным за свою свирепость тиранам. Так, по преданию, ею страдали Дионисий Сиракузский, Нерон, Диоклетиан, Аттила, Филипп II, у нас — Иоанн Грозный, Шешковский, Аракчеев и Муравьев-Виленский. У Некрасова в одном из его последних полуфельетонных стихотворений мне помнится одна строчка, относящаяся к памяти близких ему по времени устрашителей:

Их заели подкожные вши².

Современная медицина знает эту болезнь по симптомам, но сомневается в ее причине. Она полагает, что иногда, изредка, бывают случаи такого крайнего раздражения нервных путей и их тончайших разветвлений, которое вызывает у больного во всем его теле непрерывное ощущение пламенного зуда, лишаящее его сна и аппетита и доводящее его до злобного человеконенавистничества. Что же касается до бессмертных деспотов, то тут интересен один вопрос: что за чем следовало — эта ли жгучая, мучительная болезнь влекла за собою безумие, кровопролитие, грандиозные поджоги и яростное надругательство над человечеством, или, наоборот, все безграничные возможности человеческой власти, использованные жадно и нетерпеливо, доводили организм вен-

чанных и случайных владык до крайнего возбуждения и расстройств, до кровавой скуки, до неистовствующей импотенции, до кошмарной изобретательности в упоении своим господством?

Если не этой самой болезнью, то какой-то родственной ее формой, несомненно, одержим Троцкий. Его лицо, его деятельность, его речи — утверждают это предположение.

Слепой случай вышвырнул его на самый верх того мутно-грязного, кровавого девятого вала, который перекачивается сейчас через Россию, дробя в щепы ее громоздкое строение. Не будь этого — Троцкий прошел бы свое земное поприще незаметной, но, конечно, очень неприятной для окружающих тенью: был бы он придиричивым и грубым фармацевтом в захолустной аптеке, вечной причиной раздоров, всегда воспаленной язвой в политической партии, прескверным семьянином, учитывающим в копейках жену.

Говоря откровенно, до нынешних дней ему ничего не удалось.

В революции 1905–1906 годов он принимал самое незначительное участие³. Рабочие тогда еще чуждались интеллигентов и их непонятных слов. Гапон⁴ был на несколько минут любимцем и настоящим вождем. К осторожным, умным и добрым советам Горького прислушивались благодаря его громадной популярности. Кое-какое значение имел Рутенберг⁵. Остальных молодых людей в очках стаскивали за фалды с эстрад и выпроваживали на улицу.

В заграничной, тогда еще подпольной работе Троцкий также не выдвигался вперед. Он отличался неустойчивостью мнений и всегда вилял между партиями и направлениями. В полемических статьях того времени Ленин откровенно называет его лакеем и человеком небрежливим в средствах. Служил ли он тайно в охранке? Этот слух прошел сравнительно недавно. Я не то что не верю ему (бесспорно, могло быть и так), но просто не придаю этому никакого значения. Ложь, предательство, убийство, клевета — все это слишком мелкие, третьестепенные черты в общем, главном характере этого замечательного человека. Просто: подступил ему к горлу очередной комок желчи и крови, но не было под рукой возможности изbleвать его устно, печатно или действительно — вот Троцкий и пошел для облегчения души к Рачковскому⁶. Да ведь этому обвинению — будь оно даже справедливо — никто из его товарищей не придаст никакого значения. Мало ли что человек революционной идеи может и обязан сделать ради партийных целей? И время ли теперь копать в дрязгах допотопного прошлого?

Но Судьбе было угодно на несколько секунд выпустить из своих рук те сложные нити, которые управляли мыслями и делами человечества, — и вот — уродливое ничтожество Троцкий наступил ногой на голову расprostертой великой страны.

Случилось так, что большевистская революция нашла себе в лице Троцкого самого яркого выразителя. В то же время она явилась для разрушительных способностей Троцкого той питательной средой, тем бульоном из травы агар-агар, в которой бактериологи помещают зловредные микробы, чтобы получить из них самую обильную разводку. Таким образом, фигурка, едва видимая невооруженным глазом, приняла исполинские, устрашающие размеры.

Влияние Троцкого на советские массы не только громадно, но и чрезвычайно легко объяснимо. Вся страна находится теперь в руках людей, из которых малая часть искренно смешала власть с произволом, твердость с жестокостью, революционный долг с истязательством и расстрелами, между тем как темная толпа нашла неограниченный простор для удовлетворения своих звериных необузданных инстинктов. В их глазах Троцкий — не только наглядное оправдание, высокий пример, точка опоры — о, гораздо больше! — он герой и властелин их воображения, полубог, мрачный и кровавый идол, требующий жертв и поклонения.

Его появление на трибуне встречается восторженным ревом. Каждая эффектная фраза вызывает ураган, сотрясающий окна. По окончании митингов его выносят на руках. Женщины — всегдашние рабыни людей эстрады — окружают его истерической влюбленностью, тем самым сумасбродным обожанием, которое заставляет половых психопатов Парижа в дни, предшествующие громким казням, заваливать письменными любовными признаниями как знаменитого преступника, так и *monsieur* Дейблера, носящего громкий титул — *Maitre de Paris*⁷.

Я не шутя говорю, что не было бы ничего удивительного в том, если бы в один прекрасный день Троцкий провозгласил себя неограниченным диктатором, а может быть, и монархом великой страны всяких возможностей. Еще менее удивил бы меня временный успех этой затеи.

Рассказывают, что однажды к Троцкому явилась еврейская делегация, состоявшая из самых древних, почтенных и мудрых старцев. Они красноречиво, как умеют только очень умные евреи,

убеждали его свернуть с пути крови и насилия, доказывая цифрами и словами, что избранный народ более всего страдает от политики террора. Троцкий нетерпеливо выслушал их, но ответ его был столь же короток, как и сух:

— Вы обратились не по адресу. Частный еврейский вопрос совершенно меня не интересует. Я не еврей, а интернационалист⁸.

И однако он сам глубоко ошибся, отрекшись от еврейства. Он более еврей, чем глубокоочтимый и прославленный цадик из Шполы⁹. Скажу резче: в силу таинственного закона атавизма характер его включает в себе настоящие библейские черты. Если верить в переселение душ, то можно поверить в то, что его душа носила телесную оболочку несколько тысячелетий тому назад, в страшные времена Сennaхерима, Навуходоносора или Сурбанапала¹⁰.

Обратите внимание на его приказы и речи. «Испепелить...», «Разрушить до основания и разбросать камни...», «Предать смерти до третьего поколения...», «Залить кровью и свинцом...», «Обескровить...», «Додушить...».

В молниеносных кровавых расправах он являет лик истинного восточного деспота. Когда под Москвой к нему явились выборные от его специального отряда матросов-телохранителей с каким-то заносчивым требованием, он собственноручно застрелил троих и тотчас же велел расстрелять всю сотню¹¹.

Отрывком из клинообразных надписей представляется мне приказание Троцкого о поимке одного его врага, притом врага более личного, чем политического: «Взять живым или мертвым, а для доказательства представить мне его голову. Исполнителю — сто пятьдесят тысяч рублей»¹².

Наконец, пламенная его энергия и железная настойчивость суть чисто еврейская народная черта. Нам, русским, пришлось недавно поневоле испытать все прелести паспортной системы, черты оседлости и права жительства. Еврей знал их еще в те времена, когда наши предки ходили на четвереньках. Выносливость, жизнеспособность и неутомимость помогли ему преодолеть не только эти стеснительные путы, но выйти живым из всяких пленений, гонений и массовых аутодафе, сохранив расовый облик, древнюю религию и национальный характер.

Троцкий не умен в обширном и глубоком смысле. Но ум у него цепкий, хваткий, находчивый, легко усвояющий, фаршированный пестрыми знаниями. Стоит только припомнить его изречения —

все они украдены без ссылки на источники. Словечко о гильотине, которая «укорачивает человека на голову», принадлежит одному из якобинцев. Потребовав 50000 буржуазных голов, Троцкий только прибавил два нуля к счету Марата¹³. Мимоходом он «усваивает» у Наполеона, Бисмарка, Мольтке и даже у Драгомирова¹⁴. Еще не выработав посадки на Красном Коне, он уже овладел техническими и бытовыми военными терминами.

Он не творец, а насильственный организатор организаторов. У него нет гения, но есть воля, посыл, постоянная пружинность.

У него темперамент меделяна, дрессированного на злобность. Когда такому псу прикажут «бери!» — он кидается на медведя и хватает его «по месту» за горло.

Так, отчасти, рассматривает Троцкого Ленин. Но пусть кремлевский владыка не забывает, что эта порода крайне мстительна и злопамятна. Бывали случаи, что меделян хватал «по месту» не медведя, а своего хозяина, наказавшего его накануне. А этот однажды уже огрызнулся.

Впрочем, и у Троцкого есть свой меделян.

В. СОЛЬСКИЙ

Троцкий

<Фрагменты>

Жалкая беспомощность пред лицом торжествующего милитаризма, унижение великой страны, жуткое ожидание темного будущего, поругание светлых принципов проступали из каждого слова несчастной депутации. Балаган, устроенный Троцким, давал мучительное зрелище. Так невозбранно производилось надругательство над человеческим достоинством только теперь, только еще слабо пробуждающегося от рабских чувств народа.

И так некстати, так оскорбительно неуместно тянулась ненужная полемика между Троцким и Кюльманом¹, лишь замедлявшая тягостную операцию.

— Что делаешь, делай скорее!

Но Троцкий продолжал свои ораторские упражнения, не чувствуя всей унизости положения. Он острословил и пускал злые шпильки по адрес презрительно улыбающихся немецким дипломатов.

<...>

И, как бы для того, чтобы подчеркнуть поражение революции, иронии истории угодно было поставить у ее останков Троцкого, забавлявшегося эффектной игрой света и огня, еще исходивших от величественных идей и настроений.

Революция была распята, и на ее Голгофе — в Брест-Литовске — Троцкий белилами и румянами осквернял священный труп.

<...>

В перерыве переговоров Троцкий возвратился в Петроград и доложил тамошнему совету рабочих и красноармейских депутатов:

— Мы приперли Гинденбурга к стенке!

Что это было? Хлестаковщина или трезвое издевательство над позорным существом происходившего?

Нужно вспомнить тогдашнее грозное положение Германии, которой брест-литовский мир развязывал руки для выполнения самых смелых завоевательных планов.

Гинденбург коротко ответил на выкрик Троцкого. Руками одного из своих незначительных генералов «припертый к стенке Гинденбург» провел по карте России черту, означавшую кровавую рану отсекаемых от нее территорий.

Иначе?

Иначе «припертый к стенке Гинденбург» намеревался занять Ревель и взять под угрозу Петроград.

Поставленная пред таким выбором, депутация, по словам одного из ее участников, чувствовал себя подавленной. Пред ней не было выхода. Словесная игра Троцкого не изменяла всегда и для всех ясного факта: нет зверя неумолимее, чем человек — победитель. И принятие условий продиктованный из Берлина, означало предательство интересов народа и святотатство над его волей.

Революция, униженная и оскорбленная, приходила к своему врагу и собственноручно повергала к его ногам свой щит.

— Аннексия и контрибуция!

Чистые мечтания народа о новом повороте международных отношений швырялось под ноги победителям...

«Мы заключили мир с германским пролетариатом» превращалось в покорное исполнение приказов генералитета.

Но Троцкий нашелся: он отыскал выход из беспросветного положения.

— Мы не заключим мира, но и не будем вести войны!

Вскоре мы увидим, какого свойства эта находчивость и где ее источник.

<...>

Здесь, понятно, интересна не практическая сторона подсказанного Троцким выхода. Ее нелепость не нуждается в доказательствах. Интересная психология этой легкости решения трагического вопроса, это успокоение из бессмысленной формулы.

— Что будет потом? Как отразится «умытие рук» на насущных потребностях страны, на всем ее бытии?

Эти мысли не волновали, не тревожили ни сознания, ни совести. Даже просто соображение о том, можно ли действительно

удержаться в ирреальном положении («ни войны, ни мира») не приходило на ум. От грозных призраков, обступавших со всех сторон судьбу народа, отделались закругленной фразой, уложили чемоданы и уехали на родину, чтобы затем возвратиться и подписать каторжный приговор...

Между тем из Петрограда Троцкий развивал пред рабочими свою программу мира.

— Мы, — говорил он, — придем в Учредительное собрание и скажем: вот результаты наших переговоров. Угодно вам, заключайте мир, не угодно — действуйте, как найдете нужным.

Здесь важно уже не то, что Учредительное собрание собиралось поставить пред совершившимся непоправимым фактом и взвалить на него ответственность за будущее, честь и репутацию народа. Здесь существенно иное.

Дело в том, что в это время большевиками уже была пущена презрительная кличка «Учредилка», и ими уже был разработан план разгона Учредительного собрания. И задача Троцкого сводилась к тому, чтобы лицемерием и ложью усыпить бдительность продолжавших пока еще революционно мыслить рабочих.

На этот раз роль свою Троцкий провел блестяще.

<...>

Он был всюду, где еще дымилась потоком льющаяся братская кровь, где разрушались веками накопленные богатства русской культуры, он как бы взбирался на груды еще не остывших трупов и терзал нервы площадными возгласами.

Хотелось болезненно крикнуть:

— Замолчите!

Между тем Троцкий продолжал в Смольном и цирке «Модерн» разрабатывать практические вопросы, для которых он неуклонно находил быстрое и легкое решение.

— Финансовые затруднения? Обложить банки и банкиров, и деньги будут.

И так далее, и все в том же роде.

Его слушали тысячи рабочих, несших к нему свои чистые верования и жажду нового откровения. Может быть, порой их охватывали разъедающие сомнения, и тогда в их глазах светилось суровое негодование:

— Что будет с Россией, с рабочим классом, со всемирным пролетариатом, если вы приведете нас к банкротству?

И Троцкий тотчас же давал устраняющие всякие колебания ответ.

— Если же наши опыты кончатся неудачей, то мы... В самом деле, что тогда? Что предпримут тогда «мы»?

Наложат на себя руки в отчаянии от участия в гибели великой страны, в сознании своих преступлений пред революцией, которая иными путями обещала привести к невиданному расцвету светлых ожиданий?

Нет! Зачем накладывать на себя руки?

У Троцкого был готов другой, легкий и приятный выход:

— Тогда, — говорил он, — мы уйдем и скажем нашим заграничным товарищам...

Этот фривольный жест не только устраняет колебания. Он делал ненужными, неуместными, странными тревоги совести, по пятам преследующие чувство ответственности. И он ясно говорил, какая душевная бессодержательность, какая пустота психологии порождают звон и легкость фраз и находчивости Троцкого.

«Чесотка языка» тем временем проявлялась. Троцкому не терпелось, и однажды в цирке «Модерн» он проболтался о «машине, которая отделяет голову от туловища».

Негодование охватило редакции доживавших тогда свои дни оппозиционных газет. Это упоминание о машине, отделяющей голову от туловища, эти подстегивания уже доведенной до бешенства озверевшей толпы, эти намеки на фоне безнаказанного разгула преступлений походили на хладнокровное злодейство.

На гневные статьи газет последовал официальный ответ:

— Троцкого поняли неверно. Он не проектировал машины. Это была лишь аналогия с великой французской революцией.

Истерзанная действительность уже через некоторое время показала, какая была эта аналогия...

А. А. ДИВИЛЬКОВСКИЙ

Троцкий (Л. Д. Бронштейн, род. 1874 г.¹)

Кто не знает нашего любимого Наркомвоена Троцкого! «Любимого»... Я мечу этим словом, конечно, не в буржуев, не в помещиков, кулаков, генералов, офицеров и прочую шелуху, полетевшую от старого угнетательского строя. Те, конечно, ненавидят Троцкого. Ненавидят — и боятся.

За то самое, наоборот, и любят его пролетарии. За то именно, что не кто иной, как Троцкий, успел произвести почти настоящее чудо: под ударами буржуев всего света создать почти что из ничего нашу Красную армию, тот железный кулак, которым мы пробиваем свою верную дорогу к коммунизму.

Это в самом деле что-то вроде чуда. Конечно, во время старых революций во Франции XVIII века, в Англии XVII века, в Голландии XVI века, восставший «народ» тоже создавал почти из ничего свою новую армию и ею, как молотом, разгромлял своих тиранов. Но не надо забывать, что этот «народ» соединял тогда в своих рядах и рабочих, и буржуев, и крестьян против ненавистной всем одинаково помещичьей крепостнической власти. И восставшая, так сказать, на плечах трудового народа буржуазия давала народному войску готовых, опытных командиров (Бонапарт, Кромвель, граф Эгмонт²). Другое дело — наша Красная армия.

Наркомвоен Троцкий с самого начала очутился перед небывалой по трудности задачей: перед армией рабочих без буржуазии, т. е. геройских солдат без опытных командиров. И пришлось ему подняться на хитрость: заставить буржуазных специалистов-командиров служить верою и правдой рабочему классу, хотя он и воюет против буржуазного класса.

Задача невозможная, нелепая, просто смешная! Так думали, по крайней мере, все мудрецы буржуазий у нас и за границей. Но скоро и горько ошиблись. Троцкий показал на деле, что задача эта, будто бы невозможная в теории, блестяще разрешается на практике. Секрет тут вот в чем: ведь на самом деле буржуазный порядок уже полусгнил, разложился. И есть среди буржуев, в том числе и среди офицерства, некоторая часть таких, что сами не верят в справедливость и, главное, в силу буржуазного, капиталистического порядка. Есть и такие, что сами задыхаются в этом порядке и готовы смотреть на коммунизм как на нового Спасителя мира. И вот в руках нашего Наркомвоена оказалось все же достаточно специалистов военного дела для организации побед над Колчаком и Деникиным.

Бывают, конечно, измены «военспецов», — иногда очень-очень подлые и вредные. Но Красная армия их так или иначе «переваривает» и — опять чудо — бьет врагов лучше прежнего. Буржуазия ничего не понимает. Тем лучше: она все больше теряет храбрость.

Троцкий тем и замечателен, что он острым глазом успел оценить все особенности момента разложения буржуазии и использовать их на практике. Ему наша революция обязана в первую очередь отражением всех своих врагов.

Великую веру надо иметь в историческую судьбу пролетариата, чтобы так уметь ковать его могучее оружие.

Г. Ф. УСТИНОВ

Трибун революции

I

В зареве революции

На железнодорожной насыпи, недалеко от убогих построек станции «Свияжск», в синюю сентябрьскую ночь стоял человек в непромокаемом пальто защитного цвета. Одна рука у него закинута назад, в другой — бинокль. Впереди, над черными зубцами леса, дрожит зарево пожара. Это казанские рабочие, помогая солдатам революции, подняли восстание против черной армии буржуазии.

Глухо доносится грохот легкой артиллерии. Социалист-революционер и известный русский писатель Борис Савинков-Ропшин¹ совместно с офицерами французской службы Лебедевым и Степановым и членом русского Учредительного собрания Фортуновым расправляются огнем и железом с восставшими русскими рабочими². Там, этой синей сентябрьской ночью, льется рабочая кровь. Святая кровь труда.

Человек в защитном пальто быстрым движением поправил пенсне. Еще новое быстрое движение — и снова у глаз бинокль. А по синей сентябрьской ночи все шире и шире, словно пролитая кровь, разливается жемчужно-рубиновое зарево.

Человек в защитном пальто оторвал от глаз бинокля. Небрежно опустив его в карман, он идет вдоль по железнодорожной насыпи к смутно темнеющим на линии вагонам.

Это Троцкий.

Через день — он на террасе волжского парохода. Прижавшись к поручню, напряженно всматривается во мгlistую синь,

вдоль реки, куда медленно отплывает этот плавучий дворец, наполненный странными, необычными пассажирами. Матросы, серые шинели красноармейцев и опять матросы. Они окружили Троцкого. Отрывочные фразы, беглые, глубоко серьезные улыбки на запекшихся шершавых губах. Хлесткая матросская шутка трогает полные, чуть вывороченные губы Троцкого. Трагическая улыбка, которую, увидевши раз, нельзя забыть.

Пароход только что отчалил от пристани «Свияжск» и выходит на фарватер. Вокруг напряженная тишина. Но как только пароход вышел на средину реки и полным ходом устремился к Казани, где еще только день тому назад гремели выстрелы наемников, истреблявших русских рабочих, — вся революционная флотилия, все два десятка пароходов грянули салют. Заревели густые басовитые гудки белых великанов, радостно залились маленькие винтовые «разведчики».

Все замолкли на уходящем пароходе. У некоторых слезы на суровых загорелых лицах. Слезы восторга, охватившего душу. А Троцкий все стоит у поручня, неподвижный, как серая, каменная статуя, и смотрит вперед, где в сизеющей дали, заволоченной тающим дымом, затихла освобожденная Казань.

А на другой день в казанском театре, до-туга наполненном казанскими рабочими и красноармейцами, он говорит при напряженном молчании³:

«— Напрасно ваши меньшевики и казанские купцы стращали казанских граждан большевикам. Напрасно вам говорили, что Красная армия разграбит город и будет творить зверства. Это им не помогло, им никто из вас не поверил. Мы не станем уничтожать тех, кто раньше был эксплуататором и отказался быть им теперь. Мы боремся с теми, кто еще делеет в себе мечту быть эксплуататором и жить вашим трудом в будущем, как он жил ранее. Если буржуазия откажется быть хищником и будет трудиться наравне с нами, мы скажем ей: иди — трудись и живи вместе с нами. Но если буржуазия хочет, чтобы трудились только мы, а она жила бы пышно за счет наших трудов, то мы противопоставим ее хищничеству вооруженную рабочую силу. Буржуазия говорит, что мы — против искусства. Нет, мы признаем искусство и высоко ценим его. Но если нам скажут, что вот этот театр только для буржуазии, мы взорвем его. Если нам скажут, что солнце должно светить только для буржуазии, мы потушим солнце».

Театр гремел. Здесь, как и всюду за эти дни, Троцкого встретили так, как встречают тех людей, которых понимают, которых чувствуют. Так встречают тех людей, которые говорят то, что получает отзвук в каждой честной душе.

Еще десять-пятнадцать минут. Речь кончена. К Троцкому подходит красноармеец и что-то шепчет на ухо. Троцкой делает жест народу, кивает головой и выходит.

Огромная площадь перед театром вся окутана сумраком. Но сумрак этот живет, сдержанно гудит тысячами голосов. Непроницаемая стена человеческих тел. Это те, кто не достал себе места в театре. Они послали делегацию, с просьбой, чтобы Троцкий сказал им «хоть два слова».

И Троцкий вышел.

— Товарищи! — раздается в сумраке его резкий, слегка осипший голос. — Приветствую вас от лица героической Красной армии, освободившей Казань, и от имени Совета народных комиссаров.

Сумрак ожил. Звучат тысячи голосов, тянутся вверх к балкону тысячи рук. Так не встречают героев. Так встречают борцов. Так встречают людей, в которых чувствуют душу, родную своей душе. Так встречают вождей, в которых масса чувствует воплощение лучшей части самого себя.

II

На революционном посту

В истории революционного движения, а в особенности в истории Гражданской войны, большое место будет отведено «Поезду Троцкого». Несомненно, что этот поезд был локомотивом большинства революционных военных побед.

«Поезд Троцкого» и «Политкомы». Это тоже детище Троцкого. Что такое эти Политкомы?

Передо мной маленькая записная книжечка. Дали в политическом штабе.

— Когда вернетесь в центр, передайте родным тов. Розина. Это — политический комиссар, убит в сражении под Красной Горкой.

Книжечка темная, с порванными листками. Обложка залита кровью. Кровь просочилась и внутрь, расплзлась по торопливо

исписанным листкам. Засохла на обресе. Розин убит пулей в грудь. Свежая, горячая кровь залила и одежду, и эту книжечку, лежавшую в грудном кармане.

Я не мог передать книжечку. Но она оживила в моей памяти одну незабываемую картину, один огненный период русской революции, когда на карту был поставлен вопрос не только о существовании Советской России, а нечто неизмеримо большее. Тогда решалась — и решилась — судьба мировой революции. Это понимали и мы, и наши враги.

Это было под Казанью.

Молодая, еще неопытная Красная армия была полна колебаний и страха. Только бесстрашные матросы налетали, как орлы на контрреволюционных воронов, разбивая их и вводя в смятение их стаи.

В момент хаоса и беспорядка в армии Троцкий позвал из тыла рабочих, партийных товарищей. Надо было ввести железную организацию, внедрить строжайшую дисциплину, установить в армии революционный порядок. В армии, состоящей почти сплошь из случайных безработных — людей, чуждых революционному долгу, революционной сознательности.

В эту армию пришли рабочие, пришли партийные интеллигенты, для которых победа революции — цель жизни; для которых поражение — больше, чем самая мучительная смерть.

Пришли — и армия изменилась. Надо было быть одновременно и суровым начальником, и нежно любящим братом, в дремавшую душу надо было вдохнуть сознание. Надо было сделать, чтобы все эти случайно собравшиеся люди знали, за что они идут умирать...

Троцкий угадал. Только рабочие могли выполнить эту задачу. И они выполняли. Политком оказался таким же двигателем революционных побед, как и «Поезд Троцкого». И началось это в то время, когда в лагере врагов революции уже началось ликование, когда им казалось, что все боги улыбаются только им, когда им казалось, что русская, а также и мировая революция уже задушена, что уже пора праздновать победу.

У них был «единый фронт». Правый социалист-революционер Борис Савинков сидел на одной скамье с офицером французской службы Лебедевым и полковником Степановым. Русские монархисты курили им фимиами, заседаая вместе с ними в белогвардейском штабе, как равноправные члены. Меньшевики призывали

под ружье всех граждан Казани, уверяя в своей газете («Рабочее дело»), что если большевики возьмут Казань, то вырежут «все население и изнасилуют всех женщин», потому что «Троцкий сказал матросам: — Возьмите Казань и делайте с нею, что хотите». Эту ложь до последних пределов раздували буржуазные и черносотенные газеты. И этой лжи верили все. Не верили только казанские рабочие. И когда они, не будучи в силах выносить далее гнет власти «учредительного собрания»⁴, под фирмой которого действовали черносотенцы при ближайшей помощи меньшевиков и социалистов революционеров, когда они, эти герои — казанские рабочие — подняли восстание, меньшевики закричали в своей газете, что действия рабочих — измена, и требовали суровой расправы... Такой же расправы требовали и черносотенцы в своей газете и кадеты, в «Камско-Волжской речи», очень часто открывавшейся передовыми статьями за подписью: Борис Савинков.

Так вместе с богами улыбались белогвардейцам и правые эсеры, и большевики. И, однако, несмотря на то, что белогвардейцам улыбались все боги, меньшевики и правые социалисты-революционеры, — белогвардейский штаб почувствовал, что пришел конец. Надо было что-то придумать.

Надо было на что-то решиться, надо было затеять новую авантюру, надо было решиться на новое преступление. Ими овладело отчаяние. И с отчаяния они решались на злодеяние.

Правыми эсерами было организовано покушение на В. И. Ульянова-Ленина⁵. А в это время та же направляющая рука действовала под Казанью. В белогвардейском штабе, в августе 1918 года, был задуман и разработан чудовищный план убийства вождей российского революционного пролетариата. Несомненно, что за спиной этого штаба стояла не только активная контрреволюционная русская буржуазия. Там был замешан, конечно, и союзнический капитал, и союзническая дипломатия, представитель которой так же сидел в белогвардейском штабе. Там были замешаны и русские организованные монархисты, и Учредительное собрание, представителем которого в белогвардейском штабе был г. Фортунатов. План был задуман широко. В Москве существовала целая организация, руководимая дипломатическими представителями союзников, Локкартом и компанией⁶. Нет сомнения, что у нее существовала довольно правильная связь с казанским белогвардейским штабом. И там, и тут разрешался все тот же вопрос —

об уничтожении вождей русской революции. Дипломатические представители союзников полагали, что Ленина и Троцкого лучше «взять живьем», увезти в Англию и там предать публичной смертной казни в острастку английским и французским рабочим, «чтобы не смели делать революцию». Другие возражали:

— Вы не знаете силы влияния Ленина и Троцкого на рабочих и солдат. Они сумеют дорогой убедить конвой и бегут вместе с ним...

Такой исход не удовлетворял. Удовлетворил другой: убить и захватить власть в свои руки. Для осуществления этого плана было решено: на Ленина направить с револьвером полусумасшедшую женщину Каплан⁷, а Троцкого взять живьем вместе с его поездом, стоявшим тогда на станции «Свияжск». Последнее преступление взялись выполнить: правый социалист Борис Савинков, офицер французской службы Лебедев и «учредиловец» Фортунатов.

28 августа 1918 г. все трое стали во главе отборных чехословацких кавалерийских отрядов в 500 чел. каждый. Удалось зайти в тыл «Поезда Троцкого» на целых 8 верст. Захватили железнодорожную станцию «Тюрлема». Взорвали около 50 вагонов со снарядами.

Начался бой. Не бой, не война, а нечто более кошмарное, небывалое. Полторы тысячи отборных всадников наступали. Оборонялись три-четыре сотни матросов и добровольцев. Работали два бронированных поезда.

Это было ужасное, чудовищное сражение.

Большинство наших частей было занято под Услонами Красной Горкой, где полковником Степановым было приказано повести наступление, чтобы мы не могли оттянуть наши силы. У белогвардейцев откуда-то взялась артиллерия. Перевес был безусловный. У нас — горсть храбрецов. У них сила. Стойкая, привычная к боям, жестокая, твердая, дисциплинированная. Но у нас было два бронированных поезда. Но у нас были политические комиссары, которые не знали — что такое отступление. Но у нас были матросы, которые знали, что если они сдадут, погибнет их вождь, погибнет Троцкий, которого они привыкли видеть каждый день среди их рядов, которого они успели узнать и успели глубоко полюбить. Как брата. Как отца. Как вождя. Такого же неустрашимого, как и они. Это им удалось испытать не раз.

Чехословаки дрались с отчаянным ожесточением. Цепи их тянулись из-за холмов непрерывной вереницей. Как траву, косилих

пулеметный огонь наших бронированных поездов. В 5–10 минут легло несколько сот. А они все идут. Точно убитые вставали вновь, заползали за холмы и снова выползали с винтовкой наперевес. Потом, казалось, дрогнули. Как искра, пробежало замешательство по их рядам.

— Товарищи... сдаюсь...

Подняли руки.

Броневики прекратили огонь.

Чехи шли в плен, таща за собою винтовки. Но вдруг, подойдя на расстояние всего нескольких десятков шагов, оно легли на землю, как один человек. Мгновение — и затрепали ружейные выстрелы. Чехи расстреливали наших почти в упор.

Ожесточение усилилось, дошло до последней степени.

Напрасно чехи затевали новую провокацию. Напрасно кричали снова: «Товарищи, сдаюсь». Напрасно бросала ружья... Напрасно поднимали руки. Им больше не верили.

Сражение продолжалось непрерывно около 8-ми часов. У наших частей были расстреляны все патроны. Оба броневика были свалены под откос белогвардейской артиллерией. Один пришлось взорвать самим при отходе на новое место. Оставшиеся несколько десятков человек, способных к бою, несколько раз ходили на чехов в атаку без одного выстрела с одними штыками. И, наконец, побежали. И те, и другие в одну минуту, в одно мгновение. Поле сражения было очищено одновременно обеими сторонами. И там, и здесь всякая возможность дальнейшего боя была исчерпана.

В один момент наступила жуткая тишина. На железнодорожной линии, точно два огромных трупа, чернели разбитые броневики. По холмам, в оврагах и рытвинах — всюду валялись трупы, трупы...

Бой был кончен. Несколько сот отважных матросов грудью своей отстояли своего вождя, отстояли русскую революцию, спасли дело рабочих всего мира. Успех под Тюрлемой удесятирил бы силы наших противников, окрылил бы надеждой не только русскую контрреволюцию... Они удержали бы Казань. От Казани они пошли бы дальше, захватили бы целый ряд городов вверх по Волге, организовали бы мятеж в Петербурге и Москве. Но этого не случилось. Под Тюрлемой мы потеряли многое; белогвардейцы же потеряли почти все.

Замысел союзно-русского капитала потерпел полное крушение. Троцкий остался невредим. Ленин выздоровел.

III Далекий и близкий

Лицо Троцкого — лицо русской революции. Великий человек играет роль великого человека. Великий народ творит великое дело.

Троцкий воплотил в себе весь характер русской революции. Это безотступный, неизменный трагизм. Только трагизм. Ни одной улыбки. Ни одного примиряющего жеста по отношению к врагам. Так требует история. И — ни одного слова издевательства с побежденными. Троцкий в то же время и джентльмен революции, прекрасный дипломат, остроумнейший оппонент, тонкий сатирик. Он весь без улыбки. Но зато его смех хлещет, как бич, его насмешливые слова остры, как кинжал. Отравленный кинжал. Он слишком глубоко верит в то дело, которое он делает, чтобы перед кем-нибудь отступить. Когда меньшевики задали вопрос, «какое имел право питерский пролетариат брать в руки всероссийскую власть (26 октября)?», на этот вопрос и именно так, как было это сказано, мог ответить только Троцкий:

— Да, петербургский пролетариат взял в свои руки власть, чтобы передать ее Всероссийскому Съезду Советов. Если Съезд Советов откажется от нее — и решит, что мы должны возвратить ее Керенскому, мы немедленно возвратим ее Керенскому.

Это было на Съезде Советов. На втором Всероссийском съезде, заседавшем во время Великой Октябрьской революции.

И Съезд не отказался. От революционного петербургского пролетариата он принял власть, отбитую у буржуазии.

Если Гейне говорил: «Я — меч, я — пламя»⁸, — и говорил правильно, без хвастовства, без преувеличения, — то Троцкого без того же преувеличения можно назвать:

— Пламенный революционный трибун.

Пламенная, карающая десница революция. И как истинная народная революция, Троцкой умеет быть великодушным и мягким. Будущий историк подметит в нашей революции один замечательный факт: она была в сотни, тысячи раз добрее и великодушнее со своими врагами, чем с нею — ее враги. Народ не мстит, он умеет прощать. Он только борется. Тысячи людей, попавших в плен из белогвардейского лагеря, обязаны жизнью Троцкому. Он щадил рабочих и крестьян, шедших против революции по неведению.

Несколькими словами он умел им объяснить, какое ужасное дело они делали. И очень часто из этих пленников выходили лучшие красноармейские полки.

Троцкий не карал и обывателя, который — хоть убей — не мог понять, для чего совершаются в мире революции, — не мог и требовал от власти только одного: спокойствия и хлеба; и если ему этого не давали, потому что не мог дать некто, никакая власть, он шипел против власти рабочих и крестьян, строил ей козни, надеялся на ту власть, которая придет, не зная, что и та точно так же не может дать ни хлеба, ни спокойствия. Никогда Троцкий не карал этих невежд, этих себялюбивых несчастных болтунов, этих «врагов революции». Он понимал, что эти «враги» одинаковы для той и другой стороны, но и там, и тут они — враги пассивные. Это тот обывательский середняк, который хочет немногого. Только того, чтобы «после всех этих переворотов у меня был чай с вареньем и не дошли с голода ребятишки».

Такой обывательский середняк не боялся Троцкого, не боялся революции. Когда советские войска брали какой-либо город, с белогвардейцами уходил только богатый обыватель, только капиталист, заводчик, крупный торговец. Только тот, кто жил за счет чужого труда.

И никогда Троцкий, вступая в побежденный город, не позволял ограбить хоть одну квартиру; не позволял тронуть пальцем хотя бы одного гражданина, если против него нет достаточных обвинений. И Троцкого понимали. Троцкому повиновались. При вступлении в Казань, например, не было совершено ни красноармейцами, ни матросами ни одного грабежа.

Революция имеет трагическое лицо. Но у нее никогда не было лица разбойника. Хотя бы поэтического разбойника, какого воспевают в своих «революционных поэмах» А. Блок, Каменский и другие поэты, которые не сумели увидеть ее лица⁹. Она некогда не издевалась над пленниками, как издевалось над красноармейцами и матросами «интеллигентное офицерство», например, в той же Казани. Она умеет только карать. Она не будет вколачивать гвозди в черепа, как офицеры вколачивали их в черепа матросов в Казани. Она не будет отрубать половые органы пленникам, как это делали офицеры с красноармейцами в Казани и всюду. Она не будет вырезать детей за то, что против нее боролись их отцы. У контрреволюции — разбойное лицо. Это ее характерная

черта. Это — ее природа. Буржуазия была разбойником сотни лет до революции. Может ли быть она не разбойником, когда у нее отнимают награбленное. Может ли быть она иной?

Характерно, что Троцкого боится все российское и, вероятно, зарубежное мещанство. Боится все трусливое, мягкотелое, жаждущее тишины, застойного болотного покоя. Боится и втайне, вероятно, ненавидит. Это ненависть примирившегося раба к беспокойному бунтарю. «Лучше спокойное рабское существование, чем бунт, который может принести смерть». Так думает раб, так думает мещанин, так думает обыватель, почитывавший раньше тайком от начальства либеральные газеты. Они не признают жизни без тихого, мещанского покоя. Троцкий не признает ее без свободы, без бунта против рабства и угнетения. Троцкий — непримирим. Его дело — это не мирное строительство, а борьба. Борьба до победы или до смерти. Его можно уничтожить, но покорить — никогда.

Крестьянство, в особенности зажиточное, также боится Троцкого. Буржуа по природе, оно постоянно стремится отойти от борьбы, но это ему не мешает пользоваться плодами революции, добытыми другими. Деревенские кулаки Троцкого ненавидят. Буржуазия города и деревни одинакова в своих симпатиях, в своей любви и ненависти. Вся буржуазия, где бы она ни жила, ненавидит Троцкого душевной, нечеловеческой ненавистью. Этим Троцкий мог бы гордиться. Значит, она признает в нем великую силу. Значит, она понимает — с каким могучим врагом ей приходится иметь дело.

Для крестьянства Троцкий — бунтарь. Имя его — вестник беспокойства. Это тот Горьковский Данко, который вырвал из груди сердце и, освещая им, как факелом, дорогу, вел за собою несчастных людей вперед, на борьбу, к славному будущему. Это тот человек, который не дает спать никому, пока еще не достигнута цель. Это вечно звучащий набатный зов.

Таков Троцкий на расстоянии. Таков Троцкий далекий. Кто был около Троцкого вблизи, тот видел это трагическое лицо — лицо русской революции.

Бледное, белое, матовое лицо. Поразительной белизны шея. Густо легли серебряные нити на висках и на затылке. Крупные губы, сильно выдавшийся подбородок. У этого человека такая воля, какая должна быть у Троцкого. Голос резкий, звенящий,

грозный, уверенный, предостерегающий. Улыбка... Она иногда бывает такой же детской, такой же привлекательной, такой же доброй, мягкой и ласковой, какая в редкие минуты бывает у нашей революции. Смех глубокий, полный внутреннего трагизма. Смех, способный уничтожить мгновенно. Как улыбка, которая способна мгновенно воскресить.

* * *

...Ровные, гладкие самарские степи. Гладкие, словно цементные, поблескивающие дороги. Только что сжата рожь. Тишина и солнечный покой.

Меланхолические верблюды, вытянув морды, медленным ритмическим шагом идут один за другим, таща за собою неуклюжие повозки. Небо почти белое, глубокое. Воздух дрожит от зноя.

Среди этих ровных и гладких степей поблескивают рельсы железнодорожного полотна. Узкоколейка. Необычно длинные вагоны с необычными пассажирами. Защитного цвета френчи, матросские блузы.

В середине поезда — особенно длинный вагон. У окна — Троцкий. За длинным столом — командующий армией... бывший парикмахер¹⁰. Самородок, блестящий знаток военного дела, хороший командир, интеллигентный, хорошо развитый. Рядом — Чапаев. Знаменитый Чапаев, командир знаменитого «чапаевского» отряда. Унтер-офицер. Большие, закрученные кверху усы, серые глаза, загорелое цвета бронзы лицо. Это тот самый Чапаев, отряд которого не раз громил чехословаков и подавлял бунты кулаков. Тот самый отряд, которые пользовался прекрасной славой:

— Вот настоящий большевистский отряд. Он не грабит, не возьмет без спросу ни одного снопа соломы. Наш отряд, крестьянский отряд.

Крестьяне записывались в него все поголовно — бедняки и середняки. Впрочем, здесь все — середняки.

На каждую семью для поля остается один работник из мужчин. Кончил работу — прощайся с женой и — в чапаевский отряд защищать от чехов и помещиков землю и Советы. Таково «мирское» постановление.

Чапаев втихомолку любит Троцкого, который стоит у окна, всматриваясь в безграничную ширь степей.

— Хорошо тут у вас...

Добрая, детская улыбка. Редкая улыбка на этом постоянно серьезном, трагическом лице.

Чапаев подходит к окну.

— Вот здесь у вас было сражение с чехами. Вот на этом пригорке стоял с пулеметом мой старый боевой товарищ... Таких пулеметчиков немного. Он один тогда скосил чехов до сотни. По нему бьют из артиллерии, пристреливаются две трехдюймовки вон с того бугра... А он все щелкает, все щелкает. Сколько уничтожил одной кавалерии! Потом две пули сразу: одна — в сердце, другая — в висок...

Он вздохнул и громче прибавил:

— Но мы тогда победили... может быть, из-за него...

Лицо его вдруг стало сурово.

— Вы тогда были ранены?

— Нет, только контужен. Подо мной были убиты одна за другой две лошади. Первую срезало пулей, вторую снарядом. Оторвало голову. А мне повезло: только контузия...

Командир армии усмехнулся, вслушавшись в разговор.

— Но какая контузия! — сказал он, оборачиваясь к Троцкому. — Мы думали, что конец... Спасибо казаку: под пулями сбежал к реке, принес воды и давай отливать товарища Чапаева. «У нас, — говорит, — на войне всегда так от этой болезни лечили». И вылечил. Чапаев очнулся. Мы его на руки было да в деревню, а он скрипит зубами и лошадь просит. Привели лошадь, третью за этот день. Вскарabкался — и в бой...

Троцкий отвернулся. Бывают моменты, когда трудно сдерживать свои чувства.

Чапаев сел на стул. Он, очевидно, был недоволен, что командир рассказал Троцкому о его геройстве, которому сам он не придавал никакой цены.

Затихли. Разговаривали только остальные сидевшие за столом — поездная администрация, журналисты.

...Те же гладкие ровные степи, гладкие и ровные дороги. Автомобили бесшумно скользят с маленьких холмов в неглубокие ложбины. Холмик и ложбина, холмик и ложбина. И те же меланхолические верблюды с вытянутыми мордами маячат то в той, то в другой стороне.

Небольшая деревня с избами, похожими на украинские мазанки. Около автомобилей в минуту собрались женщины. Еще

минута — и во всех автомобилях десятки арбузов. Кто-то предложил деньги — куда!..

У коричневого автомобиля, на котором постоянно ездит Троцкий, стоит он сам. Локтями облокотился на борт, в одной руке ломоть арбуза, в другой — кусочек еще теплого, только что выхваченного из печи, белого хлеба. Вокруг него — крестьяне.

Ведется ровный, товарищеский разговор. Троцкого узнали. Там, в этих степях, как и в Москве в советских учреждениях, есть портреты и Ленина, и Троцкого. А у Троцкого настолько характерное лицо, что его можно узнать по самому плохому его портрету.

Пожилой крестьянин рассказывает, как им плохо приходилось от чехословаков и «от тех, что за учредилку».

— Мы все теперь поняли — что такое Советская власть. А раньше шли против... Нечего греха таить — шли, — грустно вздохнул он. — Темны были. Пришли чехи и просветлили нас. Теперь вот всем обществом три тысячи лошадей для Красной армии собрали... Завтра отправлять будем.

— Почем здесь у вас принимают лошадей? — спросил один из приехавших.

Крестьянин хмуро посмотрел на него.

— Нипочем, — сердито сказал он. — Свое дело, свою землю защищаем. За это деньги брать не с кого... Мы целое лето армию кормили, а разве кто-нибудь из нас посмел взять хоть одну полушку?! Наша армия — мы и кормить должны!..

Около автомобиля, внимательно рассматривая Троцкого, стоит мальчуган-подросток. Заметив его, Троцкий улыбнулся и спросил:

— А ты за кого: за белых или за Красную армию?

Мальчуган бойко вскинул на Троцкого живые задорные глаза:

— У нас все за Красную армию, потому что мы — бедные.

* * *

Опять холмы и ложбинки, и снова — селение. Здесь стоит полк. Сегодня он должен был выступить, но солдаты узнали, что приехал Троцкий и попросили командиров, чтобы им показали «самого Троцкого». Но Троцкий уже ехал к ним и без просьбы.

Стройные, прекрасно марширующие колонны. Но бог мой — насколько разнообразны эти «солдатские» костюмы... Вот крупнейший человек в измятом цилиндре, босой, с комическим, донельзя загорелым лицом. Это тот самый, о котором нам в дороге рассказы-

вал, что он стреляет из пулемета с руки, как из винтовки. Силища необычайная. Несколько дней тому назад он один с пулеметом отбил у противника целый обоз, что-то около двухсот подвод...

Живые, радостные лица. Ни на одном не написано старой фразы: держись, приехало начальство.

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравия желаем, товарищ Троцкий.

Троцкий раздает подарки. Отличившихся нет. Весь полк, как на подбор. Командиры устают рассказывать обо всех подвигах геройства и отваги своих солдат. Вот старик с пятнадцатилетним сыном. Сражаются всегда бок о бок. И тот, и другой относятся к смерти с глубоким презрением.

— Есть у меня и постарше сын, да тот в поле нужен. А мы с малышом здесь больше у места. Ежели работать, так оба нароботаем с него, а навоюем вдвое...

Троцкий дает им по серебряным карманным часам.

Но тут же и случилась маленькая неловкость. Солдаты вдруг заволновались.

— Сестра Александрова, — загудел весь полк. — Сестра Александрова!..

Сквозь ряды колонн проходит полная девушка в белом платочке. Лицо горит от смущения.

— Она всегда с нами, — объясняет командир. — Любимица всех солдат. Всегда в передовой цепи под бешеным огнем перевязывает, а иногда... — он смущенно улыбнулся, — иногда и выносит раненых из самого огня... Сила у нее завидная.

Троцкий, улыбаясь, смотрит на подарки, предназначенные к раздаче. Портсигары и мужские часы... Он не предполагал, что ему придется награждать дам.

— Возьмите портсигар, — говорит сестре один находчивый журналист. — Сделаете себе ридикюль...

Сестра Александрова смущенно протянула руку и, не выбирая, взяла самый маленький серебряный портсигар. Журналист огорченно качает головой.

— Благодарю вас сестра за вашу работу, — сказал растроганный Троцкий. — Вы — редкая из самых редких женщин...

После раздачи подарков Троцкий, уже давно охрипший от постоянных речей, которые ему приходилось в течение нескольких недель подряд произносить и днем, и ночью, — вошел на автомо-

биль и заговорил. И как только заговорил, все лица стали другие. Это было одно лицо — то же, что и у Троцкого: трагическое лицо революции.

* * *

Второй полк, третий...

Те же бодрые лица, та же радостная встреча.

Подарки уже все. Троцкий уже давно отдал даже свои собственные часы одному из крестьянских героев. Тогда он жмет руки этим бронзовым людям с винтовками за плечами и крепко, по-братски, целует в губы. Больше подарить нечего.

Солнце опускалось за степи. Наступала ночь. С полей потянуло прохладой, запахом пережженных трав.

Этой ночью должно было начаться наше наступление.

— Встретимся в Самаре, — говорил Троцкий, прощаясь с солдатами.

Он не ошибся. За одну ночь эти три полка сделали чудеса. Вскоре они взяли Самару¹¹.

IV

Нездешняя сила

— Ваше приказание исполнено: Симбирск взят. Тухачевский¹². Так доносил Троцкому командующий армией, взявшей Симбирск.

Все, кто был около Троцкого, убедились, что сила его приказа заключается вовсе не в его личности. Троцкий — не герой, не полководец, не диктатор. Троцкий — это экстракт организованной воли революционного коллектива. Его приказание всегда находит отклик в душе того, кому он приказывает. Приказ Троцкого — это воля революции. Необъятно большой человек воплотил в себе всеобщую волю великого революционного коллектива. Это тот человек, который безошибочно понял направление революционных событий, понял их исторический путь. Троцкий без событий — простой смертный, эмигрант, талантливый журналист. Троцкий на фоне революционных событий — колоссальная историческая фигура. Его имя пройдет через десятки поколений... Его воля — нездешняя воля: с нею по могуществу не может спорить ничто и никто. Это воля масс. Активных масс, организованного

революционного коллектива, который очень хорошо знает — чего он хочет. В Троцком кристаллизовалась вся психика революции, вся совесть, весь гнев, все великодушие, вся гордость, вся моральная сила масс, творящих революцию. И сладость побед, и мучительные страдания поражений. Троцкий — экстракт революции, ее лицо, ее душа. В то время как Ленин — ее кормчий, ее рулевой. Ее разум.

О Троцком много ходит рассказов, и все они характеризуют его как человека, обладающего какой-то сверхъестественной волей. Как наиболее характерное отмечают, что он, как никто, чувствует настроение аудитории, настроение большого количества собравшихся людей, с которыми ему приходится иметь дело. Только Троцкий может разбудить в массе чувства, которые дотол не были ни кем в ней разбужены. Только Троцкий, воплотивший в себе несокрушимую волю огромного коллектива, этой волей может заставить покориться себе любой коллектив, если он слабее и меньше того, выразителем воли которого является Троцкий. Это нездешняя воля. Новая воля, новая в мире мощь, рожденная Российской Коммунистической Революцией.

Все это несколько, однако, не умаляет тех огромных внутренних свойств, которыми обладает Троцкий. Уже одно то, что он сумел воплотить в себе волю огромного коллектива, показывает необычайную индивидуальную внутреннюю силу его. До Троцкого не было в России организаторов. Это он первый показал, до каких пределов один человек может довести организацию. Это он первый показал — что может сделать один энергичный, искренно преданный идее человек, если только он этого захочет. Это — самый яркий пример революционной стойкости, революционной энергии, может быть, революционного фанатизма.

Когда Троцкий ездит в своем, теперь уже знаменитом и, несомненно, историческом, поезде, он превращается в стального неутомимого человека. Никто не видел, чтобы он когда-нибудь спал днем. Никто еще не понял — почему же он, однако, в любой час ночи появляется всякий раз на какой-нибудь, даже самой захолустной станции, в любую погоду и неизменно держит к солдатам речь, если только они об этом просят. Никто не понимает — когда же Троцкий находит время просмотреть огромное количество телеграмм, проектов и донесений и на каждом и каждой из них дать свою пометку, свое заключение. Никто

не понимает — когда же Троцкий успел так хорошо изучить военное дело, как он знал его уже в конце 1918 года... Когда он успевает подготовиться к своим, почти всегда основательным и исчерпывающим речам, всегда ярким и всегда блестящим, — которые он произносит то на Съезде Советов, то в Центральном исполнительном комитете, то в каком-либо из крупных вырванных у противника или обороняющихся от него городов... Когда он успевает писать статьи для своей поездной газеты «В пути» и для центральной и советской прессы... И, наконец, когда он успевает так блестяще организовывать фронт за фронтом и притом — в те минуты, когда уже для всех кажется, что там или тут дело проиграно почти безнадежно?!

Да, конечно, Троцкий — талант. Но Троцкий в то же время и работник, которому много дано. И с него много спрашивается. А он дает даже больше, чем с него спрашивается. У него особая сила. Исключительная. Нездешняя.

V

Кто он?

— Я заявляю официально: у меня имеются точные данные, что мятеж в Ярославле учинен Савинковым по приказанию союзников¹³. Савинков возражал союзникам, говорил, что он не верит в успешность ярославского «восстания». Но контрреволюционный союзнический штаб приказал ему не рассуждать, раз он получает от союзников средства.

Так говорил Троцкий в казанском театре на второй день после взятия Казани на митинге, о котором упоминается в начале этой книги.

Это — исключительный трагизм русской революции, когда социалисты, или бывшие социалисты, прибегают к зарубежному капиталу за помощью для подавления рабочего социалистического движения. Николай II за тем же прибегал к французским банкирам в 905-х годах...

Троцкий, разумеется, сделал много зла нашим бывшим «союзникам», — по их представлению. Когда весь трудящийся русский народ захотел выйти из проклятой империалистической бойни, союзники решили, что это Троцкий с Лениным не дают ему воевать за интересы союзнического капитала. И затем — Брест, где

Троцкий был самым главным из действующих лиц... И все это не в пользу союзников.

И прекрасно понимая, и учитывая всю эту ненависть союзной буржуазии к вождям российского революционного пролетариата, прекрасно понимая весь этот трагизм, Троцкий усиливает его шуткой:

— Из второго класса был исключен за организацию протеста против учителя французского языка. В этом, может быть, приходится видеть предзнаменование будущих дурных отношений с ближайшими нашими союзниками французами.

Так написал Троцкий в автобиографических заметках, которые я просил у него для настоящей книги¹⁴.

26 октября (7 ноября н. с.) 1919 г. Льву Давидовичу Троцкому исполнится — 40 лет.

— День моего рождения совпадает с датой дня победы Октябрьской революции. Мистикам благодатное поле для размышлений, — шутит Троцкий¹⁵.

Троцкий родился 1879 года, 26 октября. В метрических записях годом рождения указан 1878-й.

— Но я очень твердо помню, — говорил Троцкий, — что был в 1888 году слишком мал для поступления в I-й класс, и в метрических книгах колонии Громоклей был сделан маленький нажим на хронологию, что вполне допускалось патриархальным характером административных учреждений этой колонии. Так что на самом-то деле я родился в 1879 году.

До 9-ти лет Троцкий жил в деревне Яновке Громоклеевской колонии, Елизаветградского уезда Херсонской губ. в небольшом имении своего отца, еврея-колониста. Затем девятилетним мальчиком переехал в Одессу и поступил приходящим учеником в реальное училище.

О своих юношеских годах Троцкий рассказывает:

— Очень интересовался искусством, рисовал цветными карандашами (в тех случаях, когда получал их в свое распоряжение) и считался будущим художником. Но никакого дарования в том направлении в дальнейшем у себя совершенно не обнаружил. В реальном училище к рисованию относился уже скорее как к обузе, хотя вообще был прилежен, более всего увлекался писанием сочинений, весьма мечтал о будущности писателя. Писал, конечно, и стихи. Переводил на украинский язык басни Крыло-

ва. Издавал с второклассниками и третьеклассниками журнал. Все как полагается. Из второго класса был исключен (временно) за протест против швейцарца Бюрнарда, учителя французского языка, великого врага рода человеческого. У этого Бюрнарда на лбу был икс от двух накрест вырезанных полос, по поводу которых у нас ходило много легенд. Помню, что когда обнаружился наш страшный заговор (мы собирались подать прошение попечителю), Бюрнард потрясал кулаками и кричал: «Первый ученик второго класса — нравственный урод»... Он дослужился до действительного статского и, как мне рассказывали, закончил, а может быть, еще и не закончил дни свои в качестве рантье в Швейцарии.

Из 5-го класса Троцкого опять собирались исключить — за новый протест против невнимательного отношения к ученическим сочинениям учителя словесности Гамова. Но опять не исключили, а ограничились 24-х часовым заключением в карцере и тройкой за поведение.

Революционную работу Троцкий начал на 17-м году.

При переходе в 7 класс Троцкий перевелся в г. Николаев, где впервые стал входить в радикальную среду молодежи и в сферу революционных идей.

В первый период Троцкий считал себя скорее противником марксизма, чем марксистом. Шел ему тогда 17-й год... После окончания реального училища и попытки поступить вольнослушателем на математический факультет он завел связи с николаевскими рабочими, главным образом — с сектантами рационалистического толка. Среди них руководящую роль играл Иван Андреевич Мухин, который и сейчас, несмотря на свой уже немолодой возраст, является испытанным революционным борцом большевиков.

— Я удивляюсь, — говорит Троцкий, — с какой легкостью нам, небольшому кружку юношей, удалось войти в доверие николаевских рабочих — среды довольно культурной, идейной, затронутой разными видами сектантства в старшем поколении и атеизмом — в младшем. Об организации «южнорусского рабочего союза» я рассказал в небольшой брошюре, которая была издана за границей издательством «Рабочее дело». Николаевская организация заключала в себе в 1897 году 250 рабочих, что по тому времени было весьма много. Николаевским рабочим я был известен под именем Львова. Мы вели кружковые занятия, устраивали

небольшие массовки в лесках, издавали прокламации, газеты. Политическое невежество мое было весьма глубокое.

В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал. Даже с «Коммунистическим манифестом» познакомился впервые, читая и разъясняя его в кружке...

Одновременно организация такого же типа наладилась в Одессе.

Троцкому приходилось очень часто переезжать из Николаева в Одессу и обратно. Ночь он проводил на пароходе, а днем в одном из этих городов разыскивал революционную литературу и вел агитацию среди рабочих. Когда движение приняло широкие размеры и в «южнорусском союзе» насчитывалось 250 членов, плативших членские взносы, организацией этой заинтересовались жандармы... В организации оказались: профессиональный провокатор Шренцель и предатель, ставший потом провокатором, — Нестеренко.

— Ареста мы ждали со дня на день, — рассказывает Троцкий. — Так как в Николаеве всех нас называли по именам, то мы считали «неудобным» уклоняться от ареста, ежели он обрушится на организацию. 28-го января 1898 г. я был арестован в имении какого-то помещика, где по пути из деревни отца остановился у Франца Францевича Швиговского, который служил у помещика садовником.

Вокруг этого Швиговского и группировалась вся николаевская молодежь с еще неоформившимися идеальными стремлениями.

Троцкий стая марксистом в тюрьме.

— Решающее влияние на меня оказали два этюда Антонио Лабриола¹⁶ о материалистическом понимании истории. Только после этой книги я перешел к Бельтову и к «Капиталу».

Троцкого продержали в николаевской тюрьме недолго. Вскоре он был переведен в херсонскую тюрьму, где пробыл три месяца. За херсонской тюрьмой последовала одесская. В этой тюрьме Троцкий просидел около двух лет, потом, после приговора о высылке в Восточную Сибирь, провел около пяти месяцев в Москве — в пересыльной тюрьме, около трех месяцев — в иркутской и александровской пересыльных тюрьмах. Всего на этот раз Троцкий провел в заключении около двух с половиной лет.

— Во время первой ссылки, — говорит Троцкий, — я вышел, так сказать, на литературную дорогу. Начал с корреспонденций, затем перешел к статьям в иркутской газете «Восточное обозре-

ние». Тогда стал подписываться Антид Ото — псевдоним, которым я довольно долго пользовался и позже в легальной русской печати.

В ссылке (в селе Усть-Кут, Иркутской губ.) Троцкий пробыл около двух лет (из четырех) и с началом революционного движения в 1902 году (в половине августа) бежал через Иркутск, сделав себе фальшивый паспорт на имя Троцкого, откуда и происходит псевдоним, ставший впоследствии его фактическим именем (по отцу у Льва Давидовича фамилия Бронштейн).

— Я сам вписал это имя в имеющийся у меня паспортный бланк, — рассказывает Троцкий. — Я назвал себя по имени старшего надзирателя одесской тюрьмы...

В Иркутске Троцкий завязал связь с сибирским социал-демократическим союзом, для которого писал прокламации. Потом проехал в Самару, где завязал сношения с тамошней центральной группой «Искра», которая в тот период собирала расстроенные и разрозненные ряды социал-демократии.

По поручению самарской группы (куда входили супруги Крыжановские, Ленгник¹⁷ и др.). Троцкий совершил поездку в Харьков, Полтаву, Киев — для связи с тамошними «искровцами» и редакцией «Южного рабочего», находившейся в Полтаве.

Отсюда Троцкий нелегально перешел границу в Австрии. В Вене он тогда впервые познакомился с Виктором Адлером и его сыном Фрицем¹⁸, героическим интернационалистом во время минувшей империалистической бойни 1914–1918 годов.

Немного позднее Троцкий через Цюрих и Париж проехал в Лондон, где была тогда редакция «Искры», в которую входили: Ленин, Мартов, Потресов. А в самой газете работали жавшие в то время в Швейцарии старые вожди социал-демократии — Г. В. Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич...

— Дела давно минувших дней... — с грустной улыбкой говорит Троцкий, вспоминая этот период своей жизни.

Троцкий жил за границей до февраля 1905 года. До того времени, оставаясь за границей, в составе работников «Искры», объезжал европейские города, где имелись русские студенческие и рабочие колонии, читал рефераты и проч. Летом 1903 года Троцкий вместе с доктором Мандельбергом¹⁹ в качестве представителей от сибирского с.-д. союза принимали участие в работах второго съезда с.-д. партии, на котором произошел известный раскол на большинство и меньшинство («большевики» и «меньшевики»).

Тогда Троцкий примкнул к оппозиции, из которой впоследствии развился так называемый «меньшевизм». Вскоре Троцкий издал тогда брошюру (в Женеве) «Наши политические задачи». Но как только меньшевизм стал определяться в смысле тактического течения, которое стояло за необходимость координации (согласования) действий пролетариата с политикой буржуазии в эпоху наших «буржуазных» революций, Троцкий порвал с меньшевиками и некоторое время стоял вне обеих фракций.

Исходя из известного положения Плеханова о том, что русское революционное движение победит, как рабочее, или не победит вовсе. Троцкий в 1904 году, на основании опыта бурных стачечных движений 1903 года, пришел к выводу, что царизм будет низвергнут всеобщей стачкой. На основе этой стачки развернутся открытые революционные выступления, которые, развиваясь и расширяясь, внесут разложение в армию и лучшие части ее толкнут на сторону восставших масс. В развитие этих положений Троцким тогда была написана брошюра²⁰. Брошюра была сдана заграничному издательству меньшевиков, которое тогда тактически еще не определилось и в среде которого шла внутренняя борьба. Мартов, например, тогда отстаивал позицию — «класс против класса» (его программная статья в № 1 «Социал-демократа», популярного издания), а В. И. Засулич и другие отстаивали политику соглашения с либералами и поддержки буржуазии. Мартов вскоре сдал позицию и с небольшими примечаниями стал проводить политику Дана. А Дан, в свою очередь, лишь плутовато прикрывал Веру Засулич обрывками марксистской фразеологии.

Меньшевики всячески затягивали печатание брошюры Троцкого. А когда разразилось 9-е января в Петербурге, довольно ярко подчеркнувшее значение всеобщей стачки, — они объявили брошюру устаревшей...

Однако с брошюрой познакомился тогда т. Парвус, который в то время занимал вполне интернационально-революционную позицию. Парвус сделал тот вывод, что из революции, основной двигательной силой которой является рабочий класс, а решающим методом — всеобщая стачка и восстание, — из такой революции вытекает переход власти к рабочим, в случае, если революция выйдет победительницей. В этом смысле Парвусом и было написано предисловие к этой брошюре Троцкого, и вместе с Троцким он

настоял на ее появлении. Брошюра вышла и называлась «До 9-го января».

В послесловии к этой брошюре Троцкий разбирал ход и смысл событий 9-го января. Весной и летом 1905 года (уже в России) в ряде докладов и статей (наприм [ер], предисловие к речи Лас-саля) Троцкий развивал точку зрения перманентной революции. Сущность этой точки зрения состояла в том, что рабочий класс России, овладев в результате всеобщей стачки и восстания властью, не сможет ограничить себя рамками демократической (буржуазно-демократической) революции. Он неизбежно перейдет к социалистическим преобразованиям, которые смогут привести к полной победе социалистического строя лишь при условии развития европейской революции. Отсюда тактический вывод Троцкого: не задерживаться ни на одном из этапов революции, непрерывно углублять ее социалистическое русло и выводить ее, во что бы то ни стало, за национальные рамки. Эту точку зрения Троцкий развивал в дальнейшем в статье ежедневной петербургской газеты «Начало» (ноябрь 1905), затем в 1906 году (в тюрьме) в предисловии к русскому изданию «Гражданской войны» К. Маркса, в статье «Итоги и перспективы», в книге «Наша революция» (издание Глаголева, 1907), «Каутский о русской революции», в брошюре «В защиту партии» (1907 г.) и т. д. Впоследствии (за границей) Троцкий развивал ту же точку зрения в целом ряде статей и проверял ее на текущих событиях русской жизни в эпоху контрреволюции (1905–17 гг.). Статьи эти печатались в теоретическом еженедельнике германской социал-демократии «Нойе-Цайт», в теоретическом ежемесячнике польской социал-демократии «Социал-демократическое обозрение» (издававшимся под наблюдением и руководством Розы Люксембург), в ежемесячнике австро-немецкой социал-демократии «Д-р Кампф» и в других изданиях. В 1909 году Троцкий выпустил на немецком языке книгу: «Russland in der Revolution»²¹ (Россия и революция), представлявшую значительно дополненную переработку для немецких рабочих его русской книги, посвященной революции 1905 г.

В 1915–16 гг., когда война ускорила подготовку второй русской революции, Троцкий в ряде статей «Нашего слова» старался доказать, что истекшее десятилетие окончательно и бесповоротно потопило всякие надежды на так называемую национально-демократическую революцию и что победоносную русскую революцию

может закончить только диктатура пролетариата. Диктатура пролетариата с международной социалистической программой действий. В начале 1917 года, когда в России у власти оказались Гучков, Милюков и Керенский, Троцкий в ряде статей нью-йоркской газеты «Новый мир» развивал точку зрения «перманентной революции» и диктатуры пролетариата.

После 9-го января, с началом классового движения в России, Троцкий через Австрию приехал нелегально в Киев, потом — в Петербург. И там, и здесь Троцкий работал главным образом литературно: поставлял для нелегальной типографии Центрального комитета РСДРП большинство выпускаемых последним прокламаций, листовок и проч.

В отношении к проблемам русской революции Троцкий занимал позицию, которую считает правильной и в настоящее время. Он признает, что соотношение классовых сил в русском обществе должно в условиях революционной эпохи привести к политическому режиму пролетариата. Этот режим рабочего класса, опирающегося на трудящиеся крестьянские массы, никак не может ограничиться рамками буржуазной революции. Пролетариат эти рамки должен непременно разрушать и, в зависимости от развития революционных событий на Западе, это положение может развернуться в законченную социальную революцию.

Сентябрьская и Октябрьская революция 1905 г. застала Троцкого в Петербурге. Тогда он состоял членом Петербургского совета рабочих депутатов. После ареста Хрусталева-Носаря Троцкий был избран председателем этого Совета²².

В этот период Троцкий был очень тесно связан с Парвусом — человеком больших знаний и выдающегося политического и литературного дарования. Парвус отстаивал тогда в «Интернационале» в рамках русской политической борьбы чисто революционную классовую точку зрения. Непримиимо обличал оппортунизм, и прежде всего оппортунизм правого крыла германской социал-демократии. Вместе с Парвусом Троцкий издавал популярную «Русскую газету», которая достигла весьма значительного тиража к моменту разгрома Советов и всей русской революции в декабре 1905 г. Кроме того, с тем же Парвусом Троцкий определял направление большой ежедневной газеты «Начало», в которой оба они работали вместе с другими товарищами, среди которых был и Л. Мартов.

3 декабря 1905 г. в Петербурге в здании Вольно-экономического общества был арестован весь Петербургский Совет. Это было начало эпохи самой кровавой, самой разнузданной контрреволюции. Был арестован и Троцкий, который в Совете и на рабочих собраниях выступал под именем Яновского. Жандармы, конечно, без труда установили его личность.

Длившийся около месяца судебный процесс Петербургского совета рабочих депутатов, как по размаху обвинения, так и по количеству и разнообразию вовлеченных в него лиц в качестве обвиняемых и свидетелей, — несомненно, был одним из самых выдающихся политических процессов. Все главные обвиняемые по этому делу, в том числе и Троцкий, были приговорены Петербургской судебной палатой (19 октября 1906 г.) к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение. Для Троцкого местом ссылки был назначен Обдорск, Тобольской губ.

Однако до места ссылки Троцкий не доехал, сказавшись больным. Он задумал побег, который и удался. Дело было в Березове той же Тобольской губ.

Сам Троцкий рассказывает об этом эпизоде следующее:

— Известный эсер доктор Фейт, с которым мы вместе направлялись в ссылку, так же как и с Авксентьевым²³ (последний тогда недурно читал диалог «дамы просто приятной» и «дамы приятной во всех отношениях», и никто тогда не подозревал в нем тех государственных дарований, которые он развернул впоследствии), — вот этот доктор Фейт и посоветовал мне перечислить березовскому врачу все симптомы жестокого ишиаса — болезни, которую нельзя объективно установить и проверить. Я остался, и мне удалось бежать всего только после пятидневного пребывания в березовской больнице. Этот побег на оленях по девственной снежной пустыне в глухую зиму (20 февраля 1907) из Березова на Урал остался одним из самых лучших воспоминаний в моей жизни...

Побег из Березова Троцкий описал в своей блестящей брошюре «Туда и обратно», переведенной впоследствии на немецкий и, кажется, на другие языки. К сожалению, этой книги у меня под руками нет, да и вообще ее, вероятно, очень трудно достать. Есть лишь перевод статьи Эмиля Людвига об этом побеге с цитатами из книги Троцкого, но, выражаясь мягко, очень слабый перевод. Однако и по нему можно дать хотя бы и в слабой степени те впечатления, которые изложены Троцким в его брошюре о побеге из Берёзова.

VI Побег

... «Когда он подъезжал к маленькому городку Обдорску на Оби, оставив за собой полярный круг, он уже твердо решил бежать из Сибири, не дожидаясь не только окончания пятилетней ссылки, но не желая даже пробыть там и одного года». Так Э. Людвиг говорит о Троцком в начале своей статьи. — Теперь, когда он стоит у власти, в нем как наблюдателя историческая мысль действует интенсивнее, чем тогда в Вене в 1909 году, когда он, ссыльный, описал то время в своей прекрасной книге («Россия и революция»). Эта великолепная работа в наиболее сильных местах содержит пафос будущего, убежденность апостола и юмор стойкого мученика. Может быть, литераторы, вступившие с ним в полемику, и правы, но все, что они говорили, — не глубоко. Разделяет ли он идеи Маркса или нет, мог ли он быть расстрелян или остаться у власти, — все это не важно. Но очень мало найдется людей, которые на Рождестве 1917 г. предвидели, что русскому журналисту, когда он выступал в Брест-Литовске, удастся так долго держать власть «в то время, как два его противника в Германской империи пали. Вся Европа узнала тогда о его искусстве в дебатах, узнала глубину его образования; резкость и яркость его социологии. Он показал себя человеком с сильным характером, отказавшись подписать брест-литовский мир и послав вместо себя на последнее угрожающее заседание другого. Люди, вечно все порицающие, говорили, что он должен был уйти, если бы был последователен. Однако в том, что он остался, было гораздо больше выдержки. Он знал, что немногим было ясно, — это то, что главное заключается не в его идеях, а в проведении их в жизнь. И сознание, что он был проницательнее всех, влило в него уверенность».

...Троцкий не тщеславен, как очень немногие из европейцев. Он сохранил свою власть в чистоте, не позволяя прикасаться к ней ни интервьюерам, ни фотографам, ни репортерам, ни представителям фирм. Он сохранил ту деловитость, за которую даже его противники отдают ему должное. Его выдержанный деловитый характер и то, что он всю свою жизнь посвятил одной идее, — все это видно из его книги, написанной им после бегства из Сибири, «Россия и революция».

В ней не найдешь обыкновенных приемов журналиста, которого неприятельское государство возвело в герои, поработав его. Нет в нем и честолюбия гениального Стенли, который, описывая свои путешествия, хочет показать себя героем. Нет ни капли морализующей помпы буржуазных похорон, как рисуют себе будущее в Англии. Здесь все вылитое в соразмерную форму. Благодаря своему темпераменту, этот выдающийся писатель чередует в своем произведении демонические и ангельские образы и предсказывает ненавистному осмеянному государству лучезарную будущность. В своей книге он избегает выяснить самого себя, свою личность, но в остальной книге его блещет замечательными образами. Пророк и художник, повествователь и боец — неделимы. Собственное «я» уничтожено, только масса, только пролетариат является героем. Но по некоторым данным его творчества его можно узнать. В небольшом приложении, обнимающем всего 40 страниц, вопреки его желанию, Троцкий освещает то, о чем он гордо умалчивает, а именно — обрисовывает его таким, какой он есть, — идеальным насмешником, ритмическим политиком, скептическим фанатиком. Это, так сказать, дневник его бегства из Сибири.

Собственно, в побеге нет ничего особенного.

Незадолго до приезда к месту назначения, будучи в больнице, Троцкий начинает переговоры с одним либералом-купцом, который знал извозчика, вечно полупьяного зырянина, бывшего охотника за соболями, готовом идти на все, что опасно и прибыльно. Если Никифору (так звали зырянина) удастся доставить беглеца до уральских копей к подъездному пути, то в его пользу останутся олени, сани и довольно изрядная по тому времени сумма денег. Но чтобы осуществить это опасное предприятие, требовалось, конечно, достаточно ловкости и мужества.

Никифор — великан, с огненно-рыжими волосами, вечно полупьяный, хитрый проныра, болтливый, с постоянной бранью на устах, всегда опаздывающий, но при этом удивительно ловкий, — везет с нахальной неосторожностью дилетанта приключений. Везет целых восемь дней восемьсот верст по совершенно пустынным снежным степям.

Февраль — месяц самых страшных бурь. Кто попадет в эти метели, тот погиб наверняка.

Первую ночь Никифор спит, сидя в санях. Беглец трясет его; тот что-то бормочет. Олени идут шагом. А спасение зависит всецело

от первых 48 часов, потому что позже начальство будет извещено по телеграфу, и побег не удастся. Проснувшись, Никифор хочет заехать в Чумь, чтобы захватить шубу и «гусей»...

Наутро, после бури, беглец снова полон мужества.

— Луна давно зашла, мороз крепчает. В воздухе чувствуется приближение утра. Я надел поверх моего овчинного полушубка оленью доху и чувствовал себя уютно. Мы неслись по безлесным болотам. Убогие сани еле выглядывали из-под снега. Никифор откинул свою меховую шапку; белая шерсть оленьей шапки смешалась с его рыжими взъерошенными кочьями волос, и казалось, что его голова покрыта инеем. Мы едем мимо юрт, где остяки-охотники за белками сидят у огня и пьют. Их женщины страшны, как смерть, с ребятишками у голых грудей. Они выходят из юрт, отказываются от предложенных конфет и требуют водки. Я дал им чистого 95-градусного спирта. Они выпивают его с искаженными лицами и плюют. Никифор затеял дело: он нанимает одного из остяков, чтобы тот ехал впереди, как будто для того, чтобы олени лучше бежали за санями, но в сущности затем, чтобы задержать его от поездки в Березов, где он мог все разболтать. Но я не боялся. Я знал, что и Никифор сумеет дать начальству ответ. «Ты вез его? — Почему я знаю, кого я вез. Ты полицейский, а я извозчик. Ты получаешь деньги за то, что следишь, а мое дело — везти. Верно? — Правильно, — сказал я».

<...> — Сегодня 19-е число. Завтра открытие Думы. Ее первое выступление... Амнистия... Возможно. Но лучше обождать эту амнистию несколькими градусами южнее...

Одному из оленей пускают кровь. Он болен, хромает. Животное лежало со связанными ногами, не издавая ни единого звука, и печально лизало струящуюся кровь. Беглец велит переменить оленя. Хромого вожака привязывают сзади саней.

— Иногда я не мог поверить мысли, что это я, именно я, а никто другой, затерян здесь, среди снежных равнин. Пара саней, семеро оленей и два человека — все это движется вперед из угождения мне. Два человека, отцы семейств, покинули свой очаг для такого опасного путешествия в угоду третьему, который им совершенно чужд, чуждым и останется. Подобные вещи, может быть, часто и повсеместно происходят, но нигде, наверное, они так сильно не поражают нашу фантазию, как здесь, в тайге, в такой грубой и голой форме.

В одной зырянской хижине хозяин ее, бывший мелкий приказчик, лишившийся места и сделавшийся бродягой, среди запаха дыма и сивухи, выспрашивает мнение Троцкого: будет ли распущена Дума и появится ли издание сочинений Александра Ивановича Герцена. При этом этот просвещенный человек был не кто иной, как варвар, не желавший пошевелить пальцем, чтобы помочь своей жене, которая за всех работала. Всю ночь она не прилегла ни на час, таская дрова в хижину, мея хлеб и ухаживая за детьми. Варвар объясняет Троцкому, выдававшему себя за купца, что он — социал-демократ, потому что «социал-демократия руководствуется лишь научными основаниями»...

— Я протираю глаза от удивления: кругом далеко забытая всем светом тайга, грязные сани, пьяные вогулы и какой-то бывший деревенский ростовщик объясняет научные основания и положения социализма... Чувство партийной гордости, я должен сознаться, поднялось в моей груди...

Ближе к подъездному пути Никифор пытается проститься. Он едва держится на ногах.

— Смотри, чтобы тебе сивуха не повредила на обратном пути...

— Ничего. Что приятно животу, то хорошо и горбу...

Троцкий продолжает путь с чиновником, посланным собирать пошлину с монопольных винных лавок, выдавая себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. 27 февраля он садится на поезд в Перми.

— Поезд летит мимо тех же станций, где еще недавно так торжественно встречали нас жандармы. В первый момент мне было тесно и душно в узком пространстве. Я вышел на платформу. Было темно и ветрено. Но невольно из моей груди вырвался громкий крик — крик радости свободы. Вперед, всегда вперед!..

2-го марта Троцкий прибыл в Петербург, где товарищи ожидали его меньше всего.

VII

За границей

Около трех месяцев после побега Троцкий провел в Финляндии. Там он и выпустил книжку о своем побеге. Затем через Швецию проехал в Англию на Лондонский съезд с.-д. партии. Это было летом 1907 г. На этом съезде Троцкий не примыкал ни к боль-

шевикам, ни к меньшевикам, расхордись и с теми, и с другими по некоторым основным вопросам русской революции.

Впоследствии Троцкий поселился в Австрии, в Вене; часто уезжал в Берлин, находясь в постоянных сношениях с левым крылом германской социал-демократии. Кроме того, Троцкий довольно часто выступал с рефератами и в других западно-европейских городах, находя таким образом возможность поддерживать тесную связь как с русскими товарищами, так и с западно-европейскими социалистами. В 1908 году Троцкий, вместе с А. Иоффе и других товарищами, издавал в Вене популярную газету «Правда», которая нелегально привозилась и распространялась в России. Во время Балканской войны отправился в качестве корреспондента в Сербию и Болгарию, а затем (во время Бухарестской мирной конференции) в Румынию. Благодаря этому, Троцкий близко познакомился с социалистическими партиями Балканских стран.

Приближение мировой войны застигло Троцкого в Австрии. 3-го августа он был вынужден в трехчасовой срок уехать с семьей, чтобы не быть арестованным. Пришлось бросить на произвол судьбы все свои книги и рукописи.

Из Вены Троцкий приехал в Цюрих, где живет несколько месяцев. Скоро здесь выходит его книга (на немецком языке) «Война и Интернационал». Эта книга нелегально была привезена в Германию и дала там повод к целому ряду арестов и к процессу, в результате которого Троцкий был заочно приговорен к нескольким месяцам тюрьмы. Затем Троцкий едет во Францию — в качестве корреспондента «Киевской мысли». Здесь он прожил почти два года. В это время он поддерживал теснейшую связь с левым крылом французских социалистов и синдикалистов. А в августе 1915 года вместе с французскими левыми социалистами выезжал в Циммервальд на столь известную «Циммервальдскую конференцию».

В Париже Троцкий совместно с рядом своих друзей издавал на русском языке газету «Наше слово» — преимущественно для эмиграции.

Газета все время вела непримиримую борьбу против шовинизма и оппортунистического направления рабочего движения, а поэтому подвергалась жесточайшим преследованиям со стороны французской военной цензуры. Трижды закрывалась и выходила под новым названием.

«Наше слово» не была партийной газетой большевиков. На страницах ее по некоторым важным вопросам велась даже полемика с официальным изданием большевистской партии — газетой «Социал-демократ». Но основная линия была одна и та же. Хорошим доказательством этому может служить то, что вся редакция и все сотрудники «Нашего слова» (за единственным, пожалуй, исключением т. Лозовского²⁴) выполняли и выполняют ответственную работу в рядах Коммунистической партии. Из членов редакции и ближайших сотрудников «Нашего слова» хорошо известны следующие имена: Урицкий, Антонов (Овсеенко), Мануильский, Владимиров, Раковский, Балабанова, Чичерин, Чудновский, Луначарский, Рязанов, Павлович, М. Н. Покровский, Полянский²⁵. А из иностранцев: Лорио, Розмер, Монат, Гильбо, Мергейм, Ротштейн, Ролланд, Гольст²⁶ и др.

В конце сентября 1916 г., после упорного преследования со стороны агентов французской полиции, Троцкий, в сопровождении двух полицейских инспекторов, был вывезен из Франции в Испанию. По этому поводу Парижский комитет Циммервальдцев опубликовал открытое письмо Троцкого к бывшему министру Жюль-Геду.

После 10-дневного пребывания в Испании Троцкий был арестован по доносу французской полиции как вредный агитатор и заключен в тюрьму. Через некоторое время, под конвоем полицейских агентов Троцкий был препровожден в Кадикс и здесь около двух месяцев находился под надзором полиции. А затем был приговорен к высылке из Испании в одну из Американских республик, так как ни Англия, ни Италия, ни Швейцария не хотела оказывать гостеприимство русскому политическому эмигранту, интернационалисту, изгнанному из Франции.

В конце декабря Троцкий с семьей на пароходе выехал из Барселоны и в начале января прибыл в Нью-Йорк. Здесь Троцкий начал принимать участие в работах социалистической партии, главным образом в ее русском и немецком отделах, вел борьбу против вмешательства Соединенных Штатов в войну, сотрудничал в американской прессе.

Весть о революции в России оборвала эту деятельность. С первым отходившим пароходом норвежского общества Троцкий вместе с семьей выехал в Европу.

Однако в Канадском порту Галифаксе, где английскими властями ревизуются все пароходы, Троцкий с пятью другими товари-

щами был задержан. Его интернировали в Канадский лагерь для военнопленных как агитатора, «опасного для дела союзников». В этом лагере Троцкий провел около месяца в обществе немецких рабочих и матросов. Освобожден был Троцкий по настоятельному требованию Петербургского совета солдатских и рабочих депутатов, переданному Милюковым, который был тогда министром иностранных дел в составе Временного правительства.

VIII

Снова в России

Приехав в Россию, Троцкий вступил в организацию «Объединенных социал-демократов-интернационалистов», чтобы содействовать скорейшему и полному слиянию ее с партией большевиков, так как к этому времени все разногласия окончательно стерлись и совместная работа являлась необходимой и обязательной.

После событий 3–5 июля Троцкий был арестован правительством Керенского по обвинению в государственной измене. Троцкий был тогда заключен в «Крестах», где провел около двух месяцев. Это было последнее его заключение.

Через несколько месяцев пролетариат, за интересы которого Троцкий боролся всю жизнь, победил...

IX

Октябрьские дни

Несмотря на то, что буржуазные газеты травили большевиков изо дня в день, измышляя всякую клевету, на которую только способен развращенный буржуазный мозг; несмотря на то, что Переверзев²⁷ и Алексинский совместно с шпионом Ермоленко²⁸ фабриковали подложные документы, выставив в них вождей большевистского движения как агентов германского военного штаба; несмотря на то, что Горький, Базаров и прочая интеллигентская компания пророчили большевикам скорую и безвозвратную гибель; несмотря на то, что Керенский подтянул к Петербургу с фронта части войск, — несмотря на все это, все, кто умел видеть и понимать, видели и понимали, что коалиционное правительство Керенского доживает последние дни.

Некоторые части войск, как напр. два батальона самокатчиков, вызванных с фронта для подавления ожидаемого «большевицкого бунта», прислали Петербургскому Совету (тогда уже большевицкому) телеграмму с пути:

— Нас ведут в Петроград, не знаем, зачем, просим разъяснений.

Военно-революционный Комитет при Совете предписал им остановиться и выслать делегацию в Петербург. Делегация прибыла. Выслушав и поняв, в чем дело, делегаты заявили:

— Самокатчики на стороне революционного пролетариата. Военно-революционный комитет может располагать вами, как хочет. Мы в его распоряжении.

Это заявление было встречено восторженно. Самокатчикам было предписано немедленно вступить в город.

Председателем Военно-революционного комитета был Троцкий.

В небольшой угловой комнате в Смольном, на третьем этаже, непрерывно заседал Военно-революционный комитет. Члены его в течение целой недели находились тут безвыходно. Спали урывками тут же, на диванах. Каждую минуту приходили сюда с донесениями курьеры, разведчики, самокатчики, телеграфисты. Непрерывно звонил телефон.

Всю ночь на 25 октября Троцкий бессменно провел у аппарата, руководя отрядами революционных войск, матросов, рабочей гвардии. Обыватель мирно спал, не зная, что в эту ночь одна власть сменяется другой.

Временное правительство продолжало заседать в Зимнем дворце, в то время как он в течение дня 25 октября постепенно оцеплялся революционными войсками. А в час дня 25 октября Троцкий на заседании Петроградского Совета сказал:

— От имени Военно-революционного комитета заявляю, что правительства Керенского больше не существует. Впредь до решения Всероссийского Съезда Советов власть переходит в руки Военно-революционного комитета.

В этот день вечером в Смольный конспиративно прибыл Ленин. Он уже давно прибыл из Финляндии, где скрывался от агентов правительства Керенского. Последние дни он жил на петербургских окраинах в рабочих квартирах.

Вечером 26 октября происходило решающее заседание Всероссийского Съезда Советов. Ленин внес два декрета о мире и о земле. Оба были приняты после коротких прений. На этом же заседании

была создана и утверждена новая, рабочая власть — Совет народных комиссаров.

Петербург превратился в вооруженный лагерь. Ночью вокруг небольших костров дежурили на улицах вооруженные красноармейцы. Ни один автомобиль не мог прорваться по улице без пропуска из Смольного.

На Петербург шел Керенский с казаками, которыми командовал Краснов. Тот самый Краснов, который впоследствии объявил себя донским атаманом и расстрелял не одну тысячу крестьян и рабочих... Это был ближайший помощник и защитник Керенского.

Ночь 30-го октября. Холодная ночь. От Петербурга по направлению к позициям несется автомобиль. В нем — Троцкий и Муравьев²⁹, — тот самый, который впоследствии так трагически окончил свою жизнь. Автомобиль обгоняет обозы с провиантом, фуражом, боевыми припасами, артиллерией. Все это в такой короткий срок организовали рабочие Петербурга. Заставы из красногвардейцев то и дело останавливают автомобиль для проверки пропуска. Дисциплина железная, бдительность острая. Наступил самый решительный, самый ответственный момент. Это понимали и рабочие, и воинские части.

На следующий день между Красным Селом и Царским Селом произошло решающее сражение казаков Керенского с революционными войсками. После жестокого артиллерийского боя казаки отступили. В руки Советских войск попала радиостанция Красного Села. Троцкий воспользовался этим и дал радиотелеграмму:

«Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 мин. пополуночи.

Ночь с 30-го на 31-е октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть рабочей демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции. Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то, и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократки сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть — не переходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам.

Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди будет борьба, препятствия и жертвы. Но путь открыт и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим Пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена³⁰. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета Народных Комиссаров Л. Троцкий».

Краснов был разбит и пойман. И неосмотрительно освобожден под «честное слово» по настоянию левых эсеров... Знали ли они тогда — какое огромное преступление перед рабочими и крестьянами России взваливали они тогда себе на плечи?!

Керенский бежал, как мелкий мошенник, переодевшись в платье своего врага. В матросское платье.

Первая контрреволюционная вспышка была потушена. Кончилась одна эпоха. Началась другая.

Х

Брест-Литовск

В ночь на 31-е октября был разбит Керенский, а 7-го ноября Троцкий в качестве комиссара по иностранным делам обратился по радио к врагам и союзникам с предложением начать переговоры о всеобщем мире. В ответ на это от союзников, ответивших не Советскому правительству, а генералу Духонину³¹, посыпались угрозы.

— Дальнейшие шаги по ведению сепаратных переговоров о мире поведут за собою тягчайшие (для России) последствия.

Однако это никого не испугало. 11-го ноября Советское правительство обратилось с воззванием ко всем солдатам, рабочим и крестьянам. Советское правительство заявляло, что оно ни в коем случае не допустит, чтобы российская армия, армия русских рабочих и крестьян проливала свою кровь из-под палки иностранной буржуазии. Советское правительство решительно отметало угрозы западных империалистов, вчерашних наших союзников, и при-

нимало на себя всю ответственность за свою мирную политику перед лицом рабочего класса всего мира.

22-го ноября было подписано соглашение о приостановке военных действий на всем фронте от Балтийского до Черного моря. А 9-го декабря в Брест-Литовске открылись мирные переговоры. И, может быть, впервые тогда русский народ почувствовал, по Троцкому, что у него надежные вожди... Во время брестских переговоров Троцкий вырос в колоссальную фигуру. Его слова волновали весь мир. К его заявлениям прислушивались с одинаковым напряженным вниманием и друзья, и враги. В Бресте Троцкий превзошел самого себя.

14-го февраля 1918 г. в заседании Всероссийского Центрального исполнительного комитета Троцкий делал доклад о Брест-Литовских переговорах.

— Товарищи! — говорил он. — Советской России приходится не только строить новое, но и подводить итоги старого до известной степени, — и притом до очень высокой, — расплачиваться по старым счетам, прежде всего по счетам войны, которая длилась три с половиною года. Война являлась испытанием экономического могущества воюющих стран. Для России, как страны более бедной, более отсталой, участь при затяжной войне была предreshена. В могущественном столкновении военных аппаратов в последнем счете решала способность страны приспособить свою промышленность к военным потребностям, перестроить ее в кратчайший срок и в возрастающем количестве воспроизводить орудия истребления, которые изнашивались с такой быстротой в течение этой бойни народов. Каждая, или почти каждая, страна, в том числе и очень отсталая, могла в начале войны иметь могущественные орудия истребления, то есть могла получить их на внешнем рынке. Так и делали все отсталые страны, так поступала и Россия. Но война быстро изнашивает свой мертвый капитал и требует его постоянного воспроизведения. Военное могущество каждой отдельной страны, вовлеченной в круговорот мировой бойни, измерялось на деле ее способностью самостоятельно воспроизводить во время самой войны пушки и снаряды и другие орудия истребления.

Если бы война разрешила проблему соотношения сил в кратчайший срок, то и для России оставалась бы теоретическая возможность оказаться по ту сторону траншей, где оказалась бы победа. Но война затянулась надолго, и затянулась не случайно. Уже одно

то, что вся международная политика за последнее полувековье сводилась к построению так называемого европейского “равновесия”, то есть к тому, чтобы враждебные силы приблизительно уравнивались, — должно было, при могуществе и богатстве современных буржуазных наций, придать войне крайне затяжной характер. Это в первую очередь обозначало истощение более слабых, менее развитых в экономическом отношении стран.

Самой могущественной во всяком отношении оказалась Германия, благодаря могуществу своей индустрии (промышленности), благодаря современному, новому, рациональному строю этой индустрии при архаическом строе государства.

...Когда история поставила перед Русской революцией вопрос о мирных переговорах, для нас было несомненно, что в этих переговорах, доколе в них не вмешивалась решающая сила мирового революционного пролетариата, — мы должны будем расплачиваться по счетам трех с половиной летней войны. Для нас было несомненно, что в лице германского империализма мы имеем противника, который пропитан сознанием своей колоссальной силы, столь ярко обнаружившейся во время настоящей войны.

Все те соображения, развеваемые буржуазными кланами, будто мы были бы несравненно сильнее, если бы вели эти переговоры совместно с нашими союзниками, — являются в корне несостоятельными. Для того, чтобы в неопределенном будущем вести наши переговоры совместно с союзниками, мы должны были бы, прежде всего, продолжать войну совместно с союзниками, а если наша страна истощена и ослаблена, то именно продолжение войны, а не ее прекращение еще более ослабило бы и истощило страну. Нам пришлось бы подводить итоги войны в условиях еще менее благоприятных для нас. Если бы оказалось, что тот лагерь, в состав которого Россия введена международными комбинациями царизма и буржуазии, лагерь, во главе которого стоит Великобритания, — если бы оказалось, что этот лагерь вышел из войны вполне победоносным, это вовсе не означало бы, что наша страна вышла бы победоносной. Ибо при дальнейшей затяжной войне Россия внутри победоносного лагеря оказалась бы еще более истощена и разорена, чем сейчас. Хозяева этого лагеря, которые сосредоточили в своих руках плоды победы, то есть Англия и Америка, обнаружили бы по отношению к нашей стране те самые приемы, которые обнаружила в мирных приговорах Германия.

Было бы нелепым и жалким ребячеством исходить в оценке политики империалистических стран из других соображений, кроме соображений голого интереса и материальной силы.

...Вы вспомните, товарищи, при каких условиях ваша делегация выезжала в Брест-Литовск в последний раз непосредственно с одного из заседаний 3-го Съезда Советов. Тогда мы докладывали вам о состоянии переговоров и требованиях противной стороны. Эти требования, как вы помните, сводились к замаскированным, вернее полумаскированным, аннексионистским вождениям на Литву, Курляндию, часть Лифляндии, Моонзундские острова и к полумаскированной контрибуции, которую мы тогда исчисляли в 6–8, даже в 10 миллиардов рублей. Во время перерыва, который длился около 10 дней, в Австро-Венгрии разыгралось крупное брожение, вспыхнули стачки рабочих масс, и эти стачки были тем первым признанием нашего метода вести мирные переговоры, которые мы встретили со стороны пролетариата центральных империй перед лицом аннексионистских требований германского милитаризма. Каким жалким являются утверждения буржуазной печати, когда она говорит, что нам необходимо было два месяца разговаривать с Кюльманом, чтобы узнать, что германский империализм предъявит грабительские условия. Нет, это мы знали заранее. Но из “разговоров” с представителями германского империализма мы старались сделать средство для увеличения тех сил, которые борются с германским милитаризмом. Мы здесь не обещали никаких чудес, но мы утверждали, что тот путь, по которому мы идем, есть единственный путь, который останется у революционной демократии для того, чтобы обеспечить за собою возможность дальнейшего своего развития.

...Ни на какие уступки, само собою разумеется, Гофман не шел. Тогда настал час решения. Объявить войну мы не могли, мы оказалась слишком слабы. Армия утратила внутреннюю связь. Нам, для спасения нашей страны, для преодоления развала, необходимо восстановить внутреннюю связь трудовых масс. Эта психологическая связь может воссоздаться только путем творческой работы на пашне, на заводе, в мастерской. Нам необходимо трудовые массы, которые были подвергнуты колоссальным страданиям, катастрофическим испытаниям в войне, вернуть на пашню, на завод, где они должны будут снова найти себя и упрочиться в труде, и воссоздать внутреннюю дисциплину. И есть единственный путь

спасения для страны, которая расплачивается сейчас за грехи царизма. Мир, который вы нам навязываете, есть мир войны, и мы выводим армию из бойни. Мы не можем допустить, чтобы вы, господа немецкие дипломаты, могли сказать немецким рабочим: «Вы называли наши требования захватными, аннексионистскими, но смотрите — под этими требованиями мы привезли вам подпись русской революции». Да, мы слабы, мы не можем сейчас воевать, но у нас есть достаточно революционной силы, чтобы сказать, что мы не поставим добровольно нашей подписи под тем договором, который вы пишете вашим мечом на теле живых народов. Мы отказались поставить наши подписи, и я думаю, что мы правильно поступили, товарищи»...

Представители русского трудового народа — Всероссийский центральный исполнительный комитет — нашел, что его делегация поступила правильно, не подписав грабительских мирных условий. Когда Троцкий сказал последнюю, приведенную здесь фразу, раздались дружные единодушные аплодисменты.

Троцкий закончил свою речь следующими словами:

— Товарищи, я не хочу сказать, что наступление против нас со стороны Германии исключено. Такое заявление было бы слишком рискованно, если иметь в виду могущество германской империалистической партии. Но я думаю, что позиция, которую мы заняли в этом вопросе, в очень большой степени затруднила германскому милитаризму наступление. Что было бы, если бы он все же наступал? На это мы можем сказать только одно: если в нашей стране, истощенной, доведенной до отчаянного состояния, если в нашей стране можно поднять дух наиболее жизнеспособных революционных элементов, если возможна у нас борьба за защиту нашей революции и территории этой революции, то только в результате того положения, которое создалось сейчас, в результате нашего выхода из войны и нашего отказа подписать мирный договор.

Теперь мы видим — как прав был тогда Троцкий. Но тогда-то, тогда — все ли из нас были согласны с его оригинальной, в высшей степени «не дипломатической» формулой «Войны не вести, мира не подписывать»?!

Время оправдало ожидания Троцкого. Немецкие дипломаты, точные, как часы, поставленные им почти в ужасное положение, в каком они еще никогда, конечно, не бывали за все время своей

блестящей дипломатической деятельности, — остались в положении людей, которым собрали хороший обед, а дали только легкую, растрavляющую аппетит закуску. И они уехали из Бреста еще более голодными, чем сюда приехали. Голодные и слегка обиженные хотя и вполне дипломатическими, но слишком уж острыми шутками собеседника...

Где они теперь? Вспоминают ли они Брест, читая в газетах о непрерывной блестящей революционной деятельности Троцкого? Думают ли они, что им еще раз придется разговаривать с Троцким, но только в другой обстановке?!

XI

Во главе вооруженных сил революции

— Я отказался от дальнейшего дежурства потому, что дежурил без смены больше положенного времени. Мне нужна смена.

— Позвольте, товарищ: мы находимся на фронте, в боевой обстановке; я и многие другие товарищи работают без смены. Я, например, не спал ни одной минуты в течение целых двух суток.

— Разве я могу с вами равняться?.. На вашу работу, тов. Троцкий, смотрит весь мир, а кто будет знать, что какой-то пулеметчик простоял без смены лишних три или четыре часа...

— Идите к начальнику поезда и скажите ему, что я приказал вас арестовать на одну неделю.

Троцкий дисциплинирован, как никто. И эта самодисциплина далась ему, конечно, не даром. Но раз преодолел и увидев ее огромное, неизмеримое значение, он вводит эту дисциплину в революционные ряды железной рукой. Не будь этой дисциплины, революция погибла бы. Русский пролетариат потому и победил, что сумел достигнуть в короткий срок вершин организации. И эту организацию притом сумел сделать возможно активной, деятельной, творческой, возможно дисциплинированной.

Троцкий — враг всякой психологической расхлестнутости, распоясанности, морального разгильдяйства. Троцкий — организатор, постигнувший ту простую истину, что всякая организация прочна и жизнеспособна постольку, поскольку в ней существует внутренняя дисциплина. Без дисциплины не может существовать ни одна организация. Организация без дисциплины — банда психологических разгильдяев.

«Поезд Троцкого» может служить образцом организации и дисциплинированности. Это целый революционный мирок. Аскетический мирок работников, преданных революции. Тут ничего лишнего, мешающего работе. Осенью 1918 г. Троцкий удалил с поста даже телефонисток. Эти женщины не понимали трагической роли поезда. Они внесли ослабляющую атмосферу флирта, даже хотя бы и легкого, хотя бы и невинного. С тех пор в поезде Троцкого нет ни одной женщины. Не разрешается даже и женам поездного персонала посещать поезд.

— Если административные лица поезда будут брать с собою жен, то почему не могут делать того же и все остальные — матросы, красноармейцы?!. А если все возьмут с собою своих жен, во что же тогда превратятся весь поезд?..

Так рассуждает Троцкий. В трагической обстановке революционной борьбы, одной из самых жестоких, какие когда-либо были в мире, — не место мещанскому семейному благополучию. Тут это — дурной стиль.

Назначение Троцкого Комиссаром по военным и морским делам и Председателем Высшего военно-революционного совета является одним из самых удачных актов рабоче-крестьянского правительства. Это — роль Троцкого, это его место по праву и по его способностям. Другой, равной Троцкому силы по организационному таланту революция до сих пор еще не выявила.

Троцкий из хаоса создал прекрасную, что бы там ни говорили, боеспособную армию. Его метод — сделать эту армию дисциплинированной и, главное, сознательной. Армия из рабочих и крестьян обязана знать — за что она воюет. В сознательности армии — ее сила. Троцкий это очень хорошо понимает. Если рабочий или крестьянин поймет, что он защищает самого себя, свои интересы, свою жизнь, — он будет прекрасным, храбрым солдатом. Надо только сделать так, чтобы он понял.

В период хаотического состояния южного фронта при набеге Деникина Троцкий на одном из митингов заявил:

— Мне говорят, что здесь много дезертиров и что вообще здесь — плохая армия. Я вам говорю, что плохой армии здесь нет. Есть плохие комиссары и плохой командный состав. Нужно хороших комиссаров и хороший командный состав, и из этих дезертиров через неделю будут прекрасные солдаты, которые будут сражаться за дело рабочих и крестьян до последней капли крови.

Так просто и — так верно.

Революция сильна своей трагической правдой. Раньше царское правительство должно было напрягать все силы, чтобы как можно хитрее обмануть рабочих и крестьян, чтобы заставить их убивать таких же рабочих и крестьян «враждебной» страны. Тем же обманом действуют и белогвардейские руководители. В самом деле, какой разумный крестьянин добровольно пойдет воевать за то, чтобы отобрать у крестьян, то есть у него самого, землю и вернуть ее помещику? Какой разумный рабочий пойдет воевать за то, чтобы помочь капиталисту и фабриканту накинуть старую петлю на шею таких же рабочих, как и он сам? Только ловкое мошенничество, только ложь и обман может лишит рабочего и крестьянина здравого рассудка, заставив его бороться за интересы своего врага. Революции не надо прибегать ко лжи и обманам. Она сильна своей простой и трагической правдой. И Троцкий очень хорошо понимает это. Он знал заранее — какую помощь принесут армии политические комиссары и агитаторы. Нужно было, чтобы свой человек, рабочий или крестьянин, понявший неизбежность борьбы, пришел к таким же рабочим и крестьянам, как и он сам, и рассказал бы им правдиво и честно, за что борется Советская Россия. Только и всего. И вчерашние дезертиры неожиданно становятся прекрасными солдатами революции и совершают чудеса храбрости.

Троцкий знает силу горячего правдивого слова. Недаром сам он творит этим словом чудеса, превращая в какие-нибудь несколько дней бегущие в панике банды мобилизованных в стойкие революционные полки, которые останавливаются, как по мановению волшебного жезла, идут затем в наступление и гонят врага, как испуганное стадо баранов. Многие мобилизованные части революционизировались только на фронте. Это потому, что только на фронте они услышали первый раз честное и правдивое слово — простое слово о том — за что борется Красная армия.

Троцкий знает, что революция сильна не трескучими фразами, которыми обычно темные дельцы прикрывают ложь и обман, а своей простой и несокрушимой правдой. Разве не правы рабочие и крестьяне, что борются за свое освобождение от гнета фабрикантов и помещиков? И они лучше, чем кто-либо чувствуют эту свою правоту. Поэтому надо было сделать так, чтобы руководил и командовал революционной армией не этот подозрительный

«кто-либо», а сам рабочий и крестьянин. И Троцкий достиг того, что рабоче-крестьянской армией стали командовать не только специалисты, знатоки военного дела, но и сами рабочие и крестьяне... Мало того. Он достиг большего. Он силою своего организаторского таланта сделал так, что специалисты старой царской армии пришли и стали служить армии рабочих и крестьян. Здесь он показал могучую силу своей власти, которую облекли его рабочие и крестьяне Советской России. Он принудительно заставил служить рабочему классу его классовых врагов...

И это, несомненно, было одним из самых правильных приемов революционной власти. Это было проявлением железной дисциплины, которой неизбежно и неизменно должен сопровождаться период диктатуры пролетариата.

ХII

Трибун Революции

Блестящий подвижный ум, прекрасная диалектика, пламенный темперамент, поразительная находчивость и остроумие — все это дает полное право назвать Троцкого одним из самых блестящих первоклассных европейских ораторов. Поистине — это трибун революции. Его речи вдохновляют на подвиг. Его насмешки ранят смертельно. Его призывающий голос звучит как тревожный и приказывающий зов набата, который услышав раз, хотя бы и вдали, уже не уснешь спокойно.

Троцкий дал жизнь целому ряду фраз, выражений, отдельных слов. Острые словечки Троцкого, его меткие определения не сходят по целым месяцам с языка более мелких ораторов и со столбцов газет. Даже злобно кликушествовавшая буржуазная печать признавала за Троцким огромный талант трибуна.

— Если он говорит, что буржуазия будет подавлена, то вы чувствуете в его голосе, в его словах, в его согласованных, артистических жестах, что этот человек верит, что все будет именно так, как он говорит. Вы чувствуете гибель этой буржуазии, подавить которую призывает Троцкий. Вы ясно слышите стук молотка, вколачивающего гвозди в гроб. И эта вера, непобедимая убеждающая вера, переходит от него к аудитории. Троцкого слушают от начала до конца. Во время его речи не перешептываются, не смотрят рассеянно по сторонам.

Так приблизительно отзывалась о Троцком московская буржуазная печать, когда он приехал в Москву и выступал на митингах в рабочих районах.

И его характерный жест — левая рука назад, и его любимое вводное словцо — «стало быть», его яркие образы — «если буржуазия скажет, что солнце светит только для нее, — мы потушим солнце» и многое, многое другое, — все это уже стало заученным, как любимый урок, в тех кругах, где часто видят Троцкого.

Он никогда не пишет даже конспекта своих речей. Он всегда говорит экспромтом. Лишь иногда на клочке бумаги запишет цветным карандашом отдельные моменты речи, на которые он в особенности хочет обратить внимание аудитории. Пять-десять фраз. Одна написана красным карандашом, другая синим, следующая опять красным — и так далее.

Начало его речей всегда медлительное, периоды длинные. Это значит, что он еще только загорается. Через три-четыре минуты Троцкий уже пламенеет, горит. Как фейерверк брызжут остроты. Краткие, характерные для таланта Троцкого, точные и яркие фразы одна одной удачнее, одна одной пламеннее, всегда четкие, — слышны во всех уголках аудитории, как бы ни был велик зал. Троцкий «подает» каждое свое слово, каждое выражение. Он не глотает слов, не возвращается назад, потому что никогда не теряет нити своей мысли. Мысль у него дисциплинирована так же, как и весь его характер. Вернее — весь он подчинен своей мысли, своей внутренней логике. Я думаю, нет человека, который был бы так гармонически создан, как создан Троцкий. Полная гармония, полная согласованность моральных и физических качеств. Только этим и можно объяснить его поразительную неутомимость в работе, когда он может не спать по двое суток и более, питаться чем-нибудь и как-нибудь (между прочим, Троцкий почти совсем не ест мяса) и, тем не менее, выглядеть здоровым и бодрым. И даже в тот ужасный момент, когда эсер Савинков, белогвардеец Лебедев и «учредиловец» Фортунатов в нескольких верстах от поезда громили из артиллерии и пулеметов отважных защитников революции, — в тот момент, когда казалось, что гибель является почти неизбежной, Троцкий был в штабе армий и казался самым спокойным и самым деловитым начальником, у которого было только одно непреклонное желание: победить. Победить во что бы тони стало, победить непременно, каково бы ни было соотношение

сил той и другой стороны. И он больше других был или казался уверенным в победе, хотя, конечно, очень хорошо понимал, что главная и самая жестокая опасность поражения угрожает прежде всего ему. Думал ли он тогда о себе? Едва ли. Знал ли он, что в эти минуты решался вопрос о жизни и смерти русской революции? Может быть. Троцкий не будет лицемерить ни вообще, ни перед самим собой. Он знал силу своего влияния, верил в нее и твердо стоял на своем посту. Он сам отдавал многие приказания, сам ободрял бойцов.

— Надо победить. Так повелевает революция.

И он был деловит, как всегда, и как всегда спокоен. Так же деловит и спокоен, как тогда, когда смотрел на вспыхнувшую Казань, где в крови и пламени рождалась новая победа рабочего класса. Большая душа если и страдает, то страдает молча. А Троцкий, конечно, сильно страдал, когда там, на железнодорожной насыпи, смотрел на пылающую Казань и слушал грохот артиллерии, расстреливавшей казанских рабочих.

Я помню, как в тот вечер пришла к нам в вагон прибираться местная крестьянка и долго рассказывала нам о Троцком. Нам — о Троцком! Она только вымыла пол в его купе и, вероятно, только один раз мельком видела его, когда он выходил. Но она тотчас же узнала его. И надолго, может быть до конца жизни, сохранится у нее впечатление этой встречи.

— Видела, братики... Какое белое лицо. И уже седой, а еще и не старый. Много, видно, у него забот.

Она говорила долго. Говорила, как о сыне. Молила Бога, чтобы он помог Троцкому прогнать «проклятых чехов».

— А если Бог не поможет, так мы поможем, — пошутил слушавший ее матрос.

Крестьянка нежно погладила его по голове.

— Дай Бог, — опять сказала она. — По вас вижу, что люди у него хорошие. С вами не пропадешь.

Потом она замолчала и задумалась. Вздохнула, и неожиданно в двух словах выразила все свои впечатления о Троцком:

— Неулыбчивый человек... — сказала она и заторопилась к выходу.

Да, «неулыбчивый человек». Это оттого, что мало приходилось улыбаться всем тем, кто после целых столетий гнета и насилия взял в руки оружие и восстал против поработителей. Это оттого,

что борьба, кровавая и ужасная, стала единственным средством избавления. Восставший пролетариат творит жестокое и святое дело, зная, что у него нет выбора. Его ждет или смерть, или победа. И он умрет или — победит!

И. Л. ОРШЕР

Красный часовой Кронштадт

<Фрагмент>

XVIII

Между 13 и 16 мая

13 мая впервые приехал в Кронштадт Л. Троцкий.

Троцкого и Чудновского, только что прибывших из заграницы, ждали к восьми часам вечера и готовили им торжественную встречу.

Но в этот день в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов новый «министр социалист» развивал свою аграрную программу. Заседание Совета затянулось, и к восьми Троцкий приехать не мог.

Официальную «встречу» пришлось отменить, так как не знали, когда приедут петроградские гости, и приедут ли они сегодня.

Но солдаты, матросы и рабочие остались ждать, и когда в час ночи прибыли Троцкий и Чудновский, импровизированная неофициальная встреча вышла необычайно простой, сердечной и теплой.

Троцкого ждал Кронштадт, он чуял в нем вождя, за которым идти не страшно, за которым идти можно и нужно. Инстинкт масс почти никогда не бывает обманчив, и в данном случае инстинкт не обманул кронштадтцев. В истории Кронштадта Троцкому пришлось сыграть видную роль.

Если Троцкий до сих пор считает Кронштадт «гордостью русской революции», то и Кронштадт со своей стороны до сих пор считает Троцкого гордостью Кронштадта.

Несмотря на поздний час (было уже половина второго), на Якорной площади состоялся митинг, произошла первая беседа Троцкого с Кронштадтом.

На следующий день было назначено заседание Кронштадтского Совета, на котором должны были присутствовать петроградские гости. Нужно было им дать отдохнуть. Народ с пением Марсельезы проводил их до отведенной для них квартиры.

Петроградские гости... сели работать, готовясь к завтрашнему выступлению в Кронштадтском Совете.

13 мая в 12 часов дня открылось заседание Совета. Председатель произнес приветственное слово, после которого сейчас же было приступлено к делу.

Троцкий не был похож на гастролеров, приезжавших в Кронштадт пленить сердца.

Это был механик, приехавший пустить в ход новую фабрику.

Все было готово, здание было выстроено на славу. Машины новые, прочные. Котлы отличные. Не доставало только механика, чтобы вдунуть жизнь в новые машины. Таким механиком был Троцкий.

Тут не до красивых жестов и слов. Фабрике не нужны слова. Машины и котлы ждут действия.

Кратко поблагодарив за приветствие, Троцкий стал обрисовывать положение вещей в Петрограде. Он рассказал, в каком глупом и гнусном положении очутились министры-социалисты. Метко охарактеризовал «аграрную статистику» Чернова, бесполезную и глупую в то же время, когда нужна «аграрная революция». В двух словах очертил личность Керенского, заложника буржуазии в Совете рабочих и солдатских депутатов — с одной стороны, и заложника демократии во Временном правительстве — с другой.

Рассказал, как этот заложник объезжает фронт с лозунгами «суровой дисциплины для солдат», и как распущены, ни в грош его не ставят командующие армиями генералы.

Каждое слово Троцкого, точно молот, разбивало глиняный истукан, который назывался «Временное правительство», «Коалиционное министерство» и т. д.

Становилось ясно, что не в этом истукане, нелепом, уродливом и хрупком — спасение революции. Еще более ясным становилось, что власть должна быть одна и что этой властью должен быть Совет рабочих и солдатских депутатов. Не может быть другой власти, кроме власти Советов.

«Вы сами писали резолюцию о взятии власти в свои руки, — то, что хорошо для вас, хорошо и для всякого города. Вы стоите

впереди, а другие отстали. Вы должны призвать их встать на ту же точку зрения, на какой стоите и вы. Вы должны говорить им: «Мы стоим, как гранитная скала, встаньте на ту же почву, берите власть в свои руки и требуйте, чтобы центральная власть России перешла в Совет рабочих и солдатских депутатов».

Дальнейший путь Кронштадта был начертан опытной рукой вождя.

Этот путь вел к 25 октября.

На следующий день Троцкий уехал в Петроград, но частица его огня осталась в Кронштадте. Искра была заронена, и уже через два дня, а именно 16 мая, «от искры возродилось пламя».

Я. СУЩЕВСКИЙ <Я. Г. БЛЮМКИН>

День Троцкого

У кондуктора, у чернорабочего, у любого советского служащего есть восьмичасовой рабочий день, окарауливаемый ВЦСПС и Кодексом Труда.

У Л. Троцкого этого дня нет.

Его рабочий день переваливает за восемь часов и, по состоянию времени, день — ночью может быть еще в самом разгаре.

По времени так было все эти пять лет. Но содержание дня, его, так сказать, внешний стиль и внутренний смысл, конечно, зависели от того, что переживала сегодня Советская Республика.

По нервности, напряженности, историческим последствиям, подвижности, по количеству произнесенных речей, характеру действия, дни Л. Троцкого в пределах 21–22 годов отличаются от дней 18 или 19 годов. Теперь — «и стих и дни не те».

На путях Николаевского вокзала отдыхает поезд Троцкого — революционный бродяга со скоростью тигра покрывший не раз страну — и горячечные дни Л. Троцкого, выскочившие из обычного темпа, теперь вернулись к нему. Вместо железнодорожных узлов, дивизионных халуп, областных городов, шоссе, поездных салонов они сосредоточились на старой пустынной Знаменке, в бессолнечных дортуарах царского военного училища.

Военных фронтов нет — это верно. Но есть фронты — промышленный, художественный, алкогольный, вшивый, пуговичный, авиационный, морской, церковный, французский фронт в Коминтерне, и мысль, энергия Троцкого объезжает, ревизует, направляет эти фронты, как раньше военные, создает на них

переломы и добивается побед не менее — значительнее боевых, хотя не в пример им лишенных патетических реляций и пронзительных, сладостных фанфар.

Л. Троцкий начинает с газеты. Она служит ему средством бытовой связи и деловой информации. Он ее читает, словно доклад выслушивает, и очень часто газетные сведения влекут за собою его спешные запросы, многочисленные различные мероприятия.

Очень часто телеграммы «Роста», репортерская заметка, заезжее интервью прокладывают дорогу какому-нибудь принципиальному решению, одобрению, хлесткому порицанию, теоретическому анализу, сделанному тут же по свежим следам происшествий.

В этом утилитарном, служебном отношении к газете, как средству ориентировки в дне сказывается высокая культурность — и политическая и журналистская — вождя революции и публициста революции.

Затем, в разное время дня и ночи Троцкий читает и диктует.

Что читает?

Все, что может быть адресовано Наркомвоенту РСФСР и что может интересовать международного социалистического публициста, по выражению Шоу, короля памфлета. — Все: от subordinированного военного рапорта с эпитетами «вышеозначенный и подлежащий» — странички штабной хрестоматии — до математических результатов обследования заработной платы крупнейших предприятий, — нашей астрономической статистики; от частного захолустного прошения — грустной житейской слезницы до изысканной дипломатической шифровки — мировой коммерции; от газетной передовицы — политического забияки — до книги Каутского об усопшей в России демократии — старческого, талмудического препирательства по поводу марксистской ижицы; от томика Ветлугина — кокаина-романа — до томища Ландау — бесконечной философской эпитафии умирающей Европы: от доклада о бандитизме — фантастической русской летописи — до сводок Коминтерна о международной революции, о движении — свистопляске целых капиталистических континентов. — И Шпенглера с Эйнштейном, и «Таймс» с «Таном», и «Дни» с «Рулем», регулярно получаемые вместе со всей европейской прессой.

На его столе военная тактика гениального чудака и балагура Суворова познала книжное соседство с тактикой Маркса, чтобы

прихотливым образом соединиться в голове одного человека, обслуживающей запросы, проблемы, тактику революции.

Читает с карандашом в руке, который держит, как хирург зонд, подчеркивает, размечает, нумерует мысли авторов, ассоциирует, делает полемические замечания — и книга возвращается с его анатомического стола, как препарированный труп.

Что диктует?

Запросы, резолюции, ведомственные наказы, приказы, статьи, брошюры, дружеские и саркастические письма, отписки, воспоминания — короткие и длинные, сухие и пылающие, стилистически-тщательные, блестящие, являющиеся образцом эпистолярного стиля и памфлетической реплики, восторгавшей Брест-Литовскою удалца гр. Чернина, все точное, ясное, деловое. Диктует по всем адресам и направлениям — на Лубянку, на Покровку, в Париж, подпольным друзьям.

Да, Париж, в шестнадцатом году изгонявший Троцкого и теперь трижды блокированный и забронированный от того же Троцкого контрразведкой Пуанкаре, в Париж, — ибо кабинет Троцкого — небоскреб мировой политики.

И недаром меньшевистскому коммивояжеру Дану агенты Троцкого мерещатся в Париже до того, что он в последнем номере «Социалистического вестника» божится, что его освистали на недавнем докладе Парнаса не рабочие, а комсомольцы, организованные Московскими агентами, в столице Франции.

Отряд самокатчиков и мотоциклистов в течение дня и ночи с фронтовой быстротой развозит во все концы бесконечной Москвы эту государственную деловую литературу Наркома — итог его дня — критическую саранчу, которая пожирает не одну ошибку, не одну глупость на трудовом Советском поле.

В деятельности Троцкого в течение дня — становясь постоянной в нем, вырисовывается прежде всего, черта утилитарного деспотизма.

Он читает и скальпирует книги, газеты, доклады не для себя, — он стремится обобрать до нитки их каждую строку, страницу, отыскать в ней карандашом хотя бы микроб пользы для Советской Республики, русского и международного пролетариата, которые для него не абстракция, а живые, постоянно ощутимые факторы работы.

И пускай за недостатком времени он физически не присутствует на рабочих собраниях, он бывает на них мысленно, постоянно

остро ощущая малейшее колебание массовых настроений. Точно так же он умеет с неослабным вниманием, ставшим сознательным инстинктом, со своей вышки следить за нынешней Красной армией, ее внутренними переживаниями и усилиями, приходит к ним на помощь и следить за каждым шорохом на внешних границах.

В течение дня тишину его скромного, перестроенного из угла казарменного зала-кабинета, осаждают телефонные звонки, звучащие разрывами снарядов. По телефону, в котором он ценит — экономнейшее средство общения, им делается едва ли не половина дела. С Реввоенсоветом, со Штабом РККА, размещенными тут же в здании, с необозримыми по числу государственными учреждениями он решает все возникающие вопросы — по телефону.

Внешние дни монотонны, не суетны, сосредоточенны. Лишь в период Съездов Советов, партии, конгрессов Коминтерна, они снова, как бы выходят из темпа, заполняются заседаниями, лихорадочным, тщательным штудированием материалов, переговорами, приемами, которых обычно мало, и частными скачками машины. Но текущая работа не превращается, а лишь отодвигается на второе место в рабочей очереди.

Как организационно работает Троцкий?

Метод работы всегда один. В основу его положен принцип разделения труда, вплоть до поручения синтаксической правки речей и подготовки книг к печати из огромного литературного имущества прошлой эпохи — другим, и математический учет времени, т. е. принципы тейлоризма.

В своей работе Троцкий делает только то, что он один должен и может делать, все остальное доведут до конца другие, — его сотрудники. Он диктует, шагая и бегая по кабинету, другие переписут, педантически поставят запятые и двоеточие, подпишут, сдадут самокатчику, проследят судьбу пакета до конца.

Он пишет статью, другие — библиотекари — найдут нужную цитату из Маркса, из Блока, из Энгельса и Клаузевица, переписут, обозначат, а иногда и сами включают в оставленное для нее по мысленному расчету место, в продиктованной статье.

Троцкий готовится к решающему, правительственному или партийному докладу, — библиотека, по заданиям, найдет всестороннюю литературу, секретариат соберет материалы у ведомств, подаст в кабинет толстые папки, которые вернутся в результате

использования и обработки, как бы после Мамаева побоища, карандашей и ножниц.

Аппарат Троцкого состоит из комбинации простых, но всемогущих вещей стенографиста, телефонного коммутатора и хорошего автомобиля — всего, что сокращает движение, содействует усилию экономить энергию. В этом смысле, говоря полшутливо Гастеву¹, если бы это было возможно, не мешало бы устроить экскурсию Института Труда... в кабинет Троцкого.

Так же как и Кропоткин², Троцкий отдыхает или переходом к другой работе, или сменой темы и объектов, или в спорте.

Статьи о художественной литературе, сопровождавшиеся огромным чтением десятков книг, сборников, статей и диктовавшиеся летом 22-го года, насколько нам известно большей частью по телефону с дачи, были специальной работой, но в то же время и отдыхом от обычной работы.

Иногда, очень устав, Троцкий охотится, бегаёт на лыжах, удит рыбу, играет в крокет и шахматы.

Так работает Троцкий, этот — вчера политический скиталец, изгнанник буржуазных государств, социалистический теоретик, сегодня, овладевший искусством государственного управления в огромной стране в переломную эпоху, универсальный человек, представляющий универсальное средоточие высоких человеческих интересов — вождь революции.

К. РАДЕК

Лев Троцкий

Праздник пятилетия Красной армии за нами¹. По его поводу появились в партийной печати сотни и тысячи статей, посвященных созданию Красной армии. Но я думаю, что все эти статьи чересчур мало ставили дело создания Красной армии в рамки развития нашей партии. В день юбилея партии можно и нужно дополнить этот недостаток и остановиться на роли в этом великом деле Льва Давидовича Троцкого.

История подготавливала партию к разной работе. Сколько бы ни было недостатков в нашей государственной машине, сколько бы ни было недостатков в нашей хозяйственной работе, все-таки все прошлое партии подготавливало ее психологически к работе по созиданию нового хозяйства и нового государственного аппарата. Даже для дипломатии нас подготавливала история. Незачем говорить о том, что мировая политика всегда занимала мысли марксиста. Дипломатическую технику мы вырабатывали в бесконечных заседаниях с меньшевиками, и товарищ Чичерин учился сочинению дипломатических нот в этой старой войне. Но — о, чудо! — хозяйничать мы только начинаем учиться. Государственная машина наша скрипит и спотыкается. А что у нас вышло действительно хорошо, — это Красная армия. Создатель ее, волевой центр ее, это — РКП в лице товарища Л. Д. Троцкого. Старый Мольтке², творец германской армии, высказывал часто опасение, что перья дипломатов испортят работу солдатских сабель. Воины всего мира, хотя между ними находились и классические писатели, всегда противопоставляли меч перу. История пролетарской революции доказала, как можно перековывать

перья в мечи. Троцкий — один из лучших писателей мирового социализма, и ему эти литературные качества не помешали быть первым вождем, первым организатором первой армии пролетариата. Перо лучшего своего публициста революция перековала в меч.

Литература научного социализма мало дала Троцкому для решения задач, перед которыми поставила партию и Советскую Россию опасность со стороны мирового империализма. Если пересмотреть всю социалистическую литературу перед войной, то за исключением нескольких малоизвестных работ Энгельса и нескольких глав в прекрасной книге Меринга о Лессинге, посвященных военной работе Фридриха Великого, в мировой литературе социализма существовало только четыре сочинения на военные темы: брошюра Августа Бебеля о милиции, книга капитана Гастона Мокка о милиции, двухтомная история войны Шульца и книга Жореса, посвященная пропаганде идеи милиции во Франции. За исключением книг Шульца и Жореса, имеющих большую ценность, все что появлялось в социалистической литературе после смерти Энгельса на военные темы, было плодом полнейшего дилетантизма. Но и работы Шульца и Жореса не отвечали на те вопросы, перед которыми стала русская революция.

Книга Шульца давала схему развития форм стратегии и военной организации в продолжение столетий. Она была попыткой применения марксистского метода исследования истории к войне и кончалась на наполеоновских временах. Книга Жореса, полная размаха и блеска, обнаружившая прекрасное знакомство с проблемами военной организации, страдала тем основным пороком, что этот гениальный представитель реформизма хотел капиталистическую армию сделать орудием национальной защиты, освободив ее от функций орудия защиты классовых интересов буржуазии. Поэтому он не был в состоянии понять тенденции развития милитаризма и в вопросе о войне, в вопросе об армии довел идеи демократии до полнейшего абсурда.

Я не знаю, насколько перед войной товарищ Троцкий занимался вопросами военной теории. Я думаю, что толчок для гениального понимания этих вопросов он получил не из книг, а тогда, когда во время Балканской войны он как корреспондент присматривался к этой репетиции мировой войны. Вероятно, он углубил свое понимание механизма войны, механизма армии, будучи во время

войны во Франции и составляя свои блестящие очерки войны для «Киевской мысли».

По этой работе видно уже, как великолепно он понимал душу армии. Марксист Троцкий видел не только внешнюю дисциплину армии — пушку, технику, — а он видел живых людей, обслуживающих орудия войны, видел шеренги,двигающиеся на поле сражения. Троцкий — автор первой брошюры, дающей широкий анализ причин падения Интернационала; Троцкий в момент этого величайшего падения Интернационала не потерял веры в будущее социализма, наоборот, он был глубоко убежден, что те свойства, которые буржуазия пытается для своей победы воспитать в пролетарии, одетом в шинель, — что эти качества обернутся скоро против буржуазии и будут основой не только революции, но и создания революционных армий. Одним из замечательнейших документов этого его понимания классового строения армии, понимания души армии, является его речь по поводу июльского наступления Керенского, произнесенная, кажется, на I съезде Советов или в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В этой речи Троцкий предсказывает крушение наступления, предсказывает его не на основании известий о состоянии военной техники на фронте, а на основании анализа политического состояния армии. «Вы, — говорил он, обращаясь к меньшевикам и эсерам, — требуете от правительства пересмотра целей войны. Вы этим говорите армии, что старые цели, во имя которых царизм и буржуазия требовали неслыханных жертв, не отвечают интересам русского крестьянства и русских рабочих. Вы не добились пересмотра целей. На место царя и отечества вы не поставили ничего, и вы требуете от армии, чтобы она во имя этого ничего пошла в тяжелый бой, проливать свою кровь. Во имя ничего нельзя бороться. И ваша авантюра кончится разгромом». В этой постановке вопроса, сделанной Троцким, вся тайна величия Троцкого как организатора Красной армии.

Все великие военные писатели подчеркивали громадное значение, решающее значение морального фактора войны. Половина бессмертной книги Клаузевица³ посвящена этому вопросу. И вся победа наша в гражданской войне основана на том, что Троцкий сумел эту науку о значении моральных факторов войны применить на деле. Когда гибла старая царская армия, военный министр правительства Керенского Верховский⁴ предлагал отпустить все более

старые возрасты, сократить тыловые учреждения и влить в армию новый, молодой элемент. Когда мы пришли к власти и когда окопы оказались пустыми, многие из нас предлагали то же самое. Но эти идеи были полны утопий. Нельзя было в бегущую царскую армию вливать новые силы. Две эти волны друг друга перерезали и распыляли. Старая армия должна была умереть; новая могла быть создана только на почве тревоги, охватившей Советскую Россию, рабочего и крестьянина, за завоевания революции. Когда в апреле 1918 года в кабинете у товарища Подвойского собрались лучшие из бывших царских офицеров, которые не бросили рядов армии после нашей победы, дабы совместно с нашими товарищами и с рядом военных представителей союзников разработать план организации армии, Троцкий — я помню, великолепно помню эту сцену — в продолжение многих дней прислушивался к их планам молча. Это были планы людей, не понимающих переворота, на их глазах происшедшего. Каждый из них отвечал на вопрос о том, как создать армию по-старому. Они не понимали перемен, которые произошли в человеческом материале, на котором строится армия. Выслушав все предложения, Троцкий выдвинул собственное: создание добровольческой армии. Пока что военные молчали, но считали это бесполезной затеей. Старик Борисов⁵, считающийся одним из лучших военных писателей, сто раз убеждал меня и товарища Антонова-Овсеенко, принимавших участие в редакции «Военного дела», что ничего из этого предприятия не выйдет, что армия может быть построена только на началах общеобязательности, на началах железной дисциплины. Он не понимал, что добровольческие отряды были столбами, вбиваемыми в землю; вокруг которых должен укладываться кирпич, что крестьянина и рабочую массу можно будет только тогда снова призвать под военные знамена, когда опасность смерти будет смотреть в глаза народным массам. Ни на минуту не допуская мысли, что добровольческая армия может спасти Россию, Троцкий строил ее как аппарат, нужный ему для создания новой армии. Но если уже в этом выражался организаторский гений Троцкого, смелость его мысли, то еще более яркое выражение она нашла в мужественном его подходе к идее использования военных специалистов для строения армии. Всякий хороший марксист понимал великолепно, что для постройки нового хозяйственного аппарата нам все-таки нужны старые капиталистические организаторы.

В своей апрельской речи 1918 года о задачах Советской власти Ленин выдвинул эту идею с полной настойчивостью. В зрелых кругах партии она вообще не оспаривалась. Но идея, что мы можем создавать орудие принуждения, орудие защиты республики, каковым является армия, при помощи офицеров старого режима, встречала сильнейшее сопротивление. Как можно вооружать только что разоруженных белых офицеров? — спрашивали многие товарищи. Я помню дискуссию по этому поводу в редакции «Коммуниста», органа так называемых левых коммунистов, где по поводу вопроса об использовании кадровых офицеров чуть не произошел раскол. Для того чтобы добиться ясного решения по этому основному пункту, мне пришлось поставить вопрос о выходе из редакции. А ведь редакция этого органа включала ряд наиболее образованных теоретиков и практиков партии: достаточно назвать Бухарина, Осинского, Ломова, В. Яковлеву⁶. Еще сильнее было неверие в широких кругах наших армейских практиков, вышедших из военной организации, созданной нами во время войны в процессе разрушения царской армии. Только пламенная вера Троцкого в нашу социальную силу, вера в то, что мы сумеем взять у военных специалистов науку и не позволим им навязывать нам свою политику, вера в то, что революционная бдительность передовиков рабочих победит все контрреволюционные козни кадровых офицеров, могла переломить недоверие наших военных работников и научить их использовать силы кадрового офицерства. Чтобы выйти практически победителем в этом вопросе, нужно было, чтобы во главе армии стоял человек с железной волей, к которому имела бы полное доверие не только партия, но железной воле которого подчинялся бы и враг, принужденный служить нашему делу. Товарищ Троцкий не только сумел, благодаря своей энергии, подчинить себе бывшее кадровое офицерство, — он достиг большего. Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников. Я наблюдал одну из таких побед Троцкого еще во время брестских переговоров. Военные, которые с нами были в Брест-Литовске, относились к нам более чем сдержанно. Они из-под палки выполняли роль экспертов, думая, что они присутствуют при комедии, прикрывающей давно состоявшуюся сделку большевиков с германским правительством. Но по мере того как товарищ Троцкий развертывал борьбу во имя

принципов русской революции против германского империализма, по мере того как в зале заседания всякий человек почувствовал моральную и идейную победу этого славного представителя русского пролетариата, по мере того как развивалась великая брест-литовская драма, недоверие к нам военных специалистов таяло с каждым днем. Я помню ночь, когда пришел ко мне в комнату покойный адмирал Альтфатер⁷, один из первых офицеров старой армии, который начал не за страх, а за совесть помогать Советской России, и сказал мне просто: «Я приехал сюда, потому что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине».

Одна из величайших побед Троцкого состоит в том, что он сумел людям, пришедшим к нам по принуждению из вражеского лагеря, внушить убеждение, что Советское правительство есть правительство, борющееся за благо русского народа. Понятно, что эта великая победа на внутреннем фронте, эта моральная победа над противником была не только результатом железной энергии Троцкого, внушающей всем уважение, не только результатом глубокой моральной силы, великого умственного, даже военного авторитета, который умел завоевать себе этот социалистический писатель и трибун, поставленный волею революции во главе армии; для этой победы была необходима и самоотверженность десятков тысяч наших товарищей в армии, железная дисциплина в наших рядах, последовательность, с которой мы шли к своей цели, — для этого нужно было чудо массы, которая, вчера сбжавши с фронта, сегодня при гораздо более тяжелых условиях снова стала на защиту страны. Это влияние массовых психологических и политических элементов само собою понятно, над их созданием работала вся партия, но оно находило самое сильное, самое концентрированное и, так сказать, сокрушительное выражение в лице Троцкого, которому партия доверила военное дело. Русская революция действовала тут через мозг, через нервную систему и сердце этого великого своего представителя. Когда началось первое наше вооруженное испытание — с чехословаками, — партия и с ней ее вождь Л. Д. Троцкий показали, как можно применить принцип политических кампаний, которому уже учил Лассаль, к вооруженной борьбе, к борьбе аргументами из стали. Мы сосредоточили все свои силы, материальные и моральные, на войне. Необходимость этого пони-

мала вся партия. Но эта необходимость находит снова в стальной фигуре Троцкого свое высшее выражение. После нашей победы над Деникиным в марте 1920 года Троцкий на съезде партии сказал: «Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых»⁸. В этих нескольких словах выражено все неслышанное сосредоточение воли, которая нужна была для победы. Нужен был человек, который был бы воплощенным призывом к борьбе, который, вполне подчинив себя необходимости этой борьбы, стал бы колоколом, зовущим к оружию, волей, требующей от всех безусловного подчинения великой кровавой необходимости. Только человек, так работающий, как Троцкий, только человек, умеющий так говорить солдату, как говорил Троцкий, — только такой человек мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа. Лучше всего характеризует это объединение стратега и военного организатора с политиком тот факт, что при всей этой тяжелой работе Троцкий находил в себе достаточно чуткости, чтобы понять значение для войны Демьяна Бедного или художника Моора⁹. Наша армия была крестьянской армией, диктатура пролетариата в ней, то есть руководство этой крестьянской армией рабочими и представителями рабочего класса, осуществлялась партией в лице Троцкого и работающих с ним товарищей и осуществлялась в первую очередь таким образом, что Троцкий сумел при помощи всего аппарата нашей партии внушить крестьянской армии, усталой от войны, глубочайшее убеждение в том, что она борется за свои интересы.

Троцкий работал со всей партией над делом создания Красной армии. Он не выполнил бы своей роли без партии. Но без него создание Красной армии и ее победы требовали бы во много раз больше жертв. Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта блестящая страница истории русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира¹⁰.

Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ

Мистер Троцкий на службе буржуазии, или Первые шаги Л. Троцкого за границей

Буржуазная реакционная пресса обогатилась с конца февраля 1929 г. новым сотрудником — Л. Д. Троцким. На страницах газет «Дэйли Экспресс» (орган консервативной партии — орган Чемберлена) в Англии, «Нью-Геральд энд Трибюн», «Нью-Йорк Таймс» (органы американских капиталистов), ультра-консервативных голландских газет: «Альгемейне Хандельсблатт» и «Ньюве Роттердамер Курант», а также в других реакционных буржуазных органах, обслуживаемых американским агентством «Консолидайтет Пресс», напечатана серия статей Л. Троцкого, проданных Троцким этому агентству за крупную сумму долларов¹. Само собой разумеется, что это вызывает бурное ликование реакционной печати, которой и во сне не снилось, что у нее в 1929 году появится сотрудником «мистер Троцкий», как значится под портретом Троцкого на страницах газеты «Дэйли Экспресс» от 27 февраля 1929 г. В восторге от этого события «Дэйли Экспресс» и другие буржуазные органы печатают сногшибательные аншлаги: «Собственноручная история Троцкого об его высылке из России», «Драматические разоблачения изгнанного революционера», «Жестокие атаки на Сталина, главного его врага» и т. п. Затем «Дэйли Экспресс» предупреждает своих читателей, что «вторая часть его разоблачений будет опубликована исключительно в “Дэйли Экспрес” завтра».

Да, буржуазии есть чему радоваться. На время имя «мистера Троцкого» может служить приманкой для падкой до сенсации одурачиваемой буржуазной прессой публики, и не жалко запла-

тить Троцкому несколько тысяч или даже несколько десятков тысяч долларов за его клеветнические статьи по адресу коммунистической партии, советской власти и Коммунистического Интернационала.

* * *

За последние годы судьба Троцкого как руководителя бывшей «оппозиции» и как организатора антисоветской подпольной партии чрезвычайно интересовала наших классовых врагов. Социал-демократическая и буржуазная пресса подхватывала налету каждое измышление, каждое клеветническое заявление Троцкого, каждый его выпад против партии, против ее руководства, против советского режима, против Коминтерна. Его статьи и книги охотно перепечатывались и рекламировались буржуазной прессой, буржуазными издательствами, потому что вся словесная «левая» мишура его писаний ничто по сравнению с их контрреволюционной сущностью, по сравнению с объективной контрреволюционной ролью, которую они играли и играют в руках наших классовых врагов. Если друг Троцкого реформист Суварин в «Пролетарской революции» (орган Суварина) писал: «Политбюро заменило кабинет царя как высший орган бюрократии», то почему же английскому лорду Грэю было не повторять эти слова? Если Троцкий писал в октябре 1928 г. о том, что советский строй в последние годы является керенщиной наизнанку, то почему не ухватиться за эту мысль всем врагам Советского Союза, почему социал-демократам не использовать эти утверждения для обмана обывателя?

«Манчестер Гардиан» (орган английских либералов) от 13 июня 1927 г. писала, что «в настоящее время идеи социал-демократов и коммунистической оппозиции все больше и больше сходятся».

«Венская рабочая газета» (орган австрийских меньшевиков) 4 октября 1926 г. писала, что «Троцкий, в противовес правительству, представляет право на оппозицию, право на свободное слово. Троцкий борется с абсолютизмом господствующей группы. Он кажется нам предвестником грядущей большой демократической фазы, преодолевающей диктаторскую монсполию господствующей группы».

В августе 1927 года социал-демократ Розенфельд писал в органе французских «социалистов» «Попюлэр» о троцкистах, что они

«подготавливают крах большевистской диктатуры и ее демократическую ликвидацию».

Меньшевик Гарви в «Социалистическом вестнике» (орган Дана и Абрамовича) писал в период жесточайших нападок троцкистов на партию: «Китайская мудрость Радека скоро забудется. Но крепко запомнится крылатое, острое, как парфянская стрела, слово Троцкого: “Опаснейшей из всех опасностей является партийный режим”... “Недовольные массы по-своему поймут, шире истолкуют крылатое слово Троцкого. Опаснейшей из всех опасностей является не режим правящей партии, а режим диктатуры...”» Этому хору вторила и белогвардейская печать. Это не мешало время от времени этой печати сочинять самые фантастические сказки о судьбе Троцкого.

Последняя статья Троцкого от 21 октября 1928 г. была напечатана всей буржуазной печатью в сопровождении захлебывающихся от радости заголовков, что вот наконец, дескать, и сам Троцкий делает такой призыв о забастовках против советской власти, который исходил до сих пор от них, от социал-демократов, от сторонников буржуазной демократии. Однако они тогда еще не могли мечтать о том, что Троцкий всего через два месяца станет сотрудником этой буржуазной печати. Контрреволюционные призывы Троцкого и антисоветская деятельность подпольной организации, созданной им, привели к высылке Троцкого за пределы Советского Союза. Мера эта была встречена с одобрением не только в партии, но и в рядах беспартийных рабочих. Передовая статья в «Правде»: «Докатились»², в которой ЦО партии давал оценку деятельности Троцкого и созданной им подпольной организации и выяснял, почему советская власть вынуждена применять более суровые репрессивные меры против органов подпольной антисоветской партии Троцкого, была встречена с живейшим сочувствием не только в рядах партии, но и в рядах беспартийных рабочих. Беспартийные рабочие массы, как и члены партии, оценили по достоинству деятельность троцкистов последнего времени, и если у кого из них были сомнения относительно целесообразности высылки Троцкого, то они сводились только к тому, не окажется ли Троцкий за границей гораздо более вредным для советской власти, чем он был внутри Советского Союза. Ни одна фабрика, ни одна группа рабочих, ни одна ячейка партии не только не выразили своего несогласия с этой высылкой,

наоборот, во всех решениях, резолюциях и заявлениях эта мера находит полное одобрение.

На собрании «Красного путиловца» коммунары совместно с беспартийными рабочими предложили правительству и впредь принимать самые строгие меры против всякого рода попыток контрреволюционеров-троцкистов помешать нашему делу. Троцкизму как явно выраженной контрреволюционной группе нет места в Советском Союзе».

Рабочие, моряки и красноармейцы Севастополя на многочисленных собраниях требуют применения к троцкистам самых суровых репрессивных мер.

Из Иваново-Вознесенска, Тулы, Москвы и др. крупных промышленных центров имеются многочисленные резолюции партийных и общих рабочих собраний, одобряющих принятые партией и советской властью мероприятия.

Рабочие трамвайных мастерских им. Домбаля в Киеве заявляют: «Дальнейшее развитие нашего хозяйства по пути социалистического строительства, преодоление стоящих перед нами трудностей, а также наличие постоянных интриг окружающих нас капиталистических государств требуют от нас самой решительной борьбы с подрывающими устои советской власти переродившимися контрреволюционерами-троцкистами».

Так говорили рабочие до выступления Троцкого в буржуазной реакционной печати.

Что они скажут сегодня о мистере Троцком после его выступления в реакционной империалистической прессе Европы и Америки против Советского Союза?

* * *

Иначе отнеслась к сообщению о высылке Троцкого буржуазная и социал-демократическая печать. Несмотря на то, что в ней не было полного единодушия в оценке роли Троцкого, большинство газет буржуазных и социал-демократических сходилось на том, что Троцкий является в капиталистический мир иным, чем он оставил этот мир в 1917 году, что в капиталистический мир возвращается в лице Троцкого человек, который будет способствовать расшатыванию, ослаблению СССР, а раз так, то он — желанный гость. Очень немного нашлось газет, которые защищали иную точку зрения.

Рекорд глупости в этом отношении побила стокгольмская реакционная «Стокгольме Тиднинген», в номере от 12 февраля сообщившая, что в связи с высылкой Троцкого забастовала электрическая станция Москвы, и весь город остался без света, остановились трамваи, войска ЧК заняли все правительственные здания, театры и увеселительные места были закрыты, ресторанные посетители поспешили по домам и что только «в 11 часов вечера с помощью специалистов из инженерных войск и студентов была возобновлена работа на электрической станции», и что Зиновьев сослан на Кавказ, что Лозовский и несколько других руководящих деятелей советских профсоюзов «решили использовать Троцкого для организации забастовок в промышленных странах Европы».

Мы печатаем образец этой политической безграмотности, бессмысленной фантастики и глупости, как пример того, какой сенсационный товар находит потребителей в капиталистической Европе. Потрафить такому читателю, конечно, нетрудно, если сочинить поинтереснее что-нибудь о Советском государстве, о партии, об ее руководителях, подправить это щекочущими нервы буржуазии подробностями, как это и сделал впоследствии Троцкий в своих статьях, предназначенных для этой буржуазной печати.

Мы здесь приводим ряд отзывов социал-демократической и буржуазной печати, появившихся вслед за известием о высылке Троцкого.

Германский «Форвертс», который злее всех бешеных псов буржуазии лязгает зубами, когда дело идет о Советском Союзе, по отношению к Троцкому, принял самый покровительственный тон, требуя разрешения въезда в Германию для Троцкого³.

Известный социал-демократ Розенфельд⁴, побывавший в СССР для защиты правых эсеров на процессе, в органе французских «социалистов» «Попюлэр» заявил, что троцкисты «уже не забавляются толкованием писаний Ленина, а нападают на самые основы большевистской диктатуры, требуя свободы стачек и союзов, повышения заработной платы и тайного голосования». «Троцкий и его сторонники еще сохранили некоторые утопические идеи времен военного коммунизма, но от практической пропаганды они вернулись к лозунгам русских меньшевиков и делают первые шаги для демократизации режима, без которой большевизм вырождается в фашистскую контрреволюцию. Троцкий еще не пришел к марк-

систской концепции Мартова и Дана, но события уже заставляют его применять конкретные лозунги русских меньшевиков».

«Сам» Дан в «Арbeiter Цейтунг» выступил в защиту Троцкого. Он заявил, что симпатии социал-демократов на стороне «преследуемого Троцкого». «Социал-демократам нечего опасаться теперь политической деятельности Троцкого, так как он скорее будет вредить коммунистическому движению и скорее побудит рабочих-коммунистов к возвращению в лоно социал-демократии, нежели будет укреплять коммунистическую партию и разрушать основы социал-демократии». При этом австрийские социал-демократы открыли даже сбор на так называемый «Фонд Маттеоти» на поддержку социал-демократического движения, причем указывают главным образом на поддержку высланного из СССР Троцкого.

В «Лейпцигер Фольксцейтунг» (от 30 января) известная меньшевичка Ольга Доманевская⁵ выступает также в защиту Троцкого. Считая, что у Троцкого есть еще остатки его коммунистических иллюзий, военного коммунизма и т. п., Доманевская указывает на то, что надо останавливаться не на этих различиях, а на том, что в настоящее время сближает социал-демократов с Троцким, а это сближение основывается на том, что «Троцкий заимствует сейчас свои “жизненно-важные” лозунги из программы русской социал-демократии»... «Троцкисты постепенно выходят на правильный путь, и чем скорее удастся им выкристаллизовать свои политические позиции до логического конца и сбросить власть старых утопий, тем скорее будет возможно объединение всех классово-сознательных группировок внутри русского рабочего класса, тем больше шансов на успешную борьбу за пределами коммунистической партийной диктатуры».

Так меньшевики всех оттенков выявили свое отношение к троцкизму и Троцкому: приветствуем Троцкого, который идет походом против компартии, против Коминтерна, который призывает рабочих в СССР к стачкам, который берет свои «жизненно-важные лозунги из программы социал-демократов», который подрывает основы пролетарской диктатуры.

Как не порадеть родному человечку!

«Фольксштимме» — орган хемницких социал-демократов — в передовой под заголовком «За что борется Троцкий?» отвечает: «Троцкистская оппозиция может быть еще весьма убеждена

в том, что она в состоянии укрепить пролетарскую диктатуру. В действительности же она является только пионером демократии. Вывод... возвращение к демократии — это принципиальное решающее предложение Троцкого. Русский пролетариат может завоевать свою свободу только на основе демократии».

В хоре буржуазной печати можно услышать те же голоса. Здесь возвращение Троцкого на социал-демократические позиции нашло живейший отклик, живейшее одобрение.

Понятно, что иную оценку высылка Троцкого нашла в рядах коммунистических рабочих.

Орган французской компартии «Юманите» в передовой от 21/II, озаглавленной «Больше, чем когда-либо, мы доверяем ленинской партии», одобряя высылку Троцкого, разъясняет контрреволюционную роль Троцкого. «Юманите» правильно указывает, что «на каждом важном этапе революции Троцкий пытался противопоставлять большевистским решениям свои решения, которые привели бы к гибели революции». «Троцкий возвращается в лагерь своих прежних союзников-социалистов, которые уже приветствуют его. Международный пролетариат будет помнить о Троцком только для того, чтобы оградить себя от заблуждений, вследствие которых человек, когда-то бывший революционным вождем, превратился в надежду контрреволюции».

ЦК компартий Франции, Германии, как и ЦК других коммунистических партий, одобрили решение о высылке Троцкого. В резолюции ЦК КПФ говорится: «Тот факт, что социал-демократы всех стран берут высланного Троцкого под свою защиту, сам по себе достаточен, чтобы доказать правильность принятых против Троцкого мер. Эволюция Троцкого не вызывает удивления... Каковы бы ни были услуги, оказанные им революции, Коминтерну, он не может пользоваться ни малейшей поблажкой, вступив в ряды контрреволюционеров. В интересах мировой революции оправдываются все суровые меры, принимаемые против ее врагов». «Французская компартия приветствует вступление тысяч рабочих в ВКП (б), как наилучший ответ на согласованный натиск международной буржуазии и ренегатов коммунизма. Французская компартия заявляет, что она исполнена решимости к ожесточенной борьбе против всех троцкистских элементов, которые во Франции открыто присоединяются к буржуазии, и призывает всех рабочих укрепить единый фронт против всех

врагов Коминтерна для защиты СССР от империалистской угрозы».

Орган английской компартии «Сэндэй Уоркер» заканчивает статью от 3/II о высылке Троцкого уроком, который необходимо запомнить не только английским рабочим: «Урок для рабочих ясен. Нужны не «великие люди» и бурные темпераменты, а преданные революционные бойцы, живущие, действующие, чувствующие, выражающие восстание масс против капиталистической эксплуатации. Рабочие Советского Союза достаточно сильны для того, чтобы обойтись без «великих», с презрительным жестом они высылают их туда, где им место, — в капиталистическую Европу».

«Роте Фане» — орган германского ЦК⁶ — в заметке от 7/II «Гостеприимство буржуазии в отношении Троцкого. — Распростертые объятия социал-демократии» пишет:

«С того дня, как мы сообщили о высылке Троцкого из Советского Союза, буржуазная и социал-демократическая печать не может успокоиться. Ежедневно во всех капиталистических газетах раздается настоящий хор приветствий “жертве большевистского террора”. Не может быть больше позора для бывшего революционера, для бывшего участника Октябрьской революции, для бывшего командующего Красной армией, чем дружественные благопожелания этой дружественной буржуазии, которая готовится... к интервенционной войне против Советского Союза». «На столбцах капиталистических газет Троцкий может прочесть, как низко он пал. Из уст немецких предпринимателей, банкиров, биржевых маклеров он может услышать, кому он приносит пользу своей контрреволюционной деятельностью против Советского государства. Партия Носке⁷, которая обогрета кровью лучших бойцов немецкой революции, делает Троцкого своим признанным любимцем. В потоке передовых статей она, партия Носке, — упоминает о прежних заслугах Троцкого перед русской революцией. “Берлинер Тагеблатт”, “Фоссише Цейтунг”, “Форвертс” и желтая “Фольксвилле” сошлись в трогательном единодушии для того, чтобы защитить Троцкого от “ругани” коммунистической прессы. Ничто не может больше опозорить и сильнее заклеить Троцкого в глазах борющегося рабочего класса, чем этот факт. Своими враждебными действиями он всецело заслужил свою участь».

* * *

Троцкий появился в Константинополе 12 февраля и первым его шагом было заявление на имя Кемаля: «Его превосходительству, господину президенту Турецкой республики. Уворот Константинополя я имею честь сообщить вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на турецкую границу, и что я перехожу эту границу, лишь уступая насилию. Благоволите, господин президент, принять мои почтительные чувства. Л. Троцкий, 12 февраля 1929 г.»⁸.

Днем 12 февраля Троцкий в беседе с начальником полиции заявил ему, что фраза о насилии относится не к турецким властям, а к советским.

Итак первым шагом Троцкого в капиталистической стране был — плевок по адресу Советского Союза — почтительные чувства к президенту Турецкой республики. Нас не удивляет этот шаг. Но почему Троцкий стыдится привести полностью это письмо, когда он публикует его в «Дэйли Экспресс», оговариваясь предварительно: «Моей целью является не пропаганда, а одна лишь правда». Стыдно перед своими единомышленниками? Троцкий приводит это свое первое письмо без выражения почтительных чувств, а просто: «Сир, я формально заявляю вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на вашу, территорию, а уступаю насилию».

Правда-то выходит троцкистская, — подмоченная, с первого шага до последнего блудливая, ренегатская правда.

Само собой разумеется, что агенты буржуазной прессы сейчас же набросились на такого рода приманку. Представитель «Юнайтед Пресс оф Америка» сообщал Троцкому о том, что эта буржуазная организация прессы широко оценит телеграммы Троцкого по вопросам, которые интересуют буржуазное общественное мнение Европы и Америки. И тут же началась торговля, причем представители буржуазных синдикатов печати поставили ему условие «избегать революционной пропаганды и отказывать во всех интервью и статьях другим в течение месяца». Во всяком случае, с самого начала ему предлагали за первые статьи не меньше 5000 долларов, сообщили ему, что за право поместить его статьи спорят такие почтенные органы, как грязно-желтая «Дейли Мейль» (сами англичане нередко называют эту газету «Дейли Лэйль» — ежеднев-

ная ложь), причем агенты сообщали ему, что скандинавские права проданы по хорошей цене, что Османский банк готов выплатить ему за его статьи и т. п. Мы не знаем, на чем сторговался Троцкий с агентами буржуазной печати. По некоторым данным, за статьи ему заплачено больше 10000 долларов, по другим — около 25000 долларов. Нас не это интересует. Когда покойный Иоффе жаловался на партию, что она не разрешает ему печатать свои мемуары в буржуазных издательствах, которые обещают ему хорошо заплатить, это вызывало гадливое отвращение. Но Иоффе — покойник, который писал об этом перед своей смертью⁹. А здесь живой политический покойник, живой ренегат сторговывается, за сколько продать свою клевету против коммунистической партии, против ее руководителей, против советской власти

Реакционеры знают, что делают. Они знают, для чего они печатают статьи Троцкого. И пусть Троцкий оговаривается в этой статье для легковверных читателей: «прежде чем я взялся писать эти статьи, я потребовал полной свободы высказывания. Я скажу, либо то, что я думаю, либо не скажу ничего». Всякий вправе спросить: с каких это пор и по какому поводу буржуазная империалистская пресса стала свободной трибуной для тех, кто заявляет себя искренним ленинцем? И если эта «правда», которая сегодня высказывается со столбцов «Дейли Экспресс», «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Геральд», голландских и других реакционных органов, оплачивается золотом буржуазии, всякий рабочий поймет, что эта «правда» выгодна буржуазии, иначе она бы за нее не платила. Пусть Троцкий заявляет о том, что его «целью является не пропаганда, а одна лишь правда», всякий, кто знает, что Троцкому было поставлено условие «избегать революционной пропаганды», поймет должным образом значение слов Троцкого, что его «целью является не пропаганда».

И не странно ли, что Троцкому платят десятки тысяч долларов за пропаганду те самые английские воротилы, которые организовали разрыв с Советским Союзом именно из-за «пропаганды»¹⁰. Не ясно ли, пропаганда мистера Троцкого как небо от земли далека от той «пропаганды», за которую арестовывают, расстреливают коммунистов во всех странах капиталистической Европы и Америки.

На самом деле Троцкий в своих статьях занимается пропагандой против Советского Союза, против компартии, против Коминтерна. За это именно и платят ему денежные мешки Англии и Америки.

«Дейли Экспресс» сопровождает статью Троцкого маленьким предисловием: «Исторический документ», где рассказывает о том, как Троцкий «драматически нарушил свое долгое молчание». «Он резко обвиняет своего главного врага — Сталина... Он... критикует нынешний советский режим и разоблачает секретную историю тех событий, которые привели к тому, что он стал не имеющим гроша политическим изгоем». Бедный мистер Троцкий! Как не пожалеть этого человека, не имеющего сейчас гроша и торгующего своей политической совестью! Ничего не поделаешь, раз уж обязался служить новому хозяину, — приходится терпеть и такие оговорки, против которых еще недавно Троцкий выступил бы с самыми резкими и грозными филиппиками. «Дэйли Экспресс» сопровождает статью замечанием о ГПУ: «ГПУ, о котором упоминает Троцкий, является террористической организацией, пришедшей на смену ЧК». А сам Троцкий сообщает в скобках, что ГПУ, это — политическая полиция, и на потеху буржуазии рассказывает о том, как его две собаки пойнтеры «были несколько обеспокоены, видя столько чужих людей в моем спокойном обиталище». Эти «чужие люди» были работники ГПУ.

Бедные собаки Троцкого! Бедные пойнтеры, обеспокоенные ужасными чекистами из «террористической организации» — ГПУ! Троцкий потрафил в самую сердцевину английским достопочтенным лордам и лэди, устраивающим ежегодные молебны-благословения над охотничьими собаками, которых священники кропят водой. Как охотно они проделали бы это и над пойнтерами Троцкого! Но до какой низости надо пасть, чтобы так потрафлять буржуазии!

Мы не собираемся полемизировать с «мистером Троцким». Мы подчеркиваем лишь ту быстроту, с которой Троцкий проделывает свою эволюцию, свое возвращение к яслям нового своего хозяина.

«Дейли Экспресс» с восторгом приводит выражение Троцкого о том, что советская власть «правит силой над возмущенным народом». Сколько звонких пощечин получили ренегат Каутский и его апостолы и от Ленина и от Троцкого в свое время за подобное утверждение, и как быстро автор книги «Терроризм и коммунизм»¹¹, направленной против таких утверждений, бросает эти обвинения против советской власти перед лицом буржуазного мира.

О, конечно, это не пропаганда против советской власти, — Троцкий «отказался от пропаганды». Его «целью не является

пропаганда, а только правда». Его могут заподозрить в том, что этими словами он науськивает буржуазию на советскую власть. Но какое до этого дело мистеру Троцкому?

Троцкий заявляет: «Наш метод, это — метод внутренних реформ. Я пользуюсь этим случаем для того, чтобы заявить это всему миру, дабы, поскольку это возможно, защитить интересы советов»... «Как бы ни были велики трудности советских республик, вытекающие не только из объективных обстоятельств, но и из бесплодной политики колебаний, все же те, кто ожидает близкого свержения режима, осуждены еще на одно жестокое разочарование». Нам кажется, что мистер Троцкий совершил плагиат у секретаря мистера Черчилля, мистера Бутби, который недавно заявил в печати буквально то же самое, что на близкое свержение советского режима нельзя надеяться. Как видите, в вопросе о перспективах мировой революции, базой которой является «советский режим», Троцкий вполне согласен с мистером Бутби. И если «коммунизм» Троцкого не идет дальше утверждений консерватора мистера Бутби, то не ясно ли, что мистер Троцкий и мистер Бутби вполне сойдутся на том, что на не близкое, но и не очень далекое свержение советского режима можно все-таки рассчитывать. Не так ли, мистер Троцкий?

Теперь ясно, к чему сводится «пропаганда» мистера Троцкого.

Теперь ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов¹².

С. В. ДМИТРИЕВСКИЙ

Сталин

<Фрагменты>

<...>

Вчера слесари, портные, крестьяне, в лучшем случае унтер-офицеры — завтра они будут красными маршалами. И стремление этих самородков обеспечить себе возможность выдвижения и действия — вполне естественно. Этого не понимает только Троцкий, с его приверженностью к схемам, к централизации, с его чуждостью народным массам и их психологии...

<...>

По дороге он (Сталин. — *Сост.*) встретил блестящий поезд Троцкого. Сейчас, когда Сталина уже не было в Царицыне, Троцкий рисковал там показаться. Он ехал, как всегда, надменный, пышный, с сознанием величия и непогрешимости, с театральными жестами, свитой «мальчишек», запасами кожаного обмундирования и других «подарков», которыми он привык «обласкивать» армейских бойцов. Свердлов зашел к Троцкому.

«Он осторожно спрашивал меня о моих намерениях, потом предложил мне поговорить со Сталиным, который, как оказалось, возвращался в его вагоне».

Троцкий принял Сталина свысока. Сталин держал себя «подчеркнуто смиренно». Он боялся, что Троцкий рассыплет спаянную им в Царицыне ворошиловскую группу — и тем нанесет смертельный удар фронту.

— Неужели вы хотите всех их выгнать? Они хорошие ребята.

— Эти хорошие ребята, — театрально произнес Троцкий, — погубят революцию, которая не может ждать, доколе они вый-

дут из ребяческого возраста. Я хочу одного: включить Царицын в советскую Россию.

<...>

На Кронштадт были немедленно двинуты все лучшие части Красной армии. Туда был отправлен Троцкий. Но и он был растерян в эти дни, не знал, что делать, не был способен к решительным действиям. Тогда Ленин направил туда как основную силу человека, который никогда не знал растерянности и нерешительности — Сталина¹. С ним отправился Ворошилов. Общее руководство операциями было поручено Тухачевскому. Сталин не оспаривал, впрочем, первенства Троцкого. Не хотел отнимать у него сомнительные лавры подавления этого мятежа. Он предпочитал, как всегда, быть организатором карательной экспедиции, оставаясь в тени.

<...>

В начале революции тон в партии задавала «старая гвардия», старшее поколение, причем по преимуществу его интеллигентско-эмигрантская часть. Здесь наибольшую роль вначале играла небольшая, но сильная своей сплоченностью, ясностью и цельностью системы идей группа, собравшаяся вокруг Троцкого.

Это не были «ленинцы», большевики, русские революционеры. Сам Троцкий ленинской партии всегда был чуждым и враждебным человеком, всегда вел самую ожесточенную борьбу против ее идей. Его объединение с Лениным и вступление в партию в 17-м году было чисто тактическим шагом. Перед ним и Лениным на первых порах стояли общие враги и общая цель их преодоления. Конечно, участие Троцкого в Октябрьской революции было вполне искренним — и он сыграл в ней большую роль. Но дальше — и с каждым шагом все больше — пути Троцкого и Ленина расходились. При этом вокруг Троцкого подбиралась и все яснее кристаллизовалась внутри самой ленинской партии группа одинаково с ним мыслящих, одинаково с ним переродившихся под влиянием западноевропейских условий и оторвавшихся от русских, людей. По преимуществу вокруг него группировалась не русская и не азиатская часть партии. Постепенно создавалась фракция Троцкого. Эту фракцию по ее положению в партии можно определить как временно сомкнувшийся с нею отряд чистых марксистов западноевропейской складки, чистых интернационалистов и антинационалистов. Эту фракцию по ее положению в русской революции можно определить как отряд международных кондотьери² революционного дела. Они внесли в революцию много

мужества, энергии, страсти. Но с таким же успехом они могли участвовать и в революции испанцев, индусов, готтентотов.

Для Ленина разгром русских капиталистов, борьба с международными были только методом овладения русской народной душой и осуществления задач русской народной революции. И Ленин говорил и думал о мировой революции. Но она не была его единственной целью. Когда ее не получилось, Ленин нисколько не пал духом, но сосредоточился на русских задачах. Россия для него стояла на первом месте. Преобразованная Россия могла в дальнейшем, окрепнув, помочь преобразованию мира.

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку: взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемонию западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней: то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология, близкая идеологии западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной, с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полуколонии культурного капитала превратится в полуколонии культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее, привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся по гнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное порабощение — как политическое, так и экономическое городом — деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверхиндустриализации» России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-владельца³.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизировался». В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Чем дальше, тем больше русская жизнь доказывала, что далеко не все определяется пролетариатом, что он только часть народных масс, и притом не решающая часть, сколько бы об этом ни говорили демагоги. Что его роль в руках власти — роль только орудия, только моста к основным массам народа, к крестьянству, решает же судьбы страны и революции крестьянство. Поэтому «пролетарская» власть возможна только как «рабоче-крестьянская», т. е. может быть построена только на союзе рабочих и крестьян...

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл.

Очень правильно уловил их лейтмотив Сталин:

— Мы уже выполнили свою революционную миссию, проделав Октябрьскую революцию. Теперь все зависит от международной революции, ибо без предварительной победы западного пролетариата мы не можем построить социализма, а революционеру в России, строго говоря, больше нечего делать...

— Известно, — рассказывает тот же Сталин, — что в 1923 г., накануне германской революции, часть учащейся молодежи у нас готова была бросить книги и ехать в Германию. «В России революционеру нечего делать, — говорили они, — нужно бросить книги и ехать в Германию, делать революцию»⁴.

Это было влияние троцкистских идей. Но и в Германии революции не произошло. Что осталось делать, спрашивает Сталин, нашим «ужасным революционерам»? — «Лишь одно: вертеться на холостом ходу, отдаться воле стихии и помаленьку пере родиться в обычных буржуазных демократов». Ничего другого не оставалось. И Троцкий, и жалкие остатки его группы постепенно стали свертывать революционные знамена вообще и сползать к идеалу единокровных им меньшевиков, к социал-буржуазной олигархии.

Вся система идей Троцкого, как и люди, ее отстаивавшие, были глубоко чужды и глубоко враждебны русскому народному сознанию. Русский народ в революцию осознал свою силу. И его революционные слои не хотели и не могли терпеть в своей среде выкидышей антинационально-марксистской, унижавшей его выросшую за годы революции национальную гордость мысли. Вот почему шедшая за Троцким часть европеизированной старой гвардии, несмотря на все свои заслуги на первых этапах революции, нашла резчайший отпор в народных массах — и была свалена народными слоями ленинской партии, «большевиками», «ленинцами». Шедшая было одно время за Троцким часть молодежи скоро от него отшатнулась. Лишь самые незначительные группки молодежи, по преимуществу не русской, продолжали пережевывать его идеи. Так Троцкий был отброшен от власти.

<...>

Корни вражды (Сталина и Троцкого. — *Сост.*) были, конечно, гораздо глубже: в разнице мировоззрения, психологии. Но то, что Сталин попробовал вначале заключить блок именно с Троцким, вполне вероятно и понятно. Троцкий психологически, по активно-революционному складу своей натуры, был для Сталина все-таки гораздо более естественным союзником, чем термидорианское, контрреволюционное болото. К тому же Сталин вовсе, вероятно, не думал долго идти одним путем с Троцким. Он хотел только заключить с ним временный союз, им побить «болото», а затем перехитрить и уничтожить его самого.

<...>

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Подлая троцкистско-фашистская банда

<Фрагмент>

1

Боевой работой Народного комиссариата внутренних дел... работой советской прокуратуры и Верховного суда СССР разгромлена фашистская агентура внутри страны, ставившая своей задачей насильственное свержение советской власти, реставрацию капитализма в СССР и превращение нашей страны в колонию германского и японского империализма.

С 23 по 30 января 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР разбирала дело контрреволюционеров-троцкистов, предателей родины, убийц, вредителей, шпионов и диверсантов: Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и других бандитов.

<...>

Реставрация капитализма, уничтожение социализма в нашей стране, развязывание мировой войны — такова программа троцкистской шайки бандитов. Во главе этой бандитской шайки — сподвижник Гитлера и Гесса, черный пес кровавого фашизма, лютей враг советского народа и трудящихся всего мира подлец Троцкий.

Товарищ Сталин в известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» уже в 1931 году говорил, что «троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР». Но троцкисты покатались еще дальше: они «не просто враги СССР и не просто авангард международной буржуазии в ее борьбе с социализмом. Растеряв остатки связей с массами, разоблаченные перед трудящимися, ренегаты революции — троцкисты стали пособниками буржуазии в самых грязных, в самых подлых делах контрреволюции»¹.

<...>

2

Превращение троцкистско-зиновьевской антисоветской группы в фашистскую банду диверсантов и убийц, действующих по указаниям иностранных разведок, является завершением многолетней борьбы троцкизма против рабочего класса и ленинско-сталинской партии.

В мрачные годы самодержавия честные, самоотверженные, преданные делу рабочего класса пролетарские революционеры во главе с Лениным и Сталиным строили нашу славную большевистскую партию, боевую партию нового типа. Вокруг Ленина и Сталина собирались люди особого склада, способные смело и решительно пойти на штурм старого мира, целиком, отдающие всю свою жизнь революционной борьбе с самодержавием, с капитализмом, за диктатуру пролетариата и социализм.

<...>

Великая ленинско-сталинская партия закалялась в борьбе, разоблачая и изгоняя из своих рядов лазутчиков контрреволюционной буржуазии.

В течение многих лет до революции и после революции Троцкий, который был врагом диктатуры пролетариата и социализма, вел борьбу с Лениным. Иуда-Троцкий был бит Лениным каждый раз, когда он пытался навязать партии свои меньшевистско-предательские установки.

Вся биография кровавой собаки — Троцкого — полна фактов измен рабочему классу. Троцкий боролся против программного требования социал-демократии — диктатуры пролетариата, боролся против боевой централизованной партии; в революции 1905 года он был противником революционного свержения самодержавия; как и все меньшевики, он боролся против гегемонии пролетариата и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства; в годы реакции и подъема он был союзником контрреволюционной буржуазии и сколачивал троцкистско-ликвидаторский блок врагов партии для борьбы с Лениным и большевиками.

Он, Троцкий, в годы мировой империалистической войны, будучи центристом, боролся против большевистских лозунгов. Ленин в 1915 году сформулировал теорию возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Эта ленинская те-

ория победы социализма дала идейное оружие рабочему классу в борьбе с капитализмом. <...>

Троцкий повел борьбу против ленинской теории империализма, закона неравномерного и скачкообразного развития капитализма в эпоху империализма, против ленинской теории возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Таким образом, уже свыше 20 лет тому назад Троцкий полностью капитулировал перед капитализмом, выступал врагом социализма.

Социалистическая революция победила, отбрасывая со своего пути предателей, борясь против враждебной теории Троцкого, отрицавшего необходимость организации восстания. Троцкий считал, что Октябрьская революция не является социалистической, что она «незаконнорожденная» и что без предварительной победы и государственной помощи европейского пролетариата в нашей стране возможен только капитализм.

Вся послеоктябрьская борьба Троцкого против большевистской партии была по сути дела контрреволюционной борьбой против диктатуры пролетариата и строившегося им социализма, борьбой за восстановление капитализма. И на каждом этапе Троцкий был бит Лениным и Сталиным.

Троцкий боролся за капитализм, против социализма, когда в 1922 году предложил закладывать государственные предприятия частным капиталистам и закрыть крупнейшие гиганты промышленности — Путиловский и Брянский заводы — как «дефицитные»; он боролся за капитализм, против социализма, когда в 1925 году, выступая в Запорожье, предложил дать простор кулацкому «фермерскому» хозяйству в деревне.

Не удивительно, что Троцкий и его сподвижники: Каменев, Зиновьев, Пятаков, Радек и другие враги большевиков, враги социализма — в 1926 году предлагали изъять государственные средства из товарооборота с тем, чтобы туда хлынул частный капитал.

Уже тогда, в 1926 году, они боролись за контроль мирового капитализма над Советским союзом и очень скоро, выслуживаясь перед капитализмом, выдвинули программу реставрации капитализма в СССР.

Многokратно битый, потерпевший полное поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, использовавший все методы и приемы борьбы вплоть до подпольных со-

браний, блока с белогвардейцами и антисоветских выступлений, предатель Троцкий был изгнан из Советского союза. Вследствие победы социализма и ликвидации эксплуататорских классов в СССР лишенный всякой надежды хотя бы на малейшую поддержку масс в своей контрреволюционной работе, заклеянный и ненавидимый советским народом и трудящимися всего мира, Иуда-Троцкий во главе своей банды стал на путь неслыханных преступлений.

В 1931 году Троцкий перешел к подготовке террора. Вместе со своим сыном Седовым и другими бандитами-троцкистами он подготовлял нападение на торгпредство для добычи денег, для антисоветской работы.

Во имя насильственного свержения советского правительства и восстановления капитализма в СССР обербандит Троцкий вошел в соглашение с палачами германского народа: Гитлером и Гессом, — с военно-фашистской Японией и вместе со своими сподвижниками из «параллельного центра» раздавал обещания территориальных уступок. Злейший враг рабочего класса фашист Троцкий пытался ускорить войну фашистских стран против Советского союза, усиленно подготавливая поражение нашей страны в этой войне. Во исполнение этой задачи троцкистский антисоветский центр, связавшись с разведками фашистских стран, выполнял диверсионно-вредительские и шпионские задания, особенно на предприятиях оборонного значения, железнодорожном транспорте, подготавливая их вывод из строя во время войны.

Предатель Троцкий стремился при помощи фашистских государств установить в нашей стране диктатуру буржуазии, мечтая играть в ней роль «Бонапарта».

Он привел «историческую аналогию», по которой эта диктатура будет вначале походить на наполеоновскую империю после великой французской буржуазной революции, после подавления власти якобинцев.

Этой «исторической аналогией» Троцкий сказал, что так же, как Наполеон, он будет расправляться с революционным народом. Не в первый раз Троцкий примеряет мундир Бонапарта. Но, кроме Наполеона I, был Наполеон III, о котором К. Маркс писал: «Старый продувной прожигатель жизни, он смотрит на историческую жизнь народов и на важнейшие исторические акты, как на комедию в самом пошлом смысле этого слова, как на маскарад, где все

величие в костюмах, в позах и служит лишь маской для мелкой подлости». Таково лицо карикатурного «Бонапарта-Троцкого», в подлости, однако, перещеголявшего самых мерзких людей, каких знала история.

Фашистские порядки — таков идеал контрреволюционера, лютого врага народа — Троцкого.

<...>²

Троцкисты, участники антисоветского троцкистского центра, уничтожены. Советский суд перед лицом всего мира пригвоздил к позорному столбу Иуду-Троцкого, сеющего убийства и всеми силами старающегося развязать войну по указке фашистских штабов Германии и Японии. Не уйдет мерзавец Троцкий от гнева и суда мирового рабочего класса! Проклятые расстрелянные негодяи из «параллельного центра» не сказали всей правды. Нет и не может быть полной уверенности, что их охвостье не копошится еще в подполье. Беспощадная борьба в нашей стране против остатков разгромленных классов продолжается. Иуда-Троцкий, олицетворяющий всю кровожадность, всю подлость врагов нацией советской родины, всю ненависть их к социализму, этот презренный враг народа и всего трудящегося человечества, пригретый фашистскими правительствами, все еще плетет сети кровавых заговоров, измен, шпионажа и провокаций. Он еще будет пытаться вести исключительную по своей гнусности и подлости борьбу против советского народа. Поэтому еще больше чем когда-либо трудящиеся нашей родины должны усилить свою революционную классовую бдительность, научиться распознавать любые приемы и методы вражеской деятельности.

И. В. СТАЛИН

Смерть международного шпиона¹

Телеграф принес известие о смерти Троцкого. По сообщению американских газет, на Троцкого, проживавшего в последние годы в Мексике, было совершено покушение. Покушавшийся — Жак Морган Вандендрайш — один из ближайших людей и последователей Троцкого².

В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда — большевистской партии³. Господствующие классы капиталистических стран потеряли верного своего слугу. Иностранные разведки лишились долголетнего, матерого агента, организатора убийц, не брезгавшего никакими средствами для достижения своих контрреволюционных целей.

Троцкий прошел длинный путь предательства и измены, политического двурушничества и лицемерия. Недаром Ленин еще в 1911 году окрестил Троцкого кличкой «Иудушка»⁴. И эта заслуженная кличка навсегда осталась за Троцким.

Троцкий начал свою политическую деятельность как меньшевик-*антиреволюционер*. Уже в 1903 году, на втором съезде РСДРП он яростно выступает против Ленина, отстаивая и поддерживая взгляды Мартова и других *антиреволюционных* меньшевистских лидеров. Вскоре, к началу русско-японской войны, Троцкий еще откровеннее показывает свое лицо *отступника и антиреволюционера*. Он скатывается на позиции махрового оборончества, то есть защиты «отечества» царя, помещиков и капиталистов.

Революцию 1905 года Троцкий встретил пресловутой теорией «перманентной» революции. Это была теория разоружения пролетариата, демобилизации его сил. После поражения революции 1905 года Троцкий поддерживает меньшевиков-ликвидаторов. Владимир Ильич Ленин так писал тогда о Троцком:

«Троцкий повел себя как подлеший карьерист и фракционер... Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров»⁵.

Троцкий явился, как известно, организатором августовского *антиреволюционного* меньшевистского блока всех групп и течений, выступавших против Ленина.

Начавшуюся в августе 1914 года империалистическую войну Троцкий встретил, как и следовало ожидать, на той стороне баррикад — в стане защитников империалистической бойни. Он прикрывал свою измену пролетариату «левыми» фразами о борьбе с войной, фразами, рассчитанными на обман рабочего класса. По всем важнейшим вопросам войны и социализма Троцкий выступал против Ленина, против большевистской партии.

Все возрастающую силу влияния большевиков на рабочий класс, на солдатские массы после февральской буржуазно-демократической революции, огромную популярность лозунгов Ленина⁶ в народных массах меньшевик Троцкий расценил по-своему. Он вступил в нашу партию в июле 1917 года вместе с группой своих единомышленников, заявив, что он «разоружился» до конца⁷.

Последующие события показали, однако, что меньшевик Троцкий не разоружился, ни на минуту не прекратил борьбы *против Ленина и вошел в нашу партию для того, чтобы взорвать ее изнутри*.

Уже через несколько месяцев после Великой Октябрьской революции весной 1918 года Троцкий вместе с группой так называемых «левых» коммунистов и левых эсеров организует злодейский заговор против Ленина, стремясь арестовать и физически уничтожить вождей пролетариата Ленина, Сталина и Свердлова. Как и всегда, сам Троцкий — провокатор, организатор убийц, интриган и авантюрист — остается в тени. Его руководящая роль в подготовке этого злодеяния, к счастью неудавшегося, полностью вскрывается лишь через два десятилетия, на процессе антисоветского «правотроцкистского блока» в марте 1938 года. Только через двадцать лет грязный клубок преступлений Троцкого и его приспешников был окончательно распутан.

В годы Гражданской войны, когда страна Советов отражала натиск многочисленных полчищ белогвардейцев и интервентов, Троцкий своими предательскими действиями и вредительскими приказами всячески ослаблял силу сопротивления Красной армии, *ввиду чего ему было воспрещено Лениным посещать Восточный и Южный фронты*. Общеизвестен факт, когда Троцкий в силу своего враждебного отношения к старым большевистским кадрам пытался расстрелять целый ряд неугодных ему ответственных коммунистов-фронтовиков, действуя этим на руку врагу.

На том же процессе антисоветского «правотроцкого блока» был перед всем миром вскрыт весь предательский, изменнический путь Троцкого: подсудимые на этом процессе, ближайшие сподвижники Троцкого, признались, что и они и вместе с ними и их шеф Троцкий уже с 1921 года были агентами иностранных разведок, были международными шпионами⁸. *Они во главе с Троцким ревностно служили разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии.*

Когда в 1929 году советское правительство выслало из пределов нашей родины контрреволюционера, изменника Троцкого, — капиталистические круги Европы и Америки приняли его в свои объятия⁹. Это было не случайно. Это было закономерно. Ибо Троцкий уже давным-давно перешел на службу к эксплуататорам рабочего класса.

Троцкий запутался в своих собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против страны Советов. Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, М. Горького, *стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний*¹⁰.

Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона и убийцы на челе.

ПУБЛИЦИСТИКА

Л. Н. ВОЙТЛОВСКИЙ

Политические силуэты

На трибуну подымается Троцкий, встреченный бурными аплодисментами всей левой¹.

Троцкий... Вот имя, которое публика повторяет теперь чаще, чем все другие имена. Имя, собравшее вокруг себя уже огромные каталоги восторгов и брани. Принадлежащее человеку, безусловно занятому, сильному и... странному.

В темном здании человеческой души есть один совсем темный уголок, где покоятся камни, из которых слагается психология Троцкого.

И весь он какой-то темный. Большая, черная голова. Длинные, зачесанные кзади черные волосы. Узкая, черная бородка, резко выступающая вперед, как у Мефистофеля Антокольского². Густые, черные брови. И темное, точно побледневшее от злости лицо, с острыми, впивающимися, как гвозди, глазами, в которых сквозь стекла пенсне виднеется отражение его иронического ума. Неприятно выделяется большой, хищный рот с хищными, как у акулы, зубами.

Ораторское дарование Троцкого очевидно и неоспоримо.

От оратора требуется умение внедрять по желанию то или иное убеждение в умы своей аудитории.

Этим даром Троцкий владеет в высокой мере и пользуется своим искусством с удивительным мастерством, в совершенстве.

В его артистической передаче, блистающей тончайшей отделкой интонации, слова получают новые значения и, оплодотворенные его ораторским темпераментом, переливаются яркими красками.

Впрочем, слово «краски» мало подходит к скульптурному красноречию Троцкого. Его нельзя назвать колористом. И речи его — не живопись и не музыка, а пластика. Пластика странная и волнующая, как живая бронза.

Когда он говорит, он слегка приседает, втягивает голову в плечи, быстро выпрямляется и, энергично вытянув руку вперед, точно бросает в публику пригоршни слов. Последние срываются с его язвительных уст бушующими рядами и устремляются в бой широко развернутым строем, как рвутся в атаку полки.

Таково внешнее впечатление от его бурных речей. Столько в словах его движения, трепета и шумной уверенности.

Но Троцкий не только талантливый оратор. Троцкий — большой политик. Не дилетант, не политик по ремеслу, а политик по страсти. У Троцкого много ума и знаний. Он изездил весь свет. Везде учился, ко всему с интересом присматривался.

С избытком вкусивший от всех цивилизаций Европы, искусный во всех политических интригах, Троцкий все понимает, но мало что любит.

К людям сегодняшнего дня, с их темной, тоскующей душой и настоящей кровью, Троцкий глубоко равнодушен. Мир со всеми страстями и величайшими трагедиями в его представлении рисуется как эффектный спектакль непрерывно враждующих стихий, на котором ему, гражданину Троцкому, суждена и приуготовлена роль Лассалья.

Троцкий, должно быть, твердо уверен, что он рожден быть русским Лассалем, и усиленно драпируется в политический плащ последнего.

Я не берусь ни отрицать, ни устанавливать это сходство и не докапываюсь до родословной его политических идей. Быть может, своими ораторскими приемами и иными словечками Троцкий действительно обязан Лассалю. Но он слишком много странствовал, чтобы быть патриотом и Лассалем.

Ибо Лассаль — прежде всего патриот, и патриот — прежде всего человек, страстно чувствующий и безумно влюбленный в родную землю. А интернациональный чемоданчик гражданина Троцкого, с которым последний исколесил всю Европу, наполнен каким угодно багажем, но только не прахом родной земли. Для таких сантиментальных предметов слишком мало место отведено в холодном механизме его международного сердца.

Троцкий обладает холодным рассудком и еще более холодным сердцем, но одарен железной настойчивостью. Этой настойчивостью пропитаны все его мысли и слова. Она придает его выпадам огромную ударную силу. Вместе с этим Троцкий владеет всеми оттенками сарказма, оставляющего на всем, к чему прикоснется его едкое слово, след убийственного, жгучего яда. Едкий, настойчивый, остроумный — Троцкий не знает пощады и бьет без промаха.

Но его злые, насмешливые удары нередко диктуются не поисками истины, а совершенно иными побуждениями. В свои полемические выпады Троцкий охотно вносит много личного начала. Троцкий не ограничивает своих гражданских симпатий и своей политической трибуны пределами России. Зато вселенная часто остается для него заключенной в границах собственной его личности. И чтобы обеспечить последней прочное место на мировой арене и, еще чаще, чтобы вызвать улыбку одобрения в слушателей, Троцкий весь свой талант превращает в игру остроумия, — остроумия злого, тщеславного и парадоксального.

Тщеславие у Троцкого — всепожирающее, ненасытное. Свое желание, свой личный успех он ставит выше идеи. Троцкий никогда не способен превратиться в раба идеи. Но жажда аплодисментов нередко превращает его в раблепного демагога и направляет его хвастливое остроумие на злобные и беспардонные выходки.

— Там, где имущие классы не могут взять всю власть, а народная власть не смеет взять власти, там рождается идея диктатора, Бонапарта, Наполеона. Вот почему Керенский занял то место, которое он занимает теперь. Вакансия на Керенского была открыта слабостью и нерешительностью революционной демократии³.

Надо было слышать, каким сарказмом, какой жгучей ненавистью были напоены эти слова, чтобы оценить по достоинству всю силу этого недвусмысленного демагогического удара. И это часто у Троцкого. Под влиянием личного озлобления, его острое слово превращается в стальной нож, безжалостно рассекающий на двое, с наслаждением четвертующий доброе имя своих противников.

В такие минуты обнажается и хвастливое тщеславие Троцкого, и его склонность к буффонаде, и его злое, скептическое отношение ко всему человечеству, короче сказать: все те темные уголки, о которых я говорил вначале и в которых гнездится трясиная психология Троцкого.

В такие минуты Троцкий не стесняется прибегать и к дурно пахнущему намеку, и к политическому жонглерству.

Его речи перестают быть политическими речами-памфлетами, а превращаются в политику с примесью грязи.

Сам тон его выступлений звучит так, точно он создан для хвастливых, оглушительных, намеренно провоцируемых скандалов. И оттого Троцкий является одним из наиболее плодovitых изобретателей большевистских «инцидентов» на совещании.

М. ГОРЬКИЙ

Несвоевременные мысли

<Фрагменты>

Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чём свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия¹.

<...>

И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине действительности, очевидно убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно»², и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чём не повинных людей, вроде А. В. Карташова, М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова³ и других.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина-Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны⁴.

<...>

Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России, — это позорно и преступно.

В. И. Ленин

<Фрагмент>

<...>

Да, часто слышал я его похвалы товарищам. И даже о тех, кто по слухам будто бы не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Удивленный его лестной оценкой одного из таких товарищей, я заметил, что для многих эта оценка показалась бы неожиданной.

«Да, да, — я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком».

Ударив рукой по столу, он сказал:

«А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас все есть! И — чудеса будут!»

<...>

М. Е. КОЛЬЦОВ

Красный китеж

1

У Намюра тяжело ухают пушки. Валлония и Фландрия распростерты в пыли и крови. Воины Бельгии, Тили Уленшпигли двадцатого столетия, в серых кепи и с вещевыми мешками устало отодвигаются вглубь к Антверпену. Париж молчит, только осенние деревья в Венсенском парке тяжело шумят. В Café de la Paix — грохот выстрела и падающего тела. Это Жан Жорес¹ склонился простреленной широкой старой грудью на мраморный столик. Первый и последний пацифист великой войны.

На бульварах жутко громят немецкие магазины. В палате жужжит оппозиция. Иностранные корреспонденты покупают у уличных Гаврошей ворохи вечерних газет и шлют длинные срочные телеграммы.

Русские журналисты тоже мобилизованы. Длинные, тоскливые как изгнание евреев из Иерусалима, эмигрантские споры стали жарче и мучительнее. Свободное от споров, митингов и политических резолюций время все взрослое население русской колонии в Париже тратит на написание корреспонденций и впечатлений. Горы впечатлений! Дождь из впечатлений! Заказные пакеты везут впечатления парижских изгоев в русские газеты.

Лучше всех впечатления у Антида Ото. Умнее всех статьи у Антида Ото. Содержательнее всех корреспонденции у Антида Ото. Они растекаются широкими и красноречивыми фельетонами на столбцах «Киевской мысли» и «Одесских новостей». Читатели от Могилева до Евпатории зачитываются Антидом Ото. Они видят наяву, в пестрых и ловко сделанных картинах, в умелых характеристиках

и сравнениях всю великую борьбу на Западе. Они ясно представляют себе, как кипит портовая жизнь в Марселе, как умирают люди на Марне, как волки когтят в горах альпийских стрелков, как маршируют по французским улицам колониальные войска.

А сам Антид Ото в это время колесит по всей Франции, перескакивает с поезда на поезд. Для своей газеты он повсюду успеваает побывать — этот быстрый и обходительный журналист с парламентской бородкой и ловкими движениями. В Булони, и в Кале, во Фландрии и в Вогезах, на артиллерийских заводах и в мастерских для искусственных носов. Антид Ото предприимчив и наблюдателен.

Вот госпиталь в великосветском отеле на Елисейских полях. Антид Ото улыбочиво следит за тем, как «аристократка, дочь генерала республиканской гвардии, величественная блондинка г-жа Н., не дрогнув, выполняете самые щекотливые обязанности инфимьерки, делаете солдатам желудочные промывания и, держа в руке сосуд, сохраняет *grand air de dignité*², точно героиня классической трагедии Расина». Ему нравится и профессиональная сиделка Леони, корсиканка, очень красивая мужественной красотой. Надеть ей на голову фригийский колпак, и она могла бы быть образом республики...

А вот «молодой араб, которого вначале сильно лихорадило и к нему на ночь посадили наедине одну из великосветских сестер. На другое утро она решительно отказалась продолжать этот опыт. Пришлось посадить англичанина-санитара, бывшего циркового атлета, а предприимчивому арабу тубиб (врачиха) погрозила пальцем»...

А вот красивое пятно. «Смуглые головы в тюрбанах торчат из всех окон и дверей. Форма хаки ярче подчеркивает экзотический тип азиатских солдат, призванных спасти французское побережье от немецкого нашествия»...

А вот англичане у Булони. «Почти из-под каждого синего зонтика наряду с фигурой торговки торчат спина и две крепкие ноги цвета хаки. Вдоль колючей проволоки раздается возбужденное взвизгивание. Несколько десятков шагов по шоссе, и я убеждаюсь, что Булонь выслала на эти передовые позиции цвет своего женского сословия. Но с другой стороны и англо-саксонская раса представлена здесь как нельзя лучше. Ни следа так называемой английской флегматичности»...

А вот те же англичане играют в футбол: «Англичане мигом сделали стойку и вонзились глазами в мяч. Р-ррраз! капрал хватил по мячу носком» ...

Р-ррраз! — кричит и Антид Ото за футболистами. Ему нравится спорт, спортсмены и спорт на войне. Передавая панегирическую биографию сэра Джона Дентона Пинкстона Френча, «члена знаменитой семьи графства Гальвей, провинции Коннаут», он с увлечением рассказывает, как Френч под бурскими снарядами, не моргнув глазом, рассуждал с военным корреспондентом о плохом освещении, мешавшем делать фотографические снимки. В этой кокетливой генеральской браваре Антид Ото видит «военачальника, скрывающегося за лихим спортсменом, за смельчаком, верящим в свою звезду»³.

Острое, красивое нравится ему. Он тоскует по интересным жестам и значительным фразам. Он чопорно приподнимает плюшевую эмигрантскую шляпу перед постелью старого капитана, который, умирая, посылает на смерть и двух своих сыновей, но гораздо больше нравится ему маршал Жоффри, который «прибыл домой на Рождество в штатском платье, простой, как всегда. Никто не скажет, что в его руках судьба Франции. Но зато он помолодел на 10 лет, уверяю вас» ...

Его тоскливому, неумному, как сухая губка, честолюбию, которое порой палящим жаром прет из строки, нужны новые атрибуты. Останавливаясь где-то на биографии Гаврилы Принципа, застрелившего Фердинанда Австрийского, он полупрезрительно замечает, что эпоха «пистолетных героев» уходит в прошлое.

Ему нужен новый крепкий двенадцати дюймовым железобетонный героизм. И он ждет этого, путешествующий фельетонист с беспокойной бородкой.

2

На белой дубовой двери — старая круглая жестянка: «Классная дама». И новенький, наскоро состряпанный плакат: «Комиссариат военных дел П. Т. К.»⁴.

Где прежняя жиличка высокой строгой комнаты с целомудренно выбеленными стенами и широкими окнами на Неву? Уехала вместе со своими питомцами в Новочеркасск или где-нибудь в Елабуге отдыхает от петроградских ужасов и страстей?

Новые люди в Смольном.

У стены подле входа в «военный комиссариат» — тесное кольцо солдат, матросов, штатских. Лица у всех — безучастные, окаменевшие, серые от усталости и бессонницы. Но глазами все едят комиссара по военным делам.

Народному комиссару — не впервые. Он привык выдерживать взгляд толпы. А как должно быть трудно выдерживать его на себе — благоговейный и испытующий, молящий и недоверчивый взгляд!

Троцкий привык. Он и сам каждую минуту в наступлении. Неторопливо шевелит тонкими губами и одновременно пощупывает глазами лица собеседников. Тайный вызов: Верите? Боитесь?

Солдатам Троцкий чужд, нов и интересен. Таких они еще не видали. Подвойские и Мураловы, Зорины и Дыбенки — все свои, понятные, взнесенные на высоту стихийной красной волной, выброшенные из недр революции, из ее кроваво-огненного нутра. Лениных и Бонч-Бруевичей они тоже знают — многоречивые интеллигенты, «учителя» в «спинжаках» давно ходят в народ и плохо-ли, хорошо-ли — знакомы с ним. Такие, как Троцкий, еще не являлись...

Он пришел извне, снаружи. Пришел к революции, а не вышел из нее. Не русский и не иностранец. Как будто еврей, но нет — кажется, не еврей.

Со своего лица, резко семитического, он смел все национальное, все личное, свое. В умных злых еврейских глазах поселил пустоту. От курчавой бородки оставил только один мефистофельский клочок — старый знак международных авантюристов.

Он космополит. Он играет в общечеловечность. В этом его выигрыш. Русским людям чужд интернационализм. Во всей русской литературе нет ни одного героя-интернационалиста. И десятки космополитов — людей без отечества.

Солдаты свергли Николая, своего знакомого. Свергли Керенского, своего. А поставили себе — чужого интернационального человека с пустыми глазами и трагическим клочком на подбородке.

Они любят Троцкого. И его глаза. И его голос — пронзительный, скрипучий, скребущий гвоздем по стеклу.

Когда Троцкий говорит, это вулкан, изрыгающий ледяные глыбы. Это Анатома, пришедший мириться с людьми. Что он им, умный, отважно-находчивый еврей, этим славянам, неожиданно сырым, лесным, скифам?

Чужое — дорого. Они верят Троцкому. Он им нужен. Он даст хлеба и мир.

...Солдаты не читали статей и фельетонов Троцкого, они не знают, что Троцкий обманул их.

Что он не всечеловеческий, а свой, из Бахмута или Елисаветграда. Что он не вулкан, а хороший фельетонист. Они не знают Троцкого — газетного, сначала умеренно-пылкого автора «Писем» в меньшевистской «Искре». Потом изящного, речистого, с хорошими манерами Антида Ото из «Киевской мысли» и «Одесских новостей». Того, который был удобен и портативен. И свободно укладывался в нижний фельетон «Киевской мысли». Который не старался дышать лавой, а был очень мил и разговорчив, и не было у него в глазах вселенской пустоты, этого веселого Троцкого — фельетониста.

Вообще, они разнятся характером. Троцкий — революционер и Троцкий — фельетонист. Иногда они даже мешают друг другу.

Бывает, что Троцкий — фельетонист нескромен в отношении Троцкого — революционера.

Недавно в «Известиях» Троцкий гневно осуждал и упрекал всех тех, кто «не хочет уйти в историю» с трагической печатью Робеспьера. Это не по-товарищески. Если Троцкий — революционер жаждет «трагической grandпечати Робеспьера», то зачем Троцкому — фельетонисту об этом разбалтывать.

Ведь от Троцкого — революционера ждали не трагической печати, а мира и хлеба.

Троцкий

У Намюра ухают пушки. Валлония и Фландрия распростерты в пыли п крови. Воины Бельгии, Тили Уленшпигели двадцатого столетия в серых кепии с вещевыми сумками устало отодвигаются вглубь к Антверпену. Париж молчит, только осенние деревья в Венсенском парке тяжело шуршат.

Последний шум был здесь — грохот выстрела и падающего тела в скромном ресторанчике du Croissant. Это Жан Жорес склонился простреленной широкой старой грудью на мраморный столик: первый борец против сумасшедшей мировой резни, первая жертва ее.

На бульварах жутко громят немецкие магазины. Разбили витрину «Магги» и рассыпали по тротуару бульонные кубики. В палате жужжит оппозиция. Иностранные корреспонденты покупают у уличных Гаврошей ворохи вечерних газет и шлют длинные срочные телеграммы.

Русская эмиграция тоже на ногах.

Большинство обивает этими ногами пороги посольства в поисках виз, паспортов и воинских отсрочек: стадное чувство самосохранения.

Меньшинство, упоенное другим стадным чувством самопожертвования, включается в списки волонтеров, в русский легион, который скоро ляжет костями на берегах Марны.

Есть еще третьи, спорящие и протестующие, четвертые, критикующие третьих, и пятые, пишущие о первых четырех категориях.

Корреспонденции. Впечатления! Горы впечатлений! Дождь впечатлений! Заказные пакеты везут впечатления эмигрантов врусские газеты.

Лучше всех впечатления у Антида Ото. У него наиболее содержательны корреспонденции, наиболее умны оценки, вдумчивы, хотя и стремительны прогнозы.

Читатели от Могилева до Евпатории зачитываются широкими и красноречивыми фельетонами Антида Ото в «Киевской мысли». Они видят наяву, в пестрых и ловко сделанных картинах, в умелых характеристиках и сравнениях всюогромную фабрику войны на Западе. Они ясно представляют, как кипит портовая сутолока в Марселе, как умирают люди на Ипре и под Верденом, как волки когтят в горах альпийских стрелков, как маршируют по французским улицам колониальный поиска.

А сам Антид Ото колесит в это время по всей Франции, перескакивает с поезда на поезд. Он всюду успевает побывать — энергичный мрачноватый русский журналист, при встречах внушающий французским властям легкое беспокойство. В Булони и в Кале, во Фландрии и в Вогезах, на артиллерийских заводах и в мастерских для искусственных носов.

Антид Ото предприимчив и наблюдателен.

Вот госпиталь в великосветском отеле на Елисейских полях. Антид Ото улыбчиво следит за тем, как «аристократка, жена генерала республиканской гвардии, величественная блондинка г-жа Н., не дрогнув, выполняет самые щекотливые обязанности

инфимьерки, делает солдатам желудочные промывания и, держа в руке сосуд, охраняет *grande air de dignité*, точно героиня классической трагедии Расина». Ему нравится и «профессиональная сиделка Леони, корсиканка, очень красивая мужественной красотой. Надеть ей на голову фригийский колпак, и она могла бы быть образом республики»...

А вот «молодой араб, которого вначале сильно лихорадило и к нему на ночь посадили наедине одну из великосветских сестер. На другое утро она решительно отказалась продолжать этот опыт. Пришлось посадить англичанина-санитара, бывшего циркового атлета, а предприимчивому арабу тубиб (врачиха) погрозила пальцем»...

А вот красивое пятно. «Смутлые головы в тюрбанах торчат изо всех окон и дверей. Форма хаки ярче подчеркивает экзотический тип азиатских солдат, призванных спасти французское побережье от немецкого нашествия»...

А вот англичане у Булони. «Почти из-под каждого синего зонтика наряду с фигурой торговки торчат спина и две крепкие ноги цвета хаки. Вдоль колючей проволоки раздается возбужденное взвизгивание. Несколько десятков шагов по шоссе, и я убеждаюсь, что Булонь выслала на эти передовые позиции цвет своего женского сословия. Но с другой стороны, и англо-саксонская раса представлена здесь как нельзя лучше. Ни следа так называемой английской флегматичности»...

А вот те же англичане играют в футбол: «Англичане мигом сделали стойку и вонзились глазами в мяч. Р-ррраз! капрал хватил по мячу носком»...

— Р-ррраз! — кричит и Антид Ото за футболистами. Ему нравятся спорт, спортсмены и спорт на войне.

Передавая биографию сэра Джона Дентона Пинкстона Френча, «члена знаменитой семьи графства Гальвэй, провинции Коннаут», он с увлечением рассказывает, как Френч под бурскими снарядами, не моргнув глазом, рассуждал с военным корреспондентом о плохом освещении, мешавшем делать фотографические снимки. В этой генеральской бравате Антид Ото видит «военачальника, скрывающегося за лихим спортсменом, за смельчаком, верящим в свою звезду».

Острое, смелое, красивое нравится ему. Большие поступки, интересные изначительные жесты. Он отмечает старого капитана,

умирая, пославшего на смерть и двух своих сыновей, но не забывает и маршала Жоффра, который прибыл домой на Рождество в штатском платье, простой, как всегда».

Его неумемной, как сухая губка, пытливости, которая порой палящим жаром прет из строки, нужны новые атрибуты человеческой борьбы. Останавливаясь где-то на биографии Гаврилы Принципа, застрелившего Фердинанда Австрийского, он полу-презрительно замечает, что их «эпоха отходит».

Да, эпоха пистолетных героев отходит в прошлое. На смену грядет новый двенадцатидюймовый железобетонный невиданный героизм. Загадочный корреспондент с беспокойной бородкой ждет и верит в него.

Немногим известен секрет Антида Ото. Только десятка полтора человек, близких к редакциям, знают новый псевдоним Троцкого, прославленного товарища председателя Петербургском совета рабочих депутатов в девятьсот пятом году, героического оратора на собственном процессе, осуществителя двух дерзких побегов из Сибири, одного из опаснейших бунтовщиков довоенной Европы.

Вряд ли знает хоть один человек и даже он сам, как суждено будет применить, использовать и проверить Антиду Ото свои наблюдения и мысли, собранные на французском театре войны...

2

Предоктябрьские дни — самая сверкающая, грозная и красивая пора Троцкого.

Демократическое совещание. Предпарламент — последнее торжище февральского сезона. Троцкий, блестящий, застегнутый, язвительный, грозный, пугает, волнует многоречивых политиканов первой Республики. Он чертит на стенах старого Государственного совета грозное «менэ-текел».

В железном зале Народного дома, в цирке «Модерн», на несчетных фабричных митингах сверлит огромную дыру.

Голос ровный, неизбежный, скребущий гвоздем по стеклу, пронзительный, и беспокойный.

Когда Троцкий говорит — это вулкан, изрыгающий ледяные глыбы. Нет, это огнедышащий глетчер!

Октябрь он встречает на позициях. Пулковские высоты, полу-наступающий, полу-убегающий Керенский. Оттуда идут

первые сводки Троцкого с фронтов революции, там отдаются первые приказы. Роковое и счастливое Пулково! Там уединились от мировой сутолоки астрономы, исчисляя бег звезд, но дважды (1917–1919 г.) у Пулковского холма в оружейном грохоте решалась судьба величайших из мировых революций. И оба раза пытался здесь лицом к лицу историческую судьбу Троцкий.

От тихих рабочих кружков и молодых споров Николаева, от первого Петербургского совета депутатов, через ссылку, побег, эмиграцию, через фельетоны Антида Ото, Барселону и Нью-Йорк привела неразорванная нить сюда, к щедрому руслу «перманентной революции».

3

«В Брест-Литовск, — пишет Троцкий, — мы отправились для того, чтобы заключить мир. Почему? Потому, что воевать не могли»¹.

Было очень душно и тесно в большом бараке, где заседала Брестская конференция. По одну сторону длинного стола, заваленного картами, литографированными чертежами, записками на четырех языках, сидели в ряд шестеро русских.

Кругом — плотным охровым прямоугольником замкнулась сверкающая шеренга орденов, эполет и мундиров; бритые твердые подбородки; резкие застывшие лица, остановившиеся взгляды.

Маленькая кучка штатских приехала в захолустный Брест на мирное совещание с четырьмя неприятельскими державами. Мирное совещание, на котором пахло кровью и смертью больше чем на обстрелянных полях. Мирное совещание, похожее на военно-полевой суд, где четыре чужие неподвижные стены офицеров приговаривали к каторге целую страну, огромный народ, только что освободивший себя.

В Бресте немцы нанесли свой последний удар старой России. В Бресте приняла на себя первый и самый страшный удар вновь рожденная Советская Россия.

Странные, стремительные, прыгающие дни! Они неслись друг за дружкой, единственные, неповторимые, горькие сны, безмолвные предвестники надвигающейся гулкой грозы.

Из Бреста немецкое правительство спокойным хищным зевком показывало железные зубы. Близка была от столицы тяжелая

поступь германских отрядов, уже слышны были трубы завоеватель. Каменная лавина быстро и непреклонно катилась на Восток.

За столом мирной конференции, прижатый плотным полукругом врагов к стене, народный комиссар Троцкий бросал злые, резкие, на всю Европу слышные, звонкие слова:

— Мира не подпишем, войны продолжать не будем!

— Мы не можем поставить подписи Русской Революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ!

Европа, притаившись, молчала. В ответ на громкий крик из Бреста в Германии и Австрии начались забастовки, но были утоплены в крови. Гордые революционные фразы отдавались, как в пустыне. Немцы шли неумолимые, как время, неизбежные, как ночь.

И вместо революционных фраз из России, из-за спины Троцкого донеслось тихо, громко, значительно.

— Передышка.

— Передышка! На момент остановить, какими угодно жертвами задержать бездонную гибель. Получить хоть один год отсрочки, чтобы передохнуть, заново собраться с силами. Отвердеть. Уступить врагу в пространстве, чтобы выиграть у него времени.

В немецком «мирном бараке» было темно и безысходно. Выложенные фигуры германских штабных полковников являли своими лицами пообедавших инквизиторов. Пухлый пожилой кулак генерала Гофмана сжимал цветной карандаш, а позади него сжимала бронированный несокрушимый кулак юнкеро-вильгельмовская, закованная в сталь и презрение Германия.

Худой мир, нищий пир. Похабный.

Но не меч. Крепко стиснув зубы, затаив все яростные непримиримые слова, Революция подписалась на всех листах Брестского трактата. Руки Троцкого не было там.

4

Передышку имела Россия, но не коммунисты, не Троцкий.

Над кипящим созиданием Красной армии работало великое множество крепких рук, горячих и упрямых голов. Оборона революции сбылась только благодаря этому неслыханно-исключительному по общности порыву, деловой горячке, охватившей

тысячи людей. Но создание Красной армии российской неотделимо от имени Троцкого, как имя Троцкого неотделимо от красных войск, обвинивших рубежи России.

Троцкий побывал на войне. Он слышал хруст костей в исполинской мельнице. Троцкий был в Бресте, сидел за столом с берлинскими министрами, он многое там понял и чувствовал.

Его беспокоило и едкому уму, самому заостренному и аналитическому из октябрьских умов, были близки стремительные головоломные системы, политические построения, легко перекинутые, как стальные мостки, через самые глубокие и опасные пропасти.

Именно таким, буйно-холодным, скептически-страстным, приехал Троцкий в Брест.

Но ему досталась небывалая, неповторимая историческая роль.

Во дни Бреста, в муках и корчах, извиваясь от боли и отчаяния, умерло одно и родилось другое.

Своими руками завершить империалистическую войну. И своими же, сейчас же, начать войну гражданскую.

Европа с Европой воевала из-за Прирейнской области и рынков, а мы, Азия, распростерли недвижные тела калужских и вологодских мужиков на чужих полях, чужих стремнинах, чужой сырой земле. Четыре года не могла кончиться сумасшедшая баня. Уже Запад залечил раны, задымил заводами, зазвенел деньгой, расторговался автомобилями, галстуками и вставными челюстями. России не дали. Опять война. Новая, уже осмысленная, целевая — за право дышать, строить Жизнь. Но опять кровавая, жестокая, истомно-томительная. Калужские и Нижегородские не вернулись отогреть голодные продранные избы. Еще раз, зализав на ходу свежие рубцы, поползли, озираясь, в окоп.

Троцкий привез в литовский городок блестящие, отточенные по последнему слову диалектической техники политические парадоксы, а уехал оттуда со старым, заржавленным, но крепким человеческим законом: хочешь мира — готовься к войне.

5

И с этих дней Троцкий, такой же острый и едкий, столь же мучительно, алчуще-настойчивый — в новой, непрерывной, будничной, ни на миг неослабной работе.

Страстно, упрямо, неустанно он организует, формирует, устраивает, направляет, воодушевляет, укоряет, успокаивает, угрожает, не спит, не спит.

Широким огненным кольцом раскинут фронт войны гражданской. Можно руководить войной из центра, предписывать и направлять. Гораздо лучше навещать фронт.

Троцкий не сидит в центре и не навещает фронта. Он всегда на фронте. Его штаб в поезде, в вечно стремящемся безостановочном поезде Троцкого.

Как стрелка на часах, вечно движется поезд Троцкого по огромному кругу битв. И если в каком-нибудь месте страшного круга неблагоприятно, если заминка, неуспех, смятение — значит, там сейчас появится быстрый серый поезд Троцкого и сам беспокойный его обитатель с новыми, всегда настойчивыми и страстными словами, напоминаниями, угрозами.

Донской фронт. Красновы и Каледины². Оренбургские, выгладанные солнцем степи. Дремучие лесу Приуралья. Серая зыбь на Волге. Царицын, Сызрань и Казань, чехословацкая лавина. Враги, смерть, пламя, грохот двенадцатидюймовок. И всюду поспевает бесшумный поезд Троцкого.

Мы думали, еще он на Урале, а он в столице, в Петрограде поднимает рабочих на защиту красной крепости от нападающего неприятеля.

Страстно, упрямо, неустанно ускоряет, формирует, направляет, устраивает, воодушевляет, поднимает смелых, хлещет плетью трусом, угрожает, не спит, не спит, не спит. Превращает дома и храмы в крепости, проспекты, улицы в траншеи, в рвы, в окопы, в бойницы — магазинные витрины.

Мы знали — только что он был в Москве, вчера услышали о нем с деникинского фронта, а сегодня утром в Киеве, не удивляясь ничему, все зная наперед, уже он будит, он доказывает, требует решимости и новой силы. Днем — ныряет в бесконечных трудностях, невыносимых тяготах снабжения и транспорта, рубит узлы междуведомственных трений и конфликтов. А вечером в огромном, до потолка набитом цирке, он учит боевых детей восстания — курсантов быть вождями и борцами.

Быстрыми крупными шагами меряет арену, характерным цепким жестом бросает к ногам слушателей идеи, доводы, настойчивым, скребущим голосом взрезает сразу в ум и сердце, и воображение:

— В грозный час, когда рабоче-крестьянская власть обратится к вам, курсанты, со словами «Социалистической республике грозит опасность», вы ответите: «Мы здесь!» и будете героически бороться и умирать, сражаясь против врагов трудового народа!³

Два часа, без передышки, без отдыха и пауз льется, бьется стремительная, как река через плотину, насыщенная трагизмом, силой, тревогой, иронией, лекция-проповедь-импровизация Троцкого к четырем застывшим ярусам.

Поздним вечером расходятся домой тысячи красных офицеров, взбудораженных потоком мыслей и образов. А в ту же ночь, порывисто дыша клапанами и поршнями, все дальше уходя от сонной столицы, торопливо гремя на стыках рельс, нащупывает во мгле фонарями дорогу на Фронт большой паровоз поезда Троцкого.

Вдоль дороги бегут рядом с поездом желтые отблески от поездных окон. В одном из вагонов набирают и печатают походную газету «В Пути». В другом, за письменным столом высокая беспокойная фигура засиделась до глубокой ночи.

6

Был гениально неправ Троцкий в большом споре о профессиональных союзах. Но в его неправоте была непреложная историческая правда воюющего марксизма, таранящий прямой ход коммунистической революции.

«Ленинцы» переспорили, ибо поняли и почувствовали, как облипает революцию непреодолимая гуща туго колеблемого быта, опасная вязкость жизни, сопротивление человеческой психологии, упругой косности и традиции. Надо было остановиться, опять передохнуть, опять перетерпеть похабный мир — уже не с немецкими генералами, а с внутренней непреодолимой мелкособственнической стихией. Опять уступить врагу в упорстве, чтобы выиграть у него во времени. Прикрепиться. Глубже и шире врасти корнями в землю, чтобы привычнее в ней сидеть. С Лениным восторжествовал интуитивный инстинкт самосохранения, кряжистая национальная приспособляемость к обстоятельствам, не раз счастливо оберегавшая социальную революцию в России. Мудрая, восточная полутаинственная кривая, которая выводит часто лучше, чем стремительная опасная прямая.

С Троцким была побеждена и задержана революционная динамика, выросшая за эти годы борьбы в разящую вихревую силу. Восхитительный напор локомотива истории (это о нем сказано) на покатых рельсах. Безудержная инерция ледокола, пробившегося через ледяные горы и осколки в открытое море. Безупречная фанатическая правда и искренность подпоясанного мечом, обогренившего кровью, победившего учения.

Промедление — поражение.

Уступка — капитуляция.

Недаром с Троцким стояла самая активная, боевая, динамическая часть партии — военные коммунисты.

7

У Троцкого есть свой, редкостный вид опьянения, которым он умеет заражать других.

Опьянение трезвостью. Прозой. Буднями.

Только в них и через будни видит всегда Троцкий праздник революции.

Он любит и умеет впрыскивать себе и другим прививку трезвости в самые, казалось бы, трудные для этого моменты.

В разгар войны, когда Красная армия готовится пересилить четырнадцать государств, когда мобилизовано все вплоть до оперных баритонов и мозольных операторов. Троцкий окатывает холодной водой чрезмерно увлекающихся красных милитаристов из бывших генералов, утверждающих войну как основной человеческий закон.

В статье «Глубокомысленное пустословие»⁴, написанной где-то в боях, напоминает он, что война есть величайшее зло из всех мыслимых на земле, что война скоро исчезнет так же, как исчезла антропофагия, что у будущего человечества будет лишь одна война — борьба с враждебными силами природы.

На партийном митинге, разбирая внутренние фракционные требования, он мечтает о том времени, когда в коммунистической партии будут фракции «торфистов», «сланцистов», «нефтяников», «электрофикаторов» и «транспортников»⁵.

Когда победившая армия располагается на лаврах, он педантично требует внимания к мелочам: чистке сапог, аккуратно пришитым пуговицам⁶.

Впавших в академизм «красных генштабистов» он отрезвляет напоминанием, что нам нужны не гениальные полководцы, не особая пролетарская стратегия, а только хороший отделенный командир...

У нас принято называть Ленина мозгом, а Троцкого — руками революции. История поймет шире.

Она увидит в глубинах ленинской социальной мудрости трезвую крепкую прозу живого организатора, а в суровых деловых буднях Троцкого взлеты гениального возвышенного ума.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Лев Давидович Троцкий

Троцкий в истории нашей партии явился несколько неожиданно и сразу с блеском. Насколько я слышал, он начал свою социал-демократическую деятельность, подобно мне, еще с гимназической скамейки, и, кажется, ему не было еще 18 лет, когда он был сослан.

Это случилось, однако, значительно позже первых революционных событий в моей жизни, так как Троцкий на 5 или 6 лет моложе меня. Из ссылки он, кажется, бежал. Во всяком случае, впервые заговорили о нем, когда он явился на II съезд партии, на тот, на котором произошел раскол. По-видимому, заграничную публику Троцкий поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом. Передавали анекдот, вероятно неверный, но, пожалуй, характерный, будто бы Вера Ивановна Засулич, со своей обычной экспансивностью, после знакомства с Троцким воскликнула в присутствии Плеханова: «Этот юноша, несомненно, гений», и будто бы Плеханов, уходя с того собрания, сказал кому-то: «Я никогда не прощу этого Троцкому». Действительно, Плеханов всегда ненавидел Троцкого; думается, однако, что не за признание его гением со стороны доброй В. И. Засулич, а за то, что Троцкий с необыкновенной ретивостью атаковал его непосредственно на II съезде, высказываясь о нем довольно непочтительно. Плеханов в то время считал себя абсолютно неприкосновенным величеством в социал-демократической среде, даже сторонние люди в полемике подходили к нему без шапок, и подобная резкость Троцкого должна была вывести его из себя. Вероятно, в Троцком того времени было много

мальчишеского задора. В сущности говоря, очень серьезно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыпленок, а орленок.

Я встретился с ним сравнительно позднее, именно в 1905 году, после январских событий. Он приехал тогда, не помню уже откуда, в Женеву, должен был выступить вместе со мною на большом митинге, созданном по поводу этой катастрофы. Троцкий был тогда необыкновенно элегантен, в отличие от всех нас, и очень красив. Эта его элегантность и особенно какая-то небрежная свысока манера говорить с кем бы то ни было меня очень неприятно поразили. Я с большим недоброжелательством смотрел на этого франта, который, положив ногу на ногу, записывал карандашом конспект того экспромта, который ему пришлось сказать на митинге. Но говорил Троцкий очень хорошо. Выступал он и на международном митинге, где я первый раз в жизни говорил по-французски, а он по-немецки; иностранные языки мешали нам обоим, но кое-как мы вышли из этой беды. Потом, помню, мы были назначены — я от большевиков, а он от меньшевиков — в какую-то комиссию для раздела каких-то общих сумм, и там у Троцкого был сухой и надменный тон. Больше я его до возвращения в Россию после первой революции не встречал. Мало встречал я его и в течение революции: он держался отдельно не только от нас, но и от меньшевиков. Его работа протекала главным образом в Совете рабочих депутатов, и вместе с Парвусом он организовал как бы какую-то отдельную группу, которая издавала очень бойкую, очень хорошо отредактированную, маленькую дешевую газету¹. Я помню, как кто-то сказал при Ленине:

«Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете — Троцкий». Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: «Что же, Троцкий завоевал это своей неустанной работой и яркой агитацией».

Из меньшевиков Троцкий был тогда ближе всех к нам, но я не помню, участвовал ли он хотя раз в тех довольно длинных переговорах, которые велись между нами и меньшевиками по поводу соглашения. К Стокгольмскому же съезду он уже был арестован.

Популярность его среди петербургского пролетариата ко времени ареста была очень велика и еще увеличилась в результате

его необыкновенно картинного и героического поведения на суде. Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905–1906 годов, несомненно, показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати некоторой эмигрантской узости, которая, как я уже сказал, мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое широкая государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшим приобретением в смысле популярности; ни Ленин, ни Мартов не выиграли, в сущности, ничего. Плеханов очень много проиграл вследствие появившихся в нем полукадетских тенденций. Троцкий же с этих пор стал в первый ряд.

Во время второй эмиграции Троцкий поселился в Вене, вследствие чего встречи мои с ним были нечасты.

Я уже говорил о роли, которую он играл в Штутгарте: он держался там скромно и нас призывал к тому же, считая нас всех выбитыми, а потому и не могущими импонировать конгрессу.

Затем Троцкий увлекся примиренческой линией и идеей единства партии. Он больше всех хлопотал по этому поводу на разных пленарных заседаниях, и свою газету «Правда», и свою группу он посвятил на $\frac{2}{3}$ именно этой работе по совершенно безнадежному объединению партии.

Единственный успех, которого он в этом отношении добился, был тот пленум, который отбросил от партии ликвидаторов, почти отбросил впередовцев и сшил белыми нитками очень непрочным швом на некоторое время ленинцев и мартовцев. Этот ЦК отправил, между прочим, в качестве всестороннего надзирателя за Троцким товарища Каменева (кстати, его зятя), но между Каменевым и Троцким произошел такой бурный разрыв, что Каменев очень скоро вернулся назад в Париж. Скажу здесь сразу, что Троцкому очень плохо удавалась организация не только партии, но хотя бы небольшой группы. Никаких прямых сторонников у него никогда не было, если он импонировал в партии, то исключительно своей личностью, а то, что он никак не мог уместиться в рамках меньшевиков, заставляло их относиться к нему как к какому-то практиканту-анархисту и крайне их раздражало, о полном же сближении с большевиками тогда не могло бы быть и речи. Троцкий казался ближе к мартовцам, да и все время держался так.

Огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие

того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество. Подумать только, даже немногие его личные друзья (я говорю, конечно, о политической сфере) превращались в его заклятых врагов; так, например, было с его главным адъютантом Семковским, так было потом с его чуть ли не любимым учеником Скобелевым.

Для работы в политических группах Троцкий казался мало приспособленным, зато в океане исторических событий, где совершенно не важны такие личные организации, на первый план выступали положительные стороны Троцкого.

Сблизился я с Троцким во время Копенгагенского съезда². Явившись туда, Троцкий почему-то посчитал нужным опубликовать в *Vorwärts*'e³ статью, в которой он, охая огулом все русское представительство, заявил, что оно, в сущности, никого, кроме эмигрантов, не представляет. Это взбесило и меньшевиков, и большевиков. Плеханов, жгучей ненавистью ненавидевший Троцкого, воспользовался таким обстоятельством и устроил нечто вроде суда над Троцким. Мне казалось это несправедливым, я довольно энергично высказался за Троцкого и вообще способствовал (вместе с Рязановым) тому, что план Плеханова совершенно расстроился... Отчасти поэтому, отчасти, может быть, по более случайным причинам мы стали часто встречаться с Троцким во время конгресса: вместе отдыхали, много беседовали на всякие, главным образом политические, темы и разъехались в довольно приятных отношениях.

Вскоре после Копенгагенского конгресса мы организовали нашу вторую партийную школу в Болонье⁴ и пригласили Троцкого приехать к нам для ведения практических занятий по журналистике и для чтения курса, если не ошибаюсь, по парламентской практике германской и австрийской социал-демократии и, кажется, по истории социал-демократической партии в России. Троцкий любезно согласился на это предложение и прожил в Болонье почти месяц. Правда, все это время он вел свою линию и старался столкнуть наших учеников с их крайней левой точки зрения на точку зрения среднюю и примирительную, которую, однако, он лично считал весьма левой. Но эта политическая игра его не имела никакого успеха, зато чрезвычайно талантливые лекции нравились очень ученикам, и вообще в течение всего этого своего пребывания Троцкий был необыкновенно весел, блестящ, чрезвычайно лоялен

по отношению к нам и оставил по себе самые лучшие воспоминания. Он оказался одним из самых сильных работников этой нашей второй школы.

Последние встречи мои с Троцким были еще длительнее и еще интимнее. Это относится уже к 1915 году в Париже. Троцкий вошел, как я уже писал, в редакцию «Наше слово», и тут, конечно, не обошлось без некоторых интриг и неприятностей: кое-кто был испуган таким вхождением, — боялись, что такая сильная личность приберет газету к рукам. Но эта сторона дела была все-таки на самом заднем плане. Гораздо более выпуклыми были отношения Троцкого к Мартову. Нам искренне хотелось действительно на новой почве интернационализма наладить полное объединение всего нашего фронта от Ленина до Мартова. Я ораторствовал за это самым энергичным образом и был в некоторой мере инициатором лозунга: долой оборонцев, да здравствует единение всех интернационалистов! Троцкий вполне к этому присоединился. Это лежало в давних его мечтах и как бы оправдывало всю его предшествовавшую линию.

С большевиками у нас не было никаких разногласий, по крайней мере крупных; с меньшевиками же дело шло худо: Троцкий всеми мерами старался убедить Мартова отказаться от связи с оборонцами. Заседания редакции превращались в длинейшие дискуссии, во время которых Мартов с изумительной гибкостью ума, почти с каким-то софистическим пронырством избегал прямого ответа на то, рвет ли он со своими оборонцами, а Троцкий наступал на него порою очень гневно. Дело дошло до почти абсолютного разрыва между Троцким и Мартовым, к которому, между прочим, как к политическому уму, Троцкий всегда относился с огромным уважением, а вместе с тем между нами, левыми интернационалистами, и мартовской группой.

За это время между мной и Троцким оказалось столько политических точек соприкосновения, что, пожалуй, мы были ближе всего друг к другу; всякие переговоры от его лица, а с ним от лица других редакторов приходилось вести мне. Мы очень часто выступали вместе с ним на разных эмигрантских студенческих собраниях, вместе редактировали различные прокламации, — словом, были в самом тесном союзе. И эта линия связала нас так, что именно с этих пор продолжают наши дружественные отношения. Оговорюсь, однако, что эта близость наша, которой

я, конечно, горжусь, базировалась и базируется исключительно на тождественности политической позиции и на подкупающей широкой талантливости Троцкого.

Что касается других сторон духовной жизни Троцкого, то здесь, наоборот, я никак не мог нащупать ни малейшей возможности сближения с ним: к искусству отношение у него холодное, философию он считает вообще третьестепенной, широкие вопросы миросозерцания он как-то обходит, и, стало быть, многое из того, что является для меня центральным, не находило в нем никогда никакого отклика. Темой наших разговоров была почти исключительно политика. Так это остается и до сих пор.

Я всегда считал Троцкого человеком крупным. Да и кто же может в этом сомневаться? В Париже он уже сильно вырос в моих глазах как государственный ум и в дальнейшем рос все большие, не знаю, потому ли, что я лучше его узнавал и он лучше мог показать всю меру своей силы в широком масштабе, который отвела нам история, или потому, что действительно испытание революции и ее задачи реально вырастили его и увеличили размах его крыльев.

Агитационная работа весной 1917 года относится уже к главной сущности моей книги, но я должен сказать, что под влиянием ее огромного размаха и ослепительного успеха некоторые близкие Троцкому люди даже склонны были видеть в нем подлинного вождя русской революции. Так, покойный М. С. Урицкий, относившийся к Троцкому с великим уважением, говорил как-то мне и, кажется, Мануильскому: «Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого». Эта оценка оказалась неверной не потому, что она преувеличивала дарования и мощь Троцкого, а потому, что в то время еще неясны были размеры государственного гения Ленина. Но действительно, в тот период, после первого громового успеха его приезда в Россию и перед июльскими днями, Ленин несколько стушевался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил, главным образом, организационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах.

Главными внешними дарованиями Троцкого являются его ораторский дар и его писательский талант. Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени. Я слышал на своем веку всяких крупнейших парламентских и народных

трибунов социализма и очень много знаменитых ораторов буржуазного мира и затруднился бы назвать кого-либо из них, кроме Жореса (Бебеля я слышал только стариком), которого я мог бы поставить рядом с Троцким.

Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика — вот достоинства речи Троцкого. Он может говорить лапидарно, бросить несколько необычайно метких стрел и может произносить те величественные политические речи, какие я слышал до него только от Жореса. Я видел Троцкого говорящим по 2½ — 3 часа перед совершенно безмолвной, стоящей притом же на ногах аудиторией, которая как зачарованная слушала этот огромный политический трактат. То, что говорил Троцкий, в большинстве случаев было мне знакомо, да притом же, конечно, всякому агитатору приходится очень много своих мыслей повторять вновь и вновь перед новыми массами, но Троцкий одну и ту же идею каждый раз преподносит в новом одеянии. Я не знаю, много ли говорит теперь Троцкий в качестве военного министра великой державы, — очень вероятно, что организационная работа и неутомимые разъезды по всему необъятному фронту отвлекли его от ораторства, — но все же прежде всего Троцкий — великий агитатор. Его статьи и книги представляют собой, так сказать, застывшую речь, — он литературен в своем ораторстве и оратор в своей литературе.

Поэтому ясно, что и публицист Троцкий выдающийся, хотя, конечно, часто очарование, которое придает его речи непосредственное исполнение, теряется у писателя.

Что касается внутренней структуры Троцкого как вождя, то, как я уже сказал, он, в малом масштабе партийной организации, которая, однако, страшно сказала в будущем, так как ведь именно результаты работы в подполье таких людей, как Ленин, как Чернов, как Мартов, дали потом партиям возможность оспаривать гегемонию в России и возможность оспаривать ее в мире, — был неискусен, несчастлив. Я не знаю вообще, может ли быть Троцкий хорошим организатором. Мне кажется, что и в роли военного министра он должен действовать больше как агитатор

и политический ум, чем как организатор в собственном смысле слова. Мешает же крайняя определенность граней его личности.

Троцкий — человек колючий, нетерпимый, повелительный, и я представляю себе, а очень часто и знаю, что отсюда возникает и сейчас немало трений и столкновений, которые при более уживчивом характере могли бы быть вполне избегнуты.

Зато как политический муж совета Троцкий стоит на той же высоте, что и в ораторском отношении. Да и как иначе — самый искусный оратор, речь которого не освещается мыслью, не более как праздный виртуоз, и все его ораторство — кимвал бряцающий⁵. Любовь, о которой говорит апостол Павел, может быть, и не так нужна для оратора, ибо он может быть исполнен и ненавистью, но мысль нужна необходимо. Великим оратором может быть только великий политик. Так как Троцкий по преимуществу оратор политический, то, конечно, в речах его сказывается именно политическая мысль.

Мне кажется, что Троцкий несравненно более ортодоксален, чем Ленин, хотя многим это покажется странным; политический путь Троцкого как будто несколько извилист, он не был ни меньшевиком, ни большевиком, искал средних путей, потом влил свой ручей в большевистскую реку, а между тем на самом деле Троцкий всегда руководился, можно сказать, буквою революционного марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые потом давали богатейшие результаты. Троцкий такую смелостью мысли не отличается: он берет революционный марксизм, делает из него все выводы, применительные к данной ситуации; он бесконечно смел в своем суждении против либерализма, против полусоциализма, но не в каком-нибудь новаторстве.

Ленин в то же время гораздо более оппортунист в самом глубоком смысле слова. Опять странно, разве Троцкий не был в лагере меньшевиков, этих заведомых оппортунистов? Но оппортунизм меньшевиков — это просто политическая дряблость мелкобуржуазной партии. Я говорю не о нем, я говорю о том чувстве действительности, которая заставляет порою менять тактику; о той огромной чуткости к запросу времени, которая побуждает Ленина то заострять оба лезвия своего меча, то вложить его в ножны.

Троцкий менее способен на это. Троцкий прокладывает свой революционный путь прямолинейно. Эти особенности сказываются в знаменитом столкновении обоих вождей великой русской революции по поводу Брестского мира.

О Троцком принято говорить, что он честолюбив. Это, конечно, совершенный вздор. Я помню одну очень значительную фразу, сказанную Троцким по поводу принятия Черновым министерского портфеля⁶: «Какое низменное честолюбие — за портфель, принятый в неудачное время, покинуть свою историческую позицию». Мне кажется, в этом весь Троцкий. В нем нет ни капли тщеславия, он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властью; ему бесконечно дорога, и в этом он честолюбив, его историческая роль. Здесь он, пожалуй, личник, как и в своем естественном властолюбии.

Ленин тоже нисколько не честолюбив, еще гораздо меньше Троцкого; я думаю, что Ленин никогда не оглядывается на себя, никогда не смотрится в историческое зеркало, никогда не думает даже о том, что о нем скажет потомство, — он просто делает свое дело. Он делает это дело властно, и не потому, что власть для него сладостна, а потому, что он уверен в своей правоте и не может терпеть, чтобы кто-нибудь портил его работу. Его властолюбие вытекает из его огромной уверенности в правильности своих принципов и, пожалуй, из неспособности (очень полезной для политического вождя) становиться на точку зрения противника.

Спор никогда не является для него просто дискуссией, это для него столкновение разных классов, разных групп, так сказать, разных человеческих пород. Спор для него всегда борьба, которая при благоприятных условиях может перейти в бой. Ленин готов приветствовать, когда спор переходит в бой.

В отличие от него Троцкий, несомненно, часто оглядывается на себя. Троцкий чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них — жертвы своей жизнью, для того, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя. Властолюбие его носит тот же характер, что и у Ленина, с тою разницей, что он чаще способен ошибаться, не обладая почти непогрешимым инстинктом Ленина, и что, будучи человеком вспыльчивым и по темпераменту своему холериком, он способен, конечно, хотя бы и временно,

быть ослепленным своей страстью, между тем как Ленин, ровный и всегда владеющий собою, вряд ли может хотя когда-нибудь впасть в раздражение.

Не надо думать, однако, что второй великий вождь русской революции во всем уступает своему коллеге; есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит его: он более блестящ, он более ярок, он более подвижен. Ленин как нельзя более приспособлен к тому, чтобы, сидя на председательском кресле Совнаркома, гениально руководить мировой революцией, но, конечно, не мог бы справиться с титанической задачей, которую взвалил на свои плечи Троцкий, с этими молниеносными переездами с места на место, этими горячечными речами, этими фанфарами тут же отдаваемых распоряжений, этою ролью постоянного электризатора то в том, то в другом месте ослабевающей армии. Нет человека, который мог бы заменить в этом отношении Троцкого.

Когда происходит истинно великая революция, то великий народ всегда находит на всякую роль подходящего актера, и одним из признаков величия нашей революции является, что Коммунистическая партия выдвинула из своих недр или позаимствовала из других партий, крепко внедрив их в свое тело, столько выдающихся людей, как нельзя более подходящих к той или другой государственной функции.

Более же всего сливаются со своими ролями именно два сильнейших среди сильных — Ленин и Троцкий.

Н. Н. СУХАНОВ

Записки о революции

<Фрагменты>

<...>

Из новых лиц бывал, но не часто Троцкий¹. Он вошел в группу «междурайонцев» <...> автономных большевиков; вместе с Луначарским, еще совсем не появившимся в Исполнительном комитете, Троцкий уже начал широко митинговать и находился в поисках литературного органа. В Исполнительном комитете на сером, тоскливом фоне он не вызвал большого к себе интереса и еще меньше сам обнаруживал интереса к центральному советскому учреждению. У меня остались в памяти только небольшие препирательства Троцкого с лидерами большинства. Развернуться было положительно негде...

Я лично избегал тогда знакомства с Троцким, имея на то совершенно специфические причины: Троцкий имел много оснований стать в более или менее близкое отношение к «Новой жизни»², и сам он рассчитывал на это. Наше знакомство с ним предполагало немедленные разговоры с ним на эту тему. Между тем сотрудничество Троцкого могло оказаться совсем не ко двору. Про него, не примкнувшего к большевистской партии, уже ходили неопределенные слухи, что будто бы он «хуже Ленина». Раньше чем разговаривать о «Новой жизни», надо было приглядеться к этой новой звезде...

<...>

Я диву дался, когда на конференции «междурайонцев»³ дело дошло до партийной программы: Троцкий повторял Ленина. Он взял за основу ленинский проект и вносил в него некоторые коррективы. Но опять-таки все внимание его было устремлено

на формы диктатуры пролетариата и примыкающих к нему слоев. И докладчик, и немногочисленные ораторы в возникших прениях при молчаливых слушателях, рабочих и солдатах, игнорировали экономическую программу и не уделили ее разработке никакого труда. Непонятно! Троцкий, Луначарский, Урицкий, правда, неэкономисты. Но они образованные, передовые в Европе социалисты. Почему же им не ясно, что социализм есть прежде всего *экономическая* система и что без строго разработанной программы экономических предприятий ничего не может выйти из диктатуры пролетариата? Именно с их точки зрения партийная программа необходимо должна была бы включать в себя детальную, чисто деловую, вполне конкретную скалу экономических преобразований. Ибо их программа была программой ликвидации капитализма.

Я вспомнил. Несколько дней тому назад я, из любопытства, пошел в зал Морского корпуса, где Троцкий читал реферат об итогах Всероссийского советского съезда. Зал был переполнен тысячами рабочих и солдат. Успех оратора, говорившего часа три, был огромный. Но я испытывал удручающее впечатление. В докладе не было ничего, кроме мелкой демагогии и максималистских призывов — без малейших пропагандистских попыток наметить реальную программу. Главным трюком был влагаемый в уста советских лидеров приказ: «Подождите до Учредительного собрания!» Троцкий повторял это, перечисляя насущные нужды революции рабочих, солдат и крестьян, и вызывал восторг аудитории.

<...>

Поднялся неистовый шум⁴. Толпа, потрясая оружием, стала напирать. Группа лиц старалась оттеснить Чернова внутрь дворца. Но дюжие руки схватили его и усадили в открытый автомобиль, стоявший у самых ступеней с правой стороны портика. Чернова объявили арестованным в качестве заложника...

Немедленно какая-то группа рабочих бросилась сообщить обо всем этом ЦИК, и, ворвавшись в Белый зал, она произвела там панику криками:

— Товарищ Чернов арестован толпой! Его сейчас растерзают! Спасайте скорее! Выходите все на улицу!

Чхеидзе, с трудом водворяя порядок, предложил Каменеву, Мартову, Луначарскому и Троцкому поспешить на выручку Чернова. Где были прочие, не знаю. Но Троцкий подоспел вовремя.

Я с Раскольниковым остановился на верхней ступени у правого края портика, когда Троцкий, в двух шагах подо мною, взбирался на передок автомобиля. Насколько хватало глаз — бушевала толпа. Группа матросов с довольно зверскими лицами особенно неистовствовала вокруг автомобиля. На заднем его сиденье помещался Чернов, видимо совершенно утеревший «присутствие духа».

Троцкого знал, и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троцкий, взволнованный и не находивший слов в дикой обстановке, заставил слушать себя ближайšie ряды. Но что говорил он!

— Вы поспешили сюда, красные кронштадтцы, лишь только услышали о том, что революции грозит опасность! Красный Кронштадт снова показал себя как передовой боец за дело пролетариата. Да здравствует красный Кронштадт, слава и гордость революции!..

Но Троцкого все же слушали недружелюбно. Когда он попытался перейти собственно к Чернову, окружавшие автомобиль ряды снова забесновались.

— Вы пришли объявить свою волю и показать Совету, что рабочий класс больше не хочет видеть у власти буржуазию. Но зачем мешать своему собственному делу, зачем затемнять и путать свои позиции мелкими насилиями над отдельными случайными людьми? Отдельные люди не стоят вашего внимания... Каждый из вас доказал свою преданность революции. Каждый из вас готов сложить за нее голову. Я это знаю... Дай мне руку, товарищ!.. Дай руку, брат мой!..

Троцкий протягивал руку вниз, к матросу, особенно буйно выражавшему свой протест. Но тот решительно отказывался ответить тем же и отводил в сторону свою руку, свободную от винтовки. Если это были чуждые революции люди или прямые провокаторы, то для них Троцкий был тем же, что и Чернов или значительно хуже: они могли только ждать момента, чтобы расправиться вместе с адвокатом и подзащитным. Но я думаю, что это были рядовые кронштадтские матросы, воспринявшие по своему разумению большевистские идеи. И мне казалось, что матрос, не раз слышавший Троцкого в Кронштадте, сейчас действительно испытывает впечатление *измены* Троцкого: он помнит его прежние речи, и он

растерялся, не будучи в состоянии свести концы с концами... Отпустить Чернова? Но что же надо делать? Зачем его звали?

Не зная, что делать, кронштадтцы отпустили Чернова. Троцкий взял его за руку и спешно увел внутрь дворца. Чернов в бессилии опустился на свой стул в президиуме...

<...>

А насчет Троцкого кстати замечу⁵. Тогда, в сентябре 1917 года, он выразил резко отрицательное отношение к самосудам как к явлению «глубоко вредному» с точки зрения революционного самосознания. Впоследствии же, в приватном едко-полюемическом разговоре со мной, среди издевательств над моими «либеральными» взглядами, он заявил примерно так:

— Вот когда после корниловщины разъяренные солдаты взялись крушить направо и налево контрреволюционный офицерский сброд, вот это было проявление настоящего революционизма и классового сознания!

Я только отмахивался от этого настоящего революционизма. Для меня в 1920 году, как и в 1917-м, стихия народной паники и мести не имела ничего общего ни с революцией, ни с каким-либо самосознанием. Но Троцкий? Уклонился ли он от своей собственной истины в 1917 году, будучи тогда в меньшинстве и говоря публично? Или истина уклонилась от Троцкого в 1920 году, когда Троцкий был правителем, когда он уже нес на своих плечах кровавую полосу террора и бесплодно искал оправдания своим былым ошибкам?... О, тут сомнений быть не может! В 1917 году Троцкий не кривил душой и возвещал бесспорную истину. Тогда Троцкий и его товарищи были бесспорно блестящими, замечательными революционерами, которые и не подозревали, в каких беспомощных и сомнительных «государственных людей» предстоит им превратиться...

<...>

Иначе поступил Троцкий, выступавший от имени большевиков⁶. Он расплыл свою речь, ходя вокруг да около, ухватываясь за конкретные факты, штришки, иллюстрации и лишь временами возвращаясь к центральному пункту. Но все же в рамке повседневной публицистики тут предстала не только искомая боевая идея момента, но, можно сказать, и общая философия истории. Это было, несомненно, одно из самых блестящих выступлений этого удивительного оратора. И я никак не могу подавить в себе желание

украсить страницы моей книги почти полным воспроизведением этой великолепной речи. Если найдет мой труд читателей в грядущем — как, скажем, находит их доселе невысокого полета книга Ламартина, — то пусть судят по этой странице об ораторском искусстве и политической мысли наших дней. И пусть делают заключение: полтора ста лет прожило человечество недаром, и герои нашей революции оттесняют далеко на задний план прославленных деятелей эпохи 89-го года.

Зал Александринского театра встрепенулся при самом имени Троцкого. Официальное выступление большевистской партии в связи с данным ее представителем обещало наиболее яркий момент за весь съезд. На мой взгляд, эти предвкушения оправдались. Но, конечно, кооператоры и «мамелюки» поспешили в сердцах своих вытеснить любопытство злобой и готовностью к отпору.

Троцкий со своей стороны хорошо готовился. Стоя на сцене в нескольких шагах позади него, я видел на пюпитре основательно исписанный лист, с подчеркнутыми местами, с отметками и стрелками синим карандашом... Говорил Троцкий без всякого пафоса (на высоту которого он, по нужде, умеет подниматься!), без малейших ораторских поз и ухищрений — совсем просто. На этот раз он разговаривал с аудиторией: иногда выходя к ней шага на два и снова кладя локоть на пюпитр. Металлическая четкость речи, законченность фразы, свойственные Троцкому, нехарактерны для этого выступления и, пожалуй, даже не в стиле его.

— Здесь, — тихонько начинает он, — здесь перед вами, товарищи и граждане, выступали министры-социалисты, входившие в состав двух коалиционных министерств. Перед «полномочными» органами министрам вообще полагается выступать с *отчетами*. Наши министры вместо отчетов пожелали дать нам советы. За ваши советы мы приносим вам благодарность, но *отчета* мы требуем от вас... Не совета, а отчета, граждане министры! — тихонько повторяет оратор, постукивая по пюпитру.

Отлично! Сколько раз — без числа — я вспоминал эти слова потом, когда большевистские министры решали судьбы миллионов, распоряжались всем достоянием государства, измышляли и проводили свои нелепые эксперименты из своих первобытных, но недостижимых канцелярий, работая втихомолку за частоколом штыков, без признака контроля, как в Средние века, как в своей вотчине, не отдавая народу ничего похожего на отчеты и угощая

вместо них митинговыми речами своих приближенных, созданных на парадные заседания! Не знаю, вспоминал ли когда-нибудь сам Троцкий об этих своих словах на Демократическом совещании. Память у Троцкого превосходная... Но оставим сейчас все это. С Троцким и его друзьями-правителями мы еще успеем познакомиться вплотную. Сейчас послушаем великого революционера и сказочного героя, двигавшего сотнями тысяч людей.

— Мы слышали, — продолжал он, — советы министра Скобелева, но он ни слова не сказал о том, как он осуществлял свою программу с Коноваловым и Пальчинским. А ведь он обещал сто процентов! Мы хотели бы знать, на каком проценте остановился он в своей работе с Пальчинским и Коноваловым... Министр Авксентьев, дававший здесь советы вместо отчетов, так же как и в ЦИК, в самый трагический момент, когда еще не была ликвидирована авантюра Корнилова, вместо того чтобы рассказать, как Савинков вызывал третий корпус, *советовал* оказать доверие и поддержку «пятерке», в которую тогда намечались Савинков — полукорниловец, Маклаков — полусавинковец, Керенский, которого вы знаете, Кишкин и Терещенко, которых вы также знаете. Даже Пешехонов прочел нечто вроде стихотворения в прозе о преимуществах коалиции. Он нам рассказал о том, что министры-кадеты не занимались саботажем, а сидели и выжидали и говорили: «А вот посмотрим, как вы, социалисты, провалитесь». Ну а что же такое саботаж?.. Самая интересная речь была, пожалуй, речь министра Зарудного, который, помимо нескольких советов, рассказал нам, что было в правительстве. Он поучительно резюмировал для нас: *я тогда не понимал и теперь не понимаю, что там происходит...* Я должен сказать, что другой министр-кадет подвел итог этому опыту в более решительных политических терминах. Я говорю о Кокошкине. Он мотивировал свой уход тем, что, после того как Временное правительство предоставило Керенскому чрезвычайные полномочия, имеющие, по существу, диктаторский характер, он считает свое пребывание в составе Временного правительства, куда входил как политический деятель, излишним; быть же в роли простого исполнителя приказаний министра-председателя он не считает для себя возможным. Это — язык политического и человеческого достоинства... Если у вас и много разногласий, то я все же спрашиваю вас: есть ли у вас разногласия относительно того правительства, которое сейчас правит именем России?

Я здесь не слышал ни одного оратора, который бы взял на себя малозавидную честь защищать «пятерку», директорию или ее председателя...

«Мамелюки» умозаклучили, что раз никто из их лагеря не защищал Керенского, то этого достаточно, чтобы тут устроить Троцкому первый скандал. Среди аплодисментов левой поднялся шум, послышались возгласы: «Довольно!», «Вон!», «Да здравствует Керенский!» Оратору не дают продолжать. Троцкий ждет, пока стихнет, как будто все это его не касается.

— Я вам скажу, товарищи и граждане, что та речь, которую произнес... (однако о Керенском говорить не дают и снова кричат: «Вон!», «Довольно!»)... в той речи, которую Керенский произнес здесь перед вами, он о смертной казни сказал: «Вы меня проклянете, если я подпишу хоть один смертный приговор». Я спрашиваю: если смертная казнь была необходима, то как он решается сказать, что он не сделает из нее употребления? А если он считает возможным обязаться перед демократией не применять смертную казнь, то я говорю, что он превращает ее восстановление в акт легкомыслия, стоящий в пределах преступности.

— На этом маленьком примере, — продолжает Троцкий, — где безответственное лицо превращает смертную казнь в свое политическое орудие, которое пускается в ход или временно сдается в арсенал, сказывается вся униженность Российской республики, которая не имеет своего полномочного представительства и ответственной перед ним власти. Мы все, расходящиеся по многим вопросам, сойдемся в том, что недостойно великого народа иметь власть, которая концентрируется в одном лице, безответственном перед собственным революционным народом... Ведь если здесь многие ораторы говорили о том, как трудно в настоящую минуту бремя власти, и предупреждали молодую русскую демократию от того, чтобы это бремя возложить на свои коллективные многомиллионные плечи, я спрашиваю вас, что же сказать об одном лице, которое во всяком случае не выявило ничем ни гениальных талантов полководца, ни гениальных талантов законодателя...

Снова поднимается неистовый шум, снова крики, протесты. Троцкий стоит молча несколько минут. Молчит некоторое время и Чхеидзе, но наконец просит собрание успокоиться... Оратор продолжает:

— Я очень жалею, что та точка зрения, которая сейчас находится в зале такое бурное выражение, не нашла своего политического выразителя и членораздельного выражения на этой трибуне. Ни один оратор не вышел сюда и не сказал нам: «Зачем вы спорите о прошлой коалиции, зачем задумываетесь о будущей. У нас есть Керенский, и этого довольно»... Именно наша партия никогда не была склонна возлагать ответственность за этот режим на злую волю того или другого лица. Вина за создавшееся положение падает на партии советского большинства, искусственно создавшие тот режим, где наиболее ответственное лицо, независимо от собственной воли, становится математической точкой приложения бонапартизма (шум, крики: «Ложь!», «Довольно!», «Вон!»...). В эпоху революции, когда массы, впервые осознав себя как классы, начинают стучаться во все твердыни собственности, в такую эпоху классовая борьба получает выражение самое страстное и напряженное. Объектом этой борьбы является государственная власть, как тот аппарат, при помощи которого можно либо отстаивать собственность, либо произвести глубокие социальные изменения. В такую эпоху коалиционная власть есть либо высшая историческая бессмыслица, которая не может удержаться, либо высшее лукавство имущих классов для того, чтобы обезглавить народные массы, чтобы лучших, наиболее авторитетных людей взять в политический капкан, потом предоставить массы самим себе и утопить их в собственной крови...

Повторение опыта коалиции теперь, после того как она завершила свой цикл, не будет уже только повторением старого опыта... Здесь говорят, правда, что нельзя обвинять целую партию в том, что она была соучастницей корниловского мятежа. Говорят, чтобы мы не повторяли старых ошибок, совершенных в июльские дни по отношению к большевикам, и не возлагали ответственности на всю партию. Но в этом сравнении есть маленький недочет: когда обвиняли большевиков в июльском восстании, то речь шла не о том, чтобы пригласить их в министерство, а о том, чтобы пригласить их в «Кресты». И тут вот есть некоторая разница: если вы желаете тащить кадетов в тюрьму за корниловское движение, не делайте этого оптом, а каждого отдельного кадета исследуйте со всех сторон. Но когда вы будете приглашать в министерство ту или другую партию — возьмем для парадокса, только для парадокса, партию большевиков, — то если бы вам понадобилось

министерство, которое имело бы своей задачей разоружение пролетариата, вывод революционного гарнизона, приглашение 3-го корпуса, то я скажу, что большевики для этого не годятся... Если бы речь шла о введении кадетов в министерство, то решающим для нас является не то, что тот или иной кадет находился в закулисном соглашении с Корниловым, а то, что в тот момент, когда сердца рабочих и солдат учащенно бились под закинутой над революцией петлей, не было ни одной буржуазной газеты, которая бы отражала наш страх, или нашу ненависть, или нашу готовность к войне. А ведь буржуазная печать отражает на всех языках — лжи, мысли, чувства и желания буржуазных классов. Вот почему у нас нет партнеров для коалиции. Чернов говорит: подождем! Но, во-первых, вопрос о власти стоит сегодня, а во-вторых, там, где выступает пролетариат как самостоятельная сила, там каждый его шаг не усиливает, а убивает буржуазную демократию. Вся политическая карьера социалистической партии и пролетариата, как главного ее носителя, в том и состоит, что она вырывает из-под ног мелкобуржуазной демократии и ее идеологии все более широкие рабочие массы, отбрасывая ее вместе с тем в лагерь буржуазного общества. И поэтому надежда на то, что в эпоху высокоразвитого мирового капитала, когда классовые страсти напряжены до высшей степени и когда пролетариат русский, несмотря на свою молодость, является классом высшей концентрации революционной энергии, ожидать возрождения буржуазной демократии — значит создавать самую великую утопию, которая когда-либо могла быть создана. Не случайно же наши социалистические партии заняли то самое место, которое во французскую революцию и во всех буржуазных обществах на заре их юности занимало то, что вы называете честной буржуазной демократией. Наши социалистические партии заняли это самое место и теперь вас пугают, и вы пугаетесь: так как вы называетесь социалистами, то вы не имеете права выполнять ту работу, которую выполняла буржуазная демократия, честная, смелая, которая не носила высокого имени социалистов и которая поэтому не боялась самой себя.

Троцкий кончил. Немало высказанных здесь истин он впоследствии хотел бы видеть только в воображении своих врагов... С другой стороны, не все высказанное им может претендовать на роль непреложной истины — в историко-философской части.

Но как отражение взглядов Троцкого все это, во всяком случае, имеет чрезвычайный интерес.

<...>⁷

Председателем стал Троцкий, при появлении которого разразился ураган рукоплесканий... Все изменилось в Совете! С апрельских дней он шел против революции и был опорой буржуазии. Целых полгода служил он плотиной против народного движения и гнева. Это были преторианцы «звездной палаты», отданные в распоряжение Керенского и Терещенки. И во главе их стояла сама «звездная палата»... Теперь это вновь была революционная армия, неотделимая от петербургских народных масс. Это была теперь гвардия Троцкого, готовая по его знаку штурмовать коалицию, Зимний и все твердыни буржуазии. Спаянный вновь с массами, Совет вернул себе свои огромные силы.

Но конъюнктура была уже совсем не та, что прежде. Совет Троцкого не выступал как открытая государственная сила, ведущая революцию. Он не действовал методами оппозиции, давления и «контакта». Он был скрытой, потенциальной революционной силой, собирающей элементы для всеобщего взрыва... Эта скрытость и потенциальность затемняла глаза и жалким, бутафорским «правителям», и обывателю, и деятелям старого советского большинства. Но дело от этого не менялось. И успех будущего взрыва был обеспечен. Ничто не могло противостоять новой сокрушающей силе Совета. Вопрос заключался только в том, куда же поведет его Троцкий? Чем еще богат он, кроме сокрушения?.. Ну, проживем — увидим.

А сейчас в своей первой председательской речи Троцкий напомнил о том, что, собственно, не он занял место Чхеидзе, а, наоборот, Чхеидзе занимал место Троцкого: в революцию 1905 года председателем Петербургского Совета был Троцкий; но сейчас перспективы не те; новому президиуму приходится работать при новом подъеме революции, который приведет к победе...

Впрочем, Троцкий прибавил тут еще несколько слов, искренне веря, что ему со временем не придется презирать эти слова и сочинять теории для оправдания противоположного. Он сказал:

— Мы все люди партий, и не раз нам придется скрестить оружие. Но мы будем руководить работами Петербургского Совета в духе права и полной свободы всех фракций, и рука президиума никогда не будет рукою подавления меньшинства.

Боже, какие земско-либеральные взгляды! Какая насмешка над самим собой! Но дело-то в том, что примерно через три года, в час, когда мы вместе с Троцким предавались воспоминаниям, Троцкий, задумавшись на минуту, мечтательно воскликнул:

— Хорошее было время!..

Да, чудесное! Может быть, ни одна душа на свете, не исключая его самого, никогда не вспомнит с *такими* чувствами о времени правления Троцкого...

<...>

Лично Троцкий, отрываясь от работы в революционном штабе, летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние — и в массах, и в штабе — было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории.

<...>

По коридору навстречу мне летел на сцену Троцкий. Он злобно покосился на меня и пролетел мимо, не поклонившись. Это было в первый раз... Дипломатические отношения были прерваны надолго.

Настроение трех тысяч с лишним людей, заполнивших зал, было определенно приподнятое; все молча чего-то ждали. Публика была, конечно, рабочая и солдатская по преимуществу. Но было видно немало типично мещанских фигур, мужских и женских...

Как будто бы овация Троцкому прекратилась раньше времени — от любопытства и нетерпения: что он скажет?.. Троцкий немедленно начал разогревать атмосферу — с его искусством и блеском. Помню, он долго и с чрезвычайной силой рисовал трудную (своей простотой) картину окопной страды. У меня мелькали мысли о неизбежном несоответствии частей в этом ораторском целом. Но Троцкий знал, что делал. Вся суть была в настроении. Политические выводы давно известны. Их можно и скомкать — лишь бы сделать с достаточной рельефностью.

Троцкий их сделал... с достаточной рельефностью. Советская власть не только призвана уничтожить окопную страду. Она даст землю и уврачует внутреннюю разруху. Снова были повторены рецепты против голода: солдат, матрос и работница, которые реквизируют хлеб у имущих и бесплатно отправят в город и на фронт...

Но Троцкий пошел и дальше в решительный День Петербургского Совета:

— Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему...

Это были очень хорошие и справедливые мысли. Они не могли не возбуждать энтузиазма толпы, которую воспитала царская нагайка... Как бы то ни было, я удостоверяю в качестве непосредственного свидетеля, что говорилось именно так в этот последний день.

Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу. Казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию или провозгласил какую-то общую формулу, вроде того, что «будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови».

— Кто — за?.. — Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и типично мещанских фигур. Были ли они в душевном порыве? Видели ли они сквозь приподнятую завесу уголок какой-то «праведной земли», по которой они томились? Или были они проникнуты сознанием политического момента под влиянием политической агитации социалиста?.. Не спрашивайте! Принимайте так, как было...

Троцкий продолжал говорить. Несметная толпа продолжала держать поднятые руки. Троцкий чеканил слова:

— Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой — всеми силами, любыми жертвами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!

Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется... Оять-таки принимайте так, как было: я с необыкновенно тяжелым чувством смотрел на эту поистине величественную картину.

Троцкий кончил. На трибуну вышел кто-то другой. Но ждать и смотреть больше было нечего.

<...>

С ответом Мартову выступает Троцкий, который стоит рядом с ним в толпе, переполняющей эстраду. У Троцкого в руках готовая

резолуция. Сейчас, после исхода правых, его позиция настолько же прочна, насколько слаба позиция Мартова⁸.

— Восстание народных масс, — чеканит Троцкий, — не нуждается в оправдании. То, что произошло, это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение. Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение как равноправные стороны миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде, которых они не первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...

— Тогда мы уходим! — крикнул с трибуны Мартов среди бурных рукоплесканий по адресу Троцкого.

Нет, позвольте, товарищ Мартов!.. Речь Троцкого, конечно, была ярким и недвусмысленным ответом. Но гнев на противника и состояние аффекта Мартова еще не обязывают фракцию к решающему и роковому акту... Мартов в гневе и аффекте стал пробираться к выходу с эстрады. А я стал в экстренном порядке созывать на совещание свою фракцию, рассеянную по всему залу.

В это время Троцкий читает резкую резолюцию против «соглашателей» и против их «жалкой и преступной попытки сорвать Всероссийский съезд»; «это не ослабляет, а усиливает Советы, очищая их от примесей контрреволюции»...

< ... >

М. СМОЛЕНСКИЙ <М. Н. ШВАРЦ>

Троцкий

<Фрагменты>

Троцкий, быть может, самая блестящая, самая парадоксальная фигура среди большевистских главарей. Обычно, как мы уже отметили, выдвигают на первый план его незаурядный талант организатора и политического тактика, блестящего писателя и оратора, сочетающего логичность аргументации с красивой формой речи, то пронзенной едким бичующим сарказмом, то возвышающейся до истинного пафоса. И действительно, Троцкий, этот гениальный политический авантюрист, взваливший на свои плечи «титаническую задачу» вооруженной защиты советской России от нападения русских «контрреволюционеров» на бесчисленных фронтах, дал достаточные основания для такой характеристики. «Его молниеносные переезды» с места на место, его «горячечные речи», «электризирующие армию», подымающие ее дух в минуты сильной опасности, — эти качества выдающегося «политического практика» невольно отодвигают на задний план его значение как талантливого политического мыслителя.

В отличие от Ленина, этого верного раба марксистского учения, «социалистического начетчика», оперирующего лишь «священными текстами» и цитатами, в отличие от него, Троцкий, по его собственному заявлению, толкует марксизм «прежде всего, как метод анализа, — не анализа текстов, а анализа социальных отношений», и пытается вполне самостоятельно, как бы изнутри, переработать марксизм в целях постижения текущей исторической действительности. Если Ленин марксист догматический, «ортодоксальный», то Троцкий — марксист «методологический».

В «Перспективах русской революции» (заключительная глава к его известному труду «История революции»¹ 1905–6 г.), он с большой прозорливостью уже десять лет тому назад словно предвосхитил весь ход революции теперешней и, с удивляющей нас ныне четкостью, как бы наперед рассказал все содержание этого, поистине трагического «революционного фильма», развертывающегося на наших глазах. Хорошо понимая, что наша революция, хотя и окажется буржуазной по своим объективным целям и, значит, по своим неизбежным результатам, он все же предвидел, что ее героем, ее главным деятелем явится пролетариат, «который всем ходом революции будет толкаться к власти». И далее, Троцкий уже тогда ясно понимал, что благодаря особенностям русской социально-исторической обстановки, политическое господство пролетариата даже в рамках этой буржуазной революции не окажется лишь преходящим эпизодом, ибо пролетариат, раз получив в свои руки власть, не отдаст ее без отчаянного сопротивления, не выпустит ее, доколе она не будет у него вырвана вооруженной рукой. «Русской буржуазии», предсказывал Троцкий, «придется сдать пролетариату не только все революционные позиции, но и революционную гегемонию над крестьянством», ибо при той политической ситуации, которая создастся переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединиться к режиму рабочей демократии².

<...>

Мы пытались охарактеризовать Троцкого как политического идеолога, как одного из вождей антидемократического социализма, ведущего ныне ожесточенную теоретическую борьбу с социализмом демократическим, руководимым, главным образом, Каутским³.

Небезынтересно будет и охарактеризовать его как человека. Мы не собираемся дать здесь его биографию, а хотим нарисовать, хотя бы беглыми штрихами психологический портрет этого многоликого революционера, пытаюсь, сквозь призму его разнообразной деятельности, как политического писателя и оратора, как теоретика и практика, — разгадать его истинную духовную природу. Для этой цели мы воспользуемся здесь небезынтересными данными, которые представил Луначарский в своей последней книге: «Октябрьский переворот». «Показания» Луначарского, хотя, к сожалению, и отличаются несомненной пристрастностью,

впрочем, вполне понятной у политического единомышленника, тем не менее, они все же ценны, как сведения, идущие от человека, давно и хорошо лично знающего Троцкого, начиная с его первого политического дебюта на 2-м социал-демократическом конгрессе в 1904 году. Свидетельские же показания Луначарского мы подвергнем ниже и объективной, и критической оценке⁴.

<...>

Таков Троцкий в изображении Луначарского.

Мы не можем согласиться с ним, что Троцкий, как политически мыслитель, «более ортодоксален, чем Ленин» и что будто бы он «всегда руководится буквою революционного марксизма. Мы уже отметили выше, опираясь на его «Историю первой Русской Революции», что именно Троцкий пытался самостоятельно развивать дальше марксистскую доктрину, что особенно ярко и четко выразилось в том интересном преобразовании марксистской идеи диктатуры пролетариата, о которой речь шла выше. Мы видели, как исходя из этой обновленной идеи диктатуры пролетариата, Троцкий в заключительной главе своей известной книги пытался предсказать наперед весь ход грядущей русской революции, и мы знаем теперь, что он оказался во многом прав. И далее, как один из вождей современного антидемократического социализма, он, с большой духовной энергией и страстностью, в своем споре с Каутским как бы додумывает до последнего логического конца ту часть марксистского учения, которую Зомбарт⁵ метко окрестил, «революционно-утопической и рационалистической». Этим самым он немало способствовал и выяснению двойственности самой марксистской доктрины: фактически имеющиеся в ней два мировоззрения — революционно-утопическое, рационалистическое и эволюционно-историческое — не нашли своего завершающего синтеза у ее творца.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на известную идеализацию Троцкого, как политического агитатора и человека, Луначарский, как нам кажется, недооценивает все же Троцкого, как политического мыслителя, по сравнению с Лениным. Этот последний, по собственному признанию, менее всего стремится быть «новатором» в области марксистской доктрины и даже выдает себя за самого «верного» ученика Маркса, жестоко упрекая своих противников в «преступных отступлениях» от подлинного вероучения» и именуя их «ренегатами». В противоположность

Луначарскому, мы считаем возможным утверждать, что именно Ленин есть «марксист ортодоксальный», по крайней мере по своим намерениям, всегда стремящейся придерживаться именно «буквы марксизма»; Троцкого же следует считать «марксистом методологическим», ибо он на первый план в своих исследованиях ставит всегда дух и метод марксистского социализма, пытаясь на его основе самостоятельно мыслить и творить.

Таким образом, наряду с Лениным, и Троцкий является, по нашему мнению, одним из главнейших теоретиков русского неокommунизма и в то же время он — его виднейший практик.

Мы напомним, что никто иной, как Троцкий основал пресловутую «красную гвардию»⁶, бывшую первой опорой советского правительства и потом разросшуюся в современную «красную армию», главным организатором и вдохновителем которой является опять-таки Троцкий, отразивший во главе ее все нападения на Советскую республику.

Как бы ни относиться к большевистскому режиму, нельзя не признать выдающихся заслуг Троцкого в деле его организации и упрочения. И невольно возникает вопрос, правда, несколько непочтительный, мог ли бы даже вообще Ленин, этот по Луначарскому, «гениальный руководитель мировой революции» долго усидеть на своем почетном председательском кресле в «Совнарком», если бы Троцкий, этот истинный организатор большевистских побед, не гарантировал бы полной безопасности для советской республики, отразив ее врагов на бесчисленных фронтах?

Далее, сопоставление Троцкого, как политического оратора с Жоресом, мы считаем, конечно, чрезмерно преувеличенным и пристрастным. Нам пришлось прослушать несколько речей Троцкого в Швейцарии, в эпоху мировой войны. Хотя мы не можем не признать за ним несомненного большого ораторского дарования, но все же глубины жоресовского мышления, его мудрой политической осторожности и вытекающей отсюда умеренности суждения, его широкого философского образования, а главное, его великого морального пафоса, продиктованного неиссякаемой и искренней любовью ко всем страждущим и угнетенным, — этих черт великого французского социалиста-агитатора у Троцкого несомненно нет. Да и вообще, Луначарский идеализирует Троцкого как человека.

Но даже в его изображении Троцкий является политическим честолюбцем, правда, «высшего полета», причем вера в свое «исто-

рическое призвание» служит у него, по-видимому, главнейшим стимулом для политической деятельности. И даже трудно сказать, кто же, собственно, скрывается под маской «трагического революционного вождя», каким его угодно величать Луначарскому, — гениальный ли политически авантюрист, жестокий властолюбец — или, быть может, и Троцкий, подобно Ленину, лишь холодный и упрямый фанатик, твердо и неуклонно верующий в социалистическую догму и ради нее готовый зажечь пожар социальной революции не только в России, но и во всем мире, каких бы жертв это человечеству ни стоило, во имя великого и «священного» социалистического эксперимента, во имя «великого невозможного»?

«Погибнуть или на всех парах устремиться вперед» — таков «девиз истории», по Ленину, — не солидарен ли с ним и здесь его политический единомышленник Троцкий? Или, быть может, Троцкий своего рода «проблематическая натура», где характерный черты, свойственные политическому авантюристу, причудливо и неожиданно переплетаются с чертами революционного фанатика?

Еще не настал, по-видимому, момент для исчерпывающего и окончательного разрешения этой живой психологической загадки, какой является Троцкий.

Но уже теперь ясно, что Троцкий, как бы ни относиться к его большевистской теории и практике, — крупная политическая фигура, которая войдет в русскую историю.

В. И. НЕВСКИЙ

«Южно-русский рабочий союз»

<Фрагмент>

Глава V

Деятели николаевского «Южно-русского рабочего союза»

Самым выдающимся деятелем «Союза» бесспорно является Львов¹, восемнадцатилетний молодой человек, только что кончивший реальное училище. В этом отношении сходятся решительно все свидетельства и документы, и показания товарищей, и обстоятельства дела, и сама кипучая деятельность этого неутомимого, энергичного, страстного агитатора и организатора, и даже свидетельства его врагов, жандармов. Быть может, самой лучшей характеристикой Львова могут служить слова отчета, сказанные автором вообще для характеристики деятельности «Союза»: «Одному и тому же лицу приходилось одновременно выступать в роли сборщика денег, печатника, на гектографе, кружкового лектора и автора статей в местное рабочее листке «Наше дело».

Таким именно и представляется этот неутомимый организатор «Союза». Вот он в Одессе руководитель и пропагандист кружка «Трудников». Он быстро завязывает связи, которые потом так хорошо использует для Николаева. Как только он попадает туда, сонный дотоле в революционном отношении город оживает.

Львов с головой окунается в работу. Он ведет самые сырые кружки: то на Стрелке, то в Лесках, то на конспиративных квартирах он читает речь, будит мысль и возбуждает чувство. «Много лет ярмо трет наши шеи, пора это ярмо сбросить и стать полноправными гражданами», — гремит его зажигательная речь на сходке.

— Встаньте! Пора! — выливается его страстный призыв на бумаге, в листке: — Пусть про вас не говорят: «Они невежды, они трусы». Покажите всем, что вы способны жертвовать собой за осво-

бождение рабочих, за их великое славное дело! Покажите, что вы такие же доблестные борцы, как и другие рабочие!... Проснитесь! Соединяйтесь с нами для общей борьбы, за общую цель!» Но он не только пропагандист и агитатор, он и большой организатор: он излагает рабочим принципы организации на собрании, он неуклонно проводит эти принципы в жизнь, руководит общим организационным собранием, где окончательно конституируется «союз», задумывает журнал, осуществляет его, организует конспиративные квартиры, заботится о связях с другими городами, заводит эти связи, лично их поддерживает и укрепляет.

Но этого мало. Он несет всякую работу: сам ездит за литературой, расклеивает прокламации, устраивает свидания с рабочими, следит за выполнением самого пустякового поручения. Но и в то же время он литератор, редактор журнала, и после утомительного дня он не отказывается от гектографирования своих же собственных произведений. И с какой любовью, с какой тщательностью он делает все это! Спустя 25 лет эти гектографированные листки до сих пор свежи, чисты, разборчивы и положительно образец художественной техники. Так и чувствуется, что тогда, 25 лет назад, ночью, в тиши, втайне от всех, весь пыл и вся страсть молодого агитатора выливается в этих синих, тщательно выведенных буквах; и стоит его сотруднику сделать хоть одну пометку, как весь он кипит укоризной и негодованием. Всю организацию, всех товарищей он знает наперечет.

Он быстро замечает, что в организации что-то неладно. И вот, когда провокатор Шренцель открыт, он призывает его на суд, уличает его и в беспощадной бичующей речи произносит осуждение, готов лично покончить с ним.

Неутомимость и энергия его поразительны: сегодня он в Николаеве, а завтра уже в Одессе, но и там он не перестает интересоваться своей организацией; ночью он печатает листки, а днем устраивает свидания, носится по городу, чтобы вечером, после сходки, засесть за писание листков и опять за то же печатание.

В его голове носятся самые обширные планы о связях и развитии движения, и вместе с тем он не забывает, что нужно достать три рубля на поездку за литературой, он редактирует журнал и вместе с тем ведет кружок; он руководит важнейшим собранием «Союза» и в то же время обдумывает мельчайшие детали организации.

Ядовитая, полная сарказма, его речь в листке на воле остается такой же и в тюрьме, и он готов схватиться с врагом всегда и всюду и своим примером заражает других.

<...>²

А. М. ТЕРНЕ

В царстве Ленина

<Фрагмент>

<...>

Не менее честолюбив и жаждет популярности Л. Троцкий-Бронштейн. Последний со всем темпераментом нации, к которой он принадлежит, кипуч, трудолюбив, мелочно самолюбив и вынослив. Ему хочется быть на первых ролях. Мечтал он об этом еще во время эмигрантской жизни в Швейцарии. Стремление к эффектным жестам, к параду, всегда соответствовало его наклонностям, и потому он был вполне на месте во время войны. Прекрасно учитывая положительные стороны своего сотоварища, Ленин дал ему *carte blanche* в военных делах. Результаты Гражданской войны на всех фронтах являются несомненным следствием организаторского таланта Троцкого и его умения подыскать себе выдающихся и преданных сотрудников. Пока Троцкий был на войне и занимался разработкой планов кампании и их осуществлением, а также руководил перевозками — никаких поводов для трения между двумя главными деятелями коммунистической партии не было.

Начало трений относится именно к моменту окончания Гражданской войны. С прекращением ее Троцкий сразу оказался как бы не у дел. Пытался сунуться во внутреннюю политику (споро роли профессиональных союзов в начале 1921 года) — ничего кроме конфуза для него не вышло. Пытался пристроиться к внешней политике, но Ленин заблаговременно прибрал это ведомство к своим рукам, посадив туда своих верных клевретов, и Троцкий скоро убедился, что здесь без прямой борьбы с Лениным ничего не выйдет. С горя Троцкий укатил в длительную поездку по России, во время которой со своими присными придумал дальнейший

план действий. Было очевидно, что Ленин приобрел всю полноту власти на гражданском фронте, пока Троцкий работал на военном; следовательно, оставалось лишь валить его прямой борьбой, а это было бы опасной игрой, потому что от такой борьбы случайно могли бы оказаться в выигрыше третьи, совершенно посторонние лица и таким образом власть оказалась бы выпущенной из рук правящей клики.

Не решаясь пускаться на подобную авантюру, Троцкий пришел к выводу возвратиться к прежней деятельности — военной, предполагая прикрепить окончательно армию к своей особе, чтобы таким путем, опираясь на нее, может быть со временем повторить опыт Наполеона I. Диктатура, и притом единоличная, увлекает Троцкого, который сознает свои крупные индивидуальные силы и задыхается, находясь в тени.

Возвратившись из поездки, Троцкий развивает энергичную деятельность. Начинается бряцание оружием. Газеты полны алармистских слухов. Троцкий устраивает парады, совещается с высшими чинами военного комиссариата, которые сами тоскуют без активной работы, постепенно проедаая заработанные во время Гражданской войны огромные средства. Затевается чуть ли не поход на Индию.

Клеврет Троцкого тов. Сталин находится на границе Афганистана, откуда шлет известия о подготовке совместного с Афганистаном похода на Индию¹. Остается только собрать материалы о слабости врагов и о выгодности нападения на них. Подготовив данные о внутренних противоречиях политических интересов Антанты и о необходимости использования этого момента для успешного наступления на нее, Троцкий выступает с соответственным докладом в пленуме и в специальной комиссии 3 съезда Коминтерна. Однако упомянутая уже более тонкая политика Ленина срывает на этот раз намерения Троцкого, которому приходится отказаться от выполнения своего первоначального плана.

Очевидно, что этот провал Троцкого, которым ознаменовался 3-й съезд Коминтерна, не сгладил, а углубил разногласия в верхах коммунистической партии и дальнейшая, более обостренная борьба здесь неизбежна.

Троцкий несомненно жаждет разыграть роль Наполеона I, и все действия его напоминают классические примеры из жизни французского императора. Он несколько заискивает перед высшим

прежним командным составом, а вместе с тем выдвигает на высокие посты лиц весьма одаренных из неизвестности. Я слышал самые восторженные отзывы о нем со стороны крупных военачальствующих лиц, которые готовы были за него, в полном смысле слова, в огонь и в воду. Офицеры красного Генерального штаба говорили мне, что их поражает, с какой проникновенной легкостью усваивает он труднейшие для понимания глубоко штатских людей вопросы полевой тактики и стратегии. Он прекрасно разбирается в них и сам часто дает советы, которые по своей оригинальности и практической целесообразности всех удивляют. Он сразу же постиг одно из необходимейших условий для военных успехов: дисциплину, и действительно, несмотря на ряд невероятных затруднений, создал ее в Красной армии. Троцкий, как я отметил, любит красивый жест. Так, например, он состоит слушателем Красной академии Генерального штаба, одевается в военную форму, любит принимать парады, объезжая иногда со своей правой рукой т. Мураловым, начальником Московского гарнизона, накануне парада его месторасположение и лично наперед устанавливая все детали церемонии для наибольшей ее эффектности. Поезд его великолепен и оборудован с большой роскошью. С его легкой руки другие советские *dii minores*² стали обставлять свои выезды с таким же азиатским великолепием, как и Троцкий. В путешествиях его сопровождает походная типография, которая тут же на ходу печатает и выпускает надлежащие приказы и распоряжения. Троцкий произносит речи войскам в духе наполеоновских. Еврейство, из которого он происходит, ему безразлично. Он неоднократно подчеркивал свою интернациональность, когда к нему обращались представители евреев с просьбой облегчить их тяжелое в Советской России положение.

В Ленине и Троцком современная Россия имеет, бесспорно, выдающихся руководителей. Оценка их как деятелей среднего масштаба, в общем не особенно далеких, но больших интриганов, которая иногда делается в заграничной русской и иностранной прессе, — безусловно не верна. Несомненно, они талантливые люди большого ума и выдающейся воли. Главная их ошибка — это непомерная жажда власти. Власть эту они не получили бы при других условиях. Достигнув власти насильем, посредством Октябрьского переворота, они хотят ее удержать во что бы то ни стало. Ленин, изверившись в возможности мировой революции, старается со-

хранить власть в своих руках ценой великих уступок, хотя бы даже с доведением коммунизма до абсурда.

Троцкий, напротив того, считает, что политика уступок ни к чему путному не приведет и вызовет лишь разногласия в коммунистической партии, расшатав ее фундамент. Отлично понимая, что на мировое восстание рабочих по их собственной инициативе почти нет никаких надежд, он хочет вызвать революцию снаружи: с оружием в руках пойти прививать Европе коммунизм с тем, чтобы таким путем и самому постепенно подняться до интернационального владычества.

<...>

Л. М. РЕЙСНЕР

Свияжск

<Фрагменты>

Что такое Свияжск?

Только после Свияжска и Казани Красная армия выкристаллизовалась в те боевые и политические формы, которые, изменяясь и совершенствуясь, стали классическими для Р. С. Ф. С. Р.

6-го августа 1918 г. из Казани бежали немногочисленные, наскоро сформированные полки, и лучшая их, сознательная часть зацепилась за Свияжск, остановилась, решила стоять и драться. И в то время, как толпы дезертиров, бегущих от Казани, докатывались чуть ли не до Нижнего Новгорода, запруда, образовавшаяся в Свияжске, уже остановила чехословаков, и генерал, пытавшийся взять штурмом железнодорожный мост через Волгу, был убит во время ночной атаки. Таким образом первое же столкновение белых, только что взявших Казань, а потому и морально, и материально более сильных, — с ядром Красной армии, пытавшимся защищать переправу через Волгу, снесло голову чехословацкого наступления. В лице генерала Б., оно потеряло своего популярного и талантливого вождя. Вероятно, ни белые, упоенные недавней победой, ни красные, сплотившиеся вокруг Свияжска, не догадывались, какое историческое значение имели их первые пробные стычки.

Без материалов, без карты, без опроса товарищей, бывших тогда в составе 5-й армии, очень трудно обрисовать военное значение Свияжска. Многое уже забылось, и лица и фамилии — как в тумане. Но вот что никогда и нигде не забудется: это чувство величайшей ответственности за удержание Свияжска, объединявшее его защитников, всех от члена Реввоенсовета и до последнего

красноармейца, в панике нагонявшего свой где-то существующий, куда-то отступивший полк, и вдруг обернувшийся назад, лицом к Казани, со своей растрепанной винтовкой в руках и с отчаянной решимостью защищаться до последнего. — Все понимали положение так: еще шаг назад откроет «им» дорогу до Нижнего и путь на Москву, дальнейшее отступление — это начало конца, смертный приговор Республике Советов. Было ли это верно со стратегической точки зрения — я не знаю. Может быть, армия, откатившись еще дальше, собралась бы в такой же кулак на одной из бесчисленных точек, испещряющих карту, и оттуда понесла бы к победе свои знамена, — но морально это было правильно. И поскольку отступление от Волги означало тогда полное крушение, — постольку же возможность держаться, устоять, прислонившись спиной к мосту и отбиваясь на все стороны — давала право на реальную надежду.

Революционная этика в двух словах формулировала сложное положение: отступление — это значит чехи в Нижнем и Москве. Свяжск и мост не сдаются — это значит обратное взятие Казани Красной армией.

Кажется, на третий или четвертый день после падения Казани в Свяжск приехал Троцкий. Его поезд прочно стал на маленькой станции, паровоз, попыхтев, отцепился, ушел пить воду и уже не возвращался. Ряд вагонов стал так же неподвижен, как грязные избы и бараки, в которых помещался штаб 5-й армии. Он молчаливо подтвердил, что отсюда уходить некуда и незачем. Понемногу фанатическая вера в то, что эта маленькая станция станет отправным пунктом обратного наступления на Казань, начала претворяться в реальные формы. Каждый день, в течение которого этот глухой и бедный полустанок отстаивал свое существование против неизмеримо-сильнейшего противника, укреплял его силу и поднимал настроение. Приходили откуда-то из тыла, из отдаленных деревень сперва одиночки, потом небольшие отряды, и наконец — более сохранившиеся воинские части. Как сейчас, вижу этот Свяжск, где не было ни одного солдата «по принуждению». Все, что в нем жило и оборонялось, было связано крепчайшими узами добровольной дисциплины, добровольного участия в борьбе, которая в начале казалась совсем безнадежной.

Люди, спавшие на полах станционного здания, в грязных избах, полных битого стекла и соломы, почти не надеялись на успех — а потому и не боялись. Вопрос о том, как и когда это «кончит-

ся» — никого не интересовал. «Завтра» не было — был короткий, горячий, дымящийся кусок времени — «сегодня». Этим и жили, как живут во время жатвы. Утро, день, вечер, ночь — каждый час удлинялся, его надо было взять и изжить, израсходовать до последней секунды, бережливо и чисто срезать как зрелый хлеб, под самый корень. Каждый час казался богатым, не похожим на всю прежнюю жизнь, едва промелькнув, вспоминался, как чудо. Да это и было чудо. Прилетал и улетал аэроплан, бросал свои бомбы на станцию и вагоны; приближался и уходил назад противный, тошный лай пулемета и спокойный голос орудий; человек в рваной шинели, штатской шляпе, в сапогах, из которых вылезали ноги, — одним словом, защитник Свияжска с улыбкой вынимал часы из кармана и думал про себя: «Значит, в половине первого, или в четыре, или в шесть часов 20 минут — я еще жив, Свияжск держится, поезд Троцкого лежит себе вдоль полотна; в окне Политотдела зажглась лампа. День окончен».

В Свияжске почти совершенно отсутствовали медикаменты, бог знает, чем и как перевязывали врачи. Этой бедности не стыдились и не боялись. Солдаты ходили в кухню за щами мимо носилок, на которых лежали раненые и умирающие. Смерть не пугала: ее ждали каждый день, всегда. Лежать в мокрой шинели, с красным пятном на рубашке, с пустым лицом, которое уже не человек — это подразумевалось.

Так шли друг за другом дождливые августовские дни. Наши редкие и слабо вооруженные цепи не отступили, мост оставался в наших руках, и из тыла, откуда-то издалека, начали подходить подкрепления. К летающим по ветру осенним паутинам прицепились провода настоящей связи, и какой-то огромный, громоздкий, хромой аппарат начал работать на плохую станцию Свияжск, на едва видимую на карте России черную точку, за которую в минуту отчаяния и бегства, месяц тому назад схватилась рука революции. Здесь обнаружился весь организационный гений Троцкого, сумевшего наладить снабжение, протолкнуть к Свияжску по явно саботировавшим железным дорогам свежую артиллерию и несколько подвод — все необходимое для обороны и дальнейшего наступления. При этом надо помнить, что работать приходилось в 1918-м году, когда еще бушевала демобилизация, когда на улицах Москвы появление хорошо одетого отряда красноармейцев вызывало настоящую сенсацию. Ведь это значило идти против

течения, против усталости четырех лет войны, против вешних вод революции, разносивших по всей стране обломки аракчеевской дисциплины, бурную ненависть ко всему, что напоминало старый офицерский окрик, казарму и солдатчину.

Вопреки всему этому появилось снабжение, пришли газеты, пришли сапоги и шинели. А где действительно, всерьез, выдают сапоги — там настоящий, прочный штаб, там устойчиво, там армия сидит крепко и не думает бежать. Шутка ли, сапоги!

Во времена Свяжска не было еще ордена Красного Знамени, иначе его пришлось бы дать сотням человек. Все, и трусы, и люди нервные, и просто средние работники и красноармейцы, все без исключения делали невозможные, героические жесты, превозмогали себя, выходили из своих берегов, разливались, радостно затопляя свой нормальный уровень. И если уж говорить об атмосфере, об исключительно духовной интенсивности, которой друг друга заражали, неожиданно убеждаясь в собственные силы, держа себя за шиворот и отрывая от земли, надо сказать о радости и легкости, которой эта атмосфера была пропитана.

Вспоминаю несколько писем, полученных тогда из Москвы. В них ликованье мещанства, готовившегося повторить памятные дни Парижской коммуны. А в это время первый, самый опасный фронт Республики, висевший на железнодорожной нитке, пылал, охваченный той неслыханной героической вспышкой, которой хватило еще на три года голодной, тифозной и бездомной войны. В Свяжске был не только Троцкий, решивший не трогаться, что бы там ни случилось, сумевший показать этой горсти защитников еще более глубокую, металлическую невозмутимость — там собрались старые партийные работники, будущие члены Реввоенсовета Республики и Реввоенсоветов Армий... <...>

Розенгольц¹ в своем вагоне сразу, чуть не с первого дня, оброс канцелярией Реввоенсовета, обвесился картами, затрещал машинками, неизвестно откуда появившимися, — словом, стал строить крепкий, геометрически правильный организационный аппарат, с его точной связью, неутомимой работоспособностью и простотой схемы. И впоследствии, в какой бы армии, на каком бы фронте ни расклеивалась работа — сейчас же, как пчелиную матку в мешке, привозили туда Розенгольца, сажали в разоренный улей, и он тотчас начинал неудержимо отстраиваться, выводить ячейки, жужжать телефонными и телеграф-

ными проводами. Несмотря на шинель и большущий пистолет за поясом, в его фигуре и белом, немного мягком лице, не было ничего воинственного. Огромная сила Розенгольца состояла вовсе не в этом, а в органической способности возрождать, связывать, доводить до взрывчатой скорости темп остановившегося, засоренного кровообращения. Рядом с Троцким он был, как динамо, ровная, маслянистая, с бесшумными могучими рычагами, день и ночь прядущими свою несокрушимую организационную паутину².

Я не помню точно, какую официальную работу в штабе 5-й армии выполнял Иван Никитич Смирнов. Был ли он членом Реввоенсовета или одновременно заведовал еще Политотделом, но вне всяких названий и рамок, он олицетворял революционную этику, был высшим моральным критерием, коммунистической совестью Свяжска.

Даже среди беспартийных солдатских масс, и среди коммунистов, не знавших его раньше, сразу же была признана удивительная чистота и порядочность тов. Смирнова. Вряд ли он сам знал, как его боялись, как боялись показать трусость и слабость именно перед ним, перед человеком, который никогда и ни на кого не кричал, просто оставаясь самим собой, спокойным и мужественным. Никого так не уважали, как Ивана Никитича. Чувствовалось, что в худшую минуту именно он будет самым сильным и бесстрашным. С Троцким умереть в бою, выпустив последнюю пулю в упоении, ничего уже не понимая и не чувствуя ран, с Троцким — святая демагогия борьбы, слова и жесты, напоминающие лучшие страницы Великой французской революции. А с тов. Смирновым (так нам казалось тогда, так говорили между собой шёпотом, лежа на полу в повалку, в холодные уже осенние ночи), с тов. Смирновым — ясное спокойствие у стенки, на допросе белых, в грязной яме тюрьмы. Да, так говорили о нем в Свяжске.

<...>

Между тем белые почувствовали, что Свяжск со своим крепким сопротивлением, вырастает во что-то большое и опасное. Кончились случайные наскоки и нападения; его крепко взяли на прицел, пошли на него большими силами, организованно и со всех сторон. Но время было уже упущено.

Старик Славин, командарм 5-й, кажется, не очень талантливый, но крепко и хорошо знающий свое ремесло, полковник,

нашел точку опоры, выработал определенный план и проводил его в жизнь с чисто латышским упорством.

Солнечным осенним утром пришли к Свяжску узкие, проворные, быстроходные миноносцы Балтийского моря. Их появление произвело сенсацию. Армия почувствовала себя защищенной со стороны реки. Начался ряд артиллерийских дуэлей, которые возобновлялись по три, четыре раза в день.

Под огнем спрятанных на берегу батарей наша флотилия спускалась далеко по течению; эти набеги увенчала необычайно смелая вылазка, предпринятая утром 9 сентября моряком Маркиным³, одним из основателей и первых героев Красного флота. На своем неповоротливом, обшитом железной броней, буксире, он спустился к самым казанским пристаням, высадился, пулеметами отогнал прислугу 6-дюймовой батареи и снял замки с нескольких орудий. В другой раз, глубокой ночью на 30 августа наши корабли подошли вплотную к самой Казани, обстреляли ее, зажгли несколько барж с военным снаряжением и продовольствием и ушли, не потеряв ни одного судна. Между прочим, Троцкий находился с комфлотом как раз на миноносце «Прочный», который исправлял свой штуртрос, пришвартовавшись к борту неприятельской баржи под дулами белогвардейских орудий.

Уже в разгар обратного, наступательного движения приехал главком Вацетис⁴. Большинству работников, в том числе и мне, не были известны подробности и совещания — и только одно вскоре стало известным и было всеми встречено с большим сочувствием. Наш «Старик» (так звали в товарищеской среде командарма) не согласился с мнением Вацетиса, настаивавшего на левобережной операции, и решил штурмовать Казань по правому, господствовавшему над городом, Верхнему Услону, а не по левому, низкому и открытому берегу.

Но как раз в то время, когда вся 5-я армия судорожно готовилась к наступлению; когда ее главные силы, после трудных, многодневных боев, наконец, продвинулись вперед, все время выдерживая контратаки белых, — три «светила» белогвардейской России, соединившись вместе, решили положить конец затянувшейся Свяжской эпопее.

Савинков, Каппель и Фортунатов во главе значительного отряда предприняли отчаянный рейс на соседнюю со Свяжском станцию, целью которого было овладение Свяжском и мостом через Волгу.

Налет был выполнен блестяще; сделав глубочайший обход, белые неожиданно обрушились на станцию Шихраны, расстреляли ее, овладели станционными зданиями, перерезали связь с остальной линией и сожгли стоявший на полотне поезд со снарядами. Защищавший Шихраны малочисленный заслон был поголовно вырезан. Мало того, переловили и уничтожили все живое, населявшее полустанок. Мне пришлось видеть Шихраны через несколько часов после набега. Все носило черты того, совершенно бессмысленного, погромного насилия, которым отмечены все победы этих господ, никогда не чувствовавших себя хозяевами, будущими гражданами случайно и не надолго захваченных областей. Во дворе валялась зверски убитая (именно убитая, а не зарезанная) корова, курятник был полон нелепо перебитых кур. С колодцем, небольшим огородом, водокачкой и жилыми помещениями было поступлено так, как если бы это были пойманные люди, и притом большевики. Из всего были выпущены кишки. Животные валялись выпотрошенные, безобразно мертвые. Рядом с этой исковерканностью всего, что было ранее человеческим поселком, неопишуемая, непроизносимая смерть нескольких, застигнутых врасплох, железнодорожных служащих и красноармейцев казалась совершенно естественной. Только у Гойи в его иллюстрациях Испанского похода и Гверильи можно найти подобную гармонию деревьев, согнутых на сторону темным ветром и тяжестью повешенных, придорожной пыли, крови и камней.

От станции Шихраны Савинковский отряд двинулся к Свияжску вдоль железнодорожного полотна. Навстречу ему был выслан наш бронепоезд «Свободная Россия», вооруженный, на сколько помнится, дальнобойными морскими орудиями. Командир его, однако, оказался не на высоте положения. Окруженный, как ему казалось, с двух сторон, он бросил свой поезд и примчался в Реввоенсовет «для доклада». Во время его отсутствия «Свободная Россия» была расстреляна и сгорела. Ее черный остов, сошедший с рельс, долгое время лежал на путях совсем близко от Свияжска. Путь к Волге, казалось, был совершенно открыт. Белые стояли под самым Свияжском в каких-нибудь 1 ½ — 2-х верстах от штаба 5-й армии. Началась паника. Часть Политотдела, если не весь Политотдел, бросился к пристаням и на пароходы.

Полк, дравшийся почти на самом берегу Волги, но выше по течению, дрогнул и побежал вместе с командиром и комиссаром,

и к рассвету его обезумевшие части оказались на штабных пароходах Волжской военной флотилии.

В Свяжске остались — штаб 5-й армии со своими канцеляриями и поезд Троцкого. Лев Давыдович мобилизовал всю поездную прислугу, писарей, телеграфистов, санитаров, — словом, все, что могло держать винтовку. Канцелярии штаба опустели — тыл не существовал. Все было брошено на встречу белым, вплотную подкатившимся к станции. От Шихран до первых домов Свяжска весь путь был изрыт снарядами, усеян трупами лошадей, брошенным оружием и пустыми гильзами. И уже перескочив через гигантский остов бронепоезда, дымящийся, пахнущий дымом и расплавленным металлом, наступление остановилось, закипело на последних порогах, откатилось назад и снова бросилось на резервные, наспех мобилизованные заслоны Свяжска. Здесь стояли друг против друга несколько часов. Белые решили, что перед ними свежая, хорошо организованная часть, о присутствии которой не донесла их контрразведка. Утомленные 48-часовым рейдом солдаты преувеличивают силы противника, не подозревая, что их останавливает горсть случайных борцов, за которыми нет ничего, кроме Троцкого и Славина, вдвоем сидящих в прокуренной, бессонной комнатке штаба, среди опустевшего, брошенного Свяжска, на улицах которого повисывают пули. Эту ночь, как и все другие, поезд Льва Давыдовича простоял на путях без паровоза, и ни одна часть 5-й армии, продвинувшейся далеко вперед и готовившей штурм Казани, не была потревожена, не была снята с фронта, чтобы прикрыть почти беззащитный Свяжск. Армия и флотилия узнали о ночном нападении, когда все было кончено, когда белые уже уходили, уверенные, что перед ними чуть не целая дивизия.

На следующий день судили и расстреляли 27 коммунистов, бежавших в числе прочих на пароходы в самую ответственную минуту. Об этом расстреле 27-ми много потом говорили, особенно, конечно, в тылу, где не знают — на каком тонком волоске висела дорога на Москву и все наше, из последних сил предпринятое, наступление на Казань.

Во-первых: вся армия говорила о том, что коммунисты оказались трусами, что им-де закон не писан, что они могут безнаказанно дезертировать там, где простого красноармейца расстреливают, как собаку. Если бы не исключительное мужество Троцкого, ко-

мандарма и других членов Реввоенсовета, престиж коммунистов, работающих в армии, был бы сорван и надолго потерян.

Нельзя убедить никакими хорошими словами армию, которая сама в течение шести недель терпит всевозможные лишения, дерется без сапог, без теплого белья и перевязочных средств, что трусость — не трусость, и что для нее есть какие-то «смягчающие вину обстоятельства».

Говорят, среди расстрелянных комиссаров были хорошие товарищи, были и такие, вина которых искупалась прежними заслугами — годами тюрьмы и ссылки. Совершенно верно. Никто и не утверждает, что их гибель — одна из тех нравоучительных прописей старой военной этики, которая под барабанный бой воздавала меру за меру и зуб за зуб. Конечно, Свияжск — трагедия.

Но всякий, живший одной жизнью с Красной армией, родившейся и окрепшей в боях под Казанью, может подтвердить, что никогда бы не выкристаллизовался ее железный дух, никогда бы не было этой спайки между партией и солдатской массой, между низами и верхами комсостава, если бы сама партия, накануне Казанского штурма, в котором суждено было пасть сотням солдат, на глазах всей армии, готовившейся принести революции такую великую и кровавую жертву, не показала ясно, что и для нее обязательны суровые законы братской дисциплины, что и к своим членам она имеет мужество применить нелицеприятные законы Советской республики. 27 были расстреляны, и это заполнило брешь, которую знаменитым налетчикам все же удалось пробить в самосознании и единстве 5-й армии. Худшую же, малосознательную, склонную к дезертирству часть солдатской массы (а была, конечно, и такая) этот залп, казнивший коммунистов за трусость и бесчестие в бою, заставил подтянуться, стать вровень с теми, кто сознательно и без всяких понуканий шел в бой.

Участь Казани решилась именно в эти дни, и не только Казани, но всей белой интервенции. Красная армия нашла себя, переродилась и окрепла за долгие недели обороны и наступления.

В условиях постоянной опасности и высочайшего нравственного напряжения она выработала и конституировала свои права, свою дисциплину, свой героический новый устав.

Здесь впервые рассеялся панический страх перед более совершенной техникой противника, здесь научились обходить какую угодно артиллерию и неволью, исходя из простой самозащиты,

выдвинули те новые приемы войны, те ее специфические методы, которые уже сейчас изучаются высокими академиями как методы гражданской войны. Очень важно, что в эти дни в Свяжске оказался именно такой человек, как Троцкий. Кто бы он ни был, и как бы ни назывался, но организатор Красной армии, будущий председатель Реввоенсовета республики должен был быть в Свяжске, должен был изучить на практике опыт этих боевых недель и всю свою волю, весь свой организационный талант вложить в оборону Свяжска, в оборону разбитой и под огнем белых возрождавшейся армии.

И потом, в революционной войне есть еще одна сила, еще одно слагаемое, без которого нет победы — это могучая романтика революции, при помощи которой люди прямо с баррикад идут и вливаются в жесткие формы военного аппарата, не меняя своего короткого, легкого шага, воспитанного политическими демонстрациями, ни своей гибкости и самостоятельности, созданных, быть может, многолетней партийной работой в подполье.

Чтобы победить в 1918 году, надо было взять весь огонь революции, весь ее разрушительный пыл, и впрячь его в вульгарную, уродливую, старую, как мир, схему армии. До сих пор история разрешала этот вопрос всегда импозантным, но заигранным театральным эффектом. Выпускала на сцену того, на ком «треугольная шляпа и серый походный сюртук»⁵, и она или другой генерал на белом коне, кроил республиканские мундиры, знамена и лозунги из живой революционной плоти. Русская революция в своем военном строительстве, как и во многом другом, пошла собственными путями. Ее бунт и война слились в одно, армия и партия срослись, связались нерасторжимо, и на полковых знаменах написали единство своих целей, острейшие формулы классовой борьбы. Все это в Свяжские дни было еще не оформлено, только носилось в воздухе, искало своего выражения.

Рабоче-крестьянская армия как-то должна было сказаться, сделать свою внешность, свою собственную форму, но как, этого тогда никто отчетливо не знал. Никаких прописей, никакой догматической программы, по которой должно было расти и развиваться это исполинское тело, конечно, не существовало: в партии и в массах просто было предчувствие, творческое угадывание этой, никогда и нигде не бывшей, военно-революционной организации, которой каждый боевой день подсказывал какую-нибудь новую,

реальную черточку. Заслуга Троцкого в том, что он на лету улавливал малейшее движение масс, уже носившее отпечаток этой искомой, единственной организационной формулы. Он подбирал и ставил на ноги все те маленькие приемы, при помощи которых осажденный Свияжск упрощал, ускорял или упорядочивал свой боевой груд. И это не только в узко-техническом смысле. Нет, всякая новая и удачная комбинация спеца и комиссара, того, кто приказывает, и того, кто приводит приказ в исполнение и за него отвечает, — проверенная на опыте и отчетливо выраженная, немедленно превращалась в приказ, циркуляр, установление. Таким образом, живой революционный опыт не пропал даром, не забывался и не искажался.

Не среднее становилось нормой, обязательной для всех, — а именно лучшее, гениальное, выдуманное массами в самый горячий и творческий момент борьбы. В крупном и в мелочах — будь это такая путаная и трудная вещь, как разделение труда между членами Реввоенсовета, или быстрый, равный, дружеский жест, которым друг друга приветствуют красный командир и солдат, оба занятые, оба куда-нибудь бегущие по делу, — все надо было подсмотреть с натуры, заучить и бросить обратно в массы для общего употребления. А там, где не шло, скрипело и путалось, угадать, помочь, вырвать как акушерка вырывает новорожденного во время трудных родов.

Можно быть отличным выразителем, можно дать новой армии рационально-непогрешимую скульптурную форму, и все-таки заморозить ее дух, дать ему испариться, не суметь его удержать в решетке юридических формул. Чтобы этого не случилось, надо обладать еще творческой интуицией, без которой нельзя подходить к массам.

В конечном итоге именно этот революционный инстинкт дает окончательную санкцию, именно он очищает новое творимое право от всех глубоко запрятанных контрреволюционных поползновений. Он нарушает лживую формальную справедливость во имя высшей, пролетарской; не позволяет гибкому закону окостенеть, оторваться от жизни, лечь на плечи красноармейца мелочной, раздражающей ненужной тяжестью. У Троцкого была эта интуитивная чувствительность. Никогда солдат, военначальник, командир не заслонял в нем революционера. И когда он своим нечеловеческим, страшным голосом обрушивался на дезертиров,

то боялись его как своего, как большевика, который размозжит, исковеркает за подлую трусость, за измену — не военному, а обще-пролетарскому делу.

Троцкий не мог быть трусом — иначе его раздавило бы презрение этой исключительной армии, и она никогда не простила бы слабому этой своей, братской крови 27-ми, которой обрызгана ее первая победа.

За несколько дней до занятия Казани нашими войсками, Л. Д. уехал из Свяжска; его вызвало в Москву известие о покушении на тов. Ленина. Но ни набег Савинкова на Свяжск, организованный эсерами с большим мастерством, ни попытка убить Ильича, предпринятая той же партией и почти одновременно с Савинковским рейдом, не могли уже остановить Красной армии, и девятый вал наступления обрушился на Казань.

Глубокой ночью с 9-го на 10-е сентября десант был погружен на корабли, и часам к пяти с половиною, на рассвете, неуклюжие, многоэтажные теплоходы под охраной миноносцев спустились к Казанским пристаням. В лунных сумерках было так странно проходить мимо полуразрушенной мельницы с зеленой крышей, за которой обычно пряталась батарея белых. Мимо обгорелого «дельфина», выбросившегося на пустынный берег, мимо знакомых изгибов, мысков и затонов, над которыми столько недель с утра до ночи разгуливала смерть, стлался дым, мелькали золотые снопы орудийного огня.

Теперь шли с потушенными огнями, в абсолютной тишине, черной, холодной, гладко льющейся Волгой. За кормой немного пены на беззаботно-убегающей в Каспий волне, все смывающей и ничего не помнящей. А ведь тот омут, которым теперь бесшумно проплывал корабль-гигант еще вчера был изрыт и вспахан бешено рвущейся сталью. Где сейчас проскользнула ночная птица, бесшумно тронув крылом молчаливую, чуть дымящуюся от холода воду, поднялось столько белых фонтанов пены, звучали тревожные слова команд и среди огня и дыма шныряли проворные миноносцы, осыпанные осколками, дрожащие от сдавленного нетерпения своих машин и ежеминутной орудийной отдачи, похожей на железную икоту. Стреляли, убегали из-под града снарядов, возвращались, вытирали кровь с палубы, а теперь тихо, и Волга течет, как текла тысячу лет назад, как будет течь спустя столетия.

До самых пристаней дошли без единого выстрела. Начало светать. В розово-серых сумерках появились сгорбленные, черные, обгорелые призраки. Подъемные краны, расщепленные телеграфные столбы — все это какое-то бесконечно-перестрадавшее, потерявшее чувствительность, похожее на деревья с искривленными, голыми сучьями. Мертвое царство, облитое холодными розами северной зари. И брошенные пушки с поднятыми дулами в сумерках похожие на поверженные фигуры, застывшие в немом отчаянии с головой, поднятой кверху и подпертой холодными, мокрыми от росы руками.

Туман, люди дрожат от холода и нервного напряжения, пахнет машинным маслом, смолой от канатов. Синий воротник наводчика у орудия-пушки удивленно вертится на своей подставке, оглядывая безлюдный, безгласный, в мертвой тишине отдыхающий берег.

Это — победа.

Г. К. ПОПОВ

Стремящимся в Россию

<Фрагмент>

Троцкий — «советский генералиссимус»

Объявлен парад Красной армии. Солнце радостно глядит с лазурного безоблачного неба, хотя за день до того и день спустя лил непрерывный дождь. Легкий морозец подсушил все улицы. Москва производит впечатление начисто вымытой и убранной. Езда по улицам прекращена. Толпы куда-то стремящейся принарядившейся публики. Все пути, ведущие к Кремлю и Красной площади, загорожены. Все здания приоделись в красный цвет, по «праздничному». Обращает на себя внимание строго выдержанный реалистический стиль украшений и надписей. С футуризмом, характерным для первых лет революции, — покончено.

Большая часть досок и надписей на памятниках и на общественных зданиях — теперь из бронзы, чугуна или меди вместо прежних временных холщовых плакатов. Все выглядят как-то особенно солидно и несокрушимо, точно хотят сказать: мы здесь и здесь останемся навски. На цоколе статуи Свободы, на площади пред московским советским зданием, бывшим градоначальством, три медные доски, с выгравированной конституцией Р. С. Ф. С. Р.

И на Красной площади возникли новые, прочные сооружения. Было время, когда *Ленин и Троцкий* произносили здесь свои речи с наскоро сколоченной из досок эстрады, задрапированной красным сукном. Ныне вместо нее возведена трибуна из гранита. Вокруг этого каменного массива выстроился ряддеревянных трибун — для приглашенных членов III-го Интернационала, коммунистов, дипломатов, журналистов и т. п. Рядом шатер с красным штандартом, с часовым при входе — полевая квартира Троцкого.

Приезд Троцкого ожидается к 11-ти часам, но уже в десять часов все трибуны переполнены. Московские войска построились уже в восемь утра. Среди приглашенных идут споры о числе расположившихся на площади и по соседним улицам воинских частей. Я думаю, что в этот день перед Троцким продефилировало не менее 200000 красноармейцев. Любуются поразительно точным порядком в расстановке полков. Ординарцы скачут взад и вперед. Все — в полной форме. Дисциплина удивительно повысилась в сравнении с тем, что было два, полтора, даже полгода тому назад.

Калейдоскоп мундиров. Все в большевистских остроконечных *шишаках*. На груди и на рукавах советская звезда. Войска выстроились в длинные шеренги лицом к достопочетным кремлевским стенам. Настоящее и прошлое! В конце Красной площади, переливая сотней колеров, — церковь Василия Блаженного. У подножия этой церкви ради сегодняшнего праздника расположился огромный червовидный *цеппелин*, украшенный тоже советской звездой. Он подымается потом вверх и парит над плац-парадом.

Сотни людей взобрались на лобное место... Своеобразная картина. Здания и памятники вокруг, свидетели седой старины, говорят об эпохе московских самодержавцев. И на этом пестром, причудливом, театральном фоне, в качестве живых исполнителей современной драмы, тысячи, сотни тысяч красноармейцев, матросов, рабочих и коммунистических делегатов...

Все в движении. Все говорят, жестикулируют, кричат и возбужденно снуют туда и сюда. Вдруг — все замолкало. И только слышен шепот, перекатившийся по рядам солдат и зрителей: «Троцкий вышел из Кремля».

Как только вступил Троцкий на Красную площадь, все мгновенно насторожились. «Троцкий, Троцкий...» В серой шинели, окруженный свитой красных командиров и комиссаров, он идет к трибуне. На лице выражение твердой решимости. Движения определены и отчетливы. Некоторый полет театральности.

Троцкий обходит фронт и Красная площадь дрожит от восторженных «ура». Заграницей относятся с недоверием, когда говорят о любви войск к Троцкому. Тем не менее это факт. Не решусь сказать, любят ли Троцкого, находящегося ныне «в опале», как *коммунистического* вождя или просто как вождя... Но личность его несомненно окружена известным ореолом... Те, кто им не восторгаются, те относятся к нему со смешанным чувством удивления

и страха. Во всяком случае Троцкий личность из ряда вон выходящая, — это признают даже «буржуи» и, конечно, не подлежит сомнению.

После того как Ленин окончательно удалился от дел, Троцкий некоторое время являлся, собственно говоря, настоящим правителем России. Если даже его власть и была ограничена Центральным комитетом коммунистической партии и влиянием некоторых выдающихся большевиков, — все же оставалось несомненным, что на его плечах лежала большая часть забот и трудов по управлению и контролю в советском государстве. Это, конечно, изменилось с тех пор как он уехал «лечиться» на Кавказ. Но когда-то и Кремль перед ним трепещал...

Троцкого с полным правом можно назвать «феноменом», ибо когда и где это было мыслимо, чтобы *еврею* удалось с успехом создать из ничего миллионную армию и стать во главе ее? Но Троцкий показал еще нечто большее: с неустанной энергией он привел свою армию в движение, сумел вымостить ее и повести за собой, не взирая на голод и всевозможные лишения, в бой, к решительной победе. Не он ли бок о бок с Лениным в трудные минуты умел сильной, твердой, часто жесткой рукой направлять уже казалось тонущий советский корабль в спасительную гавань? Троцкий, вне всякого сомнения, великий организатор большевистской революции.

Вряд ли существует еще один человек на свете, рабочий день которого был бы так разнообразен и так утомителен, как рабочий день Троцкого. Рядом с заботами о красной армии он обнаруживает лихорадочную деятельность в самых разнообразных областях: во внутренней политике и во внешней, в промышленности и торговле, в делах церкви, в борьбе с голодом, в горном деле, в авиации, в коммунистическом интернационале, в «мировой революции», в революционной пропаганде и т. д., и т. д. С беспримерной энергией он изучает каждый вопрос. Со сказочной быстротой он объезжает вдоль и поперек неизмеримые пространства России.

Но и в своей Московской штаб-квартире (где — между прочим — царит образцовый порядок и чистота) он никогда не знает покоя и вечно работает не покладая рук. В промежутке между сложными и нелегкими государственными делами Троцкий находит еще время выступать несколько раз в месяц с зажигательными речами перед рабочими и солдатами. Он даже успевает занимать-

ся литературой и работает над трудом «об изящной литературе Франции в XX столетии». Во время своих коротких часов отдыха на даче под Москвой, он оттуда диктует своему секретарю этот труд по телефону...

Троцкий читает ежедневно не только все советские газеты, чтение которых дает ему материал для различных резолюций и распоряжений, но следит также внимательно за русскими эмигрантскими изданиями и важнейшими органами мировой печати. В более свободные минуты он углубляется в творения Шпенглера, Эйнштейна, Каутского и других ученых. В то же время он диктует приказы по армии, статьи для газет, дипломатически ноты, письма и бесчисленное количество инструкций, отправляемых не только по всем углам России. Успешное преодоление этой ежедневной титанической работы дается Троцкому только благодаря свойственной ему сверхчеловеческой энергии...

В то время как Троцкий стоит на трибуне на Красной площади и изрекает слова, которые быть может найдут отголосок в отдаленнейших углах земного шара, из Кремля выходит маленькая, хорошенькая, кокетливая женщина. В черной дорожной шубке и элегантной шляпе. Она хочет пройти на трибуны, часовые же ее не пропускают. Наконец ей на помощь приходит какой-то красный офицер и галантно провожает ее на место. Она усаживается поодаль от гранитной трибуны оратора. Скромная, почти смущенная. Эта женщина супруга вождя Красной армии Наталия Ивановна Троцкая.

Речь кончена. И вот начинается церемониальный марш. Двенадцать трубачей трубят поход. Десять оркестров одновременно играют Интернационал. Тридцать аэропланов кружатся над площадью. Все кричит «ура», машет шапками, хохочет и посреди всего этого гамма современности несмутимо раздается звон кремлевских курантов. Вот уже целые века каждый час наигрывают они ту же старинную русскую церковную мелодию и даже звуки Интернационала не могут заглушить их.

Солдаты, матросы, коммунисты, рабочие дефилируют перед нами. Невозможно разобрать, что они кричат. Невольно, однако, вспоминаешь о других массах, которые в разные времена и в разных странах срывались с своих мест. Иные кричали «nach Paris, nach Paris», — другие — «à Berlin, à Berlin!» Что кричат эти — я не понимаю. Понимаю только, что они рвутся куда-то вперед.

Удастся ли им дойти до той цели, к которой ведут их кремлевские «вожди»? Этого никто не знает... Пока что они продвигаются перед нами сплоченными рядами, медленно, упорно, с монотонными песнями, — вперед, — вперед, — вперед...

Б. КАМЕНЕЦКИЙ <Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД>

Адвоката дьявола

В одной рецензии на эту книгу было уже отмечено, что биограф изображает в ней своего героя как-то двусмысленно. И в самом деле, это — книга лукавая. Она выдает себя за сплошной панегирик, но многие из ее извилистых строк принимают характер сатиры. Но смотря на все словесное мастерство автора, который по отношению к своему сподвижнику как будто выступает Плутархом или, по крайней мере, собирает материал для Плутарха, образ Ленина не обнаруживает в себе никакого величия, никаких признаков истинного вождя. Истина — против Ленина. И кажется порою, что Троцкий не только не может, но и не хочет этого скрыть. Адвокат дьявола выдает своего подзащитного с головою. Он, например, так хвалит его фанатическую «целеустремленность», его «глухоту и слепоту» ко всему лежащему за пределами данной цели, его неумение и нежелание «замечать многие второстепенные причины, побочные обстоятельства», что всей этой осторожной и хитрой фразеологией своей только льет воду на мельницу тех, кто главный грех знаменитого демагога как раз и видит в его роковом упрости́тельстве, в той простоте, которая хуже воровства, потому что она ворует у жизни ее сложность, — у той самой жизни, чей ларчик именно не просто открывается. Когда Троцкий напоминает, что в январе 1918 года Ленин предупреждал о необходимости для успеха социализма в России «известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев» и неизменно обещал сделать России «через полгода» социалистическим и «самим могущественным» государством, то едва ли он памяти покойника и его покойному

уму оказывает этим товарищескую услугу. Когда он настойчиво и неоднократно утверждал, что это именно Ленин «при каждом подходящем случае вколачивал в головы сознание необходимости жесточайшего революционного террора», смертных казней, расстрелов, без которых диктатуру признавал «одной болтовней и кашей», а диктатора — «тютей», то здесь тоже защищаемого защитник выручает мало, но зато щедро делится с ним своей собственной ответственностью и ими обоими пролитой чужою кровью, — между прочим, и кровью тех «корниловцев, кадетов», которых, как услужливо докладывает истории Троцкий, вне закона объявить потребовал именно Ленин. Когда наш своеобразный адвокат про те самые, друг другу «очень остро противоречащие», советские декреты, которые он считает порождением «самого невероятного хаоса», говорит, что их сборник «представляет в известном смысле часть, и отнюдь не маловажную, полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина», то за это биографическое указание только что почтительной полностью названный сочинитель своему коварному хвалителю не пошлет своего загробного «коммунистического привета»...

Весьма характерно также, что скороговоркой, мимоходом называет Ленина Троцкий инициатором того похода на Варшаву, о злополучности которого для советской державы он не может найти достаточно выразительных слов: ошибка этого похода обошлась «страшно дорого», сослужила незаменимую службу контрреволюции, дала «могущественный толчок консолидации буржуазной Европы»; если бы не эта «наша военная интервенция и ее крушение», если бы не Рижский мир, «тоже довольно похабный мир», то не произошло бы ослабление советской республики, и была бы у нас общая граница с Германией, и в Германии события 1923 г. «развернулись бы совершенно другим путем», да и в Польше «революционное движение пошло бы несравненно более благоприятным темпом». И нам прибавляют, что сам виновник варшавской ошибки, т. е. Ленин, — «насколько я знаю» — придавал ей огромное значение...

Деликатную задачу решает и тогда Троцкий, царедворец, «но лукавый царедворец», когда ему нужно сказать, что Ленин более пятнадцати лет прожил эмигрантом и совсем не знал той России, той «старой России», которую он «ненавидел» и с которой жаждал «расправиться». Красноречие адвоката достигает высшей

степени здесь, где он описывает, как использовал и разжег его клиент почву для такой расправы — настроения того солдата, например, который «всаживает штык в живот офицеру». И все проделанное Лениным над Россией — в похвалу ли? в упрек ли? — называет Троцкий «проверкой на живом опыте» социалистических лозунгов и формул.

Отрицательное впечатление от Ленина благодаря Троцкому (если только Ленину есть тут за что Троцкого благодарить) остается еще и потому, что в изображении своего биографа идол русского пролетариата «величайший машинист революции» (комплимент тоже двусмысленный и подозрительный), не только сам частенько сознается в совершенных им «глупостях», но и вдобавок обильную дань глупости платит еще и бессознательно для себя; так, рассказывает Троцкий, что его герой, при наступлении немцев накануне Брест-Литовского мира, к изумлению своих слушателей, «таращивших глаза или смеявшихся от неожиданности», взывал к отступлению до Камчатки и к созданию новой базы в Урало-Кузнецкой республике, где, дескать, много угля и много пролетариев.

Наконец, от фигуры Ленина, написанной дружеской кистью портретиста-коммуниста, идет неприятный ток суетливости и мелкотравчатости; это — мелкий бес; и совсем не чувствуется в нем та суровость и решительность, которая должна бы быть присуща подлинному вождю, и с которой мало общего имеет деревянное сердце «Ильича» и его готовность пролить сколько угодно чужой крови. Чувствуется другое: то именно, что произошла у него эмпирическая удача («везет» — нередко говаривал он сам), и вот теперь эту удачу пытаются задним числом подогнать к некоему разумному плану и предвидению, которое будто бы отличало безумного впоследствии «машиниста». На самом деле то, что поведал Троцкий о Ленине, могло бы послужить хорошей иллюстрацией к тезису о ничтожном значении личности в истории; и слишком ясно, что наша Москва загорелась и сгорала от свечи копеечной. Если вообще памятники часто бывают больше покойников, мавзолеев — больше мертвецов, то мавзолеев Владимира Ленина являет этому особенное доказательство. И несомненно, что как безвкусное усилие превратить тело Ленина в мощи, так и бесплодно усилие превратить дело Ленина в гениальность, имеет внутреннюю связь с другою, более общей, но не менее безнадежной попыткой — все происшедшее в России подогнать под марксизм. Не надо быть особенно сведущим

в учении последнего, для того, чтобы видеть, что «русский опыт» произошел не по Марксу, а вопреки ему, что события разыгрались тогда, там и так, когда, где и как автор «Капитала» их вовсе не предсказывал. «Буйную слепоту» нашей революции, ее чисто эмпирический факт, ее иррациональную практику в наши дни, уже *postfactum*, хотя бы то ни стало вместить в стройные теории и категории, хотят осмыслить бессмыслицу — и притом непременно в терминах капитализма и социализма, в марксистском плане буржуазии и пролетариата — той буржуазии и того пролетариата, которых в России, в сколько-нибудь социологически значительной степени, как раз и не существовало вовсе. Придерживаясь шаблонов и трафаретов, всей этой обездушенной схоластики марксизма, насилуют уже совершившиеся события и набрасывают на них, на эту вольницу, на эту беззаконницу, тесный аркан заранее придуманной схемы. Свою внутреннюю логику, свою внутреннюю причинность события, подхватившие на свой гребень Ленина, конечно, имели, но она лежала совсем не в той плоскости, именно — плоскости, куда их загоняют и подгоняют страдающие несчастным или злостным дальтонизмом теоретики. Замечательно, что сам Ленин, в освещении своего адвоката, рисуется нам как такой марксист, который в горячий момент деласвой марксизм от себя отбросил и начал действовать точно «самоучка». Свою образованность он должен был выбросить для того, чтобы поступать так, как он поступал. И большую мудрость и предусмотрительность обнаружила делегация рабочих, когда она еще в 1918 году, еще до «государственного капитализма», заявила ему: «видно и вы, т. Ленин, берете сторону капиталистов». «Я, сознаюсь, даже растерялся, не зная, что ответить», — сообщил он Троцкому, а Троцкий теперь обязательно сообщает нам.

Задним числом подгонять фактическую историю под ярмо марксизма, — это сподручно в особенности тем, у кого — не только ловкость рук, но и ловкость уст. Талантливый литератор, Троцкий и в данной книжке проявляет свое умение придавать словам гибкость и податливость. Оттого, например, насильственное и противоестественное, или, уже во всяком случае — противомарксистское сочетание в нашей революции пролетариата и крестьянства, их никак не дающаяся «смычка», получает у него такой словесный вид: «Молодой русский пролетариат мог совершить то, что совершает, только рванув за собой на своих корнях

тяжелую глыбу крестьянства». И на каждом шагу изворотливо прибегает он к эвфемизмам, к риторическим смягчениям и извращениям невыгодной для него ужасной правды; так, то обстоятельство, что после убийства Урицкого и покушения на Ленина комиссар внутренних дел Петровский разослал во все стороны России телеграфный приказ не «миндальничать», а убивать ни в чем неповинных людей — «буржуев», и то обстоятельство, что в одном Петербурге в одну ночь большевики убили тогда 512 ни в чем неповинных людей, и что вообще с тех пор особенно обильными потоками стала литься неповинная человеческая кровь, — это под пером нашего способного журналиста облекается в такую высоко-литературную форму: «партийный булат получил сбой окончательный закал». Учреждение заградительных отрядов, которые стреляли в красноармейцев, чтобы заставить их сражаться с чехословаками, и вообще введение в армии казней и жесточайшей дисциплины, звучит в переводе на язык Троцкого так: «вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии». Магией слов искусно владеет наш не краснеющий мастер красной магии. Ему помогает в этом полное отсутствие стыда и совести. О своей революции он выражается, как мы только что слышали, мягко и нежно; зато про аресты большевиков, после июльских дней произведенные Керенским, он пишет так: «террор тем временем крепчал», — какой бесстыдник. На странице 99 мы неожиданно узнаем, что в большевизме нашла себе выражение... «ненависть к насилию», — какой бесстыдник! А на странице 52–53 как ловко смазывает он свое вынужденное признание, что в партию большевиков он вступил лишь незадолго до Октября! Только недостаток места не позволяет нам привести еще другие и другие образцы его паразитического лицемерия.

Но лицемерие это все же не прячет его лица. И видать, что, несмотря на всю энергичность слов и дел Троцкого, ему недостает последней внутренней самостоятельности. Его в конце концов характеризует подражательность и приспособляемость; ему свойственна мимикрия. Он приспособился к октябрю, когда подходил октябрь, перекрасился в его ровный защитный цвет — не из робости или корысти, нет, а просто в силу своего умственного склада; еще раньше приспособился он к социализму вообще; теперь приспособляет себя к защите Ленина, хотя, как мы видели, то и дело сбивается с этой неблагодарной дороги, и он хочет приспособиться

к истории, найти в ней для себя и для своих товарищей, а еще лучше — для одного себя объяснения и оправдание. Настоящей независимости и подвижности, и свободы духа у него нет. Он часто других — между прочим, Уэльса — бранит мецанами и филлистерами, себя же величает революционером, не замечая, что в своем революционизме он остановился, оцепенел и превратился в консерватора. Кто думает не по его — например, английская рабочая партия, те в его глазах, чуждых самокритики, отстали, «убийственно отстали»; в себе же он видит неизменно передовую личность, — опасный симптом действительной отсталости! Если бы у него было меньше мимикрии и больше оригинальности, он, может быть, убедился бы, что именно большевизм вовсе и не зашел дальше других на путях человечества, что большевизм, это — провинциализм. Но в этой провинциальности Троцкий — блестящий лев, годный на самые различные роли; и вот в последнем своем выступлении он интересно извивается и скользит, как двуличный адвокат дьявола — не то его сотрудник, не то его соперник.

Л. Б. КАМЕНЕВ

Ленинизм или троцкизм*

Товарищи! Предметом моего доклада будет последнее выступление тов. Троцкого — выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором «Уроки Октября»¹. Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их нетрудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии. На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учится и будет учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора. Раз «Уроки Октября» выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные «уроки» могут быть восприняты как учебник, не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна.

* Печатаемое представляет стилистическую обработку доклада, прочитанного т. Л. Б. Каменевым 18 ноября на собрании МК с активными работниками и повторенного 19 ноября — на собрании фракции ВЦСПС и 21 ноября — на совещании военных работников.

И по форме выступление тов. Троцкого рассчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто читал эту статью, видел, что она апеллирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому я и сказал, что это — не частное дело, и спор по поводу того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов: это политический спор, это — дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой тов. Троцкого, есть только спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии. Такие рассуждения могут исходить лишь от товарищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что «литераторы спорят, а нас это не касается».

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые тов. Троцкий делает в своих «Уроках Октября»? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий — искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии. Здесь же оно служит антипартийным элементам, здесь оно служит не большевизму, а делу разложения и дискредитирования большевизма, как идеологии пролетарской революции и как организации боевых элементов пролетариата. Достигнуто это чрезвычайно искусным, но, в основном, неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с февраля и по октябрь. Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные тов. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена апрельская партийная конференция, извращены

июньские и июльские события, извращены события, связанные с деятельностью Предпарламента, извращен ход самых событий в Октябре. На всем этом, на деталях восстановления исторической правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким — с документами, — на всем этом я не могу здесь останавливаться. Я хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления тов. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам мы избегали ставить этот вопрос, но теперь мы не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле создания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений тов. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я поэтому должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия. Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности т. Троцкого, или о некоторых общих, далеко не личных явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело — с личностью, с индивидуальностью, или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелкобуржуазной стране, со случайным явлением, или с явлением, которое имеет за собой историю, которую забывать нельзя? Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина, вплоть до Февральской революции и — с некоторым перерывом — вновь начиная с 1913 года, в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически. Почему?

1

Троцкизм и партия до революции 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелкобуржуазной, в стране капиталистически-отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелкобуржуазной стихией, в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения, — есть основной вопрос *самопознания партии*. Этот вопрос есть вопрос о нашем происхождении и развитии, и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по-старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих объяснениях. Одно — несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелкобуржуазной стихией, пытавшейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм. Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевизма.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась ленинская, «бешеная» борьба против меньшевизма, ленинское умение под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его доподлинную сущ-

ность: враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают или, по крайней мере, предполагается, что это должны знать *все*. Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом, тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял ни в его истории, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что *того* все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия готовилась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм как учение о пролетарской революции и складывая партию как ее руководителя, — троцкизм служил не чем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т. е. с момента рождения меньшевизма и до его окончательного краха в 1917 году, Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это — факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина, — а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции, — неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только исключительно как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего-класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, «троцкизм» — такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и течений,

которые рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность: он для Ленина, — а с ним и для партии, — типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской партии, враждебных созданию большевистской идеологии, т. е. идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое — порой талантливое, порой плоское и излишне-фразистое воплощение враждебной делу пролетариата стихии, — так же, как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личности. Эта систематическая борьба с троцкизмом как враждебным большевизму течением проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем — в другой форме — возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции

До 2-го съезда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, т. Троцкий служил ленинской «Искре», как служили ей Мартов, Потресов, и другие меньшевики. За свое усердие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях съезда тов. Троцкий заслужил даже кличку «ленинской дубинки». Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только — на последних заседаниях того же съезда — на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на съезде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю «ленинскую дубинку» — Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин и Мартов хорошо оценили, насколько эта «дубинка» действительно оказалась «ленинской». Ленин имел большинство на съезде, Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно

с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими тов. Троцкий *создает фракцию меньшевиков*, срывает решение съезда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным, пишет против Ленина политический памфлет, — одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина объясняет жадой власти в партии со стороны «кандидата в диктаторы» (т. е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет тов. Троцкого к широкому распространению*. Так начинается история меньшевизма и история тов. Троцкого в партии.

Став оруженосцем Мартова, и Аксельрода, тов. Троцкий как политическая фигура потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. «Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Мартыновым, но тратить время на споры с Троцким — не стоит», — внушал тогда Ленин своим сотрудникам.

Когда же тов. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса о «перманентной революции», Ленин, подробно разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой-то брошюры Троцкого выразил только сожаление, что «революционный социал-демократ» Парвус счел возможным выступить «вместе с Троцким», с его «революционной фразой». Больше ни о тов. Троцком, ни об его «оригинальной» теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова**. Кстати. Именно эту брошюру тов. Троцкий пытается теперь навязать партии как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения этой брошюры тов. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

* Подробнее смотри книжку т. Канатчикова «История одного уклона», подробно и дельно налагающую ряд выступлений т. Троцкого.

** Ленин В. И. Социал-демократия и Временное революционное правительство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 16–17.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал большевистскую схему революции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого как к «революционной фразе». Ленин знал, что эта «левая фраза» Троцкого о «перманентной революции», во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения и что, во-вторых, она ничуть не мешала тов. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевистском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками. Ленин имел Марксову привычку судить о людях, партиях, направлениях, по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905–1907 гг.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который, недооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе и с царизмом и с буржуазией во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции — как и вся первая революция — предвосхищала в основном борьбу, развернувшуюся до конца во второй революции, в революции 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса — Троцкого в ходе первой революции не играла *никакой* роли; она — по предсказанию Ленина — оставалась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова.

В дни контрреволюции

Революционная волна спала. Партия перестраивается для длительной и тяжелой работы в атмосфере контрреволюции. «Левая

фраза» потеряла всю свою эффектность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от контрреволюционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома пролетарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасать то, что можно еще спасти, — знамя революционной тактики пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент, самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские — по отношению к партии и к революции — тенденции, в этот момент тов. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел «быть революционнее всех», оказалось, должен был бы прийти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905–1907 гг., Плеханов. Старый революционер не выдержал: перед лицом всеобщей волны ренегатства он — рядом с большевиками — бросился в бой под знаменем: «генеральное межевание», т. е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов*. Троцкий поступил обратно.

Первое выступление тов. Троцкого в этот момент начавшейся контрреволюции произошло на Лондонском съезде. Большевики воевали на съезде с меньшевиками-ликвидаторами, в частности с фракцией 2-й Думы, во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики: Церетели и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западно-европейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего класса. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападок. Ленин характеризует его позицию:

* Правда, боевого пыла хватило у Плеханова ненадолго.

«Троцкий говорил от имени центра, он выражал взгляды Бунда (Бунд — самая оппортунистическая организация, которая когда-либо была в партии, самая беспринципная; для нее, пожалуй, беспринципность характернее, чем оппортунизм: она была организацией ремесленников и отражала их непролетарский дух. — Л. К.). Он громил нас за внесение “неприемлемой” резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно??... Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии... Это не принципиальная позиция, а беспринципность “центра” и, конечно, его защитника, Троцкого»*.

Дальше тов. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции тов. Троцкого в момент, когда наша партия подытоживала опыт 1905 г. и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже предвосхищают всю ту роль, которую суждено было тов. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было *первое* выступление тов. Троцкого после революции 1905 года. С этого момента и вплоть до 1917 г. тов. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии, и именно как таковой неизменно же рассматривается партией.

Последуем теперь за Лениным извглянем, как он характеризовал роль тов. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т. е. в процессе создания и теории и организации руководства пролетарской революцией.

1910 г. Май. Момент *формального выделения* большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат; меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами, во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский. Ленин пишет:

«Представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных,

* Ленин В. И. Пятый съезд Российской Социал-Демократической Рабочей партии. 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 325–326.

сходятся целиком в своей внутривнутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого только по внешности отличается от “излияний” Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень “осторожно” и претендует на “сверхфракционную” справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де “большевистские вожди” — это та же “философия истории”, что у Аксельрода и Алексинского...»*.

«Нетрудно видеть, — продолжает Ленин, — как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, как они служат на деле отставанию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К⁰, Алексинский и К⁰. Ведь в этом вся бездна различия между примиренчеством Троцкого и К⁰, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями, — и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма».

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма объединяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения. Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет в конце 1910 г.:

«За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого² есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков): разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения (большевиков), а с ними заодно — и партию как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться»**.

Как видите, товарищи, всякое бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков,

* Ленин В. И. Заметки публициста // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 254.

** Ленин В. И. О положении дел в партии // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 47.

и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи, совсем не кажется уж таким новым. Всякое бывало!

Ленин продолжает:

«И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры и раскола*... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах) потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима... Эти реальные цели — *антипартийный блок*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит³ Троцкого⁴, ибо антипартийные элементы⁵ получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма в меньшевиках, в отзовистах, Троцкий *не смеет*. В том-то и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт⁶ показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев, и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном*...»*

1911 г. Борьба за партию и ее идеи продолжается, Троцкий продолжает свою антипартийную политику, Ленин продолжает его характеристику. В июне 1911 г. Ленин пишет:

«Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции⁷, — собрать разрозненные силы и идти в бой за РС-ДР партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат». И тут же добавляет:

«Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о РС-ДР партии и с его раболепством перед ликвидаторами, не имеющие»

* Ленин В. И. О положении дел в партии. С. 47–60.

ми ничего общего с РС-ДР партией, являются ныне “болезнью времени”»⁸. На деле это — «проводники *капитуляции* перед ликвидаторами, строителями *столыпинской рабочей партии*»...*

Через пару месяцев в специальном обращении «Ко всем партийным организациям, группам и кружкам»: «Отметим только еще одну *наиболее общую* черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутривнутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы *только с левым* крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков»**.

Троцкий продолжает свою политику, и Ленин продолжает его характеристику:

«Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы, и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов, т. е. большевиков... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо *убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него*. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К⁰ в России, *прикрывание их дел “революционной” фразой за границей* — вот суть политики “троцкизма”***.

Эта характеристика: прикрывание левыми, якобы революционными, фразами практической политики правых дел, это — для Ленина — общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе, на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения черту троцкизма. Через

* Ленин В. И. Резолюция II Парижской группы РСДРП о положении дел в партии // Там же. С. 285.

** Ленин В. И. Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам // Собрание сочинений. М., 1924. Т. XI. Ч. 2. С. 335–338.

*** Ленин В. И. Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям») // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 320.

несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком:

«Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционер только тот с.-д. (по нынешнему: коммунист), кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т. е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908–1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными не с.-д. течениями».

И еще через пару месяцев (декабрь 1911 г.):

«Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают как дипломата самой мелкой пробы»*.

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мной документов партийной истории попытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому объяснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я поэтому и считаю своим мало-приятным, но обязательным долгом — раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом — проследить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется систематически, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно-ленивый, самый обывательски-настроенный человек, — и тот не сможет объяснить этого раздражением, случайностью,

* Ленин В. И. О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 29–31.

пристрастием или чем-либо подобным; даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории — и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она падает глубоко вниз, и тогда, когда она опять подымается, — то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков во II Интернационале. Уже тогда большевики вообще. Ленин в частности, были одиозными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контрреволюции не получил ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским или австрийским рабочим и рассказать им правду о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом, но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина — Мартову, Дану и Троцкому, которые могли без опасности для себя преподнести международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением приблизительно следующую «философию» большевизма: «Ленинцы — это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека — Ленина — держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилья этой кучки и их лидера Ленина».

Вот то представление о большевизме, которое тов. Троцкий тогда внушал Интернационалу.

Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, смысл борьбы большевиков с меньшевиками. По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 году писал:

«Мартов излагает взгляды меньшевизма, Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова “русский опыт” сводится к тому, что “бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью” (читай: большевизм над меньшевизмом). “Русская социал-демократия говорила слитком усердно по-русски” (т. е. по-революционному. — Л. К.) в отличие от “*общеевропейских*” (т. е. парламентских. — Л. К.) приемов тактики. У Троцкого “философия истории” та же самая. На первый план выдвигается “сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм” “*Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат*” — вот в чем суть дела». Изложив эти взгляды, преподносимые тов. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет:

«Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 г. (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, в брошюрах, статьях *либеральной печати*. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски-подкрашенные *либеральные взгляды*...

“Иллюзия” думать, — заявляет Троцкий, — будто меньшевизм и большевизм “пустили глубокие корни в глубинах пролетариата”. Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в “глубинах пролетариата”, а в *экономическом содержании* русской революции лежат корни расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: “сектантство”, “некультурность” и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров. — Л. К.), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии

и демократического крестьянства, — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов».

Тов. Ленин разъясняет тов. Троцкому:

«Мартов защищает воспитание крестьян (революционно борющихся с дворянством) либералами (которые предавали крестьян дворянам). Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков), из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков). Поэтому, — втолковывает т. Ленин т. Троцкому, — объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок».

Как видим, Троцкий «шел к Ленину», рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!..

«Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами “интеллигентов” отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 г. *между классами*, именно между революционно борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией».

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае?

«Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции».

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны тов. Троцкого как «утонченное вероломство», т. Ленин закончил свою характеристику такими словами:

«Троцкий был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть “скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений”. Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой и поэтому объявляет себя

стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а на практике во всем согласен с голосовцами и впередовцами (т. е. проводниками буржуазного влияния на пролетариат. — Л. К.)⁹. Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов»*.

1912 год. Это — год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшевиками и на своей, большевистской конференции (в Праге) создают свой чисто-большевистский ЦК, исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после ленского расстрела, бурной волной вновь, впервые после 1905 года, вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает «большевистское поветрие», по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрянувшее рабочее движение систематически «снимает с постов» тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контрреволюционных потемках предшествующих лет. Это — начало революционного наступления — под лозунгами большевиков, под руководством большевиков — наступления, которое к середине 1914 г. приводит уже к баррикадным боям в Ленинграде.

Какова была позиция т. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного подъема, этот новый рост рабочего движения увлек т. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архи-левая теория «перманентной революции», лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контрреволюционным меньшевизмом?

Нет! Тов. Троцкий остается верен себе и... меньшевикам-ликвидаторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январская конференция большевиков) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с меньшевизмом. Его усилиями создается так наз. августовский блок,

* Ленин В. И. Исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 375–376.

союз, организационное объединение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и группочек. Этот блок, пишет Ленин, «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе». «Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести по-прежнему свою линию, а т. Троцкий¹⁰ прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает»*.

По поручению этого блока т. Троцкий усиленно грязнит большевиков как руководителей начинающегося пролетарского подъема перед Интернационалом. Эту его работу т. Ленин характеризует как «обман¹¹ и введение в заблуждение немецких рабочих». По поводу его статей, обращенных к немецким рабочим, т. Ленин писал, что «они отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки»**.

Но, быть может, тов. Троцкий был заодно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской организацией? Может быть, в вопросах об оценке, задачах, целях, тактике поднимающегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики новой революции он отходил от контрреволюционных меньшевиков, служивших либералам? Послушаем опять Ленина:

«Троцкий, проклиная на все лады конференцию, уверял добряков¹², что “борьба за свободу коалиций” является основой ленских событий и их отголосков, что “это требование стоит и будет стоять в центре революционной мобилизации пролетариата”. Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль».

«Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики, — продолжал Ленин, — могут ставить “в центре революционной мобилизации” свободу коалиции». Политике ликвидаторов и т. Троцкого т. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата: «Пролетариат Петербурга, — писал Ленин, — понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций. — Л. К.), а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба. Пролетариат Петербурга понял... что надо бить в центр, нападая на источник зла,

* Ленин В. И. Ликвидаторы против партии // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 254.

** Ленин В. И. Ликвидаторы против партии. С. 252.

разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций...»*. Нет ничего более лживого, как *либеральная* выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким, будто «борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране»**.

Разница в самом подходе к *основным* задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и т. Троцкого — с другой — совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет антиреволюционный подход Троцкого к этим основным задачам.

Троцкий тогда вслед за меньшевиком Аксельродом носился с идеей «европеизировать» борьбу русских рабочих, т. е., как пояснял тот же Аксельрод: «коренным образом изменить характер партии, как он сложился в дореволюционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии»¹³. Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед «некультурными», «варварскими», «сектантски-неистовыми» азиатами-большевиками в том, что он, Троцкий, — «европеец» и борется «под тактическим знаменем европейской социал-демократии»¹⁴. Но что обозначало это противопоставление «европеизма», «европейской тактики» — большевизму? Только одно: отказ от непосредственно-революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Интернационала. «О пресловутой европеизации, — писал Ленин, — на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий и все ликвидаторы». Здесь — один из главных гвоздей оппортунизма. Их оппортунизм в том, — пояснял Ленин, — что они хотят придать, «европейский» парламентско-пропагандистский характер партии как раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно-революционные боевые задачи, они хотят таким образом *обойти* задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской. В устах ликвидаторов и Троцкого — в период 1910–1914 гг. — словечки об «европеизме», дополня-

* Ленин В. И. Лозунги Всероссийской конференции РСДРП в январе 1912 г. и майское движение // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 352.

** Ленин В. И. Революционный подъем // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 340–341.

емые словечками о «варварстве» большевиков, прикрывали отказ от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России. Вот что писал Ленин по поводу одного такого «европейского» выступления Троцкого: «Это мечтание оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной “Звезды” и потому употреблял легальные слова; читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России) сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир, своим “европеизмом”».

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедовалась как раз тогда, когда новая волна революционного подъема после ленского расстрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория «перманентной революции» не удержала тов. Троцкого от подобной нереволуционной тактики, как мог он, придерживаясь этой архи-левой теории в явно-революционной обстановке 1912–14 гг., проповедовать — рядом с меньшевиками — подобную антиреволюционную тактику?

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: «прикрывание левой (несуразно-левой, архи-звонкой, — писал Ленин) фразой правой политики».

«Взгляните на платформу ликвидаторов, — разъяснял наивным людям т. Ленин еще в 1913 г.: — ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание рассеет такой самообман».

Мы подошли к 1914 году. Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного прибое бьют все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же. Вот, что пишет т. Ленин в 14-м году:

«Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой»*.

* Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 313.

«У ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К^о, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда никакой “физиономии” не было и нет, а есть только перелеты, переметывание от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда... На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т. е. о революционной организации и политике рабочего класса. — Л. К.), уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т. е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам. — Л. К.) и т. д. К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается с специальными длинными поучениями о том, как *похитрее* надо проводить отрицание подполья и партии»*.

Наступили переломные месяцы 1914 года. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции для того, чтобы руководить его дальнейшим движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 года в большевистском журнале «Просвещение». Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это типичная фигура. Во времена старой “Искры” (1901–1903) для этих колеблющихся и перебегающих от “экономистов” к “искровцам” и обратно была кличка: “тушинский перелет” (так звали в смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому)».

«Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное кор-

* Ленин В. И. Распад августовского блока // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 3.

ниями с “меньшевизмом” и “экономизмом” в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии».

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярким «искровцем» в 1901–1903 гг., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 г. т. Троцкий — яркий меньшевик, т. е. от «искровцев» перебежавший к «экономистам»: он провозглашает, что «между старой и новой “Искрой” лежит пропасть». В 1904–1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906–1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

«В эпоху распада, после долгих “нефракционных” колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела, их же идейки».

«Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...»

«Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями... ни с опытом современного рабочего движения в России...»*.

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколению рабочих накануне нового подъема революционного движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о т. Троцком, — это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о т. Троцком, все не в том смысле, что взял все цитаты, — количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз, — но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необ-

* Ленин В. И. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 204–206.

ходимым сказать о т. Троцком русским рабочим до 1914 г. Каждый понимает, что, если эти характеристики делаются из года в год не по поводу той или другой ошибки, а по поводу общей линии т. Троцкого, то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что т. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостерегать партию против троцкизма.

В дни войны

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончиться.

Так ли это было? Заставила ли война тов. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал тов. Ленин?

О того времени, когда тов. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славные страницы и в свою биографию и в историю партии, мы не считали возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но, когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идейный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, разве ли война тов. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы, нет. Так же, как в 1905 г. он сумел сочетать архиреволюционную, «несуразно-левую» фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны, тов. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом 1915 г. тов. Ленин пишет: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит Троцкий»... Приведя возражения тов. Троцкого против взглядов большевиков*¹⁵ тов. Ленин продолжает: «Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал¹⁶, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т. е. он раболепствует перед “политической методологией социал-патриотизма”, говоря вычурным языком Троцкого». «Троцкий, — говорит тогда же Ленин, — который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практическом согласен с ними». Тогда же: «Троцкий, так же отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой “Нашей зари”», т. е. меньшевиков...¹⁷ Все это — проявление того зла, которое голландские марксисты назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектицизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике».

Тогда же: «(Такие-то) и Троцкий, по-моему, — вреднейшие “каутскианцы” в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма». Тогда же: «Мартов и Троцкий желают совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с “Нашей зарей”, О. К. (Центр. комитет меньшевиков) или фракцией Чхеидзе».

Конец 1915 года: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию».

Тогда же: «Чхеидзе и К⁰ явно виляют: они — верно друзья “Нашего дела” (орган оборонцев), ими доволен Алексинский¹⁸, и они же “играют” в левизну при помощи Троцкого... Думаю, сознательных правдистов (большевиков) не проведут».

* Этих «возражений» читатель не найдет, однако, в сборнике статей Троцкого «Война и Революция» по той причине, что они там Троцким выпущены.

Тогда же: «Троцкий и К^о заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы “замазать” разногласия и спасти оппортунизм “Нашей зари” при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе».

Начало 1916 года. «Бессильные дипломаты или “болото”, вроде Каутского в Германии, Лонгэ во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и этим мешая назревшему, насущному объединению оппозиции всех стран, созданию III Интернационала».

Март 1916 г.: «А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных “отечеством” данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев».

Октябрь 1916 г. — 12 месяцев до нашего Октября: «Каковы бы ни были субъективные “благие” намерения Троцкого и Мартова (они — для Ленина — все еще едины суть!), объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм».

Декабрь 1916 г.: «Гобсон¹⁹ превосходно подошел еще с 1902 г. к вопросу и о значении “Соединенных Штатов Европы” (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистической буржуазией как раз в направлении создания империалистической Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую наиболее глубокую связь именно империалистической буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос»*.

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 года!): «Троцкий — левые фразы и блок с правыми против цели левых!!». Еще через месяц и через две недели после февральской революции, 17 марта 1917 года: «По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые “объединительные” попытки с социал-патриотами или, еще опаснее, колеблющимися, вроде организационного комитета

* Ленин В. И. Об империализме и расколе социализма // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 168.

(меньшевиков), Троцкого и К^о и продолжать работу *своей* партии в последовательно-интернациональном духе».

К этому следует, пожалуй, добавить только одно: за весь этот период тов. Троцкий был решительным противником «циммервальдской левой», во главе которой стоял тов. Ленин и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он развился и окреп в борьбе с циммервальдским «центром», с Каутским и с Троцким. Практическая политика этого «центра» сводилась к тому, чтобы *не рвать* окончательно со II Интернационалом, *не основывать* III Интернационала, чего добивался Ленин во главе «циммервальдской левой».

Вот политическая линия тов. Троцкого, охарактеризованная словами тов. Ленина на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии тов. Троцкого ни в момент величайшего подъема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. «Тушинский перелет», «левые фразы и блок с правыми против целей левых», реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы, — вот общий итог этой характеристики — не личности тов. Троцкого, а «троцкизма» как течения.

* * *

Ни один ленинец, всерьез приемлющий это имя, не допустит и мысли о том, что это систематическое — на протяжении десятков лет — разоблачение т. Лениным позиции тов. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба т. Ленина против троцкизма подсказывалась тем, что тов. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко, — как бы говорил тов. Ленин, — потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячущий своей либеральной сущности, становится

черезмаленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами и, пользуясь доверием к этим фразам, облегчают дела врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя — в особенно трудные моменты жизни партии — тов. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей «мелкой дипломатией», правда, всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из «троцкизма» как из исторического явления делали препятствие в строительстве большевистской партии как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно-настроенной части рабочих *формой меньшевизма*. Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской форме, оказывался уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм. Так было в 1905 г., так было в 1912–14 гг., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза тов. Троцкого прикрывала и спасала банкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя «марксистом», где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелкобуржуазной стихии, программа и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее «тонко», наиболее «дипломатично», наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою антикоммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент при-

крыть свои «правые дела» особенно «левой фразой». Воплощением этого типа антибольшевистских влияний и был троцкизм. Когда ход классовой борьбы вышибал из сознания пролетария всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собой свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его «левой фразой», прикрывавшей «правые дела», с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской «грубости», «варварства», «прямолинейности», «догматизма» и «сектантства» — всегда очаровывал околопартийную внутрипартийную интеллигенцию.

Вот почему тов. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не уставал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшевизмом, входит в самое понятие большевизма. Вез понимания опасностей троцкизма — нет большевизма.

2

Тов. Троцкий вступает в партию

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам тов. Троцкий предпочитает характеризовать словами: «Я шел к Ленину с боями». Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий — мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знали это достоинство тов. Троцкого и не раз — с пользой для партии — поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, затронутый тов. Троцким в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых, она рассчитана на то, чтобы, очаровав читателя красотой, скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее неприкрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно, правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 года вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: «Я шел к Ленину с боями». Троцкий, видимо, очень доволен историей своих отношений с большевизмом; по крайней мере в своей книжке

«Новый курс» всего только несколько месяцев назад он писал: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Это очень утешительно для Троцкого. Но может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только что с вами под руководством Ленина просмотрели. Вели этот путь есть действительно «путь к Ленину», то, следуя словам тов. Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший эс-эр, которых немало в нашей партии, может сказать: «Я, собственно, не был меньшевиком или эс-эром, я просто шел к большевикам “с боями”».

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, которым прошел Троцкий; она, во-вторых, не может этого пути считать ни «надежным», ни «прочным».

Неужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хотя один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные и организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый, блок со злейшими врагами партии есть «прочный и надежный» путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по-своему понимая интересы рабочего класса и по-своему служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит, что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу прощв большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию, она неискренна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Прийти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой Ленина, и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий

понимает свой приход к Ленину наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого «Война и Революция» значится*:

«Были три пункта, где “Наше слово” (газета Троцкого. — Л. К.) — и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции, — не сходилось с “Социал-демократом” (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым. — Л. К.). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. “Наше слово” отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного революционного интернационализма. — Л. К.). “Социал-Демократ” отвергал лозунг борьбы за мир... противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий. — Л. К.). Наконец, “Наше слово” стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. “Социал-демократ” продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что «разногласия между “Социал-демократом” и “Нашим словом”, казавшиеся вначале очень значительными, уменьшались...». В редакции «Нашего слова» рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием

* Троцкий Л. Д. Война и революция. Т. 1. С. 27. Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которых я выше привел отзывы Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к «1917 году» все то, что говорили о выступлениях т. Троцкого Сухановы, «Новая жизнь» и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых т. Троцкий хочет учить партию, отзывы т. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности учащейся частью нашей партии, иначе как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке коммунизму учиться нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, постольку она может быть воспринята как учебник. А мы все должны немножечко заботиться о тех, кто придет завтра к нам на смену.

беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции «Нашего слова» остался Троцкий. И вот, уже после этого, после того, как разногласия «уменьшились», когда газета окончательно перешла в руки левого крыла редакции, т. е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характеристике грядущей русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 17-го года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто теоретические или узко-организационные. Нет, сам Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если, по словам Троцкого, разногласия, уменьшившись, касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же, собственно, Троцкий сходил с Лениным.

Ленин был за поражение «своей» буржуазии в империалистской войне, — *Троцкий против!*

Ленин был за гражданскую войну, — *Троцкий против.*

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, — *Троцкий против!* (усиленно путая — по выражению Ленина — в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции).

Здесь, в этом последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе за поражение или *против* поражения своей буржуазии в войне, за призыв к гражданской войне или *против* призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков, — или, в лучшем случае, центра, — он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, а требует обязательно перманентной революции. В чем тут дело? Да в том же самом, о чем все время в продолжение десяти лет твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: правая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами.

К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв со II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. *Троцкий* в рядах каутскианского центра был *против* этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием: «Мартовская революция, — пишет он, — ликвидировала эти разногласия». Все? — Все! Но как? — Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам тов. Троцкий заставил ее заняться своей историей.

Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из виднейших теоретиков меньшевизма, тов. Мартынов, сказавший: «Я 30 лет по-своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов Ленина на русскую революцию, и я к ним присоединяюсь». Такого ответа тов. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме

Однако ответ у него есть. В своей книге «1905» (стр. 4–5) Троцкий пишет: «В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора (т. е. у Троцкого) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории “перманентной революции”... *Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком*» (написано в 1922 г.! — Л. К.). Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория, теория Ленина, нашедшая свое выражение в формуле:

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». «Эту мысль, — пишет в 1918 и повторяет без оговорок в 1922 году тов. Троцкий, — Ленин неутомимо повторяет, начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее».

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т. е. в революцию 1917 г., его теория «оправдалась целиком». Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мешанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он 12 лет собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть, — беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге («1905») Троцкий, характеризуя основную идею Ленина как голую абстракцию, пишет, что большевики «приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть». «Правда, — продолжает Троцкий, — разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, *антиреволюционные черты большевизма* (подчеркнуто ради важности этого сообщения мной. — Л. К.) грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». Далее оказывается, что «большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы».

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во-первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждает, как много понял Троцкий в большевизме. А во-вторых, — и это наиболее существенно, — мы узнаем, что у большевизма, как и у меньшевизма, есть антиреволюционные черты и что эти антиреволюционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы. Ясно, что с теорией, которая имеет в себе антиреволюционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатаывая и подтверждая в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях антиреволюционных черт у большевизма примечанием: «Этого, как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., т. е. до завоевания власти»*.

Теперь мысль Троцкого ясна. Взгляды Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только не верны, но и контрреволюционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос «подтвердились целиком». Ввиду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и для завоевания власти должны были «перевооружаться», т. е. заменить контрреволюционное оружие большевизма подлинно-революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того Троцким. В этом смысле «революция ликвидировала разногласия».

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

«Я пришел к Ленину потому, что Ленин привел партию ко мне» — вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза «я пришел к Ленину с боями» — лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции *Ленин пришел к Троцкому в 1917 г.*, после того, как полтора десятка лет строил партию на идеях «антиреволюционных».

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий — вот содержание всех последних книг Троцкого («1905» и «1917»). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку отбросил оружие *своей* теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда ли, теперь картина совершенно ясна? 12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 году подтвердилась, по его свидетельству, целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала антиреволюционными чертами, и поэтому раньше, чем идти в бой, и для того, чтобы победить,

* Троцкий Л. Д. 1905 г. М., 1922. С. 285.

надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да, ясное дело, — откинуть оружие большевизма с его антиреволюционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться, и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено, — и без единой антиреволюционной червоточинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, *вот история нашей партии по Троцкому*. Теория Ленина, которая с самого начала обладала антиреволюционными чертами, крахнула, как только пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать октябрьскую победу только потому, что он *вовремя* отбросил большевистское оружие и позаимствовал оружие у тов. Троцкого.

Если это так, это надо сказать открыто. Если в большевизме есть антиреволюционные черты, если перед решительным боем, надо это оружие менять, то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике мы не говорим пролетариату и нашей страны и всего мира: товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть антиреволюционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам несдобровать, вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения к Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истиной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии пришлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить. Но партия не может быть бесчестной, она должна учить пролетариат или ленинизму или троцкизму, или должна сказать: «Надо подправить ленинизм троцкизмом». Но она не может учить ленинизму — всему, целиком, без поправок, — как теории и практике мировой революции

и одновременно намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности уходит своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся у Троцкого «между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г.». (Какое внимание к датировке рождения собственных идей! Какое внимание к своим собственным биографам!)

Или мы учим большевизму, ленинизму полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории пролетарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, что для того, чтобы стать таковой, ее нужно немножко подправить троцкизмом, он должен сказать открыто, ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть антиреволюционное в учении большевизма о революции, — нельзя сочинения Ленина до весны 1917 года делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо по крайней мере сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до 17 года, а по Троцкому, начиная с 1905 года.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали перед ним с февраля по октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав — партия, которая говорит: ленинизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы идти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказался не ленинизмом, а троцкизмом, теория последнего оправдалась целиком, Октябрь шел, Октябрь объясним и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина; теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам октябрьскую победу.

Вот после этого я и спрашиваю себя, — что же значит фраза: «Я шел к Ленину с боями»? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого «целиком оправдалась» в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему «антиреволюционные черты», то надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен тонкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать облагодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал кое-какие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию большевиков остро отточенным оружием подлинно-революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что антиреволюционные черты искони присущи большевизму — ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика большевиков и Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собой в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих «Уроках Октября» Троцкий и делает эту «уступку» партии. «Свои действительные и большие организационные ошибки я признал», — пишет он для того, чтобы затем, прикрывшись этой фразой, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области *основных*, не организационных, а принципиально-политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной стороны, и троцкизмом — с другой стороны? Это — пустяки, отвод глаз. Опор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос — «перманентная революция» или теория тов. Ленина — это вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и ус-

ловиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это не спор об абстрактных формулах. Это спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и *удержать* власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. «Теория перманентной революции», теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях. Вот основа спора, и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих «Уроки Октября», можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого, — она вся целиком выражена в следующих его словах: «Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап», и дальше следует литературное описание, смысл которого: «лишь как этап» к формуле Троцкого. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина, «как показало все дальнейшее развитие», могла иметь значение лишь как этап к Троцкому. И тов. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, «как показало все дальнейшее развитие».

Это — идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обладает. А искусство у него большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, она написана для молодого, подрастающего поколения, для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год-два определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию,

и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д., — вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги «1917». Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции — Троцкого. Тут надо выбирать. Тут кокетничанием, умалчиванием, фразами, что «мартовская революция ликвидировала разногласия» и «я пришел к Ленину с боями», ничего не поделаешь.

В этой книге («1917») ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их... *Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина.* Ведь вопрос о судьбах большевиков можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, вовремя не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места: формула правильная, лозунг правильный, а такие-то большевики плохо ее осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так: если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясины. Формула неправильная, а люди-то логически правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это — оправдание большевистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясины, — после всего, что мы уже знаем от Троцкого относительно антиреволюционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что «подтвердилась целиком» теория Троцкого, а не Ленина, — во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина. Вот на чем построены эти «Уроки Октября». Они представляют лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого 1908 г. и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. «Уроки Октября» имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это — разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше — там есть то, что ошибками Каменева

и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух. Или в ленинизме есть «антиреволюционные черты» и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь, — и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма, по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы. Или это — ложь, идейная путаница. Тогда почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма? Под прикрытием восхвалений Ленина, восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень «странный» — чтобы не сказать лицемерный — характер? Партия должна защитить основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает ту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его изображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов рабочих депутатов 1905 г., что эта теория потерпела крах весной 1917 года, что большевизм должен был перевооружиться, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что по существу дела он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому. Так представляет дело тов. Троцкий; с этой мыслью он входил в партию и с ней оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого?

Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьянства нужно было отбросить как явно обойденную жизнью? Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так, — и так, и только так, понимал его Ленин, — что большевистская идея «революцион-

но-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» осуществилась целиком в русской революции и, осуществившись, начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел параллельно изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т. е. к весне 17-го года, и к тем программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней — «Письма о тактике», в которых он комментирует, объясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно ли он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции»... Совет р. и р. деп. — вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»*. «Советы депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства». «Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство» (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и несоответствующей ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, созданных движением подлинных масс пролетариата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный — и, конечно, правильный — вывод: раз наша теория осуществлена, нужно идти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства объединять и спла-

* Ленин В. И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 133–134.

чивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелкобуржуазных. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше, — говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и несоответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, осуществилась «своеобразно, как и всякая теория, — добавляет Ленин, — но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше». А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит — на почве этой диктатуры собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше — к диктатуре пролетариата, к чисто социалистическому перевороту. Вот каково представление Ленина о том, соответствует или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин, подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал, что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту — вещь очень сложная, к которой надо идти, но идти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддерживалась крестьянством. Поэтому Ленин все время примеряет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то «своеобразие» осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде «оборончества» доверие к буржуазному правительству. Излагая взгляды споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет:

«Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти — буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой не может прийти к власти, “завершая” буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю — это вполне возможно... Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть...» Когда крестьянство перестанет через

эс-эровско-меньшевистские советы поддерживать правительство, «когда, — продолжает Ленин, — крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо».

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом: «без царя, а правительство рабочее»²⁰ все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры пролетариата не в Англии, не в Америке, не в Германии, а в аграрной капиталистически-отсталой стране.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его. Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле 17 года вводила в свои расчеты и такую возможность как «новый этап буржуазно-демократической революции» в результате разрыва крестьянства с временным правительством и эс-эрами.

«Неизвестно, — писал он, — может ли теперь быть еще в России особая “рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства”, оторванная от буржуазного правительства». И действительно, в апреле неизвестно было, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эс-эровские и меньшевистские советы, выступит, не доходя до диктатуры пролетариата, — но уже против временного правительства. Ильич как реальный политик и вождь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной страны, строил тактику на оба случая: «и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии, “диктатуру пролетариата и крестьянства”, и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между ней и нами»*.

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции; к революционно-демократической диктатуре про-

* Ленин В. И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 141.

летариата и крестьянства, как он представлял себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата и крестьянства, к социалистической революции. Для Ленина перерастание рев.-дем. диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т. е. не был бы практическим руководителем миллионных масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому, ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариат и крестьянство. В своем чистом виде линия Троцкого — это игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется к пролетариату, и, наконец, последний этап — когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьянство за собой, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого — грамота за семью печатями, совершенно недоступная с точки зрения его теории, которую он теперь — задним числом — пытается навязать и партии, и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции значит принести великий вред и революции и партии. Но он очень хорошо знал также, что «недооценка крестьянства», лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для революции и для партии. Поэтому-то именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев.-дем. диктатуры *вперед*, он в то же время старательно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

Нужно идти вперед, — говорил Ленин весной 1917 года, когда он будто бы «перевооружал большевизм», — но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием, как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране.

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: «Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание “перепрыгнуть” через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал “без царя, а правительство рабочее”, эта опасность мне бы грозила, но я сказал не это, — пишет и подчеркивает Ленин, — я сказал иное...»

«Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от великой игры в “захват власти” рабочим правительством»... И продолжая якобы «первооружаться», на петербургской конференции в те же дни Ленин не забывает предостеречь: «Троцкизм — “без царя, а правительство рабочее”. Это неверно. Мелкая буржуазия (т. е. крестьянство. — Л. К.) есть, ее выкинуть нельзя».

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар «первооружения» по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? «Основная ошибка т. Троцкого... — отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической», — писал Ленин в 1910 г.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. Эту задачу правильно решает Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось: его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что, если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (писано в октябре 1916 года, в канун революции). И после этого у Троцкого хватает

смелости сказать, что его теория «целиком оправдалась» в 1917 г., и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестоко полемизировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через неизжившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком, по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было идти дальше. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру, и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он якобы «перевооружается», напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 года, выдвигая лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», он писал следующее (Ленин цитирует свою статью): «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба, наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Зачем же Ленину и большевизму было перевооружаться и учиться у Троцкого, у «перманентной революции», если за 12 лет до 17 года Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо будет идти вперед, к диктатуре пролетариата, но идти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 году.

Это было не «переворужение», не отсекание «антиреволюционных черт», не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма *разворачивание* большевистского лозунга, разворачивание, сформированное во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны — крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как того требовал ход революции, бешено ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто смотрит на историю большевизма как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из того факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начертанному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясины, что его надо было в ходе революции изменить. А ведь это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об антиреволюционных чертах большевизма, о его переворужении, о том, что правильной оказалась не ленинская «рев.-дем. диктатура», а троцкистская «перманентная революция».

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из-под ига меньшевиков и эс-эров, которые тащили его к буржуазии, и на случай, если крестьянство окажется не в состоянии вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от февраля до октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянство увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, «целиком оправдалась». Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это означало бы, что никакой советской власти в России уже давно не существовало бы.

Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория «перманентной революции» ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, «став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями»; перед его властью будут стоять объективные социалистические задачи: «разрешение их столкнется с хозяйственной отсталостью страны: в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет»*. При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для «перманентщиков» неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властью рукою — в порядке военного приказа — расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с февраля по октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понять смену лозунгов в истории большевистского движения от февраля до октября. «Власть советов», когда в советах было большинство меньшевиков и эс-эров, а мы в меньшинстве, снятие лозунга «власть советов», как предлагал Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в советах в сентябре... Конечно, мы никогда не поймем этого, если не поймем, что политика ленинизма глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

А в момент Октября и непосредственно после Октября? Разве с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции принятие — по предложению Ленина — 2-м съездом советов эс-эровского декрета о земле, разве включение — по предложению Ленина в состав советского правительства левых эс-эров, разве наименование — по предложению Ленина — правительства, созданного Октябрьской революцией, «рабоче-крестьянским правительством», разве все это не было, — выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую, — «переживанием» «диктатуры пролетариата и крестьян-

* Троцкий Л. Д. 1905 г. С. 286.

ства» в системе, сущность которой уже состояла в «диктатуре пролетариата»? Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики. А переход от военного коммунизма к нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о «среднем крестьянине»? Как это увязывается с вполне «оправдавшейся» теорией перманентной революции? Никак не увязывается.

Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем — объяснение всех различных методов и подходов и переходов от одного метода борьбы к другому, начиная с февраля до октября и далее.

В 1916 году Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого; теперь мы можем прибавить к этим десяти годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнему претендовать на поправку ленинизма троцкизмом?

Так как жизнь шла мимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те моменты, когда она вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому понадобилось извращать факты; вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее крутом ее повороте, всякий раз, когда он хотел сказать «свое» слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза «я пришел к Ленину с боями» есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что нрав-то был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить; не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую, коллективную, массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы

парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль «отроцкистить большевизм». Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача — «обольшевичить Троцкого». Удалась ли она?

3

Троцкий в партии. Наша ошибка. Октябрь по Троцкому

Рассмотрев «надежный» и «прочный» путь тов. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию т. Троцкого в партии. В этой его деятельности мы должны отличать две струи. Первая, — когда тов. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он, наряду с другими, опираясь на весь коллективный политический опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда т. Троцкий делал славные дела, тогда он, наряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм, — рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий — не большевик.

Четыре попытки тов. Троцкого поправить партию

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой, троцкистский, уклон. В первый раз это случилось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брестского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию, исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против тов. Троцкого, то легко

убедиться, что тов. Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимании соотношения между пролетариатом и крестьянством и увлечении якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах тов. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому, что недооценка крестьянства и увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами тов. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 года, другой после 1917 года. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому тов. Троцкий в партии систематически повторяет *тип* своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII съезде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же съезде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому «поправить» партию. Наступила Гражданская война, эпоха военного коммунизма. Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо.

Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения в более широком размере, взамен методов принуждения, методов убеждения. Именно на этом пути искала — и нашла — партия под руководством тов. Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху.

В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами «подтягивания» и «администрирования сверху». Лишенный воз-

возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, тов. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые, диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, запнувшись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя «поправить».

Ну, а дальнейшие — еще при жизни Владимира Ильича — попытки тов. Троцкого поставить вопрос о «плане» — в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его «формулы» о «диктатуре промышленности», разве это не были опять-таки попытки увязать мелкобуржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки *обойти* реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого нетрудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны — отчаяние, пессимизм, неверие, и с другой стороны — преувеличенные надежды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодоления сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно продемонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью — сверх уже ранее продемонстрированных ошибок — еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это — попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование «кадров», и возрожденное меньшевистское представление о партии как о сумме «групп и течений», и ликвидаторский, по сути дела, подрыв авторитета руководящих учреждений («ведут страну к гибели!»). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большей свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению диктатуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых

мы — в крестьянской стране — должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелкобуржуазный уклон?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутривнутрипартийной позиции тов. Троцкого. Когда партия здорова, когда все идет хорошо, тов. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натывается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и учителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам тов. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому — значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, сказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что «целиком оправдалась» его, а не ленинская, оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию «подправить».

Наша ошибка

У тов. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Этот козырь — ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 года. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, известен самому тов. Троцкому столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому, пути путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки — Брест, профсоюзы, дискуссии о плане и последняя дискуссия — показали ему, что большевистскую партию свернуть

с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII съезде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том, чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка большевика, — а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней, — и чем более ответственные большевики ее сделали, — а сделали ее очень ответственные большевики, — тем, конечно, соблазнительнее для каждого противника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней «поправило» колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно «использовали» против большевизма все, кто уходил от коммунизма: Леви, Фроссар, Балабанова. Ни один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь, после Леви и Фроссара, — тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его соратники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую, решающую минуту не останавливался ни перед одним самым «свирепым» словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент остановился на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержаться от предложения самых крайних, до конца идущих мер. А мы не были бы «ленинцами» и учениками тов. Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекали из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения, и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную харак-

теристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева приккрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены». Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: «Они²¹ проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части “меньшевиков” и “социалистов-революционеров”. Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной, и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большое через несколько месяцев все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»*.

* Ленин В. И. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 417. Я не могу здесь останавливаться на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращении моей роли в них, сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом в печати сборнике моих статей и речей за 1917 год. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановления ЦК, на страницах «Правды» дискутирую с Лениным: дискуссия продолжается на заседаниях петроградской и всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же — после дискуссии — ставит, поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого-либо несчастья с ним, отредактировать и издать незаконченную его рукопись: Государство и Революция» (для чего вряд ли годится представитель «правого крыла»). 10-го октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, я и Зиновьев выбираемся — вместе с Лениным, Сталиным и др. — в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо. 16 октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24 октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания. 25 и 26 октября я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на 2-м Съезде Советов, объявляю Советскую власть. 27-го октября опять-таки согласно постановления ЦК — избираюсь председателем ВЦИК. 2-го и 3-го ноября по поручению ЦК веду переговоры от имени ЦК

Вот точное, ясное, четкое, Лениным данное определение пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую — и смешную по своему злопыхательству — попытку Троцкого создать из этого «правое», чуть ли не меньшевистское «крыло» в нашей большевистской партии? Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об «антиреволюционных чертах» ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма — создать *внутри большевизма* «правое крыло» с чуть ли не меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо увязывалось с «первооружением» большевизма! Как бы это хорошо доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев — троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о «перерождении кадров»! Как же ради этих «достойных» целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба тов. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен «преодолевать» *Ленина, ленинизм и ленинцев.*

Троцкий еще раз о себе и о Ленине

Одни ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не одни мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги т. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, тов. Троцкий целит дальше, или чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение: он попадает дальше. Как описывает Октябрь Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих «Уроков» Троцкий пишет: «Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Тут много, вероятно, участников октябрьских собы-

с представителями других партий. 1-го ноября — в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров — я, вместе с Зиновьевым, Рыковым, Ногиным и др., выхожу из ЦК. 7-го ноября передаю председательствование во ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18-го ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации для переговоров о мире с Германией. Таковы факты.

тий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25-го октября 1917 г., что восстание 25-го октября носило «только дополнительный характер». К чему? Оно, оказывается, носит «дополнительный» характер к событиям, которые разыгрались 9-го октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: «события 9-го октября», то многие себя спросят: какое же такое событие было 9-го октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением? 9-го октября — об этом напечатано в книге Троцкого — по предложению тов. Троцкого в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов не может брать перед армией никакой ответственности за такого рода стратегию Временного правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда».

Конечно, это важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший идти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет «искусством восстания», установление связи между Советом и петроградским гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент 9-го октября описывает и оценивает Троцкий: «С этого момента (9-го октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25-го октября был уже на три четверти предопределен в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели *здесь* “тихое”, почти “легальное” вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание»*.

Оказывается, 25 октября действительно является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло 9-го октября, когда «мы имели» не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания, причем восстания «тихого» и почти «легального», но зато — победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9-го октября на $\frac{9}{10}$ «победоносное восстание» было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10-го октября в горячих спорах решал, идти ли на восстание,

* Троцкий Л. Д. 1917 год. М.; Л., 1924. С. 59–60.

или нет, и если идти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16-го октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной организации и еще и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания? Да ведь, оказывается, оно было устроено еще 9-го октября «тихо» и «легально». И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда: что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет как живых действительных сил, как коллективных организаторов массового движения? А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал, — об этом никто ничего не узнает из «Уроков Октября». Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную Организацию. Ну, а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой же странице так: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом...» и т. д.*

Видите, какие мы с вами невежды насчет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно Ленин вел Октябрьскую революцию, а организовали ее ЦК, ПК. Военная организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть. Троцкий, проводя резолюцию 9-го октября, действовал по директивам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из «Уроков» Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который «легально» и «тихо» решает победоносное восстание 9-го числа, в то время как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подполье, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин, — сообщает Троцкий, — давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: «Если бы восстание началось (по совету Ленина. — Л. К.)

* Троцкий Л. Д. 1917 год.

в Москве до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде»*.

Пока Ленин подает подобного рода «советы», Троцкий, имея уже у себя в кармане «тихое», но «победоносное восстание», производит «широкий обволакивающий маневр»: «нам удалось, — пишет он с торжеством, — завлечь в ловушку советской легальности наших врагов...» «Наша “хитрость” удалась на сто процентов...» «Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы»... Троцким.

Правда, Ленин, имея в виду именно это увлечение тов. Троцкого «широким обволакивающим маневром» и рассчитывая гораздо больше на рабочих, матросов и солдат, чем на «хитрость» тов. Троцкого, писал тогда: «Медлить — преступление, ждать съезда советов — ребяческая игра в формальность, предательство революции». Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина. «Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией — это одно, — поучает Троцкий Ленина, — а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда советов — это совсем другое».

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подполье, не оценивает обстановки, не учитывает того, что $\frac{9}{10}$ восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, нервничает, ведет дело под явно нелепым простецким «голым лозунгом захвата власти партией» (в чем, впрочем, исстари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий), — а с другой стороны, Троцкий уже 9 октября устраивает «победоносное восстание», твердо, но выдержанно проводит «широкий обволакивающий маневр», «завлекает врагов в ловушку», «подготавливает и потом осуществляет» победу под понятным широким массам лозунгом «защиты прав съезда советов». Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция? — Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в трясине, ПК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой

* Троцкий Л. Д. 1917 год. С. 60.

связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин в это время сидит в подполье, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипит, что оттягивается уже совершенное собственно восстание, и сбивается в сторону голого «захвата власти партией».

О чем же говорят эти «Уроки Октября»? О том, что *весною* Ленин должен был перевооружиться идейно, отбросить старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в *октябре* неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября, или же какой-то другой? истории ли Троцкого, или же той, которая имеется в сочинениях тов. Ленина?

Я уже сказал в начале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с апрельской конференцией, об извращении событий в связи с демократическим совещанием, но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что — опытный политик и литератор — тов. Троцкий действительно попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об Учредительном собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное собрание. Учредительное собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

Это мы писали 11 октября. Троцкий комментирует так: «Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория “комбинированной” государственности, сочетающей Учредительное собрание с Советами, была 1½–2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также борющимся против захвата власти пролетариатом»*.

Ну что может быть убедительнее? Мы писали о «комбинированном типе Учредительного собрания и Советов», — а через полтора

* Троцкий Л. Д. 1917 год. С. 37.

года Гильфердинг повторяет это, — и вот тов. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и «также борются против захвата власти пролетариатом». Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11 октября; я беру статью Ленина, написанную 6 октября, т. е. за 5 дней до нашего письма. Вот что пишет Ленин: «Возможны, при переходе от старого к новому, временные “скомбинированные типы” (как справедливо указал “Рабочий путь” на днях), например, и Республика Советов и Учредительное собрание»*.

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге — это не выйдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге — авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий, — чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить, — поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует, — его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 года говорили: «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас, одни придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет»**. Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но что делает тов. Троцкий? «Мы видим здесь, — говорит он, — основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира». Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию и под железным давлением Ленина и против Троцкого, оказывается, «основные доводы» были даны нами, «правыми», «гильфердинговцами».

* Ленин В. И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 375. Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым.

** Троцкий Л. Д. 1917 год. С. 38.

Так излагается история Брест-Литовского мира. Но это попадает не только в нас, но и в Ленина. Можно ли после этого удивляться, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они сотрудником или соперником Ленина.

Ленинизм против троцкизма

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибегнул к своему последнему отравленному оружию.

Мы — партия монополярная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного, но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промышленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелкобуржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через саму нашу партию. И конечно, при этом нажмем мелкобуржуазной стихии на нашу партию она ищет в ней самого слабого звена, а самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили, как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколюбю, по своему консерватизму, по традициям, потому, что во главе ее стоит тот или другой кружок, — не хочет учиться у настоящих спасителей партии, вроде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся партия скажет это с горечью, но это надо сказать: тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывают, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это

и делает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное, *этого он не хочет*), но он для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения сплетен, а с точки зрения действительного анализа классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, который вошел в партию, не отказавшись от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку; и неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина, — становится мало-помалу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются «вполне достоверные» сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно, все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не подымает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы разъяснению, а, наоборот, затруднили бы разъяснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истинных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное. Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно — нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода разъяснений о неправильности позиции тов. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя

сочетать того и другого, — это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни подправлять троцкизмом.

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ

Большевизм или троцкизм?

<Фрагменты>

1

*Октябрьские разногласия и моя тогдашняя ошибка.
Кое-что о Бресте и о первом съезде партии после Октября*

Подменить ленинизм троцкизмом — такова задача, которую поставил себе тов. Троцкий. К этому он начал «подговариваться» уже в конце 1922 г. в его предисловии к «1905 году» (см. об этом подробнее в докладе тов. Каменева). Пока т. Ленин держал перо в руках, тов. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь тов. Троцкий, по-видимому, решил, что «настал момент». Раньше чем нанести «решающий» удар по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма, в частности на октябрьскую ошибку пишущего эти строки.

<...>

2

О ревизии ленинизма под флагом... Ленина

Последнее выступление тов. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, как уже довольно открытая попытка ревизии — или даже прямой ликвидации — основ ленинизма. Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу. «Новое» в этой политике заключается в том, что из «стратегических» соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина. Нечто подобное мы видели в начале кампании Бернштейна и бернштейнианцев, когда они приступили к «ревизии» основ марксизма. Идеи Маркса были уже настолько общепризнаны в международном рабочем движении, что даже ревизию

их приходилось, по крайней мере вначале, проделывать именем Маркса. Понадобилось четверть века, пока господа ревизионисты смогли окончательно сбросить маску и открыто признать, что и в теоретической области они начисто отрекаются от Маркса. С особенно полной откровенностью это сделано в литературе только в 1924 году — в недавно вышедшем сборнике, посвященном 70-летию Каутского.

Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении — и в особенности в нашей стране, что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому же приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина» — с ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «и как божиться-то не лень?»). Однако эта «стратегия» не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и несколько недель, и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой знаменательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть *покушение с негодными средствами*. Никому не удастся ни ликвидировать основ ленинизма, ни произвести даже частичную ревизию принципов ленинизма, ни даже добиться того, чтобы троцкизм признан был «законным оттенком» внутри ленинизма. Никому не удастся убедить партию в том, что нам нужен теперь некий «синтез» между ленинизмом и троцкизмом. Троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда.

Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империалистских войн и мировой революции, *непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство*. Ленин был *пролетарским* революционером с головы до ног. Но он в то же время знал, что непосредственно действовать ему приходится в стране, где преобладает крестьянство и где поэтому пролетариат может победить только при правильном отношении рабочего класса к крестьянству. Выдвинув перед революцией 1905 года великий лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Ленин не только ни на секунду не переставал быть *пролетарским* революционером, не только не делал усту-

пок буржуазной демократии (меньшевики и тов. Троцкий в том числе, как известно, в это время обвиняли тов. Ленина в том, что, назвав себя марксистом, Ленин на деле является будто бы идеологом буржуазной демократии), но был единственным, кто не на словах, а на деле прокладывает уже тогда дорогу *социалистической* революции в обстановке, когда буржуазная демократия была еще силой, способной расшатывать царское самодержавие. Ленин уже тогда чувствовал себя признанным вождем *пролетарской* революции и действительно был им. Он знал и верил, что большевистская партия, т. е. подлинный авангард пролетариата, поможет рабочему классу прорваться как можно дальше по пути к осуществлению *своих* классовых целей, т. е. по пути к победе *пролетарской* революции. Он знал, что при каждой ситуации он и его партия сделают все, что только возможно, для того, чтобы взять от этой ситуации как можно больше для *конечной цели* пролетарского движения. Он понимал соотношение между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями так, что «первая перерастает во вторую, вторая мимоходом решает вопросы первой, вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, *насколько* удастся второй перерасти первую»*.

И зная это, Ленин с гениальным мастерством маневрировал в трех революциях — все время во главе рабочего класса, все время конкретизируя свою тактику так, чтобы до дна использовать в интересах *своего* класса *любую* историческую ситуацию.

Ленин 10 января (1905 г.) — «не тот», каким он был 8 января, ибо 9 января произошло знаменитое выступление петербургских рабочих, ибо 9 января революционное движение рабочих поднялось на новую ступень. «Нашего полку прибыло», мой класс стал сильнее, и, стало быть, размах партии соответственно тоже должен стать больше. Ленин 24 октября 1917 года — «не тот», каким он становится 26 октября 1917. «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати» — так пишет Ленин за несколько дней до Октябрьского восстания (в статье «К пересмотру партийной программы»). «Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже (я лично склонен думать, что завтра, — пишу это 6 октября

* Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

1917 г., — и что можем опоздать со взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили»*. Поэтому тов. Ленин отстаивал тогда, между прочим, необходимость сохранения программы-минимум.

На завтра *после* победы Октябрьского восстания гениальный полководец рабочего класса «не тот» (или не совсем тот), каким он был еще за один день *до* этой победы. Мой класс стал сильнее, враги моего класса стали слабее, ресурсы рабочей революции увеличивались, — стало быть, больше нажим, смелей вперед! Таков подлинный Ленин. Как великая река катит свои волны и в строгом смысле слова через одну минуту не бывает вполне той же, какой она была минуту тому назад, в то же время *оставаясь* великой рекой, так и Ленин, оставаясь великим вождем пролетарской революции, велик, прежде всего, именно тем, что он видит *конкретную* дорогу пролетарской революции. Он знает, что это — не гладкая садовая дорожка, посыпанная гравием, по которой легко ходить. Он знает, что это — очень тяжелая и совсем не гладкая дорога, по которой надо повести не группочку интеллигентов, умеющую образовать вместе с Мартовым «нефракционную» фракцию, а — миллионы рабочих, за которыми, если мы хотим победить, непременно должны следовать в нашей стране десятки миллионов крестьян.

Формулы Ленина, его лозунги *живут*, они насквозь пропитаны «запахом» жизни, борьбы масс. Размах их растет вместе с ростом движения миллионов.

Это не абстрактная линия в безвоздушном пространстве, как у Троцкого, у которого эта абстрактная, мнимолевая, «перманентная» линия на практике сочетается с весьма неабстрактным союзом с меньшевиками.

От великого лозунга «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (1905–1917), через «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства» (1917), к фактической *диктатуре пролетариата*, осуществляемой на основе «смычки с крестьянством» — таков путь ленинизма.

От меньшевизма аксельродовского типа (1903–1905), через «перманентную» (1905–1907) разновидность меньшевизма, к пол-

* Ленин В. И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 147.

ному отказу от революции и замене ее меньшевистской «свободой коалиции» (1909–1914), к половинчатой (блок с Чхеидзе и борьба против Циммервальдской левой) политике во время войны (1914–1917) — вот путь старого троцкизма.

Если взять *литературную* историю большевизма, то можно сказать, что в основном она исчерпывается (или по крайней мере характеризуется) следующими сочинениями тов. Ленина: от «Друзей народа» *плюс* «Развитие капитализма» — через «Что делать?» *плюс* «Две тактики» — к «Государству и революции» *плюс* «Ренегат Каутский» — вот главные литературные вехи ленинизма. Вдумаемся в то, что означают эти вехи. «Друзья народа» *плюс* «Развитие капитализма», это — гениальное проникновение в теорию марксизма *плюс* конкретнейшее, глубочайшее изучение экономики и социальной структуры той страны, где собирается начать действовать большевизм. «Что делать?» *плюс* «Две тактики», это — несравненная критика социал-демократического оппортунизма, непревзойденное по мастерству обоснование роли рабочей партии в революции *плюс* обоснование тактики пролетариата в *крестьянской стране* накануне буржуазно-демократической революции, которую надо стараться провести так, чтобы она как можно скорее начинала «перерастать» во вторую революцию — *революцию социалистическую*. «Государство и революция» *плюс* «Ренегат Каутский», это — перенесение ленинизма на *мировую арену*, это (вместе с книгой «Империализм как новейший этап капитализма») — глубочайший анализ новейшего империализма и обоснование тактики уже начинающейся *социалистической революции*, «перерастающей» первую, т. е. буржуазно-демократическую революцию.

Сравните все это с троцкизмом.

Если Ленин — классический тип пролетарского революционера, то Троцкий — «классический» тип *интеллигентского* революционера. (Мы сравниваем здесь, разумеется, не лиц, а представителей двух политических направлений.) Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет *иногда* слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой подъем), но то, что составляет сердцевину его политической деятельности, есть именно интеллигентская революционность. Это — герой революции, написанной по Суханову — не даром этот «сладенький» интеллигент «лево»-меньшевистского толка в своей многотомной

«Истории» сорокаведерными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма*.

Вот сжатая политическая биография троцкизма, принадлежащая авторитетному перу тов. Ленина.

«Он (Троцкий) был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с *кадетами* (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года, на Лондонском съезде, говорил, что его различие от Розы Люксембург есть скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений. Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций». Так писал тов. Ленин в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России»**.

Прибавим к этому еще пару характеристик, сделанных самим тов. Лениным.

«Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении». Так писал тов. Ленин в статье «Идейная борьба в рабочем движении» (см. газ. «Путь Правды», от 4-го мая 1914 года).

«Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся». Так писал тов. Ленин в статье, помещенной в журнале «Просвещение» №№ 4, 5, 6 за 1914 г.

«Каковы бы ни были субъективно “благие” намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают

* Отзыв В. И. [Ленина] об «Истории» Суханова крайне важен и должен получить немалое значение при оценке нынешних наших споров с тов. Троцким, который в целом ряде вопросов просто-напросто повторяет Суханова, пишет историю «по Суханову».

** Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 375.

русский социал-империализм». Так писал тов. Ленин в сборнике «Социал-демократ», № 1, в октябре 1916 года.

Если прибавить к этому, что в течение всей империалистской войны (1914–1917 гг.) тов. Ленин систематически относил тов. Троцкого к числу каутскианцев (см., например, брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война»); если припомнить, что уже на апрельской конференции 1917 года, как и в письмах о тактике, писанных в апреле 1917 года, тов. Ленин и после февральской революции решительно выступает против основных идей троцкизма, — то мы получим сжатое представление о том, как оценивал троцкизм до самого 1917 года тов. Ленин.

Мы говорили выше о *литературных вехах*, определяющих путь развития большевизма. Сопоставьте с ними литературные вехи, определяющие путь развития троцкизма. Это будут следующие книги т. Троцкого: «Наши политические задачи» (1904 г.), «Наша революция» (1905–1906 год) (кстати сказать, среди германской социал-демократии, тогда уже достаточно прогнившей, работы тов. Троцкого имели очень большой успех), затем сотрудничество в ликвидаторском журнале «Наша заря», затем светлый промежуток — книга о Каутском (1919 г.), затем «Новый курс» и «Уроки Октября» (1923–1924 гг.). Попятная эволюция тов. Троцкого в этих двух последних работах — как на ладони.

Что такое была книжка «Наши политические задачи»? Эта книжка, вышедшая с посвящением меньшевистскому патриарху П. Б. Аксельроду, была самой вульгарной меньшевистской книжонкой, какую только знает история меньшевистской литературы. Танцую якобы от «классовой» печки (мы знаем, что у меньшевиков была система: подготавливая на деле политический союз с либеральной буржуазией, меньшевики любили обвинять большевиков в недостаточной выдержанности классовой точки зрения), тов. Троцкий в этой книжке приходил к выводам *либеральной* рабочей политики.

А что такое была «Наша революция», самая «левая» из книг троцкизма первой эпохи? В этой книге (см. также «1905 г.»), нашла себе обоснование пресловутая теория перманентной революции, которую теперь тов. Троцкий хочет навязать большевизму. Эту «теорию» тов. Ленин и все большевики вместе с ним всегда рассматривали как *разновидность меньшевизма*. Совершенно непонятно, почему через 15 лет разновидность меньшевизма должна

быть объявлена составной частью ленинизма или даже подлинным ленинизмом, или теорией, исправляющей «ошибки» ленинизма. Не все помнят, что в этой «левой» книге, в которой т. Троцкий якобы защищал «рабочую» революцию против большевистской идеи «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Троцкий писал:

... «Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. *Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержать свою власть и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру* (курсив Троцкого). В этом нельзя сомневаться ни на минуту»*.

Что значит «государственная поддержка европейского пролетариата»? Чтобы иметь возможность оказать «государственную поддержку» русской революции, европейскому пролетариату надо было сначала... *завоевать власть в Европе*. Но ведь об этом, конечно, не могло быть и речи в 1905 г. и вообще до войны 1914–18 гг. А Троцкий «перманентную» революцию проповедовал именно в 1905 г.

Что же из этого вытекает? Да то, что Троцкий либо серьезно сам не верил ни в какую перманентную революцию в 1906 г. и говорил все это для красоты слога, либо что он проповедовал в 1906 году «перманентную» революцию лишь с «условием», чтобы европейский пролетариат оказал нам «государственную поддержку», т. е. Троцкий «откладывал» рабочую революцию в России до победы пролетарской революции в Европе. В этом последнем случае Троцкий выступает представителем самой шаблонной социал-демократической точки зрения: сначала пусть революцию сделают «они», а потом уж «мы» сделаем «сразу» рабочую революцию. Фактический блок Троцкого с меньшевиками в это именно время (вспомним слова Ленина: «вернулся к меньшевикам в 1905 г.») подтверждает именно вторую альтернативу.

Троцкий в те времена много писал о том, что победоносная русская революция возможна только как часть победоносной

* Троцкий Л. Д. *Наша революция*. СПб., 1906. С. 77–78.

международной революции, ибо западноевропейский капитал поддерживает-де царизм займами и т. п. Зерно истины здесь было, поскольку Троцкий повторял лишь то, что говорили большевики. Но Троцкий, по обыкновению, слишком механично понял эту связь русской революции с международной, слишком схематизировал эту связь, слишком абстрактно ставил вопрос. И это именно приводило его к словесно-«левой», но совершенно абстрактной линии в безвоздушном пространстве, сочетаемой на деле с поддержкой меньшевиков.

О «государственной поддержке» со стороны европейского пролетариата в 1905 г. не могло быть и речи. Этой государственной поддержки у нас нет еще, к сожалению, и в 1924 г. На 8-й год пролетарской диктатуры в нашей стране мы получаем еще из Англии, напр., не «государственную поддержку» со стороны английского пролетариата, а... ноту Болдуина и Чемберлена. «Левая» на словах теория тов. Троцкого так легко мирилась с поддержкой *на практике* в течение 15 лет самого махрового меньшевизма именно потому, что эта теория была «левой» лишь на словах. Ларчик открывается очень просто.

Конкретного пути революции в нашей стране тов. Троцкий не понимал. Действительного значения крестьянства в нашей революции он не понимает и теперь. Если нужны были еще доказательства, то тов. Троцкий дал их именно в своей последней работе «Уроки Октября». Мы просим читателей вдуматься в следующую выдержку из «Уроков Октября».

«Именно незрелость революции при совершенно своеобразных условиях, созданных войной, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. *Но это вовсе не значит, что русская революция могла идти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 года. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война* (курсив наш). Благодаря войне, крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организовать под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской армии. Весом этой

многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне»*.

Разве это не «перл», — как любил говаривать В. И.? У тов. Ленина, когда он говорит о коренном вопросе революции, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, всегда целые страницы просятся в хрестоматию ленинизма. У Троцкого — совсем «наоборот». Вдумайтесь в эти слова Троцкого. Разве не просится эта страничка троцкистской прозы в хрестоматию как образец того, что *не есть* большевизм?

Путь от февраля по октябрь 1917 г. вытекал, видите ли, «не только из классовых отношений, но и из тех временных (!) условий, какие создала война». Что сей сон значит? Выходит, что война не вытекала из классовых отношений! Выходит, что война, видите ли, была вообще нечто наносное! Этаким «случайно случившийся случай». Ну, а русско-японская война, из которой вырос 1905 год — генеральная репетиция 1917 г., — не была ли и она случайной, не создала ли и она «временных условий»? Какова глубина мысли! *Если бы* не было империалистской войны, — а ленинизм ведь учит, что империалистская война родилась с неизбежностью из всей обстановки империализма «как новейшего этапа капитализма» (Ленин), т. е. стало быть, и хода классовой борьбы; *если бы* Россия не была крестьянской страной, а стало быть, и ее десятиmillionная армия не была бы крестьянской армией; *если бы* эта крестьянская армия не была возмущена империалистской войной, которую буржуазия не могла не повести; *если бы* удельный вес стомиллионного крестьянства не давил на весь ход общественно-политической жизни страны, — то... то тогда развитие революции пошло бы по Троцкому, и изумленное человечество увидело бы апофеоз троцкизма!

Вся эта философия может быть коротко, но вразумительно выражена известной русской поговоркой: *«ежели бы да кабы»*...

Ежели бы Россия не была крестьянской страной, *да кабы* русский царизм не был составной частью европейского империализма; *ежели бы* для войны не нужно было армий, *да кабы* эти армии

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. XVIII-XIX.

не возмущались империалистской войной; *ежели бы* русский рабочий класс действовал в какой-то другой России, а не в стране с преобладанием крестьянского населения, тогда... тогда троцкизм оказался бы прав против ленинизма.

Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что «ежели бы да кабы» не было империалистской войны со всеми неизбежно вытекающими из нее последствиями, то, может быть, не было бы и революции 1917 г. и не было бы такой сравнительно легкой победы ее в начале. Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что именно развитие революции от февраля до октября 1917 г. «мимоходом» подтвердило ту и без того уже азбучную истину, что весь троцкизм с его теорией «перманентной революции» был не чем иным, как надуманной интеллигентской схемой, которая на деле шла на потребу меньшевизму. Послушаем еще раз тов. Ленина:

«Отсюда их (меньшевиков) чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая “Общ. движение”), что... «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) *противоречит* «всему ходу хозяйственного развития»... У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи (1905–1909) *выступит*, обязательно выступит, «обще-демократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, *на деле* приводящей к меньшевизму». Так писал тов. Ленин в декабре 1909 года*.

А тов. Троцкий не понимает даже в 1924 году, что роль «мужичка» в таком «кризисе», как 1917 год, была *не* случайной, *не* стоящей в стороне от хода классовой борьбы.

Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что ход великой революции между февралем и октябрём 1917 года блестяще подтвердил именно ленинизм, между прочим и в той части, где Ленин со свойственной ему теоретической беспощадностью расправлялся и с троцкистской разновидностью меньшевизма.

Сотрудник тов. Троцкого и «редактор» его тома «1917», тов. Ленцпер, делая самое серьезное лицо, утверждает, что уже в статьях, написанных тов. Троцким в начале марта 1917 года в Америке (где застала февральская революция тов. Троцкого), в газете «Новый мир», «предвосхищена» постановка вопроса

* Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 228–232.

тов. Лениным в его знаменитых «Письмах издалека». На самом деле, эти статейки (кстати сказать, написанные тов. Троцким тогда, когда еще не обсохли чернила на его статьях против Циммервальдской левой) были зауряд-статьейками агитационного порядка.

«Эй, вы, там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции!»* Эта выдержка из упомянутых статей дает довольно хорошее представление обо всех этих статьях, якобы «предвосхитивших» Ленина. Тов. Троцкий даже не знал еще, *где начинается вопрос*, в то время когда тов. Ленин в своих действительно знаменитых «Письмах издалека» уже предложил российскому рабочему классу додуманную почти до деталей схему подлинного Октября. Но это было бы еще с полбеды. От тов. Троцкого никто и не ожидал того, чтобы он опроверг известную французскую поговорку, согласно которой самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет. Настоящая беда заключается в том, что и в 1924 году, ополчаясь против ленинизма, тов. Троцкий не мог сказать ничего умнее, чем то, что «ежели бы да кабы» не было бы империалистской войны и не было бы преобладания крестьянства в нашей стране, то троцкизм был бы прав против ленинизма.

Нужны ли еще другие доказательства того, что т. Троцкий как не понимал, так и не понимает большевистской постановки вопроса о крестьянстве?

Гнилой орех не станет лучше, если его слегка покрыть позолотой. Троцкизм довоенного времени, представляющий собою разновидность меньшевизма, не станет лучше от того, что его попробуют поднести с позолотой «ленинизма».

«Уроки Октября» с полной наглядностью доказали, увы, только одно: что и сейчас, на восьмом году пролетарской революции, тов. Троцкий подлинную суть ленинизма не понял и больше всего путает «на эфтом самом месте» — в вопросе о крестьянстве — в том вопросе, который является главнейшим источником злоключений тов. Троцкого, начиная с его брестской ошибки, продолжая ошибкой в вопросе о профсоюзах в 1921 г. и кончая его ошибками новейшего времени.

В «Уроках Октября» почти столько же ошибочных утверждений, сколько утверждений вообще. Легче перечислить те ис-

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. 21.

ключительные случаи, когда Троцкий представил фактическую сторону событий за февраль-октябрь более или менее правильно, чем те случаи, когда он... уклонился от истины. Более слабого, менее «подкованного» произведения мы у тов. Троцкого не знаем за последние годы. Он совершенно не потрудился свести концы с концами. Он настолько торопился поднести партии свой сюрприз, он настолько был проникнут страстным желанием наговорить побольше... любезностей Центральному комитету партии, что выполнил свою «работу» с небрежностью, которая при любви тов. Троцкого к «плановому» подходу является прямо-таки удивительной. Отсюда то, что наши комсомольцы без труда ловят т. Троцкого на том, что он смешал Ленина с Гильфердингом (вопрос об Учредительном собрании и о так называемом «комбинированном типе» Учредительного собрания и Советов)*. Отсюда то, что тов. Сокольников уличает тов. Троцкого в том, что «левые» ошибки тов. Богдатыева наш почтенный автор «Уроков Октября» приписывает... тов. Ленину (история с апрельской 1917 г. демонстрацией). Отсюда то, что тов. Куусинен с документами в руках легко доказывает, что еще в январе 1924 года т. Троцкий по вопросу о германской революции** говорил прямо противоположно тому, что он говорит теперь в «Уроках Октября». Отсюда то, что такие важные эпизоды революции, как вопрос об июньской демонстрации, о борьбе вокруг Кронштадта и даже об июльских

* *Троцкий Л. Д.* 1917 г. С. 133. Кстати, из второй части «1917» мы узнаем, что еще 29 ноября 1917 года сам тов. Троцкий по поручению Совета народных комиссаров писал в одном из воззваний: «Спасити страну может только Учредительное собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа». Позвоительно спросить, чем это лучше, чем «комбинированный тип»?

** *Одного примера здесь хватит: «Мы наблюдали там (в Германии) во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения» — так писал тов. Троцкий в сентябре 1924 г. в «Уроках Октября».*

«Если бы партия (Герм. К. П.) объявила восстание в октябре (прошлого года), как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со свернутой шеей» — эти слова читаем мы в проекте тезисов тт. Радека и Троцкого в январе 1924 г.

Нельзя же иметь два мнения по такому вопросу — одно в январе 1924 г., а другое в сентябре 1924 г. А имея два мнения по такому вопросу, нельзя так нападать на ИККИ, как делает это Троцкий.

днях, тов. Троцкий освещает по Суханову и даже по газете «День», а не так, как эти события разыгрывались в действительности. Отсюда то, что вопрос о тактике большевиков по отношению к Предпарламенту и демократическому совещанию освещен столь же неправильно и столь же тенденциозно. Эти «маленькие» ошибки уже подвергаются освещению со стороны достаточно авторитетных свидетелей событий. Быть может, и нам в другом месте удастся еще вернуться к подобному освещению некоторых из этих весьма крупных эпизодов революции и осветить их, между прочим, на основании многочисленных разговоров с Владимиром Ильичем иногда в течение целых дней и ночей (например, три недели в шалаше и т. д.). Пока же перейдем к другим вопросам, которые нуждаются в немедленном разъяснении.

3

Было ли в большевистской партии правое крыло

На этот вопрос необходим совершенно ясный ответ. Всякий, знающий подлинную историю большевизма, не колеблясь ответит на этот вопрос: *не было и быть не могло.*

Почему быть не могло?

Каждый, кто знает историю большевизма не понаслышке, кто не всуе повторяет слово ленинизм, не затруднится ответить на этот вопрос.

Не могло быть — потому, что самый основной принцип построения большевистской партии по Ленину исключает возможность правого и левого крыла.

Не могло быть — ибо ленинизм — это и есть *партия-монолит*, партия, вылитая из одного куска.

Не могло быть — потому, что первый раскол большевиков с меньшевиками начался уже с 1903 года, на заре первой революции 1905 года.

Тов. Ленин писал по поводу итальянской социал-партии, что даже ее первый раскол за несколько лет до мировой войны с наиболее яростными шовинистами — раскол далеко не полный, не радикальный, поверхностный — что даже этот раскол помог итальянской социалистической партии в первую полосу империалистской войны 1914 года занять более приличную позицию, чем позиция тех с.-д. партий, которые оставались «объединенными»

вплоть до 1917 г. и позже. Каждый, кто читал статьи тов. Ленина о германской социал-демократии, писанные в 1914–15 гг. (см. сборн. «Против течения»), помнит, как страстно призывал раскол германской социал-демократии тов. Ленин, какие большие надежды возлагал он на этот раскол, как тов. Ленин объяснял полный крах германской социал-демократии, между прочим, запоздалостью раскола между левыми и правым крылом в этой партии и т. д.

«Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, перенявший у них марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя.

«В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Виссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались превосходными. <...> Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный *факт*, что рабочие большинства европейских стран оказались обманутыми фиктивным единством оппортунистов и революционеров и что Италия есть счастливое исключение — страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и станет правилом для III-го. Пролетариат всегда будет находиться, — пока держится капитализм, — по соседству с мелкой буржуазией. Неумно отказываться иногда от временных союзов с ней, но единство с ней, единство с оппортунистами могут теперь защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи»*.

Кто вдумается в эти слова, тот поймет, почему в партии, созданной тов. Лениным, в борьбе против меньшевиков и Троцкого, не могло быть правого крыла.

* Ленин В. И. Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 115.

«Наша российская партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма... не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг — как помог и итальянским товарищам раскол» — так писал В. И. в брошюре «Социализм и война» (глава 2).

«Англичане из “независимой рабочей партии”, конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, “окистам” (сторонникам меньшевистск. организ. комитета) и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна», — писал тов. Ленин в статье «О положении дел в Рос. соц.-дем.»*.

Понять надо все это тов. Троцкому, и тогда он поймет, почему нельзя говорить о правом крыле *большевистской* партии, созданной тов. Лениным в «бешеной» борьбе против всех *небольшевистских* фракций, групп, группочек, оттенков.

Большевизм развивался не по-германски и даже не по-итальянски. Вся сила ленинизма в том и заключалась, что борьбу с правым крылом социал-демократии — большевизм, под руководством тов. Ленина, начал уже 20 лет тому назад и что борьба эта *была доведена до самого конца*.

Кто хоть что-нибудь понимает в теории, тактике и организационных принципах ленинизма, тот *не может* утверждать, что в большевистской партии было правое крыло. Правое крыло *большевизма*, это — просто бессмыслица. Это все равно, что сказать «деревянная сталь», «горячий снег» и т. п. Большевизм в самой своей основе тем и отличается от меньшевизма, что не может допускать и не допускал организации партии как блока всевозможных течений — правого, левого, центра и т. п.

То, что т. Ленин писал, например, относительно полосы эмигрантского существования партии, а именно: необычайное богатство политических оттенков в эмиграции — меньшевики, эс-эры, анархисты, максималисты с рядом подразделений внутри каждого из этих течений — именно и приводило к тому, что все *небольшевистское*, как пластырем, оттягивалось от большевистской партии. То же было и в период легального и полулегального

* Ленин В. И. О положении дел в российской социал-демократии // Там же. С. 296.

существования партии, в частности между февралем и октябрём 1917 г. Тогда на легальной арене мы видели то же самое богатство и разнообразие политических партий, фракций, подфракций, течений и т. д. В эти партии, фракции и подфракции неизбежно уходило все то, что было не вполне большевистским (живые примеры — такие крупные работники большевизма 1905 года, как И. И. Гольденберг, Авиллов, Войтинский), а большевистская партия, таким образом, становилась кристаллизационным центром *только* для большевиков. Поэтому наша партия и была вылита из одного куска.

Нужно совершенно не знать ни Ленина, ни ленинизма для того, чтобы допустить, что Ленин мог бы насколько-нибудь продолжительное время примириться с существованием правого крыла большевистской партии. А еще важнее то, что с представлением о правом крыле в большевистской партии не мирится самый ленинизм.

Могут возразить: но ведь были большевики-примиренцы, которые очень похожи были на правое крыло большевизма.

Да, были. Примиренцы-большевики сыграли эпизодическую роль уже в самом начале раскола большевиков с меньшевиками (1903—1904), а затем и в годы контрреволюции (1910—1911). Но в том-то и дело, что в моменты этих колебаний большевиков-примиренцев дело доходило уже, в сущности, до прямого раскола с ними. Большевистская партия, под руководством тов. Ленина, готова была отрезать этот ломоть и частично отрезала его — именно для того, чтобы остаться большевистской, т. е., между прочим, однородной партией.

Чтобы понять историю даже этой небольшой группы большевиков-примиренцев, надо вдуматься в следующие факты. Громадное большинство (почти все) большевиков-примиренцев теперь находятся в наших рядах, и никто не вздумает утверждать, что они представляют собою хотя бы нечто вроде правого течения в партии. Наиболее выдающимся вождем примиренческого течения был в свое время покойный И. Ф. Дубровинский (Иннокентий)¹. Но из ста товарищей, знавших его, сто же и скажут, что доживи Иннокентий до наших дней (он погиб в ссылке в 1912 году), он, разумеется, не был бы и не мог бы быть представителем какого-нибудь правого крыла. Дело в значительной степени объяснялось каторжными условиями тогдашнего существования партии.

Из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку шли такие люди, как Дубровинский, Ногин (тоже одно время примиренец), и между одной тюрьмой и другой иногда допускали эпизодические ошибки в организационных вопросах. Конечно, при логическом развитии этой ошибки товарищи эти могли бы стать жертвой оппортунизма. Но этого не случилось и случиться не могло. А поскольку эпизодически к этому подходило дело, тов. Ленин тут же ставил вопрос ребром, и дело не могло кончиться ничем другим, кроме как либо *исключением* из большевистских рядов, либо подлинным подчинением большевистскому центру.

Это вовсе не значит, что в многолетней истории большевизма, полной глубочайшего содержания, никогда не было разногласий и оттенков между наиболее крупными работниками большевистской партии. Ожидать этого было бы просто смешно. Такие разногласия были. Было, например, то, что в 1906 году тов. Каменев защищал бойкот Государственной думы («левая» оппозиция), между тем как тов. Ленин стоял за участие. Было то, что на пленуме ЦК 1910 года (последний пленум совместно с меньшевиками) часть большевиков решила сделать опыт объединения с Троцким, между тем как тов. Ленин и другие члены большевистского центра (в том числе и пишущий эти строки) были решительно против этого опыта. Но это были именно эпизодические разногласия.

Эпизодическими нельзя назвать также разногласия, наметившиеся с впередовцами в 1908 г. и затянувшиеся на несколько лет. Эти мнимо-«левые» на самом деле защищали оппортунистическую тактику, т. е. отказывались от основ большевизма. И именно поэтому здесь дело не могло обойтись без раскола. Впередовская группа была исключена из большевистской организации, и в нашу партию из числа впередовцев вернулись только те, кто радикально излечился от впередовства.

Эпизодическими нельзя назвать также те разногласия в связи с войной, которые коснулись, правда, только отдельных выдающихся большевиков в начале империалистской войны. Большевизм в целом, как известно, занял совершенно правильную позицию против империалистской войны и усвоил всемирно-исторической важности лозунг «превращения империалистской войны в войну гражданскую». Но отдельные крупные работники большевизма (например, покойный И. П. Гольденберг²) колебались в вопросе о характере войны, и *немедленно же дело дошло*

до организационного разрыва с этими товарищами. И. П. Гольденберг смог вернуться в партию только уже в 1920–21 году, когда он радикально сознал свою ошибку.

Чем объяснялись некоторые ошибки в первые дни февральской революции? Генеральный штаб большевиков съезжался с разных концов света после нескольких лет империалистической войны и белого террора, разорвавших связи даже между самыми близкими друзьями, центральными работниками большевизма. Одни возвращались в Петроград из далекой эмиграции, другие — из каторжных тюрем, третьи — из самых заброшенных уголков сибирской ссылки. На голову всех обрушились события громадной, всемирно-исторической важности. Многое вначале шло не так, как ожидалось. Большевики в первые дни революции оказались незначительным меньшинством даже среди рабочих Петрограда. Те настроения многомиллионной солдатской массы, которые В. И. впоследствии назвал «добросовестным оборончеством», создали громадные тактические трудности: как подойти к этим массам, как заставить их даже только выслушать первые речи большевиков? Все это вместе взятое и создало те трудности, которые привели к ошибкам «Правды» в первые дни после февральской революции до приезда тов. Ленина.

Но можно ли отсюда умозаключать о наличии в большевистской партии правого крыла, которое тов. Троцкий, — как раз не кто иной, как именно Троцкий, — пытается характеризовать как «социал-демократическое» «полуменьшевистское» крыло? Так может поступить только тот, кто не знал и не знает большевистской партии, кто судит «со стороны», для кого история этой партии есть только история той партии, к которой данное лицо 15 лет шло с «боями», той партии, которой даешь очередной «бой» и в 1924 г.

Серьезные разногласия были среди большевиков между апрелем и сентябрем 1917 года. Из этих разногласий могли бы вырасти группировки — если бы ошибавшиеся товарищи настаивали на своих ошибках, если бы сами события быстро не разрешали этих ошибок, если бы партия единодушно не отвергла этих ошибок, если бы у партии не было Ленина и т. д. Тогда наступил бы раскол или откол, но никак не узаконение правого крыла. Но в том-то и дело, что все эти «если» в действительности не осуществились и осуществиться не могли.

Острые разногласия были среди большевиков между октябрём и ноябрём 1917 г. В этот промежуток времени (и *только* в этот) среди ошибающихся был и пишущий эти строки. *Если бы* ошибка не была признана немедленно, *если бы* партия единодушно ее не выправила, *если бы* опять-таки у партии не было тов. Ленина, разумеется, из такого хотя и кратковременного, но зато острого, разногласия могли бы вырасти серьезные последствия. Но в том то и дело, что все было наоборот.

Первый раскол с меньшевиками начался в 1903 году. Вполне самостоятельное организационное существование большевизм ведет, примерно, с 1910 г. Между 1903 и 1910 гг. лежит полоса недостаточной организационной оформленности большевизма как самостоятельной организации. Между 1903 и 1910 гг. еще могли быть кое-какие неясности в построении большевистской организации. *С 1910 по 1917 г. об этом не могло быть и речи.* Правого крыла в большевистской партии не было и быть не могло. Утверждать обратное — *значит* уже одним этим утверждением показывать полное непонимание основ большевизма.

4

Возможно ли образование правого крыла в РКП теперь?

Действительно актуальный вопрос — актуальный не только для нашей партии, но и для всего Коминтерна — заключается не в том, было ли у большевиков правое крыло в 1917 г., а в том, есть ли такое крыло в настоящий момент, есть ли тенденция к образованию такого правого крыла, возможно ли (и допустимо ли) образование такого правого крыла в РКП?

Ставя перед собою *этот* вопрос, мы отвечаем: да, такое крыло в РКП и Коминтерне теперь пытаются создать. Главной фигурой в этом деле является т. Троцкий. Действительная проблема, которой болеет теперь партия, заключается в том, *можем ли мы допустить до оформления такого крыла, и если нет, то как избежать этого?*

Откуда может теперь взяться правое крыло (или «крылышко»), правая фракция или правое течение, которое *хочет* создать тов. Троцкий? Было бы смешно и глупо объяснять это только личной виной того или другого товарища. Нет, для этого существуют, несомненно, и *объективные предпосылки.*

Каковы черты отличия между нынешним положением вещей в нашей партии и положением нашей партии до Октябрьской революции? Таких черт несколько.

Во-первых. С открытой арены политической жизни в нашей стране исчезли меньшевики, эс-эры, анархисты и т. п. группы. О прежнем богатстве разных политических партий, оттенков, течений нет и речи, — по крайней мере, поскольку речь идет об открытом соревновании перед широкими кругами рабочих и крестьян. Для успешного проведения диктатуры пролетариата победивший рабочий класс, возглавляемый нашей партией, не мог не лишить легальности эс-эров, меньшевиков, анархистов (антисоветского направления) и другие группировки, являвшиеся враждебными самой идее диктатуры пролетариата. На легальной арене действует только РКП. И иначе быть не может в нынешний период. При таком положении вещей неизбежно, что к нашей партии теперь примыкают (а иногда даже прямо входят в ее ряды) такие элементы, которые при наличии других легальных партий были бы *не* у нас. Это важнейшее обстоятельство само по себе ни в коем случае не может способствовать увеличению однородности нашей партии.

Во-вторых. Мы разбили идейно две главные партии, соперничавшие с нами в течение двух десятилетий: эс-эров и меньшевиков. Несколько десятков тысяч бывших членов этих партий перешли в наши ряды, в том числе тысячи и тысячи бывших эс-эров и меньшевиков, которые были в этих партиях активными членами. Достаточно назвать самого тов. Троцкого.

Нечего повторять, что значительная часть этих товарищей, вышедших из среды чужих нам партий, вполне ассимилированы теперь нашей партией, являются, хотят быть и будут хорошими большевиками. Но нельзя скрывать от себя и того, что ликвидация эс-эров и меньшевиков как легальных партий и факт перехода к нам десятков тысяч из бывших активнейших членов никоим образом не могут содействовать однородности нашей партии.

В-третьих. Страна наша переживает вообще переходный период. До октября 1917 года положение было во многих отношениях труднее, но зато яснее. Перед партией стояла непосредственная боевая задача: свержение буржуазии. Нынешнее положение во многих отношениях сложнее. Оно пестро. Обстановка нэп'а, буржуазное окружение в международном масштабе — все это

моменты, делающие положение чрезвычайно сложным. Никогда еще в истории борьбы рабочего класса всего мира рабочей партии не приходилось считаться с таким сложным переходным периодом.

В-четвертых. Социальный состав партии стал разнородным. Если к октябрю 1917 года мы были партией по составу почти исключительно рабочей, то после 1917 г. дело меняется. После всех перипетий, через которые прошла наша партия за эти 7 лет, мы имеем в своей среде и сейчас больше ста тысяч членов партии крестьян, несколько десятков тысяч членов партии в вузах (далеко не все рабочие), десятки тысяч членов партии из советских служащих и т. д.

Что означают все наши усилия регулировать социальный состав партии, что означают, в конце концов, наши чистки, новые выборы, в частности ленинский набор и т. п.? Все это есть *цель усилий отстоять максимальную однородность партии*, помешать разжижению ее социального состава, не допустить чрезмерной пестроты в самом социальном составе партии.

Все это, вместе взятое, и создает обстановку, при которой, действительно, *возможно* оформление правого крыла в большевистской партии, созданной Лениным.

А если к этому прибавить еще тот немаловажный фактор, что самого тов. Ленина у нас больше нет, то станет ясно, сколь ответственным становится положение.

Если очистить все наступления тов. Троцкого на большевистский ЦК от всего случайного, личного и наносного, если подойти к этим наступлениям с максимальной объективностью, то станет ясным, что смысл их заключается в следующем. Тов. Троцкий являлся все эти годы в нашей партии выразителем всего того, что не является строго большевистским. Тов. Троцкому как выразителю этих небольшевистских настроений *тесно* в пределах старой ленинской тактики. Он искренно убежден в том, что старые методы ленинизма не годятся теперь, когда партия работает на столь широкой арене. Партия, по его мнению, должна стать блоком, пусть неоформленным, различных направлений, фракций и оттенков.

Все мы знаем, что в партии, стоящей у власти и подавившей все остальные не-советские партии, *неизбежно* должны так или иначе отразиться те общественные процессы, которые развиваются или еще только намечаются во всей стране. Мы, ленинцы, делаем из этого тот вывод, что *тем более необходима максимальная*

однородность партии, максимальная твердость руководства, максимальная прививка ленинизма партии. Не в том дело, чтобы партия затыкала себе уши ватой и старалась не слышать того, что назревает в стране. Наоборот. Маневрировать, иногда уступать — необходимо. Но для этого-то и надо, чтобы партия всегда оставалась сама собой, т. е. *большевистской партией.* Ленинизм знает, что знает: маневрируя, отступая и наступая, применяясь к самой сложной обстановке, он всегда остается большевизмом, т. е. преследует интересы пролетариата в крестьянской стране.

Между тем тов. Троцкий из сложности нынешнего положения делает (или у него назревают) другие выводы. Ему кажется, что прежний «сектантский» (якобы — сектантский), твердокаменный, годившийся якобы только для «кружка» большевизм теперь ведет к «гибели страны». Ему кажется что теперь партия должна быть союзом различных течений и фракций, что она не должна непосредственно руководить государственным и хозяйственным аппаратом, что она должна дать больше простора буржуазным специалистам и т. д.

Будучи доведена до логического конца, эта идея тов. Троцкого — в нынешней международной и внутренней обстановке — ведет в лучшем случае к замене большевистской партии ленинизма некоей «широкой» «трудовой» партией *на манер английской макдональдовской Лебор-партии*³ в «советском издании» — такой «широкой» партии, в которой могли бы быть соединены все организации «трудящихся», в том числе и те, которые не могут быть названы большевистскими в непосредственном смысле слова. Очень может быть, что тов. Троцкий еще не додумал до конца свою идею, но логически он идет с неизбежностью именно к ней, если не остановится и не повернет назад к большевизму.

Партия, работающая в такой обстановке, как мы теперь, нуждается, разумеется, в ряде передаточных механизмов, ведущих ко всей рабочей массе, в том числе и к отсталым ее слоям. Она нуждается в ряде приводных ремней, обеспечивающих ей влияние в крестьянстве, среди служащих в интеллигенции и т. д. Система рычагов, обеспечивающих диктатуру пролетариата, сложна (Советы, профсоюзы и т. д.). Но отсюда вовсе не вытекает, что сама партия может стать блоком течений, фракций, своего рода «парламентом мнений», с правым крылом, левым крылом, центром и другими прелестями парламентаризма.

Не следует упрощать вопроса. Разумеется, большевистская партия 1924 года не может попросту скопировать большевистскую партию, скажем, 1914 года или даже 1917 года. Мы не можем и не должны теперь ограничиваться приемом в нашу партию только рабочих. Через ленинский призыв мы сделали все возможное для того, чтобы увеличить удельный вес промышленных рабочих в нашей партии. Мы задерживали в течение пары лет приток в партию крестьян. Но мы все же теперь вновь приходим к выводу, что необходимо вновь открыть дверь в партию значительному числу крестьян. Рабочая партия, управляющая государством в крестьянской стране, должна иметь определенный процент членов партии из крестьян. Все дело в том, что перед нами в СССР — не задачи рабочей партии «вообще», а задачи рабочей партии в *крестьянской стране*. Отсюда и сложность вопроса о социальном составе партии, раз эта партия управляет государством.

Итак, положение вовсе не так просто, трудности — велики. Регулирование состава нашей партии — дело сложное и трудное. Оно стоит в тесной связи с труднейшими и порой деликатнейшими политическими проблемами. Партии приходится маневрировать и в этом отношении, т. е. и в отношении своего собственного социального состава. Партия не может в нынешнюю эпоху быть *столь* однородной, какой она была до завоевания власти.

Но зато политика партии, а тем самым и руководство партии должны быть насквозь большевистскими по-прежнему, как этому учил Ленин. Рабочий класс осуществляет свою гегемонию в революции, а наша партия есть руководящий авангард этого класса-гегемона.

Правильно понятые интересы класса-гегемона требуют, разумеется, известных уступок крестьянству, приспособления всей политики к некоторым коренным интересам крестьянства. Но предел этих уступок, предел этого приспособления *определяет рабочий класс и его авангард*, исходя из коренных интересов революции и руководящего ею класса-гегемона — рабочего класса.

Отсюда вытекает вопрос о внутренней ориентации партии, о том, что называют «внутрипартийной политикой». Большевистская партия, действующая в обстановке 1924 года, *должна ориентироваться на основную группу своих членов: рабочих*. «Барометром» для политики пашой партии никак не может служить учащаяся молодежь или какие-либо другие слои нашей партии, кроме как рабочие.

Итак, можем ли мы допустить существование или образование правого крыла в нашей партии теперь?

Не можем!

Из этого обстоятельства, что мы *должны* допустить недостаточную односторонность социального состава нашей партии, что мы *должны* привлекать в члены партии известное количество не-рабочих, ни в коем случае не вытекает, что и самую политику партии мы можем разжижать и что руководящий штаб партии тоже должен быть неоднородным, что штаб партии должен быть блоком фракций и т. п. Наоборот, именно потому, что в нынешней обстановке партия не может быть столь однородной по составу, какой она была до завоевания власти, политика партии должна строже, чем когда бы то ни было, ориентироваться, прежде всего, на рабочую группу партии. И именно поэтому же руководящий штаб партии должен быть особенно выдержанным, особенно твердым, особенно ленинским. И именно поэтому не может быть и речи о том, чтобы наш штаб стал блоком фракций и течений.

Объективные условия, в которых приходится действовать нашей партии сейчас, таковы, что опасность создания правого крыла (или течения, или направления) в нашей партии *налицо*. Кто хочет остаться верным духу ленинизма, тот должен отдать свои силы на то, чтобы помочь партии противоборствовать этой тенденции. При умелом и правильном применении принципов ленинизма в данной конкретной обстановке нам *удастся* не допустить до образования правого крыла в нашей партии.

Те же, кто, как тов. Троцкий, не только не противоборствуют этой тенденции, а становятся ее выразителями, те, кто вступают на дорогу борьбы с ленинским Центральным комитетом, ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке (как нас учил тов. Ленин), — те становятся врагами ленинизма.

Хотят ли они этого или нет — это все равно. Сознают ли они это ясно или нет — это тоже все равно. Факты остаются фактами.

Может быть, лучше всего будет пояснить нашу мысль еще конкретнее. Возьмемте примерно двух видных товарищей (скажем, тов. А и тов. В). Оба товарища — дисциплинированнейшие и прекраснейшие товарищи. Но тов. А пришел к большевизму в иное время и иными путями, чем тов. В. Тов. А вырос из крестьянского движения, разлившегося широкой волной в годы Гражданской войны после Октябрьского переворота. Тов. В вырос из рабочего

движения, примкнув к большевизму 20 лет тому назад. И тот и другой нужны, ценны нашей партии. Только в известном сочетании тех элементов, которые представлены тем и другим, залог полной победы революции. Но если бы, скажем, тов. А. стал оформлять внутри партии то, что зачастую отличает крестьянина-коммуниста (и беспартийного, примыкающего к коммунистам) от коммуниста-рабочего, если бы он стал требовать, чтобы политика партии ориентировалась не на рабочих, а на крестьян, или если бы он стал требовать, чтобы генеральный штаб партии превратился в блок различных групп, что сказала бы в этом случае наша партия тов. А?

Нечто подобное приведенному вымышленному примеру, но еще в гораздо худшем виде, делает теперь тов. Троцкий. Он именно становится выразителем всего того в партии, что не является большевистским. Он именно требует, чтобы партия равнялась по всему небольшевистскому (в подлинном смысле слова) в ней.

Может ли с этим мириться партия? Мудрено ли, что партия дает тов. Троцкому такой страстный отпор?

5

Куда ведет нынешняя эволюция тов. Троцкого?

Этот вопрос есть главный вопрос наших споров. Чтобы дать себе вполне ясный ответ на этот вопрос, мы попросим вдуматься в следующее обстоятельство.

У тов. Троцкого, как у яркой индивидуальности, конечно, есть немало такого, что характерно только лично для него. Сюда относится и то, как выразился на днях один рабочий, читавший «Уроки Октября», «яканье» (от слова «я»), которым полны писания тов. Троцкого за последнее время. Сюда относится и то, что тов. Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам тов. Троцкий, ибо на этой «платформе» буквально не остается места даже для единомышленников. *Постольку* приходится констатировать *индивидуальное* в позиции тов. Троцкого. Но было бы все же неверно видеть в позиции тов. Троцкого *только* индивидуальное. Он, несомненно, отражает и нечто более широкое из нашей обстановки.

Что же именно?

Обратили ли вы внимание, читатель, на следующее обстоятельство? Уже начиная с 1922 года, а тем более с 1923 года, происходит несомненный рост благосостояния страны, улучшение материального положения рабочих, улучшение настроения рабочих. И в это же самое время из всех выступлений тов. Троцкого мы видим, что как раз в эти же годы у него все больше и больше портится политическое настроение. Кривая политического настроения в широких массах рабочих нашей страны идет *вверх*, кривая политического настроения тов. Троцкого идет *вниз*. На этом фоне и углубляются разногласия между т. Троцким и партией, которая ведь является не чем иным, как головным отрядом рабочих масс.

Тов. Троцкий отдает все большую дань импрессионизму, все чаще начинает видеть вещи в исключительно черном свете, предвещает «гибель страны» (перед дискуссией прошлого года) накануне несомненного улучшения хозяйственного положения, попадает все чаще пальцем в небо, ставя неправильные диагнозы и предлагая еще более неправильные средства лечения, растеривает своих единомышленников и т. д. Вспомним, что при первом столкновении с тов. Лениным и ленинским ЦК во время спора о Брестском мире, тов. Троцкий имел на своей стороне очень значительную часть партии. Во время второго столкновения с тов. Лениным и ленинским ЦК в 1921 г. (дискуссия о профсоюзах) тов. Троцкий тоже имел еще на своей стороне около пятой части съезда. И это — при обаянии Владимира Ильича во всей партии! Во время прошлогодней дискуссии число единомышленников тов. Троцкого было уже значительно меньше, но все-таки были сотни людей, которые готовы были до конца отстаивать его платформу. А во время нынешнего наступления тов. Троцкого на ленинский ЦК охотников защищать платформу тов. Троцкого можно уже пересчитать чуть ли не по пальцам. Ведь это тоже не случайно.

Чем объясняется такое странное положение? Хозяйство идет вверх, настроение рабочих идет вверх, единство партии крепнет, а настроение одного из претендующих на руководство рабочим движением вождей (т. Троцкого) неизменно идет вниз. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что в последние годы т. Троцкий, сам того, разумеется, не желая, не всегда служит выразителем настроений пролетарских масс, а иногда невольно выражает настроения каких-то других слоев населения.

Каких именно? Ответ на этот вопрос, разумеется, не так прост. Проследившая извилистую линию складывающейся платформы тов. Троцкого, следя самым точным образом за его новейшей политической эволюцией в продолжение последних двух-трех лет, иной раз нетрудно наткнуться на кажущееся противоречие, и иному мало искушенному товарищу порой даже покажется, будто тов. Троцкий критикует наш ленинский ЦК не справа, а слева.

В самом деле, не тов. ли Троцкий, например, обвиняет ЦК и его представителей в Коминтерне в том, что они «прозевали» германскую революцию? Разве это не критика «слева»? А между тем, если вдуматься в позицию т. Троцкого именно по вопросам, связанным с тактикой Коминтерна, если вспомнить, что рядом с «левыми» фразами, которые пишет по этому поводу т. Троцкий, теперь стоит *факт* поддержки им правого крыла германской партии в течение всего 1923 года, *факт* поддержки, с другой стороны, позиции т. Троцкого правыми элементами во *всех* секциях Коминтерна во время прошлогодней дискуссии, — тогда вопрос предстанет пред нами совсем в новом свете. Если вспомнить, что уже в январе 1924 г. в проекте резолюций т. Троцкого, Радека и Пятакова говорилось о том, что если бы в октябре 1923 г. германская компартия пошла на восстание, то она теперь (в январе 1924 г.) представляла бы собой груды развалин, — то становится ясным, что тов. Троцкий здесь, как, впрочем и во всех других вопросах, трактуемых им в «Уроках Октября», совершенно не свел концов с концами.

Но именно это не всегда ясно поверхностному наблюдателю наших споров. Отсюда и то, что по недоразумению кое-кто принимает критику тов. Троцкого по адресу нашего ЦК как критику слева.

В деятельности тов. Троцкого, повторяем, много индивидуального, много капризного, много внешне ослепляющего. Его платформа не сложилась еще окончательно. Политическая позиция тов. Троцкого блещет еще всеми цветами радуги.

Можно было бы употребить такое сравнение. Возьмите большую дугу из электрических лампочек разных цветов. Выходит очень ярко. Пред нами все цвета радуги, пред нами много лампочек — красных, зеленых, синих, белых.

Но ведь цвет лампочек тут, в конце концов, дело второстепенное. За всем этим стоит одна определенная материя: электричество. Так и в теперешней позиции т. Троцкого. Внешним образом

она тоже блещет еще всеми цветами радуги. Задача заключается в том, чтобы понять, какова тут субстанция, что составляет основу. И вот мы утверждаем, что основа-то здесь состоит из некоей «минус-материи», из того, что является не-большевистским, что пока можно охарактеризовать лишь как не-ленинизм.

Откуда эта внешняя пестрота? Она объясняется тем, что начавшееся политическое влияние тов. Троцкого еще не закончено. Она объясняется в первую очередь тем, что попятная эволюция тов. Троцкого происходит в обстановке переходного периода. Очень много неясного в самом этом переходном периоде, очень много неясного во всей пестряди нэп'а. Тов. Троцкий совершает ведь сейчас не отход от большевизма «вообще», а отход от большевизма *в переходный период нэп'а*.

Однако через всю пестрядь, через все экспромты тов. Троцкого, через всю извилистую линию его капризного политического развития последних годов пробивает себе дорогу одна определенная тенденция.

Представим себе на одну минуту, как выглядели бы наша страна и наша партия, если бы партия паша, вместо того, чтобы оказать бешеное сопротивление рецептам тов. Троцкого, приняла важнейшие его предложения, начиная с 1921 года. Отбросим все второстепенное, возьмем только самое главное из предложений тов. Троцкого, начиная с 1921 г.

Если бы мы приняли предложения тов. Троцкого, это значило бы:

1. Профсоюзы были бы огосударствлены, произошло бы пресловутое «сращивание» профсоюзов с официальными государственными и хозяйственными органами. Другими словами, профсоюзы, являющиеся сейчас нашей самой широкой базой и объединяющие 6 миллионов рабочих и служащих, стали бы казенным придатком к официальной машине. Еще другими словами: своими собственными руками мы создали бы тогда *неустребимую* базу для меньшевизма, а стало быть, подложили бы своими руками фугас под диктатуру пролетариата.

2. Партия была бы отодвинута от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами. Советский аппарат (вспомните, что писал о нем тов. Ленин) получил бы большую самостоятельность. «Эмансипация Советов от партии» осталось бы не только на страницах писаний сменовеховцев,

но начала бы переходить в реальную жизнь — хотя бы частично. Что такая тенденция имела бы неисчислимые губительные последствия — вряд ли это нужно теперь доказывать большевику.

3. Спецы получили бы во много раз большее влияние во всех отраслях нашей работы — не только в военном деле, но и во всем остальном. Вряд ли нужно доказывать, что в этом заключается одна из важнейших черт политической платформы тов. Троцкого и один из важнейших пунктов его расхождений с нашей партией.

Пусть не переиначивают наши слова. Разумеется, привлечение честных специалистов и создание такой атмосферы, которая позволяла бы им действительно с пользой для дела работать, абсолютно необходимы. Разумеется, остается в силе то, что говорил по этому вопросу т. Ленин и что постановляла наша партия. Разумеется, не может быть и речи о каком-либо поощрении специфических «антисоветских» настроений. Но, если бы вопрос о спецах был разрешен не по Ленину, а по Троцкому, это означало бы на деле величайшую политическую уступку новой буржуазии.

4. В вопросах о внутривнутрипартийной жизни мы должны были бы признать, что «барометром» для партии являются не столько рабочие от станка, сколько вузовская молодежь, среди которой есть, разумеется, превосходные пролетарские элементы, но среди которой есть не малая доля таких, которые тысячами нитей социально связаны с мелкой буржуазией, а через нее и с нэп'ом и с новой буржуазией.

5. Денежной реформы у нас не было бы, ибо по Троцкому нужно было бы «сначала» восстановить промышленность, а потом уже приняться за денежную реформу. Нечего и говорить о том, что если бы мы приняли это «гениальное» предложение, удельный вес социалистических элементов хозяйства в нашей стране только падал бы, а тем самым крепла бы новая буржуазия.

6. В вопросе о крестьянстве, через который все время «перепрыгивает» тов. Троцкий, мы наделали бы величайших ошибок. Вместо зачатков смычки, мы имели бы теперь во всем ходу размычку. Отброшенное нашими политическими ошибками крестьянство искало бы себе другого политического руководителя и нашло бы его, разумеется, только в новой буржуазии.

Никто из вдумчивых товарищей не скажет, что приведенные шесть пунктов (а их можно умножить) нами выдуманы. Всякий серьезный большевик должен будет сказать, что именно из-за этого,

а не из-за прошлогоднего снега, не из-за ошибок, сделанных семь лет тому назад, и не из-за «личностей», как думают обыватели, идет борьба между ленинским ЦК и т. Троцким.

Как же, спрашиваем мы, выглядела бы наша страна, если бы мы в этих шести вопросах шли по дороге, на которую подталкивал нас тов. Троцкий, если бы мы с большевистской нетерпимостью не давали бы отпора этим ошибкам тов. Троцкого? Чем была бы тогда Россия? Она была бы тогда *нэповской* Россией — в том смысле и в тех размерах, как на это рассчитывали идеологи новой буржуазии. И шансы на превращение нэп'овской России в Россию социалистическую (как это завещал нам т. Ленин) были бы крайне малы и даже прямо ничтожны.

Если ко всему этому прибавить оппортунистические ошибки тов. Троцкого в вопросах международной политики (переоценка демократическо-пацифистской эры, переоценка чудодейственных замирительных свойств американского ультра-империализма, недооценка контрреволюционности социал-демократии, недооценка длительности фашизма), а также его поддержку всех правых полусоциал-демократических элементов в разных секциях Коминтерна, то станет ясно, куда тащит нашу партию т. Троцкий.

Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую у тов. Троцкого есть своя «система». В целом это называется правый уклон.

Новая буржуазия в нашей стране, это — именно *новая*, а не старая буржуазия. Она видала виды, она также кое-чему научилась на «уроках октября». Она видала массы в действии. Она видала неукротимую расправу большевиков с буржуазией в начале Октябрьской революции и уступку со стороны большевиков буржуазии в 1921 году, когда те же неукротимые большевики *вынуждены* были ввести нэп. Она знает теперь цену реальному соотношению сил, выражающемуся, между прочим, в международном буржуазном окружении первой советской страны. Она имеет свою новую интеллигенцию, воспитавшуюся в значительной части в наших же учебных заведениях. Она научилась вникать в борьбу тенденций внутри нашей собственной партии. Она научилась использовать советскую легальность. Это — уже не просто Колупаевы и Разуваевы. Это — буржуазия, прошедшая сквозь огонь величайшей революции. Это — буржуазия, умеющая думать о *своей* смычке с верхами крестьянства, с вождями международной буржуазии.

Это, одним словом, буржуазия с более изощренным классовым чутьем, более гибкая, более умудренная революционным опытом, больше понимающая значение рабочей партии, нюансы внутри этой рабочей партии и т. д. Это — буржуазия, которую горе научило ценить доступ к умам народных масс. Нечего скрывать от себя, социальный состав нашего государственного аппарата таков, что значительную часть персонала этого аппарата приходится отнести к агентуре новой буржуазии. Это же приходится сказать и относительно известной части нового студенчества и новой интеллигенции вообще.

Отстаивать перед большевистской партией в 1921–1924 годах в переходный период: 1) огосударствление профсоюзов, 2) большую «свободу» для государственного аппарата от контроля партии, 3) большее влияние для спецов, 4) ориентацию политики партии на вузовский барометр, 5) советовать откладывать денежную реформу и кричать о гибели страны, 6) поднимать полуменьшевистскую кампанию против парт-аппаратчиков и за «демократию» в том истолковании, какое и давал ей тов. Троцкий в прошлом году, — это и значит, самому того не желая, объективно помогать новой буржуазии.

Тов. Троцкий хочет попасть в одну дверь, а попадает в другую. Он хочет бороться против чрезмерного «сектантства» старых большевиков, против того, что кажется ему «кружковой узостью», а на деле он борется против основ большевизма. На деле он, сам того, разумеется, не желая, оказывает незаменимую услугу классовому врагу.

Положа руку на сердце, мы спрашиваем бывших и настоящих сторонников тов. Троцкого: разве они не знают, что каждое выступление тов. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 года, является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря, и чем дальше — тем больше? Случайно ли это?

Пусть не толкуют нас превратно. Еще Маркс сказал, что можно быть фактическим выразителем настроений мелкой буржуазии, отнюдь не будучи самому мелким лавочником. Разумеется, и у тов. Троцкого самые лучшие желания. Но добрыми желаниями вымощен ад. Нужно, чтобы Троцкий раз и навсегда отказался «спасать» нашу партию от мнимых ошибок, а понял и признал свои собственные политические ошибки, в значительной мере

проистекающие из остатков его политической идеологии времен 1903–1917 гг., когда тов. Троцкий выступал открытым противником большевизма. Нужно перестать устраивать очередные «кризисы» партии по «календарной программе» через каждый год, а в последнее время через каждые полгода. Нужно понять, что наскоком, нахрапом подмять ленинизм под троцкизм никому не удастся. Нужно понять, одним словом, что *большевизм есть большевизм*.

6

Что же делать?

Каков же выход при таком положении вещей? Что же делать? Раскол? Пустое! Об этом не может быть и речи. Партия наша едина больше, чем когда бы то ни было.

Откол? Пустое! Откалываться почти что некому, и партия до этого доводить дело не хочет.

Партийные взыскания? И это пустое! Это никому не нужно; теперь нужно другое.

Что же нужно?

Нужно, чтобы партия *обеспечила себя* от повторения «налетов» на ленинизм.

Нужны серьезные партийные гарантии, что решения партии будут *обязательными* и для тов. Троцкого.

Партия — не дискуссионный клуб, а *партия*, да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша.

Лозунг сегодняшнего дня:

Большевизация всех слоев партии! Идеиная борьба против троцкизма!

Прежде всего — разъяснение, разъяснение и еще раз разъяснение.

Наша партия состоит более чем наполовину из сравнительно молодых членов организации. Многие из них улавливают антиленинистские ошибки Троцкого пока только классовым чутьем.

Нужно, чтобы вся партия *изучала* вопрос о ленинизме и троцкизме. Нужно, чтобы вся партия *ясно видела*, что дело идет тут о двух в основном различных системах тактики и политики.

Вопрос тут не только в истории партии, дело идет не только о прошлом. Дело идет о двух методах подхода к политике *насто-*

ящего дня, теснейшим образом связанной с такими кардинальными вопросами, как вопрос о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства.

Большевизация наших собственных рядов — поскольку более молодые слои партии не имели еще возможности до сих пор полностью пройти школу ленинизма — вот это серьезная задача дня. И тут нельзя не поблагодарить тов. Троцкого за то, что он, во всяком случае, дает партии хорошую возможность наглядно проанализировать уклон от ленинизма и глубже вдуматься в основы большевизма.

Разумеется, партия должна добиться того, чтобы партийная дисциплина была обязательна и для тов. Троцкого. И мы уверены, что партия сумеет этого добиться. Чем больше принципиальной ясности по вопросам ленинизма и троцкизма создается в партии, тем меньше почвы для такой попытки, которую предпринял тов. Троцкий. Чем меньше резонанса встречает эта попытка в партии, тем меньше охоты будет ее повторять. А резонанс на этот раз поистине невелик. Тов. Троцкий видоизменил теперь свою «платформу» так, что на этой платформе, в сущности говоря, может стоять только один человек, а именно сам тов. Троцкий — на «площадке» места нет для других, даже для тех, кто до сих пор частенько поддерживал тов. Троцкого в его ошибках.

Во время прошлой дискуссии тов. Троцкий объявлял вернейшим «барометром» учащуюся молодежь. Мы не были согласны с тем, что это действительно есть лучший барометр. Мы не согласны с этим и сейчас. Однако приходится сказать, что даже этот не совсем идеальный барометр на этот раз показывает совсем не то, что в прошлом году, — показывает на то, что и учащаяся молодежь не желает подменять ленинизм троцкизмом.

Лучшее средство удержать тов. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше отдалят его от большевизма, это — дать самый единодушный отпор его нынешней ошибке. Если *вся* партия, как один человек, встанет против теперешнего уклона тов. Троцкого, то он, будем надеяться, сам скорей всего выправит свою ошибку.

Все, о чем мы говорили в предыдущей главе, разумеется, не есть еще вполне закончившийся процесс. Это только тенденция. Увидев всю губительность этой тенденции, увидев все единодушные партии против громадной ошибки тов. Троцкого, тов. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неверного пути.

Не раз тов. Ленин формулировал «закон» политической эволюции тов. Троцкого: когда дело идет на подъем, тов. Троцкий большего частью приближается к большевистской линии; когда дело идет на затыжку или на временный упадок волны, тов. Троцкий колеблется вправо. Чтобы удержать его от теперешнего, очень уж чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны *всей* партии.

Партия скажет свое окончательное слово, и еще и еще раз преждевременные злорадные ожидания врагов будут посрамлены. А большевистская партия получит новый, еще более крепкий закал, и подлинный ленинизм войдет в идейный обиход всех до единого членов нашей партии.

В. М. МОЛОТОВ

Об уроках троцкизма (По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине»)

Книга Л. Троцкого «О Ленине» названа «материалами для биографа». Однако главное в этой книге не для биографа. Во всяком случае, не только «для биографа» тов. Троцкий останавливается в ней на важнейших моментах в развитии партии и, в частности, на ее вожде. Не только для биографа описаны отдельные моменты подготовки к Октябрю, эпизоды из эпохи восстания и первые шаги Советского правительства. И, наконец, не только для биографа т. Троцкий касается как бы попутно таких серьезнейших вопросов, как наш поход на Варшаву в 1920 году, или сравнивает условия октябрьского восстания с недавними, но памятными всем событиями в Германии осенью 1923 г. Нет, все это уже не только и не столько для «биографа», сколько для нашей партии и для других партий Коммунистического Интернационала.

Автор книги «О Ленине» оговаривается, что «эта книга не закончена», что он еще надеется «дальше работать над ней, вносить в нее поправки, исправлять, уточнять и дополнять ее новыми эпизодами и главами».

Но, прочитав ее, невольно ставишь вопрос не об отдельных поправках и дополнениях к ней, а по существу политического значения всей этой книги. В ней Ленин, а затем и партия и октябрьский переворот представлены в «новом» и притом в таком неправильном, извращенном и специфически-троцкистском свете, что становится ясным, что дело тут вовсе не в будущих биографах Ленина, а в том, что книга «О Ленине» предназначена... для защиты особых политических взглядов Л. Троцкого, а также

для раскрытия особого значения в революции отнюдь не Ленина, а самого автора книги «О Ленине».

В статье, напечатанной в связи с этой книгой в «Большевике» (№ 12–13), Троцкий пишет: «Эта книга — о Ленине. О других, в том числе и о себе, я говорю постольку, поскольку мне это необходимо, чтобы выделить или оттенить ту или другую сторону деятельности Ленина или его личную черту»*. Но эта оговорка, в особенности насчет себя, отдает излишней скромностью. Во всяком случае, о себе Троцкий в этой книге пишет немало, причем нередко параллель Ленин — Троцкий как бы подчеркивается и, где это автору кажется желательным, особо выпячивается вперед. Что это так — можно сослаться хотя бы на пару особенно сочувственных автору рецензий по поводу этой книги. Так, скандально прославившаяся рецензия некоего Г. Даяна в «Красной нови» ярко подчеркнула этот момент. Эта рецензия заканчивается такими словами: «Помимо своей прямой задачи, работа Троцкого облегчает нам уяснить себе величавую фигуру самого Троцкого. Перед нами встает не только образ почившего вождя, но и образ сплетавшегося с ним в годы революции его героического сподвижника. В этом дополнительная заслуга книжки»**. Но это подметил не только прыткий Г. Даян. В журнале «Печать и Революция» В. И. Невский поместил восторженную рецензию на книгу Л. Троцкого «О Ленине», в которой писал: «Книга тов. Троцкого во многих отношениях не только книга “О Ленине”, но и книга о Троцком». Тут же тов. Невский пропел совершенно неумеренный дифирамб Троцкому, весьма грациозно оговорившись: «Я не собираюсь писать дифирамб тов. Троцкому, так как являюсь противником всяческих и тем более партийных молебнов и акафистов, но хочу только сказать, что образ нашего вождя, зарисованный художественною кистью человека, о котором тоже можно сказать, что он в своем роде *primus inter pares*¹, так удачен, так близок и так дорог»***.

Ряд других рецензий также рассматривает книгу «О Ленине» не только как книгу о Ленине, но и как книгу о Троцком. Однако

* *Троцкий Л. Д.* Избыток усердия // *Большевик*. 1924. № 12–13. С. 102.

** *Даян Г.* Рецензия на книгу Л. Д. Троцкого «О Ленине» // *Красная новь*. 1924. № 4. С. 341.

*** *Невский В. И.* Литература о Ленине // *Печать и революция*. Кн. 4. 1924. С. 162.

если бы это объяснялось только излишним субъективизмом автора, то это представляло бы в общем сравнительно совершенно второстепенный интерес. В действительности же книга «О Ленине» имеет определенное политическое назначение. Она, в сущности, была подготовкой к нашумевшим «Урокам Октября». Книга «О Ленине» была написана раньше «Уроков Октября», но по основным вопросам об истории Октября и нашей партии за этот период она говорит то же, что говорится и в этих злосчастных «Уроках». Правда, в более поздней статье, в «Уроках», тов. Троцкий пошел дальше, высказался в ряде вопросов откровеннее, но это только значит, что отдельные, как будто случайные эпизоды и характеристики из «материалов для биографа» имеют тот же политический смысл, что и сами «Уроки». В форме «воспоминаний» здесь преподносится в общем то же, что в «Уроках Октября» преподносится в форме «истории». Однако кое в чем, как мы увидим дальше, в книге «О Ленине» Л. Троцкий был более откровенен, во всяком случае более прозрачен, чем в «Уроках Октября». Чего стоит, например, в главе «Правительственная работа» одно из «совершенно неожиданных» воспоминаний, относящихся к моменту перехода немцев в наступление в начале 1918 года.

— А что, — спросил меня однажды совершенно неожиданно Владимир Ильич, — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Бухарин со Свердловым справиться?

— Авось не убьют, — ответил я шутя.

— А чёрт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся. На этом разговор и кончился*.

Этот «совершенно неожиданный» разговор, припомнившийся совершенно случайно тов. Троцкому в 1924 г., конечно, очень характерен... характерен для самого Троцкого, для Троцкого 1924 г. Ну разве не правы Г. Даян и В. Невский, что книга Троцкого «О Ленине» есть не только книга о Ленине, но и книга о Троцком? Чтобы не было сомнений, как надо понимать это место в книге Л. Троцкого, понятливый Г. Даян разъясняет в своей рецензии: «Имеются косвенные указания, кого из “учеников” Ленин мыслил своими и Троцкого приемниками, лучшей “сменой”». Такие и подобные им «совершенно неожиданные» воспоминания и сопровождающие их рассуждения автора книги «О Ленине» дей-

* *Троцкий Л. Д. О Ленине. М., 1924. С. 105–106.*

ствительно заставляют говорить, в связи с этой книгой, не только о Ленине, но и об авторе книги — о Л. Троцком. Вернее даже будет сказать так: если в книге «О Ленине» автор мало что нового сказал о действительном значении Ленина для партии и пролетарской революции и немало сказал о Ленине такого, что или неточно, или двусмысленно, или в корне неправильно, то этой книгой дан незаменимый материал для характеристики некоторых политических черт самого Троцкого, для характеристики троцкистских взглядов.

Книга о Ленине как «материалы для биографа» Троцкого

Самой характерной чертой книги «О Ленине», мне кажется, можно считать ее политическую двойственность, ее внутреннюю идеологическую противоречивость. Это сказывается во всех крупных политических вопросах, которые затрагиваются в этой книге. Прежде всего, этот момент сильно выражен в оценке самого Ленина, в характеристике его личности. В книге «О Ленине» можно найти много восторженных характеристик Ленина. Местами эти характеристики написаны очень красочно и искусно. Разбирая характеристику Ленина в статье Уэльса «Кремлевский мечтатель»* и в статье М. Горького «Владимир Ленин»**, Троцкий в большинстве случаев удачно и метко вскрывает убогое филистерство Уэльса, а также «банальный психологизм» и «весьма-таки мещанское морализирование» Горького. «Мещанин» и «филистер», как назвал Уэльса Ленин, получает от Троцкого по заслугам. «Псаломщику культуры»² Горькому достается также в большинстве случаев очень и очень, за дело. Но там, где Троцкий переходит к своей характеристике Ленина, далеко не все обстоит благополучно. Так, почему-то Троцкому для объяснения того, почему «Ленин избегал нередко говорить с разными ходатаями, представителями и им подобными», потребовалось утверждать: «...он (Ленин) предпочитал брать прицел по невидимому врагу,

* Wells H. G. The Dreamer in the Kremlin //The New York Times, 5 December 1920. P. 1, 3

** Горький М. А. Владимир Ленин //Русский современник. Кн. 1. М.-Л., 1924. С. 229-244.

чтобы не развлекать своего зрения случайными обстоятельствами и не передобрить». Вряд ли можно признать правильной такую характеристику Ленина, «предпочитающего прицел по невидимому врагу». Во всяком случае, сказать, что, например, во время Октябрьской революции Ленин предпочитал «брать прицел по невидимому врагу», никак не подходит. Одно дело — нелюбовь к «видимым» и «невидимым» ходатаям и разговорам с ними, другое дело — непосредственная борьба с классовыми и политическими врагами вместе и во главе с теми, кто с оружием в руках бьет этих самых настоящих и притом великолепно «видимых» врагов на внутренних и внешних фронтах.

А этих последних случаев за годы революции, как мы знаем, у Ленина было не мало.

В печати уже был отмечен другой поразительный пример характеристики Ленина в книге Л. Троцкого. Из непреклонного, твердого и решительного революционера Троцкий сделал Ленина таким, который «при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора», причем тут же другие, и в том числе сам Троцкий, изображены совсем иначе. Фигура Ленина встает в этом случае в совершенно неправдоподобном и прямо в изуродованном виде. Можно только удивляться, для чего это явное преувеличение и искажение потребовалось автору книги «О Ленине»?

Или возьмем еще пример. В главе «Правительственная работа» Троцкий особенно подчеркивает, что в период Смольного Ленин «неизменно повторял, что через полгода у нас будет социализм, и мы станем самым могущественным государством». Делается при этом ссылка на тезисы о мире, написанные в январе 1918 года. Дальше говорится, что «он (Ленин) прибежал тут при этом крутом переходе к столь свойственному ему методу перегибания палки: вчера говорил, что социализм есть конечная цель, а сегодня — должны мыслить, говорить и действовать так, чтобы обеспечить господство социализма через несколько месяцев». И вдруг, для того, чтобы подчеркнуть «могучий идеализм Ленина», Троцкий набирает курсивом: *«Он (Ленин) верил в то, что говорил»*. Как будто ссылкой на «могучий идеализм» Ленина можно доказать все, что угодно, и как будто нет никакого внутреннего противоречия в словах самого т. Троцкого, когда он несколькими строками выше сам говорит о «методе перегибания палки, столь свойственном

Ильичу» в нужный момент. Во всяком случае, убедительность утверждения т. Троцкого о слишком упрощенном представлении Ленина насчет социализма сильно страдает от его же собственных предшествующих разъяснений. Валить на «идеализм» можно очень многое, но зачем же изображать Ленина таким, каким его не знали другие, кроме, видимо, Троцкого? Конечно, не только другие, но и Ленин в этот первый период Смольного «сжимал этапы и сокращал сроки» в своем представлении... о дальнейшем развертывании революции и пролетарского строительства, но не надо приписывать Ленину таких уж грубо-преувеличенных ошибок, которые, вероятно, были кое-кому свойственны, но всего меньше именно Ленину. Пусть бы тов. Троцкий ограничился на этот раз сообщением о том, что думал он в это время насчет «этапов» и «сроков». Быть может, тогда нам стало бы понятнее, почему и на седьмой-восьмой год революции Л. Троцкий так часто нервничает, так часто обнаруживает элементарную для пролетарского революционера невыдержанность, ища причин в затяжке международной рабочей революции не столько в объективных условиях, сколько в мнимых «ошибках» теперешних руководителей коммунистических партий.

Высоким «штилем» Троцкий пишет, что «в том гениальность и состоит, что через Ленина молодой русский пролетариат освобождается от ограниченности условий своего развития и достигает исторической универсальности. Оттого глубокая почвенность Ленина органически расцветает истинной, творческой, непобедимой интернациональностью»*. Но наряду с этим вносится некоторая двойственность в эту характеристику Ленина и ленинизма, когда Троцкий говорит: «*Крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку (это “поскольку” нужно, видимо, постольку, чтобы смазать начало фразы концом ее. — В. М.) она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей... Крестьянская подоплека преломилась тут через пролетариат, через самую динамическую силу нашей, да и не только нашей, истории, и этому преломлению Ленин дал законченное выражение. В этом именно смысле Ленин есть головное выражение национальной стихии*»**.

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 99.

** Троцкий Л. Д. Верное и фальшивое о Ленине (Мысли по поводу горьковской характеристики Ленина) // Правда. 1924. 7 октября.

Не раз подходит Л. Троцкий к вопросу о «крестьянской подоплеке» у ленинизма, и в «крестьянской сметке» у Ленина, и к тому, что Ленин «головное (!) выражение национальной стихии» (?!), и наряду с фразами, что Ленин гениально преодолел всякую ограниченность, старательно подчеркивается «национальное» значение Ленина, его «мужицкая подоплека». Однако для основателя и вождя III Интернационала нам кажется более характерной не «мужицкая подоплека» и не «головное выражение национальной стихии» в Ленине, а то, что он (Ленин) впитал в себя самое важное и подлинное революционное из интернационального (в том числе российского) рабочего движения и из мирового движения всех угнетенных народов против гнета империализма. В отмеченной выше характеристике у Троцкого сказывается явственная двойственность, противоречивость и искажение действительного интернационального значения Ленина. Не хватало только прибавить: Ленин и ленинизм с «крестьянской подоплекой» и с душком «национальной стихии», настоящих же пролетарских революционеров надо искать в другом месте... например, среди сторонников «непрерывной» революции.

Или сравнение Ленина с Марксом. И здесь Троцкий, с одной стороны, отмечает: «Гениев-вождей рабочего класса, их два только насчитывает мировая история: Маркс и Ленин», а рядом с этим Троцкий говорит: «Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший исполнитель заветов (курсив наш. — В. М.), научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы на опыте, в тягчайшей обстановке, действуя, маневрируя и побеждая». И здесь сквозит известная двойственность в характеристике Ленина. Троцкий почти нигде в своей книге не касается вопроса о значении теоретических работ Ленина. Если не считать упоминания о книге «Развитие капитализма в России»*, то Троцкий в книге «О Ленине» обходит вопрос о значении теоретических работ В. И., а фразой о том, что «Ленин — исполнитель заветов», как бы подтверждается, что Троцкий обходит вопрос о значении теоретической работы Ленина не случайно. Во всяком случае, неясность в этом вопросе остается, впечатление двойственности в оценке Ленина даже здесь не исчезает.

В дальнейшем мы особо остановимся на том, как оценивает Троцкий взаимоотношения Ленина с партией и на вопросе о роли

* В статье «Ленин и старая “Искра”». С. 8.

Ленина в октябрьском восстании. Сейчас же нам необходимо перейти к той основной характеристике Ленина, которую Троцкий неизменно подчеркивает в ряде мест. В ответе Горькому Троцкий пишет: «Определить человека одним словом трудно. Сказать: великий, гениальный, значит — ничего не сказать, но если бы требовалось обозначить Ленина одним определением, то я сказал бы: “целеустремленный”». О «целеустремленности» Ленина Троцкий говорит в ряде других мест*, везде подчеркивая, что это основная черта В. И. Но что такое эта «целеустремленность»? Возьмем то определение этого понятия, которое вполне удовлетворяет т. Троцкого. Он пишет: «Правильно говорит Горький, что “Ленин, это — изумительно совершенное воплощение воли, устремленной к цели”. Целеустремленность Ленина — основная его черта», — заканчивает т. Троцкий. Итак, определением «целеустремленный Ленин» подчеркивается, прежде всего, воля, — воля, направленная к цели. Этим Троцкому, видимо, хочется подчеркнуть, что волевой элемент в Ленине был на первом плане, что в этой воле и стремлении к цели была будто бы «вся суть Ленина, самая сердцевина его». Ведь Ленин был «насквозь целеустремленный», рассказывает Троцкий еще про Ленина 1902 года. Однако насколько правильно такое определение якобы «всей сути» Ленина? Пожалуй, в рядах той партии, вождем которой был В. И. Ленин, найдется не один товарищ, у которого на первом месте главной чертой и «сердцевиной» была воля, устремленная к цели. А все тот же догадливый Г. Даян из «Красной нови» нашел, что «целеустремленность», о которой с такой любовью говорит т. Троцкий, эта целеустремленность составляет «духовную природу самого т. Троцкого...»**.

Вот, оказывается, в чем дело! А как же быть с тем, что эта книга не о Троцком, а — называется, по крайней мере, — «О Ленине»?... И, тем не менее, Г. Даян гораздо более меток и, во всяком случае, более удачен в своем определении «духовной природы», чем т. Троцкий. Пожалуй, с Г. Даяном можно согласиться в характеристике основной черты... автора книги «О Ленине». Но сам Ленин, подлинный и признанный вождь нашего и всего мирового пролетариата, никак не укладывается в Прокрустово ложе опре-

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 19, 42, 48, 110.

** Даян Г. Указ соч. С. 342.

деления его якобы «сердцевины», данного Троцким. Как в подлинном и действительно исключительном вожде революционного пролетариата, в Ленине не могла преобладать и быть основной чертой воля. Во всяком случае, никак нельзя признать, что в воле и в стремлении к цели была «вся суть» и «сердцевина» Ленина. При всей самой великолепной «целеустремленности», при непреклонной воле Ленин не был бы Лениным, если бы эта воля и вся его целеустремленность не вливалась в то ленинское русло правильной пролетарской политики и марксистски-выдержанной коммунистической идеологии, которое по меньшей мере столь же характерно для Ленина, сколь воля, однобокая целеустремленность, скажем, для Троцкого. Именно в том и заключалась основная и особенная «черта» Ленина, что у него не преобладала воля над разумом, а наоборот, разум настоящего вождя, необыкновенно одаренного и впитавшего в себя сущность основных результатов современной науки и опыта международного рабочего движения, сливался с революционной волей, если угодно, с целеустремленностью. Поэтому-то нам кажется совершенно неудачным и прямо неправильным такое подчеркивание целеустремленности Ленина, какое делает Троцкий в своей характеристике Ленина. Эта черта, во всяком случае, составляет не больше, а скорее меньше половины настоящей «сути и сердцевины» Ленина. Слишком же усердное подчеркивание целеустремленности в Ленине может быть понято только в том случае, если смотреть на Ленина как на одного из «выполнителей заветов». Но Троцкий не решился прямо сказать это (т. е. то, что он сказал при сравнении Ленина с Марксом) в связи с определением «целеустремленности» Ленина.

Нельзя не согласиться с Троцким, что определить Ленина одним словом — задача очень трудная. Не рискуя, со своей стороны, давать такие краткие определения, мы, исключительно в противовес однобокому определению «целеустремленный», считали бы возможным и важным подчеркнуть такую черту Ленина, которая бесспорна для всех, кто прямо или косвенно (по его литературному наследству) знал Ленина и всех тех, кто еще его узнает. Эта черта — цельность, полное внутреннее единство Ленина. Фигура Ленина стоит перед нашими глазами как литая, высеченная из одного необыкновенного куска. Вот определение самого т. Троцкого, которое нам кажется гораздо более удачным: «В одной фигуре — воплощение революционной мысли и непреклонной энергии

рабочего класса. Эта фигура — Владимир Ильич Ленин»*. В воспоминании о первом своем знакомстве с Лениным в 1902 году Троцкий указывает, что еще тогда «Ленин становится Лениным». И сказать после этого, что основной чертой и сердцевиной Ленина является «целеустремленность», значит — дать однобокое, неверное, фальшивое определение Ленина. При неправильном подчеркивании целеустремленности, пожалуй, делается понятным такое определение якобы «главной пружины ленинского духа»: «глубокое и неукротимое убеждение в могучих возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой (??!) ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа»**.

Позвольте все же усомниться в этом! Позвольте выразить сомнение в том, что убеждение в «возможностях (!) человеческого развития» достаточно для любых (!) «жертв и страданий». Не является ли все это определение «ленинского духа» просто фразой, и притом фразой неловко-напыщенной, однобоко-фальшивой?

К этому приводит тов. Троцкого перегиб палки в вопросе о целеустремленности. Целеустремленность-то — вещь хорошая и очень нужная. Без настоящей революционной целеустремленности не может быть не только великого вождя коммунистической революции, но и вообще порядочного революционного коммуниста. Однако когда эта целеустремленность, иначе говоря, воля к достижению цели, преобладает над разумным выбором средств и путей к этой цели, то «целеустремленность» может довести до великой беды. Вот это, так сказать, обратная сторона неограниченной правильным «ленинским» учетом обстановки «целеустремленности». Одним из характерных примеров опаснейших ошибок слишком «целеустремленных» людей может считаться памятная эпоха Бреста.

В своей книге «О Ленине» тов. Троцкий посвящает этой эпохе специальную главу «Брест-Литовск». В этой главе он всячески старается доказать — как бы это повежливее сказать! — совершенно недоказуемое. Он пытается здесь убедить, что в сущности между ним и Лениным в эпоху Бреста «не было и тени разногласия»!..

В этой части книги особенно богаты «воспоминания» тов. Троцкого. Целые страницы диалогов Троцкого с Лениным, очень живо

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 152.

** Там же. С. 113.

восстановленных теперь Троцким, должны во что бы то ни стало доказать, что Троцкий если чем и отличался от Ленина в эту эпоху, то разве только одним — большей дальнорукостью, большим умением выходить из самых трудных положений. Помимо всех прочих заслуг, оказывается, Троцкому принадлежит не больше и не меньше как спасение партии от раскола в этот момент. Страницы 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86 сплошь заполнены такими диалогами Троцкого с Лениным, которыми Троцкий хочет доказать преимущества своей печально знаменитой формулы: «войну прекращаем, но мира не подписываем». На всякий случай Троцкий делает оговорку, что «приведенные в этой главе диалоги имеют, разумеется, лишь приблизительный характер», но эта оговорка только, как Чернышевский выражался, — «для проницательного читателя», а может быть, просто от избытка скромности.

Вся эта глава настолько путана, настолько внутренне противоречива, настолько наполнена желанием доказать недоказуемое, что подробно разбирать ее здесь представляет большие затруднения. Надо бы это сделать особо. Можно только посоветовать товарищам, которые интересуются действительной историей эпохи Бреста, ознакомиться непосредственно с документами периода Бреста. Ведь многое об этом уже опубликовано. Особенно полезно прочитать речь самого Троцкого на 7-м съезде партии. Из протоколов съезда и прежде всего из этой речи Троцкого и ответа ему Ленина можно узнать действительное отношение Троцкого к вопросу о революционной войне, которую так усердно тогда защищали «левые коммунисты». Из этих протоколов, и в частности из той части речи самого Троцкого, где он говорит об отношении к подписанию мира с Украинской Радой, легко убедиться, что Троцкий в ту пору был гораздо ближе к опаснейшей и прямо губительной политике «левых коммунистов», чем к осторожной и выдержанной революционно-пролетарской политике Ленина*. Только под прямым ультиматумом Ленина о своем выходе из ЦК Троцкий вместе с частью «левых коммунистов» в ЦК воздержался, и это дало возможность Ленину получить большинство в ЦК и провести правильное решение.

* Ещё раз: полезно ознакомиться с протоколами Седьмого съезда партии. См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962.

Об этих ошибках Троцкого и других товарищей Бреста за последние годы вспоминали редко, но теперь, когда, пишутся книги в оправдание опаснейших политических ошибок, надо напомнить, что никакие «диалоги», никакие «воспоминания» хотя бы и «для биографов» не устранят фактов и бесспорных документов об этих фактах.

Брестский период показал, что самая могучая «целеустремленность» может не только принести пользу революции, но и привести к гибели ее. В революционной целеустремленности Троцкого и «левых коммунистов» того периода не может быть никаких сомнений. Однако спаси нас будущая история от такой «целеустремленности»! Лучше немного поменьше «целеустремленности», но больше того, чему учил Ленин, чем дышала вся его фигура: побольше умения связать цель и средства, умения соединить революционную волю и пролетарский разум в достижении основных задач коммунистической революции.

Итак, целеустремленность — не «сердцевина» Ленина и ни в каком случае не «вся его суть». Кое у кого насчет «целеустремленности», может быть, и обстоит так, но потому-то Ленин и был Ленин — литой, цельный, а Троцкий скорее, скажем, «целеустремленный», односторонне-волевой по своим личным качествам и двойственный, внутренне-противоречивый по своей политике, в особенности в переломные исторические моменты. Но неужели, в самом деле, мы дожили до такой поры, когда нужно доказывать, что Ленин — не Троцкий, а Троцкий — не Ленин?

«Ленин становится Лениным», как признает Л. Троцкий, еще с начала 900-х годов. С тех пор, став во главе партии, он умеет быть «разным» в разное и даже в одно и то же время: несокрушимо решительным и выжидательно гибким бойцом-политиком и теоретиком-марксистом, условно национальным — для русской революции и безусловным интернационалистом как творец и вождь III Интернационала и т. д., и т. д.

И все-таки в Ленине воплощены эпоха пролетарской революции, восстающий против капитализма рабочий класс и, быть может, прежде, всего, его идеология и партия — большевизм. И все-таки Ленин был литой и цельный, такой же литой и цельный, как сама монолитная большевистская партия. Ленин был воплощением того нутра, сердцевины большевистской партии, которая на протяжении всей своей истории оставалась несрав-

ненной пролетарской партией во всем мире, которая всей своей историей, а не только в «решающий год» (так любит называть тов. Троцкий 1917 год, — кстати сказать, год вступления Троцкого в нашу партию) доказала, что она не даром прошла предшествующие 15 лет борьбы с оппортунистическими, шатающимися и примиренческими, в том числе троцкистскими, элементами в революционном рабочем движении.

Троцкий в эти долгие годы подготовки к Октябрю был не с нашей партией, а в большинстве случаев жестоко сражался с нею, находясь вместе, в одних рядах с ее меньшевистскими противниками. У нас нет основания сомневаться в том, что и тогда у т. Троцкого революционной целеустремленности было достаточно, а вот понимания настоящих революционных путей подготовки к Октябрю, понимания большевистской политики и строительства действительно пролетарской партии, — этого у него не хватало, этого вплоть до революции он не умел найти в большевизме. Поэтому, войдя в нашу партию за два-три месяца перед октябрьским восстанием, он с огромной пользой применил свою целеустремленность в эпоху восстания, но, как теперь стало ясно, далеко не изжил идеологических шатаний и противоречий своего меньшевистского прошлого. От этого-то наряду с большой и действительно принесшей партии и рабочему классу несомненную пользу революционной целеустремленностью (столь необходимой, когда она в нужный момент направлена по верному руслу, как это было в октябрьские дни), в идеологии и, прежде всего, в политической линии т. Троцкого столь чувствуются внутренняя противоречивость, двойственность, остатки и пережитки троцкизма, который шел в ногу с меньшевизмом в долгие годы подготовки к Октябрю. Политическая двойственность, внутренняя противоречивость Троцкого особенно подчеркиваются именно исключительной цельностью, несокрушимым внутренним единством во всей фигуре Ленина. Этими последними чертами Ленина и отражает подлинную сердцевину большевистской партии. Не от каждого этого можно требовать.

**Об отношении к партии:
пример Ленина и пример Троцкого**

В книге «О Ленине» естественно уделить большое внимание ленинской партии. Как бы ни назвать эту книгу, хотя бы «материа-

лами для биографа», дело идет о вожде, о созидателе, о неизменном руководителе, о живом воплощении партии октябрьского переворота. Понятно, что в книге, основная часть которой называется «Вокруг Октября», партия должна была занимать очень и очень заметное место. У Троцкого получается не так, даже совсем — совсем не так. Партия появляется там и тут, при рассказах об отдельных эпизодах, и притом обыкновенно в таком неприглядном, неказистом виде, что трудно в изображении Троцкого узнать нашу славную «большевистскую когорту». Естественно, что Троцкий говорит не вообще о партии, а в связи с Лениным. Но взаимоотношения Ленина с партией рисуются им в таком виде, что и Ленин, и партия становятся непохожими сами на себя. Догадливые люди так пытаются разъяснить это дело. Еще раз (в последний раз!) процитируем восторженного рецензента Г. Даяна: «Еще одно ошибочное представление о Ленине рассеивает т. Троцкий. Обычно принято (?) думать, что партия всегда и неизменно покорно (!) следовала за Лениным, трепетно ловила каждый взмах его дирижерской палочки (!). Троцкий эту легенду разрушает. Он показывает нам Ленина, борющегося с установившимися взглядами партии, Ленина, подчас уступающего и одинокого».

Наговорить столько пошлостей и чепухи в нескольких фразах мог только такой несуразно-восторженный рецензент, как Г. Даян. Сей рецензент достаточно показывает, насколько ему чужд истинный дух нашей партии и насколько сам он чужд этой партии, но беда в том, что эту бьющую в лицо правде характеристику взаимоотношений Ленина и партии пытаются обосновать на книге Троцкого «О Ленине». Беда в том, что книга «О Ленине» питает подобные представления о партии и о Ленине.

Если обратиться к самой книге, то здесь действительно дается немало двусмысленных характеристик нашей партии, а отношение Ленина к партии отражено прямо в кривом зеркале. Здесь особенно старательно раздуваются те разногласия, которые были в партии в 1917 году. Тогдашние разногласия отдельных товарищей с Лениным здесь изображаются иной раз прямо как оппозиция чуть ли не всей партии своему вождю. Троцкий явно ищет аналогии современному его положению в партии и потому чересчур «натягивает тетиву» фактов. С особенным удовольствием им подчеркивается, как Ленин вел борьбу против той части «старых большевиков», которые «не раз уже играли печальную

роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно-заученную формулу». Эта фраза о «старых большевиках» настолько нравится т. Троцкому, что затем она повторяется в «Уроках Октября», и там она уже превращается в отравленное худшими приемами троцкизма орудие борьбы с основными большевистскими кадрами. Троцкий, лишь вскользь затушевывая картину, рассказывает о начале своего приближения в этот момент к нашей партии. Это остается смазанным привычными автору общими фразами. Зато ошибки и колебания отдельных товарищей из большевиков выпячены из всей истории нашей партии этого периода и представлены в совершенно неверном освещении.

В тех же «Уроках Октября» эти признанные ошибки отдельных товарищей (Каменева, Зиновьева и др.) служат главной темой и представлены уже в окончательно извращенном виде. В вопросе об отношении к партии и о событиях вокруг октябрьского восстания книга «О Ленине» особенно связана с книгой «1917». Здесь в большинстве случаев говорится об одних и тех же вопросах, но то, что в книге «О Ленине» было сказано вполголоса, намеками и экивоками, то в «Уроках Октября» Троцкий превратил в политическую платформу для наступления троцкизма на... Ленина и ленинизм.

В «Уроках Октября» Троцкий в конце статьи, по обычной своей манере, делает реверансы перед партией: «Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия». Так говорит Троцкий в связи с вопросом о предстоящей революции... в Англии*. И вот, для сравнения, как он говорит в той же статье о нашей партии 1917 года: «Понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, *прежде чем партия могла решиться* (курсив наш. — В. М.) обновить свое название, вернувшись к традициям Маркса и Энгельса». Не хватает только сказать: вот чего стоила большевистская партия в 1917 году! Однако не только нам, членам этой партии, но и широким рабочим массам не нужно доказывать, что большевистская партия в 1917 году, еще до прихода т. Троцкого в ее ряды, стоила и заслужила того, чтобы идти во главе двигавшегося к победе российского авангарда международного пролетариата.

* Троцкий Л. Д. 1917 г. М., 1924. С. XL.

Здесь мы лишний раз видим характерную для Троцкого двойственность, даже в отношении к партии. Это та самая двойственность, которая в январе 1924 года продиктовала ему слова: «Партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях»*. А всего через 4 месяца, на XIII съезде партии, т. Троцкий говорил свои фальшиво-напыщенные фразы: «Партия в конечном счете всегда права»**.

Еще из области этой же самой политической двойственности т. Троцкого в отношении к партии. Вчера еще он был ужасным партийным «демократом» (не будем сейчас вспоминать, что было с Троцким позавчера); сегодня, в книге «О Ленине», он по-своему и совершенно извращенно рисует взаимоотношения Ленина и партии. При этом, — проследите не только по книге «О Ленине», но и по «Урокам Октября», — Ленин хорош в изображении Троцкого, когда он неистово нажимает на партию или когда он единолично, не советуясь не только с партией, но и не спросив ЦК, решает важнейшие вопросы революции, не то между делом, не то в процессе разговора с отдельными товарищами. Так, например, изображен Ленин в главе «Разгон Учредительного собрания». У Троцкого получается примерно такая картинка отношений между Лениным и партией, по крайней мере, в острые моменты. В 1917 году Ленин «организовал борьбу внутри собственной партии против тех “старых большевиков”, которые» и т. д... Или: «Ленин требовал (от партии, что ли? — В. М.) категорического разрыва»*** с буржуазным либерализмом и оборончеством. Или еще: «Партия сама еще не сознавала... Ленин уверенно вел ее...»****.

Вот какими словами рисует Троцкий взаимоотношения Ленина и партии. Вот какие приемы обращения с партией Троцкому кажутся не только похожими на действительность, но, видимо, и более подходящими по существу. Это один из примеров, как у некоторых партийных «демократов» преломляются отношения вождя и партии. Такие представления о партии слишком напоминают не живую жизнь партийной организации, а действительность

* Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924. С. 9.

** Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1924. С. 167.

*** Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 54.

**** Там же. С. 52.

совсем из области другой организации, которая и строится-то по совершенно другим, чем партия, принципам.

В свое время, по поводу тезисов тов. Троцкого о профсоюзах, В. И. говорил: «Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и пр.; есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознания и воли, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте»*. Пожалуй, кстати напоминание теперь о том, чтобы не только в тезисах, но и в книжках тов. Троцкий избегал нехорошего выпячивания таких своих политических качеств, на которые еще раньше пальцем указывал Ленин.

Троцкий совершенно неверно характеризовал отношение между Лениным и партией. Ни в 1917 г., и никогда в другое время у Ленина не было таких взаимоотношений с партией, как это изображено в книге «О Ленине» и в «Уроках Октября». Ленин умел и мог стоять во главе партии, главным образом, благодаря тому, что его гениальное руководство партией было признанным, не навязанным ей, оно являлось не в порядке «требований» Ленина к партии, а наоборот, благодаря тому, что Ленин наиболее сильно, дальнозорко и ясно выражал мысль и волю партии. Ленина поэтому никто не сможет противопоставить партии. Ленин мог противостоять в отдельных случаях той или другой части партии, но может ли живая развивающаяся партия обойтись без борьбы мнений, без отдельных разногласий? Все мы приветствовали бы и тов. Троцкого, если бы он повел в нашей партии неутомимую идейную борьбу за ленинизм, за идейные и политические основы большевизма, как это делал Ленин, а не так, как теперь все чаще делает Л. Троцкий, поставивший себе плохую задачу привить партии подновленные, особые троцкистские ячейки, неизменно и безнадежно проваливавшиеся в ходе революции. Ленину не раз приходилось бороться за преобладание того или другого мнения в партии, но Ленин не противопоставлял себя партии, он всегда с нею, всегда первый и признанный руководитель партии. Не мешало бы на опыте Ленина понять, что претензия на руководство в нашей партии не может быть основана только на том отношении к ней, которое было у Ленина с партией. В этой области история

* Ленин В. И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 221.

партии должна еще раскрыть поучительнейшие картины, поучительные, т. Троцкий, не только для коммунистов ленинского призыва. Поучительные потому, что Троцкий встал на опасный путь противопоставления себя партии. Но если теперь в свое оправдание он хочет задним числом изобразить Ленина противопоставленным партии, то это ему не удастся. Этого никому не удастся сделать.

Сам тов. Троцкий, работая в партии только со времени революции, мог раньше лишь со стороны наблюдать взаимоотношения Ленина с партией. И в его изображении сказывается не действительное положение дела, а то, видимо, что в его представлении является естественным и законным. На это можно, однако, сказать, что полагаться на свой опыт и на свои представления о партии надо с очень большой осторожностью. Троцкий слишком два десятка лет принимает активнейшее участие в революционной работе. Он наблюдал непосредственно близко перипетии внутренней жизни как нашей партии, так и партии меньшевиков. Его опыт в этом отношении как будто шире и разностороннее опыта многих старых большевиков. Но ведь именно поэтому этот опыт для нашей партии не всегда пригоден.

Троцкий в течение многих лет пытался быть вне фракций, пытался при этом играть роль внефракционного примиренца, иногда оставаясь даже и вне меньшевистской организации. На деле ему никогда не удавалось выполнить роль действительного примиренца. В течение почти всего дореволюционного периода внефракционность Троцкого сводилась фактически к поддержке меньшевиков. На деле чем больше тов. Троцкий занимался «примиренчеством», тем дальше расходились между собой фракции большевиков и меньшевиков, тем больше они оформлялись в особые партии. Но факт остается фактом. Троцкий часто пытался уместиться либо между борющимися фракциями, либо быть над партийными организациями. Во всяком случае, в расплывчатой меньшевистской организации он обыкновенно не чувствовал себя чем-нибудь стесненным, так как эта организация в течение долгих лет его вполне удовлетворяла. В большевистскую же организацию до революции он не входил.

В связи со сказанным выше нужно сделать два следующих вывода об отношении Троцкого к партии в настоящий момент.

Первый вывод. Если в дореволюционный период, когда Троцкий фактически был в меньшевистском плену, он пытался, хотя

и неудачно, «играть роль примирителя» между большевиками и меньшевиками, то в настоящий момент Троцкий берет на себя обратную задачу. И книга «О Ленине», и еще больше «Уроки Октября» занимаются усиленным раздуванием отдельных прошлых разногласий внутри партии. Прежний «примиренец» теперь выступает в роли азартного разжигателя разногласий в нашей партии. Для этого в 1924 г. притягиваются прямо за уши события из партийной истории в 1917 г. Троцкий в 1924 г. неудачно пытается продолжать роль Ленина, беспощадно бичевавшего эти ошибки в эпоху Октября. Это не только совершенно не к лицу Л. Троцкому, но из этого так же ничего не получится, как ничего не получилось из бывшего «примиренчества» Троцкого. Разлагающие партию статьи Троцкого не достигнут сейчас поставленной в них цели: партия в Октябре перешагнула через ошибки отдельных товарищей, а теперь перешагнет через ошибки Троцкого и пойдет дальше.

Но разница между ошибавшимися в Октябрьские дни товарищами и тов. Троцким заключается в том, что они сами уже давно и безоговорочно признали свои тогдашние ошибки, а Троцкий не только не набрался смелости признать даже основные свои ошибки, но и теперь к прежним прибавляет новые, все более грубые политические ошибки.

Второй вывод. В течение долгих дореволюционных лет партийное положение Троцкого в большинстве случаев было положением революционера-одиночки. Связываясь организационно, в отдельных случаях целиком, в других — не целиком, с организацией меньшевиков, Троцкий в то время, в тогдашней меньшевистской партии, мог доставить себе роскошь интеллигента-революционера, который органически не был связан ни с какой партийной организацией, который не вращался организационно прочно, по крайней мере на долгое время, в партийную организацию. Троцкий политически рос в эти годы как интеллигент-марксист, как одиночка-революционер. Из Троцкого поэтому не могла сложиться фигура настоящего пролетарского революционера типа большевика. Но, по крайней мере с конца февральской эпохи революции 1917 г., Троцкий, перейдя в ряды большевистской партии, должен был понять, что прежнего отношения к партийной организации дальше у него не должно быть. То, что было для Троцкого возможно в прошлом по отношению к партии меньшевиков, то и раньше было

невозможно по отношению к нашей партии; это будет и дальше невозможно по отношению к партии большевиков до тех пор, пока она останется действительно ленинской, большевистской партией. Никакие слова хвалы, никакие фразы с признанием великого значения партии не могут заменить правильного, революционно-пролетарского отношения к ней на деле. Поэтому-то тов. Троцкий должен понять непримиримость с большевизмом как двойственности в отношении к партии, так и внутренней противоречивости теперешней своей политической позиции.

Об Октябрьском восстании, о новой теории разведок и прощупываний и о лозунгах Октября

Для всех нас Ленин и Октябрьская революция не отделимы. Роли Ленина в октябрьском восстании, роли действительного вождя, подлинного вдохновителя и руководителя партии и масс Л. Троцкий в главе «Переворот» дает совсем «новое», свое толкование и оценку Ленина в эпоху октябрьских событий. Ленин выступает перед нами, прежде всего, в роли заговорщика, при этом весьма неудачного заговорщика. Оказывается, находясь перед октябрём в подполье, «он требовал немедленного приступа к правильному заговору (курсив наш. — В. М.)». Оказывается, Ленин переоценивал проникательность и решительность врагов, требовал от партии того, чего она не могла и не должна была делать в решающие дни перед восстанием.

С Лениным, с таким, каким его вымыслил сам Троцкий, он следующим образом назидательно полемизирует в книге «О Ленине»: «Брать власть собственной рукою, независимо от Совета и за спиной его, партия не могла. Это было бы ошибкой». Дальше: «Если бы восстание совершилось за спиной Совета, вне связи с ним... это могло бы вызвать опасное замешательство в гарнизоне».

Описывая дальше положение в Центральном комитете перед Октябрём, Л. Троцкий снова подчеркивает позицию Ленина, который будто бы требовал «немедленной организации восстания независимо от Советов». Наконец, через пару страниц Л. Троцкий изображает самый решающий момент октябрьского восстания — вечер 25-го октября. Здесь мы узнаем: «Я понял, что он (Ленин) только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заго-

вора. Только теперь — вечером 25-го октября — он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события» (С. 75)*.

Чтобы подтвердить, что это не просто отрывок случайных легкомысленно написанных воспоминаний, которые можно еще дальше «исправлять, уточнять и дополнять» (слова из предисловия), следует дополнить эти места из книги «О Ленине» ссылками на соответствующие страницы в «Уроках Октября». В этих «Уроках» Троцкий сверх всего предыдущего добавляет, что Ленин советовал начать восстание в Москве (совершенно в ложном свете описывая соответствующие указания. — В. М.), и при этом поучает Ленина следующим образом: «Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом *захвата власти партией* (курсив наш. — В. М.) — одно, а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда Советов — совсем другое».

После всего этого стоит взглянуть через такие очки Троцкого на вождя Октябрьской революции. Перед нами стоит не Ленин, не наш Ильич, а совершенно жалкий образ запутавшегося в событиях человека. Троцкий, снисходительно, конечно, находит оправдания для Ленина: Ленин-де переоценивал догадливость врага, Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренного перелома, происшедшего к этому времени в ходе революционных событий и настроений. Да к тому же ведь Ленин вечером 25-го октября (Троцкий прибавляет: «только теперь, вечером 25-го октября!...») понял (понял!) «путь, каким пошли события!» Но после такого оправдания приписанных Ленину чудовищных ошибок (конспиративное заговорщичество, захват власти партией за спиной Советов и т. п.) Ленину уже не подняться в настоящие вожди октябрьского переворота. Если судить по Троцкому, не подняться! Троцкий приготовил для него совсем другое место.

Теперь взглянем, как по сравнению с этим Троцкий изображает свою роль в октябрьских событиях. Об этом в книге «О Ленине» говорится не так ясно, как в знаменитых «Уроках Октября». В этих последних Троцкий изображает себя организатором «тихого», почти «легального», или, как он еще говорит, «сухого», вооруженного восстания 9-го октября, к которому «восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Оказывается,

* Во всех этих цитатах курсив наш. — В. М.

когда «мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе $\frac{2}{3}$ гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении, а между тем исход восстания 25-го октября был уже на $\frac{3}{4}$, если не более предопределен в тот момент». Дальше, по Троцкому, оказывается, что мы еще за две с лишним недели до съезда Советов на $\frac{3}{4}$, если не на $\frac{9}{10}$, совершили октябрьский переворот.

Вот теперь перед нами полная картина, на которой нарисованы Ленин и Троцкий в октябрьские дни: один — Ленин — жалким заговорщиком, другой — Троцкий, который «на $\frac{9}{10}$ » провел это восстание. Перед нами Ленин — неудачник «конспиративного заговора» и рядом Л. Троцкий — герой «тихого» восстания.

Легко сравнить, не трудно выбрать не только партии, но и широким беспартийным кругам! Трудно даже представить себе, что тов. Троцкий сознательно хотел такого сравнения, какое у него получилось. Но на деле получилось прямое противопоставление себя Ленину и — совершенно ложная картина участия и влияния на события Ленина и Троцкого. Получилось явно и в корне фальшивое изображение всех основных фактов октябрьского переворота. Совершенно невозможно примириться с мыслью, чтобы подобное описание событий октябрьского переворота было возможно 2–3 года назад при Ленине, даже если бы это писал тот же самый Л. Троцкий. Но и теперь не только для участников октябрьских событий, но и для всех интересующихся и изучающих эту эпоху прекрасно видима полная несостоятельность и лживость описания октябрьских событий и роли в них руководящих товарищей в «Уроках» Троцкого. Теперь уже приведены в печати ряд основных фактов, восстанавливающих действительную картину октябрьских событий. Никакого сомнения не может быть в том, что простое описание фактов не оставит от этого изображения Троцкого камня на камне.

Стоит ли останавливаться еще на том, что у самого Троцкого не просто сквозят, а прямо торчат наружу внутренние противоречия в описании событий эпохи Октября. Ленин, по его изображению, еще в середине октября защищает конспиративный заговор «за спиной Совета», а с другой стороны, оказывается, события превосходно разворачиваются в «легальных», «тихих» формах, и что 25-го октября «понадобилось уже только небольшое,

дополнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности». Таким образом, ни Ленин, ни партия, ни рабочие, ни солдаты не заметили, когда они совершили «главное» восстание. Или, подумайте, что получается: с одной стороны, Ленин, в изображении Троцкого, до вечера 25-го октября остается конспиративным заговорщиком, требующим как можно скорее захвата власти, не дожидаясь съезда Советов, а с другой стороны, оказывается, что на деле восстание уже на «9/10» произошло по крайней мере за две недели до 25-го октября, и съезд Советов только его санкционировал. Ленин оказывается окончательно в положении ничего *не понимающего*, да к тому же и ничего *не видящего* простака.

После такого описания октябрьского переворота нужны ли, имеют ли какой-либо смысл десятки и десятки комплиментов Ленину, сказанные хотя бы тем же Л. Троцким? Одно из двух: либо Ленин и в самом деле был всего навсего таким, каким он представлен в троцкистском изображении — жалким, неудачно «целеустремленным», зауряд-вожаком, либо «воспоминания» и «история» Л. Троцкого слишком во многом извращены и фальшивы. Либо Ленин не был тем настоящим Лениным, — душой и вождем Октября, — каким его знают партия и широчайшие массы трудящихся, либо «воспоминания» и «история» Л. Троцкого насквозь пропитаны и отравлены худшими приемами троцкизма, не знающего границ в своей самовлюбленности. Для нас, как и для читателей, ясно, что здесь верно, в чем тут правда. О роли Ленина в Октябрьской революции уже сказано не раз и еще будет немало сказано в будущем. Фактические материалы из эпохи октябрьских событий слишком богаты для того, чтобы роль Ленина, вождя партии октябрьского переворота, могли исказить или изуродовать плохие книги, вроде книги «О Ленине», и плохие истории об Октябре, вроде «Уроков» Троцкого.

Перейдем к следующему вопросу.

В книге «О Ленине» уделено также место периоду подготовки к Октябрю. И в этой книге, и в «Уроках Октября» Л. Троцкий особенное внимание уделил при этом внутривнутрипартийным разногласиям того времени. Мы уже сказали выше, насколько неправильно, извращенно представлены тов. Троцким тогдашние разногласия в нашей партии. Сейчас в связи с вопросом о предоктябрьской революционной эпохе необходимо остановиться еще на одной

крупной ошибке, которую допускает тов. Троцкий в оценке этих событий и роли в них нашей партии. Эта ошибка дальше превращается в более общую ошибку, характерную для Троцкого и для троцкизма. У тов. Троцкого создается как бы специальная теория революционных разведок и прощупываний. Он говорит: «В эпоху 3-го конгресса Коминтерна Владимир Ильич говорил как-то: “В июле 1917 г. мы наделали немало глупостей”. Он имел при этом в виду преждевременность военного выступления, слишком агрессивные формы демонстрации, не отвечавшие нашим силам в масштабе страны»*. Снова тов. Троцкий говорит об этом на странице 67-й: «В чем состояли эти “глупости”? В энергичном или слишком энергичном прощупывании, в активной или слишком активной разведке. Без таких разведок, производимых время от времени, можно было отстать от масс (курсив наш. — В. М.). Но известно, с другой стороны, что активные разведки иногда волей-неволей переходят в генеральное сражение. Вот этого едва не случилось в июле. Отбой был все же дан и достаточно вовремя»**.

Эта «теория разведок и прощупываний», данная предупредительно в двух первых главах об октябрьском перевороте, нужна тов. Троцкому для того, чтобы в следующей главе, в главе «Брест-Литовск», из нее вывести оправдание своей брестской ошибки. Он говорит здесь: «Наша партия, едва вышедшая из горячей октябрьской печи, нуждалась в проверке международной обстановки действием», и называет себя и своих сторонников «сторонниками прощупывательной формулы (курсив наш. — В. М.) “ни войны, ни мира”». И чтобы окончательно оправдать свою не допускающую оправдания брестскую позицию, Л. Троцкий говорит: «Три года спустя мы шли на риск — на этот раз по инициативе Ленина — прощупывания штыком (курсив наш. — В. М.) буржуазно-шляхетской Польши. Мы были отброшены. В чем тут разница с Брест-Литовском (т. е. с позицией Троцкого во время Брест-Литовска. — В. М.)? Принципиальной разницы нет, но тут разница в степени риска». Но эту попытку оправдания брестской позиции Троцкого ленинским прощупыванием штыком буржуазно-шляхетской Польши в 1920 г. уже достаточно решительно отбросила редакция «Большевика». Здесь была разъяснена прин-

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 59.

** Там же. С. 67.

ципиальная разница («риск головой» и «риск рукой») между Брестом и Варшавой, которой (разницы) Л. Троцкий до сих пор не заметил*.

Но следует остановиться на всей «теории разведок и прощупываний», выдуманной Л. Троцким для оправдания своей брестской ошибки, а заодно и для разоблачения «правого крыла» большевиков. В изображении Троцкого получается, что партия устраивала перед Октябрем, по крайней мере каждый месяц, «по разведке» и по «прощупыванию». Вооруженная демонстрация солдат против временного правительства 21-го апреля — разведка. Назначенная большевиками 10-го июня мирная демонстрация — разведка. Июльские события — прощупывание. А отсюда тов. Троцкий выводит законность проверки международной обстановки в эпоху Бреста и прощупывания Польши в 1920 г.

Следует, однако, относиться к истории нашей революции серьезнее, чем это делает тов. Троцкий. У тов. Троцкого верно только то, что в 1920 г. было действительно решено прощупывание штыком, правда, оказавшееся ошибкой, что партия давно признала. Верно еще у тов. Троцкого то, что мирная демонстрация 10-го июня, предлагавшаяся большевиками, была также одной из форм прощупывания настроения масс и политической обстановки в целом. Однако как раз этот пример должен правильно пояснить позицию партии по отношению к «проверкам» и «прощупываниям». Партия настолько осторожно относилась к ним, что даже мирную демонстрацию согласилась отменить, считаясь с требованием тогдашнего небольшевистского Петроградского Совета. Вместо этого тов. Троцкий это одно из первых стихийно-революционных массовых выступлений в апреле изображает как разведку, которую партия проделывала по решению Центрального комитета, притом еще якобы против воли «правых» большевиков! Такую же ошибку он допускает и по отношению к июльским событиям. Июльские события вовсе не были заранее подготовлены и организованы партией. Наоборот, вопреки предложениям партии, 3-го июля произошла вооруженная демонстрация прежде пулеметчиков, а затем вообще питерских солдат и рабочих. Партия при этом понимала свою роль как руководителя масс, — руководителя, стремившегося

* По поводу статьи тов. Троцкого. Ответ редакции // Большевик. 1924. № 12–13. С. 106.

в тот момент придать уже начавшемуся и опять-таки стихийному выступлению более организованный характер.

После того, как стихийно начавшееся движение стало приобретать широкие размеры, партия решила возглавить его, но (обсудив в Центральном и Петербургском комитетах политическое положение в целом) решила ограничить его рамками внушительной демонстрации. Только в этом последнем смысле, а не как заранее подготовленное партией дело, можно считать июльскую демонстрацию прощупыванием политической обстановки. Отсюда понятно, с какой исключительной осторожностью партия относилась и относится к революционным проверкам и прощупываниям. Отсюда понятно, как натянуты и неубедительны старания Троцкого объяснить свою брестскую ошибку «теорией разведок и прощупываний» международной обстановки. Попытка защищать эту явную ошибку, к которой следовало бы отнестись пообъективнее через шесть с лишним лет, нельзя не признать теперь уж слишком претенциозной и просто смешной. Присоединять же к старой ошибке еще новую ошибочную «теорию разведок и прощупываний» значит — идти не вперед, а назад, все больше запутываясь в пышной одежде собственных политических противоречий.

Эта новейшая «теория» революционной тактики по существу чужда нашей партии, чужда потому, что слишком смахивает на революционный авантюризм. Попытка защищать «теорию разведок и прощупываний» на примере Бреста именно и подчеркивает эту отрицательную черту ее, близость ее к авантюризму самой опасной марки. В данном случае она предназначена, главным образом, для того, чтобы прикрыть отсутствие ясной революционной позиции тов. Троцкого в эпоху Бреста. Если же партия пошла бы действительно по этому пути, это был бы путь самых губительных революционных авантюр. Тогда бы уже наверняка эта «теория» вместе с теми, кто пошел за нею, оказалась бы под обломками крахнувшей революции. Поэтому-то, при всей внешней «революционности» брестской позиции Л. Троцкого, при всей внешней «левизне», теория разведок и прощупываний, и та, и другая, чужды ленинской революционной тактике.

Следует здесь еще остановиться на ложном, вернее — путанном, истолковании тов. Троцким отдельных лозунгов октябрьской эпохи. В этом отношении особенно характерно одно место в книге «О Ленине». Описывая то, как с первых же дней переворота

буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты превратились в «довольно согласный хор волков, шакалов и бешеных собак», Л. Троцкий передает такой свой разговор с Владимиром Ильичом:

«Газеты особенно ухватились за слова “грабь награбленное” и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это “грабь награбленное”, — с шутивным отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова, — спросил я, — или это выдумка?

— Да нет же, я как-то действительно это сказал, — ответил Ленин, — сказал, да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой».

Этот «разговор» вызвал в нашей печати уже несколько откликов, в которых прозвучал законный протест против такого изображения отношения Ленина к лозунгу «грабь награбленное». После этого тов. Троцкий попытался объяснить этот разговор в «Большевике» (№ 12–13)*. В своих объяснениях он подошел к этому небольшому «разговору», кажется, со всех возможных точек зрения: политической, психологической, лингвистической и, наконец, фактической. Одни уж эти, слишком большие и обстоятельные «объяснения», потребовавшиеся к маленькому разговору, говорят за то, сколько же придется тов. Троцкому давать объяснений по всей своей книге «О Ленине». Л. Троцкий, очень ревниво отнесясь к заподозриванию его памяти, не пожалел ни строк, ни красноречия, чтобы объясниться по поводу этого чрезвычайно странного его разговора с Лениным. Если сопоставить теперь эти 3 объяснения в «Большевике» с тем, что написано в книжке «О Ленине», то свойственные Троцкому путанье и противоречия делаются особенно ясными. В сущности говоря, у Троцкого нашелся один серьезный аргумент в пользу приводимого им «разговора». В статье в «Большевике» он объясняет этот разговор с Лениным тем, что он происходил уже после окончания первого «периода бурь и натиска» советской революции**. И в доказательство приводит речь Ленина от 29-го апреля 1918 года***. Однако из текста самого этого разговора в книге «О Ленине» отнюдь не вытекает, что этот

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия // Большевик. 1924. № 12–13. С. 98.

** Там же. С. 100.

*** Там же.

разговор был через полгода после октябрьского переворота. Наоборот, весь текст этой части главы «Правительственная работа» говорит о совершенно другом периоде, — о первых неделях после октябрьского восстания. Поэтому, чтобы быть последовательным, тов. Троцкому придется в книге «О Ленине» внести поправки в эту часть, иначе она не может не производить впечатления двусмысленного поддакивания хотя бы и советскому обывателю.

И все-таки где же прав тов. Троцкий: в главе ли «Правительственная работа», где Ленин, по передаче Троцкого, говорит по поводу слов «грабь награбленное» — «сказал да и позабыл», или в статье-объяснении в «Большевики», где тов. Троцкий говорит, что Ленин «не отрекается, конечно, от лозунгов дофевральского (1918 года) периода, — в том числе и от “грабь награбленное”»?*

Ведь если в «Большевики» тов. Троцкий сказал, что лозунг «грабь награбленное» был верен по отношению к первому периоду Октябрьской революции, и совершенно правильно добавил, что этот лозунг был неверен по отношению к следующему периоду революции, то в книге «О Ленине» нет и намека на то, что лозунг «грабь награбленное» имеет такое двойное (для разных эпох) значение, как, впрочем, и всякий лозунг. А с другой стороны, относился ли когда-нибудь Ленин к лозунгам так — «сказал да и забыл»? Нет, так не бывало с Лениным. Но в книге «О Ленине» лозунг «грабь награбленное» тов. Троцким представлен вовсе не как лозунг, с которым Ленин выступал в самую горячую эпоху Октября для того, чтобы русскими словами перевести массам латинское выражение «экспроприация экспроприаторов». А теперь, по ничем необъяснимым воспоминаниям тов. Троцкого, от него, от этого лозунга, отмахиваются почему-то и Ленин, и Троцкий. И потому весь этот разговор оставляет такое двусмысленное впечатление. Быть может, хоть эту ошибку тов. Троцкий признает и исправит?

Современный троцкизм как ревизия ленинизма под флагом Ленина

Одной из характерных черт книги «О Ленине» является затушевывание позиции и точки зрения автора. Это можно применить к этой книге, начиная с первой статьи «Ленин и старая “Искра”».

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия.

В ней говорится о том периоде, когда «Ленин становится Лениным». Но как в этом периоде Троцкий стал Троцким, об этом не говорится, а между тем, как это теперь ясно, в это время складываются и основные черты политической фигуры Троцкого. В главе о периоде «Искры» рассказывается об одном из важнейших этапов развития партии, связанном со вторым съездом партии. Как известно, на этом съезде произошел раскол на большевиков и меньшевиков, или, как пишет Троцкий: «На втором съезде “искровцы” разделились на твердых и мягких».

Перед этим Л. Троцкий замечает: «Можно сказать, что и до раскола и до съезда Ленин был твердый, а Мартов — мягкий. И оба это знали». Вот только очень трудно в этой статье Троцкого найти какие-либо ясные указания насчет того, каким, «твердым» или «мягким», был в это время сам Троцкий. Правда, в одном месте Троцкий приводит слова Ленина, в которых дается сравнение между Мартовым и Троцким. Ленин, по словам Л. Троцкого, говорил: «По вопросу о популярном органе пускай уж лучше Плеханову возражает Мартов. Мартов будет смазывать, а вы станете рубить. Пусть уж лучше смазывает». А Троцкий прибавляет: «Эти выражения: *рубить* и *смазывать* помню твердо». Как будто получается, что Троцкий был непохож тогда на «мягкого» Мартова. В другом месте Троцкий вспоминает, что Ленин хотел его ввести в редакцию «Искры» седьмым членом для усиления противодействия Г. В. Плеханову. Снова получается впечатление, что Троцкий был тогда с Лениным. Но после этого уже совершенно непонятно, по крайней мере, из статьи Троцкого «Ленин и старая “Искра”», совершенно необъяснимы некоторые события, имевшие место на втором партийном съезде. Троцкий пишет, что до второго съезда «я (Троцкий) брал “Искру” как целое, и мне в те месяцы была чужда и даже как бы внутренне враждебна мысль искать в ней или в ее редакции различные тенденции, оценки, влияния и пр.». Мы можем, конечно, только принять к сведению сообщения Троцкого о том, что до съезда ему была даже чужда мысль о разногласиях в «Искре», что разногласия между «искровцами» на самом съезде были для него совершенно неожиданными. Но все-таки статья «Ленин и старая “Искра”» писалась ведь в 1924 г., а в ней все написано так, как будто Троцкий в период до съезда был с Лениным. В статье ничего не сказано о том, с кем он (Троцкий) был на самом втором съезде, и, наконец, не сказано ничего о том, каким же образом

на этом съезде Троцкий оказался в числе противников Ленина, и почему именно с тех пор на долгие годы ушел к меньшевикам для борьбы против большевиков, и, в первую голову, против Ленина. Вся эта статья затушевывает подготовку ко второму съезду, и потому из нее нельзя ничего понять в вопросе, почему же со второго съезда у нас фактически началось создание двух партий и почему Троцкий с этого времени примыкал в течение почти 15 лет к одной из этих партий — к меньшевикам. В 1924 г. об этом следовало бы сказать совсем ясно, без обиняков, без затушевываний, так, как полагается большевику, — по-большевистски. Говорит же о себе в других случаях тов. Троцкий больше, чем достаточно, хотя книга и носит, правда, название «О Ленине».

Но вот мы перескакиваем через 15-летний промежуток времени. Идет ряд статей под общим заглавием «Вокруг Октября». Начиная с первой из них, Троцкий описывает свое сближение с нашей партией. Здесь рассказано о первом свидании с Лениным после февральской революции. Здесь же говорится, что в этот период Троцкий, тогда еще интернационалист-объединенец, произносит речи от имени — «мы, большевики-интернационалисты», потому что «политика была общей». Дальше, описывая дни корниловщины, Троцкий упоминает: «За это время успело совершиться вступление объединенцев в большевистскую партию». И вот почти все, что Троцкий говорит о своем переходе в партию большевиков. Опять здесь поражает отсутствие ясного объяснения, как совершился этот переход. Нельзя не отметить, что после периода 15-летних разногласий с большевиками такой шаг Троцкого имел большое политическое значение. Однако вместо того, чтобы объяснить его, Троцкий отделяется несколькими замечаниями, сказанными скороговоркой.

В другом месте, в своей книжке «Новый курс», Троцкий писал: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Как бы было кстати, если тов. Троцкий не только объяснил, каким образом он ушел к меньшевикам в 1903 г., но и каким образом он пришел к большевикам в 1917 г.? Но, к сожалению, он не делает ни того, ни другого.

Троцкий, в особенности в книге «О Ленине», как уже сказано, много говорит не только о Ленине, но, — пожалуй, не меньше! — и о себе, но этих интересных моментов собственного политического развития он серьезно не касается, вернее, даже затушевывает

их. В статье, помещенной в «Большевике» в ответ на заметку тов. Вардина, Троцкий объясняет, почему именно он касается в книге «О Ленине» тех периодов, когда он «теснее всего работал с Лениным». И там же, говоря о Ленине и тех периодах, когда он расходился с ним, Троцкий заявляет: «В основном вопросе долголетних разногласий о путях развития партии правота была полностью и целиком на стороне Ленина»*. В этой небольшой и по внешности определенной фразе опять скрываются две больших неясности. Здесь в словах «о путях развития партии» глухо говорится о разногласиях, которые были, в сущности, не в пределах даже одной партии, а были разногласиями между двумя партиями, разошедшимися в противоположные стороны: одна — с пролетариатом к социализму, другая — с буржуазией к защите капитализма. То, что здесь глухо сказано по поводу прошлых разногласий «о путях развития партии», есть вопрос о борьбе большевизма с меньшевизмом, о борьбе революционного марксизма с либерально-политической агентурой буржуазии в рабочем движении. Почему бы и Троцкому поопределеннее [не] разъяснить, [не] сказать об этом? За последнее время этому вопросу, в связи с прежней политической позицией Троцкого, было уделено немало внимания. Можно только пожелать, чтобы тов. Троцкий «полностью и целиком», ясно и без затушевывания рассказал сам об этом периоде, хотя бы в другом месте. Но мы уже отметили в процитированной нами выше краткой фразе «о путях развития партии», что здесь тов. Троцкий допускает в ней целых две неясности. Вторая из них заключается в том, что Троцкий затушевывает здесь ссылкой на «пути развития» партии, что он расходился с большевизмом не только по вопросам строительства партии, но и по основным вопросам революционной тактики, по оценке нашей революции. Между тем и эти последние разногласия приходится отнести также к числу основных «долголетних разногласий». К сожалению, «Уроки Октября» лишний раз подтвердили, что разногласия Троцкого с большевиками в этом вопросе не только не изжиты, но что Троцкий занимает здесь и сейчас в корне ошибочную антибольшевистскую позицию. Ошибочность позиции сторонников так называемой «перманентной революции» не раз доказывалась Лениным. На основании этой

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия. С. 103.

ленинской критики «перманентной революции» за последнее время еще и еще раз была показана ошибочность этой полуменьшевистской политической линии.

Как теперь напомнили в печати на примере события революции 1917 г., Ленин снова подчеркнул ошибочность политики «перманентчиков». Троцкий знает и помнит об этом. Он вспоминает в «Уроках Октября», как «Ленин иногда говорил, что Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в первую эпоху февральской революции осуществлял свою до известной степени революционную демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это, — соглашается Л. Троцкий, — верно, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но как неоднократно разъяснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть... Именно в этой демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимой единой партией и ведущей за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднимающаяся до подлинной власти форма, как тенденция, но не как факт»*.

Здесь, не называя Ленина, фактически прикрываясь его именем, Троцкий явно полемизирует с ним по существу основных вопросов оценки революции и революционной тактики. Не раз уже за последнее время была разобрана повторяемая здесь Троцким одна из основных и старых его ошибок: ошибочная недооценка и неправильное отрицание революционной роли крестьянства в нашей революции. Но нам важно здесь отметить, как тов. Троцкий в тех же самых «Уроках Октября» сам фактически опровергает свою перманентную ошибку, повторяемую в процитированных выше словах. Вот что он сам говорит на предпоследней странице «Уроков Октября»: «Когда наша партия требовала, чтобы Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, взяли власть, то этим

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. XX—XXI.

самым она “требовала” министерства Пешехоновых: в конце концов между Пешехоновым, Черновым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату. Дюжина Пешехоновых означала бы правительство из дюжинных представителей мелкобуржуазной демократии вместо коалиции». И дальше так заканчивает это место Л. Троцкий: «Никакой особой (!) линии тут не было, — это была линия, которую Ленин формулировал не раз» (курсив наш. — В. М.)*. Что же получается у тов. Троцкого? Пожалуй, из его собственной последней фразы вытекает, что он целиком согласен с Лениным, но только хочет подчеркнуть, что тут не было «никакой особой линии». Что бы это значило? Разве неизвестны тов. Троцкому статьи Ленина в 1917 г., где он продолжал решительно осуждать точку зрения «перманентной революции», и именно на примере предложения нашей партии тогдашнему меньшевистско-эсеровскому ЦИКу взять власть в свои руки и посадить в министерство «12 Пешехоновых» Ленин и наша партия доводили до конца свою, если хотите, именно особую точку зрения на диктатуру пролетариата и крестьянства. Как же можно соглашаться с этой политикой партии, как можно солидаризироваться с Лениным, никогда не соглашавшимся с позицией «перманентчиков», и вместе с тем говорить, что позиция «перманентчиков» была правильной? На этом примере мы лишний раз видим, как старательно затушевывает и как безбожно путается в своей политике тов. Троцкий. Над ним продолжает тяготеть его политическое прошлое, его троцкизм, мешающий и теперь встать обеими ногами на почву правильной, большевистской политики. Он и в 1924 г. никак не может отказаться от своей основной полуменьшевистской ошибки в прошлом: от недооценки революционной роли крестьянства. Хотя он и теперь ничего по существу не может возразить против политики нашей партии в 1917 г., даже больше: он оправдывает тогдашнюю нашу политику, вместе с тем он остается при своей «перманентной революции», которую решительно осуждала партия, и прежде всего Ленин, и до революции, и в 1917 г.

Троцкий — не новая политическая фигура. Он прошел через ряд этапов, в полном союзе или в полусоюзе с меньшевиками. Эти

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. LXVI.

этапы тов. Ленин не раз описывал в своих статьях. Так, в большевистском журнале «Просвещение» в 1914 г. Ленин сжато характеризует политическое развитие Троцкого за все время от начала 900-х годов до 1914 г.

В этой же статье Ленин дает уничтожающую оценку «особой» линии Троцкого, говоря: «Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой»*. Казалось, после разрыва с меньшевиками и вступления в партию большевиков, это — окончательно пройденная полоса. Однако последними своими выступлениями тов. Троцкий заставляет вспоминать некоторые старые ленинские характеристики.

Нам важно указать здесь, что за то время, как Троцкий находится в нашей партии, за последние семь лет революции, Троцкий также имеет, так сказать, свою «особую» партийную историю. Если раньше, в 1914 году, Ленин считал необходимым повторить перед молодым рабочим поколением историю политического развития Троцкого, то перед современным рабочим поколением, перед новыми слоями рабочих, необходимо яснее обрисовать историю политического развития Л. Троцкого и за эти годы революции. Эта последняя, как показывают теперешние литературные выступления Троцкого, связана до известной степени с политическим прошлым Троцкого. За годы революции Троцкий в рядах нашей партии прошел черед нее этапы, через которые проходила партия, но при этом в ряде действительно основных моментов революции Троцкий пытался менять свою позицию, отличную от позиции большинства партии и в частности отличную от Ленина. Однако ни в одном основном вопросе отличавшаяся от позиции Ленина «особая» позиция Троцкого не оказалась правильной.

Началось в январе-феврале 1918 года, в эпоху Бреста. В чем заключалась тогда его ошибка, мы уже говорили. В 1921 году, при переходе к нэпу, тов. Троцкий выступил за ускорение фактического огосударствления профсоюзов в тот момент, когда революция поставила перед нами задачи совсем другого рода, а именно переход к продналогу, к большей свободе торгового

* Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 313.

оборота и установлению известных форм государственного капитализма и, в связи с этим, к новым задачам профсоюзов, причем к таким задачам, которые лежали совершенно до другой линии, чем линия Троцкого и троцкистов. После того Троцкий превратился в специального защитника так называемой «плановости» в хозяйственной области. При этом он жестоко и беспощадно критиковал Центральный комитет партии за недооценку важности хозяйственного плана и сделал лозунг «хозяйственного плана» как бы своим специальным лозунгом, не предвидев и не заметив того, что подготовлявшаяся тогда и затем проведенная партией, во главе с ее Центральным комитетом, денежная реформа была основным и самым важным элементом для проведения плановости в нашем хозяйстве. Рыцарь хозяйственного плана, не жалевший для этой идеи времени и напыщенных фраз в статьях, в речах и в специальных обращениях в ЦК, как раз об этой-то денежной реформе, об этой-то главной основе хозяйственного плана всегда «забывал» говорить и писать. Вопреки же этой незабываемой «забывчивости» тов. Троцкого партия и ЦК нащупали и пошли по единственно правильному пути для обеспечения основы по проведению государственного планирования хозяйственной жизни.

В прошлом году тов. Троцкий выступил застрельщиком и вождем партийной дискуссии. В это время он не пожалел красок для отрицательной характеристики партии. Это всем нам памятная дискуссия, вопреки предсказаниям оппозиции, закончилась «ленинским призывом», когда две сотни тысяч рабочих влились в нашу партию, как и свою, как в ленинскую партию. И это прошло в атмосфере исключительно яркого политического сочувствия партии со стороны действительно широких масс рабочих и одновременно в атмосфере полного морального поражения мелкобуржуазной оппозиции и партии, т. е. политического провала Троцкого и его сторонников.

За последние месяцы выступления Троцкого со своей «особой» точкой зрения не только на внутрипартийные темы участились. Вместе с этим увеличивается, выражаясь по Троцкому, его «радиус путаницы» и количество крупных политических ошибок, делаемых Троцким. Попытка стать на свою «особую» троцкистскую позицию приводит к тому, что Троцкий изолирует себя в партии, отрывается от ее основных кадров, и это должно быть для него серьезнейшим предостережением.

Партия ценит Троцкого, знает его большое значение и революционные заслуги за последние годы, но она не может не вглядываться в те все возрастающие политические ошибки, которые он делает за последнее время. Партию заставляют особенно насторожиться попытки возродить троцкизм. Партия знает, что старый троцкизм пытался брать кое-что у большевиков, кое-что у меньшевиков. При этом партия твердо знает то, что в троцкизме было небольшевистского, было и теперь остается «полностью и целиком» чуждым нашей партии. Современный троцкизм столь же чужд ленинизму, как и старый троцкизм. «Новое» в троцкизме есть не что иное, как пережитки и остатки меньшевизма. Ленинизм, как и марксизм, ценен и нужен пролетариату как цельное, внутренне единое учение о задачах партии в эпоху пролетарской революции и как последовательно-революционная политика рабочей партии в эпоху диктатуры пролетариата. Подновление ленинизма троцкизмом столь же противоречит последовательно-революционному духу ленинизма, сколь противоречили в былые годы сущности учения Маркса попытки ревизионистов подновить и исправить революционный марксизм. Если современный троцкизм пытается кое в чем затушевать разницу между троцкизмом и ленинизмом, если современный троцкизм пытается оправдать в чем-либо троцкизм перед ленинизмом, это нельзя не рассматривать иначе как покушение с дурными средствами, какие бы тут ни были личные намерения. Эта ревизия ленинизма, такое использование Ленина не пройдет хотя бы и под флагом ленинизма. Также чужды ленинизму политическая двойственность и всякое затушевывание идейных позиций.

У партии сейчас много практических дел, много неотложных практических задач, по которым она единодушна, как во всем основном, она единодушна и в оценке своих революционных путей и политических перспектив. В этом смысле партии не нужна дискуссия, и поэтому она не хочет ее. Но, однако, разъяснение основ ленинизма в свете новых и старых ошибок троцкизма для партии сейчас в высшей степени необходимо. Попыткам оживить троцкизм как идейное течение должен быть дан решительный отпор. Такие попытки не могут не рассматриваться как оппортунистическая ревизия ленинизма. Развернувшиеся за последние годы революции организации с пользой пройдут теперь курс ленинизма, и в частности изучение троцкистских ошибок в прошлом

и настоящем должно помочь воспитанию и политическому росту действительных ленинцев в нашей партии. Троцкий причисляет себя к ленинцам. Книга «О Ленине», на которой мы, главным образом, здесь останавливались, могла бы поэтому быть лучшим доказательством этого. Однако ошибки, неправильности и извращения в книге «О Ленине» в характеристике вождя нашей партии и самой партии настолько очевидны и вопиющи, что тов. Троцкий этой книгой доказывает скорее обратное. В этой книге, как и в «Уроках Октября», как и в «Новом курсе», ошибки тов. Троцкого явно превышают положительные стороны: троцкист в Троцком берет верх над ленинцем. Книга «О Ленине», по заявлению Троцкого, — материал для биографов Ленина. Но политические биографы Ленина будут и должны писать не столько на основании таких испорченных политической тенденциозностью книжек, как книга тов. Троцкого «О Ленине», сколько на основе тех ценнейших и никем не извращенных материалов и документов, которые оставила нам замечательная история дореволюционных и революционных годов.

Эта же книжка «О Ленине», как и «Уроки Октября», как и «Новый курс», будет служить материалами для характеристики двойственности теперешней политической позиции Троцкого и тем самым материалами об уроках троцкизма.

А. С. МАРТЫНОВ

У истоков троцкизма

Злой рок тяготеет над многими видными левыми социал-демократами, вступившими в партии Коммунистического Интернационала. Они в течение ряда лет до войны и во время войны по-разному боролись с проявлениями оппортунизма внутри социал-демократии, оставаясь, однако, на ее почве. Когда они впоследствии вступили в Коммунистический Интернационал, они, на основании своих прошлых заслуг в борьбе с оппортунистами, были глубоко убеждены, что вносят ценный идейный вклад в компартии, который должен войти как новая составная часть в их большевистскую идеологию.

Но раньше или позже обнаруживалось, что этот вклад был даром данайца, что их «левизна» не большевистская, что она никак не мирится с большевизмом. В аналогичном положении находился и находится т. Троцкий, который, хотя в отличие от западно-европейских левых с.-демократов и прошел школу революции еще в 1905 года, но прошел ее не в большевистском лагере, а в меньшевистском, как левый меньшевик.

Было бы недостойным занятием выкапывать из архива старые меньшевистские прегрешения т. Троцкого после того, как он вступил в большевистскую партию и оказал ей крупнейшие услуги. Особенно недостойно было бы такое занятие для меня, бывшего меньшевика-центровика, вступившего в РКП накануне ее решительных боев, как т. Троцкий, а после решительной победы. Но в том-то и дело, что т. Троцкий никогда не стал в полной мере большевиком. Вступив в большевистскую партию, он не подверг

критической переоценке своих старых взглядов ни публично, ни в собственном сознании. Мало того, он, чем дальше, тем больше старается навязать свой «троцкизм» большевистской партии, колебля, таким образом, самые ее основы. При таких условиях всякий, кому дороги или стали дороги судьбы большевизма, обязан занять определенную позицию по отношению к т. Троцкому и не имеет права молчать. Каждый большевик тем более должен бить тревогу по поводу выступлений т. Троцкого, что это — личность яркая, что он имеет крупные революционные заслуги и потому пользуется авторитетом.

Три года тому назад т. Троцкий в письме к т. Ольминскому по поводу старых своих произведений до-большевистского периода писал: «И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни — посвященные анализу внутренних сил революций, ее перспективам... и другие — посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и пр. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии начиная с 1917-го года. Статьи второй категории явно ошибочны. Я нахожу, что переиздавать их не стоило бы»¹.

Свою ошибку в оценке обеих фракций товарищ Троцкий так формулирует: «Неправ я был коренным образом в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на нет правое крыло»². По отношению же к большевикам ошибка т. Троцкого заключалась, дескать, в том, что он не предвидел «возможности столь быстрого поворота их от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической».

Смысл этого заявления таков: за весь долгий период борьбы между меньшевиками и большевиками вплоть до октября один только т. Троцкий, стоявший над фракциями, занимал правильную позицию в основном вопросе о характере и движущих силах русской революции — позицию, сформулированную им в его теории «перманентной революции». Он грешил лишь тем, что переоценивал способность меньшевиков и недооценивал способность большевиков встать на его, т. Троцкого, революционно-социалистическую точку зрения.

Я, наблюдавший политическую деятельность т. Троцкого в течение многих лет вблизи, с близкого расстояния, должен

заявить, что т. Троцкий искренно, но глубоко заблуждается, что он не познал самого себя.

Я утверждаю и надеюсь доказать это в настоящей статье, во-первых, что т. Троцкий не только переоценивал возможности революционного развития меньшевиков, но и сам в очень существенных вопросах, имевших решающее значение, стоял на меньшевистской позиции; во-вторых, что его теория «перманентной революции» гораздо ближе стояла к концепции и тактике меньшевиков 1905 года, чем ко взглядам большевиков; в-третьих, что и правовернейшие меньшевики в известные моменты защищали эту теорию в 1905 году. Именно поэтому т. Троцкий мог в течение 14 лет, несмотря на неоднократные размолвки, не обрывать своей организационной связи с меньшевиками, оставаясь неизменно чуждым большевикам, и вступил в большевистскую партию только тогда, когда меньшевики сделали новый крупный шаг в сторону оппортунизма, когда они заняли определенно контрреволюционную позицию, стали по ту сторону баррикады, и тем самым, по мнению т. Троцкого, сами поставили себя вне старой партии.

Начну с периода старой «Искры» и раскола РСДРП на II съезде. Молодой т. Троцкий стал сотрудничать в старой «Искре» как политический деятель уже настолько определившийся, что Ленин готов был ввести его в качестве седьмого члена в редакцию, хотя и с маневренной целью, чтобы облегчить выделение из нее центральной «тройки», в которую он т. Троцкого не намерен был ввести.

Тов. Троцкий в «Искре» сразу выявил себя как талантливый публицист, но особенно склонный к психологизму и к фельетонной манере писать (пример: его «Письма обо всем»), в отличие от т. Ленина, писавшего всегда в деловом тоне (примеры: «С чего начать?», «Что делать?») ³.

Далее т. Троцкий с самого начала выявил свою «левизну», но «левизну» специфическую. Поскольку дело касалось «межевания», отмежевания социал-демократии — от эс-эр-ов, с одной стороны, от либералов — с другой, т. Троцкий проявлял максимальное усердие среди «искровцев». Но одновременно он проявлял, по сравнению с другими «искровцами», большую беззаботность относительно трудностей революции, которых нельзя было *заговорить*, которые надо было *преодолеть*, в частности, большую беззаботность к задаче привлечения пролетариатом себе союзников в борьбе. Характерно было для т. Троцкого, что

он в самом начале нашей первой революции, немедленно после 9 января 1905 года писал, что революция уже уперлась во всенародное восстание, что «никакие местные демонстрации не могут уже теперь иметь серьезного политического значения», что «после петербургского выступления должно иметь место только всероссийское выступление», что «русская революция подошла к своему кульминационному пункту».

У меня нет под руками номеров старой «Искры», но в меньшевистской «Искре» из семи статей т. Троцкого — пять посвящены жестокой критике либералов. В своей книжке «О Ленине» т. Троцкий рассказывает: «Вера Засулич жаловалась, что мы, марксисты, своей преждевременной критикой и травлей только запугиваем либералов». — «Вот посмотрите, как они стараются, — говорила она, глядя мимо Ленина, но имея в виду прежде всего именно его». Я могу засвидетельствовать, что Вера Ивановна, хотя, впрочем, позже, по поводу брошюры Троцкого — «9 января», за эту «травлю» больше всего упрекала именно его, Троцкого. В этой брошюре, которую т. Троцкий начал писать в конце 1904 году, он говорил о либералах в таком тоне: «А либеральная печать? Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать...» Вера Засулич не могла без раздражения и волнения говорить об этом «либералоедстве»⁴.

Левизна т. Троцкого выражалась и в страстности его полемических статей вообще. В книжке — «О Ленине» он рассказывает, что Ленин, разошедшийся с Плехановым по вопросу о популярном органе, но не желавший обострять с ним спора, сказал Троцкому: «По вопросу о популярном органе пусть уж лучше Плеханову возражает Мартов. Мартов будет смазывать, а вы станете рубить. Пусть уж лучше смазывает»⁵. Это была меткая характеристика стиля Троцкого: он был хороший «рубака».

При таких левых качествах т. Троцкого казалось бы, что он на II съезде партии, в момент раскола, должен был стать на сторону Ленина и «твердых» искровцев. Но вышло не так. В самых боевых вопросах, в вопросе об образовании партийного крепкого центра в лице заграничной редакционной «тройки» и в вопросе о партийной дисциплине (1-й параграф Устава о членстве партии) т. Троцкий сразу и без колебаний стал на сторону «мягких» искровцев, будущих меньшевиков.

Чем это объяснить? Прежде всего — установим некоторые факты. Ленин настаивал на том, чтобы редакция Центрального Органа состояла из тройки — Ленина, Плеханова и Мартова, для обеспечения твердого идейного руководства партией. Мартов настаивал на том, чтобы она состояла из шестерки, чтобы в нее также входили П. Аксельрод, Вера Засулич и Потресов (Старовер), желавшие заодно с Мартовым передать руководство партией практическому центру в России, хотя и менее устойчивому и подверженному случайностям ареста.

Мотивируя свое предложение на съезде, Ленин говорил: «До какой степени глубоко мы расходимся здесь *политически* с т. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в *вину* это желание влиять на Цека, а я ставлю себе в *заслугу*, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем... И меня нисколько не пугают страшные слова об “осадном положении в партии”, “об исключительных законах” против отдельных лиц и групп и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать “осадное положение”!»⁶. В своей книге «О Ленине» т. Троцкий приводит диалог, ярко характеризующий в том же смысле позицию Ленина в этом вопросе. Ленин говорил Троцкому: «Полемика “русских” цекистов против ЦО — недопустима”. — “Так это не получится полная диктатура ЦО?” — спрашивал я (т. Троцкий). — “А что же плохого? — возражал Ленин. — Так оно при нынешнем положении и быть должно”»⁷. И Мартов, с своей стороны, так же истолковывал смысл плана Ленина насчет редакционной тройки. Возражая против него, Мартов говорил на съезде: «Фактически вся партийная власть передается в руки двух лиц; я слишком мало дорожу званием редактора, чтобы согласиться состоять при них в качестве третьего».

Итак, по плану Ленина «вся власть» в партии в то время должна была сосредоточиваться фактически в руках двух лиц — его и Плеханова.

Что же их связывало? Тов. Троцкий в книжке «О Ленине» рассказывает, что «Плеханов в ответ на горькие и недоуменные упреки П. Аксельрода по поводу плехановского союза с Лениным сказал: «Из такого теста делаются Робеспьеры». Это именно притягивало Плеханова к Ленину. И Ленин в Плеханове прежде всего ценил то, что он был марксистский якобинец. Мы знаем теперь,

из опубликованных в Ленинском сборнике материалов о программной дискуссии в 1902 году, что между Плехановым и Лениным были сильные трения в период старой «Искры». Ленин упрекал Плеханова в том, что он написал проект программы в слишком академическом тоне, что его программа более напоминает учебник, чем руководство практической борьбы. Из этого академизма Плеханова, из того, что он оторвался от русской почвы и застыл на своем лозунге, что русская революция будет буржуазная, — лозунге, в свое время сыгравшем громадную историческую роль в борьбе с народничеством, впоследствии возникли глубокие разногласия между Плехановым и Лениным. Но в то время, во время II съезда, эти разногласия еще не обнаруживались. В то время Ленин глубоко ценил Плеханова прежде всего за то, что он, в отличие от всех европейских социал-демократов, воскресил якобинский дух Маркса и Энгельса.

В этом отношении Ленин тогда был учеником Плеханова, который вскоре, впрочем, перерос своего учителя. Надо: помнить, что Плеханов был первый социал-демократ, который в проект программы внес положение о «диктатуре пролетариата». До того во всех без исключения западноевропейских социал-демократических программах говорилось только «о завоевании политической власти пролетариатом». Надо помнить, что Плеханов первый предсказал, что мы стоим перед началом мировой борьбы между социалистической «Горой» и социалистической «Жирондой». Надо помнить, что Плеханов был первый социал-демократ, который, совершенно в духе Маркса, на II съезде нашей партии осмелился заявить: «Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться».

Как личное свое мнение я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права... Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его права... Если бы выборы в парламент оказались неудачными, то нам нужно было бы постараться разогнать его не через два года, а если можно — то через две недели».

Вот что связывало в то время Ленина и Плеханова.

Но именно это оттолкнуло от них, и особенно от Плеханова, т. Троцкого. На съезде между Троцким и Плехановым произошел такой инцидент: когда Мартов отказался участвовать в редакционной «тройке», Троцкий, обращаясь к Плеханову, спросил: «Где же вы найдете третьего?». Плеханов ответил: «Не оскудела земля русская талантами». На это тов. Троцкий возразил в дерзком тоне: «Тов. Плеханов, не говорите речей в ложно-классическом стиле». Тов. Троцкий не любил «ложно-классического» стиля Плеханова. Но Плеханов еще больше не любил фельетонного стиля т. Троцкого. В результате после раскола сотрудничество Троцкого с Плехановым в «Искре» стало невозможным. Он вынужден был уйти из «Искры» и уехать. В это время я лично познакомился в Берлине с т. Троцким. Тов. Троцкий, ушедший из «Искры», всячески уговаривал и уговорил меня там вступить в «Искру» (меньшевистскую). Во время этих переговоров я рассказывал т. Троцкому, что II съезд произвел на меня впечатление попытки копировать французский Конвент 1793 года и что под впечатлением этого съезда я пишу брошюру «Две диктатуры»⁸, в которой я доказываю, что Ленин непременно попытается повторить опыт французских якобинцев и установить в России революционную диктатуру и что если это ему удастся, — это неизбежно приведет к банкротству российской социал-демократии, ибо и диктатура французских якобинцев потерпела крушение благодаря тому, что поставила себе утопическую цель — на заре капиталистического развития ликвидировать классовые противоречия при помощи гильотины, а мы ведь пока тоже собираемся сделать лишь буржуазную революцию.

Тов. Троцкий вполне согласился со мной насчет вредности ленинского якобинизма и в своей книжке — «Наши политические задачи», которая вскоре после этого появилась, развил это в последней главе, начинающейся с тезиса: «Не якобинец социал-демократ, а якобинец или социал-демократ»⁹.

Уже из этого отрицательного отношения т. Троцкого к якобинизму видно, что он не понимал или по меньшей мере очень сильно недооценивал того большого, основного дела, которое выполняла старая «Искра» под руководством Ленина. Это дело может быть кратко формулировано: она стремилась возвысить российскую социал-демократическую рабочую партию до роли *гегемона* в рус-

ской революции. Я говорю о гегемонии партии, а не класса, ибо наша партия в то время была еще по своему составу в очень значительной степени интеллигентской. Но Ленин, ставивший себе задачу осуществления гегемонии партии, понимал, и история это впоследствии вполне подтвердила, что по мере того, как в нашу партию будут вовлекаться рабочие и по мере того, как будет расти ее связь с рабочими массами, ее гегемония превратится в гегемонию пролетариата в русской революции.

Идея гегемонии пролетариата в русской революции была не нова; ее высказывали еще в 90-х годах Плеханов и Аксельрод. Но Ленин в период старой «Искры» впервые стал *ее всерьез* осуществлять. Ленин отдавал себе отчет в том, что наш немногочисленный фабрично-заводский пролетариат один, без союзников, не в силах будет довести русскую революцию до победного конца. Не случайно он еще в своей книге — «Развитие капитализма в России», в отличие от незадолго до того появившейся книги Тугана-Барановского — «Фабрика», доказывал, что русский промышленный капитализм имеет глубокие корни в экономике нашей деревни и что поэтому удельный вес нашего промышленного пролетариата несравненно больший, чем численный процент наших фабрично-заводских рабочих по отношению ко всей массе населения. Ленин в то время, правда, еще не поставил вопроса о союзе пролетариата и крестьянства — этот вопрос он поставил после того, как развернулось аграрное движение в России, но и тогда уже он указывал, что деревенская беднота сможет быть попутчиком пролетариата вплоть до социалистической революции, а зажиточные слои крестьян смогут быть ее союзниками в демократической революции, в борьбе против остатков крепостничества. Кроме того, Ленин в то время еще не отказался от попытки толкнуть и либералов на более решительную борьбу с царским самодержавием (см. его статью — «Гонители земства и Аннибалы либерализма»)¹⁰.

Исходя из этих соображений, Ленин в своей книге «Что делать?» писал: «Социал-демократы должны идти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии». «Идти во все классы населения мы должны в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве организаторов». «Мы должны одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них положительную программу действий» и т. д. Но Ленин понимал, что хождение

социал-демократов «во все классы» связано с большими опасностями для революционной социал-демократии, тем более, что ко времени основания «Искры» уже сформировались либеральное и радикальное (эс-эровское) политические движения, которые конкурировали с социал-демократией, которые стремились путем критики марксизма вышибить из рук социал-демократии ее могучее идейное оружие. Поэтому Ленин чем больше он искал союзников для пролетариата, тем более беспощадно боролся против проникновения буржуазной или мелкобуржуазной идеологии в партию, против малейшего проявления оппортунизма внутри социал-демократии, за железную партийную дисциплину и за создание гибкого, но твердого, непоколебимого руководства партией отборным кадром профессиональных революционеров-марксистов. Так Ленин, исходя из необходимости привлечь для пролетариата союзников в революционной борьбе и из обязанности нашей партии играть роль гегемона в революции, пришел к марксистскому пролетарскому якобинизму, который он сформулировал в словах: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, — это и есть революционный социал-демократ»¹¹.

Как же т. Троцкий в момент раскола относился к этой основной задаче старой «Искры» — к установлению гегемонии пролетариата в революции? В своей книжке — «Наши политические задачи», вышедшей после раскола, в 1904 году, он писал: «Субъективно “Искра” ставила себе самые широкие цели: прежде всего возвышение стихийного рабочего движения на степень политического и затем руководство — именем пролетариата, “класса-освободителя” — всеми теми, кому дорого имя — свобода (№ 3). Политическая газета, как социал-демократическая, должна была служить светочем революционному пролетариату, как демократическая — путеводной звездой борющейся демократии. Но оказалось, что невозможно на литературном пути достигнуть тех политических эффектов, которые не отвечают соотношению политических сил». Дальше он пишет: «В № 35 в превосходной статье т. Старовера “Искра” отдает себе отчет в происшедших объективных переменах, под влиянием которых сложился ее собственный облик». «Поворот в умах демократии, — говорит Старовер, — совершившийся факт». «Идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, сменяется идеей освобо-

дительной борьбы, в которой пролетариату отведено подчиненное место» («О двуликой демократии») ¹².

Итак, *т. Троцкий в 1904 г. вполне солидаризировался с превосходной статьей Старовера (Потресова), утверждавшей, что задача осуществления гегемонии пролетариата, которую субъективно ставила себе «Искра», потерпела банкротство**. Какая же была *объективная* заслуга старой «Искры»? Ее *т. Троцкий* так формулирует в своей книжке: «“Искра” сказала: “необходимо размежеваться”, — и она размежевывала и отмежевывала». Но это означает не то, что «Искра» вырабатывала тактические приемы непосредственного политического размежевывания пролетариата и буржуазии — в этом направлении она сделала крайне мало, — нет, она применяла реставрированные «Зарею» марксистские теоретические основы для размежевания принципиальных сторонников пролетариата и потенциальных «историков» буржуазии в среде демократической интеллигенции. Эту объективную заслугу «Искры» *т. Троцкий* признавал в 1904 году. «Но теперь, — говорил он, — нужно сделать шаг вперед. Теперь вопрос формулируется так — какая задача должна составить душу нового периода: дальнейшее ли “размежевание” — теперь уже в ограниченном кругу интеллигенции, объединенной общей программой в социал-демократическую партию, или же выработка методов непосредственного политического отделения пролетариата (а не только его “идеи”) от буржуазии (а не только ее “идеи”)»? Мы настаиваем на втором ответе». «Задачей нового периода, — говорит Троцкий, — является развитие политической “самостоятельности” пролетариата, задача нового периода в политическом противопоставлении более сознательных слоев пролетариата организациям господствующих классов в самом процессе общеполитической борьбы с царизмом. Именно на этом пути мы можем придать классовый характер нашей политической борьбе».

Итак, с одной стороны, отказ, по меньшей мере на ближайший период, от той задачи, которую *субъективно* поставила себе старая «Искра» — от борьбы за гегемонию социал-демократической партии, с другой стороны, дальнейшее развитие той задачи, ко-

* Из статьи Потресова неясно было еще, потерпела ли эта идея банкротство на ближайший период или навсегда. Впоследствии выяснилось, что Потресов похоронил ее навсегда.

торую она *объективно* исполняла, — переход от «размежевания» интеллигенции к размежеванию между самими классами — пролетариатом и буржуазией.

Сопоставляя то, что Троцкий говорил здесь об *объективной* задаче, которую с успехом выполняла старая «Искра», с тем, что он говорил о *субъективной* задаче «Искры», потерпевшей, дескать, крушение, мы должны прийти к следующему заключению: т. Троцкий понимал, что предпринятое старой «Искрой» размежевание между социал-демократами — с одной стороны, социалистами-революционерами и либералами — с другой, *в рядах интеллигенции* было делом неотложным и что это была необходимая предпосылка для дальнейшего размежевания между самим пролетариатом и другими классами — буржуазией и крестьянством. Но он отказывался понимать, что борьба старой «Искры» за гегемонию социал-демократии в прогрессивной интеллигенции была тоже неотложным делом, ибо она была необходимой предпосылкой для будущей гегемонии пролетариата над другими классами.

Скользя по поверхности русской политической жизни, не понимая конкретного соотношения классовых сил в России, не понимая трудностей, стоящих перед русской революцией, не понимая, что русский пролетариат не сможет победить в революции, не привлекая на свою сторону союзников и не руководя ими, Троцкий во всей работе старой «Искры» ценил только одно то, что она усердно отмежевывала социал-демократию от других партий. Но он совершенно не сумел оценить другую, тесно связанную с нею задачу старой «Искры» — завоевать себе, а через то в близком будущем и представляемому ею классу гегемонию в демократическом движении. Эту задачу он при первой же неудаче, сигнализированной Потресовым-Старовером, отбросил в сторону как, в лучшем случае, преждевременную. Но отказаться от борьбы за гегемонию пролетариата значило, хочешь этого или не хочешь, отдать гегемонию в руки либералов, столь ненавистных т. Троцкому, значило скатиться в болото оппортунизма. И «левый» т. Троцкий, ярый либералоед и «межеватель», в это болото скатился.

Во имя развития «самодетельности» пролетариата и «непосредственного» противопоставления самих рабочих буржуазии он во время и после раскола в указанной книжке заодно со всеми меньшевиками вопит: «Прочь политическое замещение!»

«Долой казарменную, фабричную дисциплину в партии!» «Долой бюрократический централизм!» «Долой якобинство!». Долой, словом, все то, что для вдохновителя старой «Искры», для Ленина, служило гарантией того, что социал-демократия, «идя во все классы» и зовя их на борьбу, не подчинится идеологии этих классов.

Ленин строил монолитную партию. Меньшевики превращали ее в парламент мнений, и Троцкий это приветствовал. «Меньшинство, — писал он, — завоевало для себя — а так как кампания его велась под принципиальным знаменем, то, значит, и для других оппозиционных течений на предбудущие времена — право гражданства».

Ленин вел беспощадную борьбу с «экономизмом», который прижал задачи партии, отдавая гегемонию в руки либералов. Тов. Троцкий, в указанной брошюре, восстанавливает в правах «экономизм» как законный этап в органическом развитии партии, законный, поскольку «экономисты» непосредственно руководили профессиональной борьбой рабочих масс и субъективно отстаивали интересы рабочего класса: «Если оглянуться назад, — пишет он, — на смену течений и направлений... то источником глубочайшего нравственного и политического удовлетворения должен явиться тот факт, что чередование взаимно отменявших друг друга направлений — в общем и целом — определялось всегда одной и той же верховной контролирующей идеей: социал-демократия сознательно “хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс”». «Первым, в сущности, примером, — говорит он далее, — когда представители нового течения в партии сознательно стремятся утвердиться не на костях, а на плечах своих предшественников, рассматривая в общей перспективе партийного развития, является так называемое меньшинство. И это добрый симптом». Для т. Троцкого смена «экономизма» «искровством», а затем «искровства» «меньшевизмом» есть три последовательные ступени развития партии, причем во всех этих этапах он с «глубочайшим удовлетворением» отмечает одну и ту же верховную контролируемую идею — желание быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс.

Тов. Троцкий свою книжку посвятил «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Павел Борисович Аксельрод, однако, прочитав эту книжку, сказал мне, что он очень недоволен этим посвящением: напрасно, дескать, Троцкий взялся излагать мои

взгляды. И действительно, т. Троцкий, неоднократно ссылаясь в этой книжке на П. Б. Аксельрода как на своего учителя, до крайности обкарнал его взгляды. Тов. Троцкий усвоил из тактических взглядов Аксельрода только необходимость развития «самодеятельности» рабочего класса и «противопоставления рабочих буржуазии на практике, в политических кампаниях». Но этим не исчерпывались взгляды П. Аксельрода. Аксельрод еще в конце 90-х годов доказывал, что одной из главных, основных задач социал-демократии является задача приобретения союзников пролетариатом и осуществление гегемонии пролетариата. В этом смысле Аксельрод был предшественником Ленина. Но П. Б. Аксельрод поставил эту задачу в дореволюционное время, когда никто из социал-демократов еще не говорил даже о республике в России, когда у социал-демократии не было еще политических конкурентов и когда осуществление гегемонии пролетариата соответственно представлялось П. Аксельроду в очень идиллическом виде. Когда же после 1901 года в России запахло революцией и восстанием, когда выступили на сцену либералы «освобожденцы» и эс-эры, изо всех сил старавшиеся оттеснить социал-демократию на задний план, когда задача осуществления гегемонии потребовала ожесточенной идейной войны с этими «друго-врагами», тогда идиллические взгляды П. Б. Аксельрода на гегемонию выродились у него и его учеников-меньшевиков в оппортунистическое соглашательство с либералами, в то время как Ленин, не свертывая революционного знамени, нащупывал и нащупал революционного союзника пролетариата в лице поднимающегося на восстание крестьянства. Таким образом сложились два течения — меньшевистское и большевистское, которые оба имели исторические корни в русской действительности, оба имели историческую почву под ногами, с той разницей, что одно было оппортунистическое и шло на пользу либеральной буржуазии, а другое — революционное, шедшее на пользу пролетариату.

Тов. же Троцкий, усвоивший только одну часть взглядов П. Аксельрода, склонявшийся во всех падежах слово — пролетариат («самодеятельность пролетариата», «противопоставление пролетариата буржуазии» и т. д.), но игнорировавший вопрос о союзниках пролетариата в борьбе, беззаботно игнорировавший конкретно-историческую обстановку русской революции, те великие трудности, которые ей нужно было преодолеть, и ту желез-

ную организацию, которая нужна была нашей партии, чтобы она была способна их преодолеть, со своей левой фразеологией *повис в воздухе* в самом близком, однако, соседстве с меньшевиками, организационные взгляды которых он всецело разделял. Полное совпадение организационных взглядов меньшевиков и т. Троцкого, несмотря на его относительно большую «левизну», нас нисколько не должно удивлять: «левый» т. Троцкий отвергал ленинский «организационный план», потому что он *не видел* трудностей революции. Трезвые меньшевики отвергали «организационный план» Ленина потому, что та *скромная революция*, которую они собирались сделать, действительно не наталкивалась на большие трудности.

* * *

В 1904 году, когда в революционном движении произошла заминка, «левизна» т. Троцкого, как мы видели, была на ущербе. После 9 января 1905 года, когда наступил бурный период русской революции, «левизна» т. Троцкого достигла зенита. В 1904 году он назвал «превосходной» статью Старовера, констатировавшего «как совершившийся факт», что в освободительной борьбе пролетариату отведено «подчиненное место». В 1905 году он говорил, что пролетариат *один* придет к власти в настоящей революции. Однако если мы ближе присмотримся к тому, в чем выражалась его «левизна» в 1905 году, то мы найдем тесную преемственную связь между его новыми и старыми взглядами.

В 1905 году тов. Троцкий занял видное место в революционном движении на двояком основании — как один из авторов теории «перманентной революции» и как активный деятель в Петербургском совете рабочих депутатов.

Деятельность т. Троцкого в Петербургском Совете рабочих депутатов была одним из славных эпизодов его революционной карьеры. Этот эпизод, однако, ни в какой связи не стоял с его специфическими взглядами — с «троцкизмом». Те 50 дней, которые история отмерила Петербургскому Совету рабочих депутатов, были слишком недостаточным сроком, чтобы в нем могли выявиться какие-нибудь политические разногласия. Петербургский Совет вырос из стихийного подъема петербургских рабочих, из величайшей октябрьской забастовки. Задачи, которые, он себе ставил, не выходили за пределы нашей демократической программы-ми-

нимум. Эти задачи заключались в борьбе за ниспровержение царского самодержавия, за 8-часовой рабочий день, за свободу печати и т. д. Тактика Петербургского Совета неумолимо диктовалась условиями момента, необходимостью с величайшей поспешностью организовывать оборону против наступления контрреволюции в лице «черной сотни», маневрировать против союза царского самодержавия с капиталом, выразившегося в локаутах после ноябрьской забастовки, поспешно привлекать на свою сторону армию путем забастовки сочувствия кронштадским матросам, которым угрожал военно-полевой суд и т. д. Ни меньшевики, ни большевики, ни эс-эры, имевшие своих официальных представителей в Исполкоме, не обнаруживали никаких разногласий по вопросам тактики Совета, ибо эта тактика прямо навязывалась ему боевым настроением рабочих, с одной стороны, и быстро надвигавшейся развязкой — с другой. Хрусталева, который председательствовал в Совете в течение 43 дней, до своего ареста, так формулировал скромную роль руководителей Совета: «Политическая мысль рабочего класса, попадая с низов в советскую лабораторию, отшлифовывалась, оформлялась и в законченном виде возвращалась в рабочие кварталы». Тов. Троцкий, который вступил в президиум Исполкома после ареста Хрусталева, по-своему характеризовал скромную, преимущественно агитаторскую роль вождей петербургских рабочих в то время: «Мы были и остаемся барабанщиками и трубочками великого класса. Мы гордились его первыми шагами. Мы никогда не сомневались в нем. Мы не покидали его в минуты бедствия»¹³...

Свое политическое лицо, свое *политическое направление* т. Троцкий в то время выявил не в Совете, а в литературе, где он неоднократно развивал свою теорию «перманентной революции», и именно эта теория была характерна и остается поныне характерной для политической физиономии т. Троцкого. Настоящим автором этой теории, собственно, был не Троцкий, а Парвус. Но было бы большой несправедливостью утверждать, что тов. Троцкий из импрессионизма усвоил эту теорию. Отнюдь нет. Поскольку в основе этой теории лежало убеждение в возможности и необходимости изолированного прихода к власти пролетариата без союзников, она, как мы уже видели, находилась в преемственной связи со взглядами тов. Троцкого в 1903–1904 годах, когда он также игнорировал роль союзников пролетариата в ходе революции.

Теория перманентной революции уже неоднократно излагалась на страницах нашей печати! Мы, тем не менее, позволим себе еще раз подробно изложить ее в развернутом виде на основании многочисленных высказываний тов. Троцкого.

Тов. Троцкий, во-первых, в споре с меньшевиками доказывал и, надо сказать, с полным основанием, что их надежды на активную революционную роль нашей *городской* буржуазной демократии совершенно тщетны, ибо Россия в своем экономическом развитии по сравнению с Западной Европой перескочила через целый большой этап — мануфактурного периода и соответственно этому лишена того мощного экономического слоя ремесленников, который в свое время играл такую крупную революционную роль на Западе, не говоря уже о том, что городская буржуазная демократия нигде вообще не может уже играть теперь прежней революционной роли при наличии могильщика капитализма — фабрично-заводского пролетариата. Тов. Троцкий далее доказывал в споре с большевиками, и на этот раз неосновательно, что и крестьянство не может играть значительной революционной роли в России. Тов. Троцкий не отрицал, конечно, что пролетариат сможет опереться в своей борьбе на стихийное движение крестьян, *но лишь на первом этапе революции и лишь постольку, поскольку крестьянское движение остается стихийным, классово неосозанным*. «Пролетариат у власти, — писал он, — предстанет перед крестьянством как класс освободитель... Русское крестьянство будет, во всяком случае, не меньше заинтересовано в течение первого наиболее трудного периода в поддержании пролетарского режима (“рабочая демократия”), чем французское крестьянство было заинтересовано в поддержании военного режима Наполеона Бонапарта, гарантировавшего новым собственникам силою штыков неприкосновенность их земельных участков»¹⁴. Но «если отсутствие сложившихся буржуазно-индивидуалистических традиций и антипролетарских предрассудков у крестьянства и интеллигенции и поможет пролетариату стать у власти, то, с другой стороны, нужно принять во внимание, что *это отсутствие предрассудков опирается не на политическое сознание, а на политическое варварство, на социальную неоформленность, примитивность, бесхарактерность*. А все это такие свойства и черты, которые никоим образом не могут создать надежного базиса для последовательной активной политики пролетариата»¹⁵. Еще ярче это чисто стихийное значение крестьян-

ского движения для революции, которое тем больше будет падать, чем больше будет расти политическая классовая сознательность различных групп крестьянства, формулировал единомышленник т. Троцкого — Парвус в газете «Начало» в редакционной статье — «Наши задачи», им написанной: «Победа революции подвигает на политическую сцену крестьянство. Оно способствовало революции, умножая политическую анархию, но не было в состоянии концентрировать свою политическую борьбу. Теперь оно внесет в борьбу партии всю путаницу своих экономических требований и экономических невозможностей. Капиталистический строй не в состоянии разрешить крестьянский вопрос».

При таких условиях победоносная революция в России может вынести к власти только пролетариат и больше никого: «Русская революция, — говорил т. Троцкий, — создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции — *должна*) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений».

Но пролетариат, придя к власти, не может политически себя «самоограничить» и вынужден будет логикой создавшегося положения «стереть грань между нашей программой-минимум и программой-максимум», ибо «политическое господство пролетариата несовместимо с его экономическим рабством». Уже одна борьба за 8-часовой рабочий день и против безработицы вызовут локауты со стороны капиталистов и заставят рабочих взять в свои руки фабрики и заводы. На тот же социалистический путь пролетариат должен будет выступить при решении аграрного вопроса: «Пролетариат никоим образом не сможет принять к руководству программу “уравнительного распределения”, которое, с одной стороны, предполагает бесцельную, чисто формальную экспроприацию мелких собственников, с другой стороны, требует вполне реального раздробления крупных имений на мелкие части. Такая политика, будучи непосредственно хозяйственно расточительной, имела бы в своей основе реакционно-утопическую заднюю мысль и сверх всего политически ослабила бы революционную партию». «Разумеется, вмешательство пролетариата в организацию сельского хозяйства начнется не с прикрепления работников к разрозненным клочкам земли, а с эксплуатации крупных имений за государственный или коммунальный счет».

К чему же приведет эта социалистическая политика пролетариата? На это т. Троцкий отвечает: «Пролетариат... взявши в руки власть... придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства, в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе». «Как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса при хозяйственных условиях в России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру»¹⁶. Такова в развернутом виде теория перманентной или непрерывной революции т. Троцкого.

С внешней стороны эта теория была очень левая, более левая, чем «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», которую в 1905 году выдвинули большевики. Но странным образом оказалось, как читатель сейчас увидит, что как раз правое крыло социал-демократии — меньшевики в 1905 году наиболее близко подошли к этой самой теории. Меньшевики в своих предпосылках расходились с т. Троцким только в одном пункте: они верили, или, точнее, хотели верить, уговаривали себя, что *городская* буржуазная демократия сможет сыграть в России роль движущей силы революции. Поэтому они рассчитывали, что русская революция сможет, подобно Великой французской, подыматься «со ступеньки на ступеньку», выдвигая к власти сначала либералов, потом радикалов. Меньшевики в своих предпосылках расходились с т. Троцким только в оценке революционных возможностей нашей *городской* буржуазной демократии. Во всем остальном меньшевики с самого начала стояли на той же точке зрения, что и т. Троцкий: они также оценивали крестьян как чисто стихийную революци-

онную силу, они также считали, что экономические вождедения крестьян — социализация земли — имеют *только* экономически реакционное значение, они также считали, что если бы пролетариат очутился у власти, он *вынужден* был бы идти к социализму и что если бы такая революция ограничилась *национальными* рамками, это при хозяйственной отсталости России привело бы к банкротству социал-демократии: об этом я писал еще в «Двух диктатурах», в книжке, которая некоторым образом стала credo меньшевизма. Большевики в своей исходной точке расходились с т. Троцким только в одном, хотя и очень важном, вопросе — в оценке революционных возможностей русской городской буржуазной демократии. Но сколько меньшевики ни заклинали эту городскую буржуазную демократию, она упорно отказалось играть хоть сколько-нибудь заметную революционную роль. Поэтому меньшевики уже на своей «общерусской конференции» 1905 г. «на худой конец» оставили себе лазейку в «перманентной революции».

В резолюции, принятой этой конференцией, мы читаем: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться и явится возможность выступить на путь социалистического преобразования». Тут в меньшевистской резолюции говорится еще чрезвычайно осторожно о перманентной революции как возможной лишь в одном исключительном случае.

Когда же революционная волна поднялась высоко, после октябрьской забастовки в «дни свободы», меньшевики заговорили об этом гораздо смелее. Не случайно не только я и Мартов, но и такие правые меньшевики, как Потресов и Е. Смирнов¹⁷, могли в то время хорошо ужиться в одной редакции «Начала» с Парвусом и Троцким, в то время как попытка объединения с большевиками и создания общего органа лопнула при первом же опыте редактирования первого номера. Даже оригинальное предложение — разделить газету вертикальной чертой с тем, чтобы на одной полоске писали большевики, а на другой — меньшевики, не сдвинуло воза

с места. С Троцким же и с Парвусом в редакции «Начала» у нас никаких трений не было. Большевики даже согласились, чтобы Парвус написал для первого номера газеты редакционную статью, формулирующую платформу меньшевистского органа, и в этой редакционной статье «Наши задачи» Парвус, хотя и в сдержанных тонах, излагал теорию перманентной революции. В этой статье мы читаем: «Непосредственная революционная цель пролетариата в России — осуществление такого государственного строя, при котором были бы обеспечены требования *рабочей демократии*. Рабочая демократия включает в себе самые крайние требования буржуазной демократии, но придает некоторым из них особый характер и присоединяет новые, чисто пролетарские... Наша задача — расширить экономические требования крестьянства, ведя его на путь социалистического переворота... Дальнейшие революционные успехи российского пролетариата на пути к осуществлению рабочей демократии, которые будут уже успехами всемирного пролетариата, могут дать толчок к решительной борьбе между социально-революционными организациями пролетариата и государственной властью в Западной Европе... Тогда мы будем стоять перед задачей расширить нашу революционную программу за пределы рабочей демократии».

Но о перманентной революции в «Начале» писал не только Парвус, о ней писал в этой газете и я в номере 7-м и 11-м в редакционных статьях, озаглавленных «Крестьянский вопрос и революция». Происхождение этих статей было следующее: на митинге в здании Вольно-экономического общества мне пришлось вступить в полемику с эс-эрами — с Бунаковым¹⁸ и, если память мне не изменяет, с Черновым. Они критиковали социал-демократию за то, что она не смеет выйти за рамки буржуазной революции, и противопоставляли нашей программе свою программу «социализации земли». Эту программу я, как и все меньшевики, считал абсолютно неприемлемой как экономически реакционную, ведущую к переходу от крупного хозяйства к мелкому. Чтобы обойти слева эс-эров, чтобы парализовать впечатление их демагогических речей, я открыл пред аудиторией другую перспективу — не социализации земли, а настоящего социализма в условиях развития перманентной революции.

Эти свои взгляды я изложил вскоре в упомянутых двух статьях. Там я писал: «Вполне возможно, что при известной длительности

гражданской войны наша революция, начавшись как революция демократическая, закончится как революция социалистическая. С этой возможностью мы должны непременно считаться... Вульгарно понимающие марксизм против этого взгляда обыкновенно возражают: характер революции определяется степенью развития производительных сил; у нас *технически* невозможна в близком будущем социалистическая революция, потому что у нас не созрели для этого достаточно производительные силы страны... Но нужно помнить, что развитие классовой борьбы происходит гораздо более конвульсивно, что оно подвержено в гораздо большей степени тому, что мы называем элементом “случайности”, чем развитие производительных сил. Как быстро классовые противоречия могут развиваться в эпоху революции, как быстро общество может пройти разные этапы своего политического развития, лучше всего показывает история французской революции. Нужно помнить также, в какой международной обстановке совершается наша революция».

В заключении своей второй статьи в № 11 «Начала» я писал: «Одна лишь “узкая” и “нетерпимая” социал-демократия решительно отвергает возможность смягчения классовых противоречий в рамках буржуазного общества. Она одна в настоящее время смело выставляет лозунг — непрерывная революция, она одна приведет трудящиеся массы к последней и решительной победе». Так писал в то время я — твердокаменный меньшевик, нисколько не вступая в коллизию со своей меньшевистской совестью! Это казалось очень «левым», и, если не ошибаюсь, т. Луначарский по поводу этих статей шутил: «Начало помчалось». Теперь для меня совершенно ясно, что эта «левизна» была мнимая величина.

Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить теорию перманентной революции с тогдашней большевистской концепцией революции.

Тов. Троцкий ставил успех русской революции в полную зависимость от победы социалистической революции на Западе. Русская революция, говорил он, собственными силами в *национальном масштабе* победить не сможет, ибо у нее будет мужицкая контрреволюция за спиной и европейская реакция перед собой, но, с другой стороны, «нельзя сомневаться», что социалистическая революция на Западе явится к нам на выручку. Тов. Троцкий, таким образом, строил все свои расчеты на вере в утешительную перспективу западно-европейской революции.

Ленин в то время тоже писал: «Мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота»¹⁹. Но, во-первых, по мнению Ленина, «мы сделаем» это, когда *собственными силами* победим и *продержимся* и когда «при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты». Во-вторых, Ленин считался и с другой возможностью. Столь же возможным он считал, что после нашей победы наступит контрреволюция, которая, однако, тем меньше сможет реставрировать старый строй, чем основательнее мы выметем в России весь наш феодально-крепостнический мусор. Тов. Троцкий больше надеялся на историческую *неизбежность*, Ленин — на партийную *активность*. Неосновательность утверждения т. Троцкого, что русская победоносная (но, по собственному его мнению, внутренне бессильная) революция *неизбежно* должна была бы вызвать социалистическую революцию на Западе, в настоящее время в достаточной мере доказана историей. Даже Октябрьская победа 1917 года, одержанная союзом пролетариата и многомиллионного крестьянства, одержанная в обстановке развала капитализма после мировой войны, еще пока не вызвала победоносной революции на Западе. Даже в современных условиях западно-европейская социалистическая революция рождается в великих муках. Революция же 1905 года вызвала сильные революционные отклики, как известно, только на Востоке — в Персии, Турции и Китае.

Тов. Троцкий мечтал о том, что будет *после победы* русской революции. Ленина больше занимал вопрос, *как добиться этой победы*. Положение в 1905 году было трудное. Пролетариат очень быстро революционизировался, в частности, петербургский пролетариат от 9 января до Октября как будто политически переродился. Но резервы не поспевали. Крестьянское движение, правда, ширилось и принимало острые формы, но оно в течение 1905 года носило характер политически неосмысленных, чисто аграрных восстаний. Как известно, революция 1905 года потерпела поражение именно потому, что крестьянство не поспело за пролетариатом, потому что оно стало политически самоопределяться только в период Государственной думы, когда пролетарский авангард в Петербурге и Москве уже был разбит.

Как же т. Троцкий относился к этой политической ситуации в 1905 году? Он опять-таки истолковывал ее в утешительном

смысле. Он говорил, что пролетариат придет к власти, опираясь на стихийное движение крестьянства, которое именно благодаря своей малосознательности, благодаря своему «политическому варварству» еще лишено «анти-пролетарских предрассудков». Как будто достаточно, чтобы крестьянство не имело *анти-пролетарских* предрассудков для того, чтобы крестьянская армия отказалась расстреливать рабочих и удушать революцию. Как будто крестьянская армия не могла расстреливать и не расстреливала рабочих в 1905 году из слишком медленно изживаемых крестьянством *монархических анти-демократических* предрассудков! Тов. Троцкий так беззаботно относился к задаче освобождения крестьян от монархической идеологии, к задаче активного привлечения крестьян на сторону *демократической* революции, что задолго до победы *этой* революции выкидывал флаг *социалистической*, несмотря на то, что он сам утверждал, что призрак социализма оттолкнет крестьянство от революции. «Вера» в революцию служила ему заменой целесообразной тактики для ее приближения. Если б наша партия исповедовала «троцкистскую веру», она ближайшим путем пришла бы к поражению.

А как оценивал Ленин положение в 1905 году? Он не утешал себя начертанием приятных перспектив, он ни на минуту не скрывал от себя и от партии, что положение трудное. На III съезде партии, летом 1905 года, Ленин говорил: «Можно подумать, что дела социал-демократов обстоят великолепно и вероятность их участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос (об участии во временном революционном правительстве) с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы дон-кихотством»²⁰.

И тем не менее Ленин на том же съезде, и даже накануне его, выдвинул и со свойственной ему страстностью защищал лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Почему же он так поступил? Потому, что он питал огромное доверие к *своей партии*, к ее способности в пределах исторически возможного изменить соотношение сил в сторону, благоприятную для революции. Он не опьянял и не усыплял себя радужными мечтами, а с холодной головой оценивал ситуацию и твердой рукой принимался за *выравнивание* линии развития революции. Это была всегдашняя ленинская метода. Я помню его первую речь в Смольном в 1917 году, после выхода из подполья, в день взятия

власти: «Ну, вот мы берем власть, — говорил он, — умеем ли мы управлять государством? Не умеем. Умеем ли мы управлять хозяйством? Нет, не умеем. Но мы на-учим-ся!». Этой же методы он держался и в 1905 году.

На основании анализа экономики России и характера нашего крестьянского движения Ленин пришел к заключению, что «аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальные особенности этой революции»²¹. Но он не утешал себя тем, что этот аграрный вопрос может решиться только путем революции. Нисколько. Аграрный вопрос, говорил он, может быть решен двумя путями: либо «прусским» путем, путем реформы, если буржуазии удастся совершить сделку с царизмом, либо «американским» путем, путем аграрной революции, которая приведет к национализации всей земли. Либералы стремятся к решению вопроса первым путем. Крестьянство же и их идеологи — народники, эс-эры — хотят идти по второму пути. Поэтому, чтобы привязать крестьян к нашей революции, мы должны помочь им пойти по этому второму пути. Мы должны требовать учреждения сословных крестьянских комитетов, которые по-диктаторски, «по-плебейски» расправились бы с остатками крепостничества и полицейскими порядками; мы должны поддержать аграрные требования народников, не смущаясь той утопической оболочкой, которой они облечены, беря в идею «социализации», «уравнительности землепользования» то, что в ней есть революционного, пользуясь ею для того, чтобы направить крестьян на борьбу с феодальным крепостническим неравенством. Мы должны выдвинуть лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», помогая крестьянству подняться к власти для того, чтобы оно, стоя у власти, совместно с пролетариатом раздавило помещичье-капиталистическую контрреволюцию. Таким образом, Ленин стремился, ухватившись за туманные, политически неосознанные требования крестьян, осмыслить их, изменить соотношение сил в России, подтянуть и подтолкнуть крестьянство и привлечь его к сознательному участию в демократической революции.

Что *направление*, взятое большевиками в 1905 году, было правильное, что они верно поняли, в чем главный рычаг нашей революции, на который нужно нажимать, подтвердилось позже, во время первой и второй Государственной думы. Несмотря на то,

что меньшевики все время боролись против большевистской политики рабоче-крестьянского левого блока, блока между социал-демократами и эс-эрами, несмотря на то, что меньшевики более склонны были поддерживать либералов как представителей «экономически прогрессивной буржуазии», меньшевистские депутаты во второй Государственной думе — Церетели и Джапаридзе²² — в печати публично сознались, что им в Думе приходилось гораздо чаще блокироваться с трудовиками, чем с кадетами, ибо в большинстве случаев выходило, что не кадеты, а трудовики поддерживали демократические требования социал-демократии. Повторяю, факты подтвердили правильность *направления* большевиков, но рабоче-крестьянский блок стал укрепляться, к сожалению, слишком поздно, уже после того, как главные силы пролетариата были разбиты.

Тов. Троцкий обосновывал невозможность осуществления «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» тем, что после победы революции неизбежно возникнут непримиримые противоречия между крестьянством и пролетариатом, ибо наш пролетариат самой логикой борьбы *вынужден* будет идти к социализму, а мелкобуржуазное крестьянство против этого неизбежно будет бороться. На эти же затруднения, связанные с осуществлением демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, указывал Ленину не только Троцкий, но указывали и все меньшевики. Ленин на это отвечал: «Нас пугают победой. Нам говорят, что мы не смеем победить. Но нужно быть величайшим филистером и пошляком, чтобы отказываться от решительной победы только потому, что она принесет нам новые затруднения!». Впоследствии Ленин по этому поводу говорил: «Я в своей жизни придерживался правила Наполеона: — “On s’engage et puis on voit” (“Сначала ввяжемся в драку, а потом видно будет”)». Но верно ли вообще, что, если бы у нас в 1905 году осуществилась «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», мы стояли бы перед *непреодолимыми* затруднениями, как это утверждал т. Троцкий и другие меньшевики (я в том числе)? Теперь история этот вопрос уже разрешила и разрешила не в пользу Троцкого, а в пользу Ленина. Троцкий говорил, что пролетариат, придя к власти, неизбежно, уже по самой логике борьбы, должен был бы приступить к осуществлению социализма. Очень жаль, что германский пролетариат, пришедший к власти в 1918 году, ни малейшей

охоты не имел подчиниться этому закону, формулированному т. Троцким. Я не хочу этим сказать, что и русский пролетариат в 1905 году проявил бы такое же чрезмерное «самоограничение», как германский — в 1918 году. Условия у нас не те. Но что он мог бы при достигнутой степени политической сознательности, при хорошей большевистской школе и при правильном руководстве со стороны авангарда избегать и избегнуть мер, которые вызвали бы непосредственный конфликт между ним и крестьянством, это весьма вероятно. С другой стороны, как показал семилетний опыт нашей Советской Республики, и крестьянство может при умелой политике правительства (а Ленин ни на минуту не отказывался от гегемонии социал-демократии в правительстве и при режиме *демократической* диктатуры пролетариата и крестьянства) не прерывать с пролетариатом даже тогда, когда он непосредственно приступил к социалистическому строительству.

Вся эта тактика большевизма предполагала огромную инициативу со стороны большевистской партии, величайшую ее активность, умение в каждый момент, при каждом политическом повороте, вмешаться в стихийный исторический процесс, чтобы изменить в пользу революции соотношение классовых сил. Чтобы довести революцию 1905 года до победного конца по ленинскому пути, большевистская партия должна была углубить раскол между крестьянством и либеральным буржуазно-помещичьим блоком, должна была раздуть крестьянское движение до размеров «плебейского» восстания, должна была подтянуть крестьян и привлечь их на сторону революционной борьбы пролетариата, выяснить крестьянам связь между их аграрными требованиями и политическими требованиями пролетариата, должна была зорко следить, чтобы пролетариат и его партия не делали ни одного шага, который мог бы оттолкнуть крестьян, должна была побуждать пролетарскую партию идти навстречу не только «рассудку» крестьян, но и «предрассудкам» их (например, уравнительному землепользованию), если это может служить на пользу революции, должна была после победы революции установить режим революционной диктатуры для подавления сопротивления контрреволюционных сил. Для того, чтобы выполнить такую колоссальную задачу, партия должна была быть проникнута якобинским духом, должна была сочетать тонкий марксистский анализ и марксистскую революционную диалектику с якобинизмом, свойственным

великой народной революции. Для того, чтобы выполнить эту задачу, большевистская партия должна была быть строго централизованной и сохранять железную дисциплину. Но об этом ни большевики, ни их вождь Ленин ни на минуту не забывали. Эти организационные принципы большевизма были для Ленина началом всех начал. Еще в 1904 году, когда я в первый раз познакомился с Лениным и когда из беседы выяснилось, что мы в политических вопросах во всем сходимся²³ и что я расхожусь с ним только в вопросе об организации партии, он мне сказал: «Ну, вот вы во всем согласны со мной. Вы отрицаете только наш организационный план, а в этом вся суть; значит, нам не о чем больше разговаривать».

Каков же был «организационный план» т. Троцкого, каковы были его взгляды на организационную дисциплину, «свободу мнений» и свободу группировок, на централизм и «демократизм», на якобинизм и т. д. в то время, в 1905 году, когда он был в зените своей «левизны», когда он развивал свою теорию перманентной революции, когда он взял прямой курс на социализм в отличие от обеих фракций Российской соц.-демократической партии? Ответ на этот вопрос дан уже тем, что т. Троцкий находился в то время в меньшевистской фракции и в редакции меньшевистского центрального органа, что он в этом органе — «Начало» выдвигал лозунг — «Единство во что бы то ни стало» (т. е. единство большевиков с меньшевиками). Ответ на этот вопрос дан тем, что т. Троцкий в 1905–1907 годах расценивал якобинцев Великой французской революции и их эпигонов совершенно так же, как он их расценивал в 1903–1904 годах в своей книжке «Наши политические задачи». В 1906 году т. Троцкий писал в своей статье — «Итоги и перспективы»: «Мы, мировая армия коммунизма, давно уже свели исторические счеты с якобинством. Все нынешнее международное пролетарское движение сложилось и окрепло в борьбе с преданиями якобинизма. Мы подвергли его теоретической критике, вскрыли его историческую ограниченность, его общественную противоречивость, его утопизм, разоблачили его фразеологию, мы порвали с его традициями, которые на протяжении десятилетий казались священным наследием революции. Но против нападков, клевет и бессмысленных надругательств бескровного флегматического либерализма мы возьмем якобинцев под свою защиту».

Теперь, я думаю, нетрудно понять, что именно т. Троцкого в 1905 году, несмотря на его «левизну», связывало с меньшевиками. Тов. Троцкий «планировал», рисовал себе радужные революционные перспективы; он *не сомневался*, что русская революция вызовет социалистическую революцию на Западе, что русский пролетариат сможет, опираясь на несознательное движение крестьян, прийти к власти, он славословил пролетариат, он гордился его первыми шагами, он охотно и умело выполнял роль «барabanщика и трубача великого класса», и он, я не сомневаюсь, столь же охотно, жизнь бы свою отдал за этот класс на своем посту «трубача». Но в то время высшего подъема революции и меньшевики чистой воды, не троцкисты, тоже проявляли подчас большую *стихийную* революционность. Ведь в то время и меньшевики устраивали восстания в Грузии, в Севастополе, на «Потемкине» и т. д. Но перед партией стояли более сложные, более трудные задачи, задачи акушера революции при трудных родах. Чтобы выполнять эти задачи, нужно было не только умение увлекаться и импровизировать, а умение с холодной головой, без всякого романтизма расценивать ситуацию, умение делать в каждый момент правильный учет классовых сил, умение нащупывать все слабые, уязвимые места революции, умение привлекать на сторону пролетариата надежных союзников — в данной исторической ситуации — крестьянство, — умение не только критиковать буржуазию, но стоять на страже партии, беспощадно бороться против малейшего проникновения буржуазной идеологии в нашу собственную партию, умение железной метлой выметать из нее малейшие следы оппортунизма и «соглашательства».

Чтобы выполнять эти трудные задачи, необходимо было иметь монолитную партию, с централизованной и строго координированной работой всех организаций, с сильным и властным центром, с железной дисциплиной, с готовностью всех членов партии себя самоограничивать в интересах целого.

Но все эти тактические и организационные методы большевизма были почти так же чужды т. Троцкому, стоявшему на крайне левом фланге меньшевизма, как и всем меньшевикам. Поэтому т. Троцкий, который по своей беспочвенности, по своему романтизму не был способен, несмотря на все его яркие таланты, создать собственную партию или хотя бы сильную фракцию и неизменно терпел крушение во всех своих попытках это сделать, шел

с меньшевиками во время революционного подъема и не покидал их во время революционного упадка в качестве левого спутника.

Когда после поражения революции 1905 года Череванин²⁴ выпустил свою напугавшую ликвидаторскую книжку²⁵, полную обвинений против партии, и не только против партии, но и против рабочего класса «за их революционные иллюзии», которые, дескать, погубили русскую революцию, т. Троцкий обрушился на него со всей страстностью в защиту левой тактики 1905 года. Череваниным, однако, возмущался не только т. Троцкий, за него краснели в то время и мы, меньшевики-центровики, и молчали из фракционной дипломатии.

Но время шло. Вместе с тем появлялись «новые птицы и новые песни». Проходил год за годом, и ожидавшаяся нами вторая волна революции все не подымалась. Большевики в это трудное время сумели терпеливо ждать, охраняя свои основные кадры и охраняя революционные лозунги, несмотря на то, что они не находили себе отклика в массах. А т. Троцкий? В 1912 году, когда, после ленинских событий, уже намечался новый подъем рабочего движения, т. Троцкий, так красноречиво обличавший в 1908 году ликвидатора Череванина, в статье «Пролетариат и русская революция (о меньшевистской теории русской революции)» вновь пошел в Каноссу, вновь протянул руку меньшевикам и приобщился к «ликвидаторскому» движению, выставив ликвидаторский лозунг петиционной кампании в Государственную думу и взяв на себя инициативу организации т. н. «августовского блока», в котором первую скрипку играли петербургские ликвидаторы, объявившие, что наша старая подпольная партия сгнила на корню и что ее смрадный труп лишь отравляет воздух, которым дышит социал-демократия.

* * *

Новый поворот налево т. Троцкий делает, когда начинается мировая война; но и на этом повороте т. Троцкий остается в ближайшем соседстве с меньшевиками, на их крайнем левом фланге, и это опять, как мы увидим, не случайно.

Война и неслыханное предательство II Интернационала вызвали разброд среди русских меньшевиков. Большинство их стало социал-патриотами, на левом же крыле их сложилась группа «меньшевиков-интернационалистов» (Мартов, Мартынов, Астров, Семковский). Меньшевики-интернационалисты говорили, что

война откроет новую эпоху — эпоху социалистических революций, что мы должны выкинуть общий лозунг — «Долой войну! Да здравствует революция!» Наши ближайшие требования должны быть — «ни победы, ни поражения, а восстановлений status quo ante²⁶: когда государства останутся при старом разбитом корыте, тогда-то и начнется революция, — говорили мы.

Тов. Троцкий был согласен с этими положениями, кроме последнего. Тут он шел дальше меньшевиков-интернационалистов. После войны, говорил он, невозможно уже будет восстановить старые государственные границы, основанные на старых аннексиях. Мир заключит революционный пролетариат, сметай старые границы.

Тов. Троцкий, как мы видим, рисовал более революционные перспективы, чем меньшевики-интернационалисты. Но важно было не только рисовать революционные перспективы. Важно было ответить на вопрос: Что же делать? Как развязать революцию? Как разбить созданный заколдованный круг? Как толкнуть на революционный путь пролетариат, который в каждой стране боялся начинать, чтобы не вызвать военного разгрома своего отечества?

На этот вопрос Ленин дал смелый и гениальный по своей дальновидности ответ: «Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами (“поражением”), а с другой стороны, — невозможно не стремиться к такому превращению, не содействуя таким образом поражению». «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству». Смысл лозунга Ленина был таков: Революция не может начаться *одновременно* во всех воюющих странах. Она начнется там, где сопротивление буржуазии слабее. В таком положении находится Россия, и потому именно мы, русские, должны начать революцию, говорил он. Это непосредственно приведет к нашему военному поражению; но мы не должны этим смущаться; мы, напротив, сами должны желать поражения своему правительству, зная, что этим дело не кончится, что это отнюдь не будет означать *окончательную* победу государства, ведущего войну с нашим правительством, ибо победоносная революция, начавшаяся в стране побежденной, не остановится перед границами страны-победительницы.

Аналогичное решение Ленин давал национальному (и колониальному) вопросу: «Вы боитесь, что наше военное поражение при-

ведет к распаду великой России, к отделению от нее Финляндии, Польши, Украины и т. д.? Мы этого не должны бояться. Мы сами должны требовать их права на отделение, мы сами должны порвать цепи, которыми их приковали к Великороссии. — Но это приведет к экономическому регрессу и расщеплению нашей российской пролетарской армии? — Нисколько: после того, как национально угнетенные народы будут освобождены, их пролетарские отряды будут экономически заинтересованы, чтобы вновь собрать разорванные части, но уже в *добровольный* союз и на новых началах.

Так решал трудный вопрос развязывания революции в обстановке войны Ленин. Нащупав самое уязвимое место революции (боязнь, что она откроет фронт неприятелю), он взял быка за рога, и мы знаем теперь, что это решение проблемы, данное Лениным еще в 1915 году, нашло себе впоследствии блестящее подтверждение в ходе русской революции.

А как относился к этим «пораженческим» лозунгам Ленина т. Троцкий? Желание поражения России, писал он, есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая *уступка политической методологии социал-патриотизма*, который революционную борьбу против войны и условий ее породивших подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла». Тов. Троцкий истолковывал «желание поражения России» как «желание победы Германии», как социал-патриотизм наизнанку. Он видел в этом лозунге лишь искание линии «наименьшего зла», а не линии «наибольшего блага»... для революции, кратчайшего пути к революции и притом революции мировой.

Чтобы дать пролетариям всех европейских стран импульс к *единовременной* революции, исключаяющей хотя бы временную победу одной коалиции и поражение другой, т. Троцкий прикинул в противовес как социал-патриотическим, так и пораженческому лозунгам — лозунг образования «Соединенных Штатов Европы», который он экономически обосновывал тем, что европейский капитализм в империалистическую эпоху уже перерос национальные рамки.

На первый взгляд этот лозунг был такой же ультралевый, такой же радикальный, как его лозунг «перманентной революции» 1905 году. В самом деле: что может быть радикальнее перспективы единовременного уничтожения всех государственных границ Европы? Ленин, однако, ясно доказал в своем споре с т. Троцким,

что его лозунг есть только революционная фраза, отвлекающая внимание от действительно революционного решения самой трудной задачи в условиях войны, отвлекающей внимание от «последовательного призыва к революционным действиям против *своего* правительства во время войны», без чего «миллионы революционных фраз... не стоят ломаного гроша».

В самом деле, что означал лозунг т. Троцкого? Если имеются в виду Соединенные Штаты Европы *еще при капитализме*, то этот лозунг, говорил Ленин, либо неосуществим, либо реакционен: «Соединенные Штаты Европы при капитализме равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме... невозможен иной принцип дележа, кроме силы... Нельзя делить иначе, как... “по капиталу”, как “по силе”. А сила изменяется с ходом экономического развития... При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени нарушенного, равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике». *Временные* соглашения между капиталистическими державами, конечно, возможны, говорил Ленин, но в этом смысле лозунг «Соединенные Штаты Европы» реакционен, ибо в этом смысле он может означать только «соглашение» *европейских* капиталистов... о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии *против* Японии и Америки.

Возможно, однако, что т. Троцкий ставил свой лозунг в связь с победой *социалистической* революции в обстановке мировой войны. Но в таком случае надо было бы говорить не о Соединенных Штатах Европы, а о Соединенных Штатах Мира, ибо социалистическая революция в Европе не может победить без освобождения путем революции колониальных и полуколониальных народов в Азии и Африке. Однако и в этом случае (победа *социализма*) и в исправленном виде (Соединенные Штаты *Мира*), этот лозунг был бы нецелесообразен, ибо «он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране».

Итак, в лучшем случае лозунг т. Троцкого — Соединенные Штаты Европы — так же, как его лозунг «непрерывной революции», несмотря на свой видимый радикализм, отвлекал внимание от основной революционной задачи момента — развязывать революцию в той стране, где условия для нее были благоприятны,

идя на военное поражение и не дожидаясь, пока условия для революции созреют в других странах Европы.

После сказанного должно быть понятно, почему т. Троцкий и во время мировой войны не шел с большевиками, а оставался на левом фланге меньшевизма, так же как и в 1905 году.

Ленин с самого начала войны наметил тактику, которая шла по линии развития революции, как это впоследствии блестяще подтвердилось, но шла «против течения» в социалистическом мире и предъявляла огромные требования нашей партии — взять на себя инициативу мировой революции, пренебрегая наиболее глубоко вкоренившимися предрассудками почти всех социалистов мира. Поэтому он уже в Циммервальде и Кинтале вступил на путь раскола со всем II Интернационалом, направил главные, наиболее беспощадные свои удары против каутскианства, усыпавшего пролетариат своим пацифизмом, и начал сколачивать «левое крыло циммервальдийцев», которое было зародышем Коммунистического Интернационала. Тов. же Троцкий, рисовавший отрадные революционные перспективы, не видел главных трудностей родов революции, революционными фразами обходил эти трудности и не думал о том, как их на деле преодолеть. Поэтому ему позиция Ленина в то время представлялась «сектантской», поэтому он находил возможным во время войны сотрудничать с Мартовым в парижском «Нашем слове», поддерживать по-прежнему меньшевистскую фракцию Чхеидзе в Государственной думе и идти в союзе с западно-европейскими «центристами» в Циммервальде, лишь слегка, по-дружески их журуя. Еще в 1914 году он находил возможным писать по поводу письма Каутского: «И если Каутский — как и Гаазе или Ледебур — является нашим и наших ближайших единомышленников Германии *политическим союзником*, то письмо его снова напоминает нам, что союз с Каутским должен в настоящих условиях дополняться систематической идейной борьбой против его бесформенного и выжидательного пацифизма».

Только тогда, когда вождь меньшевистской думской фракции «циммервальдиец» Чхеидзе своим выступлением в Самтреди против «беспорядков» заслужил одобрения губернатора, т. Троцкий на него резко напал в парижском «Нашем слове», чем вызвал уход из редакции «Нашего слова» Мартова, считавшего нужным до конца прикрывать Чхеидзе. И только тогда, когда меньшевики

в огромном большинстве заняли в 1917 году определено контрреволюционную позицию, т. Троцкий окончательно оборвал свою организационную связь с меньшевиками — русскими и западно-европейскими — и вступил в большевистскую партию, открывая новую, лучшую страницу в своей политической жизни.

* * *

Я не буду описывать дальнейших зигзагов в политической карьере т. Троцкого. Об этом достаточно и много писалось, и это не входит в тему моей статьи, трактующей лишь об истоках троцкизма, т. е. о политической деятельности т. Троцкого в эпоху его сожителства с меньшевиками. Скажу только, что, по моему убеждению, т. Троцкий все время и поныне, несмотря на свой зигзаг в эпоху «военного коммунизма», в эпоху наибольшего стихийного обострения гражданской войны, когда он стал *стихийным* якобинцем, остался по существу тем же, чем был и раньше, так же, как он в 1905 году, несмотря на свое сильное полевание, остался тем же по существу, чем был в 1903–4 годах, когда он ликвидировал гегемонию пролетариата. Разница лишь в том, что во время Октябрьской революции еще ярче вспыхнули его таланты и еще несравненно крупнее были его заслуги как «трубача и барабанщика великого класса».

Значит ли это, что т. Троцкий и теперь «левый, меньшевик»? Конечно, нет, ибо в эволюции самого меньшевизма количество перешло в качество, ибо меньшевизм теперь стал определенно предательским, контрреволюционным направлением. Именно это окончательно оттолкнуло т. Троцкого от меньшевиков летом 1917 года и побудило его вступить в большевистскую партию.

Значит ли это, что «троцкизм» не опасен теперь для большевистской партии? Отнюдь не значит. Правда, Троцкий и теперь не способен, как никогда не был способен, по самому характеру своей романтической идеологии, создать сколько-нибудь сильную и многочисленную фракцию, связанную с рабочим классом. Но «троцкизм» опасен тем, что он совершает отрицательную работу расшатывания основ большевистской партии, что он отвлекает ее внимание от крестьянства, когда интерес к крестьянству должен быть во много крат усилен, что он пытается ослабить дисциплину в нашей партии, пробить в ней брешь, в которую против воли и против ожидания т. Троцкого могли бы залезть не троцкисты,

а настоящие меньшевики. К счастью, наша партия достаточно сильна и достаточно бдительна, чтобы своевременно задушить эту опасность в самом зародыше. И это, может быть, будет счастьем для самого т. Троцкого: он наконец должен будет серьезно переоценить свои взгляды и сказать себе:

История оправдала не троцкизм, а ленинизм.
Ты победил, Галилеянин!

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Не до пляски

Казнь Дантона — захватывающая дух страница великой революции. Сам забрызганный кровью сентябрьских убийств, великий трибун не выдержал робеспьеровского превращения алтаря «всемирной свободы» в гнусную мясорубку французских голов¹. Чужая еще придушенные, но уже нараставшие токи народного негодования, он всей бурей своих страстей, всей лавиной непобедимого своего красноречья обрушился на тишайшего Максимилиана.

Ветры истории чувствовались в раскатах львиного рыкания, когда, проезжая на колеснице смерти по улице Сант-Оноре мимо квартиры «Неподкупного»², Дантон пророчествовал Робеспьеру: за мной твоя очередь.

Очередь пришла. Но история, перечеркнув крестом забвения все злое и темное, ими обоими содеянное, поставила их рядом на лестнице славных. Ибо, согрешая и падая, они, каждый по-своему, любили истину, ей служили и правды не угашали, взлетая вместе со *свободной* стихией народного энтузиазма на вершину власти и падая под нож гильотины в неравном, но смелом бою.

Достаточно вспомнить эту страницу из истории борьбы великанов революции для того, чтобы понять какая пропасть отделяет от них наших пигмеев большевицкой реакции.

Там пламенное исповедание своей веры перед лицом всемогущего диктатора. Здесь — всеподданнейшее протекже о *само-увольнении*, всенижайше врученное безликой «тройке»³.

Дело, конечно, не в личных свойствах отдельных людей. Правда, давно уж большевицкому:

«Бонапарту» не до пляски:
Растерял свои подвязки.

Но растерял Троцкий все свойства свободного, уважающего себя гражданина не потому, что он сам в себе «презрительный Терсит». Нет! А потому, что в стране жестокой контрреволюции места для «великих Патроклов»⁴ по расписанию *не* полагается.

Борьба за свои убеждения предполагает прежде всего, наличие у борющихся *таких* убеждений, которые им дороже... хотя бы власти. А таких идей *давно уже ни у кого в Кремля нет*. Да и не было. Ибо там всепоглощающая мысль о сохранении в своих руках всей полноты самовластья с самого начала уже превратилась в побеждающий все человеческие чувства болезнью — обостренный инстинкт самосохранения или, лучше сказать, *самоспасения*. Ведь кругом помощи ждать неоткуда.

В юмористическом постановлении ЦК РКП о Троцком⁵... самым щедринским, но вместе с тем и самым ярким является пункт четвертый: *считать дискуссию законченной*.

Законченной, ибо на утлом суденышке чекистской государственности, окруженном целым океаном непреодолимой ненависти целого народа, — мыслить не полагается.

Не игра свободных революционных страстей сотрясает ныне Россию. А сотрясается она от нечеловеческих усилий всего организма страны извергнуть, выплюнуть из себя чужеродного, разъедающего все внутренности паразита.

В таких условиях самозащиты, как мы уже не раз говорили, роскошь «дискуссии» *не доступна связанной единством преступления и единством ответственности шайки*.

Троцкий убран не потому вовсе, как думает наивная в русских делах Европа, что, как Дантон, он пошел навстречу новым свободным стихиям в стране. *Стихия России так же несовместима с «троцкизмом», как и с «ленинизмом»*.

Он убран потому, что в осажденной крепости диктатуры аппаратчикам не до *разлагающей дух Чона*⁶, комячеек в красной армии и ГПУ внутрипартийной пляски сектантских разномыслий.

Доводы от охранки — самые убедительные и для «тройки», и для «оппозиции». Вот почему так просто совершилась нелепая на свежие мозги операция — *само-отставка отставляемого*.

А. В. АМФИТЕАТРОВ

Карно по-большевицки

Catulus leonis luda...
Genes XLIX, 9

Се лев, а не собака.
Старинная надпись

1

Прошедший по газетам слух об убийстве Троцкого оказался ошибочным¹. Скорее неожиданным было опровержение, чем было бы убийство. Жизнь этого человека уже давно висит на волоске, к которому простираются ножницы и справа, и слева, и белые, и красные. Я, получив известие в голой форме лаконической телеграммы от одной итальянской газеты, не усомнился было в факте, а задумался только о том, кто постарался убрать Троцкого: приложил ли тут руку какой-либо пылкий «сталинианец», возмечтавший оторвать, в лице Троцкого, голову у «оппозиции», или уничтожили, наконец, шефа «красных дьяволов» террористы контрреволюционных групп действия, плодящихся ныне внутри СССР не по дням, а по часам.

Давно вьется вокруг Троцкого эта выжидательная неопределенность убиения — не знай, с какой стороны.

«— Вчера у красных взбунтовались матросы... Троцкий приехал их усмирять, один матрос, — мне и фамилию его называли, да я позабыл, — Кутырь, что ли, — выхватил револьвер и застрелил Троцкого.

— Да которого?

— Как которого?

— В том-то и дело, что их три, и кто настоящий, никто не знает».

(Диалог беженцев при отступлении армии Юденича в романе П. Н. Краснова «Понять — простить»²).

Этот троеликий оборотень — Лев Давидович Троцкий — был несомненно самой интересною фигурою действенного большевизма,

в период труднейших переживаний этого страшного движения, когда новорожденное чудовище спешно укреплялось, впиваясь в русскую грудь железными когтями, торопясь напитать свои силы русской кровью.

Гораздо более интересно, чем сам Ленин. Этот, до своего конечного помешательства, был не более как плачевным и противным образцом грубого и наглого упряма-педанта, несчастным капризом судьбы выдвинутого к власти; а после помешательства облек свой педантизм еще и в садизм: состояние, интересное более для психиатра, чем для историка. Ленин был «гениален» в том, что не требует от человека решительно никакого гения, ниже таланта, кроме тупой фанатической злобы: в голом разрушении существующего, без тени способности строить будущее. О Троцком я не скажу этого.

Троцкий тоже разрушитель, но он не лишен дара к «строительству разрушением», о котором когда-то мечтал Бакунин³. Этот положительный дар он проявлял во всех областях управления, какие вверялись ему советским правительством или, будет вернее сказать, какие он захватывал себе в советском правительстве. Наилучшее доказательство его созидательной способности и воли, конечно, организация Красной армии. Она всецело дело рук Троцкого. А так как Красная армия есть единственная реальная величина, созданная десятилетием советской власти (если не считать Че-Ка и ГПУ, уже столь «реальных», что напуганному воображению они представляются фантастически ирреальными сборищами упырей), то можно без страха утверждать, что в лице Троцкого из состава советского правительства выпал единственный государственный творец-строитель первого большевицкого призыва.

Очень давние и малые мои личные воспоминания о Троцком, бедном студенте парижского Латинского квартала, стерлись в памяти: очевидно, впечатления не были сильны. Помнится: был такой невзрачный человек в пенсне, часто выступающий на митингах и сходках революционной эмиграции, довольно ядовито красноречивый, *avec une langue bien*⁴. Но сколько их было подобных! И не припомню, чтобы Троцкий чем-либо выдавался над их множеством. Должно быть, в те далекие времена лицо его не было еще замечательно тем странным и тяжелым, остро-язвительным выражением «проклятием заклеянного», за которое

иные из людей, почитающих СССР царством пришедшего в мир Антихриста, именно в Троцком видят живое воплощение Красного Зла.

Это впечатление отразилось в нескольких литературных произведениях. Торжествующим Дьяволом на смотре своей обольщенной глупой армии изобразил Троцкого в весьма сильном рассказе Алексей Толстой чуть не накануне того, как сам «сменил вехи» и принял Антихристову печать. А в вышеупомянутом романе П. Н. Краснова выразительно ярок портрет Троцкого в качестве партийного оратора. Он интересен как верная характеристика и ораторской манеры Троцкого и того фантастического давления на слабые умы и податливые воли, которого он умеет достигать гипнозом своих фраз, всегда очень банальных, но произносимых с натиском сверхчеловеческой самоуверенности.

«Я решил бороться, — рассказывает слушатель Троцкого, противовольный «сменовеховец», генерал Кусков, — стал следить за собой. Бронштейн то наклонялся к столу, опираясь пальцами о него, то взмахивал широким жестом над головами Минина и Апфельбаума. У него речь шла с яркими заголовками, как какая-нибудь сенсационная статья в бульварной газете. Тут были и: — «политический ребус», и «террор для вовлечения в войну», и «кто за войну?» и «систематическое описание всего хода событий 6-го и 7-го июля» (неудачного восстания эсеров в Москве).

То тут, то там срывались аплодисменты. Я не поддавался. Я смотрел, как колебалась тень от лохматой головы на красных полосах и звездах, как сверкали стекла его пенсне. Он гипнотизировал меня. Мне казалось временами, что тень стоит неподвижно, а это большая красная звезда колеблется над головой Бронштейна и не знает, где остановиться.

Я ему служил, я ему повиновался.

Старался не слушать его, и слова сами лезли в уши, достигали мозга и казались разумными, верными и неоспоримыми.

Зал разразился громовыми аплодисментами. И я аплодировал. Мои руки ходили вверх и вниз, мое лицо против моей воли расплывалось в широкую улыбку.

Я посмотрел на эстраду. Голова Бронштейна была откинута горделиво назад и рисовалась на фоне пятиконечной звезды. И показалось мне: над его лохматыми волосами поднялись рога и поползли в верхние лучи звезды, широко оттопырились уши

и изогнулся крючком нос. Маленькая бородка удлинилась во весь нижний луч... Странное лицо дьявола самодовольно смотрело из звезды на покорное людское стадо.

Руки мои остановились. Холод страха леденил мое тело. Во власти дьявола я был. Вот почему ни одно покушение на них не удавалось. Бесы стерегут их».

2

Демонический гипнотизер, способный производить такие inferнальные эффекты, Лев Бронштейн поднялся из грязи маленького еврейского местечка, как на то указывает его псевдоним, — не знаю, первый ли он из Бронштейнов Троцкий, или уже во втором поколении. Копаться в его прошлом я не намерен. Оно пестрит и правдою, и легендою. Юность Троцкого была авантюрна и, по молве, некрасива. В ней остались исключение из Киевского университета по приговору товарищей-студентов, вызванному причинами отнюдь не политическими, и подобная же смутная какая-то история в Рижском политехникуме⁵. Если бы не пахло в воздухе начала века революцией, из Троцкого вышел бы, по всей вероятности, один из бесчисленных *chevaliers d'industrie*⁶, какими кишат северо- и юго-западные русско-еврейские города, или, может быть, фокусник, магнетизер, гипнотизер. Но революция и, в зависимости от нее, политическая эмиграция дали тогда многим подобным даровитым и беспринципным силам, чтобы, вместо русла полуголовой авантюры, пойти по руслу авантюры политической. Оно обещало удовлетворение не корыстолюбию (это, конечно, лишь когда-нибудь — вилами на воде писано!), но зато честолюбию — немедленно. Смелый и бойкий говорун, успевший вчитаться в революционную литературу и способный полемически фехтовать ею, легко попадал в «вожаки», или, как тогда стали говорить, в «лидеры». А это положение было весьма не плохое: и кормило, и выдвигало. Эту карьеру прошел и Бронштейн. Женева, Париж, Лондон, впоследствии и Нью-Йорк видели его в качестве социалиста-изгнанника, пострадавшего от царского правительства, беглого из Сибири. Имя его сделалось известно повсюду в эмиграции.

В социализме он занял зыбкую позицию. Большевиком стал поздно, чем его не раз упрекали впоследствии правоверные боль-

шевики-ленинисты. Даже и в позднее время, когда Троцкий, стоя во главе оппозиции, начал ораторствовать и агитировать за реакцию к чистому безуступочному ленинизму, сталинианцы неоднократно осаживали его вопросом:

— Ты-то давно ли сделался ленинистом? Где и с кем ты был, когда Ильич строил план революционной кампании?

Раньше с теми же попреками обрушивался на него Зиновьев, нынешний его союзник по «оппозиции».

В большевизм Троцкого вдвинул Циммервальд. В те дни Троцкий существовал журнальным сотрудничеством. Способности к тому он имел бесспорно, однако главной из них была в нем, увы, циническая бесцеремонность в обращении с истиной и совестью печатного слова. Он был французским корреспондентом «Киевской мысли», достигшей в эпоху войны зенитного успеха и распространения чуть не в полмиллиона тиража. Свои статьи Троцкий подписывал псевдонимом «Антидото». Как сотрудник «Киевской мысли» и близкий друг семьи ее издателя, я знал, что «Антидото» — некто Троцкий, но журналистов Троцких было тогда несколько в печати (обычный псевдоним евреев, уроженцев местечка Троки), так что открытие со временем, что Троцкий — «Антидото» «Киевской мысли» есть Лев Троцкий-Бронштейн, озадачило меня весьма.

Потому что заграничный Троцкий-Бронштейн был тогда уже одним из усерднейших «ангелов сатаны» и соревновал Раковскому в пропаганде циммервальдизма, пораженчества, антимилитаризма. Издавал в этом направлении очень крикливый, но очень плохой журнал, носился с проповедями революционного разложения в обществе, проникал с ними в армейские части и наконец, по совокупности всего того, был выпровожден французским правительством за испанскую границу. Между тем Антидото «Киевской мысли» писал статьи если не совершенно патриотического духа (газета была либерально-оппозиционная), то, во всяком случае, далекая от пораженчества⁷. Если бы теперь перепечатать параллельно тогдашние статьи Троцкого заграничного и Троцкого-Антидото, получилась бы дикая картина цинических противоречий, едва ли когда-либо бывавая в журналистике.

Эта бессовестная зыбкость и приспособляемость к требуемым условиям места и времени сделали Троцкого, как скоро он окончательно пристал к большевизму, главной динамической силою

партии. Думаю, что социальная сторона движения никогда несколько не интересовала его. Поздний приход его к большевизму — результат долгого колебания в выборе линии. Он примкнул к Ленину потому, что, во-первых, видел, насколько это безопасно при жалкой слабости Временного правительства; а во-вторых, трагикомические усилия сего последнего спасти войну, им же самим разрушенную в сентиментализме февральской революции, ясно указывали, что на улице пораженцев настанет праздник.

Насколько двусмысленно держался Троцкий еще летом 1917 года, показывает известный анекдот: когда Временное правительство собралось было наконец с духом положить предел бунтарству Ленина с компанией, то полиция, явившаяся арестовать Троцкого, застала у него неожиданным гостем... Керенского, который с негодованием разорвал приказ об аресте и отправил полицейских восвояси. Так ли это было, нет ли, уже один факт, что этому твердо верили в социалистических кругах, являет, как мало связывалось с именем Троцкого представление о партийной определенности, о твердых фракционных перегородках.

Октябрьский переворот, проведенный, главным образом, Троцким, и Брест-Литовский мир сделали Льва Бронштейна вторым лицом в новорожденном советском государстве.

В отличие от других вождей большевизма (немногочисленные искренние фанатики не в счет), Троцкий, сколько мне известно, никогда не играл на лицемерии коммунистического псевдо-аскетизма, а, напротив, став у власти, начал откровенно пользоваться всеми ее благами без малейшего стеснения. Разъезды Троцкого по РСФСР, как тогда стала называться обезображенная большевиками Россия, совершались с царской пышностью и с царскими предосторожностями. Пускались в тягу три поезда, и никто, кроме доверенных чекистов, не знал, в котором из трех едет глава военных сил красной республики. Предосторожности эти, однако, не помешали прокатиться на одном из таких поездов, под видом кочегара... Борису Савинкову, в то время как ЧК сбило с ног всю свою агентуру на поисках его — к стенке и расстрелу!

3

Троцкий прославлен как «человек темперамента», способный на «внезапности». В действительности, он рассудочно умен и осто-

рожен. Пылкость его актерская, притворная. Внезапность — надуманная. Он не чужд «исторического честолюбия» и не прочь застраховать себе если не доброе словечко у будущих историков революции, то все-таки лучшее, чем дождетса большинство двуногих существ, ее творивших. Вся дальнейшая политическая деятельность Троцкого была теснейше связана с организмом Че-Ка и даже основывалась на нем. Однако он очень берегся, чтобы самому не окровавиться в этой постыдной близости, наподобие Держинского, Менжинского, Петерса, Уншлхита и пр. Роли Марата и Робеспьера его не прельщали, — он предпочел взять на себя роль нового Лазаря Карно⁸. Никогда не бывав военным, Троцкий берется за «организацию советской победы», — за воссоздание под красным знаменем армии, разрушенной маргариновым сентиментализмом Керенского и добитой до конца большевицким развратом.

Троцкий принадлежит к числу талантов, поздно находящих свое призвание. Мелкий авантюрист-неудачник, недоброкачественный студент, поверхностный интеллигент, посредственный журналист, он бесполезно и даже позорно метался в мирном профессионализме, тогда как оказалось, рожден он был для военной карьеры. Правда, при царизме эта дорога была закрыта для него как еврея. Но, я думаю, четверть века тому назад юноша Лев Бронштейн и сам рассмеялся бы, если бы какой-нибудь колдун предсказал ему, что однажды он будет генералиссимусом некоей миллионной армии. И рассмеялся, может быть, не только недоверчивым смехом, но и презрительным, так как военная карьера у тогдашней русско-еврейской интеллигентной молодежи была в большом пренебрежении.

Однако такова игра судьбы: революция определила и вознесла Троцкого как талант военно-административный по преимуществу.

Говорят, будто никогда не смеявшийся Гинденбург расхохотался однажды в жизни: когда узнал, что Керенский назначил себя главнокомандующим.

Как известно, Гинденбург смеялся недаром: такое вышло командование, что и нам было бы смешно, когда бы не было уже чересчур грустно. Троцкий, который умел терпеть, когда генерал Гофман в Брест-Литовске стучал на него кулаком по столу, когда матросы на смотре испытывали его выдержку, вопя ему в лицо антисемитские песни и т. п., едва ли дал бы повод к смеху. Пол-

ководцем он не бывал, сражений не выигрывал, Польскую войну провалил, в Гражданской войне красные войска успевали лишь постольку, поскольку дезорганизованы были случайно собранные Белые армии под командою несогласных между собой генералов или брали подавляющею численностью. Словом, ни в Суворовы, ни в Наполеоны Троцкий не годится, да кажется, и достаточно умен, чтобы не предъявлять подобных претензий.

Но он лучше, чем кто-либо из властных большевиков, понял, что СССР может существовать только в состоянии «перманентно-революционного» напряжения, т. е. постоянно *in statu belli*⁹, под угрозой или угрожая, кипя борьбою внутреннею и внешнею. Он понял, что устойчивое коммунистическое государство, на революционных подпорках, — утопический вздор. Но власть над коммунистической революцией отнюдь не вздорное прельщение, а весьма крупная и соблазнительная реальная задача, способная увлекать честолюбие не только героических сверхчеловеков Наполеонова типа, но и целых групп наполеончиков, явных и тайных, так сказать, коллективных, которые в годы революций плодятся во множестве.

Троцкий понял, что в СССР нет и не может быть иной опорной силы, другого действительного авторитета, кроме штыков. А так как никакого нового орудия для воссоздания штыковых сил и авторитета в коммунизированном государстве он не видел, то смело прибег к «наследию кровавого режима». Задолго до того, как Ленин провозгласил свой Нэп промышленно-коммерческий, Троцкий обратился к политике Нэпа военного — и с гораздо большею решительностью.

Гражданскую войну выиграли у Деникина, взяли Перекоп и вытеснили Врангеля из Крыма не пролетарские массы, а бывшие царские офицеры и генералы, которых Троцкий частью купил, частью улестил, частью силою заставил стать во главе пролетарских сил и внести в их хаос свою дисциплину, свое знание, свою боевую практику.

Покорившийся красной звезде «военспец» сразу превращается из вчерашнего парии в привилегированное как будто лицо. Ему дают прекрасную квартиру, пайки, средства к жизни, если угодно, даже к роскоши. Но под предлогом канцелярии или штаба окружают его шпионами-коммунистами, с наказом не выпускать его из поля зрения не только в служебных отношениях, но и в семейном быту — до интимнейших подробностей.

Троцкий обуздал одну из величайших и наиболее разрушительных глупостей Временного правительства: полномочное главенство над «военспецами» гражданских комиссаров, собезьяненных *commissaries civils* (*sivils*, как острила армия) Французской революции. Он понял, что это значит заставлять командира командовать со связанными руками и ногами. Лучший психолог, чем Керенский, он уразумел качество военной души, ускользнувшее от штатских глаз Временного правительства. А именно: что военные по призванию, т. е. лучшие из военных, страстно любят свою службу, независимо от ее политического назначения; что они органически срастаются со своими командными частями; что они высоко ценят однажды данную присягу и — «не давши слова, крепись, а давши, держись» — раз присягнув, служат добросовестно по чувству служебного долга, хотя бы наперекор личным воззрениям и симпатиям.

Развязав «военспецам» руки для действенности в сфере их профессии, Троцкий связал их политическим шпионажем большевицкого «окружения» во всем остальном существе. Военспец — «узник на воле», ответственно обязанный каждым шагом своей частной жизни согласоваться с новым кодексом морали и быта.

Живя именно в таких условиях, военспец, конечно, отчетливо сознает, что каждая его попытка к служебному саботажу, не говоря уже о дезертирстве или измене, поведет к мучительной гибели — добро бы уж только его самого, а то — жены, детей, родителей, родных, друзей.

Рабство!.. И это рабство командных сил изобрел и установил Лев Давидович Троцкий, и на нем созидал он советскую Красную армию, и на армии — свою популярность.

4

Огромная популярность Троцкого вышла далеко за большевицкие пределы. Лестно или нелестно, — другой вопрос, но имя его стало европейским. Что же касается еврейства, оно, в известной части своей, гордится Троцким, хотя мессианическая роль отнюдь не прельщает практичного *catulum leonis*¹⁰. Он определенно враждебен сионизму. А когда депутация еврейского духовенства в Москве, с раввином Мазе во главе (молва прибавляет: и с отцом Троцкого в составе), обратилась к нему с просьбою унять боль-

шевицкие бесчинства, распространяющиеся в антирелигиозном фанатизме также и на синагоги, Троцкий холодно возразил, что его не касается: по религиозным убеждениям он атеист, а национальности, будучи коммунистом, не имеет и евреем себя не считает¹¹.

На компромиссе уклонения от еврейства Троцкий умел поладить с офицерами высшего красного командования, изменниками белого движения. И, что еще более удивительно, заставить солдатскую массу, глубоко антисемитскую, по существу, забыть в своем главнокомандующем «жида». Дошел он к тому через не малое «цуканье». Не моргнув бровью, выслушивал, как на смотру гвардейский экипаж, маршируя Дворцовой площадью, орал, с хохотом глядя в лицо своему «главковерху», погромную песню:

Родился ты евреем, — ха-ха!
Тебя не пожалеем, — ха-ха!..¹²

Вероятно, вдохновлялся примером Юлия Цезаря. Тот ведь тоже равнодушно слушал, как его победоносные легионы распевали о нем похабные пасквили...

Терпел, терпел и вытерпел «знак отличия»: «краса и гордость русской революции» (его же выражение о балтийской матросне) торжественно признала:

— Хоша и жид, а молодчага!

Быстрое возрастание популярности Троцкого во главе Красной армии показалось советской власти опасною угрозой «бонапартизма». Его сместили (не без труда, с политическим заболеванием и путешествием на Кавказ для поправления здоровья). С отходом Троцкого от комиссариата военных дел популярность его быстро пошла на убыль. В хозяйственном управлении он не ознаменовал себя решительно ничем примечательным и был явно не на месте.

Теперь к нему привлечено общее внимание его главенством в «оппозиции». Роль его в этом новом фазисе деятельности подлежит особому детальному рассмотрению. В общем же можно сказать, что, как ни громко шумна борьба «правительства» СССР с «оппозицией», она является чисто внутренним вопросом коммунистической партии. Победа той или другой стороны ни мало не разрешит общего русского вопроса. Иностранцы, привычные видеть в своих странах, как борьба встречных политических течений символизируется и решается борьбою политических личностей, следят за столкновением Троцкого и Сталина едва ли не с боль-

шим интересом, чем мы, русские. Ибо для нас-то, опытных, дело сводится к тому, что, как говорит Иван Федорович Карамазов:

— Гад жрет другую гадину.

Во всяком случае, ожесточенная распря между советским правительством и оппозицией являет утешительное свидетельство того, что верное средство коммунистического воздействия — отравление враждебных рядов эпидемией политического разложения — обратилось теперь на собственные ряды коммуны. В них не стало уже и тени той железной дисциплины, превосходством которой они в 1917 году взяли верх над дезорганизованной Россией. И если владычество большевиков есть царство Сатаны, то приблизился к сатанинскому царству тот роковой момент, о котором некогда вопрошал Иисус Христос:

— «Аще же и сатана сам в себе разделися, како станет царство его?»

М. И. ГАНФМАН

Троцкий-эмигрант

Москва наконец разверзла уста. Официальное советское телеграфное агентство после долгих колебаний оповестило весь мир, что особое совещание при ОГПУ выслало бывшего соратника Ленина, вождя, красного генералиссимуса и проч., и проч. из пределов Советского Союза за антигосударственную деятельность.

Троцкий — эмигрант. Троцкий обращается к «социал-предателю» Лебе¹, против которого недавно извергал громы и молнии с просьбой исходатайствовать ему право жительства в Германии. Какой размах от положения самодержавного властелина, который вместе с Лениным распоряжался судьбами великой страны и претендовал на мировую роль, до роли смиренного просителя, добивающегося от буржуазных правительств приюта...

Но при всей глубине падения никакого сочувствия судьба Троцкого вызвать не может. Троцкий — изгнанник, Троцкий, лишенный всемогущества, Троцкий, лишенный возможности творить зло, которое он в таком обилии рассыпал за годы своей власти, по существу ничем не отличается от Сталина, повергнутого в прах своего врага. С точки зрения человеческой, общественной морали и даже политики, — *победитель и побежденный — стоят на одном уровне. Оба одинаково жестоки; для обоих человеческая жизнь, человеческая кровь ничего не стоит, оба готовы были во имя властолюбия разрушить все, что стояло на их пути.*

Теперь Троцкий и его друзья в Сов. России вопят о насилии сталинцев, о замыкании рта всем инакомыслящим. Они даже договариваются до признания необходимости гражданской свободы

(для кого?), о введении закрытого голосования для предупреждения фальсификации на выборах партийных, профессиональных и советских. Но разве тогда, когда Троцкий вместе с Лениным и Сталиным опутали великую страну и великий народ сетями рабства, безмолвия, когда они растапывали все элементарные основы права и свободы, разве тогда нынешний изгнанник не принимал в этом страшном деле самого деятельного участия? Разве не он первый требовал постановления гильотины на площади Зимнего дворца? Разве не он кричал о необходимости «выжигать каленым железом» все, что не укладывалось в рамки казенной доктрины и большевицкого самодержавия?² И ведь эти крики превращались в страшные кровавые дела!.. Разве не Троцкий грозил «хлопнуть дверьми», если большевиков постигнет неудача, и так хлопнуть, чтобы многие поколения потом ужасались перед «решимостью» большевиков.

Мы имеем менее всего основания проявлять какое-нибудь удовлетворение по поводу победы Сталина. И этот диктатор продолжает кровавую игру с Россией, русским народом и человечеством. И он строит свою власть на терроре, на презрении к морали и на параличе воли русского общества. Но и поражение Троцкого, его изгнание, его «страдания» не могут никого ни волновать, ни трогать. И если Лебе или кто другой исходатайствуют Троцкому мирное убежище в буржуазном государстве, которое он стремился разрушить и залить потоками крови, если он будет заниматься полемикой со Сталиным среди своих поклонников и друзей и вспоминать былое величие, то, право, эта картина будет более поучительна, чем какая-либо насильственная гибель его.

Троцкисты утверждают, что Сталин выслал опального вождя в буржуазные страны специально для того, чтобы дать возможность «белогвардейским убийцам» покончить с великим Львом. Коммунисты судят о буржуазных странах по порядкам коммунистического царства. В «буржуазных» странах «убийства» как метод управления не составляют нормы. В «буржуазных» странах право убежища ценится для всех, не исключая и противников существующего строя. В «буржуазных» странах покушение на кого бы то ни было карается. Да и «белогвардейцы» при всем негодовании, которое не только у них не может не вызывать бывшая деятельность Троцкого, воздержатся оттого, что нарушает правовой порядок и не захотят бессильному Троцкому дать даже

подобие трагического конца. Лучше всего, если он кончит свои дни в том ничтожестве, какое он заслужил...

Нам кажется, что вообще карьера Троцкого кончена. Ведь, по существу, он еще до решительного удара, нанесенного ему Сталиным, обнаружил, что он деятель далеко не крупного калибра. В самом деле, в тот момент, когда Ленин умер, Троцкий стоял во главе Красной армии, пользовался исключительной популярностью в массах, среди командного состава, среди учащейся молодежи. Считался одним из основателей большевицкого строя, организатором победы, создателем Красной армии и т. д. Казалось, все облегчало осуществление заветной цели этого великого честолюбца; казалось бы, что именно ему легче всего воссесть на вакантный престол диктатора. И, однако, этого не произошло, хитрый, невежественный и грубый Сталин сумел постепенно устранить его со всех должностей, которые ему давали фактическую силу и влияние. Троцкий видел это, но не имел мужества оборвать планы Сталина и бросить на чашку весов в этой борьбе свой авторитет, свою мощь и те силы, которые стояли за ним. После смерти Ленина Троцкому было достаточно выступить открыто против Сталина и тогдашних его друзей (Зиновьева и Каменева), чтобы одержать победу. Троцкий этого не сделал, и воспитанный в партийных дрязгах пошел по пути дискуссии, фракционных интриг, литературной полемики и т. д. Сталин, конечно, в этой борьбе победил, после того как Троцкий позволил себя устранить со всех постов, где он имел фактическое влияние. Так действовать не мог политический деятель крупного калибра...

Идею высылки Троцкого приписывают самому Сталину. Это похоже на правду. Это последний ход той продуманной кампании, которую «чудесный грузин» так последовательно вел против Троцкого. Сталин хочет окончательно потопить Троцкого, изгнав его из России. *Сталину нужен Троцкий-эмигрант, чтобы дискредитировать его личное влияние, чтобы иметь постоянно аргумент «эмигрантщины» против Троцкого, а главное — против троцкизма.*

Для нас высылка Троцкого — признак не силы Сталина, а бессилия нынешнего строя справиться с внутренними недугами, его точащими. Троцкий-«эмигрант» для нас символ внутреннего гниения той силы, которая так долго держит Россию в узах рабства.

При всей несознательности масс в России и за пределами ее судьба двух основателей большевицкого строя, двух вождей

и «пророков», не может не сыграть отрезвляющей роли. Ленин в момент расцвета своего влияния был охвачен страшным безумием. Сумасшедшим паралитиком сошел он в могилу, и никакие мавзолеи, никакие канонизации не могут затушевать того, что создатель и вождь коммунистической диктатуры был болен страшной мозговой болезнью, вероятно, задолго до того, когда недуг формально был признан.

А теперь другой вождь, который разделял славу с Лениным, изображение которого еще недавно красовалось во всех советских учреждениях, объявлен врагом государства и изгнан из страны, которую он «осчастливил» вместе с Лениным.

Над судьбой этих двух основателей коммунистического царства задумаются, вероятно, и самые ослепленные.

М. А. АЛДАНОВ

Сталин

<Фрагменты>

У Троцкого идей никогда не было и не будет. В 1905 году он свои откровения взял взаймы у Парвуса, в 1917 году — у Ленина. Его нынешняя оппозиционная критика — общие места эмигрантской печати. С «идеями» Троцкому особенно не везло в революции. Он клялся защищать Учредительное собрание за два месяца до того, как оно было разогнано. Он писал: «Ликвидация государственного спаиванья народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции» — перед восстановлением в Сов. России казенной продажи вина¹. Но в большом актерском искусстве, как в уме и хитрости, Троцкому, конечно, отказать нельзя. Великий артист — для невзыскательной публики. Иванов-Козельский² русской революции.

Вся Октябрьская революция была, так сказать, бенефисом Троцкого. По крайней мере, он, говоря о ней в ту пору и впоследствии, неизменно держал себя как «бенефициант», — как бенефициант подчеркнуто скромный и расстроганно тактичный. Он взволнованно раскланивался с современниками и с историей, взволнованно принимал букеты и часть их передавал другим участникам спектакля, заботливо выбирая для этого букетики похуже и участников побездарней. В своих книгах, посвященных октябрю 1917 г.*, Троцкий отечески расхваливал самых серых революционеров, принимавших участие в перевороте, — вплоть до фельдшера Лазимира³, вплоть до какого-то матроса Маркина⁴.

* Он заботливо издал все, что писал в 1917 году: свои речи, статейки, замечтки, прокламации, телеграммы, все.

Более видных людей он старательно оставил в тени. Разумеется, Ленина никак нельзя было обойти молчанием — льстиво-коварная книга Троцкого о Ленине достаточно известна. Но о Сталине Троцкий совершенно забыл упомянуть — Сталину ни малейшего букетика не досталось. Двухтомный труд Троцкого о 1917 году украшен портретами Свердлова, Иоффе, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Крыленко — портрет Сталина так и не попал в книгу. Между тем роль нынешнего диктатора в Октябрьской революции была чрезвычайно велика: он входил и в «пятерку», ведавшую политической стороной восстания, и в «семерку», ведавшую стороной организационной⁵.

Как бы то ни было, с первых месяцев революции эти два человека — несомненно, наиболее выдающиеся в большевистской партии, — пошли каждый своей дорогой. Троцкий и в дальнейшем приискивал для себя бенефисные роли. До заключения мира с немцами наиболее выигрышным и эффектным постом в Советском правительстве была должность министра иностранных дел. Она досталась Троцкому, и он «на глазах у всего цивилизованного мира» разыграл Брестское представление, закончив спектакль коленцем, правда, не вполне удавшимся, зато с сотворения мира невиданным: «Войну прекращаем, мира не заключаем». С началом Гражданской войны самой бенефисной ролью стала роль главнокомандующего Красной армией. Троцкий оказался военным комиссаром, председателем Реввоенсовета, русским Карно и «электризатором революции»⁶. Какова была его действительная роль в Гражданской войне, сказать в настоящее время трудно. После первого разрыва с Троцким большевики (т. е. Сталин) опубликовали несколько документов, из которых как будто неопровержимо следует, что роль эта была довольно скромной и что «красный Наполеон» далеко не всегда вел себя по-наполеоновски⁷. История этот вопрос (в отличие от большинства других) сумеет выяснить точно. Во всяком случае, для легенды Троцким было сделано все возможное. Он «прошел курс Академии Генерального штаба», ездил в царском поезде с вагоном-типографией, возил на фронт Демьяна Бедного и даже орден ему пожаловал — «отважному кавалеристу слова» (кто же мог предвидеть со стороны кавалериста слова такую черную неблагодарность?). На всех решительных фронтах он произносил пламенные речи. Каждая его речь была непременно с «восклицаниями». От Троцкого останется десять

тысяч восклицаний — все больше образные. После покушения Фанни Каплан он воскликнул: «Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!» Где-то на Волге, в Казани или в Саратове, он в порыве энтузиазма прокричал «глухим голосом»: «Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!» Галерка редела от восторга, как некогда на спектаклях Иванова-Козельского. При всем своем актерстве Троцкий не подделывается под публику — он не умеет говорить иначе. Впрочем, так говорят иные талантливые ораторы и не в Саратове. Покойный Вивиани, например, тоже был мастер на восклицания: «*La France marchant la tete plus haut que les étoiles...*»⁸. Анатолий Франс от его образов затыкал уши, но в «нижнем этаже французской культуры» этот блеск второго сорта имел шумный успех. Троцкий вдобавок «блестящий писатель» — по твердому убеждению людей, не имеющих ничего с общего с литературой.

Никто не умел лучше, чем он, разоблачать в статьях «империалистическое копыто г. Милюкова»⁹; никто так эффектно не предписывал «сэру Бьюкенену»: «Потрудитесь убрать ноги со стола»¹⁰. Троцкому в совершенстве удаются все тонкости ремесла: и «что сей сон означает?», и «унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла», и «тенденция, проходящая красной нитью», и «победить или умереть!». Клише большевистской типографии он умеет разнообразить стопудовой иронией: «В тех горних сферах, где ведутся приходно-расходные книги божественного промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянке, Милюкову и Керенскому» (Соч. Т. III. С. 22)¹¹.

В последние годы Троцкий, видимо, ослабел и вел себя значительно ниже своей репутации «ловкого человека». За самыми горделивыми его позами следовали самые унижительные покаяния. Ему явно изменила основная способность революционера — умение рассчитывать свои и вражеские силы. На чью поддержку он надеялся? Сойдет ли навсегда со сцены освистанным актером? Троцкий всю свою жизнь прожил перед зеркалом, для исторической галерки. Если он когда-либо покончит с собой или погибнет «на баррикаде» («баррикаду» он склонял во всех падежах тридцать лет), это тоже будет сделано для галерки — для того биографического труда, который о нем напишет Клара Цеткин¹² 27-го столетия¹³.

Убийство Троцкого

<Фрагменты>

Конрад Гейден в своей биографии Гитлера рассказывает:

«Однажды фюрер за столом в тесном кругу спросил:

— Читали ли вы “Воспоминания” Троцкого?

Послышались ответы:

— Да! Отвратительная книга! Это мемуары сатаны!

— Отвратительная? — переспросил Гитлер. — Блестящая книга! Какая у него голова! Я многому у него научился...»¹

Мне приходилось, особенно в иностранной литературе и печати, читать сходные отзывы о Троцком, исходящие от людей, которые тоже никак не могут быть причислены к его политическим или личным друзьям. Уинстон Черчилль в своей книге «Great Contemporaries»² пишет о нем как о злодее, но о злодее титанического размера. «Троцкий, — пишет нынешний глава британского правительства, — соединял в себе организаторский дар Карно, холодный ум Макиавелли, жестокость Джека-потрошителя. Как раковая опухоль, он рос, он терзал, он убивал, выполняя требования своей природы... Он поднял бедных против богатых. Он поднял нищих против бедных. Он поднял преступников против нищих... Как вождь русской армии, которую он воссоздал в бесконечно трудных и опасных условиях, Троцкий был близок к незанятому трону Романовых... В 1922 году военные люди так высоко ценили его личные заслуги и систему, что армия могла легко провозгласить его диктатором, если бы не одно роковое препятствие: он был еврей, он все-таки был еврей, и этого ничто изменить не могло».

Тут все очень преувеличено: и до «трона Романовых» Троцкому было далеко (этот трон здесь даже вообще ни при чем), и военные люди отнюдь не так его ценили, и провозгласить диктатором они в 1922 году никак никого не могли, и еврейское происхождение Троцкого тогда чрезмерного значения не имело: ведь свергла его коалиция, в которую входили один грузин (Сталин) и два еврея (Каменев и Зиновьев). Отзывы Гитлера и Черчилля я привожу лишь в доказательство того, как высоко расценивались врагами его дарования.

О расценке со стороны поклонников и говорить не приходится: «величайший оратор», «великий публицист», «великий организатор» и т. д. По-настоящему вне спора находится только

ораторский талант Троцкого. В его призвании, кажется, сходятся все писавшие о нем и почти все его слышавшие. Приведу лишь один отзыв — отзыв человека, совершенно постороннего и врагам, и поклонникам, и делу: В. В. Розанова. «Русский Паскаль», как кто-то его назвал (какое, кстати будь сказано, нелепое преувеличение!), в 1906 году посетил залу суда, где шел процесс Совета рабочих депутатов, вождями которого, как известно, были Хрусталеv-Носарь и молодой Троцкий (тогда обычно пользовавшийся псевдонимом Яновского). По-видимому, Розанов о Троцком до того никогда ничего не слышал. Больших симпатий к «рабочим депутатам» у него не было. Но в статье его о процессе есть такая фраза: «Встал и сказал несколько слов Троцкий (псевдоним). Это еврей, по происхождению крестьянин Херсонской губернии. В то время, как Носарь что-то глухо и незаметно, невпечатлительно ни для кого говорил, Троцкий произнес всего несколько слов, но он именно произнес, а не проговорил их... Ораторы совершенно так же рождаются», как и поэты. Троцкий разрисовал свои «немногие слова, точно размазал их по вниманию слушателей. И в то время, как все и весь суд точно что-то шептал и шептался, этот наполнил небольшую залу звуками, которые были слышны в последнем уголке...»³.

<...>

Надо отдать должное выдержке Троцкого: постоянно ожидая смерти, он продолжал делать свое дело и работал очень много. Работник он был превосходный. Появляющиеся по сей день посмертные его труды свидетельствуют, что он за всем следил, читал и новые политические книги, и даже новые романы — по-видимому, трудился целый день. В эмиграции он был вообще в личном отношении на должной высоте. В СССР у него бывали постыдные отречения. Не столь постыдные, как те, что были в показаниях подсудимых на московских процессах, но все же такие, о которых он вспоминать не любил: он сам, например, дал Максy Истмэну сведения о завещании Ленина с тем, чтобы Истмэн эти сведения (очень ему, Троцкому, выгодные) за границей опубликовал — и затем он же, под давлением Сталина, заявил, что Истмэн все выдумал, что никакого «завещания Ленина» в природе нет⁴.

Последние годы его бурной жизни прошли в кругу малоизвестных, в большинстве, кажется, очень молодых людей. Думаю, что он мучительно скучал. Власть особенно опьяняет тех людей,

которым она досталась случайно и более или менее неожиданно для них самих. От вершин власти Троцкий перешел к маленьким эмигрантским делам, к поискам заработка, к газетным статьям, к созданию собственных журнальчиков, к агитационной работе. Конечно, таковы были его нормальные занятия до революции, но эта вторая молодость едва ли его удовлетворяла. Троцкий чувствовал себя очень усталым. В доме секретари и телохранители между собой называли его «старик», «The Old Man», хотя он был еще не очень стар. Гладстона так начали называть лишь на восьмом десятке лет жизни. О последней его автомобильной прогулке секретарь Гансен сообщает: «Старик спал гораздо больше обычного». Значит, засыпал в автомобиле всегда?

Со своими сотрудниками Троцкий, разумеется, вел беседы и на политические темы. «Я не увижу новой революции. Это дело вашего поколения», — сказал он Гансену «Теперь не то, что было. Мы стары. У нас нет энергии молодости. Становишься усталым, стареешь. Новая революция дело вашего поколения. Мы ее не увидим...» «Мы» здесь означало «я»: среди своих сверстников он, кажется, вообще сторонников и последователей не имел.

Собственно, он мог бы желать себе именно такого конца, какой выпал ему на долю. Уж если умирать, не дождавшись новой революции, то лучше от руки политического убийцы, чем от какой-нибудь желудочной болезни. Без русской революции 1917 года Троцкий с исторической точки зрения никто. Без новой мировой революции он, перейдя все же в историю, был бы обречен на постепенное, неизбежное изнашивание имени — то же самое произошло с теми из знаменитых деятелей французской революции, которые не погибли в 1793–4 годах.

Вероятно, в эти последние месяцы жизни он с тоской вспоминал о начале своей карьеры; не только с той тоской, с какой о временах молодости вспоминает всякий старик. Он и в самом деле был несчастен в Койоакане. Троцкий в личном смысле никак не может считаться неудачником: он добился славы, и биография его достаточно эффектна. Все же в ней неизбежно будет отсутствовать та глава, о которой больше всего мечтал этот умный, талантливый честолюбец: *на первое место* в истории революции ему так и не удалось выйти. Троцкий, разумеется, хотел быть «первым в Риме». Но, должно быть, немало думал о том времени, когда был первым в деревне, в своей меньшевистской или

полуменьшевистской деревне. «Русский Лассаль!» ... Дальше его честолюбие тогда не шло.

С койоаканскими «приближенными» он был ласков, как Наполеон со своими на острове святой Елены; быть может, этим образцом полусознательно и руководился. Люди, по природе не картинные, имеют особую слабость к картинности. Ему до Мексики с «приближенными» очень не везло. Все они ему изменили, начиная от Радека, которого он когда-то осыпал похвалами и комплиментами, кончая Демьяном Бедным, которому он пожаловал орден с рескриптом: «Отважному кавалеристу слова». Причины для этого было много, но некоторую роль, верно, сыграли и его излюбленный «пафос дистанции», и наполеоновский тон. Как для всего, для применения «пафоса дистанции» нужно умение. У Троцкого, при отсутствии у него чувства смешного, при его неумении и нежелании считаться с людьми, пафос дистанции вызывал раздражение и враждебность. Я не уверен, знал ли Троцкий, что в партии его все всегда терпеть не могли. Как очень умный человек, как будто не мог не знать. Судя по его воспоминаниям, он не сомневался в нелюбви «верхов». Быть может, думал, что за верхами есть какие-то низы или середняки, его обожающие? Это была фантазия. Кроме Иоффе, его не любил никто. Единственный человек, который, по собственному заявлению, «боготворил» Троцкого, был его убийца.

По-видимому, жизнь все же кое-чему научила мексиканского изгнанника. Он признал необходимость новой тактики и нашел людей преданных. Я читал номера его журнала, вышедшие после его смерти. Как бы мы ни относились к троцкизму, верность сотрудников Троцкого его памяти доставляет некоторое моральное удовлетворение. Они, очевидно, служили ему и его идеям бескорыстно. В одной из нью-йоркских газет мне случайно попала следующая заметка: утверждено завещание недавно убитого Шелдона Гарта, бывшего секретаря Троцкого; он оставил 25 тысяч долларов своему отцу, Джессу Гарту, живущему на Пятой авеню, номер такой-то. Двадцать пять тысяч долларов, квартира на лучшей улице Нью-Йорка, значит, это был состоятельный человек? Несчастный Шелдон Гарт, конечно, не мог знать, что его похитят, замучат и похоронят под полом кухни. Но и ему, вероятно, было понятно, что должность секретаря или телохранителя при Троцком связана с некоторой личной опасностью (может быть, недаром он

и завещание составил двадцати пяти лет отроду). Эту неблагодарную службу не нуждающийся в деньгах человек мог принять только по идейным соображениям и из преданности вождю.

Людей в Койоакане при Троцком состояло немало. Им (уж во всяком случае телохранителям) надо было платить жалование. Надо было также содержать дом. Надо было, вероятно, поддерживать некоторых троцкистов и их издания. Все это требовало денег. Между тем денег становилось все меньше. Я сказал, что он жил помещиком, но это был разорившийся помещик. Употребляю слово «разорившийся» не в каком-либо символическом смысле, в том, что обанкротился «троцкизм» (этого я отнюдь не думаю), а в прямом смысле материального разорения. На краю банкротства находился не троцкизм, а Троцкий.

Вопрос о деньгах имеет значение для темы настоящей статьи, и я должен на нем остановиться. Троцкий был отличным журналистом не только по умению писать интересные, хлесткие статьи, но и по умению их продавать. Этим он был известен еще в дореволюционные времена, когда писал корреспонденции в богатой провинциальной газете «Киевская мысль». Он не продешевил себя и в пореволюционном изгнании. Издательства, газеты, журналы платили ему гораздо больше, чем другим знаменитым изгнанникам, русским, немецким, итальянским. Вероятно, из всех эмигрантов мира только Вильгельму II его воспоминания дали больше денег, чем Троцкому принесла автобиография. За одну из более поздних своих книг он получил в Соединенных Штатах 29000 долларов. Но именно эта книга не имела никакого успеха. С той поры газетная и издательская цена Троцкого быстро пошла на убыль. Он подпал под действие общего закона, касающегося политических эмигрантов: интерес к ним слабеет в геометрической прогрессии по мере того, как идет время их пребывания в вынужденной отставке. Кроме того, и события в Европе еще сильно убавили интереса к отставным людям. Наконец, из-за гитлеровщины отпали один за другим почти все европейские «рынки» для книг и статей Троцкого.

Отдаю ему и тут справедливость. Он никогда не был ни корыстолюбив, ни жаден, ни скуп. Троцкий не был и аскетом: любил жить с удобством, любил хорошо одеваться (в свое время в тюрьме он «выделялся элегантно»). Но все это было без излишеств и без любви к деньгам как к деньгам. Между тем ему грозила,

по-видимому, финансовая катастрофа. Он ничего после себя не оставил, кроме дома, оцененного в 15–18 тысяч пезо, библиотеки и не очень дорогой мебели. Мне говорили, что для похорон его друзья устроили подписку, давшую 300 пезо. От 29 тысяч долларов больше ничего не оставалось. Деньги нужны были Троцкому и для себя, и для дела; вернее, он дела от себя не отделял: какой же троцкизм без него, Троцкого? Без денег нельзя было иметь дома-крепости и телохранителей, а без крепости и телохранителей не было ни малейших шансов уберечь жизнь. Таким образом, материальная катастрофа стала бы для Троцкого катастрофой смертельной в самом буквальном смысле слова. В последние месяцы жизни он продал Гарвардскому университету свой архив, которым, конечно, очень дорожил и с которым ему расставаться было нелегко; продал за три тысячи долларов — сумма не очень большая, если принять во внимание ценность товара, богатство покупателя и известность продавца.

О том, что издательская «цена» Троцкого очень понизилась, я слышал в литературном мире (разных стран), где такие вещи обычно становятся точно известными и где их выдумывают редко. Замечу, впрочем, что и в выходящем в Нью-Йорке официальном троцкистском журнале (ноябрь 1940 года) сообщается: «Издатели отказали ему в новом авансе (под книгу Троцкого о Сталине. — М. А.). Койоаканскому дому грозили лишения». Правда, объясняет это журнал тем, что Троцкий, занятый очередной полемической работой (против оппозиции в 4-м Интернационале), долго не выполнял своих обязательств в отношении издателей (и отказывался от хорошо оплачиваемой работы). Я все же не думаю, чтобы его последняя книга оказалась *best seller*'ом; он уже и так сказал то, что знал о Сталине. Во всяком случае, каждый понимает, что, например, авторам «*Gone with the Wind*» или «*For whom the Bell tolls*» ни один издатели ни в каких авансах не отказал бы, как долго они новую рукопись ни задерживали бы.

Добавлю, что в последние годы он стал хуже писать. В ранней молодости Троцкий писал плохо. Стиль его тогда в особенности отличался банальностью (чтобы не сказать сильнее). Затем из него выработался прекрасный журналист, почти со всеми достоинствами журналиста (кроме чистоты и правильности языка). Лучший его публицистический период: 1910–1930 годы. Позднее он стал слабеть, оставаясь еще отличным полемистом. Быть может, на нем

уже отразился возраст. Он был не очень стар, но в его жизни месяц можно считать за год.

Рассчитывать впредь на большие денежные поступления Троцкому не приходилось. Без денег существовать и работать было невозможно. Думаю, что в этом один из ключей к трагедии — разумеется, лишь один из нескольких. Здесь могут быть только догадки и предположения.

<...>

В моральном отношении Сталин и Троцкий стояли один другого; оба залиты кровью одинаково густо*. Но незачем отрицать, оба они люди идейные. Скажу больше: оба они в сущности стремились к одному и тому же: в общем масштабе — к мировой революции, в личном масштабе — каждый к посту вождя и диктатора мировой революции. Поэтому они стали друг другу конкурентами со дня смерти или тяжелой болезни Ленина, который обоим их устранил, будучи кандидатом первым, единственным и общепризнанным. Глухая, потом открытая борьба за место «Ильича» началась, вероятно, в тот самый день, когда его разбил удар. На первое место в русской революции могли в 1924 году выдвинуться только Сталин и Троцкий как наиболее выдающиеся или, вернее, единственные выдающиеся люди в партии. Борьба кончилась победой Сталина.

* В пору диктатуры Ленина, по-видимому, именно Троцкий толкал Советское правительство на самые жестокие и свирепые меры. На это есть нераскрытый намек в одной из речей Сталина (от 19 ноября 1924 года). Выступая против Троцкого, Сталин сказал: «Партия знает Ленина как прямолинейного революционера. Но она знает также, что Ленин был осторожен, обострителей не любил и нередко твердой рукой сдерживая чрезмерных террористов, в том числе и самого тов. Троцкого. Тов. Троцкий говорит об этом предмете в своей книге о Ленине. Но из его характеристики следует, будто Ленин при всяком подходящем случае провозглашал необходимость террора. Создается впечатление, будто Ленин был кровожаднейшим из всех кровожадных большевиков. Зачем понадобилось тов. Троцкому это ненужное и ни на чем не основанное сгущение красок?» Сталин, конечно, знал, зачем это «сгущение красок» понадобилось Троцкому. Правда, если в интересах Троцкого было взвалить главную ответственность за «крайности террора» на Ленина, то в интересах Сталина было перенести ее на Троцкого. Однако должно помнить, что в ту пору, в 1924 году, Сталин еще не был полным хозяином Советского государства, коммунистической партии и печати. Он не решился бы выступить с подобным утверждением, если бы не имел доказательств и свидетелей: ложное, голословное утверждение Троцкий тогда мог бы еще опровергнуть публично. Он подчеркнутых мною слов Сталина не опроверг.

С 1939 года открывалась возможность второго раунда: борьбы за первое место в революции общеевропейской. И опять-таки других кандидатов, кроме них двоих, не было: в составе коммунистических партий всех стран Европы нет людей, приближающихся по рангу, тем более по известности, к Сталину или Троцкому. В этом втором раунде шансы Сталина были, конечно, гораздо больше, потому что в его руках находятся гигантский государственный аппарат, армия и казна России. Но и у Троцкого были преимущества, которых Сталин не имел. Его красноречие, его знание иностранных языков, его лучшее знакомство с Европой, его «ореол» создавали некоторые шансы и для главы IV Интернационала. Ввиду вновь открывшихся в 1939 году перспектив имело смысл отделаться от такого конкурента. Фактических препятствий для этого было почти также мало, как преград моральных или идейных.

Должен с сожалением сказать, что некоторые прогнозы Троцкого отнюдь нельзя считать нелепыми и невозможными. Однако, при крайнем своем догматизме, он все облекал в самоуверенные формулы, упрощающие сложную истину и выдающие за правду — правдоподобную возможность. Допускаю, что и это сыграло некоторую, хотя бы маленькую, роль в его смерти. Нисколько не будучи начетчиком, Сталин все же прошел ту же школу, что Троцкий, и сам немного начетчикам верит. Между тем в партии старых колдунов начетничества больше не осталось: все они лежат в урнах кремлевской стены или в общей могиле казненных. Быть может, в Москве не без некоторого суеверия прислушивались к вещаниям последнего колдуна: хоть враг, а это дело смыслит. Троцкий догматически уверенно говорил о неизбежности победы троцкизма, клялся всеми святыми (ведь святые были общие), что троцкизм восторжествует на будущей неделе. Что если Троцкий сам напугал Сталина? Что если в Москве поверили — и сделали свои выводы: не лучше ли раз навсегда от него освободиться?

Все остальное было делом техники и техников.

П. П. МУРАТОВ

Автобиография Троцкого

Мы, люди пишущие книги, вероятно, и читаем их как-то иначе, чем их читает вообще «читатель». Я не хочу сказать, что наше суждение о книгах вернее и пронидательнее других. Но может быть мы вернее и пронидательнее судим на основании книги о том, кто писал ее. В этом нет ничего удивительного, и это не есть с моей стороны притязание на особую долю ума и таланта, отпущенную людям, «делающим» книги. Ум и талант, я знаю, очень часто бывают отпущены в большой доле тому, кто никогда не написал ни одной строчки. Но нам легче, конечно, судить об авторе на основании написанной им книги просто потому, что написание книги, как всякое другое дело, требует профессиональных навыков, которые имеют свой собственный язык. Этот язык нам понятен. Литературное ремесло, как всякое другое ремесло, создает свой опыт.

Мы ведь замечаем иногда в книгах не то, что хочет показать автор, а как раз то, что он надеется скрыть. Не всегда входит в задачу автора показать свое подлинное я, не всегда он и сам понимает, до какой степени выступает в книге это его не вовсе желанное подлинное я. Писать книги — занятие довольно рискованное. Этим способом человек иногда выдает себя так, как он совсем того не хочет и не предполагает.

В своей автобиографии Троцкий намеревался рассказать о себе так, как ему этого хотелось. Он написал большую книгу, два тома. В этой книге он виден достаточно ясно, однако совершенно не так, как ему, очевидно, хотелось, чтобы он был виден. Внимание было устремлено на некоторые места, строки, страницы, которые, по его

мнению, отлично «представляли» его читателю. Но на самом деле высказался он во многом другом — в плане книги, в распределении материала, в тоне рассказа, в том или ином обороте языка или мысли, в попутном замечании, в приведенных им словах другого лица, — одним словом, в разных местах, строках и страницах, которым он сам не придавал того значения, какое он приобрели для нашего суждения об авторе.

Троцкий не понимает, например, несоответствия между взятым им тоном рассказа и смыслом рассказа. Тон его рассказа — «легкий», будто бы остроумный местами и даже шутливый, в высшей степени самоуверенный и самодовольный, несколько снисходительный к читателю, над которым он чувствует какое-то свое будто бы «признанное» превосходство ума и таланта. Таким тоном, по мнению Троцкого, очевидно, и должен писать человек значительный, замечательный, исключительно умный, необыкновенно многоопытный и вообще очень важный для человечества. Но несоответствие между этим тоном и содержанием книги бросается в глаза всякому. «Легкий», будто бы остроумный местами — и даже шуточный тон совсем неуместен по отношению к временам трагическим, событиям мрачным, нравам жестоким, деяниям зверским, о которых рассказывает Троцкий, плохо умея скрыть их трагичность, мрачность, жестокость и «бестиальность». То превосходство ума и таланта, которые Троцкий предполагает в себе, никогда и ни в чем не доказывается и не подтверждается книгой. Никакой талантливости не видно в его рассказе: ни талантливости писателя, ни талантливости рассказчика. Не видно в книге Троцкого ни малейшего превосходства ума. Никогда и ни в чем мысль его не поднимается над некоторым, весьма средним уровнем и не проявляет никакого своеобразия — это «брошюрочная» мысль. Троцкому, вероятно, кажется, что он как бы господствует над своим читателем, но на самом деле он не умеет достигнуть этого «господства» ни на одну минуту.

Такое несоответствие свидетельствует о том, что Троцкий просто человек не особенно умный. Ленин считал его человеком очень способным. Это, возможно, так и есть, однако способный — совсем еще не значит умный в серьезном значении этого слова. Будучи способным, совсем не кажется он и сколько-нибудь одаренным. Рассказ его о самом себе обнаруживает ту бесплодность, ту пустоту его «неутомимой деятельности», которая свидетельствует об от-

существованию настоящего дарования. Многоопытным, все знающим, все понимающим Троцкий кажется опять-таки только самому себе. На самом деле в нем есть даже большая доля ограниченности и наивности; образование его явно недостаточно и поверхностно, кругозор его узок, блуждания его по всему свету не воспитали его, и он так и остался до конца провинциалом. Если он учился чему-нибудь, то учился только, как «подучивается» способный и бойкий гимназист провинциального города. Троцкий не случайно очень долго рассказывает в книге о временах своего, не скажу детства, но мальчишества. Ум его сформировался там в гимназические годы в Николаеве и в Одессе, сформировался притом как-то почти окончательно. В течение лет Троцкий, по-видимому, изменился мало. Он так и остался на всю жизнь способным, но легковесным в умственном смысле, самоуверенным, злым и озорным гимназистом. Такие гимназисты чаще всего кажутся самим себе людьми замечательными...

Но вот пока Троцкий не написал своего «опыта автобиографии», он мог в самом деле казаться примечательным человеком и кому-нибудь другому.

Ведь нельзя отрицать, что этот человек в событиях русской революции сыграл очень большую роль. Не будучи человеком выдающимся и замечательным, Троцкий оказался человеком, конечно, незаурядным и даже особенным, в силу одного своего особенного качества. Это качество, как мы уже видели, никак не ум и не талант. Это даже не характер. Это — *темперамент*, «качество» странное, не правда ли, и как будто бы не призванное играть особую роль в жизни, да еще в политической жизни, в круговороте исторических событий!

Темпераментом гордится, темпераментом славятся актеры. Для актера это могущественная помощь в преодолении того перехода от «быть» к «казаться», который повелевается ежедневно его профессией. На политической, на революционной, говоря более точно, сцене выступил Троцкий сразу одним из «премьеров» именно благодаря своему огромному темпераменту. Именно благодаря своему темпераменту он сразу затмил в 1917 г. другого актера революции, менее удачного, менее темпераментного актера, несмотря на все его старания и усилия в этом направлении — Керенского.

Но что обозначает эта преобладающая роль чисто актерских позиций в нашей революции? И это соревнование ее «вождей» в чисто

актерских способностях? Это указывает, конечно, на преобладающую роль толпы в этих событиях, пусть, если угодно, «революционной толпы». Сцена революции у нас была ярмарочной сценой: революционные балаганы возвышались среди площади, залитой черной толпой. На подмостках одного революционного балагана ломался Керенский, на подмостках другого — бесновался Троцкий. Сей последний в качестве большевицкого зазывателя... Что именно он выкрикивал — совершенно не важно. Чем элементарнее было то, что он выкрикивал, тем было это нужнее для его слушателей, покинувших ради него балаган его конкурента. «Чистая публика», интеллигенция, с презрением сторонилась большевицкого балагана, думая, что «народ» не поддастся на лживые зазывания темпераментного «брехателя» (в Америке именно так называют балаганных зазывателей). Троцкий временами более или менее искренно воображал себя «народным трибуном», обращающимся к «революционным гражданам». Но на самом деле здесь не было граждан тоже, была толпа...

Толпа, «революционные толпы» — в этом вся сила Троцкого, и эта сила сделала его в 1905 году главой Петербургского совета рабочих депутатов и в 1917 — вторыми после Ленина «вождем» восторжествовавшего большевизма. Если бы надо было в автобиографии этого «народного трибуна» избрать несколько сцен наиболее характерных для его жизни, наиболее рисующих самую его сущность, я не поколебался бы избрать такие с особенным удовольствием рассказанные им эпизоды, где по одному ли, по другому ли поводу, среди то любопытной, то взбудораженной толпы какие-то люди подхватывают его на руки и тащат его куда-то, всегда очень довольного собой — все равно «арестом» своим или «триумфом».

Так было в Канаде, когда в апреле 1917 года английские власти решили его задержать и освободили лишь по телеграмме временного правительства.

— «Вооруженные матросы набросились на нас и, при криках “позор” со стороны значительной части пассажиров, снесли нас на руках... Десяток матросов держали меня на руках»... Так было и по приезде Троцкого в Петербург, во время митингов в цирке Модерн. «Каждый квадратный вершок был занят, каждое человеческое тело уплотнено... Я попадал на трибуну через узкую траншею тел, почти на руках. Воздух, напряженный от дыхания,

взрывался криками, особенно страстными воплями цирка Модерн. Вокруг меня и надо мною были плотно прижатые локти, груди, головы. Я говорил как бы из плотной пещеры человеческих тел... Уйти из цирка Модерн было еще труднее, чем в него войти.

В полузабытии истощения сил приходилось плыть к выходу на бесчисленных руках над головами толпы»...

Так случилось наконец и в январе 1928 года в Москве перед ссылкой в Верный. Жена Троцкого рассказывает: «Лев Давидович отказался идти. Агенты взяли его на руки. Мы поспешили за ним... Спускаясь с лестницы Лев (сын) звонит во все двери и кричит: несут товарища Троцкого. Испуганные лица мелькают в дверях квартир и по лестнице... Прибыли на совершенно пустой вокзал. Агенты понесли Льва Давидовича как раз от квартиры, на руках».

В таких сценах Троцкий видит какой-то свой апофеоз «перманентного» революционера. Ради таких сцен он, в сущности, живет. Они отмечают своего рода «этапы» его деятельности. Для характеристики этого человека, для измерения его удельного веса достаточно помнить, что он совершенно серьезно считает эти жалкие сцены какими-то героическими моментами и совершенно не понимает, до какой степени они отвратительны и комичны!

Но если таков Троцкий, то стоит ли вообще о нем разговаривать, стоит ли читать его книги, стоит ли о ней писать? Да, стоит, именно, быть может, потому особенно и стоит, что он *такой*. Ведь именно такой, какой он есть, он оказался *в высшей степени к месту* в революции нашей и в 1905 году, и в 1917 году. Книга Троцкого, рассказывающая по намерению автора больше всего о нем самом, помимо его намерения, свидетельствует очень многое и очень печальное о русской революции.

Нас поражает в рассказе Троцкого, с какой легкостью давал себя «поднять», «смутить», взбунтовать, говоря яснее, простолюдин русский там, где скопился он в начинавших быть большими и промышленными наших городах. Троцкий рассказывает, как в 1897 году в Николаеве, едва успев окончить гимназию, устроил он с несколькими приятелями кружок пропаганды. Едва только успели основаться в Николаеве заводы, едва там собралось тысяч десять рабочих, как «рабочие шли к нам в кружок самотеком, точно на заводах нас давно ждали... Не мы искали рабочих, а они нас. Молодые и неопытные руководители, мы скоро стали захлебываться в вызванном нами движении»...

Заметим, что Троцкий с приятелями тогда едва-едва сами успели узнать кое-что из брошюр о марксизме, о социал-демократии. Ведь даже интеллигенция русская сама еле-еле успела узнать марксизм. В 1893 году вышла книга о нем в России, автором ее был П. Б. Струве. И вот, через четыре года, в далекой русской провинции гимназист Троцкий и подобные ему «пропагандисты» с такой невероятной легкостью обрабатывают сотни и тысячи рабочих, обращая их в «социал-демократов»!..

Что же это могло значить? Какой-нибудь западный социал-демократ, какой-нибудь Каутский, ничего бы не понял перед таким феноменом русского «революционного процесса». Троцкий в своем рассказе сам дает ему верное объяснение. «Они искали правды социальных отношений, — говорит он про николаевских рабочих, — некоторые из них считали себя баптистами, штундистами, евангельскими христианами. Но это не было догматическое сектантство. Рабочие просто отпадали от православия, баптизм становился для них переходным этапом на революционном пути. В первые наши беседы некоторые из них еще употребляли сектантские обороты и прибегали к сравнениям с эпохой первых христиан. Но почти все скоро освободились от этой фразеологии, над которой бесцеремонно потешались более молодые рабочие».

Здесь Троцкий дает очень важное показание. Русский простолудин конца прошлого века и начала нынешнего, в городах и особенно в заводской обстановке, легко отпадал от веры и вступал в полосу искания «правды социальных отношений». Те мирные «правды», которые предлагало ему сектантство, он скоро и очень охотно менял на «правду», предсказывавшую ему бунт. Он в сущности искал оправдания всегда таившейся в нем возможности, потребности, иногда даже жажды бунта. Это оправдание давали ему революционные теории, преподносившиеся ему пропагандистами из числа интеллигенции и полуинтеллигенции. С величайшей легкостью он схватывал в этом как раз то, что ему было нужно. Пропагандисты думали, что превращают мгновенно «отсталого» работника в «передового» пролетария-революционера, благодаря магической силе своего красноречия или Марксовой истины. На самом деле бунтовщик, сидевший в русском простолудине, искал лишь оправдания, разрешения, иногда даже только предлога своей потребности взбунтоваться. Точно так же искал он этого

в Смутное время и при Пугачеве. Точно тем же остался он в 1897, в 1905, в 1917 году.

Пророчество Пушкина было Россией забыто, было непонятно. Русский бунт не казался нам и отцам нашим беспощадным и уж, конечно, никак не казался бессмысленным. Но, называя русский бунт бессмысленным, Пушкин хотел выразить как раз эту русскую способность взбунтоваться ради самого бунта...

В 1905 году интеллигенция, стремившаяся к революции, не смогла облечь в форму революции разнообразные вспышки бунтов рабочих, мужицких, солдатских и матросских. Кое-где эти бунты против властей перемежались с бунтами погромными и «черносотенными». В нескольких случаях принимали они характер бунтов против «господ вообще», против «образованных», против интеллигенции. Интеллигенция стремилась сделать то, что было вообще невозможно: осмыслить бессмысленные бунты, «облечь» их в революцию. Но власть устояла. Революционно настроенная интеллигенция сожалела, что революция не удалась. Мало кто понимал, что жалеть тут было нечего даже революционерам. Революция в России, быть может, и была возможна, но отнюдь не народная, не «простонародная». Мог случиться лишь всеобщий простонародный бунт, но для того нужны были какие-то чрезвычайные обстоятельства.

И вот эти обстоятельства наступили в 1917 году. Революция с первых шагов крайне неосторожно заключила в столице союз с бунтом солдатским, матросским, рабочим. Постепенно бунт распространился на армии фронта, на тыл, на города России, на деревни. Бунт сделался всеобщим. Большевики оказались во главе его только потому, что давали ему полное оправдание, полное разрешение, полную санкцию. Я видел собственными глазами, как в Севастополе взбунтовавшаяся часть флота и гарнизона, после долгих поисков «за кем идти» нашла, наконец, жалкую кособокую и косноязычную девицу, некую Островскую, большевичку третьей статьи. «Темными» черноморских матросов, солдат-минеров и артиллеристов никак конечно назвать было нельзя. Из них всякий был в десять раз умнее и смысленнее Островской. Ничему, разумеется, научить их она не могла, ни в чем убедить их она не могла, но это было им и неважно. Они не очень и вникали в то, что она говорила. Но от нее как от большевички, как от большевицкой делегатки они получали *разрешение на бунт*,

на расправу, на грабеж, на безвластие, на смуту, на наживу. И это было все, чего они тогда искали и вот тогда и нашли...

Приблизительно ту же роль, что Островская в Севастополе сыграл Троцкий в Петербурге. Для самих большевиков другого «заговорщического» типа, типа Ленина, эта роль была неожиданностью. Они получили от немецкого штаба разрешение приехать в Россию, чтобы «обострить» революцию, но когда приехали, то толпа потребовала от них разрешения на бунт. Это даже превышало желание немцев и в первую минуту смутило даже некоторых большевиков. Такого разрешения не дал бы, конечно, ни один западно-европейский социалист и революционер. На подмостках своего балагана Керенский извивался, стараясь убедить толпу, что революция разрешается и даже благословляется, но что бунт «строго воспрещается». Толпа отхлынула от него, разочарованная, и повалила к большевикам. Тут Троцкий оказался для них драгоценнейшим человеком в своей роли зазывателя. Он и был тем «орателем», который действительно орал на всю Россию, что бунт разрешается и поощряется. При этом он сам не понимал хорошенько, что он делает. Он воображал себя «народным трибуном», призывающим «граждан» к революции. Ленин, решивший разрушить всеобщим бунтом Россию, пожертвовать ею ради успеха революции на Западе, только усмехался про себя. Когда революция на Западе не состоялась сразу, он в ожидании ее нехотя принялся на пепелище всероссийского простонародного бунта строить какое-то смехотворное подобие государства, в которое, впрочем, сам никогда не верил.

Любопытно прочесть у Троцкого об этих первых временах «советского строительства». — «Каждое заседание совнаркома представляло картину величайшей законодательной импровизации. Все приходилось начинать с начала. Прецедентов искать было негде, ибо таковыми история не запаслась... Ленин с жадной нетерпеливостью стремился ответить декретами на все стороны хозяйственной политической и культурной жизни. Он знал, что революционные декреты выполняются пока лишь на очень небольшую долю. Декреты имели в первый период более пропагандистское, чем административное значение».

В этом пропагандистском, в этом «показательном» государстве, в этом государстве, управляемом декретами для галерки, Троцкий, естественно, продолжал играть прежнюю большую

актерскую роль. То было прямое продолжение цирка «Модерн». Он оказал большевизму значительные услуги в новом балагане брест-литовских переговоров о мире. Среди большевиков не нашлось бы никого, кто сумел бы себя держать так, как он держал себя в Брест-Литовске среди немецких и австрийских «государственных» людей. То был все тот же бойкий, развязный, дерзкий и озорной гимназист Троцкий, «не лазящий за словом в карман», вызванный к директору гимназии на педагогическое совещание. «На несколько минут конференция превращалась в марксистский кружок для начинающих»... Несколько лет тому назад я встретил в Риме бывшего главу немецкой делегации Кюльмана. Разговор наш коснулся Бреста. Кюльман оживился, вспомнил Троцкого. «В жизни моей я не видел такого нахала!» — воскликнул он. «Но, говорят, он умен», — сказал я. Кюльман немного подумал. «Нет, — ответил он, — нет. Но мы были тогда еще глупее его».

Этот «нахал» оказался очень полезен большевикам в гражданской войне, Ленин в душе своей был убежден, что смехотворное, созданное им «на время» подобие государства не устоит против натиска патриотических русских армий. Он понимал, что никакого «революционного народа» не существует в России и не верил, что бунтующая толпа, живущая в нормах лишь «пропагандистских декретов», сможет оказать серьезное сопротивление. Здесь Ленин ошибался. Бунтовщики дерутся, и иногда очень хорошо дерутся. Они упорно дрались в Смутное время и под Стенькой Разиным, еще упорнее под Пугачевым. Надо было поднять их драться в 1918–1919 году. Тут очень многое сделал темперамент Троцкого.

Всецело ему обязаны большевики тем, что не были разгромлены в первые же месяцы Гражданской войны под Казанью. Столь же обязаны они ему и тем, что Юденич не взял Петербурга. Армия Юденича подошла к Петербургу тоже ведь уверенная, что существует какой-то «народ», который «восстанет и сбросит кучку насильников». Это была ошибка. Это была старая интеллигентская иллюзия, которую так долго мы все в той или иной степени разделяли. Троцкий приехал в Петербург и в несколько дней восстановил в нем *атмосферу бунта*, атмосферу 1917 года, необходимую для сопротивления. «Советские граждане» сражались плохо. Но Троцкий нашел и выбрал среди них таких же яростных, как он сам, бунтовщиков. Тем, кто успел забыть, кто они такие, он напомнил, что они бунтовщики, рискующие своей головой.

Бунтовщики пошли драться и дали войскам Юденича мало ожидаемый ими отпор. Этот отпор имел огромное психологическое значение. Войска, которые шли к Петербургу, не столько шли драться, сколько освобождать. Они полагали, что их ждут как освободителей. Теперь они должны были очень быстро перестроить свою психологию на иное задание, на задание тяжелой борьбы с бунтовщиками. К этому в большей своей части они не были подготовлены и этого не сумели сделать.

Так в конце концов случилось то, что мало верил Ленин и на что мог надеяться только легковесный и самоуверенный Троцкий. «Кривая» вывезла большевиков: они победили в Гражданской войне. Не прошло и трех лет, как Троцкий, оказавший в этой войне такие несомненные услуги советской власти, сделался вдруг «объектом» медленно и постепенно развивавшихся, но упорных гонений. История эта очень любопытна и поучительна для понимания того, что происходило и происходит в России.

Рассказывая эту историю, Троцкий все время объясняет ее причинами чисто личными — сначала безмерной подлостью «эпигонов», т. е. Сталина, Каменева и Зиновьева, потом неукротимой ненавистью наиболее хитрого и решительного из них Сталина. Причиной этой борьбы против него считает он исключительно зависть к его «блеску», к его талантам, к его популярности и боязнь того, что он займет место «главы», вакантное вследствие слабоумия, а потом и смерти Ленина. В таком «незамысловатом» подходе есть, конечно, своя доля правды. «Эпигоны», как он называет Сталина и других, его возненавидели, это верно. Но, может быть, все-таки в основе своей их ненависть и не была завистью к его «блеску» и его талантам. Таланты эти вовсе не казались Сталину и другим столь необыкновенными, как казались они самому Троцкому! Людей, которых он называет «эпигонами», раздражало в нем нечто другое. Это нечто другое и был все тот же «знаменитый» его темперамент, все тот же актерски-революционный темперамент — все то же его главное и в сущности единственное «качество», которым гордился он в роли «перманентного революционера».

На некоторых страницах его собственной книги он как будто прозревает на момент истину, но потом забывает ее перед личными счетами... «Меня не раз спрашивали, — пишет он, — спрашивают иногда и сейчас: как вы могли потерять власть?.. Когда революционеры, руководившие завоеваниями власти, начинают на известном

этапе терять ее, мирно или катастрофически, то это само по себе означает упадок влияния определенных идей и настроений в правящем слое революции, или упадок революционных настроений в самих массах или и то и другое вместе... Идеи первого периода революции теряли незаметно власть над сознанием того партийного слоя, который непосредственно имел власть в стране... У того слоя, который составлял аппарат власти, появились свои самодовольные цели, которыми он стремился подменить революцию... Временная остановка стала превращаться для многих и многих в конечную станцию... Создавался новый тип... Когда напряжение отошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, расцвели и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не все же и не всегда для революции, надо и для себя — это настроение переводилось так: *долой перманентную революцию!*».

В этих выдержках Троцкий сам объясняет все. И все-таки он не понимает того, что происходит с ним и с другими, вокруг него. Он загнипнотизирован мыслью, что «возглавлял революцию», и он желает «перманентно» возглавлять перманентную революцию. Он не понимает того, что он в 1917 году не возглавлял революцию, но распоясывал бунт, а в последующие три года возглавлял вместе с Лениным этот бунт. Бунт кончился, роль Троцкого была сыграна. Наступили «какие-то» будни. Троцкий не понял смысла будней, но эти будни как раз и свидетельствовали о том, что бунт кончился, началась революция.

Ибо что такое, в конце концов, революция? Это — перераспределение в стране власти, это — переход всяких благ из одних рук в другие, это — создание нового правящего слоя. Такой правящий слой начинает создаваться только в тот момент, когда он начинает рассуждать: «Не все же и не всегда для революции, надо и для себя...»

Ленин и Троцкий жили чисто книжными, скорее даже брошюрочными представлениями. Они все ждали осуществления «царства пролетариата» и так и не дождались его. Ленин умер, Троцкий остался жив и был готов к «перманентному бунту», наивно принятому им за революцию только на том основании, что он возглавлял этот бунт, а он считал себя революционером! Но такая позиция «смутьяна» совсем «не устраивала» тех, кто из кочевников революции превращался в оседлых ее обитателей.

Троцкий сделался сразу ненужным, лишним, и не скажу опасным для них, но вредным во всяком случае.

Пока бушевал всероссийский бунт, пока устраивалось не всерьез нелепое советское государство, пока шла гражданская война — текло время. Понемногу слеплялся из разных подозрительных личностей, наблюдающих прежде всего свой собственный интерес, правящий слой. Он образовывался под видом партии и приобретал некоторую «жесткую» структуру в виде партийного аппарата. Во главе этого «жесткого» партийного аппарата оказался Сталин. Власть над Россией и блага России перешли постепенно в лапы подозрительных личностей, именуемых партийными аппаратчиками. Чем более открыто эти аппаратчики говорили «не все же и не всегда для революции, надо и для себя» — тем более настоящими хозяевами революции они являлись.

На этом принципе «для себя» устраивается новый правящий слой, ради этого принципа «для себя» устраиваются вообще революции. Новый правящий слой несколько не отвечал наивным представлениям Троцкого о том, что ярмарочные выкрики «вся власть пролетариату» могут когда-нибудь оправдаться! Но этот слой, в высшей степени пестрый по своему социальному составу, именно тем и был крепок, что работал и старался для себя, стремясь захватить блага власти и имущественные блага, оставленный без хозяина всероссийским бунтом.

Троцкий настолько живет книжными представлениями, что он окрестил тотчас Сталина и «сталинцев» — термидором. Он вообразил, хотел вообразать, что они повернут «вправо». На самом деле это, конечно, не верно. На наших глазах Сталин и «сталинцы» занимаются такими вещами, о которых не мечтал никогда самый «левый» большевик!

Тут дело вовсе не в каких-либо правых и левых «уклонах». Тут все объясняется гораздо проще и гораздо крепче. Это борьба за то «для себя», до которого дорвались Сталин и сталинцы — за собственную выгоду и, может быть, за собственную шкуру. Возглавляемый Сталиным пестрый и авантюристический правящий слой партийных людей не нашел, очевидно, способов к «сосуществованию» с крестьянской Россией. Он не остановился перед походом на нее, перед форменной войной с нею, перед желанием сломить ее, разгромить, уничтожить, стереть с лица земли. В сравнении с такими революционными делами игруш-

кой кажутся выкрики Троцкого о «перманентной революции». И это, конечно, далеко от книжно-брошюрочных представлений туповатого Ленина. Хищный и пестрый авантюристический слой, возглавляемый Сталиным, делает ставку ва-банк, желая окончательно закрепить свою позицию правящего слоя — полновластного хозяина изуродованной России.

Что же касается Троцкого, то раз не предвидится новых ярмарочных балаганов, с подмостков коих можно выдавать за революцию бессмысленный бунт, его роль, по-видимому, сыграна. Ему может быть придется еще и еще выпускать «темпераментные книги», где снова восхвалит и превознесет самого себя. Для молчания у него не хватит ни ума, ни такта. В этом отношении он — второй Керенский.

А может быть, стихия русская опрокинет натиск партийных сталинских добытчиков и восстанет наконец против ненавистой советской власти? Вот тогда вновь появится и толпа, и в этой толпе, притягивающей его как магнит, возможно, снова Троцкий. Снова какие-то руки схватят его и потащат... Ибо печален конец в русской толпе того, кто призывал ее некогда бунтовать и кто оказался в ней тогда, когда она уже «опомнилась», «раскаялась» и прокляла свой бессмысленный бунт.

М. В. ВИШНЯК

Герои нашего времени

<Фрагменты>

II

Октябрь явно не удался, — он провалился. И чем дальше, тем провал его все очевиднее, глубже и безнадежнее.

Тут не эмпирические несовершенства отвлеченно-совершенной идеи и замысла; не маленькие недостатки большого механизма; не случайная неудача или преждевременный срыв. В этом отношении марксистские сторонники политического манчестерства и формулы *laissez faire* — *laissez passer* могут быть удовлетворены. Насильственного вмешательства в процесс «естественного» изживания большевицкого фантазма не произошло. «Опыт» не был «сорван» извне и «преждевременно». Октябрь, о котором можно было раньше сказать словами Герцена о самодержавии, что он «сам собою держится, и притом черт знает на чем», этот Октябрь стал проваливаться тоже *сам собою*, в безмятежной обстановке внешнего мира, в итоге не военной катастрофы или неудачи, а социально-экономической разрухи, в результате исчерпания до конца хозяйственных фондов и идеологических иллюзий.

Чем дальше, тем отчетливее вскрывается существо Октября, его «чистая идея» и «материя». Все отчетливее в неприкрашенной и первобытной своей наготе проступают и творцы и рыцари «самого революционного режима, который когда-либо знало человечество». Мы знали о них по своему личному опыту. Мы узнаем теперь приблизительно то же из описания, которое дают Октябрю бывшие соратники и соучастники по строительству Советов. По разным мотивам приходили и уходили от большевиков левые эсеры и всевозможного рода и типа «спецы». Одни — по личным

мотивам, другие по общественным: из патриотической тревоги за интересы и судьбы России, русской науки, просвещения, искусства и т. п. или из увлечения «невиданным по своим темпам и размаху социалистическим строительством», невиданной нигде в мире революцией и т. д.

Ушедшие от большевиков Штейнберг и Бажанов, Беседовский и Ларсон¹ рассказали нам, как всячески хотели они верить в возможность совместной работы, как вынуждены были все-таки извериться. Бывший заместитель комиссара по внешней торговле и личный друг Красина Соломон² и сейчас досказывает о своих мытарствах в рижском «Сегодня». Все рисуют потрясающую картину грязи и преступления, политического вымогательства и обмана, распутства и вероломства, казнокрадства и напыщенного самохвальства тех в большинстве своем ничтожных и духовно опустошенных людей, которые волею судьбы и случая пришли к власти над Россией в октябре 17 года. Получилась целая галерея преступных типов, алкоголиков, дегенератов, безумцев. И оспорить ее можно только одним, — тем, что Октябрь изображен кистью людей, чуждых «пролетарской революции», перебежавших к победителям после Октября и улепетнувших, как только обнаружился ее бесславный крах.

В этом отношении «Моя жизнь» Троцкого, двухтомный «Опыт автобиографии», представляет ни с чем не сравнимую и не заменимую ценность.

Троцкий не перебежал в лагерь «октябристов» после победы. Он был октябристом до октября, одним из его главных творцов и вернейшим стражем. И даже сейчас, обличая и кляня своих былых соратников в борьбе за Октябрь, он клянет их за отступничество, себя же по-прежнему считает оставшимся «полностью и целиком на прежнем пути». Несколько неосторожно автор цитирует слова старого Гельвеция: «Каждый народ имеет своих великих людей, и если их нет, он их выдумывает». Каких же «великих людей» имел — или выдумал — русский народ в октябрьский период своей незадачливой истории?

В свое время Ленин, помимо «примазавшихся», насчитывал на каждые 100 большевиков до 70 мошенников, до 29 дураков и только одного сознательного и настоящего большевика. Теперь, в состоянии, правда, некоторого аффекта, — Троцкий не скрывает, что «Опыт автобиографии» для него лишь орудие политической

борьбы: «излагая, я характеризую и оцениваю; рассказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю», «дело идет для меня не только об исторической правде, но и политической борьбе, которая продолжается», — он рассказывает, кто были эти настоящие большевики, каким делали эти «великие люди» свой Октябрь в реальности, а не идеологически или согласно позднейшей легенде.

Свидетельство Троцкого аутентично, и потому оно исторически значительно. Оно идет изнутри Октября и проникает в его сердцевину, и потому оно политически существенно.

Троцкий проводит перед нами всю нынешнюю — и прошлую — гвардию «ленинцев». Кого тут только нет? Троцкий не щадит никого. Характеризует сам и приводит без стеснения отзывы других, ставшие ему известными «доверительно», из частных писем или разговоров.

Особый, презрительный смысл вкладывается им в наименование нынешних вождей, возглавляемых Сталиным, — «эпигонами». «Не только способности предвидения, но и чутья не обнаружил ни один — ни один! — из нынешних руководителей. Ни один из них в марте 1917 г. не пошел дальше позиции левого мелко-буржуазного демократа. Ни один не выдержал исторического экзамена»³. Эпигоны «перерезали пуповину октябрьской преемственности». Нынешние столпы «сталинизма» — «умники задним числом», «запоздалые критики», «злополучные фальсификаторы», «ставшие позднее чекистами», «членами коллегии ГПУ», «опорой режима». Все эти квалификации звучат у Троцкого одинаково осудительно.

Подтверждая уже известное со слов «перебежчиков», Троцкий удостоверяет, что Сталин — *аппаратный мажордом*. «Он вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Менжинский стал верною тенью Сталина в ГПУ... Не только начальником ГПУ, но и членом ЦК. Так на бюрократическом экране тень несостоявшегося человека может сойти за человека».

Сталин это — «дрянной человек с желтыми глазами», приводит Троцкий отзыв нынешнего полпреда в Берлине Крестинского. «Первое качество Сталина — лень, — говорил Троцкому Бухарин. — Второе качество — непримиримая зависть к тем, которые знают или умеют больше, чем он. Он и под Ильича (!) вел подпольные ходы», — доносит Троцкий одновременно и на Сталина, и на Бухарина. Сталин «хотел во что бы то ни стало войти

в Львов (во время войны с Польшей) в то время, когда Смигла и Тухачевский войдут в Варшаву. Бывает у людей и такая амбиция». Сталин, оказывается, всегда отталкивал от себя Троцкого «узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков».

Бухарин — полуистерик, полуробенек, не марксист, а схоласт; после смерти Ленина — медиум Зиновьева, затем Сталина. Пятаков — негодный политик, полуанархист и вместе с тем типичный чиновник. Ворошилов — «по всем своим повадкам и вкусам всегда гораздо больше напоминавший хозяйчика (опять донос!), чем пролетария». Вместе с Сталиным Ворошилов «вымогал» у Троцкого снабжение для Царицына чрез своего «специального представителя» матроса Живодера (!). «Когда мы натянули сеть дисциплины потуже, — досказывает Троцкий дальнейшую судьбу Живодера, — Живодер ушел в бандиты. Он был, кажется, пойман и расстрелян». (Аналогичная судьба постигла, как известно, и другого героя и красу и гордость Октября Железняк, разогнавшего Учредительное собрание⁴).

«Старый большевик» и приближенный Ленина Гусев при ближайшем рассмотрении оказался «мелким интриганом» и «фальсификатором», отличавшимся от других только своим «апатичным цинизмом». Зато «шутун и сума переметная» Каменев — «добродушный циник», не чуждый «личного вероломства». Зиновьев — паника, по свидетельству Свердлова. Ярославский — «внутренне деморализованный субъект» и «пасквилянт», еще более несносный, чем «панегирист». Уншлихт — «амбициозный и бездарный интриган». И т. д. и т. п.

Мы далеко не исчерпали перечень всех «прихлебателей Сталина», в меру сил и умения «превративших партию большевиков в кучу навоза», по компетентному свидетельству Бухарина, — «освободивших мещанина в большевике», по удостоверению Троцкого. Не все исчерпали мы и «квалификации», которые понадавал босфорский изгнанник своим недавним соратникам и сослуживцам. Но не довольно ли и приведенного, чтобы спросить словами самого же Троцкого, направленными им, правда, по другому, неверному адресу (западноевропейской демократии):

«— И эти люди призваны положить основание новому человеческому обществу?»...

Именно они, это сборище ничтожных людей, фантастов и злодеев, вероломных и отвратных, призваны и способны «перестроить жизнь так, чтобы исключить возможность периодических буйных помешательств человечества и заложить основы более высокой культуры»?

Удивляться ли тому, что у этих людей ничего не вышло? Не удивительнее ли было как раз обратное? Не было бы фантастикой и чудом, если бы у них получилось все-таки нечто положительное, а не кошмар и ад?

Характеристика, которую сторонник перманентной революции дает своей октябрьской революции, не многим отличается от отзыва прославленного ненавистника и обличителя революции Тэна, не видевшего во французской революции ничего другого, кроме «длительной и в большом масштабе работы обезумевших скотов под водительством сошедших с ума глупцов»...

Троцкий говорит нашими словами, когда подтверждает, что «политика Сталина-Бухарина подготовила и облегчила разгром революции», *явилась выражением и сама способствовала* «процессам, которые можно охватить именем реакция»; и что в будущем придется «переучивать» целое поколение и «брать далекий прицел». Он забывает только упомянуть, что и сам он причастен к этим процессам, дружно работая со Сталиным, Бухариным и прочей незавидной компанией в течение шести первых, для октябрьской революции основоположных лет.

Троцкий весьма невысокого мнения о «злых бесхвостых обезьянах, именуемых людьми». Он испытывает «жгучую боль за человеческую саранчу». Но в провале ли Октября основание для такой дешевой мизантропии. В автобиографии Троцкого как будто бы недостаточно материала для *общего* суждения о людях как «злых бесхвостых обезьянах». Зато в ней более чем достаточно материала для ограниченной и частного суждения о большевиках, не исключая и Троцкого, напоминающих своими ухватками «злых обезьян». Не случайно именно эти *обезьяны увертки* обратили на себя внимание иностранцев — в частности Макдональда⁵, — когда перед ними стал вплотную вопрос о признании большевицкой власти как нормальной власти в государстве.

* * *

Но кроме злых, Троцкий знает и добрых большевиков, преимущественно из уже окончивших свои дни на земле. Из живых —

о некоторых приходится слышать впервые, и замечательны они не столько своими объективными качествами, сколько своею личной и политической близостью к автору воспоминаний.

Из таких положительных типов на первом месте, конечно, вождь вождей, мудрейший из мудрых, «мужественнейший из людей», бесподобный и сравнимый лишь с великим «предтечей» Марксом — «первый свершитель» Ильич!..

И от Троцкого не укрылось ханжеское обоготворение памяти Ильича. Вслед за «белогвардейскими» писателями отмечает и он отношение к Ленину «как к главе церковной иерархии». В «оскорбительные для революционного сознания мавзолеи превратились официальные книги о Ленине. Его мысль разрезали на цитаты для фальшивых проповедей. Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина. Масса была оглушена, сбита с толку, запугана»...

Это правильное наблюдение не помешало, однако, самому Троцкому «попользоваться» трупом Ленина для защиты живого Троцкого. Он не останавливается при этом перед самым крайним *сервиллизмом* по отношению к «великому больному», «учителю и вождю». По примеру бессмертного Петра Ивановича Бобчинского⁶, он настойчиво подчеркивает, что это он, Троцкий, *первый* произнес «слово гений в отношении Ленина». «Да, Ленин был гениален полной человеческой гениальностью».

Троцкий, видимо, хорошо знает свою среду, всю эту «оглушенную, сбитую с толку, запуганную массу». И он услужливо кадит «титаническому» Ильичу, предельной, после Маркса, «вершине духовного могущества человека», не забывая упомянуть ни об одном проявлении политического доверия или личного внимания со стороны Ленина к самому Троцкому, к его детям, — вплоть до милостивого «смешка» Ильича и его «лукавой улыбки» или совместного отдохновения после трудов неправедных в ночь переворота:

«Кто-то постлал нам на полу одеяло — кажется, сестра Ленина, — достал нам подушки. Мы лежали рядом, тело и душа отходили... Мы вполголоса беседовали»...

Троцкий расчетливый дисконтер: он предъявляет к политическому учету даже то, что «он (во время Бреста!) воздержался от голосования, чтобы обеспечить за Лениным большинство одного голоса», а Ленин, «смешливый» Ленин с «лукавым смешком»

говорил Троцкому: «Уже ради одного доброго мира с Троцким стоит потерять Латвию с Эстонией» (что, как известно, и случилось после того, как Троцкому удалось убедить окружающих, что «мы всегда успеем капитулировать достаточно рано»).

И мудрость Ленина, и похвала его Троцкому, и неблагоприятные отзывы его о нынешних недругах Троцкого — все направлено на защиту главного тезиса: борьба против «троцкизма» есть борьба против идейного наследия самого Ленина, ибо он, Троцкий, вернейший и преданнейший ленинец, а Ленин с 17 года был и оставался настоящим «троцкистом».

Положительных фигур, как сказано, немного у Нарцисса октябрьской революции. Есть, однако, у него одна эпическая фигура, в честь которой он слагает подлинную героическую поэму. Это — безвестный солдат Октября, некий матрос Маркин. Стоит, однако, присмотреться ближе к этой «поэме», как она оборачивается обвинительным актом и против автора с его героем, и против всего Октября.

Октябрь, установивший диктатуру пролетариата, оказывается, победил, по свидетельству Троцкого, не силами пролетариата, а *через коллективного Маркина*. Это главное действующее лицо и герой Октября необычайно схож с уже знакомым нам вымогателем и бандитом, тоже деятелем Октября, — матросом Живодером. Только Живодер состоял при Сталине и Ворошилове, тогда как Маркин находился в окружении — чтобы не сказать: в свите, — Троцкого.

Как Живодер, Железняк, Дыбенко и др., Николай Маркин принадлежал к «братве» балтийского флота. «Слово давалось ему с трудом». Но его «крепко сколоченная фигура» — о форме вооружения этой «фигуры» автор умалчивает, умело заполняя пробелы и недостатки ораторского искусства. Фигура эта провиденциально появлялась на всех путях и перепутьях Троцкого. До Октября она «налаживала» домашнюю жизнь Троцкого, пестовала его детей, создавала уют и комфорт в том «буржуазном доме», в котором Троцкие жили. В славные дни Октября «Маркин с револьвером в руках боролся за трезвый (!) Октябрь»: он расстреливал бутылки с вином и отгонял от погребов других сочленов «братвы», «лакавших прямо из канав» стекавшее туда вино.

Отбив «алкогольный приступ контрреволюции» (Троцкий сам же указывает, что вино «лакали» не контрреволюционеры, а «братва»), Маркин сменил борьбу с отечественными пропойцами

на борьбу с международными империалистами. Безграмотный и тупой скуловорот заделался коммунистическим дипломатом... Больше того, — «Маркин стал на время негласным министром иностранных дел. Он сразу разобрался по своему в механизме комиссариата, производил твердой рукой чистку родовитых и вороватых дипломатов, устраивал по новому (!) канцелярию, конфисковал в пользу беспризорных контрабанду, продолжавшую поступать в дипломатических вализах из-за границы, *отбирал наиболее поучительные тайные документы и издавал их за своей ответственностью (!) и со своими примечаниями (!!)*. Маркин... даже писал не без ошибок. Его примечания поражали иногда неожиданностью (?) мысли. Но в общем Маркин крепко забивал дипломатические гвозди (?) и как раз там, где следовало»...

Можно судить, каким «министром иностранных дел» был сам Троцкий, если его не без успеха мог заменить Николай Маркин. Но высшая демократичность — или «народность» — Троцкого в том и состоит, что он и с Маркиным не брезгает стать в большевицкую пару. Как бы то ни было, но, установив диктатуру пролетариата, Троцкий с Маркиным сменили дипломатическое искусство на военное и, как два Аякса, отправились водружать диктатуру на Волге. Когда Троцкий узнавал, что в опасном месте находится его альтер эго матрос Маркин, — «на душе становилось спокойнее и теплее» (почему «теплее» Троцкий не поясняет, — поверим на слово!). Но пробил час Маркина — Троцкий переходит от героики к элегии, — и вражеская пуля догнала на Каме Маркина и «свалила его с крепких ног. Точно гранитная колонна обрушилась передо мною»...

Читая горестную повесть о Николае Маркине, со слезами рассказывавшем девятилетнему сынишке Троцкого, как «женщина, которую он давно и крепко любил, покинула его и что поэтому у него бывает черно и мрачно на душе», — до того черно и мрачно, что он дошел до большевизма и душегубства, — можно понять психологию этого героя и жертвы Октября. Постичь душу Троцкого, понять его черноту и мрак, — гораздо, конечно, труднее. Труднее и забыть и простить живому Троцкому то, что может быть прощено мертвому Маркину. Ибо и сам он говорит: «Что может быть прощено темному несознательному человеку (или “коллективному Маркину”. — М. В.), — того нельзя простить члену (тем более вождю!) партии, стоящей во главе рабочего класса всего мира».

* * *

Троцкий достаточно искушенный политик, чтобы усвоить, что «в политике решает не только что, но и *как* и *кто*». Мы только что видели, *кто они*, эти герои и рыцари Октября, задавшиеся целью «исключить возможность периодических буйных помешательств человечества и заложить основы более высокой культуры».

Посмотрим теперь, *как* творился Октябрь, *какими методами* закладывались «основы более высокой культуры».

Как известно, Ленин допускал — и теоретически, и практически — все средства борьбы с политическим противником. Благая политическая цель, социализм и революция, оправдывала для него, как для Лойолы, любое скверное средство. Он не один раз публично формулировал свой взгляд на политическую мораль: «Когда в этом есть надобность, следует уметь пускать в ход хитрость, ловкость, нелегальные методы, умолчание правды»⁷.

Троцкий не столь откровенно циничен. Он и этой позиции не хочет сдать без боя. И с моральной точки зрения он пытается защищать Октябрь. Но мораль у него не столько даже особая, сколько *своя*.

Понимая решающую роль насилия в успехах Октября, Троцкий вводит насилие в рамки общеисторической закономерности, необходимости и целесообразности. По примеру узурпаторов других времен и народов, он и оправдание большевицкого насилия ставит в прямую зависимость от *цели*, ради которой оно осуществляется, и от того, *кто* насилие осуществляет. «Применение материальной силы играло и играет огромную роль в человеческой истории, иногда прогрессивную, чаще реакционную, в зависимости от того, *какой класс и для каких целей* применяет насилие».

Однако не напрасно все-таки оказывался Троцкий на положении жертвы насилия, — в последний раз насилия пролетарской диктатуры. Вульгарная телеология его, естественно, никак не может удовлетворить. Он прибавляет поэтому: «Отсюда бесконечно далеко до вывода, будто насилием можно разрешить все вопросы и справиться со всеми препятствиями. Задержать развитие прогрессивных исторических тенденций при помощи оружия возможно. Препградить прогрессивным идеям дорогу навсегда — нельзя».

Иначе говоря, — торжество «троцкизма» задержано, но не навсегда. Будущее за ним. Все зависит от обстоятельств. Отсюда

и соответствующая мораль: *«Абсолютных правил поведения не существует ни для мира, ни для войны. Все зависит от обстоятельств».*

И вот иллюстрации к тому, как это отвлеченное положение воплощалось в жизнь.

Кто не слышал о знаменитых «Лэтр де кашэ», об особых королевских приказах об аресте или изгнании жертв, имена которых иногда вписывались лишь задним числом в приказ, скрепленный королевской печатью? Но если бы не было автобиографии Троцкого, кто мог бы узнать или поверить, что «самый революционный режим, который когда-либо знало человечество» заимствовал у французских Бурбонов и реставрировал «Лэтр де кашэ», придав им только еще более жестокую и непоправимую форму?!

Это было в июле 1919 года в Москве в заседании коммунистического Политбюро. Ленин в «две минуты» сочинил и передал Троцкому «чистый бланк», на котором значилось в левом углу: «Председатель Совета Народных Комиссаров Москва, Кремль... Июля 1919 г.», а внизу «красными чернилами»: *«Товарищи! — Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. — В. Ульянов-Ленин».*

Можно с презрением пройти мимо тех мотивов личного свойства, по которым только теперь, поссорившись с «эпигонами», Троцкий сделал достоянием гласности этот чудовищный, особенно для людей, клянущихся социализмом, документ. Троцкий отлично понимает, как компрометирует он им Октябрь. Но он не в силах был его не «использовать» как высшее свидетельство «неограниченной моральной доверенности», оказанной ему Ильичем в то время, как его соперника и зашителя Сталина тот же источник коммунистической благодати наградил «моральным волчьим паспортом».

«Я вам выдам сколько угодно таких бланков», — передает Троцкий слова Ленина. И с последним бесстыдством человека, упоенного благоволением вождя, спокойно комментирует значение предоставленных ему в неограниченном числе «бланков»: «Ленин ставил заранее свою подпись под всяким решением, которое я найду нужным вынести в будущем. Между тем *от этих решений зависела жизнь и смерть человеческих существ».*

Эти коммунистические «Лэтр де кашэ» — останутся! Они переживут Троцкого, как пережили уже Ленина.

Троцкий известен своею жестокостью даже в большевицкой среде. Известны его зверские приказы, в которых подчеркивалось, что «единственный порок, непростительный для рабочего класса, это — милосердие, мягкосердечие по отношению к своим классовым врагам». Он сам рассказывает теперь, глухо и в общей форме, как именно прикладывалось его прославленное «каленное железо» на Волге, как он расстреливал командира, комиссара, «известное (?) число солдат»⁸. Создается Троцкий и в другом злодеянии, в гнусной роли, сыгранной им в процессе эсеровских смертников-чекистов.

«Приведение смертного приговора в исполнение означало бы неотвратимо ответную волну террора, — передает Троцкий свои былые думы. — Ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголетней, значило просто поощрить террористов, ибо они меньше всего верили в долголетие советской власти. *Не оставалось другого выхода, как поставить выполнение приговора в зависимость от того, будет или не будет партия продолжать террористическую борьбу.* Другими словами, *вождей партии превратить в заложников.* Первое свидание мое с Лениным после его выздоровления произошло как раз в дни суда над социалистами-революционерами. Он сразу и с облегчением присоединился к решению, которое я предложил: *“Правильно, другого выхода нет”*».

Пусть будущий историк решит, что хуже — выдавать «Лэтр де кашэ» или приводить их в исполнение? Придумывать ли систему политического заложничества в отношении тех, кто не верит в «долголетие советской власти» и потому должен находиться в течение месяцев под угрозой казни за деяния, вне власти приговоренных находящаяся, — или «с облегчением» санкционировать эту средневековую пытку? На взгляд современника, — одно стоит другого. Ленин не уступает Троцкому, как Троцкий ни в чем не уступает Сталину, подпадая с ним вместе под выразительную — и общую — формулу последнего: «Мы — все чекисты!»

Ибо Троцкий прав: большевик — не только политическая категория, но и — *особый психологический тип!*.. В этом общем типе растворяются индивидуальные черты и Ленина, и Троцкого, и Сталина и других большевиков. Каждый похож на каждого. Возьмите мелкую, но характерную бытовую деталь. Троцкий пишет о себе:

«Совсем не ради парадокса, а потому, что так оно и есть, я должен сказать, что не выношу беспорядка и разрушения». А вот его описание «интерьера» другого великого разрушителя: «в комнате Ленина царил, как всегда, образцовый порядок. Ленин не курил. Нужные газеты с пометками лежали под рукой»...

Или другой эпизод. Ленин показывает Троцкому издали Вестминстер «и еще какие-то примечательные здания». Не помню, как он сказал, но оттенок был такой: «это *у них* знаменитый Вестминстер». «У них» означало, конечно, не у англичан, а у правящих классов. Этот оттенок, нисколько не подчеркнутый, глубоко органический был у Ленина *всегда*, — говорил ли он о немецкой артиллерии и французской авиации или о «каких-либо ценностях культуры или новых достижениях, книжных богатствах Британского Музея» и т. д. То же и у Троцкого.

Общая психология, общая и политическая мораль*.

* Так как для нас, в отличие от Троцкого, дело идет не только о политической борьбе, но и об исторической правде — мы считаем не лишним остановиться на той недооценке Троцкого, которую допускает в своих «Современниках» проставленный мастер политического портрета М. А. Алданов.

Троцкий служит для Алданова фоном для портрета главного «героя» Сталина, которого Алданов в такой же мере, на наш взгляд, переоценивает, в какой недооценивает Троцкого. Признать Сталина «человеком выдающимся, бесспорно самым выдающимся во всей ленинской гвардии» можно только в самом формальном смысле употребленных при этом слов. По существу же эта характеристика так же неверна, как и отзыв о Троцком, как «актер для невзыскательной, провинциальной публики», «Иванове-Козельском русской революции», «лишенном идей», хотя и не лишенном ума и характера.

Конечно, можно назвать Троцкого «отважным кавалеристом» слова, — эта «пежуративная» формула по существу не противоречит и более положительной оценке Бернарда Шоу, назвавшего Троцкого «королем памфлетистов». Но утверждать, что «от Троцкого останется десять тысяч восклицаний — все больше образные», — к сожалению, уже никак нельзя. К нашему глубочайшему сожалению, от Троцкого, как, впрочем, и от Ленина, Сталина и прочих, останется очень многое сверх их восклицаний, образных и безобразных... Ведь и сейчас многое из того, что сделал и делает Сталин, есть в значительной мере выполнение «генеральной линии» его соперника и врага Троцкого!

Рискуя быть обвиненным в оскорблении коммунистического величества, я позволю себе все же утверждать, что как оратор писатель и темпераментный политически боец Троцкий гораздо даровитее и, в этом смысле, выше не только бездарного Сталина, но и «гениального», — по убеждению не одних только официальных большевиков, — Ленина. Не уступал Троцкий Ленину и в мужестве. И не потому, чтобы Троцкий был такой уж Ринальдо Ринальдини или чудо-богатырь, а потому, что Ленин вовсе не был таким

* * *

Мы видели, что Троцкий и общее: большевицкий Октябрь — отрицает наличность и возможность абсолютных правил поведения: «все зависит от обстоятельств». Тем не менее и у Троцкого такого рода правило имеется. Как «массовик» и сторонник непрерывной революции, он убежден, что «не может быть большого идейного падения для революционного политика, как обманывать массы». Даже в приказах на полях сражения он предписывал: «За неправду карать, как за измену. Военное дело допускает ошибки, но не ложь, обман и самообман».

Казалось бы, хорошо: хоть что-то является недопустимым и для большевика! Есть все-таки предел насильственному внедрению нового мира и «более высокой культуры». Но, увы! Факты, которые одновременно с утверждением этого как будто бы уже «абсолютного правила» приводит и оправдывает Троцкий, свидетельствуют не только о внутренней «неувязке» его личной логики и морали, — но и глубочайшем «идейном падении» Октября.

«мужественнейшим из людей», каким его в согласии с другими советскими иконографами изображает и Троцкий.

В опровержение господствующей легенды об исключительном якобы мужестве Ленина Троцкий приводит ряд интересных фактов и эпизодов. Оказывается, Ленин вообще «всегда была в высшей степени свойственна забота о неприкосновенности (!) руководства». В этом Троцкий усматривает одну из черт, отличавших Ленина от отважного до безрассудства Карла Либкнехта. Ленин, видимо, постоянно находился под страхом быть убитым.

«5-го (июля 17 г.) я виделся с Лениным. Наступление масс было уже отбито. «Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин. — Самый для них подходящий момент».

«А что, — спросил меня совершенно неожиданно Владимир Ильич в те же первые дни (Октября), — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться? — Авось не убьют, — ответил я, смеясь. — А чёрт их знает, — сказал Ленин, и сам рассмеялся».

Есть и другие свидетельства.

Предельно отвергая Троцкого, ненавидя и борясь с ним, надлежит все же отдать ему то, что ему принадлежит. Умалая своих врагов, одержавших над ним пусть исторически кратковременную и иллюзорную победу, но все же победу, мы умалеем не только их, но и самих себя, претерпевших поражение от ничтожества. Морально — за единичными исключениями буквально, большевики *стоят* друг друга, все одинаково ничтожны. Но интеллектуально — они все же «разнствуют во славе», как бы призрачна ни была она.

Кто не помнит бешеной атаки, которую вели раздельно, но согласованно, большевики и Троцкий против введенной временным правительством смертной казни на фронте, — против того, что революционная власть насильственно, под угрозой смерти, гонит в бой «пушечное мясо». А сейчас, после октябрьского опыта гражданской войны, Троцкий уже *в общем виде* отстаивает самые жестокие мероприятия, практиковавшиеся воюющими во время «империалистической бойни» и не претендовавшей на установление «более высокой культуры».

«Нельзя вести людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой злые бесхвостые обезьяны, называемые людьми, будут строить армии и воевать, — поучает злая бесхвостая обезьяна, называемая большевиком Троцким, — командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди неизбежной (!) смертью позади»...

Этим свидетельствуется попутно, что из сражавшихся под красными знаменами многие погибли не от белых, а от красных пуль. Множество красных бойцов, которых продолжают числить и чтить как павших «смертью храбрых» за «Серп и молот», фактически положили животы и сложили свои головы, пострадали от «Серпа и молота».

Менее трагичен, но не менее показателен и отвратен и другой факт — введение правдолюбивым, пусть в отношении только к массам, Троцким ордена «Красного Знамени». «Вводя орден (после того, как “еще только недавно мы сумели отменить ордена старого режима”), я имел в виду дополнительный стимул для тех, для кого недостаточно внутреннего сознания революционного долга (как будто “старый мир” не имел в виду как раз тот же “дополнительный стимул”? — М. В.). Ленин поддержал меня. Орден привился». Вскоре заделались кавалерами и Троцкий, и Буденный, и Сталин и прочие строители «более высокой культуры».

Надо заметить к тому же, что Троцкий сам отказался от права на обычную для жестоких правителей увертку и ссылку на внешние или чрезвычайные обстоятельства, заставившие его прибегнуть к таким жестоким или обманным мероприятиям. Ибо Троцкий решительно поучает, правда, других, что «партия, которая недостаточно сильна, чтобы отвечать за свои действия, не имеет права брать власть»!..

Имела ли право брать власть партия большевиков, если, чтобы удержать в своих руках власть, ей надо было прибегать к «Лэтр де кашэ», к системе политического заложничества, к пулеметам в спину своим же бойцам, к орденам и всему прочему, постороннему на предельном для «революционных политиков идейном падении» — на систематическом обмане масс?

Имела ли право брать и удерживать власть партия большевиков после того, как и для нее самой выяснились в Бресте ее полное бессилие и безответственность? Троцкий красочно описывает, как ему не удалось добиться лавров и сразить гидру германского империализма. С первых же дней господином положения в Бресте, как и следовало ожидать, оказался не Троцкий, а генерал Гофман. Гофман без особых стеснений — кого было стесняться? — и не один раз «клат свой солдатский сапог на стол, вокруг которого развевывались прения». Троцкий в Бресте — не чета Троцкому в Таврическом и Смольном — очень быстро убедился, что «именно сапог Гофмана является *единственной серьезной реальностью* в этих переговорах», а вовсе не аффектированная декламация большевиков.

И убедившись в этом, в твердой уверенности, что «мы всегда успеем капитулировать достаточно рано», Троцкий сосредоточил свои силы и внимание не на обороне интересов России против притязаний Германии, а на защите своих собственных трудов и дней в славные дни Октября. В этом он снова трогательно совпал с «великим больным». Оказывается, и «Ленин был буквально счастлив, когда я привез с собой готовую рукопись об октябрьской революции. Мы одинаково видели в ней *один из скромных залогов будущего революционного рванша за тяжкий мир*».

Большевики вообще неохотно говорят о содержании «тяжкого мира», ими подписанного, и если бы не победа западно-европейской, столь ненавистной большевикам демократии, ставившего Россию в вассальную зависимость от Германии. Да и то сказать, — по признанию Троцкого, для него с Лениным все германское, в том числе и германская революция, были — «неизмеримо важнее нашей»⁹. Неудивительно, что при таком отношении к России они могли найти утешение от позора и гнета брестского мира в — «рукописи об октябрьской революции», в ней увидеть «залог будущего революционного рванша».

Поехали за мирным договором, а привезли собственную — новую — рукопись... Трагическое перекрещиваемся с смехотворным.

При Николае II, в японскую войну, японцы нас — шимозами, а мы их молебнами. При коммунистах Ленине и Троцком немцы нас — «аннексиями и контрибуциями», а мы их — рукописями и брошюрами, правда, «вскоре переведенными на дюжину европейских и азиатских языков» (за счет русской казны)...

Только и вся разница между старым миром и «новым»!

* * *

Книга Троцкого с полной убедительностью свидетельствует о том, что партия большевиков обманывала массы и «оптом», как партия, сулившая новое небо и новую землю, и «в розницу» — отдельными мероприятиями. И если раньше кто-либо из более добропорядочных энтузиастов-фантазерок этого не понимал или не замечал, то *теперь* уже давно нет места для искреннего заблуждения или самообмана. Теперь уже нет никого среди руководителей большевицкой верхушки, кто не сознавал бы отчетливо, что из великого соблазна родился Октябрь, на обмане он утвердился, насилием и обманом и держался. Не только врагов своих обманывал большевизм, не «массам» только лгал он, он лгал и своим друзьям, — они обманывали друг друга.

Лжет и фальшивит, конечно, и Троцкий.

Он утверждает, что «каждая строчка газеты (“Правды”), каждая буква ее лгала»... Но заметил он это только тогда, когда его самого выкинули из этого лживого органа, — из «Правды» и из советской России¹⁰. Не раньше! Троцкий считает «одним из величайших обманов истории» — не больше и не меньше! — употребление, которое сделали Сталин и прочие «эпигоны» из старого письма Троцкого к будущему «социал-предателю» Чхеидзе с непочтительным отзывом об Ильиче. Мимо многих, других, гораздо более серьезных обманов босфорский отшельник проходит совершенно равнодушно. О них он не упоминает. Они его не касаются.

Его низменная душа не чувствует всего неприличия причитаний и сетований на нетоварищеское обхождение, которому Троцкого подверг его недавний соратник и товарищ Сталин, не замечает и отравленного оружия, которое сам же даст против себя врагу, утверждая — «пытаться оправдывать революционный террор значило бы считаться с обвинителями»...

«Более высокая культура» оказывается при проверке и не более высокой и совсем не оригинальной. Она сводится в своем существовании к старому, как мир, правилу: когда я насилую, это — добро, когда же насилуют меня, это — зло. Объективные же результаты того, к чему приводить насилие, к чему привели, в частности, Россию совместные усилия и Троцкого, и Сталина, и самого Ильича, не представляют для адептов «более высокой культуры» никакого значения.

Троцкий восстанавливает забываемую картину первых часов Октября — «часов высшего напряжения духовных сил» у всех октябрьских заговорщиков. «Власть завоевана, по крайней мере в Петрограде. Ленин еще не успел переменить свой воротник. На усталом лице бодрствуют ленинские (!) глаза. Он смотрит на меня дружелюбно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость.

— Знаете, — говорит он нерешительно, — сразу после преследований и подполья к власти... — он ищет выражения — *es schwindelt*, — переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся».

Это картина — *символическая*. У Ленина «закружилась голова». Он почувствовал, *es schwindelt*. Но почувствовал ли он, заметил ли Троцкий *в те дни* или позднее, когда, полный пиетета к Октябрю, он вспоминал слова незабвенного Ильича, что *schwindeln* на немецком языке имеет и другое значение — *мошенничать*?! Догадывались ли об этом главные герои Октября, когда они «смотрели друг на друга и чуть смеялись»?..

Когда мы теперь, в марте 30 года, читаем статью Сталина «Головокружение от успехов», мы уже точно знаем, какой природы это головокружение. Явно, что оно того же порядка, что и «головокружение» Ленина в 17 году.

Ибо в этом — Октябрь¹¹.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Об одном «Опыте автобиографии»

Не может быть большего идейного падения для революционного политика, как обманывать массы!

Л. Троцкий «Моя жизнь»

Человека, который вздумал бы изучать историю нашей революции «по Троцкому», ждет жестокое разочарование. Ибо никакой истории, даже очень субъективно окрашенной, в его книжке «Моя жизнь» нет. Но «человеческий документ» получился ярчайший.

«...Эта книга не бесстрастная фотография моей жизни, а ее составная часть. На этих страницах я продолжаю ту борьбу, которой посвящена вся моя жизнь. Излагая, я характеризую и оцениваю, рассказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю. Мне думается, что это единственный способ сделать биографию объективной в некотором более высоком смысле, т. е. сделать ее наиболее адекватным выражением лица, условий и эпохи»*.

Это, конечно, не наилучший способ дать «адекватное выражение» «условий и эпохи», и в этом смысле «Моя жизнь» Троцкого ничего не дает, как увидит читатель на ряде примеров. «Адекватное выражение лица» она дает даже в большей степени, чем самому «лицу» это нужно. Едва ли Троцкий, занимаясь «опытом» своей автобиографии, думал подвести себе окончательный итог как историческому деятелю. Едва ли этой книжкой он собирался зачислить себя окончательно «по истории». А между тем после «Моей жизни» говорить о Троцком как руководителе чего бы и кого бы то ни было так же мало возможно, как о Керенском.

Сравнение этих двух фигур неотразимо навязывается, когда читаешь «Мою жизнь».

* *Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 7.*

«Керенского Ленин называл хвастунишкой. К этому *немного* можно прибавить и сейчас. Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекающая девственные, еще неразборчивые массы, неизбежно поднимала наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска»*.

Это — автохарактеристика под видом характеристики другого. Подбирая материал для этой статьи, я отвел сначала для рубрики «хвастовство» (не завести такой рубрики нельзя было — слишком уж било в глаза) одну строчку. Оказалось мало. Я прибавил вторую. И этого было мало. Я должен был прибавить третью. Не хватило и ее, и пришлось вписывать ссылки на страницы под строками, между строками, сбоку, сверху, снизу. Нет никакой возможности привести здесь хотя бы большую часть отмеченного — получилась бы хрестоматия в пару десятков печатных листов. Я ограничиваюсь самыми яркими примерами, дающими, кстати, понятие о тоне всей книжки.

Я пропускаю примеры хвастовства, относящиеся ко времени детства, — хвастовства своими пятерками, тем, что ранец был всегда в порядке, ученическая книжка всегда на месте и т. п. Это — мелко, но нужно сказать, что это мелко не только для критика, а и для автора. Ведь этот автор притязал не более, не менее как на то, чтобы быть наследником Ленина — заявлял претензию на позицию мирового значения, на роль всемирно-исторического деятеля. Как к этому идет любование своими гимназическими успехами!

Но вот перед нами Троцкий — уже крупная политическая фигура. Пришел 1905 год. «13 ноября мы поставили в блоке с меньшевиками большой политический орган “Начало”. Тираж газеты рос не по дням, а по часам. Большевистская “Новая жизнь” без Ленина была сероватой. “Начало”, наоборот, пользовалось гигантским успехом. Думаю, что оно ближе, чем какое бы то ни было другое издание за полвека, подходило к своему классическому прототипу, “Новой Рейнской газете” Маркса в 1848 году»** (!!).

После этого совершенно понятно, что «переписка Маркса и Энгельса была для меня (Троцкого. — М. П.) не теоретическим,

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 8.

** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 204.

но психологическим откровением... я убеждался на каждой странице, что с этими двумя меня связывает непосредственное психологическое сродство. Их отношение к людям было мне близко. Я догадывался о том, чего они не досказывали, разделял их симпатии, негодовал и ненавидел вместе с ними. Маркс и Энгельс были революционеры насквозь»*.

Приходит вторая революция, первое поражение — июльские дни. «Ленин и Зиновьев скрылись». «Ленина не было». «Ленин, объявленный немецким шпионом, скрывался в шалаше»**. Это повторяется и припоминается при каждом удобном и неудобном случае, вскрывая истинные чувства пишущего к тому, перед кем он, простите за выражение, с самым подлым лицемерием якобы преклоняется на всем протяжении своей книжки.

«Большевицкая фракция ЦИК чувствовала себя сиротливо в здании Таврического дворца. Она послала за мною делегацию с просьбой сделать доклад о создавшемся положении, несмотря на то, что я все еще не был членом партии: формальный акт объединения был отложен до предстоящего вскоре партийного съезда. Я, разумеется, охотно согласился (!!). Моя беседа с большевицкой фракцией установила такие нравственные связи, которые создаются только под тяжкими ударами врага. Я говорил, что за этим кризисом нас ожидает быстрый подъем, что масса вдвое привяжется к нам, когда проверит нашу верность на деле; что надо в эти дни зорко глядеть за всяким революционером, ибо в подобные моменты люди взвешиваются на безошибочных весах. И сейчас я с радостью вспоминаю, как тепло и благодарно меня провожала фракция»***.

У Достоевского в «Селе Степанчикове» выведен один отставной литератор, превратившийся в помещичьего приживала, Фома Опискин, воображающий себя центральной фигурой всего литературного мира, выше Пушкина, выше Лермонтова. Ему кажется, что все, что было значительного в его время, не только в литературе, его имеет своим первоисточником. Сгорела Казань — он пожертвовал свой (воображаемый — его никто не печатал) гонорар на ее отстройку. «Так это ты, батюшка, Казань-то отстроил?» — опра-

* Троицкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 240.

** Там же. С. 34, 36, 233.

*** Там же. С. 35.

шивают его ошеломленные его величием мужички, крепостные его хозяина, — единственная публика, перед которой мог хвастаться заштатный литератор. «Да, и моего тут капля меду есть!» — снисходительно соглашается Опискин. Когда читаешь Троцкого, так и хочется спросить все время: «Так это ты, батюшка, революцию-то сделал?». Но Опискин был скромнее автора «Моей жизни». Он все-таки соглашался, что Казань не совсем он один отстроил, а только содействовал. У Троцкого мы читаем:

«...В период подготовки октябрьского переворота Ленин скрывался в Финляндии, Каменев, Зиновьев, Рыков, Калинин были противниками восстания, о Сталине же никто ничего не знал (!). В результате этого партия связывала октябрьский переворот преимущественно с моим именем»*.

Он, он, всю Казань он один построил. И кто же мог стать в отстроенном им граде градоправителем? Все он же конечно. Глава «У власти» начинается с таких замечательных строк:

«Те дни были необыкновенными днями и в жизни страны, и в личной жизни. Напряжение социальных страстей, как и личных сил, достигало высшей точки. Массы создавали эпоху, руководители чувствовали, что их шаги сливаются с шагами истории»**.

Благодаря легкой неграмотности последней фразы можно подумать, что «их» шаги — это шаги масс. Но это же совершенно нелепая картина: «шаги масс» это и есть история. Получаются шаги шагов истории — масляное масло. «Их» шаги — это шаги руководителей. Каждый шаг Троцкого был шагом истории. Правда, был еще Ленин, — но, мы видели уже, в критическую минуту он «бежал», и, не будь Троцкого, бедной большевистской фракции ЦИК так и не узнать бы перспектив революции. А когда тот же Троцкий «сделал» и самую революцию, Ленин превратился в некоторое подобие сатрапа из известной басни: «Все подписывал, что тот (не секретарь, как в басне, а Троцкий) ни подавал».

«Современная литература о разногласиях Троцкого и Ленина перегружена апокрифами. Бывали, конечно, разногласия. Но неизмеримо чаще бывало так, что мы приходили к одному и тому же выводу, обменявшись двумя словами по телефону или независимо друг от друга. Когда выяснилось, что мы смотрим на вопрос оди-

* *Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 233.*

** Там же. С. 55.

наково, то уже ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение. В тех случаях, когда Ленин опасался чьей-либо серьезной оппозиции своим проектам, он напоминал мне по телефону: «Непременно приходите на заседание, я вам дам слово первому». Я брал слово на несколько минут, Ленин раза два во время моей речи говорил «правильно», это предрешало вопрос... При моем расхождении с Лениным могли вспыхнуть и вспыхивали иногда большие прения. В случае же нашего согласия обсуждение всегда бывало очень коротким»*. «В подавляющем большинстве случаев решения, к которым мы приходили порознь с Лениным, во всем основном совпадали. Взаимное понимание достигалось с полуслова. Когда мне казалось, что решение Политбюро или Совнаркома может сложиться неправильно, я посылал Ленину записочку на клочке бумаги. Он отвечал: «Совершенно верно. Внесите предложение». Иногда он мне посылал запрос: — согласен ли я с его предложением, и требовал моего выступления на поддержку ему»**.

Я не исчерпал и десятой доли подобных мест — они кишат, как комары над болотом. Но и приведенного, я думаю, достаточно, чтобы доказать, что в 1917 г. мы имели не одного, а двух хвастунишек... Второй, открывшийся в этом качестве лишь ныне, был, конечно, умнее первого. Он умел связаться с тою силой, шагами которой были действительно «шагами истории» — уцепившись за эту силу, он тащился за революцией гораздо дольше, чем его предшественник. Но в основе и там и тут лежал один и тот же факт, — факт девственности «еще неразборчивых масс». Когда эти массы прозрели и стали разбираться, роль Троцкого как «вождя» должна была кончиться. Но он успел уже «ослепнуть от собственного блеска» — и не увидел этого. Не увидели этого и некоторые другие, ослепленные заимствованным блеском своего героя. В этом была трагедия троцкизма. Не придавая выбору «вождей» такого значения, какое придавал ему сам Троцкий в своих «Уроках Октября», приходится все же признать, что кое какое, и не второстепенное, значение этот выбор имеет: это и Маркс признавал. Неудачный выбор в вожди «улучшенного и дополненного издания» «...Александра Федоровича» был не из последних условий, определивших быстрый и бесславный конец троцкистской оппозиции.

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 79–80.

** Там же. С. 195–196.

«Каждый настоящий оратор знает минуты, когда его устами говорит что-то более сильное, чем он сам в свои обыденные часы. Эта сила — “вдохновение”. Оно возникает из высшего творческого напряжения всех сил. Бессознательное поднимается из глубокого логова и подчиняет себе сознательную работу мысли, сливает ее с собою в каком-то высшем единстве»*.

В этой самохарактеристике нечаянно дано объяснение того, как и откуда возникают Керенские и Троцкие. Для настоящего политического вождя ораторский талант служит орудием его влияния; Керенские и Троцкие служат орудием своего ораторского таланта. Он высоко поднимает их над массой, которую они привыкают видеть только с трибуны. Митинги в цирке Модерн — одна из самых ярких страниц «Моей жизни».

«Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова позабывались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтобы он, как сомнамбул, не сорвался с карниза от голоса твоего резонерства. Таков был цирк Модерн»**.

Понять, что на высокий карниз поднимает оратора только обаяние его таланта, что вне этого таланта оратор, может быть, ниже многих из его слушателей, — отчетливо понять это мог бы только очень умный человек; но такой человек уже не был бы «сомнамбулом», это был бы уже законный кандидат в вожди, и судьба Керенского его бы не постигла. И такой книжки, как «Моя жизнь», он бы не написал — ибо он понял бы, что такая книжка компрометирует его больше, чем целая библиотека, написанная его противниками. «Бессознательное» сыграло плохую шутку над Троцким.

Но мы дали бы очень слабое представление о «Моей жизни», если бы читатель подумал, что она есть только наивное проявление «бессознательного» в ее авторе — не больше. Такое представление было бы ниже «философии истории» самого Троцкого. Эту «фи-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 56.

** Там же. С. 16.

лософию истории» стоит привести хотя бы по одному уже тому, что ее автор парадировал десятилетия в качестве марксиста. Так вот его «марксизм».

«Широко говоря, весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность осуществляется через естественный отбор случайностей. На этой основе разворачивается сознательная человеческая деятельность, которая подвергает случайности искусственному отбору...»*.

В книжке Троцкого не одно бессознательное. Здесь есть и «сознательная человеческая деятельность», которая подвергала «случайности», то бишь исторические факты, «искусственному отбору». Чрезвычайно искусственному, сейчас увидит читатель, — хотя и не весьма искусному.

И тут, в противоположность «бессознательному», приходится говорить и о детстве. Ибо хотя рассказывается о ребенке, но писал не ребенок — писал более чем взрослый человек, с огромным политическим грузом за плечами. Писал кандидат на место Ленина в нашей революции.

Откуда он вышел и как он оценивает ту среду, с которой он связан своим рождением?

«Отец мой был *земледельцем*, сперва мелким, потом более крупным»**.

Пробежав еще одну страницу, начинаешь думать, что в подчеркнутом (мною. — М. П.) слове есть опечатка — пропущен один слог. Но нет. Вот дальше характеристика матери Троцкого:

«Переброшенная из губернского города в степную деревню молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства, но зато вошла полностью и с той поры не выходила из *трудоу* упряжки в течение почти 45 лет... Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга, и волны *земледельческого* труда перекатывались через семейные привязанности...»***.

Нет, «земледелец» в первой цитате не опечатка. Посмотрим, что же это было за «трудовое земледельческое хозяйство». «Отец

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 234.

** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 22.

*** Там же. С. 34–35. Разрядка опять моя. — М. П.

купил у Яновского свыше 100 десятин, да десятин 200 держал в аренде». Что же он собственным трудом все это обрабатывал? Конечно, нет.

«Постоянных рабочих, не покидавших экономии круглый год, было немного. Главную массу, исчислявшуюся сотнями в годы больших посевов, составляли сроковые рабочие — киевцы, черниговцы, полтавцы, которых нанимали до Покрова, то есть до первого октября».

За проданное зерно старик Бронштейн получал тысячами рублей за одну партию. Из одного примера мы узнаем, что он отправлял на рынок сразу по 20 тысяч пудов пшеницы (поднятие цены на пятачок с пуда дало ему 1000 рублей)*.

Я впервые прочел «Мою жизнь» по-немецки — и был убежден, что такие вещи можно писать со всею откровенностью и без комментариев только для заграничного, притом буржуазного читателя. Тот, конечно, все это проглотит и не поперхнет. «Кулак» для германского буржуа есть самый заправский «труженик» — чего вы еще хотите? Буржуа, сам иногда сидящий в своей конторе по 12 часов кряду, и себя, конечно, считает «тружеником». Но для кого предназначен русский текст, где все это воспроизведено буква в букву? Неужели для тех рабочих, негодование которых против ЦК Троцкий пытался разжечь уверениями, что партия держит «курс на кулака», и которых он приглашал «вернуть огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа?»

Отец Троцкого был типичный крупный кулак уже в период детства будущего автора «Моей жизни». Это был вовсе не труженик-земледелец, а деревенский эксплуататор, о приемах которого даже его сын не находит сказать ничего лучше того, что он был эксплуататором не хуже других той же породы. Вот как описывает Троцкий житье рабочих своего отца:

«Жильем служило чистое поле, в дождливую погоду — стога. На обед — постный борщ и каша, на ужин — пшенная похлебка. Мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве. На этой почве начиналось иногда брожение. Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 23, 30, 42.

молока, или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней. Так происходило во всех экономиях... В одно лето пришлые рабочие повально заболели куриной слепотой. В сумерки они медленно передвигались, вытянув вперед руки. Гостивший в деревне племянник матери (М., о котором мы позже узнаем, что это был умеренный либерал с легким налетом народнического социализма, отнюдь не революционер какой-нибудь. — М. П.) написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора. На «корреспондента», которого очень любили, отец и мать, были в обиде. Да он и сам был не рад (!). Никаких неприятных последствий, однако, не было (!!): инспекция установила, что болезнь происходит от недостатка жиров, что распространена она по всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже»*.

Еще и еще раз: для чего и для кого все это пишется? Хотел человек замазать, что его отец был эксплуататор, нужно было просто замолчать все эти факты (мы дальше увидим, что Троцкий умеет замалчивать и более важное). Хотел откровенно рассказать, откуда вышел, — похвальная откровенность, но тогда нужно было дать фактам оценку, какую им дал бы всякий большевик, хотя бы архиправый, а не то что «левый». Дать же со всею невинностью все факты, а потом замазывать их словами «земледельческий труд» и тому подобное, вплоть до того, что от земской инспекции эксплуататору «никаких неприятных последствий не было» (ведь это же божественно!), — воля ваша, это человек от пера зависит, а не перо от человека. Это опять «бессознательное», опять «вдохновение». Не удержался человек от того, чтобы написать яркую картину, а что он когда-то с трибуны возглашал: «Против кулака!» Огонь «направо!», то — забыл. Это ведь из другого ящика «бессознательного». Чтобы связать эти факты, нужна была именно сознательность — элементарная сознательность, правда, но даже ее не оказалось...

Но если от бессознательного была откровенность, то замазывающие сладкие словечки о «трудовой жизни» — это уже не вдохновение. Это уже — неудачные, правда, попытки «подвергнуть случайности искусственному отбору». Чем дальше, тем

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 42–43. О «корреспонденте» см. С. 59–60 и 112. Он сам... стал крупным предпринимателем-издателем.

этих попыток больше. Под конец «отбор» становится настолько «искусственным», что от «случайностей» — от исторической действительности — уже ничего не остается. Но прежде чем перейти к этого рода образчикам приложения исторического метода, надо остановиться еще на одном эпизоде детства автора, благо и сам автор придает этому эпизоду своего рода историческое значение.

Дело уже не в деревне, в Яновке, а в городе, в Одессе. Троцкий уже ученик реального училища. Пай-мальчик — всегда пятерки, за русские сочинения даже пятерки с плюсом.

«В школу я являлся аккуратно, ранец мой был в порядке, и ученический билет уверенно покоился в левом кармане куртки». «Был беспорным первым учеником, на большом расстоянии от второго».

У начальства, конечно, на лучшем счету. И вдруг такой казус. Был у них весьма непопулярный учитель французского языка, с хроническим катаром желудка и соответствующим, мало приятным характером. Реалисты его ненавидели и устраивали ему всякие «штучки». Однажды, когда он раздражил класс несправедливо поставленной кому-то единицей, «устроили ему концерт», зашептались школьники, перемигиваясь и подталкивая друг друга локтями: «Я, — говорит Троцкий, — был в их числе не на последнем месте, может быть, даже на первом». Попросту говоря, был организатором всего дела.

«Концерт» был дан, десять-пятнадцать учеников остались «без обеда», а Троцкий на другой день уже успел «наполовину позабыть о вчерашней истории». Начальство было, конечно, в тысяче верстах от каких-либо подозрений насчет первого ученика. Как вдруг организованные Троцким товарищи сообразили: «Мы сидим без обеда, а он? Он ведь всему делу заводчик!». И один за другим стали давать начальству «откровенные показания». Начальство сначала не хотело верить, но когда «десять-двенадцать» мальчиков подтвердили показания первого, доверие обманутого начальника сменилось яростью: «А, он нас за нос все время водил!». И Троцкого, не совсем в пропорции с содеянным, но в надлежащей пропорции с яростью оказавшегося в дурацком колпаке начальства, исключили из училища (на год — потом он окончил курс без дальнейших приключений).

«Таково было первое, в своем роде политическое, испытание. Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода:

ябедники и завистники на одном полюсе, открытые, отважные мальчишки — на другом, и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса — посредине, эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет. В дальнейшей своей жизни я встречал их не раз в самых различных условиях»*.

Действительно, когда нам придется знакомиться «по Троцкому» с дискуссией 1923 г., мы увидим ту же картину: главный организатор совсем в сторонке — он ни при чем, его дело вовсе даже и не касается! — «открытых, отважных мальчишек», которые за этого сидящего в кустах вождя ратоборствуют, сочиняют резолюции, собирают подписи, выступают на собраниях; наконец, «зыбку» сначала, пока не разобрались, «неустойчивую массу», колеблющуюся, потом дружно поворачивающую к «клеветникам и завистникам», на стороне которых неожиданно оказывается вся партия, за исключением «отважных мальчишек», понемногу теряющих в такой обстановке свою отвагу и, с некоторым опозданием,двигающихся вслед за массой. Очень похожая картина — и недаром Троцкий не раз ее вспоминает, только не всегда по надлежащему поводу**. По поводу дискуссии 1923 г. она почему-то ему не вспомнилась.

Но дискуссия 1923 г., как она изображена в «Моей жизни», это перл всей книги. Раньше этого заключительного аккорда мы имеем целый ряд образчиков «искусственного отбора». Их нужно будет какому-нибудь из наших учреждений (Институту Ленина, например, или историко-партийному отделению ИКП) разобрать главу за главой, с источниками под руками. Если не для нашей партийной, то для заграничной публики это будет очень нужная работа — «Mein Leben» по-немецки на моих глазах шла на расхват. Здесь для такого кропотливого анализа нет ни места, ни, строго говоря, необходимости. Я поэтому на одном примере попытаюсь разобрать только метод нашего автобиографа. По этому образчику можно судить о методе, по которому написана вся книга.

Эпизод, который я выбираю, — знаменитый «августовский блок» 1912 г. По изложению «Моей жизни», то была совершенно невинная и вполне большевистская вещь. «Я сделал попытку созвать объединительную конференцию из представителей всех

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. I. С. 94; весь эпизод см. там же: С. 87 и след. 243.

** См., например: Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 142.

социал-демократических фракций». Попытке этой сочувствовала Роза Люксембург. «Однако Ленин воспротивился объединению со всей силой». Так как лейтмотивом всей книги является, что Ленин был друг и учитель автора («он был моим учителем. Это не значит, что я повторял с запозданием его слова и жесты. Но я учился у него самостоятельно приходиться к тем решениям, к каким приходил он*»; так как это очевидно был лучший из учеников, то, разумеется, Ленин именно его прочил в свои преемники: «беспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу»**), и это положение обязывает, то сейчас же прибавляется: «Весь дальнейший ход событий показал, что Ленин был прав». Но никакой особенной вины и за Троцким не было: «История борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных объединительных попыток»***.

Имея в виду очевидно «новичков и невежд» — в каком образе представляется Троцкому современный партийный читатель, — «автобиограф» скромно умалчивает, с кем пытался неоднократно объединиться Ленин — и с кем действительно объединился в 1912 г. Троцкий. Но у нас есть на этот предмет совершенно определенные высказывания того, кого и Троцкий — лицемерно, как уже упоминалось, — признает величайшим авторитетом. Ленин очень часто и очень детально касался вопроса об августовском блоке и о роли Троцкого в этом деле. Прислушаемся к тому, что говорил «учитель» об «ученике».

Еще в апреле 1912 г., за полгода до конференции, о которой говорил Троцкий, Ленин — не сам от себя, а на основании слов Плеханова — пришел к выводу, что «конференция созывается “ликвидаторами”. Ликвидаторский характер созываемой ОК конференции установлен Плехановым с неопровержимой ясностью». «Кто же остался?» — спрашивает Ленин, указав, что в связи с открытием Плеханова большевики-примиренцы выступили против конференции: «...явные ликвидаторы и Троцкий... Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести “по-прежнему” свою линию в “Живом деле” и “Нашей заре”, а Троцкий — из-за границы — прикры-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 123.

** Там же. С. 217.

*** См. все это: Там же. С. 256–258.

вает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает»*.

В самом деле, только «новички и невежды» могут теперь не знать, что августовская конференция 1912 г. была созвана в противовес январской того же года конференции большевиков: «Январская конференция и выбранные ею органы — единственное, что сейчас на деле объединяет всех работников РСДРП в России. Вне ее — лишь посул бундовцев с Троцким созвать ликвидаторскую конференцию ОК...»**.

Итак конференция имела задачей объединить колеблющиеся элементы партии около ликвидаторов, т. е. около тех элементов РСДРП, которые вели борьбу с большевиками. Уже это начисто упраздняет все ссылки Троцкого на объединительные попытки Ленина: когда же и где Ленин пытался объединиться с ликвидаторами — да и как было бы это возможно по самому существу дела?

Троцкий очень спекулирует на том, что ликвидаторы остались его работой недовольны — и еще до конференции подозревали его искренность. Но увы, это — оценка моральной физиономии Троцкого, а вовсе не его политической позиции. Троцкий 1912 г. не внушал доверия своим «друзьям», как не внушал он уважения своим противникам. Он чрезвычайно горячился по поводу того, что в 1924 г. было опубликовано его антиленинское письмо к Чхеидзе от апреля 1913 г.

«Употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе, представляет собою один из величайших обманов в мировой истории. Фальшивые документы французских реакционеров во время дела Дрейфуса — ничто перед этим политическим подлогом Сталина и его соучастников»***.

Конечно, фальшивые документы — ничто перед документом подлинным, каким является это письмо Троцкого к Чхеидзе. Почему напечатание подлинного документа является «обманом» — это трудно понять. Но несомненным обманом является попытка «автобиографа» скрыть от «новичков и невежд» (только от них это и можно скрыть), что для той же эпохи мы имеем не только

* Ленин В. И. Соч. Т. XII. Ч. 1. С. 94. (Здесь и далее даются исходные ссылки на 3-е собрание сочинений Ленина. — Сост.).

** Там же. С. 95. О. К. — Организационная комиссия. — М. П.

*** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 259.

отзывы Троцкого о Ленине — опубликование которых привело в такое негодование первого, — но и отзывы Ленина о Троцком. В «Просвещении» за май 1914 г. — т. е. в издании, обращавшемся к широчайшим кругам читателей в России, не в заграничной партийной печати, — можно было прочесть:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это — типичная фигура для тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во время старой “Искры” (1901–1903) для этих колеблющихся и перебегающих от “экономистов” к “искровцам” и обратно была кличка: “тушинский перелет” (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное корнями с “меньшевизмом” и “экономизмом” в 20-летней истории марксизма, связанное с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

“Тушинские перелеты” объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они “заимствуют” идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым “искровцем” в 1901–1903 гг., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. — ролью “ленинской дубинки”. В конце 1903 г. Троцкий — ярый меньшевик, т. е. от “искровцев” перебежавший к “экономистам”; он провозглашает, что “между старой и новой “Искрой” лежит пропасть”. В 1904–1905 гг. он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение то сотрудничая с Мартыновым (“экономистом”), то провозглашая несуразно левую “перманентную революцию”. В 1906–1907 гг. он подходит к большевикам и весной 1907 г. заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих “нефракционных” колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела, их же идейки.

Такие типы характерны как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало и любой группе “просторно” было изображать

из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, “державу”, толкующую об объединении с другими»*.

Скажут: Ленин написал это «в пылу полемики». Но почему же мы не найдем у Ленина таких убийственных характеристик ни для Богданова¹, ни для Мартова? «В пылу полемики» можно было бросить однажды резкую фразу; но ведь эта характеристика повторяется в основном на протяжении двух лет**. Она резюмирует целую полосу отношений между Лениным и Троцким, подводит итог всему, что передумал Ленин о своем будущем «ученике» с 1901 г. Ленин многое умел забывать и прощать, но это не значило, что он отказывался от своих старых характеристик. И вовсе не нужно было «подлогов, затмевавших дело Дрейфуса», для того чтобы партия знала, какого был мнения ее вождь о своем якобы «наследнике» после двенадцатилетнего знакомства с этим последним. Троцкому соглашались не напоминать о его прошлом в надежде, что он стал другим. Малейшая попытка возврата к старой фракционности не только давала право, обязывала напомнить массам то, что говорилось о Троцком-фракционере в прежние годы.

Когда Троцкий вновь принялся за образование своей фракции? Едва ли это имело место тотчас после Октябрьской революции: в эти недели он настолько чувствовал себя снова «первым учеником», хотя и не на таком большом расстоянии от второго, как в реальном училище св. Павла, что собственная фракция едва ли практически представлялась ему нужной. Он уже мыслил себя во главе мировой революции, а сама эта революция мыслилась им, как сейчас увидим, делом завтрашнего дня. К чему тут фракция? Фракции создает тот, кто чувствует себя слабым — Троцкий в эти минуты чувствовал себя сильнее всех.

А затем последовал оглушительный удар брестской катастрофы — для Троцкого это была именно катастрофа. Катастрофа, он не мог этого не сознавать — не будучи гением, Троцкий все же и не тупица, — вызванная на три четверти его легкомыслием. Легкомысленнее подойти к такой ответственной функции, как руководство внешней политикой первого социалистического государства в мире, было нельзя. Один образчик этого легкомыслия сохранил сам Троцкий. Цитируя чьи-то воспоминания, он

* Ленин В. И. Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 462–463.

** См. там же. Ч. 1. С. 177, 181, 313; Ч. 2. С. 412, 448, 450, 461, 537.

передает — не оспаривая ее — такую свою фразу: «Какая-токая у нас будет дипломатическая работа? Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку»*.

Моя память подсказывает мне другой образчик — еще более жуткий, поскольку тут дело страшно близко было к непосредственным практическим выводам. Догоняя нашу мирную делегацию (представляя собою продолжение перемирий, она вся была уже в Бресте), я явился в Смольный за инструкциями. Никаких инструкций я не получил, но вместо них услышал следующий анекдот, рассказанный мне с полной верой в правдоподобность происшествия. На германском восточном фронте восстание; тридцать тысяч восставших солдат укрепились где-то между Ковно и Гродно, несколько дивизий снято с фронта для их усмирения.

Анекдот оказался буквально «выхваченным из воздуха», как говорят немцы; абсолютно ничего подобного на германском фронте тогда не происходило. Но для умонастроения моего собеседника он необычайно характерен. Троцкий верил не только в близость европейской революции, — он верил, что она произойдет буквально на другой день. При таких условиях какая же дипломатия, в самом деле? Компрометировать себя перед глазами германского пролетариата всамделишными переговорами с правительством, которого послезавтра уже не будет! Ясно, что нужно было как-нибудь протянуть несколько дней — и затем уже разговаривать с председателем германского Совнаркома Карлом Либкнехтом.

Что это, почти уже низвергнутое, правительство просуществует достаточно долго, чтобы нанести нам жестокий удар, что оттягивать нужно этот удар, а не начало серьезных переговоров с немцами, что для этого именно нужно было понести серьезную дипломатическую борьбу, пользуясь раздорами в стане противника, повести так же тщательно, как ведут военные операции, — все это Троцкому не приходило в голову. Он наивно воображал, что стоит только перенести цирк Модерн в Брест — и дело будет в шляпе. Что из его брестских речей до германского рабочего дойдет только то, что разрешит напечатать военная цензура Вильгельма II, эта ускользнуло от его соображения.

И рядом с этой до крайности преувеличенной верой в могущество своего слова — до трусости доходящая слабость перед своим

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 64.

реальным противникам, с которым мы стояли нос к носу. После разрыва переговоров в декабре решено было, что мы ни в каком случае не вернемся в Брест — дальнейшие переговоры будут вестись лишь на нейтральной территории (назначался Стокгольм) или «на проволоке», в бараке между двумя фронтами. Надо прочесть воспоминания Чернина, чтобы понять, до чего в германском лагере боялись, что мы не пойдём опять в брестскую ловушку. В сущности речь шла о демонстрации того, кому мир нужнее в данную минуту. Согласившись на Брест, мы тем самым окончательно укоренили в сознании дипломатов центральных держав убеждение, что советская власть хочет мира во что бы то ни стало, — эти дипломаты получили над нами такой психологический перевес, которого не могли уравновесить никакие ораторские успехи Троцкого. Мы ехали вторично в Брест уже капитулировавшие, но не формально, что лишало нас всяких выгод капитуляции, ибо позволяло противнику продолжать рассматривать нас как воюющую сторону.

Объяснения этой капитуляции до сражения я не получил тогда — и не получил теперь, прочитав соответствующую главу «Опыта автобиографии». «Нам пришлось склониться перед ультиматумом и остаться в Брест-Литовске» — вот все, что можно прочесть об этом в мемуарах главы советской делегации. Почему? Если надо было склоняться перед всяким ультиматумом немцев, отчего был отвергнут ультиматум 10 февраля? Риска в первом случае было меньше, потому что в руках у Кюльмана и Гофмана не было еще договора с Украинской радой², хотя и весьма несовершенного, но все же средства дурачить германские народные массы и тащить за собою на поводу Австрию. Логика тут никакой найти нельзя, если даже стоять на точке зрения немедленного получения какого бы то ни было мира, все же не было ни малейшего резона кричать об этом с крыш и выдавать себя с головою противнику. Но на этой точке зрения никто не стоял — Ленин был за переговоры «на проволоке». На мире он настаивал только в случае предъявления немцами ультиматума именно о мире, а не о месте переговоров.

Логика тут найти трудно. Но зато психологическое объяснение найти легче легкого. На следующей же странице мы читаем о жизни делегации в Бресте во время переговоров: «Вокруг зданий штаба шла в разных направлениях высокая изгородь из колючей проволоки. Во время утренней прогулки я наткнулся на надписи:

“Застигнутый здесь русский будет застрелен”. Это относилось к пленным. Я спрашивал себя, относится ли надпись также и ко мне — мы были наполовину в плену — и поворачивал назад*.

Вот то-то, что Троцкий, увидав первое реальное или показавшееся ему реальным препятствие, сейчас же «поворачивает назад». Пишущий эти строки в эти самые дни исходил вокруг Брестской цитадели десятки километров, ни разу не подвергнувшись большей неприятности, чем необходимости показывать пропуск германским часовым. Я разговаривал с русскими пленными, причем сторожившие их немцы относились к этому с удивительнейшим благодушием, заботливо предупреждая меня и моих собеседников, когда на горизонте показывался офицер, — я по получасу наблюдал, как германские новобранцы упражняются с ручными гранатами, и т. д. Не так уж страшен черт, как его малюет испуганное воображение. А воображение будущего главы всемирной революции было сильно напугано — это ярко отразилось в одном инциденте, о котором «Опыт автобиографии», к сожалению, не упоминает. Все делегации из Бреста уезжали в полном составе — кроме нашей: наша уезжала без своего главы и еще двух-трех членов. И глава, и эти члены отбыли немедленно же, как только был вручен наш не очень вежливый ответ на ультиматум (ответ был сначала проектирован вежливее, но сейчас не стоит говорить, кто его заострил. Не Троцкий), в ту же ночь. Оставаться хотя бы лишний час в Бресте им казалось страшно опасным. Чтобы не было недоразумения: я, конечно, отнюдь не думаю подозревать Троцкого в физической трусости — он физически храбрый человек. Разумеется, он спасал «вождя», без которого революция могла погибнуть. Но дело в том, что никакой особой опасности «вождю» не угрожало.

Реальная опасность была одна — очутиться в крайне глупом положении, если тонкое кружево тактики, основанной исключительно на психологии, будет прорвано грубым кулаком немецких империалистов. Когда это случилось, Троцкий просто растерялся, и его поведение после того, как немцы начали свое наступление, было жалко до невероятия. Он голосовал то за принятие германского ультиматума, то против, то опять за — и, наконец, при самом решительном голосовании воздержался... «чтобы обеспечить

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 94.

Ленину большинство одного голоса» (!)*. В заключение он выразил свою обиду на непослушавшуюся его историю тем, что не только подал в отставку от поста наркоминдела, но фактически ушел с этого поста, т. е. предоставил другим расхлебывать ту кашу, которую он заварил**.

В таком душевном состоянии опять-таки было не до фракций. Надо было как-то загладить и перед самим собой, и перед другими впечатление жестокого провала. Отсюда полное отсутствие всяких фантазий — и ультраделовой, чтобы не сказать деляческой, подход к новой работе, которую дал ему Ленин, — формированию Красной армии. В Бресте, казалось, не нужны какие бы то ни было специалисты — теперь в одних специалистах было все спасение. «Отсрочки тут, по общему правилу, не давалось. Ошибки влекли за собою немедленную кару»***. Так рисует Троцкий обстановку своего нового дела: но разве только что не было дано убедительнейшего доказательства, что к дипломатам это применимо точь-в-точь столько же, сколько и к войне?

И только когда война начала поправлять репутацию, в корень испорченную дипломатией, Троцкий начинает припоминать старое. Но теперь уже «вождь» не мог положиться на одного себя. Нужно было сколачивать «группку». Первый намек на возникновение троцкистской фракции относится, по-видимому, к концу 1919 г. — хронология «Автобиографии» тут весьма не отчетлива. Что намек этот облечен в форму якобы «извета» т. Сталина, — которого будто бы выдал т. Менжинский, — не должно нас смущать****. Слишком уж благородно негодование, с каким Троцкий встретил (какое невинное дитя, подумаешь!) известие, что против него ведется «интрига», и слишком забеспокоился для такой невинности. И чересчур поторопился проверить непосредственно у Ленина, что именно тот знает? Но «прощупать» Ленина, видимо, не удалось — и Троцкий лишь «понял», что «Менжинский говорит не зря», т. е. что о завязывающейся фракции кое-что проникло дальше, чем следовало³.

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 116–117.

** См. протокол заседания ЦК от 22 ноября 1918 г.: Ленин В. И. Соч. Т. XXII. С. 286.

*** Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 168.

**** Там же. С. 181–184.

На полном ходу была фракционная работа к зиме 1920–1921 г. — ко времени знаменитого спора о профсоюзах. Спор этот всячески изображается как лишенный «всякого значения». О не менее, чем спор, о знаменитом маневре Троцкого — из сторонников «огосударствления» профсоюзов почти мгновенно превратившегося в сторонника диаметрально противоположной, но одинаково антиленинской позиции Бухарина-Дзержинского — «Моя жизнь», конечно, не обмолвилась ни одним звуком. Но о фракционной работе в этот период умолчать уже было невозможно.

«Я еще во время съезда (X) ликвидировал какие бы то ни было совещания с единомышленниками по профессиональному вопросу. Через несколько недель после съезда Ленин убедился, что я не менее его озабочен тем, чтобы ликвидировать временные группировки, под которыми уже не оставалось никакой принципиальной базы»*.

Что «принципиальной базы» не было, это, конечно, верно, но что группировки существовали, это вынужден признать сам Троцкий, а что они в это время уже перестали существовать, этому не поверят маленькие дети — именно с этого момента «группировки» из «временных» превращаются в постоянные.

Отрицать это можно опять-таки только перед «невеждами и новичками». Новичками, вступившими в партию не раньше 1925 г., — и невеждами совсем круглыми. Для тех, кто работал в партии в 1921–1923 гг., самая попытка скрыть «группировки» сторонников Троцкого покажется смешной. Один из ближайших лейтенантов Троцкого был тогда членом одного советского коллектива, где я председательствовал. В разговоре с ним я выразил намерение назначить заседание этой коллегии, помнится, на вторник. «На вторник нельзя, по вторникам у нас ЦК», — услышал я в ответ. «Как по вторникам? — удивился я: — Оргбюро собирается в понедельник, а Политбюро в четверг». «Да, это не ЦК, а так, одно совещание»... Не трудно было догадаться, о каком ЦК нечаянно проболтался мой собеседник. В Москве называли и секретаря этого «ЦК» со всей определенностью.

История этого «ЦК» когда-нибудь будет написана, тоже в форме «Моей жизни» кого-нибудь из его членов — надо надеяться,

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 202.

однако же, что не по методу «Моей жизни» его председателя. Ибо последний — начисто отрицает самое существование троцкистской фракции. Нужно сказать, что это великолепно идет ко всему его мировоззрению. На первом плане у него все время собственное «я». Читая его книжку, никто не подумает, что в политике у нас играют роль какие бы то ни было организованные группы — партии, например. Вы встречаете только отдельных людей, иногда, по слабости, объединяющихся в маленькие коллективы, без всякой принципиальной основы, от случая к случаю — и всегда ради *личных* целей. Партия — жалкая игрушка в руках этих людей. Может быть, потому и не находят себе места в воспоминаниях Троцкого троцкистские группировки, что автор воспоминаний презирал их, как презирал он в душе всякую массу вообще. Не верите? Прочитайте резюмирующую характеристику главы XXXIX («Болезнь Ленина»).

«1923 год стал первым годом напряженного, но еще бездумного (?) удушения и разгрома большевистской партии. Ленин боролся со страшным недугом. Тройка* боролась с партией. В атмосфере было тяжкое напряжение, которое к осени разрешилось “дискуссией” против оппозиции (!!!). Началась вторая революция: борьба против троцкизма...»**.

О «дискуссии против оппозиции» мы сейчас поговорим. Но согласитесь сами, что написать все приведенное сейчас место можно было только в состоянии очень острого «вдохновения», когда «из-под спуда выходят слова, неожиданные для оратора» — или писателя. «Накатил, сударь, накатил!» — восклицают хлысты, когда на их собрание нисходит «дух». На Троцкого явно «накало», когда он стал писать об «удушении и разгроме большевистской партии» в 1923 г. Но что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: до чего нужно было презирать эту самую партию, чтобы изображать ее разгром делом трех человек! Три человека могут произвести вторую революцию и «удушить» коллектив в миллион людей! И притом три человека, действующие исключительно из *личных мотивов* против определенного лица.

«Идея тройки — Сталин, Зиновьев, Каменев — была уже давно готова. *Острием своим тройка была направлена против меня.*

* Сталин, Зиновьев, Каменев.

** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. II. С. 228.

Вся задача заговорщиков состояла в том, чтобы, подготовив достаточную организационную опору, короновать тройку в качестве законной преемницы Ленина»*.

Дальше рассказывается, как одна «маленькая записочка» Ленина чуть-чуть не расстроила всей комбинации. При таком ходе истории, конечно, не то что записочки — случайно опрокинувшейся чернильницы достаточно, чтобы пало государство. И этого человека десятилетиями считали марксистом!

Само собою разумеется, что болезни тех гигантов, которые творят мировую историю, становятся при этом уже совсем и бесспорно крупнейшими историческими факторами. И вот на том месте, где у будущих «фальсификаторов истории» будет стоять рассказ о борьбе троцкистской фракции против партии, у Троцкого читатель находит три истории болезни плюс охота на уток!

Да, да: я не фантазирую. Что помешало низвержению «эпигонов» (они же «тройка») в 1923 г.? Болезнь — болезнь Ленина, и только эта болезнь.

«Я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII съезда в духе “блока” Ленина — Троцкого против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе»... «В 1922–1923 гг. вполне возможно было еще завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывавшуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма. Главным препятствием на этом пути было, однако же, состояние самого Ленина». «Во всех планах и расчетах был решающий момент неопределенности: это сам Ленин со своим физическим состоянием». «Благодаря исключительному месту, занимавшемуся в партии Лениным, неопределенность его личного состояния превратилась в неопределенность состояния всей партии»**.

А вдобавок еще и самого Троцкого «на несколько недель приковал к постели прострел». Так «эпигоны» и уцелели в эту критическую для них минуту. Как было, казалось, не сообразить, что при таких условиях Троцкому надо тщательнейшим образом смотреть за своим здоровьем? Как было этого не понять? А он взял да холодной осенью отправился охотиться на уток!

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 223. Курсив мой. — М. П.

** Там же. С. 219–220.

Об этом всемирно-историческом событии, определившем судьбы не одного Советского Союза, читатель узнает на стр. 234–238 II тома «Моей жизни» со всеми необходимыми для такого торжественного случая подробностями — с биографией охотника, который руководил действиями ближайшего наследника Ленина в эти роковые дни, с глубокими историческими экскурсами (до Ивана Грозного!), с фамилией шофера, которого близость к великому событию тоже, разумеется, сделала историческим лицом и т. д. Словом, если бы кто начал читать «Мою жизнь» с этого места, не имея отчетливого представления о физиономии ее автора, такой невнимательный читатель был бы достоин наказания, попав в чрезвычайно глупое положение; вероятно, он с негодованием бросил бы книгу, решив, что автор над ним, читателем, просто издевается. Читатель настоящей заметки знает, с кем мы имеем дело, — он знает, что тут нужно не обижаться и не сердиться, а понимать. Но я боюсь, что даже такой, нарочито подготовленный, читатель не воздержится от непочтительного заключения, что ему, читателю, редко приходится встречать автора, более близкого к острому пароксизму мании величия.

Охота на уток замечательна, конечно, не утками, даже вообще неизвестно, пострадали ли утки. Но после охоты, спеша удовлетворить любопытство шофера, «горевшего нетерпением узнать, какова добыча» — как малое всегда переплетается с великим! — Троцкий побежал в валенках по болоту, промочил ноги и простудился. «Врачи запретили вставать с постели. Так я пролежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 г. против “троцкизма”. Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку» (читатель, имея запас восклицательных знаков, может использовать сколько нужно; у меня все вышли. — М. П.).

«Ленин лежал в Горках, я — в Кремле. Эпигоны расширяли круги заговора». Налицо из всех группировок, наметившихся еще в реальном училище св. Павла, имеются «ябедники и завистники», их жертва и «зыбкая неустойчивая масса» в лице удушаемой тройкою миллионной партии. Не хватает «открытых, отважных мальчиков». Это несправедливо. Надо исправить это упущение — и рассказать, что делали «отважные мальчики».

Когда Троцкий охотился за утками, партия была в исключительно тяжелом положении. Восстановительный период был

в самом начале — шли споры о том, достигнем ли мы «довоенного уровня» в 1930 или в 1933 г. Человек, который вздумал уверять, что мы к 1930 г. *перейдем* этот уровень, погиб бы в позоре комчванства. Рабочая масса, уверенная, что она голодала только из-за гражданской войны и блокады, не сразу привыкала к мысли, что довоенный уровень заработной платы вернется только с довоенным уровнем производства, — и роптала. Перед самой «охотой» прошел целый ряд забастовок. На этой почве всяческая антипартийная агитация расцветала пышным цветом. Только что были обнаружены две, казавшиеся серьезными, подпольные организации: богдановская «Рабочая правда», где не было ни рабочих, ни правды, но было порядочное количество партийной интеллигенции юного возраста, — и «Рабочая труппа», где были и рабочие, молва уверяла, в числе нескольких тысяч.

Надо было видеть, с какими сияющими глазами передавал мне все это один из «отважных мальчиков», предлагая мне подписать документ, явным образом начинавший кампанию против ЦК. «Антипартийная организация в три тысячи рабочих!» Как, в самом деле, упустить такую благодать?

Я признавал, что положение крайне трудное. Но подписать документ отказался; было совершенно ясно, что для партии от похода на ЦК положение станет только еще труднее. Наоборот, совершенно не ясно было, какие могут получиться выгоды от замены старого ленинского штаба «открытыми, отважными мальчиками».

Но последние не ограничивались собиранием подписей. Они кроме того обратились и к массам. Среди рабочих масс они имели успех несколько ниже среднего. Но юная коммунистическая интеллигенция, клюнувшая на богдановскую «Правду», клюнула и здесь. В самом начале дискуссии тысячная ячейка ФОН (факультета общественных наук) I МГУ почти единогласно вынесла резолюцию, направленную против ЦК партии.

Как же реагирует на все это «Моя жизнь»? Да никак. У Троцкого была такая высокая температура, что всех этих деклараций и резолюций ему даже не показывали. И он до сих пор не знает о том, что все знали еще осенью 1923 г.: что в этом году троцкистская фракция сделала попытку свергнуть партийное руководство — и была хотя весьма далека от успеха абсолютно (не собрала даже и половины голосов одной московской конфе-

ренции), но относительно все-таки была к этому успеху ближе, чем в какую-либо другую из своих попыток. Если бы Троцкий это знал, он, вероятно, выступил бы хоть два-три раза непосредственно, лично на собраниях, несмотря на температуру: выступал же Дзержинский, когда это грозило ему смертельной опасностью. После, в Алма-Ата («где злейшая малярия разделяет господство с проказой и чумой») ему сходили безнаказанно такие вещи, как пребывание на охоте по девяти суток, не заходя под кровлю, — при морозе «до 8–10°»*. Но «отважные мальчики» очень берегли своего вождя, исключительно берегли — и бедный Троцкий до сих пор не знает того, что еще в 1923 г. знал миллион удушаемых «тройкою» партийцев (да, наверное, не менее двух миллионов беспартийных вдобавок).

Ах, эти «отважные, открытые мальчики!» Беда с ними...

Естественно, что, не зная самого главного факта, Троцкий получил самое фантастическое представление о причинах того, что с ним дальше происходило. Представьте себе, что человек, не знающий ничего об Октябрьской революции, сразу налетел бы на советский режим и диктатуру пролетариата. Что бы он понял? Так и тут. Все беды на Троцкого обрушились потому, что он и действовавшие его именем «мальчики» повели подкоп против этой самой пролетарской диктатуры. Но Троцкий ничего об этом не знал. И ему показалось, что его начали «травить» из-за 1) воздержания от спиртных напитков, 2) теории перманентной революции. Да, право же, я не шучу. Так написано в «Моей жизни».

К 1): «Хождение друг к другу в гости, примерное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть»**.

К 2): «Насквозь филистерская, невежественная и просто глупая травля теории перманентной революции выросла из этих именно

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 299.

** Там же. С. 245.

психологических источников. Сплетничая за бутылкой или возвращаясь с балета, один самодовольный чиновник говорил по моему адресу другому самодовольному чиновнику: “у него только перманентная революция на уме”. С этим тесно связаны обвинения в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме. “Не все же и не всегда для революции, надо и для себя”, — это настроение переводилось так: “долгой перманентную революцию!”. Протест против теоретической требовательности марксизма и политической требовательности революции постепенно принимал для этих людей форму борьбы против “троцкизма”. Под этим флагом шло освобождение мещанина в большевике. Вот в чем состояла потеря мною власти, и вот что определяло те формы, в которых эта потеря произошла»*.

Примеров «марксизма» Троцкого мы видели достаточно. А насчет перманентной революции, когда Ленин называл ее в 1914 г. «несуразно левой», это как было: «за бутылкой» или же «возвращаясь с балета»?

В 1923 г. и следующих происходило не освобождение мещанина в большевике, а освобождение большевистской партии от мещан. Троцкий не потерял и не мог потерять власти по той простой причине, что никакою властью над большевиками он не обладал и не мог обладать, ибо наша партия не есть вотчинная монархия и никакому отдельному лицу над собой власти не вручала. У партии есть доверенные люди — в качестве одного из этих доверенных людей Троцкий пользовался большим влиянием. Потеряв доверие, он утратил и влияние. Попытавшись вернуть его себе обратно нелегальными средствами, он попал сначала в Алма-Ата, потом в Константинополь. Причины этой катастрофы нужно искать в причинах потери им доверия партии. Как это случилось? «Моя жизнь», независимо от воли автора, объясняет это вполне удовлетворительно. Наша партия пролетарская — во главе ее не может стоять мещанин-индивидуалист, поскольку мещанский индивидуализм у него не сторел окончательно в огне пролетарской революции. А мещанским индивидуализмом прет из каждой строки «Автобиографии», написанной в 1929 г., через двенадцать лет после революции. Но данный случай не нуждается, пожалуй, даже и в таком со-

* Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 246.

циологическом объяснении. Может ли пользоваться доверием партии человек, не заслуживающий никакого личного доверия? Человек, ни на одно слово которого нельзя положиться? Троцкий сам на это ответил теми строками «Моей жизни», которые я привел в качестве эпитафии.

Н. А. БЕРДЯЕВ

<Рецензия>

Всякая биография эгоцентрична. Таков ее предмет. Очень эгоцентрична и автобиография Л. Троцкого. Он сам не скрывает этого. Автобиография для него есть активный момент его биографии, он ведет в ней борьбу, расправляется с врагами. Это совсем не есть тип автобиографии, которые пишутся в старости, когда борьба кончена и нет уже будущего, когда память хочет воскресить безвозвратно ушедшее прошлое, когда подводится итог жизни, и хочется определить ее устойчивый смысл. Л. Троцкий продолжает верить, что будущее его и хочет за него бороться. Книга написана для прославления Л. Троцкого как великого революционера и еще более для унижения смертельного врага его Сталина как ничтожества и жалкого элигона. Но написана она очень талантливо и читается с большим интересом. Бесспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ. Местами автобиография написана очень художественно, там, где автор не занят партийными дразгами. У Л. Троцкого есть художественная восприимчивость. Описание детства и отрочества, описание охоты иногда напоминают Л. Толстого. Эти места дают передышку, читатель отдыхает от подавленности мелочами и дразгами революционной жизни. Жизнь Троцкого представляет значительный интерес, и она ставит одну очень серьезную тему — тему о драматической судьбе революционной индивидуальности в революционном коллективе, тему о чудовищной неблагодар-

ности всякой революции, извергающей и истребляющей своих прославленных создателей. Л. Троцкий не без гордости говорит, что у него нет личной судьбы, что его судьба слита с судьбой революции, которой он служит. Самообман и самоутешение. Личная судьба есть и у Л. Троцкого, и он напрасно хочет скрыть ее горечь. Активнейший из революционеров оказался лишним и ненужным человеком в революционную эпоху. Это есть печальная судьба личности. Талантливый и блестящий Троцкий, создавший вместе с Лениным большевицкую революцию, извергнут революционным потоком и находит себе пристанище лишь в Турции. Бездарный по сравнению с ним, незначительный, не игравший большой роли Сталин — диктатор, глава революции, вершитель судеб России и, может быть, всего мира. Этого никогда не удастся переварить Троцкому и никогда не удастся понять изнутри революционной эпохи. Автобиография Троцкого есть, конечно, очень интересный и талантливый документ нашей революционной борьбы. Но она поражает незначительностью внутренней жизни души, раскрывшей свою жизнь. Душа эта выброшена на поверхность, целиком обращена во вне, вся исходит во внешних делах. Жизнь этой души рассказана так, как будто самой души нет, и во всяком случае нет в ней духовного начала. Нужно перейти в более глубокий план жизни, чтобы понять эти вещи. Люди мировоззрения Троцкого никогда ведь не углублялись в проблему личной судьбы, они всегда заглушали в себе внутреннюю жизнь внешней борьбой. Почему Троцкий стал революционером, почему социализм стал его верой, почему всю жизнь свою он отдал социальной революции? Внутренний генезис веры Троцкого, внутреннее формулирование мировоззрения почти совсем не раскрыты. Указанные им внутреннее мотивы образования революционного чувства жизни незначительны и не могут объяснить такой революционной энергии. Поразительно, до чего Троцкий чужд всем умственным и духовным течениям своей эпохи. Его ничто не затронуло. Для него ничего не существует кроме марксизма и самого наивного материализма. Он даже отрицательно не определяется к другим течениям. Он очень умный человек, но умственный его кругозор необычайно узок, интересы его очень однообразны. Он читает романы в часы досуга, но это лишь отдых от революционной борьбы, внутренне его это чтение несколько не затрагивает. Как писатель, он лишь талантливый журналист. В своих эмигрантских

странствований он встретился с Рагацем, швейцарским левым социалистом и вместе с тем верующим христианином, протестантом. Социалист-мистик вызывает в нем лишь «неприятный озноб». Он ограничивается плоским замечанием, что не может найти психологического соприкосновения с людьми, которые «умудряются одновременно признавать Дарвина и Троицу». Это, кажется, единственное место, где Троцкий говорит о религиозном вопросе. Он остается старого типа просветителем рационалистом, таким же, как и Ленин, но менее злобно полемическим.

Чему нас учит автобиография Троцкого? Вот что представляется мне несомненным: Л. Троцкий не настоящий коммунист, не до конца коммунист, и не случайно он оказался выпавшим на известной стадии коммунистической революции. Он и в прошлом не был большевиком, и напрасно он старается затушевать свой меньшевизм, хотя и левый. Троцкий очень типичный революционер, революционер большого стиля, но не типичный коммунист. Он не понимает самого главного, того, что я назвал бы мистикой коллектива. Именно покорность мистике коллектива заставляет Рыкова и многих других держать себя так, что это со стороны производит впечатление трусости и предательства относительно людей, с которыми они работают. Коллектив, генеральная линия коммунистической партии — это ведь аналогично церковным соборам, и всякий, желающий остаться ортодоксальным, должен подчиниться совести и сознанию коллектива. Л. Троцкий еще революционер в старом смысле слова, в смысле XIX века. Он не подходит к конструктивному периоду коммунистической революции. Его идея перманентной революции есть романтическая идея. Троцкий придает еще значение индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнение, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он верит в роль героических революционных личностей, он презирает посредственность и бездарность. Не случайно его обвиняли в индивидуализме и аристократизме, и именно он, организатор Красной армии, сторонник мировой революции, совсем не вызывает того жуткого чувства, которое вызывает настоящий коммунист, у которого окончательно погасло личное сознание, личная мысль, личная совесть, и произошло окончательное вращение в коллектив. Есть еще одна особенность, отличающая Л. Троцкого. Русскому народу не свойственна театральность и риторика. В русской рево-

люции совсем нет красивых театральных жестов и риторических украшений революции французской. Может быть, и хорошо, что в ней нет театральной красоты. Но плохо то, что в ней есть настоящая уродливость. Большевики вошли в русскую жизнь в первый же момент уродливо, с уродливым выражением лиц, с уродливыми жестами, они принесли с собой уродливый быт. Уродство это свидетельствует об онтологическом повреждении. Большевики сами чувствуют свое уродство, и это вызывает у них чувство *ressentiment*. Этим отчасти объясняются их безобразные действия. Сам Ленин как будто нарочно стремился к уродливому, говорил и писал грубо и некрасиво. Л. Троцкий один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любит театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей, которых он в сущности презирает. Л. Троцкий все еще не понял, что мы вступаем в эпоху пореволюционную и что старый революционный душевный уклад и революционный пафос для нее не подходят.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

От Ленина к Сталину

<Фрагмент>

Изменилось ли бы что-нибудь в бюрократическом существе однопартийной диктатуры, если бы сейчас на месте Сталина с его поддужными сидел Троцкий со своим окружением? Конечно, ничего. Знаменитым, неопубликованным официально «завещанием» Ленина внутривнутрипартийная оппозиция весьма успешно пользуется как орудием борьбы против Сталина. Курьезно, что сталинцы не замечают, что в этом завещании вовсе не Сталин, а именно Троцкий объявлялся Лениным наиболее склонным к бюрократизму сановником. «Троцкий, — писал Ленин в своем политическом завещании, — конечно, наиболее способный из членов Центрального комитета, но он слишком самоуверен и свыше меры увлекается чисто административной стороной всякого дела».

Эта прирожденная склонность быть самовластным администратором в полной мере укладывалась у Троцкого в ленинскую конструкцию антидемократической революции, где деятельное революционное меньшинство должно господствовать над пассивной народной рабочей массой, направляя ее в нужном для диктатуры направлении.

От Ленина к Сталину через Троцкого идет совершенно прямая линия. <...>

Нельзя со сталинизмом бороться ни политически, ни морально, опираясь, как на идеал, на троцко-ленинизм или ленино-троцкизм.

В. М. ВОЛИН

Неизвестная революция

<Фрагменты>

<...>

Отрицательные результаты русской Революции были лишь завершением вполне определенного процесса. А сталинский режим — только неизбежный итог, к которому привели действия Ленина и самого Троцкого.

То, что Троцкий называет «предательством»¹, на самом деле является фатальным результатом постепенного перерождения, вызванного ошибочной практикой.

Именно: правительственная и государственная практика ведет к «предательству», то есть к краху, который делает возможным «предательство». Другие методы привели бы к иным результатам.

В своей слепой пристрастности (или, скорее, из неосознанного лицемерия) Троцкий впадает в самую банальную путаницу, для него непростительную: он путает причины и следствия.

Грубо ошибаясь (или, вероятнее всего, делая вид, что ошибается, поскольку не имеет других возможностей обосновать свою позицию), он принимает следствие («предательство» Сталина) за причину. Ошибка — или, скорее, маневр, — позволяющая ему уйти от основной проблемы: как сталинизм оказался возможен?

«Сталин предал Революцию»... Это очень просто! Даже слишком просто для объяснения чего бы то ни было².

Объяснение, однако, лежит на поверхности: «сталинизм» явился естественным следствием краха подлинной Революции, а не наоборот; а крах Революции стал закономерным итогом неверного пути, который избрали большевики.

Иными словами: именно перерождение пошедшей по неверному пути Революции вызвало Сталина, а вовсе не Сталин переродил Революцию.

Добавим, что, уже пораженный болезнью, революционный организм мог бы успешно сопротивляться ей при условии свобод-

ной деятельности масс; но большевики, руководимые Лениным и самим Троцким, лишили его всех средств защиты: болезнь неизбежно должна была охватить его целиком и погубить.

«Предательство» стало возможным, ибо трудящиеся массы не выступили ни против его подготовки, ни против его совершения. Не выступили потому, что, полностью поработанные новыми хозяевами, быстро лишились как понимания подлинной Революции, так и всякого духа инициативы, свободной деятельности. Скванные, угнетенные, они понимали бесполезность — что я говорю? — невозможность сопротивления. Троцкий лично внес вклад в возрождение в массах духа слепого повиновения, мрачного безразличия по отношению ко всему, что происходит «наверху». Это «Вождем» удалось. Народ был побежден, и надолго. Отныне стало возможным любое «предательство».

<...>

Приказ о нападении был отдан лично Троцким³. Мог ли он терпеть, чтобы рядом с «его государством» существовал независимый район? Мог ли он смирить гнев и ненависть, когда слышал откровенные слова свободного народа, который в своих газетах говорил о нем без страха и уважения как о простом государственном чиновнике — о нем, великом Троцком, «сверхчеловеке», как его до сих пор еще называют его единомышленники во Франции и других странах?

Этот ограниченный, но безмерно гордый и злой человек, хороший полемист и оратор, ставший — благодаря ошибкам Революции — «непоколебимым» военным диктатором огромной страны, этот «полубог» — мог ли он терпеть соседство свободного народа, на который оказывали влияние, которому помогали «анархо-бандиты», те, кого он считал своими личными врагами и соответственно с ними обращался?

Впрочем, всякий «государственный деятель», всякий социалистический «управленец», даже менее претенциозный и злобный, поступил бы точно так же. Не следует забывать, что действовал Троцкий в полном согласии с *Лениным*.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Двести лет вместе

<Фрагменты>

<...>

Сам Троцкий был — несомненный интернационалист, и можно поверить его демонстративным декларациям, в которых он отталкивал от себя всякое еврейское, — но, судя по назначениям, евреи-отщепенцы были ему ближе отщепенцев русских. Среди ближайших помощников Троцкий держал почти всегда евреев (из трёх старших секретарей — Глазман, Сермукс, а начальник личной охраны — Дрейцер¹). Вот понадобился властный и безжалостный заместитель Наркомвоена — какая высота поста! — Троцкий, не колеблясь, назначил врача Эфраима Склянского, никакого не боевого и не штабного командира, — и вот, по посту зампреда Реввоенсовета Республики, Склянский подписывается выше Главного командующего генерала С. С. Каменева.

И ведь не подумал же Троцкий, как неуместное назначение врача будет выглядеть для военных-строевиков, а само возвышение Склянского — для всей России, ему и заботы о том не было. Однако знаменитая фраза Троцкого, что «Россия не созрела до того, чтобы во главе её стоял еврей», показывает, что ему, применяя к себе, не безразличен был этот вопрос.

<...>

Внимательно работав над биографией Троцкого, я согласен с мнением, что у него не было специфически еврейских горячих привязанностей, а наоборот — ярый интернационализм. Так такого бы соплеменника — легче всего осудить? Но уже с восхода звезды Троцкого, с осени 1917, он стал для слишком многих пред-

метом гордости, и чуть ли не кумиром радикально-левых кругов американского еврейства.

Да что там американского! В 50-е годы сидел со мной в лагере, ещё тогда юноша, Владимир Гершуни² — страстный социалист, интернационалист, не было в нём никакого оттенка не то что религиозности, но, кажется, даже и еврейского сознания. В 60-е годы мы встречались на воле, и по какому-то поводу он дал мне свои заметки. И в них: что Троцкий — Прометей Октября, да не почему-нибудь, а прямо потому, что Троцкий — еврей: «Он был Прометеем не потому, что таким уродился, но потому, что он — дитя народа-Прометея, который, не будь он прикован к скале тупой злобы цепями тайной и явной вражды, ещё не столько бы сделал для человечества».

<...>

Троцкий как-то похвастался, что «даже» в своём реввоенсоветском вагоне в Гражданскую войну он «находил время» знакомиться с новинками французской литературы.

И ведь — не заметил, что сказал. Не время он находил, а — место в сердце, оставался у него такой объём в сердце между воззваниями «к революционным морякам» или насильно собранным красноармейским частям — и брошенным приказом расстрелять каждого десятого в дрогнувшей части, а уж смотреть исполнение он не оставался.

На обширных равнинах России он вёл кроволитную (так в тексте. — *Сост.*) войну, нисколько не затронутый небывалыми страданиями жителей этой страны, её болями, — он пронёсился выше, выше всего этого, на крыльях интернационального упоения.

<...>

IV

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Д. БЕДНЫЙ

Казанским товарищам

Товарищи. Вчера.
Вас Троцкий чаровал бодрящими словами.
Наш красный вождь прощался с вами
На ваше мощное ответное «УРА».
В прощаньи час
С какою жадностью я всматривался в вас,
Внимательно следя за каждым вашим взглядом!
Когда сомкнетесь вы, друзья, стальным отрядом
С рабочею Москвой и красным Петроградом,
Я вас узнаю всех.
Я знаю: краток срок разлуки
И не надолго вы прощались с вождем.
Товарищи, винтовки в руки.
Мы с Красной армией вас ждем.

А. Т. АВЕРЧЕНКО

Разговор за столом

Когда соберутся вместе за самоваром или за бутылкой вина несколько русских людей, живущих по воле судьбы и большевиков — в Феодосии, Ялте или Севастополе, — я заранее с математической точностью знаю, с чего начнётся их разговор.

Чем кончится разговор, конечно, никогда нельзя предугадать, но *начинается* он всегда с поразительной точностью одинаково.

* * *

Вот пятеро — три дамы и двое мужчин — уселись за стол вокруг шумящего самовара; хозяйка вручила каждому по чашке чаю; пододвинула печенье, варенье, кекс, конфеты.

Минута молчания. Переглянулись.

— Ну-с, — начал разговор мужчина, тот, что помоложе. — Когда же мы будем в Петербурге?

— Да-а-а, — неопределённо тянут все три дамы. — Интересно, когда мы туда попадём?

— Теперь уж скоро, — хмуря многозначительно седые брови, говорит старичок. — Мелитополь взят. (А раньше он говорил Курск, а раньше — Харьков.)

Первая стадия разговора кончена.

Вторая:

— Я получила сведения, что моя квартира в Петербурге совершенно разграблена.

— Мне писали, что моя квартира в Москве сохранилась. Какой-то комиссар живёт.

- А я не имею никаких сведений о своей квартире.
- У меня там сестра живёт. Не знаю — жива ли?
- У меня отец и тётка. Не знаю — живы ли?
- Там голод.
- Там страшный голод.
- Там умирают с голоду.
- Совершенно умирают. Почти все.

Вторая стадия разговора окончена.

Третья:

- Говорят, муж Анны Спиридоновны поступил в Москве на службу к большевикам.
- Вот негодяй!
- Форменный. Вешать таких людей мало.

* * *

И вдруг одна из дам неожиданным энергичным броском руля сразу повернула неуклюжий широкобокий корабль вялого разговора из узкого шаблонного канала, где корабль то и дело стучался боками о края канала, — сразу повернула и вывела этот корабль в широкое море необозримых отвлечённых предположений.

Именно она сказала:

— А что бы вы, mesdames, сделали с Троцким, если бы этот ужасный негодяй попал в ваши руки?

— Ах, ах, — сказала с бешеной ненавистью вторая дама, то, что называется — роскошная блондинка, и даже сверкнула большими серыми глазами. — Я не знаю даже, что бы я с ним сделала! Я... я даже руки бы ему не подала.

— Тоже... — кисло улыбнулась худощавая. — Придумали наказание. Нет, попадись мне в руки Троцкий, я знаю, что бы я сделала с ним.

— А что именно?

— Я? Я бы выстрелила в него!!!

— Ну, это тоже ему не страшно, — скривилась, подумавши, третья дама, та самая, которая перевела разговор в другой галс. — Нет, попадись мне в руки Троцкий, я бы уж знаю, что бы я сделала! Узнал бы он, почём фунт гребешков, узнал бы, как губить бедную Россию!..

— Ну, а что? Что бы вы ему сделали?

И сказала третья дама свистящим шепотом, как гусёнок, которому птичница наступила на лапу:

— Я бы купила булавок... много, много... ну, тысячу, что ли. И каждую минутку втыкала бы в него булабочку, булабочку, булабочку... Сидела бы и втыкала.

— Только и всего?

— Ну, а потом отрезала бы голову и выбросила свиньям!

— Только и всего?

Бедная фантазией худощаваая обвела сердитым взглядом на смешливые лица и отрывисто закончила:

— А после этого воткнула бы в него ещё тысячу булавок!!

Мужчина помоложе снисходительно засмеялся:

— Эх, вы. Милые вы дамы, очаровательные, но фантазии у вас ни на копейку. Эко придумали: утыкать человека булавками, отрезать голову, выстрелить в него... Нет, господа, нет! Он столько сделал зла, что и расплата с ним должна быть королевская!..

— Например?! — в один голос воскликнули все три дамы.

— А вот... Только разрешите для настроения уменьшить свет. Слушайте меня в полутьме. Вот так... То, что я буду говорить, очень страшно. Итак: по приказу Троцкого, как вам известно, расстреливаются тысячи людей — совершенно безвинных — по обвинению в контрреволюционности. И вот! Если бы ко мне в руки попался Троцкий — я его не убивал бы. А взял бы последнего расстрелянного из этих тысяч, взял бы ещё тёплый труп этого убитого Троцким человека и крепко привязал бы его к Троцкому — грудь с грудью, лицо с лицом. И я бы кормил и поил Троцкого, чтобы он жил, но труп убитого им человека не отвязывал бы от него. И вот — постепенно убитый Троцким начинает гнить на Троцком... Троцкий каждую минуту, каждую секунду видит синее разложившееся лицо с оскаленными зубами, голова у Троцкого кружится от нестерпимого трупного запаха, и когда он почувствует около своей груди что-то живое, когда клубок трупных червей завороч...

Раздается дикий пронзительный крик блондинки:

— Не могу!! Довольно!.. Дайте свет... Мне страшно!!

Дали свет. Автор последнего хитроумного проекта сидел, положив голову на руки, и угрюмо молчал.

И заговорил старичок... Мягким, кротким голосом заговорил:

— Позвольте и мне сказать кой-что по этому вопросу. Видите ли... Я бы не резал и не бил бы Троцкого, не привязывал бы к нему упокойников, — я бы пальцем его не тронул, а я бы применил к нему штуку, самую справедливую...

Старичок облизнул губы и заговорил ещё мягче, ещё задушевнее:

— Я посадил бы его в комнату вместе с обыкновенным убийцей, повинившимся ну... в пяти душах, что ли. И я до сыта кормил бы их. Хорошо кормил бы. На закусочку королевскую селёдочку в уксусе, икорку паюсную, огурчики солёненькие... На обед селяночку жидкую с солёной рыбкой, гуляш венгерский с красным перчиком, с перчиком! и пудинг — сладкий-пресладкий. А чтобы они не боялись есть эти солёненькие и сладенькие вещицы — я бы около них поставил по огромному стеклянному кувшину с хорошим русским квасом, знаете, этакий московский хлебный тёмненький квасок со льдом и с жёлтой пеной наверху как, бывало, в московской «Праге» подавали. Острый, шипучий, приятный — в нос шибает... Вот кушали бы они родименькие, кушали... И когда, накушавшись, потянулся бы простой убийца за кваском, я остановил бы его руку и сказал:

— Послушай, раб Божий, убийца... а заслужил ли своими деяниями сие питье усладительное. Вот давай мы это по-Божьему рассудим. Секретарь! А ну-ка читай поимённо всех убиенных сим рабом Божиим!

И стал бы читать секретарь:

Убиты сим убийцей: Марья, Николай...

И после каждого имени выплёскивал бы я в парашу по глотку этого кваску холодненького. И сказал бы дальше секретарь мой:

— Пётр, Семён, Поликарп... Всё! И выплеснул бы я пять глотков по числу убиенных сим человеком, и остальной квас — три четверти кувшина — вручил бы убийце:

— На, сын мой! Вот твой остаток. Увлажняй своё пересохшее горло хоть до вечера.

И потянулся бы Троцкий к своему кувшину.

— Нет, постой, сын мой, — сказал бы я. — То, что в остатке будет, то и выпьешь ты, тем и увлажнишься. Читай, секретарь, имена, убиенных сим — а я по глоточку отливать буду. Читай, не торопясь, каждое имечко — через минуточку, хе-хе...

И читал бы он и читал, — о, велик список убиенных сим Троцким! — а я бы медленно, по глоточку, выплёскивал этот душистый холодненький квасок в парашу, в парашу, в парашу.

А Троцкий сидел бы и смотрел, да лизал бы языком свои проклятые пересохшие губы, те губы, которые в своё время шевелились, называя, имена приговорённых к мукам и умерщвлению.

Кончился бы квасок — я бы ещё чего принёс: пивца холодненького, альбо сельтерской воды этакий сифонище притащил. Назовет секретарь имечко, а я сифончик давану, оттуда струйка — порск! Назовет, а я — порск! А другой убийца сидит рядом, душистый квасок попивает, а у Троцкого и горло, и пищевод, как кора сухая, покоробившаяся, а желудок, как высохший пузырь, стянулся — да нет ему водички, ибо текут, текут имена — десятки, сотни, тысячи имен убиенных — и так до скончания века его...

— Это страшно, — прошептала блондинка, проведя языком по запекшимся губам, и поспешно проглотила чашку полуостывшего чаю.

* * *

А на диване, в глубине столовой, сидел никем не замеченный доселе офицер, только что вернувшийся с фронта, сидел, закинув голову на спинку дивана, и молчал.

Когда же старичок окончил свой тихий елейный задушевный рассказ — встал с места офицер и вошел в светлый круг, образуемый настольной лампой.

— А-а, — сказала худощавая дама, — а мы и не знали, что вы тут. Ну, теперь ваша очередь. Что бы вы с ним сделали, с Троцким? Воображаю, какой ужас вы придумаете!..

Резко освещенный лампой офицер неопределённо усмехнулся.

— Видите ли, господа. Если бы вместо этого стола было изрытое окопами поле и вместо этой бутылки рома были бы неприятельские укрепления, а там, где стоит кекс, — наша батарея, спрятанная за эту вазу с вареньем, изображающую наши окопы, — то тогда вы бы ясно представили, что бы я делал: я бы сначала обстрелял Троцкого, укрывающегося в этом укреплении, а потом, после артиллерийской подготовки, бросился бы со своими солдатами вперёд и энергичным штыковым ударом...

— Да вы не то говорите! Я спрашиваю, что бы вы сделали, если бы Троцкий попался вам в руки?

— Боюсь, что в бою, в этой суматохе я бы пристрелил его, как бешеную собаку.

— Ну, да — мы это понимаем; а если бы он без боя очутился в ваших руках?

Глаза офицера сверкнули и засветились, как две свечки.

— Так я бы его тогда, подлеца, в суд!..

— Как в суд? В какой суд?

— А как же?.. Ежели он виновен — надо его в суд. Пусть судят. Молчание сгустилось, нависло, нагромоздилось над присутствующими, как насыщенная электричеством густая туча.

И только через минуту пышная блондинка пролепетала растерянно:

— Какое странное время: у штатских такая масса воинственной кровожадности, а военные рассуждают, как штатские!

Международный ревизор

Начало комедии

Действие происходит в Москве в кремлёвских палатах.

Троцкий. Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам приятное известие: к нам едет международная комиссия!

Луначарский. Как комиссия?!

*Петерс*¹. Как комиссия?!

Ленин. Вот не было заботы, так подай!..

Троцкий. По своей части я кое-какие распоряжения сделал — советую и вам. Особенно вам, Петерс! Комиссия, конечно, захочет осмотреть чрезвычайки — так уж сделайте так, чтобы всё было прилично. А то у вас на заключённых посмотреть страшно: худые, голодные, в синяках и кровоподтёках.

Петерс. Кровоподтёки белилами замазать можно.

Троцкий. Ну, да уж я не знаю, что там полагается... Можно бы также всех заключённых одеть в боярские костюмы и чтобы они, как придёт их осматривать комиссия, — проплясали бы перед комиссией русскую. Хотя, как мы их заставим?..

Петерс. Это можно. Я им надену сапоги с гвоздями внутри. Уж будьте покойны: на месте не устоят: тут тебе и русскую, и французскую, и испанскую — всякую отпляшут.

Троцкий. Потом у вас там эти разные аппараты, которые вы... этого... употребляете при допросах. Оно, конечно, может, так по-вашему, по-учёному, и надо, а всё же если комиссия увидит все эти ваши зажималки для пальцев, прессы да резины — ан и нехорошо. Впечатление может получиться не того...

Петерс. А мы на дверях этой комнаты напишем: «гимнастический кабинет». Кстати же, англичане любят спорт.

Троцкий. Вам виднее, только смотрите, чтобы англичане не стали дуру на себе пробовать этой гимнастики... Вам также, товарищ Луначарский... Советую обратить внимание на учебные заведения. Очень уж мало в них учебного. Намедни захожу, а ученицы на коленях у учеников сидят и кокаин нюхают. Может быть, оно так для усвоения научных предметов и надо, да французы из комиссий ведь народ легкомысленный, примут ваше учебное заведение за что-либо другое и начнут между партами канкан плясать...

Луначарский. Да ведь сами же вы говорили, чтобы в школах была полная свобода. Впрочем, однако, насколько я знаю, и раньше, при полицейско-бюрократическом режиме, ученики и ученицы в наказание бывали на коленях.

Троцкий. Так ведь то на собственных, а не на чужих. И по вашей части, товарищ комендант города, тоже попросил бы... Вы позволяете жителям ходить по городу почти без всего: эта дрянная публика наденет только сверх рубахи рваный пиджачишко, а внизу ничего нету!

Комендант. Слушаю-с... Мы этаких на время приезда комиссии выберем всех из города, да на общественные работы и погоним.

Троцкий. А ежели комиссия будет вообще останавливать на улицах прохожих да спрашивать: «Довольны ли жизнью?» — то чтоб говорили: «Все м довольны, господа сэры или там мусью». А который будет недоволен, мы ему после такое неудовольствие пропишем!.. Впрочем, это уже не вашей части, Христиан Иванович.

Петерс. Будьте покойны! Мы его, недовольного-то, сразу же в гимнастический кабинет. Тама останется доволен!

Троцкий. Вообще, я бы отобрал из жителей человек сто тех, кто посылнее да повеселее, подкормил бы их ещё до приезда комиссии, да и выпустил бы на улицу: пусть всё время по пути следования комиссии на глаза подвёртываются. Да развесить им на шею медальон с портретом Карла Маркса! Пусть видят иностранцы, какие мы есть социалисты. А который каналья сбросит с шеи портрет, я ему такую пеньковую цацу навешу... Впрочем, это по вашей части, Христиан Иванович.

Петерс. Будьте благонадёжны.

Троцкий. Да, вот ещё что: тут за последнее время вы, товарищ Луначарский, наставили памятников — как, бывало раньше

Держиморда фонари ставил — кому нужно, кому и не нужно. Тут тебе и Урицкому, и Стеньке Разину, и Робеспьеру, и Нахамкису, и Емельяну Пугачёву: наши-то «товарищи» ничего — слопают... А перед иностранцами как-то неловко. Снять бы их, что ли! И что это, ей-Богу, за скверный народ! Только поставь где-нибудь один памятник — сейчас же целую сотню всякой дряни нанесут и наставят.

Луначарский. А как же быть с вашим памятником?

Троцкий. Ну, мой можно оставить. Только временно надпись на нём переделайте. Напишите: Гарибальди, что ли.

Луначарский. Да ведь Гарибальди с большой бородой!

Троцкий. Ну, времени столько прошло, что мог успеть и побриться. Кажется, теперь всё. Фф-фу!.. Ну, вот комедия и кончена!..

Луначарский. Вы думаете — кончена? Я думаю, она только после приезда международной комиссии и начнётся!..

Короли у себя дома

Все почему-то думают, что коронованные особы — это какие-то небожители, у которых на голове алмазная корона, во лбу звезда, а на плечах горностаевая мантия, хвост которой волочится сажени на три сзади.

Ничего подобного. Я хорошо знаю, что в своей частной, интимной жизни коронованные особы живут так же обывательски просто, как и мы, грешные.

Например, взять Ленина и Троцкого.

На официальных приемах и парадах они — одно, а в своей домашней обстановке — совсем другое. Никаких громов, никаких перунов.

Ну, скажем, вот:

* * *

Серенькое московское утро. Кремль. Грановитая палата.

За чаем мирно сидят Ленин и Троцкий.

Троцкий, затянутый с утра в щеголеватый френч, обутый в лакированные сапоги со шпорами, с сигарой, вставленной в длинный янтарный мундштук, — олицетворяет собой главное, сильное, мужское начало в этом удивительном супружеском союзе. Ленин — madame, представитель подчиняющегося, более слабого, женского, начала.

И он одет соответственно: затрепанный халатик, на пiсе нечто вроде платка, потому что в Грановитой палате всегда несколько сыровато, на ногах красные шерстяные чулки от ревматизма и мягкие ковровые туфли.

Троцкий, посасывая мундштук, совсем, с головой, ушел в газетный лист; Ленин перетирает полотенцем стаканы.

Молчание. Только самовар напевает свою однообразную вековую песенку.

— Налей еще, — говорит Троцкий, не отрывая глаз от газеты.

— Тебе покрепче или послабее?

Молчание.

— Да брось ты свою газету! Вечно уткнет нос так, что его десять раз нужно спрашивать.

— Ах, оставь ты меня в покое, матушка! Не до тебя тут.

— Ага! Теперь уже не до меня! А когда сманивал меня из-за границы в Россию, — тогда было до меня!.. Все вы, мужчины, одинаковы.

— Поехала!

Троцкий вскакивает, нервно ходит по палате, потом останавливается. Сердито:

— Кременчуг взят. На Киев идут. Понимаешь?

— Что ты говоришь! А как же наши доблестные красные полки, авангард мировой революции?..

— Доблестные? Да моя бы воля, так я бы эту сволочь...

— Левушка... Что за слово...

— Э, не до слов теперь, матушка. Кстати: ты транспорт-то со снарядами послала в Курск?

— Откуда же я их возьму, когда тот завод не работает, этот бастует... Рожу я тебе их, что ли? Ты вот о чем подумай!

— Да? Я должен думать?! Обо всем, да? Муж и воюй, и страну организуй, и то и се, а жена только по диванам валяется да глупейшего Карла Маркса читает? Эти романчики пора уже оставить...

— Что ты мне своей организацией глаза колешь?! — вспылil Ленин, нервно отбрасывая мокрое полотенце. — Нечего сказать — организовал страну: по улицам пройти нельзя: или рабочий мертвый лежит, или лошадь дохлая валяется.

— А чего ж они, подлецы, не убирают... Я ведь распорядился, Господи! Простой чистоты соблюсти не могут.

— Ах, да разве только это? Ведь нам теперь и глаз к соседям не покажи — засмеют. Устроили страну, нечего сказать; на рынке ни к чему приступить нет — курица 8000 рублей, крупа — 3000, масло... э, да и что там говорить!! Ходишь на рынок, только расстраиваешься.

— Ну, что ж... разве я тебе в деньгах отказывал? Не хватает — можно подпечатать. Ты скажи там, в экспедиции заготовления...

— Э, да разве только это. А венгерская социальная революция... Курам на смех! Твой же этот самый придворный поэт во всю глотку кричал:

Мы на горе всем буржуям,
Мировой пожар раздуем...¹

Раздули пожар... тоже! Хвалилась синица море зажечь. Ну, с твоей ли головой такой страной управлять, скажи, пожалуйста?!

— Замолчишь ли ты, проклятая баба! — гаркнул Троцкий, стукнув кулаком по столу. — Не хочешь, не нравится — скатертью дорога!

— Скатертью? — вскричал Ленин и подбоченился. — Это куда же скатертью? Куда я теперь поеду, когда, благодаря твоей дурацкой войне, мы со всех сторон окружены? Завлек, поиграл, поиграл, а теперь вышвыриваешь, как старый башмак? Знала бы — лучше пошла бы за Луначарского.

Бешеный огонь ревности сверкнул в глазах Троцкого.

— Не смей и имени этого соглашателя произносить!! Слышишь? Я знаю, ты ему глазки строишь, и он у тебя до третьего часу ночи просиживает; имей в виду: застану — искалечу. Это что еще? Слезы? Черт знает что! Каждый день скандал — чаю не дадут дома спокойно выпить! Ну, довольно! Если меня спросят — скажи, я поехал принимать парад доблестной Красной армии. А то если этих мерзавцев не подтягивать... Поняла? Положи мне папирос в портсигар да платок сунь в карман, чистый! Что у нас сегодня на обед?

.....

Вот как просто живут коронованные особы.

Горностаи да порфира — это на людях, а у себя в семье, когда муж до слез обидит, — можно и в затрапезный шейный платок высморкаться.

Семейная радость

...Солнце косыми лучами освещало резной поставец, пробиваясь сквозь разноцветные стекла косящата окна московских палат бояр Романовых...

У самого этого косящата окна сидел, сгорбившись на громоздком неудобном троне, Ленин, сдвинув на затылок расшитый старым жемчугом кокошник, задумчиво вязал шерстяной чулок для одного из своих добрых красных китайцев.

Вдруг раздался быстрый топот ног, звяканье шпор и в палату, как вихрь, влетел молодеватый Троцкий, помахивая какой-то телеграммой.

— Ур-ра! — с порога закричал он. — Япония объявила нам войну! Владивосток взят ими, Хабаровск взят...

— Что ж ты так радуешься?...

— Помилуй! Неужели, не понимаешь? Ведь мы должны гордиться! Наконец-то нас признали как государство!

Ленин задумчиво почесал бровь вязальной спицей.

— Из чего же это видно?..

— Как из чего? А объявление войны?! Ведь, знаешь ли, зря с кем солидное государство не воюет!! Вот и мы, наконец — великая держава! И перед другими не стыдно.

— А я все-таки не вижу, в чем тут радость... Обыкновенно ведь перед войной бывают мирные добрососедские отношения между соседями, а у нас с ними какие были отношения? Даже не разговаривали с нами, даже послов наших у них не было. И вдруг — на тебе! Города стали отбирать! Это все равно, как бы сосед по улице — при встречах со мной не раскланивался бы, не раскланивался, а потом вдруг взял да неожиданно меня по шее и съездил. Где ж тут признание великодержавности?

— Ну, ты уж скептик известный. А по-моему, трудно начать. А там и пойдет: и верительные грамоты будем вручать, и послов будем отзывать, и мирные трактаты подписывать. Ну, ты! Подвисься немного: расселся, весь трон занял.

Троцкий опустил рядом с Лениным, вытянул ноги, зажмурил глаза, потянулся и сказал мечтательно:

— Скоро устрою у себя во дворце торжественный прием иностранных послов... Надену кирасирского его величества полка мундир, буду обходить ряды иностранных послов и милостиво

расспрашивать об их нуждах. «А что, — спрошу у сэра Бьюкена, — как поживает мой дорогой кузен и друг Георг?..». Заманчиво, канальство!

Ленин опустил на колени недовязанный чулок для бедного красного китайца, покачал головой и промолвил укоризненно:

— А препустейший ты паренек, Левка, как я на тебя посмотрю. Как говорит старинная русская пословица: «на рубль снобизма, на грош социализма».

Дружки

Когда Ленин неожиданно, не постучавшись, вошел в кабинет Троцкого — тот сделал молниеносный прыжок тигра к письменному столу и, благодаря этому, очутился спокойно покуривающим папиросу в подозрительном отдалении от лежащего на полу раскрытого чемодана.

— Что это вы делаете? — осведомился Ленин, поглядывая то на Троцкого, то на чемодан.

— Не видите разве? Папиросу курю.

— А чемодан? Почему раскрыт?

— Ветром раскрыло.

— Но вы, я вижу, укладывали в него белье. Вон еще носки лежат не уложенные.

— На дачу собираюсь.

— В сентябре-то?

— А что ж. В сентябре дача имеет свою прелесть: эти летающие золотые нити паутины, эти печальные георгины и астры, свесившие головки, этот плачущий ветер в трубе...

— Именно, что плачущий... Все оказалось золотыми нитями легкой паутины, всюду свисшие головки и повсюду скоро плач будет!.. Когда?

— Что когда?

— Удираете.

— А вам какое дело? Я же вас не спрашиваю.

— Я и не собираюсь. Что бы там ни было, я все равно останусь тут — на страже Третьего Интернационала, в этом прекрасном

пылающем очаге мировой революции, освещающем прекрасными лучами...

— Бросьте дурака валять. Надоело.

— Могу и бросить. Слушайте, как вообще дела на фронте? А? Чего ж вы молчите? Так-с. Навоевались, значит. Хе-хе!.. Наполеон-то оказался на короткую дистанцию!..

— Вам-то уж помолчать надо! Хвалились мировой пожар зажечь! Синица несчастная!

— Я и обещал зажечь. Но как? При помощи вашего оружия ваших войск. Разве я знал, что Наполеону со всех сторон по шее дадут...

— А зачем в семнадцатом году армию разложили?

— А вы зачем потом ее плохо сложили?

— А почему вы мне не предоставили неограниченной диктатуры?

Ленин хитро усмехнулся и пронзительно взглянул на Троцкого:

— Ой, Лева, Лева! Ведь насквозь я вас вижу. Дай я вам неограниченную власть — да вы сейчас же бы сковернули меня и короновались на царство.

Троцкий покраснел и отшвырнул папиросу:

— Что вы за глупости такие говорите!

— Ладно вам! Знаю. Была мыслишка помазаться на царство. Ну, посуди сам, голубчик: с твоим ли рылом...

— Что вам вообще угодно?

— Да-с... Вместо помазания — мазали, мазали по губам да как смажут!.. Вот теперь и приходится с чемоданом возиться.

— Небось, и вы около чемодана, как дитя около елки, резвитесь?

— Я? Нет, мой милый. Не такой Ленин человек. Я, как капитан, не сойду с тонущего корабля, и мое последнее воззвание к пролетариату всего мира... Вот я вам сейчас прочту черновичок... Где он? А, вот: в боковом кармане...

— Послушайте! Из кармана что-то выронили!

— Где? Ничего не выронил.

— Как ничего? Да это паспорт. И заграничный! Послушайте! Ведь это ваш паспорт. Почему *заграничный*?

— Что за глупости! Почему — мой? Меня зовут — Владимир Ленин, а это — Григорий Трошкин. На улице давеча нашел.

— А почему ж ваш портрет приклеен?

— Это я ему на память наклеил. Очень хороший человек этот Гриша Трошкин. «Володя, говорит, дай мне на память о наших отноше...»

— Эх, Гриша, Гриша! Вот-те и капитан на корабле. Крыса вы с корабля, а не капитан. Однако послушайте... Неужели вы думаете, что вас по лицу не узнают — Трошкин вы, Вошкин или Картошкин?

— Да уж... Это вас нужно поблагодарить. Черт вас наддал наши портреты совать куда надо, куда и не надо. Царствующих особ нашел, нечего сказать! Когда в коллекции хотя бы одного сыскного фигурируешь — и то засыпаться можно, а тут — накося! И в журналах, и на витринах, и у коммунистов, в домах вместо образа — чуть в Успенском соборе не повесил...

— Это разве я? Это Луначарский с большого ума. Куда думаешь махнуть?

— На Бермудские острова. А ты?

— В Мельбурн.

— Так-с. Ну, предположим, мы это оба соврали. Теперь по-настоящему — куда ты едешь?

— По-настоящему? На Вандименову землю. А ты?

— По-настоящему? На Землю Франца-Иосифа.

— Правильно. А так как мы опять оба для конспирации соврали и так как все делается до трех раз, — то говори теперь истинную правду: куда едешь?

— Правду сказать? К черту на кулички... А ты?

— Я? Куда ворон костей не заносил.

Ленин встал и, протянув Троцкому руку, и пожимая ее, и потрясая ее, и глядя в глаза друга своими бегающими, узкими калмыцкими глазками, сказал на прощанье:

— Поцарствовали, значит?

Троцкий усмехнулся:

— Вот уж о ком можно сказать: «Попили кровушки».

Засмеялись. Разошлись.

* * *

До скорого свидания, товарищи!
Скоро, вероятно, встретимся.

Слова и мысли

С некоторых пор в помещении ЦИКа, где товарищ Троцкий произносит свои речи, — завелось странное эхо...

Обыкновенно эхо рабски повторяет всякий произнесенный звук. Например, оратор говорит:

— По слухам...

И эхо послушно передразнивает:

— ...хам!

— Наши советские послы...

Эхо:

— ...ослы!

Но это, очевидно, было честное, старорежимное эхо.

Теперь же эхо, развращенное буйными речами, решило тоже самоопределиться, зажить самостоятельной жизнью, сбросить рабские оковы и, следя за словами оратора, повторять не эти уже произнесенные слова, а мысли, волнующие оратора, мысли, которых он никогда бы не осмелился высказать громогласно.

Поэтому вот каковы были отзвуки эха на последнюю речь товарища Троцкого. Товарищ Троцкий, вдохновенно сверкая глазами и потрясая сжатыми кулаками, говорил:

— Товарищи! Мы завоевали свободу России с помощью крестьян и рабочих...

Эхо:

— Латышей и китайцев!

Троцкий: — И теперь, когда мы создали рай на земле...

Эхо: — От которого чертям тошно.

Троцкий: — Когда мы от периода разрушения перешли к периоду строительства...

Эхо: — Я, например, выстроил себе виллу в Стокгольме и домик в Будапеште...

Троцкий: — Когда должен наступить золотой век...

Эхо: — Для комиссаров, укравших золото из сейфов...

Троцкий: — Когда все наши взоры с надеждой устремлены на Запад...

Эхо: — Куда я скоро удеру!

Троцкий: — Когда мы увидим на Западе ослепительное сверкание.

Эхо: — Будут сверкать мои пятки!

Троцкий: — Когда мы уже раздавили Польшу...

Эхо: — Своими <...>

Троцкий: — Когда красные полки рвутся вперед...

Эхо: — По домам!

Троцкий: — В это время на нашем пути осталось одно пустяковое препятствие...

Эхо: — На котором мы свернем себе голову...

Троцкий: — Это — Врангель! Неужели мы его не раздавим? Неужели на мой зов не откликнутся тысячи?..

Эхо: — Дураков!

Троцкий: — ...Коммунистов, неужели красные солдаты не захватят Крымской земли...

Эхо: — По три аршина на каждого!

Троцкий: — Неужели я не увижу конца...

Эхо: — От намыленной веревки.

Троцкий: — Заканчиваю, товарищи, призывом: еще одно последнее усилие...

Эхо: ...И все русское золото комиссары перекачают за границу!!

Присутствующие: — Бр-раво!! Ура-ра!!

Эхо: — Р-ратуйте! Кар-раул!

Е. БАКЛАЖАНОВ <А. П. ПЛАТОНОВ>

Рассказ не состоящего больше во жлобах

Звезд много, молонья сверкует — сколь неизречимы чудеса природы! В городах — машины, сияющие ночью улицы, умные вразумительные люди, вкусные вещества, и прочее. А в полях — география, звездный свет, тихий ход рек, дыхание почвы, речь пахаря с встающим солнцем.

Миллиарды лет жили до меня мои предки — неглупые старики.

Их жизнь и работа запечатлелись в голове моей. Я живой памятник своих предков и их завет и надежда. И то в этой голове, которая делалась миллионы веков, не хватает силы узреть весь мир, уложить его в сердце и сделать лучшим, чем он есть.

Имеем лишь слово — инструмент нежный и из слов сплетаем и перекидываем тростниковые мосты меж своими живыми душами.

Хорошо в мире, без сомнения. Обжился я, притерпелся, а давно ли ставить ноги прямо вкрутую не мог, а полз корягой, верил всему, что видимо и не видимо.

И все таковые же были из нашей Тарараевки — невидный обглоданный народ, не помнящий, как называется их уездный город или другой какой правительственный пункт.

Помню в Красную армию нас забрали. Приехали в Москву. Измордовались наши ребята в дороге. Слезли и очумели — ну, теперь мы пропали.

Кто что спросит, а мы:

— А? Што? А?

— Откуда, земляки? — А? Што?

Стоят дома, несоразмерные с человеком. Идет человек, крутит тростью и лопочет неведомо что. Играет где-то жалостная музыка. Жутко и чудно нам. Далеко остались матери и сестры — жалко их стало, зря дома не любили их как следует.

И тут чепуха с нами пошла. Старые красноармейцы смеются над нами: пропали, говорят, теперь вы, товарищи. Лучше загодя проси у товарища Троцкого отпуска на побывку — вон он в клубе, ступай.

Пришли мы, человека три, в клуб.

— Вон, показывают, товарищ Троцкий.

— Дак тож видимость одна, говорим мы, — партрет.

Нет, — отвечают, — это не видимость, это у буржуев видимость и обман один, а у нас, у пролетариев, — правда и живая личность. Проси отпуска. Мы разом: товарищ Троцкий, дозвольте домой на деревню к отцу-матери на побывку, вскорости возвратимся, а теперича надобно домой...

А товарищ Троцкий отвечает басом:

— Что ж вы, товарищи, аль дезертировать захотели. Не успели приехать, уж побывку вам.

— Да мы, товарищ Троцкий, не привыкли еще и по дому соскучились...

— Ну, ступай, несознательный элемент, да живее оборачивайся, стало быть. Не распускайся в дороге: мажь сапоги, пуговицы пришивай, не будь рохлей, ты ведь будущий красный воин.

— Покорно благодарим. Уж будьте покойны. — Собрались мы и уехали. Командир наш дал нам по тыще даже: от товарища, — говорит, — Троцкого — на харчи и табак, теперь вали смело. Такого уважительного товарища, должно, на свете еще не было.

— Ну-с через месяц нас троих же, четвертый на поезд не сел, взяли в волость как дезертиров. Тут-то я до всего дознался: вспомнил, как похохатывал командир, когда давал нам по тыще, как у товарища Троцкого губы не шевелились при разговоре. Не живая личность, а живая картина была в клубе и за картиной сидел и рычал командир наш.

Ну, ничего. Приехавши в Москву, мы окончательно определились на красноармейскую службу. Сажать нас не посадили, а посмеялись и сказали: дураки вы, товарищи, надо ликвидировать вашу безграмотность и пройти с вами политграмоту. Вали каждый на свое место — думай больше и гляди глазами.

Ничего себе настало время — люди все ласковые и свои.

А через месяц я все-таки женился, не потому, что надобность особая была, а давали мануфактуры, самовар, койку большую, скатерти, посуду всякую, обмемблирование и прочий семейный причандал.

И отправил я супругу со всем казенным имуществом к родне — и радость, и помощь. Теперь я понимаю политику и во жлобах не состою.

М. А. СВЕТЛОВ

Ночные встречи

<Фрагмент>

И будто в вашей пресной стране
Безыменский — соль земли,
И даже — передавали мне —
Троцкий его хвалил¹.
Но я не верю его словам,
Я думать иначе привык:
Не так велик Безыменский сам,
Как промах вождя велик.

Э. Г. БАГРИЦКИЙ

Стихи о поэте и романтике

<Фрагмент>

<...>

И два человека над временем встали.
И первый из них был упрям и хитер,
Бочком пробирался, стыдясь и робея,
Другой, волосатый — провизор и черт,
Широкий в плечах и с лицом иудея.
На площади гомон, гармоники, дым —
И двое горланят над шалым народом.
За кем ты пойдешь? Я пошла за вторым —
Романтика ближе к боям и походам...

В. М. ИНБЕР

При свете лампы — зеленом свете
Обычно на исходе дня
В шестиколонном кабинете
Вы принимаете меня.

Затянут пол сукном червонным,
И, точно пушки на скале,
Четыре грозных телефона
Блестят на письменном столе.

Налево окна, а направо,
В междуколонной пустоте,
Висят соседние державы,
Распластанные на холсте.

И величавей, чем другие,
В кольце своих морей и гор,
Висит Советская Россия
Величиной с большой ковер.

А мы беседуем. И эти
Беседы медленно текут,
Покуда маятник отметит
Пятнадцать бронзовых минут.

И часовому донесенью
Я повинуюсь, как солдат.
Вы говорите: «В воскресенье
Я вас увидеть буду рад».

И наклонившись над декретом,
И лоб рукою затеня,
Вы забываете об этом,
Как будто не было меня.

М. А. БУЛГАКОВ

Белая гвардия.

Пьеса. Первая редакция

<Фрагменты>

<...>

Алексей. Там тени с хвостами на головах, больше ничего нет. В России только две силы. Большевики и мы. Мы встретимся. И один из нас уберет другого. И вернее всего, они уберут нас. А Петлюра¹, эта ваша светлость, вот эти хвосты, все это кошмар, все это сгниет. Допустим вероятное. Допустим — Петлюра возьмет Киев. Вы думаете, он долго продержится? Две недели, самое большее — три. А вслед за ним придет и совершенно неизбежно с полчищами своих ангелов Троцкий².

Студзинский. Господа, доктор совершенно прав.

Мышлаевский. Аа... Троцкий! Это я понимаю. (*Раздражен, встает.*) Троцкий. (*К зрительному залу.*) Который из вас Троцкий? (*Берет маузер Шервинского, вынимает из футляра.*)

Студзинский. Капитан, сядь. Сядь.

Елена. Виктор, что ты делаешь!

Мышлаевский (у рампы). Сейчас в комиссаров буду стрелять...
Ах ты, ма...

Елена. Господа, держите его, он с ума сошел!

Шервинский. Маузер заряжен! Отнимите у него!

Алексей, Студзинский и Шервинский отнимают маузер у Мышлаевского.

Алексей. Ты что, спятил?

Елена. Виктор, если ты не перестанешь безобразничать, я уйду из-за стола.

Мышлаевский. Ах вот как, стало быть, я в компанию большевиков попал? Очень, очень приятно. Здравствуйте, товарищи. Ладно, выпьем за здоровье Троцкого. Он симпатичный.

Елена. Виктор, не пей больше.

Мышлаевский. Молчи, комиссарша.

<...>

Студзинский. Слушай, капитан. Ты упомянул слово «отечество»? Какое же отечество, когда Троцкий идет? Россия кончена. Пойми: Троцкий! Доктор был прав. Вот он, Троцкий!

Мышлаевский. Троцкий! Великолепная личность! Очень рад. Я бы с ним познакомился и корпусным командиром назначил бы...

Студзинский } Почему?!
Николка

Мышлаевский. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч. Вот эти двести тысяч салом пятки подмазали и дуют при одном слове «Троцкий». Троцкий! И никого нету. Видал? Чисто! Потому что Троцкий глазом мигнул, а за ним богоносцы тучей. А я этим богоносцам что могу противопоставить? Рейтузы с каитом? А они этого канта видеть не могут. Сейчас за вилы берутся. Не угодно ли? Спереди красногвардейцы, как стена, в задницу спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Да, слуга покорный! Мне надоело изображать навоз в проруби! Кончен бал!

Николка. Он Россию прикончил!

Студзинский. Да он и нас все равно расстреляют!

Мышлаевский. И отлично сделают! Заберут в Чеку, по матери обложат и выведут в расход! И им спокойнее, и нам...

Николка. Я с ними буду биться!

Мышлаевский. Пожалуйста, надевай шинель, валяй! Дуй! Шпась к Троцкому — кричи ему: не пуццу! Тебя с лестницы спустили уже раз?

<...>

М. М. ЗОЩЕНКО

Неприятная история

Это было давно. Кажись, что в 1924 году. Одним словом, когда нэп развернулся во всем своем нынешнем объеме.

Нэп-то, можно сказать, ни при чем. А тут просто говорится про одну смешную московскую историю.

Эта история развернулась на почве страха перед некоторыми обстоятельствами. Ну, да сами увидите, в чем дело.

Так вот, произошло это событие в Москве. Как раз на квартире у Зуева Егора Митрофаныча. Может, знаете такого московского товарища. Лицо свободной профессии.

Он как-то в субботу у себя вечеринку устроил. Без всякой причины. Просто так, слегка повеселиться.

Народ собрался, конечно, молодой, горячий. Все, так сказать, молодые, начинающие умы.

И не успели, можно сказать, собраться, как сразу у них энергичные споры поднялись, разговоры, дискуссии.

И как-то так случилось, что разговор вскоре перекинулся на крупные политические события.

Один гость что-то сказал насчет книжки товарища Троцкого. Другой поддержал. Третий говорит: это вообще троцкизм.

Четвертый говорит:

— Да, говорит, это так, но, может быть, и не так. И вообще, говорит, еще не известно, как товарищ Троцкий понимает это слово — троцкизм.

Вдруг один из гостей — женщина, товарищ Анна Сидорова побледнела и говорит:

— Товарищи! Давайте сейчас позвоним товарищу Троцкому, а? И спросим его.

Тут среди гостей тишина наступила. Все в одно мгновение посмотрели на телефон.

Товарищ Сидорова побледнела еще сильнее и говорит:

— Вызовем, например, Кремль... Попросим к аппарату товарища Льва Троцкого и чего-нибудь его спросим...

Поднялись крики, гул.

— Верно говорит... В самом деле... Правильно!.. Позвоним и спросим... Дескать, так и так, Лев Давидович...

Тут один энергичный товарищ Митрохин подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

— Я сейчас вызову.

Снимает трубку и говорит:

— Будьте любезны... Кремль...

Гости затаили дыхание и встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидорова сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежиться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира — Дарья Васильевна Липатова. Она остановилась у дверей и с тоской глядела, как разворачиваются события.

А события разворачивались с ужасной быстротой.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

— Будьте любезны попросить к телефону товарища Троцкого... Что?..

И вдруг гости видят, что товарищ Митрохин переменяется в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слышать было, и говорит шепотом:

— Чего сказать?.. Спрашивают: по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть...

Тут общество несколько шарахнулось от телефона. Кто-то сказал:

— Говори: из редакции. Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

— Из «Правды»... — глухо сказал Митрохин. — Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

— Завели волюнку. Теперь расхлебывайте. Погодите, будут неприятности.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чьи благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

— Ой, тошенько! Зарезали меня, подлецы. Что теперь будет? Вешайте трубку! Вешайте в моей квартире трубку! Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел тоскливым взглядом общество и повесил трубку.

И снова в комнате наступила отчаянная тишина.

Некоторые из гостей тихонько встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять сидело в неподвижности.

И вдруг раздался телефонный звонок.

Сам хозяин Зуев подошел к аппарату и с мрачной решимостью снял трубку. И стал слушать. И вдруг глаза у него стали круглы и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

— Кто вызывал товарища Троцкого? По какому делу?

— Ошибка-с, — сказал Зуев... — Никто не вызывал, извиняюсь...

— Никакой нет ошибки! Звонили от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча одевались и выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

Узнали об этом только на другой день. Один из гостей сам признался. Он вышел из комнаты сразу после первого разговора и позвонил из телефонной будки.

Товарищ Зуев с ним поссорился. И даже хотел набить ему морду.

Рюрик ИВНЕВ

Богема

<Фрагмент>

Визит к Троцкому

Широкое окно, казалось, создано для того, чтобы наблюдать, как с крыш, сверкая на солнце, падают прозрачные, похожие на застеклевший воздух ледяные сосульки... Внизу чернела освобождающаяся от снежного ковра земля. Солнце освещало железные трубы, они выглядели выкрашенными свежей сочной краской. Вода, лед и солнце способствовали тысяче самых разнообразных и волнующих звуков; паденье капель, журчанье, шум, таяние, легкое надламывание льдинок, потрескивание железа, падение снежных комьев с крыш. Казалось, что даже стены шуршат, шушукаются и слегка покачиваются, точно у них кружится голова от слишком прозрачного, слишком ясного, слишком нежною весеннего воздуха.

Я стоял на площадке широкой лестницы и глядел сквозь громадные зеркальные стекла широкого окна на весеннее таяние. Рядом, погруженный в свои думы, спиной к окну стоял Мариенгоф¹.

— Что же они не идут? — ворчал он. — Скоро час дня.

Я взглянул на часы.

— Сейчас без десяти. Мы пришли рано.

— Давай спустимся вниз. Я не намерен стоять здесь.

Нагибаюсь над перилами.

— Подожди, вот, кажется, они...

По лестнице поднимался Есенин в сопровождении Ройзмана².

— Что так поздно? — накинулся на них Мариенгоф.

— Во-первых, еще нет часа дня, а мы условились в час, — ответил Есенин, — а во-вторых, — он улыбнулся, показывая глазами на Мотю, — никак не могли для него подходящей косоворотки

найти. В последнюю минуту выручил Вампирчик. У него целый гардероб демократических одеяний.

Мы поднялись на третий этаж. Впереди шел Есенин. Дойдя до дверей, на которых было написано «секретарь», он приоткрыл дверь.

— Товарищ, можно? — спросил он. — Я вам звонил насчет приема к... товарищу Троцкому...

— Он на заседании, будет минут через двадцать, не раньше.

— Хорошо, мы подождем, — сказал Есенин, закрывая дверь. Все подошли к окну.

— Как! — воскликнул Мариенгоф. — Ты же говорил, что звонил самому Льву Давидовичу.

— Ну, не все ли равно, — махнул рукой Есенин, — самому или секретарю, ведь это одно и то же...

— Подождите, ребята, — вмешался Ройзман, — еще раз прорепетируем, чтобы не путать. Сначала будет говорить Есенин общие, так сказать, основы дела, затем уж я коснусь деталей. Бумажка у тебя? — обратился он ко мне.

— Да.

— Давай ее мне, подсуну в подходящий момент, он подпишет,

— Главное, не забывайте, — прошептал Толик, — что произносить фразы «отдельные кабинеты» ни в коем случае нельзя.

— Что ты нас учишь? — огрызнулся Ройзман. — Знаем не хуже тебя.

— Я напомнил... на всякий случай...

— Тсс... вот, кажется, он сам, — прошептал Есенин, кидаясь к поднимавшемуся по лестнице плотному человеку в пиджаке, из-под которого выглядывала желтая чесучовая рубаша.

— Здравствуйте, товарищ Троцкий, — заулыбался Есенин.

Лев Давидович посмотрел на него равнодушными стальными глазами и, слегка кивнув, прошел мимо.

Сергей почесал затылок.

— Вот черт, не узнал, а ведь вместе пьянствовали в прошлом году...

— Не надо было подсказывать, — деловито вставил Ройзман.

— Ну, теперь все равно идем, он нас примет.

Под водительством Есенина мы вошли в комнату секретаря.

Молодой человек в черной рубаше, затянутый тонким пояском, открывая дубовую дверь, пропустил нас в кабинет.

— Только не слишком задерживайтесь, товарищи, — бросил он вдогонку.

Хозяин кабинета — молодой красивый большевик, известный в рядах партии как один из организаторов Красной армии, получивший мандат из рук Владимира Ильича Ленина, сидел у письменного стола, положив локти на столешницу. Одним глазом он смотрел на лежавшую перед ним коричневую папку, а другим — на вошедших поэтов.

Первым выступил Есенин:

— Здравствуйте, товарищ Троцкий, вы меня не узнаете? Я Есенин, а это мои товарищи, тоже поэты. Вы, конечно, слышали их имена: Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман.

— Садитесь, — сухо произнес Лев Давидович.

— Вот, товарищ Троцкий, — продолжал Есенин, — мы имеем маленькое издательство, выпускаем журнал, ведем культурную работу, и так как для издания альманахов и сборников нужны средства, мы открыли кафе.

— Кафе? — переспросил Троцкий, занятый, очевидно, своими мыслями.

— Да, кафе-клуб, где наши нуждающиеся товарищи-поэты получают бесплатные обеды.

— И при клубе организованы библиотека, шахматный и марксистский кружки, — выпалил Ройзман.

Мариенгоф наступил ему на ногу и тихо прошептал: «Не лезь».

— И вот, — распевал Есенин, — всей этой большой культурной работе грозит разрушение.

— Я не совсем вас понимаю, — устало произнес Троцкий, — причем же тут я, и потом... нельзя ли покороче... у меня тут дела и... заседание.

— Товарищ Троцкий, — взмолился Есенин, — мы понимаем, что вы — человек дела, и если решились посягнуть на ваше время, то...

— Дело в том, — перебил его Ройзман, — что наше кафе помещается в двух этажах, так вот, нижний этаж захлопнули.

— Захлопнули?

— Ну да, закрыли.

— Ничего не понимаю. Кто закрыл?

— Адмотдет Моссовета.

— Как это можно одни этаж закрыть, а другой — не закрыть?

— Вот мы и не понимаем этого... Мы пришли к вам... у нас приготовлена бумага... вот, товарищ Троцкий, подпишите ее... нам тогда откроют.

С этими словами Ройзман вытащил из кармана заранее заготовленную бумагу и выложил ее перед изумленным партийцем.

Лев Давидович прочел вслух:

«В Адмоддел Моссовета. Прошу оказать содействие правлению «Ассоциации поэтов, художников и музыкантов» в деле полного функционирования их клуба «Парнас»».

— Что значит «полного функционирования»? А потом, товарищи, я не имею никакого отношения к Адмодделу...

— Но вас там так уважают, — сказал Ройзман.

— Товарищ Троцкий, выручите нас, — взмолился Есенин.

Мы с Мариенгофом сидели молча, не могли выдать из себя ни единого слова...

— Я не могу ничего предписывать Адмодделу и не могу подписывать таких бумаг. Самое большое, что я могу сделать, это позвонить.

Он взялся за телефонную трубку.

Есенин переглянулся с Ройзманом, неистово крутившим прядь волос у виска.

— Кабинет начальника Адмоддела... Да... Спасибо... Саша, ты? Говорит Троцкий... Здорово... Послушай, в чем дело? Тут пришли поэты... из «Парнаса»... клуб-кафе... Их прихлопнули. Что? Не прихлопывали? Закрыли только отдельные кабинеты? Очаг проституции? Понимаю. Да, да. Овечками. Ха-ха-ха. Ну, будь здоров! — он опустил голову, похожую на миниатюрную гильотину.

— Все кончено, — шепнул Есенин Мариенгофу.

Троцкий молча посмотрел на Есенина и Ройзмана. Мы с Мариенгофом отвели глаза в сторону.

— Ну, — вздохнул Есенин, — мы пойдем.

— Не задерживаю, — буркнул Троцкий, причем нельзя было разобрать, смеется он или сердится.

Есенин вышел первым. За ним, точно сконфуженные школьники, опустив глаза, шествовали Мариенгоф, я и Ройзман, который все крутил прядь волос у виска и думал, к кому бы еще пойти... Жаль, что Соня не в Москве. Спасти положение может только женщина.

— Удивительно, — сказал Есенин, когда все вышли на улицу, — кто бы мог подумать, что он забудет, как мы проводили время. Можно сказать, друг закадычный, вместе пили, кутили и вдруг... такой пассаж...

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Красное колесо

<Фрагменты>

От Торнео в одном вагоне с врачами ехало семеро возвратных эмигрантов — все из Нью-Йорка, там они кучились в какой-то газете и так, кучкой, спешили теперь на революцию. Лидер их Троцкий, лет под сорок, пружинный, быстрый, с высоким лбом, с богатой копной чёрных волос, в пенсне, ехал с семьёй — женой и двумя сыновьями, лет десяти и восьми, довольно избалованными, но уже и с отцовской остротой, жадно слушали разговоры взрослых.

<...>

Спешили — а их в Канаде задержали англичане дольше трёх недель, — и они очень негодовали все, а особенно едко Троцкий:

— Канальи! Мы, революционные интернационалисты, устояли в величайшей мировой катастрофе на позициях анализа, критики и предвиденья, — чётким голосом звучал он в вагонном коридоре, — мы безупречные русские революционеры, и они это знают, а имеют наглость обращаться с нами, как с преступниками! И освобождали — тоже с насилием, не объясняя куда, взять вещи — и под конвоем. Ну, я сейчас Бьюкенена припру к стенке! И Милюкову тоже не поздоровится!

Он был очень нервен, да и другие с ним.

У самого Троцкого история тянулась ещё сложнее: он и в Америку был лишь недавно выслан из Испании, и с большой обидой ругал испанские власти. А перед тем был выслан из Франции — и уж Францию и деятелей её искалывал саркастически. А всё произошло потому, считал он, что Европа до последнего издыхания царизма лежала под его лапой.

От поспешности, которая так и была из уст и глаз эмигрантов, — врачей охватывала тревога: что там правда делается впереди? Может быть — необратимое, чего мы совсем не знаем и куда вот

не успеваем, опоздали? После застойных месяцев ощущали познобляющий напор этого внезапного темпа.

И конечно, между врачами и эмигрантами завязались споры. И весь день вчера не столько смотрели в окна на гущи елей, на росступ озёр, ещё подо льдом и снегом, на обкатанные дивные валуны — сколько друг на друга, с удивлением и раздражением, такие неожиданные были эти другие: страдания пленных были им ничто? а Германия — не враг? и Англия — хуже Германии?

Эмигранты подёржливо не скрывали своего пренебрежения к простодушному патриотизму врачей.

— Взгляды, которых не могу принять, — изгибал Троцкий крупные насмешливые губы, — как не могу есть червивую пивцу. Гонят человеческую саранчу на войну, я этого навиделся ещё на Балканской. Забывают, что у солдат тоже есть нервная система. И что матросы — не самая малоценная часть военного корабля. А матросы во всех восстаниях всегда самое взрывчатое. Нет, война кончена, война проиграна, из неё надо немедленно выходить!

Врачи изумлялись: так что ж? пусть наши губернии, и кусок Франции, и вся Бельгия и Сербия остаются под немцами — а мы предадим тех, кто нам верен, и протянем руку тем, кто хочет нас задушить? Просто — не воевать дальше, а Россию пусть ограбят и опозорят? Как можно новую русскую жизнь начинать с растраты национального наследства?

Эмигранты сыпали в ответ: война была реактивом замыслов капиталистов всех стран... социально соблазнённый пролетариат... перерезывают друг другу глотки во имя интересов своры богачей, мощны капиталистов...

Так что? получается — *не важно*, кто начал войну? она бы *всё равно* началась? замыслили капиталисты всех стран, не важно, что начала Германия, она как бы и не начинала?..

Сперва Федонин¹ больше говорил с каким-то крайне неприятным, невежественным, но агрессивным типом, Володарским, — с лихорадочными глазами и лихорадочной быстрой речью, с сильным акцентом. Он швырял:

— Да русская армия неизменно была бита и в XIX и XX веке, она годится только против отсталых племён!

Это слышать было невозможно! что он говорил офицерам той самой армии! Но тут на выручку ему поспешил красноречивый, легконаходчивый Троцкий:

— А что же можно найти бездарней, чем русские войны и русская внешняя политика за последние сто лет? Только и могли гнать туркменов да теснить китайцев. А то всегда: не те союзники, не те цели, не те способы и не в тех местах! Кого благодетельствовали — Австрию, Болгарию, все натянули России нос. От Крымской — проиграны все войны подряд. Одну выиграли — на зимних перевалах, огромной кровью, — так ещё хуже проиграли за берлинским зелёным столом. Это ещё чудо, что Россия не крахнула раньше, царская дипломатия всё к этому вела.

И опешишь. И сразу не найдёшься. Вспоминать Отечественную войну? Только и остаётся. Ну а — сейчас:

— Ведь Германия же первая напала на нас?

Да не на того напал Федонин.

— Не нужно нам этого вероломного безпристрастия в плоскости фальшивого объективизма!

Тут, в вагонном разговоре, Троцкий, кажется, и двадцатой доли своей энергии не дарил, но внимательно выщупывающие глаза за пенсне иногда не удерживали вспышек.

— Война так запредельно ужасна, что рабочий класс *каждой* страны её не простит. И, возвратившись с войны, — сметёт буржуазный порядок в *каждой*.

— А если не сметёт?

— Ну, — обильные полустоячие волосы его подрагивали, — тогда я стану мизантропом. Это будет в *каждой* стране, и поэтому не важно, кто сейчас формально окажется победителем, важно бросать оружие и не поддерживать войны ни часа. Мир идёт — к полному объединению. И всякая попытка отстаивать независимость отдельной страны — реакционна.

— Ну так всё и захватит Германия!

— Нет, всё захватит международный революционный пролетариат. Но как переходная ступень, — не совсем охотно оговорился, — что ж? Германия по своему капиталистическому развитию так далеко ушла и обладает такими колоссальными экономическими и культурными ресурсами, что она единственная могла бы, в случае победы, объединить весь цивилизованный мир и так сыграть прогрессивную роль.

Нет, Федонин не мог этого понять! Просто — не воевать дальше, а условия мира выработают социалисты на какой-то конференции? Да разве может инстинкт народной жизни принять непротивление злу во имя какого-то Интернационала?

А Троцкий — не только так думал, он — непобедимо был уверен, что именно так! Он всем видом показывал, что переубедить его — нечего и пытаться. (И он, конечно, очень нравился сам себе, но — это было в нём не главное, нет.)

— Да вы знаете, — из опыта говорил ему Федонин, — что в немецкой армии каждый третий — социал-демократ? Но все они железно подчиняются канцлеру.

В глазах Троцкого приплясывали огоньки, что он превосходит вас и умом, и знанием истины, и даже что бы с вами разговаривать? Но процесс говорения доставлял ему явное удовольствие, он, кажется, сам искал свежего собеседника, свои спутники ему уже надоели.

— Это — социал-демократы прошлого. Будущее — уже не за ними.

Социал-демократы тоже разные? Федонин, и вообще теперь замедленный, не успевал ответить ему.

— А вы сами — какой партии?

На высоко держимой голове Троцкого с крупными ушами чуть потрясывались его неулегаемые волосы.

— Всё будет решать не голос партий, а голос классов. И средняя равнодействующая классовых лагерей. Я горжусь, что принадлежу к тому классу, который бросит зажжённый факел в пороховые погреба всех империалистических держав!

К какому ж это классу? — не переспросил Федонин.

За всем этим была, кажется, и сила характера, и сила мыслей, не наспех придуманных. Если отвлечься от его крайних суждений — в нём было и что-то привлекательное, располагало.

— Метод буржуазии — это война между государствами, метод пролетариата — революция. Развитие народов выдвигает такие задачи, которых нельзя разрешить другими методами, кроме революции. Революция есть неистовое вдохновение истории. А в России революция безповоротно решена ещё в Тысяча Девятьсот Пятом — и её никак не могло не быть сейчас. И теперь зубчатые колёса войны обломают свои зубья на шестернях революции. С уст его с лёгкостью сходили афористические фразы. Он даже будто и не искал, как повернуть их, чтобы блеснуть, они сами такие сходили:

— Мы берём факты, как они даются объективным ходом развития, в могучих возможностях классового мышления. Кто хоть немножко понимает язык истории, для того эти факты не нуждаются в пояснениях. Великие движущие силы истории, конечно,

имеют сверхличный характер, но я не отрицаю и значение личного в механике исторического процесса. Как мог удержаться на русском троне этот моральный кастрат, тривиал, лишённый воображения, такая же лапша, как Людовик XVI? До удивительности повторял его, да и царицы одинаковые, у обеих куриные головы. Да в общем, такая же парочка была и Карл I с Генриеттой Французской, так же и тот оставил свою голову на перекрестке. Но осушать слезы помазанников не наша функция. Английская и Французская революции потому и были великими, что разворотили свои нации до дна. И полуазиатская династия Романовых была, несомненно, об-ре-че-на!

В силе своего слова и мысли уверенный абсолютно, он ввинчивал ещё это не-сом-нен-но, чтобы держалось крепче. (Да и не поспоришь, теперь — виделось так?) Больше того, он, кажется, заранее был уверен и в той мысли, которая ещё только созреет у него следующая, ещё неясна ему сама:

— Всё это — историческая диалектика. Это — великий естественно-исторический процесс, идущий от амёбы к нам и от нас дальше. Века проходят, пока пробьётся толстый череп человечества. Оно так медленно учится! Но самодовольная ограниченность правящих классов всегда помогает созреть очередному этапу революции. Что наше дворянство не научилось на опыте Великой Французской, может показаться противоречащим классовой теории общества? Нет, только примитивному пониманию её.

Это так и сыпалось искрами. И всей интонацией он внушал бесполезность всяких возражений.

И оба его мальчика тут же стояли, остро слушали. Может быть, больше для них он и говорил.

— И революция совершилась совсем не стихийно. Пожар Суда? сгорели нотариальные акты собственности? какой ужас! Не стихийность и не партии, а молекулярная работа революционной мысли сознательных пролетариев, вот они и направляли. Лучшие поколения революционеров сгорели в огне динамитной борьбы — а теперь вступили простые рабочие.

Федонин всматривался — он никогда таких не встречал. И сколько в нём жизненной энергии.

— Скучность неудавшейся русской истории. Рыхлость старого русского общества, худосочность претенциозной интеллигенции. А Россия — ещё и безумно отстала, и вынуждена проходить свою

политическую историю по очень сокращённому курсу. И русская революция — не закончена и сегодня.

— Ещё не закончена? — ужаснулся Федонин. — Да чего ж вы ещё хотите нашей несчастной стране?

— События развёртываются во всей своей естественной принудительности, — неумолимо отсекал Троцкий. — У этой революции будет вторая стадия, и пролетариат возьмёт власть и установит свою диктатуру.

— Простите, — вот тут упёрся Федонин. — Зачем же диктатуру? Всё-таки у нас представления о революционерах, хотя они там кидают бомбы, что они же хотят-то свободы? демократии? Революция делалась для свободы, я так понимаю?

— Нет, не так! — снисходительно чеканил Троцкий. — Всякая революция — это скачкообразное движение идей и страстей. Россия уже перешагнула через формальную демократию, она нам не нужна.

— Что вы говорите! — почти вскрикнул Федонин, другие в коридоре обернулись. — Уже и демократия не нужна? Но, кажется, ещё не придумали устройства выше?

— Не нужна — вульгарная демократия. Она уже исторически выродилась.

— Вот то, что сейчас и было в Петрограде? — стрельба в толпу, и чтоб скинуть уже и Милюкова?

Сильные губы Троцкого под густой щёткой тёмных усов и над крюкастой бородкой сложились в презрительную линию:

— Милюков — прозаический серый клерк. Не его вина, что у него нет патетических предков, и даже не обладает он византийским скоморошеством Родзянки. Архимед брался перевернуть землю, если ему дадут точку опоры. Милюков, наоборот, искал точку опоры, чтоб сохранить помещичью землю от переворота. На вопросах о земле и войне кадеты свернут себе шею. Их зависимость от старого правящего класса давно торчит как пружина из старого дивана. Да, Победоносцев понимал народную жизнь трезвей и глубже их. Он понимал, что если ослабить гайки, то всю крышку сорвёт целиком. Так и будет! И выразительный подвижный рот его сложился хищно.

Он так уверенно всё объяснял в революции, как будто ехал не *туда*, а *оттуда*.

— Кадеты хотят использовать войну против революции. Антанта для них — высшая апелляционная инстанция. Эти госпо-

да лишены чувства смешного. Я давно не имею о них никаких иллюзий и давно примирился прожить свою жизнь без знаков одобрения от либеральных буржуа. Либерализм мутит источники и отравляет колодцы революции.

— Но какая ж это всероссийская революция? Так можно понять из сообщений, что всё происходит в одном Петрограде и решается им?

— Юридический фетишизм «народной воли»? — Этот риторичем не затруднялся. — Если революция обнаруживает централизм, столица действует за провинцию, — так это неотразимая потребность. Это — не нарушение демократизма, а динамическое осуществление его. Но ритм этой динамики нигде не совпадает с ритмом формальной демократии. И нет ничего более жалкого, чем морализирование по поводу великих социальных катастроф. Тут — обнажённая классовая механика. Пробуждённые массы, гордые своими успехами, теперь осуществляют великолепное будущее!

Он с большим чувством выговаривал это «великолепное», — как будто зримо видел его через вагонное окно. Или о деталях революции, вычитанных из газет, но будто сам был им живой свидетель: «замечательный эпизод!.. неподражаемый жест!.. непревзойдённая способность закалённого пролетария!» — и, странно, затягивал слушателя в своё восхищение. В нём было-таки что-то обольстительное, притягательное, невольно хотелось согласиться с ним, поддаться ему. Да вот что: если б не эти его громовые, отсекающие фразы, в другие минуты их разговора — это был вполне понятный, интеллигентный человек, притом незаурядно острый, очень интересно с ним говорить.

А то проскальзывали какие-то надменные оговорки: «Ничем не могу помочь их печали... я не тороплюсь уплачивать по этому счёту... остаётся соболезнующе пожать плечами...» — и становилось не по себе.

Этого человека стеснял вагон. Он — рвался, опережал ход поезда. В крайней напряжённости, как бы перед скачком.

О-о, он ещё наделает дел! Это — штучка.

Сейчас он, кажется, более всего опасался для России «министерализма» и «парламентского кретинизма».

— А помогли бы некоторым ослам машины, укорачивающие людей на длину головы. Да никуда не годился бы тот революци-

онер, который не стремился бы поставить на службу своей программе — государственный аппарат принуждения. Его нервность начинала болезненно заражать и Федонина. Что-то непоправимое упускалось! Чего-то никак нельзя было упустить!

— Но в чём программа? Что может сделать малость вашего пролетариата в поголовно крестьянской стране?

— Да, — усмехнулся Троцкий. — Мужичий ум лишён размаха и синтеза. Они улавливают только элементарное. Крестьяне изорвали на онучи знамя Желябова. Они поймут, когда по ним пройдутся калёным утюгом.

И, видя как Федонин отшатнулся, ещё утвердил:

— Да, в школе великих исторических потрясений надо уметь учиться. А по слабым — жизнь бьёт!

Но при всей его страстной речи и огнистых глазах — какое-то высокомерное холодное отчуждение насажено на него как броня. Он был горяч — но был и холоден одновременно.

Уже к ночи прекратились разговоры.

А в Белоостров поезд пришёл в четвёртом часу утра, при первом свете, — и тут в вагон хлынула шумная компания друзей этих эмигрантов. Они остро, пересыпчато заговорили уже только между собой, тарабарскими терминами, на революционном жаргоне.

А их же поездом, но в другом вагоне, ехал известный бельгийский социалист Вандервельде, даже, кажется, председатель их же Интернационала, — но к нему они не шли, и Троцкий вчера не ходил. Когда поезд пришёл в Петроград в 6 часов утра, — солнце уже не низко, а город спит, — Вандервельде встретили с бокового подъезда трое бельгийцев с чёрно-жёлто-красным флажком на автомобиле. Врачей — два чиновника из Красного Креста. А семерых эмигрантов — сотни людей, собравшихся с вечера, не ушедших с вокзала и за ночь: с красными флагами рабочие, с нарукавными красными повязками вооружённый винтовками рабочий отряд. И на руках понесли Троцкого в парадные комнаты вокзала, там речи.

<...>²

Если б не продержали его 26 дней в Канаде, нет, если б не выслали его осенью из Франции, — да уже давно бы он был в Петрограде, и всю революцию завернул бы иначе! (Надо найти форму рассказать России об этих 26 днях. Газетное письмо? — теперь Милюкова нет, жаль, ускользает, — так Терещенке?) А — что тут наделали?! Какая убийственная ошибка была — в первые же дни отдать власть

буржуазии! безоружной и изолированной буржуазии! — при том, что армия и рабочие поддерживали только Совет! Ложная мысль: лишь бы буржуазия не отошла от революции?.. Политическая импотенция меньшевиков. Испугались своей несостоятельности, акт протрации. (Обречённость мелкой буржуазии в капиталистическом обществе.) Преступление против революции! Тайный заговор против власти народа и его прав. И состряпали ублюдочный февральский режим, какая распылённость сил демократии! Единственный достойный документ — Приказ № 1. А весь Манифест 14 марта — уже, по сути, солидаризация с союзниками. А как можно было разрешить выходить всей печати? Печать — это ведь оружие, и право на буржуазное слово никак не выше пролетарского права на жизнь.

Правда, и отпетые буржуазные дурачки не многое взяли — полуконтрабандную власть. Ходят вокруг костра революции, кашляют от дыма: пусть перегорит, тогда попробуем что-нибудь изжарить. А оно — не перегорит. Кадеты очень убедительно объясняют крушение царя — только не знают, как самим избежать такого же крушения. Многословное упущение времени.

Опоздал.

Как теперь врезаться в уже идущий ход событий — и энергично занять достойное место? Держать в руках — нить общего, без мелкого эмпиризма. Вожди революции отбираются десятилетиями, и их нельзя сменить по произволу. Ход событий может быть только продолжением тех, что оборваны 3 декабря 1905 года арестом первого Петербургского Совета,

Увы, нет своей партии, нет своих людей. Группка эмигрантов, с которыми он приехал, ещё, может быть, и понадобится ему, но он уже откололся от них. Он вступал в революционное море как великий пронзительный одиночка. Что встретили Урицкий и Карахан в Белоострове — подбодрило. (Они — от «объединённых интернационалистов», тоже их полтора человека.) Пригодятся и они. От большевиков прислали — третьестепенного, кислый жест. А от группы Мартова — совсем никого. Запомним.

Нет своей партии, никто не подготовил и помещения для жилья. А в Петрограде с ним сейчас, говорят, — обрез. Да, Наташа, нашим кочевым душам ещё далеко до гармонии. Где-нибудь посади сыновей и езжай ищи жильё. А я — сразу в Таврический!

Да он ещё до встречи знал о них всё насквозь. Ограниченные люди. Чхеидзе — честный и недалёкий провинциал, неуверенный

в себе. Стеклов — безформенный радикал, но с огромными претензиями. Суханов изощрён в своём маленьком ремесле: переводит на язык доктринёрства безсилие Исполнительного комитета, но всегда умничает и тем надоедает. Церетели и Дан — умственно по колено Мартову. (И вот кому Юлик по безволию передал руководство своей партией.) Церетели — радикал южнофранцузского типа, обтекаемый путаник без резкой ясности мышления: не отлиывает готовые мысли в словах, но растянутыми фразами ловит-вытягивает мысли. Феноменально узкий политический кругозор, только Грузия и 2-я Дума, а никакого международного полёта, и образование поверхностное, даже не журналист. Дан — рассудительный немецкий с-д эпохи упадка. Либер — пронзительный кларнет меньшевиков. Ещё вот Скобелев — бывший подручный студент Троцкого, энергичный и глупый, отдался теперь под влияние меньшевиков. Чернов — сентиментально-ненадёжен и скорей начётчик, чем образованный человек, разговаривает набором готовых цитат, но никогда сам не знает, куда ведёт. (Не раз сражался Троцкий с ним на докладах за границей.) Авксентьев — карикатура на политика, обаятельный учитель словесности в женской гимназии.

Да вообще — эсеры? — неудобоваримая мешанина исторических наслоений, дутое сборище всего безформенного и путаного. Грандиозный нуль. Но — «земля и воля», и за ними валит деревня; а меньшевики — городские, в деревне — ничто.

Кто там ещё в Исполкоме? Керенский? Кажется — не между ними теперь, всё слепнет от вспышек магия, да он — достойный приемник Гапона.

И — ни у единого здесь нет настоящих заслуг перед революцией Пятого года. А захватили все места над Советом, даже смысла которого они не понимают. Совет Пятого года — то были вожаки всеобщей стачки. А эта нынешняя верхушка собралась помимо заводов и полков. Революцию делали не они, а рабочие. А эти — пришли и уселись. Классическая инициатива промежуточных радикалов — пожать плоды борьбы, которую вели не они. Прикрылись традициями Пятого года, а сами — подделка.

Жалко провели они и эти бурные апрельские дни — и, вместо того чтобы сшибить буржуазию, склонились в коалицию с имущими классами. (В сегодняшних газетах — уже состав правительства.) Вероломные соглашатели.

Что ж, диспозиция политических групп приобретает тем большую ясность.

С нею — Троцкий и вошёл в заседание Исполкома, гордо держа голову. Он знал своё превосходство над каждым из них в отдельности и над ними всеми вместе — свою подготовку подготовку, школу, способность к обобщающему мышлению, политическую волю, — но неразумно было выразить это сразу, не считаясь с обстановкой. Да возглавлять *этих* здесь, потерянных? — нет, не это была задача.

Не вскочили, не жали рук наперебой. Чхеидзе довольно сухо поздоровался с ним, указал на стул садиться.

Встал Церетели поздороваться. Красивые заволокнувшие глаза. Но мнит себя — главным вождём революции? Смех. Да если на него пойти прямо, твёрдо — он не выдержит, посторонится.

Шло заседание, очень вялое. Разложены бумаги. Власть бумаг. Разве так с ними расправляться! Да кажется, многие не выспались из-за министерской торговли, а тут как раз надо обсуждать, что же практически меняется в положении Исполкома при коалиции.

Нисколько не были сотрясены его приходом. (И даже не спрашивали о Галифаксе.)

Они — ещё ничего не поняли.

Поражала скучная обыденность обстановки, лиц, движений, голосов. Всё-таки когда шёл сюда, думал: ведь штаб Великой Революции! Впервые в истории реальная власть над страной у социалистов. Может быть, они тут оживели, выросли, несут в себе это горящее сознание? Понимайте же, с какой осанкой надо говорить и двигаться: на вас смотрят Века!

Нич-чего похожего...

Неподалёку сидел Каменев, зять, муж Оли, прислал милую записку: очень рад приезду, сейчас предложит включить его в ИК.

Троцкий смотрел по лицам. Гоца — видел впервые.

Скобелев издали глупо улыбался. Потом подсел: что думает Лев Давыдыч, что вот — он стал министром?

Не ответил ему резко, может, ещё придётся использовать его. Мрачно сидел грузный Стеклов. (Может пригодиться в союзники?)

В перерыве подошёл суетливо-радостный Крото в скин — и сразу звал вступать в межрайонцы.

Межрайонцы? Может и подошли бы, направление у них неплохое. Но чисто-петроградская партия, за пределами города её не знают.

С этим ласково поговорил. Обдумаем.

Шушукались в перерыве — и потом проголосовали: дать товарищу Троцкому в ИК совещательный голос.

Всего-то? Пигмеи.

О-поз-дал.

Если вспомнить, как они обнимаются с Тома — предателем французского рабочего класса, Троцкий громил его ещё в Париже. А теперь, безусловно, будут нянчиться с Вандервельде — блеклым компилятором, только потому председателем Интернационала, что нельзя было выбрать ни немца, ни француза, — убогие! Разве они способны понять, что революция наша — совсем не узко-российская, что она — уже как дальний гром накатывает в высоту, вот-вот перекинется и на Германию, и на Австро-Венгрию — и на всю Европу?

И что без европейской революции — немислим и прочный успех нашей.

Вырваться из этой камеры обречённой! Сам заявил: сегодня пленум Совета? Его первый Председатель хочет выступить с речью.

Проглотили. Не могли отказать.

Всё-таки победа. Теперь одной превосходной речью можно вас всех перевернуть и переизбрать снизу! Сила оратора неутомительного, лёгкого: когда говорит в тебе нечто, мощнее тебя самого. Из глубин твоих взмывает подсознательное — и струит сознательную работу подготовленной прежде мысли. Да если у тебя ещё несравненная революционная интуиция! политический глазомер!

Нет, подождите, мы ещё покажем, как в настоящей огненной революции — реют!

Конечно, на Совете поостережётся, о войне не скажешь прямо: «штыки в землю!», как надо бы. В ходе революции пролетариат постигает свои истинные задачи методом последовательных приближений. Ведь угнетённым классам, как говорил ещё Марат, всегда не хватает знаний и руководства. Но они отлично ассимилируют элементы агитации. И мы — обязаны их нести.

Нет, не этой надстройкой Исполнительного комитета надо завладеть, а именно, только и прямо — самим большим Петроградским Советом. Поднять на штурм — Совет! Воскресить несравненный Пятый Год! — и Россия наша!

<...>

После заседания ИК ещё поговорили со Львом Борисычем, он звал приходить сегодня к ним обедать, «Оля будет рада». (Чего

она там будет рада? По недоразумению и в революцию пошла, да со псевдобарскими ужимками, о всех событиях и партийных людях хищно кидается разговаривать, ничего же в них не понимая.) Каменев пока был в ссылке — родственники сохранили его устроенную квартиру в Петрограде, но не настолько просторную, чтобы сейчас поместить и Троцких. (Наташа за эти часы нашла одну комнату на них на всех четверых в каких-то захолустных «Киевских номерах».)

Поговорить с Каменевым полезно: позондировать всю большевицкую почву. Попросил у него папироску (сам курил редко, не носил). Каменев — умный: с лёгкой усмешкой в прищуренных глазах, он-то понимает, что за эти годы не Троцкий сменил позицию, а Ленин стал троцкистом, только никогда не признается.

Каменев не лишён теоретической подготовки и вдумчивый журналист, но недостаток его: что, ухватив идеи Ленина, всегда истолковывает их в мирном смысле. До приезда Ленина он вёл партию более чем умеренно: всё опасался перейти границы демократической революции. Вот — зять, рядом, — но и его не увлечёт в вихревое движение.

А все остальные у них — беспомощные. Если в новый ЦК опять выбраны такой грубый обрубок без кругозора, как Сталин, или совершенно неспособный к теоретической работе безформенный агитатор Зиновьев. И остальные не лучше.

Да и — нет же людей, вообще. Одни развеяны по Европе — где-то Иоффе? Рязанов? Луначарский? Да последние два и под большим сомнением. Революционный централизм — повелительный и требовательный принцип. К отдельным людям и даже целым группам вчерашних единомышленников он нередко принимает форму безжалостности. На двадцатилетнем революционном пути уже много их промелькнуло таких, кто шёл как будто рядом и был нужен, а потом — нет, обременителен, и даже вреден. (В частности, этот принцип верен и к родственникам: малейшая слабость к ним — измена революции.)

Оправдать такого рода личную беспощадность может только высшая революционная целеустремлённость, свободная от всего низменно-личного.

Вот, узнал: Раковский в Петрограде. Это подарок. Замечательный революционер. Болгарин по происхождению, румынский подданный, французский врач по образованию, русский по связям,

социалист по деятельности — и ещё хватало энергии вести своё наследственное имение на берегу Чёрного моря. Очень сдружились с ним, когда Троцкий корреспондировал с Балкан. Все усилия применял, чтобы Румыния не выступила против Центральных держав. И наказан румынской тюрьмой, и освобождён русской революцией, — живой дух Интернационала!

Но — мало. Не то что партии — группы не создашь.

Хотя? — поехать, воспламенить Кронштадт? Уже и так зажжённый.

Нет, наплывает форштевнем корабля неизбежный: Ленин.

Какую линию взять к Ленину?

Трудно забыть все обиды на него. Звал: пустомелей, пустозвоном, фразёром, революционной балалайкой, полубразованным болтуном, стряпчим по тёмным делишкам, подлейшим карьеристом, лакеем буржуазии, Иудушкой — всё в памяти горит, не забыть и не простить. И вот уже во время войны заявил, что Троцкий — такой же предатель, как Плеханов. И украл себе название «Правды». Из одной ревности не признавал теорию перманентной революции — а теперь молча перехватывает и её, только смахнув авторское название.

Настолько уже разошлись: два предвоенных года жили оба в Австрии — и не встречались. В 1914 Троцкий был в Цюрихе — не потому ли Ленин сразу поехал в Берн? Неизбежно встретились только на повозках, везущих в Циммервальд, — но и в Циммервальде Ленин пытался помешать Троцкому получить полный голос.

А самое острое столкновение было лет семь назад — когда случайно встретились на немецкой станции по пути на Копенгагенский конгресс Интернационала. (Голова Ленина была перевязана от острой зубной боли.) Ленин уже прослышал, что в немецком «Форвертсе» будет громовая статья Троцкого — и против меньшевиков, но особенно против большевиков и эксов (Троцкий этим ударом думал отсечь от партии крайности и сплотить середину), — прослышал, испугался и теперь настаивал: телеграфно задержать статью. А Троцкий — твёрдо отказался. Сразу же Ленин устроил общепартийное осуждение статьи — ещё и не читая её, и Зиновьев доказывал, что и читать не надо, чтоб осудить. (А Плеханов хотел потом устраивать над Троцким и формальный партийный суд, — вот так-то действовать между двух крыл.)

Да, у Ленина — бешеный организационный напор и кабанье упрямство. А культурное развитие — ведь совсем малое, не начи-

тан. Лишён образности, яркости. Да поразительно необъёмен: как будто истолакивает весь сочный мир в сухую плоскость. А в решающие часы — да и трусоват. Ну как можно было так ничтожно не вмешаться в Пятый год? (А ревновал к Совету.) После Пятого года Троцкий ощутил себя ветераном, и уже не моложе на десяток лет, разница сгладилась.

А с другой стороны: Ленин сперва долго не щадил усилий привлечь Троцкого на свою сторону, верно говорил: с Мартовым вам не по пути, он «мягкий». (Из остроумных гипотез и предложений Мартова Ленин тоже черпал, сколько ему нужно, — а самого Мартова отшвырнул.) Это именно Троцкий отталкивался от Ленина, не хотел подчиниться.

А теперь, если оглядеться и вдуматься, так и переворот в «Искре», освободиться от Аксельрода и Засулич, — это было организационно необходимо: старики застряли в подготовительной эпохе. Они негодовали: как мог решиться на бунт недавний ученик? А Ленин в той ещё смутной обстановке, подминая под себя сегодняшней день, уже врезывался мыслью в завтрашний! Жестокий централизм! — это Ленин понял раньше всех. (Хотя и Троцкий уже тогда считал себя централистом — а всё ещё не понимал, какой напряжённый и повелительный централизм понадобится революционной партии, чтобы вести в бой миллионные массы против старого общества.) Да верно, верно Ленин понял ещё в 1903: руководящая осознающая партийная группа — конечно, и может, и должна говорить от имени ещё незрелого класса, — потому что она всё равно выражает его объективные интересы. И когда он говорил: «Мы, ЦО за границей, идейно сильнее, чем ЦК в России, и руководить должны мы», — тоже ведь правильно.

А разве он был неправ с *эксами*? Загадочно улыбался крикам на V съезде — и продолжал. Орлино. Конечно прав: партии нужны деньги, и просто ребяческая недоумица — не брать их у царского правительства или богачей. Демиург революционного процесса — всюду берёт как имеющий власть. (И зря, зря горячился Троцкий в «Форвертсе».)

Ленину понравилось, когда Засулич сказала, что у него — мёртвая хватка бульдога.

Что Ленин весь всегда только в организации, в размежевании, в обмежевании своих — долго казалось Троцкому скучно, даже отвратительно: где же яркая личность? личный успех? Как

может в великом революционере жить педантичный нотариус? А опять-таки верно: вот — у него послушная партия. А Троцкий — всё в одиночках.

И с какой великолепной уверенностью он проехал через Германию, заранее не считаясь ни с каким воем шавок. (И правильно! И Троцкий, если б из Швейцарии, — тоже бы должен так. Галифакс — как раз доказательство от обратного: вот так имей дело с союзниками.)

Да сейчас, в самый острый момент, — ведь сходство по всем пунктам. Прочёл тезисы, оглашённые Лениным, — согласен с каждым! И бросать войну любой ценой, и как можно быстрее. И отметить Временное правительство. И вся власть — Советам. И сама же перманентность революции: именно теперь и двигать её, не оглядываясь. И — брать власть! Классовая борьба, доведенная до конца, — это и есть борьба за государственную власть.

И парадоксально: сперва — вся партия взбунтовалась против тезисов Ленина. Никто не согласен был с ним отначала и слитно — так, как Троцкий.

И — как же им теперь не соединиться?

Упоительно тянет — соединиться. Зачем — конкуренция?

Нет, Ленина не миновать.

Но только не продешевиться! (Прислали на вокзал какого-то Фёдорова.) Не идти с протянутой рукой, а то подомнёт без остатка.

Сближение надо произвести достойными шагами.

Апрельские уличные схватки — уже были репетицией будущих боёв. Расцеплённость власти сегодня — предвещает неизбежность гражданской войны. Желанной войны! И надо быть готовыми к любому подвигу в ней. И к любой твёрдости.

Революционные правительства тем великодушней, чем мельче их программа. И наоборот: чем грандиозней у них задачи — тем обнажённой диктатура. И только так движется История. Марат потому и оклеветан, что чувствовал жестокую изнанку переворотов.

Революция — это смирительная рубашка на противящееся меньшинство.

И уже сегодня проступает её стальной натяг.

<...>

А самый важный — Троцкий. Ни молчать, ни бездействовать он не будет. Опасен.

Очень наглый.

Сегодня послал встретить его на вокзал — не от ЦК, но от ПК. Троцкому нужно дать доброжелательный жест. Но умеренный.

По сути — позиции наши с ним сейчас очень сходны.

Конечно, трудно простить ему, сколько он писал — против.

Но если требует момент.

Людей — нет.

Конечно, какой он революционер? — он хлипок для этого. Он — неудавшийся писатель. Но и писатель — небрежный в деталях, неряшливый в мысли, монтирует наспех, чередование меткостей и небрежностей, нет дисциплины ума. Может не вдуматься и о глубоко в вопросе болтать как о проходной пошлости. В сущности, он и есть — балалайка.

И мастер подтасовок. Профессиональный лгун.

Но — и какой же оратор! Как эффектно было бы сейчас его использовать. Динамичная сила.

И — свободен от всяких предрассудков.

Во врагах — он опасно остр.

А в союзниках — непереносим.

Но, хорошо представляя его слабости, его безпредельную амбицию, можно умело им руководить, так что он не будет этого и понимать: всё время на первом плане и упиваясь собой.

Умные негодяи всегда очень нужны и полезны.

<...>

А Троцкий уже — вот, вышел на эстраду и стоял, в ожидании, пока его представят залу. Он был роста немного выше среднего, а держался очень выпрямленно, как бы выше себя, ещё возвышаемый обильной колеблемой вьющейся шевелюрой. Она ли покачивалась, он ли весь, — но в этом был подготовляемый шаг на трибуну, и отражался в сдерживаемой улыбке длинных губ. И только подпорчивало пенсне да внизу лица непропорционально маленькая негустая бородка, а то всё вместе было — напряжённость, но и надменность, совсем не как представляемый новичок.

Чхеидзе слабым голосом объявил, что сейчас выступит вождь Первой Революции, последний председатель 1-го Совета рабочих депутатов... — и отдельные голоса, вероятно предупреждённые, закричали:

— Троцкого! Троцкого! Просим товарища Троцкого!

И Троцкий — легко вышагнул к трибуне, теперь Церетели видел его только сзади, с плеча, — и заговорил на весь зал металлическим голосом, ясным звуком, — и сразу стихли всякие разговоры.

— Товарищи! Наша русская революция потрясла не только Европу, но и весь мир! Она застигла нас, группу изгнанников, в Нью-Йорке — и даже там, в этой могущественной стране, где царит буржуазия, — и его голос сразу налился негодованием, — даже там она глубоко отразилась на рабочих. Вы почувствовали бы гордость, если бы видели тех рабочих. Вы бы тогда почувствовали судьбу всего мира!

И уже руки его начали взлетать в жестах, и как будто были удлинены — туда дальше, во весь мир (но слишком выскакивали длинные манжеты, он досадливо подтягивал их). И, содрогаясь сам от взрыва внутреннего снаряда:

— Бр-рошен факел революции в пор-роховой погреб капитализма!! Наша революция открывает новую эпоху *крови и железа!* Но уже в борьбе не наций против наций — а класса угнетённого против классов господствующих!

Эту *кровь и железо* он провещал с ужасной полнотой звука и чувства. Чеканные его фразы хлестали кого-то невидимого как щёлкающие бичи, в нём была картинная мощь! — Троцкий весь выбрасывался вслед ударам, весь отдавался речи, — и в благодарность зал отдался оратору, только сейчас осознав, какое же великое они творят в эти будни, сами того не подозревав, — так буденно все говорили до Троцкого.

— Наступает новая эпоха борьбы — борьба всех, прижатых к земле! Повсеместный подъём всех эксплуатируемых и обманутых! И на десятках митингов американские пролетарии просили меня передать пламенный привет своим русским братьям!

Аплодировщики — так и взорвались. А оратор чуть вздрогнул или встряхнулся, уже поняв, что он владеет Советом, что он вождь, — и от темпераментного первого *presto* отпустил в *andante*:

— Дальше я имел случай прийти в соприкосновение с пролетариями немецкими. Вы спросите: где? В лагере военнопленных в Канаде, куда нас как врагов заключило английское правительство капиталистов, — не хотело нас пропустить в Россию за то, что мы не империалисты.

Крики: «Позор!»

— В этом лагере было 100 военнопленных немецких офицеров и 700 матросов-пролетариев. И они сказали нам: «Мы — рабы нашего кайзера». А мы стали рассказывать им правду о русской

революции, читали им лекции. Но германские офицеры пожаловались англичанам, что мы подрываем веру в кайзера, — и английский комендант запретил мне читать рефераты. Но когда я уезжал из того лагеря — 530 человек, выстроившись шпалерами, провожали меня и кричали: «Долой Вильгельма! Да здравствует международное братство народов!» И мы убеждены, что все немцы и все народы восстанут — и произойдёт чудо освобождения! Человечество — движется вперёд жертвами!

Густые аплодисменты. Зал был опалён. А Церетели — загрустил, как уводит ослеплённую массу от равновесия. Массе оратор пришёлся — а Ираклию резало глаза его актёрство, позёрство, его наигранная, лихо-чертовская манера. А ведь Троцкий теперь может оказаться в головке Исполкома — и замочит революцию.

Теперь, уже в ореоле, Троцкий перешёл к сути сегодняшнего заседания:

— Не могу скрыть, что я не согласен со многим, что было сказано здесь. Тут жаловались на двоевластие. Но Совет рабочих и солдатских депутатов представляет подлинную демократию. А если социалисты войдут в буржуазное правительство — разве это спасёт от двоевластия? — нет, только борьба перейдёт внутрь правительства. Двоевластие произошло от столкновения двух разных непримиримых классов — и они так и останутся двумя разными непримиримыми. Такова классовая анатомия. Вхождение в министерство — опасно! Я должен сейчас предупредить вас, товарищи! Мы должны это все осознать.

Едва пришёл — и сразу всё подрывал.

Властно стоял над залом:

— Конечно, и этот опыт не погубит страну, ибо революция слишком сильна! Я — верю в чудо! — но не сверху, а снизу. От пролетарских масс.

И вот как надо решать этот вопрос. И вот как. Ещё суток он не пробыл на русской земле, а уже диктовал:

— Тут — три заповеди! Первая заповедь: недоверие к хищническим имущим классам, недоверие к буржуазии. Помнить, что они каждым шагом ищут, как обмануть нас, трудящихся, рабочий класс и крестьянство.

Ну, допустим.

Зал зарился. Только на лицах поразвитей — **недоверие.**

А Троцкий — звенел уверенно:

— Вторая заповедь: строжайший контроль над собственными вашими вождями! Не надо думать, что ваши нынешние вожди всегда правы и всё знают правильно. Они тоже могут ошибаться.

Круто взял. Да он что ж — идёт нас всех отстранить? Он, кажется, откровенно хочет власти. Недоумение в зале. Ни одного одобрительного движения.

Недоброжелательно поёжились и в президиуме.

И — куда он влечёт неразумно? Вот это и значит: нет в нём поправляющей интуиции, заносит его.

А Троцкий, остро поданный вперёд, с уже взметенной рукой, хотел выразить больше, чем сказал? ещё?

Но нет. Вдруг на этом самом опасном взлёте — ему не хватило воздействия. Как будто надломился.

Вобрался. Удержал себя:

— А третья заповедь — доверие к своей собственной революционной силе. И наш совет: пусть следующий ваш шаг будет — к полному завоеванию власти пролетариатом! Да здравствует русская революция как пролог ко всемирной социалистической революции!!

И отошёл. В аплодисментах. Но проводили его — холодней, чем встретили. Нет, к счастью, речь его надорвалась.

<...>

V

РАЗНОЕ

<Л. Г. ДЕЙЧ>

<Записные книжки>

<Фрагменты>

25.Х.[1917]

Б[ольшевики] распустили ее, захватили власть. Сплошной фарс устроили Гор[одская] Дума и мы в том числе. Полагаю, что большевиков не скоро скovyрнут. Троцкий, приветствуя Ленина в Смольн[ом] Ин[ституте], заявил о велик[их] его заслугах перед рус[ской] револ[юцией]. Это говорит тот самый Троцкий, который так разносил Ленина!

30.Х.

Вчера на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Троцкий сделал заявление, в котором признал, ч[то] некотор[ые] части и революцион[ные] войска сдались правительственным войскам и разоружены. Правительственными войсками заняты были и телефонная станция, и из Михайловского манежа угнаны 4 броневика. Но действуют и «революц[ионные]» войска: сравняли с землей Павл[овское] и Влад[имирское] воен[ные] учил[ища]. Юнкера арестов[аны] и в качестве заложников отправлены в Кронштадт; за каждого солд[ата] и рабочего буд[ут] затем обменивать 5 юнкеров. «Теперь надо, — гов[орил] далее Троцкий, — беспощадный бой, беспощадн[ый] расстрел, беспощадн[ая] месть: было бы ребячеством думать, ч[то] можно иначе достичь своих целей». Далее Троцкий предложил всем указать, где можно достать автомобили, колючей проволоки и т. д. На заседании присутствовало только 30 ч[еловек].

<...>

6. II. [1918]

<...>

Отправился к больному Г. В. [Плеханову] в Питкееarvi. Много чрезвычайно интересного он мне высказал. <...>

...О Ленине: «Я думал, ч[то] он умнее, чем оказался». О Мартове: «Он куда талантливее и глубже Тро[цкого] го. Первая его статья в “Новом слове” Струве сперва заставила меня подумать, что это новый Добр[олюбо] в, затем он больше ничего путного не написал». Троцкий — “пустой, невежественный болтун”, “болтушка”, как правильно назвал его Ленин»¹.

<...>

24. IV.

Вернулся из 3-й поездки к Плеханову, у которого провел 3 недели. Много, хотя отрывочных, но интересных мнений и замечаний слышал от него. К сожалению, не все запомнил. Здесь застал полное уныние: чувствуется апатия, равнодушие. Люди словно рукой махнули на все: пусть будет, что будет. Никто не видит выхода, по-видимому, примирились с большевиками. Да и они правееют. Все в один голос: пропала Россия, стала немецкой колонией! Чичерин — министр иностранных дел, этот архивариус, что может быть комичнее и трагичнее этого! А Троцкий уже военный и морской комиссар! Нет выхода! Вера Ив. [Засулич] смотрит безнадежно, ко всему равнодушна, говорит: «Не стоит жить, не интересно».

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Политическое завещание

<Фрагмент>

<...>

Вторым после Ленина по способностям и по значению в партии большевиков является Троцкий. «Иудушка», «подлейший карьерист и фракционер», «проходимец, хуже всяких прочих фракционеров» — так отзывался о нем Ленин и был совершенно прав. Ленин в одной из своих работ написал: «Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет», — и в этой оценке Ленин прав. Стиль Троцкого — стиль бойкого журналиста — слишком легок и бегл, чтобы быть глубоким. Троцкий чрезвычайно амбициозен, самолюбив, беспринципен и догматичен до конца ногтей. Троцкий был «меньшевиком», «внефракционером», а сейчас он — «большевик». На самом же деле он всегда был и будет «социал-демократом в себе». Он всегда там и с теми, где успех, но при этом он никогда не оставит попыток стать фигурой номер один. Троцкий — блестящий оратор, но приемы его однообразны, шаблоны, поэтому его интересно послушать только один раз. Он обладает взрывным характером и при успехе может сделать очень многое в короткое время, но при неудаче легко впадает в апатию и даже в растерянность. Если станет ясно, что ленинская революция обречена, он первым покинет ряды большевиков. Но если она окажется успешной, он сделает все, чтобы потеснить Ленина. Ленин знает об этом, и все же они в одном лагере, потому что демагогия Троцкого и его идея перманентной революции нужны Ленину, к тому же он — несравненный мастер собирания под свои знамена всех желающих. Ленин — вождь боль-

шевиков — никогда не согласится быть вождем другой фракции. Для Троцкого же самое главное — быть вождем, неважно, какой партии. Вот почему столкновения между Лениным и Троцким в будущем неизбежны.

Рядом с Троцким можно поставить Каменева, затем Зиновьева, Бухарина. <...>

С. М. ДУБНОВ

Книга жизни

<Фрагменты>

<Набросок речи.>¹

<...> Древнейший культурный народ, который 2500 лет тому назад имел своих «социалистов-революционеров» в лице пророков, который умел говорить своим властвующим царям то, что мы теперь говорим царю низложенному, — такой ветеран культуры может ли мирволить анархии, этой детской болезни малокультурных народов?.. Правда, и из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют...²

<...>

12 июня <...>. М., доставляющий мне зарубежную литературу, принес вчера книжку «Русской мысли», возобновившейся в Софии под прежней редакцией Струве. Отрадно одно: даже консервативные русские люди наконец поняли, что большевизм — истинно русская, национальная революция... Пусть не путают в эту революцию всех евреев на том основании, что Троцкие и Зиновьевы ассимилировались душою с Разиными и Пугачевыми. И все-таки это не избавит евреев при реставрации России от кровавой мести той же красной России, которая тогда почернеет.

<...>

[27 января 1930 г.] Вечером И. читает мне автобиографию Троцкого. Все здесь кричит о мнимом «сверхчеловеке», между

тем как Троцкий представляет собою тип мыслящего человека с крайне ограниченным кругозором, с полным отсутствием высших запросов вне «перманентной революции». Признание его, что он в юности был психологически чужд «потребности в иных мирах» и всегда был материалистом, очень характерно.

7 февраля. Дочитал до конца автобиографию Троцкого. В последних частях это — апология и полемика со сталинской группой. Но диктатура вообще не отпугивает Троцкого: «великий разбой» он находит необходимым³. Отвратительны его насмешки над демократией, европейским социализмом, парламентаризмом.

А. А. ИОФФЕ

Письмо Л. Д. Троцкому 16 ноября 1927 г.

<Фрагмент>

Дорогой Лев Давыдович!

Я всегда, всю свою жизнь стоял на той точке зрения, что политический общественный деятель должен также уметь вовремя уйти из жизни, как, например, актер — со сцены, и что тут даже лучше сделать это слишком рано, нежели слишком поздно¹ <...>.

Нас с Вами, дорогой Лев Давыдович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться. Это дает мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути, и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времен «перманентной революции».

Но я всегда считал, что Вам недостает ленинской *непреклонности, неуступчивости*, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильным пути в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы *политически всегда были правы*, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году *не он, а Вы были правы*. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Но Вы часто *отказывались от собственной правоты* в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это ошибка. Повторяю, политически Вы всегда были правы, а теперь *более правы, чем когда-либо*. Когда-нибудь партия это поймет, а история обязательно оценит. Так не пугайтесь же теперь, если кто-нибудь

от Вас даже и отойдет или тем паче если не многие так скоро, как нам всем бы этого хотелось, к Вам придут. Вы правы, но залог победы Вашей правоты — именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича.

<...>²

СОКРАЩЕНИЯ

- ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профсоюзов
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем
Госиздат — Государственное издательство РСФСР
ГПУ — Государственное политуправление НКВД РСФСР
Коминтерн — Коммунистический Интернационал
Комсомол — см. РКСМ
Наркомат — Народный комиссариат
Наркоминдел — см. НКИД
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел СССР
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
Политбюро, ПБ — Политическое бюро РКП(б)–ВКП(б)–КПСС
Полпредство — Полномочное дипломатическое представительство СССР
ПСР — Партия социалистов-революционеров
ПУР — Политическое управление армии
РВСР — Революционный военный совет Республики (Реввоенсовет)
РГВА — Российский государственный военный архив
Реввоенсовет — Революционно-военный совет
Ревком — Революционный комитет
РККА — Революционный комитет Красной армии
РКП (б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ — Российский Коммунистический союз молодежи
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия

СНК — Совет Народных комиссаров
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЧК — см. ВЧК

Оригинальные сноски из источников приводятся постранично. Концевые сноски ведут к комментариям научного редактора. Произведения приведены в хронологическом порядке, исключение составляют тексты Кольцова и Алданова. Биографические данные даются в сносках к первым упоминаниям персонажей (см. Указатель имен). Оригинальные тексты публикуются в соответствии с нормами современной русской орфографии и пунктуации, но с сохранением стилистических особенностей источников.

КОММЕНТАРИИ

I

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Л. Парвус

По тюрьмам во времена революции
<Фрагмент>

Впервые: *Парвус*. По тюрьмам во времена революции. Побег из Сибири. СПб: Шиповник, 1908. С. 70–75. Печатается по этому изданию.

Парвус Александр Львович (наст. имя и фамилия — Израиль Лазаревич Гельфанд; 1867–1924) — международный революционер и предприниматель. С 1885 в Швейцарии, где сблизился с социал-демократической группой «Освобождение труда». Крупная фигура социал-демократического движения Германии, один из лидеров Петроградского совета и ближайший единомышленник Троцкого. В 1908 г. был исключен из российской и германской социал-демократических партий. Переехав в Турцию, занялся торговлей и разбогател. В годы Первой мировой войны тщетно пытался выступать посредником между правительством Германии и революционными партиями России. В 1918 г. отошел от политики.

¹ Парвус повествует о том, как в 1906 г. он и Троцкий были переведены из тюрьмы «Кресты» в Петропавловскую крепость.

Г. А. Зив

Троцкий. Характеристика
(по личным воспоминаниям)

Впервые: *Зив Г. А. Троцкий* (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народоправство, 1921. Печатается по первому изданию.

Зив Григорий Абрамович (?–1954) — участник социал-демократического движения, меньшевик, по профессии врач. Не принял Октябрьский переворот, эмигрировал, отошел от активной политической деятельности.

¹ См. записные книжки Л. Г. Дейча в наст. антологии.

² «Ди цукунфт» («будущее») — научно-популярный и литературный журнал на идиш. Издавался как ежемесячник в Нью-Йорке в 1892–1898 гг. и с 1902 г. по настоящее время.

³ *Соколовская Александра Львовна* (1872–1938) — русская революционерка. В 1927 г. исключена из ВКП (б) за оппозиционную деятельность, была приговорена к ссылке, лагерю, затем расстреляна.

⁴ *Николай-Он* — псевдоним *Даниельсона Николая Францевича* (1844–1918) — одного из идеологов и теоретиков либерального народничества. — *В. В.* — псевдоним *Воронцова Василия Павловича* (1847–1918) — теоретика народничества. — *Кареев Николай Иванович* (1850–1931) — известный русский историк либеральных взглядов. — *Михайловский Николай Константинович* (1842–1904) — один из главных теоретиков народничества.

⁵ *Бронштейн Ольга Давидовна* (1883–1941) — революционерка, первая жена Л. Б. Каменева, работала в Наркомпросе, в 1925–1929 гг. возглавляла Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

⁶ *Лассаль Фердинанд* (1825–1864) — немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель, один из основателей социал-демократии, один из самых выдающихся ораторов.

⁷ *Der Wunsch war der Vater des Gedankens* — желание — отец мысли (нем.) (У. Шекспир)

⁸ Песни борьбы. Женева: Изд-во Союза русских социал-демократов, 1902. С. 73

⁹ *Бернштейн Эдуард* (1850–1932) — один из лидеров и теоретиков умеренного, реформистского крыла социал-демократии, идеолог ревизионизма.

¹⁰ См. хрестоматийную формулировку отношения к своей национальности у самого Троцкого: «Я упоминал уже, что национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в брезгливость, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм. Жизнь в разных странах, знакомство с их языком, политикой и культурой помогли моему интернационализму всосаться в плоть и кровь. Если в 1917 г. и позже я выдвигал иногда свое еврейство как довод против тех или других назначений, то исключитель-

но по соображениям политического расчета» (*Троцкий Л. Моя жизнь.* Берлин: Гранит, 1930. Т. 2. С. 63).

¹¹ *Потресов Александр Николаевич* (1869–1943) — один из основателей РСДРП и лидеров меньшевизма.

¹² Sturm und Drang — буря и натиск (нем.).

¹³ *Гусев Сергей Иванович* (наст. имя и фамилия — Яков Давидович Драбкин; 1874–1933) — член РСДРП с 1896 г., делегат II съезда РСДРП.

¹⁴ *Малянтович Павел Николаевич* (1869–1940) — последний министр юстиции Временного правительства. Был известным адвокатом, близким к меньшевикам, но формально вступил в партию только в 1917 г. (после большевистского переворота отошел от политики).

¹⁵ «Нечаевщина» — от имени *Сергея Геннадиевича Нечаева* (1847–1882) — основателя и лидера революционной организации «Общество народной расправы», послужившего прототипом Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы».

¹⁶ *Хрусталеv-Носарь Георгий Степанович* (1877–1919) — российский политический деятель, помощник присяжного поверенного. Первый председатель Петербургского совета рабочих депутатов. В эмиграции — член РСДРП, затем беспартийный, синдикалист. В 1918 г. — глава самопровозглашённой Переяславской республики. Расстрелян в 1919 г. Переяславским ревкомом.

¹⁷ *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) — русский государственный деятель, председатель Совета министров в 1905–1906 гг.

¹⁸ Брошюра называлась «Наша тактика в борьбе за Учредительное собрание», она была издана в большевистском издательстве «Новая волна» и затем была переиздана в собрании сочинений: *Троцкий Л. Сочинения.* Т. 2. Наша первая революция. Ч. 1. М.; Л., 1925.

¹⁹ *Родичев Федор Измайлович* (1854–1933) — член Государственной думы I–IV созывов. — *Петрункевич Иван Ильич* (1844–1928) — член Государственной думы I созыва.

²⁰ О ликвидаторстве см. «Воспоминания» П. А. Гарви в наст. антологии.

²¹ В 1916 г. Швиговский возглавлял «Славянскую типографию» в Киеве и, судя по всему, являлся сторонником Антанты. В 1917 г. высказывались мнения, что Швиговский получал от Российского правительства средства на ведение пропаганды.

²² *Мандельберг Виктор Евсеевич* (1869–1944) — русский публицист, революционер (меньшевик), депутат Государственной думы II созыва (1907).

²³ *Trotzki L. Der Krieg und die Internationale.* Zürich, 1914 (рус. изд.: *Троцкий Л. Война и революция.* Пг.: Госиздат, 1923. Т. 1. С. 79–165).

²⁴ Здесь и далее суждения Зива отягощены политической антипатией к Троцкому, который в действительности высказывался против герман-

ского империализма (см.: *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 9. Европа в войне (1914–1918 гг.) М.; Л.: Госиздат, 1927).

²⁵ *Вандервельде Эмиль* (1866–1938, Брюссель) — бельгийский правый социал-демократ, в 1917–1918 гг. — военный министр. — *Тома Альбер* (1878–1932) — французский правый социал-демократ, в 1916 г. занял должность министра вооружений. — *Гед Жюль* (1845–1922) — один из основателей французской социал-демократии, в 1914 г. занял должность министра без портфеля. Вандервельде, Тома и Гед были яркими представителями социал-шовинизма.

²⁶ *Quand tete* — в любом случае (*фр.*).

²⁷ Установить достоверность факта не удалось.

²⁸ *Дейч Л. Г.* 16 лет в Сибири. Женева, 1905.

²⁹ *Семков Семен Моисеевич* (1885–1928) — профессиональный революционер, с 1914 г. секретарь Нью-Йоркской секции РСДРП Социалистической партии Америки, с ноября 1917 г. занимал руководящие посты в советских профсоюзах.

³⁰ *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) — лидер партии «Союз 17 октября». Председатель III Государственной думы, военный и морской министр Временного правительства России.

³¹ Милюков (министр иностранных дел Временного правительства) вмешался после требования Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

³² Троцкий сам потребовал арестовать его, выражая солидарность с большевиками в заявлении Временному правительству 10 июля 1917 г. (Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов. М., 2012. Кн. 2. Ч. 2. С. 377–378).

³³ Троцкий был освобожден из-под стражи 4 сентября под залог 3 тысячи рублей (был внесен сестрой Троцкого, женой Каменева Ольгой Розенфельд). «...В настоящее время следствие закончено и нет основания опасаться того, чтобы могло быть оказано какое-либо влияние на правильный ход следствия или чтобы обвиняемый мог скрыться от суда» — утверждалось в постановлении судебного следователя по особо важным делам контрразведчика П. А. Александра (Следственное дело большевиков... М., 2012. Кн. 2. Ч. 2. С. 388).

³⁴ В октябре 1917 г. ЦК ПСР объявил П. П. Деконского (1888–?) провокатором. Утверждение Зива о руководстве «всей кампанией в пользу избрания» Троцкого не имеет под собой фактических оснований.

³⁵ Имеется в виду Петроградский военно-революционный комитет — орган Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, созданный 12 (25) октября 1917 г. в целях защиты от контрреволюции и подготовки восстания.

³⁶ Временный совет Российской республики (Предпарламент) — совещательный орган при Временном правительстве. Образован на заседании президиума Демократического совещания 20 сентября (3 октября) 1917 г. Первоначальное название — Всероссийский демократический совет; со 2 (15) октября 1917 г. — Временный совет Российской республики.

³⁷ В разных фрагментах Декрета о мире «народ» и «правительства» стояли в разных комбинациях, но акцент ставился на обращении к «народам»: «Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно...» и т. д.

³⁸ *Крыленко Николай Васильевич* (1885–1938) — видный деятель большевистской партии, один из трех членов Комитета по делам военным и морским, с ноября 1917 по 4 марта 1918 г. — Главковерх.

³⁹ Брестский мир был подписан 3 марта 1918 г. Я. Сокольниковым, а не Троцким, который подал в отставку.

⁴⁰ Начальник Морских сил капитан 1-го ранга А. М. Щастный (1881–1918) был арестован 27 мая 1918 г. Декрет о восстановлении смертной казни был принят 13 июня 1918 г. Щастный был расстрелян 22 июня, на следующий день после принятия решения Революционным трибуналом при ВЦИК.

⁴¹ Хотя «китайские» и «иноземные войска» не принимали участия в подавлении восстания (мятежа) в Кронштадте, большевики опасались недовольства среди красноармейцев, и Троцкий лично несет ответственность за применение жестких мер, которые он отказывался признать ошибочными даже в конце 1930-х гг.

⁴² *Willezur Macht* — Воля к власти (*нем.*).

⁴³ *Vielen, allzuvielen* — многим, слишком многим (*нем.*).

⁴⁴ М. А. Алданов оставил наиболее интересную рецензию на книгу Зива:

«Троцкий, несомненно, человек даровитый: и как митинговый оратор, и как газетный фельетонист он далеко возвышается над посредственностью. Остальные его таланты следует, по-видимому, в значительной мере отнести на счет человеческого воображения, очень легко поддающегося гипнозу “успеха” и особенно обстановки — красных мундиров, бронированных автомобилей и царских поездов. О военно-организационных способностях народного комиссара по делам войны говорят разное. Во всяком случае, поход 1920 г. на Варшаву своим стилем напоминает не столько Наполеона или Карно, сколько генералов Сухомлинова и Рененкампа. Во всякой другой стране после такого похода с финалом в Рижской ратуше вместо апофеоза в Лазенковском дворце военного министра по меньшей мере попросили бы удалиться в отставку. Во всякой другой стране, впрочем, и министра иностранных дел попросили бы заняться составлением мемуаров после результатов вроде тех, которые в 1918 году были достигнуты в Брест-Литовске. Но большевистскую Россию аршином общим не измерить, а удивляться ее особенной стати давно всем надоело... В общем, несмотря на категорическое заявление г. Зива

о “необыкновенных стратегических дарованиях” Троцкого, позволительно усомниться даже в том, чтобы он обладал сколько-нибудь выдающимися организационными способностями. В личных воспоминаниях г. Зива, для нас, разумеется, более ценных, чем его отзывы понаслышке, Троцкий рисуется человеком истерического душевного уклада. Эти свойства его характера, подтверждающиеся и сведениями из других источников, плохо вяжутся с организационным талантом, да и уж очень поздно — на пятом десятке — стал Троцкий волей судьбы проявлять свои “необыкновенные стратегические дарования”. К нему с некоторым правом можно было бы приложить злое слово Флоке о генерале Буланже: “в ваши годы, сударь, Наполеон давно умер”.

Как теоретик, Троцкий ничем не выдается и совершенно неинтересен. Знаний у него чрезвычайно мало; в этом отношении Ленин, Луначарский, Воровский, Каменев, Ларин далеко его превосходят. Все то, что Троцкий до сих пор пытался внести в теорию и литературу большевизма, несмотря на его выдающиеся способности журналиста, поражало убожеством однообразно крикливой фразеологии. Достаточно прочесть любую страницу любого его произведения в серьезном жанре, чтобы со спокойной совестью, если не с зевком, отложить это произведение в сторону, ибо на любой другой странице будет то же самое: из десятка социально-политических «измов» и из сотни звонких фраз, составляющих скудный багаж мысли Троцкого, можно, разумеется, составить произвольно большое число комбинаций и заполнить ими произвольно большое число страниц.

В данном отношении личные воспоминания г. Зива вполне подтверждают то впечатление, которое оставляют книги Троцкого.

Последний, как известно, много раз менял свои взгляды. Большевик он даже не «мартовский», а августовский, ибо примкнул к партии Ленина всего месяца за два до октябрьского переворота. Мерргейм в своей недавно вышедшей брошюре (“Синдикализм в опасности”) сообщил весьма интересные подробности относительно роли Троцкого в Циммервальде. После ожесточенного словесного боя, который Мерргейму пришлось там выдержать против Ленина, Троцкий прислал вождю умеренных французских синдикалистов письмо, в котором он горячо его поздравлял за блестящую «защиту истины против Ленина». <...> Марксистская благодать осенила нынешнего большевика лишь впоследствии — и он с такой же легкостью перешел из народников в марксисты, как впоследствии из меньшевиков в большевики. Официальное образование Троцкого закончилось в Николаевском реальном училище. Да и неофициальное не пошло много дальше. <...> Эти свойства юного Троцкого нашли совсем недавно подтверждение в его выступлении на конгрессе Третьего Интернационала. В точных предсказаниях социальной революции, неизбежно наступающей в разных странах Европы, и в точнейших экономических выкладках, на которых эти предсказания покоились, чувствовались те же развязность и бойкость мысли николаевского реалиста, теперь особенно приставшие Троцкому как вполне военному человеку.

Из книги г. Зива можно узнать и несколько таких черточек личности Троцкого, которые в его политической деятельности выражения не находят. Так, он, оказывается, чрезвычайно любит друзей — «как крестьянин свою

лошадь», по выражению г. Зива. При этом любовь его к друзьям изливается в форме ласк: «он умел быть нежным, обнимал, целовал и прямо засыпал ласками». Кроме того, он подвержен каким-то обморокам и припадкам, которым г. Зив приписывает эпилептическое происхождение...

Этот даровитый дегенерат прочно вошел в историю. Вокруг большевиков уже создалась легенда, и разрушить ее нам, современникам, свидетелям и очевидцам, много труднее, чем большевикам было разрушить Россию. Если Троцкий окончит свои дни не совсем естественным образом, то, конечно, о нем будут писаться восторженные биографии вроде той, какую чудак Hamel написал о Максимилиане Робеспьере.

<...>

Будущим обожателям Троцкого, вероятно, придется изучать облик своего героя главным образом по наследству из сотни тысяч срочных телеграмм и всякого рода прокламаций, написанных суконным языком коммунистического Охотного ряда: больше от Троцкого ничего не останется. Теорию гигантского коммунистического эксперимента надо будет изучать по книгам Ленина — и отчасти, быть может, Бухарина. Тем не менее историческая роль Троцкого остается чрезвычайно выигрышной» (<Алданов М. А. Рец. на кн.:> *Зив Г. А. Троцкий* (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народопрравство, 1921 // *Современные записки*. 1921. Кн. VI. Критика и библиография. С. 313–316).

Д. Ф. Сверчков

На заре революции

<Фрагменты>

Впервые: *Сверчков Д. На заре революции*. Л.: Госиздат, 1921. Печатается по изданию: *Сверчков Д. На заре революции*. 4-е изд. Л.: Госиздат, 1926. С. 158–326.

Первое издание, пояснял Сверчков в предисловии ко второму изданию, вышло «урезанным», без первых 11 глав. Там же он рассказывал о работе над воспоминаниями: «Книга моя написана была во время служебных командировок по Сибири и почти без всякого материала. В моем распоряжении находились только написанный нами в тюрьме и изданный в 1906 году сборник «История С.-Петербургского Совета Рабочих Депутатов», два старые номера журнала «Былое», моя записная книжка, сохранившаяся со времени моего первого тюремного сиденья в 1902 году, и Советский календарь, по которому я проверял хронологию событий». Ко второму изданию Сверчков, по его словам, «смог воспользоваться документами, относящимися к эпохе первого Совета 1905 года и сохранившимися — к сожалению, в ничтожном числе — в архиве ВЦИК... мне удалось ввести в текст все же значительные дополнения». Третье и четвертые издания выходили без изменений.

Сверчков Дмитрий Федорович (1882–1938) — деятель российского социал-демократического движения. После II съезда РСДРП примкнул

к большевикам. Во время революции 1905–1907 гг. — депутат Петроградского совета, затем член его Исполкома и Президиума. Из-за разногласий с большевиками, присоединился к меньшевикам. В 1908–1909 гг. работал в Центральном бюро заграничных групп РСДРП, кооптирован в члены ЦК. С 1910 г. на нелегальной работе, осужден на каторгу. В 1920 г. вступил в РКП (б), работал на ответственных должностях. Репрессирован.

¹ Опущен фрагмент с рассказом последовавшего ареста.

² *Тахоцкий Л.* Господин Петр Струве в политике. Пг.: Новый мир, 1906.

³ *Троцкий Н.* Туда и обратно. Пг.: Шиповник, 1907.

⁴ В этой связи приведем письмо Троцкого председателю Испарта Ольминскому 8 марта 1922 г.:

«В предисловии к книжке Сверчкова, написанном, кажется, тов. Лепешинским, говорится о том, что Сверчков, по-видимому (кажется, такое выражение, у меня нет книги под рукой) был сторонником взглядов тов. Троцкого (или что-то в этом роде). Ни один читатель не поймет, почему такое утверждение делается в предположительной форме, когда речь идет о живом авторе Сверчкова, которого можно спросить, как можно спросить и Троцкого.

На самом деле предположение это совершенно неверно: никогда Сверчков моим сторонником не был. Застал я его в Петрограде членом меньшевистской организации. В меньшевистскую фракцию совета входил он все время. Бежав из ссылки за границу, он даже вошел от них в объединенное ЦК. В моем письме на имя тов. Ольминского, также напечатанном, есть на это указание. Факт сам по себе мало существенный. Но зачем же сбивать читателя» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 498. Л. 144).

⁵ Согласно воспоминаниям Троцкого («Моя жизнь»), это произошло в 1902 г.

⁶ Для характеристики отношений Сверчкова и Троцкого крайне интересно письмо, которое Сверчков, будучи членом Управы Кубанского областного продовольственного комитета и представителем областного съезда Советов рабочих и воинских депутатов, отправил из Екатеринодара министру юстиции 26 июля 1917 г.:

«Сегодня, 26 июля, я прочел в телеграммах об аресте в Петрограде Льва Давидовича Бронштейна-Троцкого за участие в мятеже 3–5 июля. С самого начала войны я принадлежал к оборонческому направлению и не имел ничего общего не только с ленинцами, но даже с циммервальдовцами, но считаю необходимым заявить Вам, что Бронштейна-Троцкого я знаю с 1905 г. как участника и члена президиума — вместе со мной — Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г., затем знаю по ссылке и за границе, был все время — до начала войны — в близких личных с ним отношениях и поддерживал переписку до середины 1914 г., и за все это время он являлся, правда, очень экспансивным и увлекающимся человеком (его теория “перманентной революции” и пр.),

но был всегда безукоризненно честным в своих убеждениях, и безусловно никогда не имел никаких “специальных” связей с известным центральным учреждением Российской социал-демократической рабочей партии своим уголовным прошлым Лениным-Ульяновым и руководимым им большевистским центром. Выступления Бронштейна-Троцкого 3–5 июля в Петрограде, о которых я знаю только по газетам, и его деятельность в предшествующие дни, безусловно, принесла громадный вред России и революции, но я обязан сказать Вам, гражданин министр, что было бы громадной несправедливостью смешивать его — руководившегося исключительно идейными соображениями — с грязной кучкой предателей и авантюристов, каковыми являются Ленин и Ко. Поэтому я решаюсь просить Вас отделить дело о нем от дела Ленина, ибо смешение это было бы безусловно неправильно и оскорбительно по отношению к его безукоризненно честной личности искреннего и самоотверженного партийного работника периода русского самодержавия. Деятельность Бронштейна-Троцкого за 1905–1910 гг. и его личная жизнь мне хорошо известны, и я готов по первому требованию, если это понадобится, дать о них подробные показания» (Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль-октябрь 1917 г. Сборник документов. Кн. 1. М., 2012. С. 608).

П. Н. Краснов

На внутреннем фронте

<Фрагмент>

Впервые: *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин [Слово, 1921]. Т. 1. С. 175–176.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — военный и политический деятель, писатель и публицист. Генерал Русской императорской армии, атаман Всевеликого Войска Донского (1918–1920). С 1920 г. в эмиграции, где активно занимался политической и литературной деятельностью. Во время Второй мировой войны — начальник Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий. Казнен в СССР.

¹ Автор описывает события выступления (мятежа) Керенского — Краснова 26 октября (8 ноября) — 31 октября (13 ноября) 1917). Тогда состоялся неудачный поход на Петроград казачьих частей 3-го кавалерийского корпуса под командованием Керенского и командира корпуса генерала Краснова. 1 (14) ноября Гатчина была взята силами красных.

В. Д. Медем

Из моей жизни
<Фрагменты>

Впервые: *Medem V. Von Mein Leben. Vols. I–II. New York, 1923*. Печатается по изданию: *Медем В. Д. Из моей жизни: воспоминания*. Москва: Новый хронограф, 2015. С. 235–355.

Медем Владимир Давидович (1879–1923) — один из лидеров и идеологов Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд). С 1903 г. негативно относился к большевикам. В 1919 г. оказался в политической изоляции, в 1921 г. эмигрировал в США.

¹ *Рязанов Давид Борисович* (наст. фамилия — Гольденбах; 1870–1938) — видный деятель российского социал-демократического и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист, видный марксовед. Сотрудничал в «Правде» Троцкого и, как и Троцкий, вступил в РКП (б) в августе 1917 г.

² *Балмашев Степан Валерианович* (1881–1902) — русский революционер, член Боевой организации ПСР, 2 апреля 1902 г. убил Д. С. Сипягина. — *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853–1902) — министр внутренних дел в 1900–1902 гг.

³ *Либер Михаил Исаакович* (наст. имя и фамилия — Марк Гольдман; 1880–1937) — один из лидеров бундовцев и правых меньшевиков.

⁴ В 1907 г. в Копенгагене должен был пройти V съезд РСДРП, но он был перенесен в Лондон.

В. В. Беренштам

В боях политических защит
<Фрагмент>

Печатается по изданию: *Беренштам В. В. В боях политических защит*. М.; Л.: Книга, 1925. С. 109–113.

Беренштам Владимир Вильямович (1871–1931) — российский адвокат, публицист. Известный участник группы политических защитников. Поддержал советскую власть. Умер в Ленинграде.

¹ *Грузенберг Оскар Осипович* (наст. имя и отчество — Израиль Иосифович; 1866–1940) — российский юрист и общественный деятель, среди современников был известен под прозвищем «Еврейский защитник».

² См. воспоминания Д. Ф. Сверчкова в наст. антологии.

Б. Г. БажановВоспоминания секретаря Сталина
<Фрагменты>

Впервые: *Bazhanov B. Avec Staline dans le Kremlin Paris: Editions de France, 1930.* В 1977 г. вышло второе, дополненное издание книги на французском, в 1980 г. в Париже впервые на русском языке, а в 1990 г. она впервые была опубликована в СССР. Печатается по изданию: *Бажанов Б. Воспоминания секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. С. 67–165.*

Бажанов Борис Георгиевич (1900–1982) — учился в Киевском университете, в 1919 г. вступил в РКП (б). В 1922 г. становится сотрудником аппарата ЦК РКП (б). В августе назначен помощником генерального секретаря Сталина и секретарем Политбюро, был редактором «Финансовой газеты» и членом Высшего Совета по спорту. В 1928 г. бежал в Иран, затем перебрался во Францию.

¹ В сентябре 1923 г.

² *Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925)* — член РСДРП (б) с 1904 г., с 1917 г. занимал крупные партийные и военные должности, командовал фронтами. Член ЦК с 1921 г., с 1924 г. кандидат в члены Политбюро, в 1925 г. сменил Троцкого на посту наркома военно-морских дел и председателя РВСР.

³ *Комаров Николай Павлович* (наст. имя и фамилия — Фёдор Евгеньевич Собинов; 1887–1937) — в 1919–1920 гг. начальник Особого отдела и Секретно-оперативной части Петроградской губернской ЧК.

⁴ *Молотов Вячеслав Михайлович* (наст. фамилия — Скрябин; 1890–1986) — с 1921 г. кандидат в члены Политбюро, с 1926 по 1952 г. член Политбюро, председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг.

⁵ Троцкий назвал Бажанова «белым реакционным эмигрантом» в рукописи книги «Сталин» (т. 2).

⁶ Троцкий не мог сказать этого в ноябре. Имеются в виду события июльско-августовского пленума ЦК и ЦКК 1927 г. В архиве Троцкого отложилась копия его неопубликованной статьи «“Тезис о Клемансо” и режим в партии», датированной 24 сентября 1927 г. Статья посвящена опровержению партийной пропаганды, которую фактически и повторил Бажанов. Разобрав примеры этой пропаганды, Троцкий сделал следующий вывод:

«Подготовка XV партсъезда была еще издавека поставлена под знак военной опасности. Дискуссия объявлена вдвойне недопустимой потому, что нас окружают враги. Чтобы запутать партию, создана была злокачественная легенда о том, будто оппозиция угрожает переворотом “по приме-

ру Клемансо". По существу дела, все это направлено к тому, чтобы добить остатки внутрипартийной демократии, окончательно заменив ее всевластием аппарата. А это и есть — при соответственных классовых сдвигах в стране и при соответственном сдвиге политики партруководства — предпосылка бонапартистской опасности.

Угроза войны не есть какое-либо случайное, эпизодическое, кратковременное явление. Мировые противоречия сгущаются. Возможные смягчения отношений между нами и капиталистическими государствами будут иметь скорее кратковременный характер. Основная же линия развития идет на обострение антагонизмов, на усугубление военной опасности. По логике нынешнего режима это значит, что с мыслями о внутрипартийной демократии надо распрощаться навсегда. Кампания по поводу "клемансистерского переворота", как и ряд других подобных же кампаний, как и вся нынешняя непрерывная дискуссия, потрясающая партию сверху, должны окончательно выбить мысль о возможности возвращения партийной жизни на рельсы демократии.

В этом именно смысле остается бесспорным, что из всех опасностей наиболее грозной является внутрипартийный режим. По поводу этих слов также проведена была необузданная и безыдейная кампания — в печати и на собраниях. А между тем они совершенно бесспорны. Если мне грозит враг, а у меня завязаны глаза или рука привязана к лопатке, то я скажу, что главная опасность — не враг, а связанность моих движений. Ложь, будто опасность войны или даже война исключают самостоятельность партии, обсуждающей и решающей все вопросы, направляющей и проверяющей все свои органы, снизу доверху. Если бы враг оказался в 80 километрах под Москвой, то самостоятельность партии нужна была бы в десять раз бóльшая, чем в других условиях. Но ведь задача состоит в том, чтобы не допустить до такого состояния, чтобы предотвратить его. Осуществить это способна только самостоятельная, полной жизнью живущая партия. Значит, первым делом надо менять партийный режим».

⁷ Не известно документальных свидетельств в пользу того, что Троцкий это действительно говорил.

⁸ *Красин Леонид Борисович* (1870–1926) — член ЦК РСДРП (1903–1907), член ЦК ВКП (б) (1924–1926), в разное время входил в состав ЦИК, возглавлял народные комиссариаты торговли, промышленности, путей сообщений и внешней торговли, а также полпредства в Великобритании и Франции. — *Сокольников Григорий Яковлевич* (наст. имя и фамилия — Гирш Янкелевич Бриллиант; 1888–1939) — член РСДРП (б) с 1905 г., член ЦК РСДРП (б) (1917–1919, 1922–1930), член Политбюро (октябрь 1917), кандидат в члены Политбюро (1924–1925), кандидат в члены ЦК (1930–1936). Известен в качестве наркома финансов (1922–1926). Репрессирован. — *Сырцов Сергей Иванович* (1893–1937) — член РСДРП (б) с 1913 г., занимал руководящие военные и партийные должности, председатель СНК РСФСР (1929–1930), в 1930 г. был исключен из партии. Репрессирован.

⁹ *Калинин Михаил Иванович* (1875–1946) — советский государственный и партийный деятель, член ЦК РКП (б) (1919–1946), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) (1919–1926), член Политбюро ЦК (1926–1946), с 1919 по 1946 г. занимал высшую государственную должность в стране.

¹⁰ Троцкий и Зиновьев выступали за индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства теми способами, которые их реализовали под руководством Сталина.

¹¹ *Волкова Зинаида Львовна* (1901–1933) — старшая дочь Льва Троцкого и его первой жены Александры Соколовской. Покончила с собой в Берлине в январе 1933 г.

К. Х. Данишевский

Встречи с Лениным
в годы Гражданской войны (1918–1921)
<Фрагмент>

Впервые: *Данишевский К. Х. Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921)* // Воспоминания о Ленине. Ленин и гражданская война: Сборник первый. М., 1934. Печатается по изданию: *Данишевский К. Х. Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921 годы)* // Воспоминания о В. И. Ленине. М: Политиздат, 1969. Т. 3. С. 30–35.

Данишевский Карл Христианович (1884–1938) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1900 г., член ЦК РСДРП от социал-демократии Латышского края. Член Реввоенсовета республики, председатель Реввоен трибунала. Во время «профсоюзной дискуссии» 1920–1921 гг. поддерживал платформу Троцкого, в 1923 г. подписал оппозиционное «Заявление сорока шести», но впоследствии активно боролся с «троцкизмом». Репрессирован.

¹ *Петерсон Карл Андреевич* (1877–1926) — член РСДРП с 1898 г., один из лидеров латышских большевиков, комиссар Латышской дивизии, член правительства Советской Латвии.

² Эту телеграмму Ленин направил 10 сентября 1918 г.

³ Более сложное отношение Ленина к Троцкому, чем стремился представить Данишевский, нашло отражение и в исключенных Данишевским фрагментах этой телеграммы: «Благодарю. Выздоровление идет превосходно <...>. Лучшие приветы. Ленин».

N. N. <А. Д. Нагловский>

Троцкий

Впервые: N. N. <Нагловский А. Д.> Советские вожди // Современные записки. 1936. № 61. С. 438–450. Печатается по первому изданию.

Воспоминания А. Д. Нагловского были записаны с его слов Р. Б. Гулем, который позднее включил этот текст в свою обширную книгу «Я унес Россию».

Нагловский Александр Дмитриевич (1885–1942) — российский революционер-большевик. В годы Гражданской войны занимал ответственные посты. С 1921 по 1922 г. торгпред СССР в Италии, в 1922 г. отозван, исключен из партии. В 1929 г. стал невозвращенцем.

Гуль Роман Борисович (1896–1986) — известный прозаик, публицист, издатель. С 1916 г. — на фронте, после Октябрьской революции участвовал в «Ледяном походе» Корнилова. С 3 января 1919 г. в эмиграции в Германии, с 1933 по 1950 г. — во Франции, остаток жизни провел в США. С 1959 г. — в редакции «Нового журнала», где с 1978 г. начал публиковать масштабный трехтомник «Я унес Россию: Апология эмиграции».

¹ Имеется в виду «Ответ Совета рабочих депутатов на телеграмму графа Витте “К братьям-рабочим”» 3 ноября 1905 г.:

«Совет Рабочих Депутатов, выслушав телеграмму графа Витте к “братьям-рабочим”, выражает прежде всего свое крайнее изумление по поводу бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих “братьями”. Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят.

По существу Совет заявляет:

1. Граф Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

2. Граф Витте указывает на милостивое внимание государя к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресении 9 января.

3. Граф Витте просит дать ему “время” и обещает сделать для рабочих “все возможное”. Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел время для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что г. Витте сделает все возможное, чтобы задушить революционный пролетариат.

4. Граф Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что он не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права» (Новая жизнь. 1905. 7 ноября).

² Большевистская резолюция «О власти» была принята Петроградским Советом 31 августа (13 сентября) 1917 г.

³ *Поливанов Евгений Дмитриевич* (1891–1938) — русский и советский лингвист, востоковед и литературовед, заведующий Восточным отделом Наркомата иностранных дел РСФСР и один из двух заместителей Троцкого.

⁴ *Павлуновский Иван Петрович* (1888–1937) — член РСДРП (б) с 1905 г., видный военный и партийный деятель, после марта 1918 г. в органах ЧК, в 1919–1920 гг. первый зам. начальника Особого отдела ВЧК.

⁵ Утверждение Нагловского не соответствует действительности: лишь некоторые бывшие чекисты (среди них В. Н. Яковлева) поддержали так называемую «оппозицию троцкистов» с 1923 г. Упомянутые И. П. Павлуновский и Я. Н. Берзин среди них отсутствовали. Более того, летом 1919 г. между Особым отделом и Троцким разгорелся ведомственный конфликт из-за произвольных арестов военцев чекистами, в ходе которого Троцкий назвал Павлуновского «человеком психически неустойчивым».

⁶ В пропагандистском сборнике «Борьба за Петроград» (1920) М. М. Лашевич, тогда сторонник Зиновьева, так описывал приезд Троцкого:

«Наряду с присылкой пополнений и целых, испытанных в боях на других фронтах, полков в самый критический момент прибыл тов. Троцкий и с ним целый ряд лиц высшего командного состава.

И как прибытие свежих частей сразу же сказалось на наших военных успехах, точно так же присутствие т. Троцкого сказалось в области установления должной дисциплины и поднятия аппарата боевого и административного управления на должную высоту.

Полетели с своих мест все неспособные. Началась смена высшего и среднего командного состава. Приказы тов. Троцкого, ясные и четкие, никого не шадившие, требовавшие от каждого напряжения всех сил и точного, быстрого исполнения боевых приказов, сразу показали, что есть рука, которая беспощадно поразит всякого труса, шкурника и предателя» (Борьба за Петроград. Пг.: Госиздат, 1920. С. 53).

⁷ *Надежный Дмитрий Николаевич* (1873–1945) — русский и советский военачальник, генерал-лейтенант, участник Первой мировой и гражданских войн, командующий Северным фронтом Красной армии.

⁸ *Люддеквист Владимир Яльмарович* (1884–1920) — полковник Генерального штаба, с февраля 1919 г. занимал командные должности в Красной армии. Вошел в Национальный центр, в составе которого отвечал за руководство антибольшевистским восстанием в Петрограде, сообщал сведения противнику. Вопреки утверждениям Нагловского, Люддеквист был арестован «скорее случайно», после того, как чекисты вышли на след других организаторов белого подполья (см.: *Рутыч Г. Бе-*

лый фронт генерала Юденича: биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002. С. 416).

⁹ *Красин Леонид Борисович (1870–1926)* — советский государственный и партийный деятель, член ЦК РСДРП в 1903–1907 гг., член ЦК ВКП (б) в 1924–1926 гг., в марте 1919 — декабре 1920 г. — нарком путей сообщения.

¹⁰ Нагловский ошибается: Троцкий покинул военное ведомство только в январе 1925 г.

А. И. Балабанова

Моя жизнь — борьба
<Фрагменты>

Впервые: *Balabanoff A. My life as a rebel*. London: Hamish Hamilton, 1938. Печатается по изданию: *Балабанова А. Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938*. М.: Центрполиграф, 2007. С. 164–264.

Балабанова Анжелика Исааковна (1878–1965) — российская и итальянская социалистка. Эмигрировала из России в 1897 г., получила степень доктора по философии и литературе. Вступила в Союз русских социал-демократов за границей, в 1900 г. — в Итальянскую социалистическую партию, с 1912 г. член ее ЦК. Активная участница Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Октябрьского переворота занимала государственные и партийные должности, была секретарем Коммунистического интернационала. В 1922 г. из-за разногласий с большевиками покинула Россию, в 1924 г. была исключена из РКП (б), в дальнейшем выступала против союза социал-демократов с большевиками.

¹ Балабанова пишет о собрании представителей Циммервальдского движения, состоявшегося в Петрограде в 1917 г.

² Имеется в виду газета «Наше слово».

А. Г. Бармин

Тот, кто выжил
<Фрагменты>

Впервые: *Barmine A. One Who Survived: The Life Story of a Russian Under the Soviets*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1945. Печатается по изданию: *Бармин А. Соколы Троцкого*. М.: Современник, 1997. С. 234–301.

Бармин Александр Григорьевич (наст. фамилия — Графф; 1899–1987) — в 1919 г. бросил Киевский университет и вступил в Красную

армию и в РКП (б). С 1923 г. на дипломатической и разведывательной службе в Иране, Афганистане, Франции, Греции. В 1937 г., предчувствуя угрозу ареста, попросил убежища во Франции, где безуспешно пытался наладить контакты с троцкистским движением. С 1940 г. в США, служил рядовым в годы Второй мировой войны, с 1953 г. заведующий отделом Русской службы радиостанции «Голос Америки».

¹ *Халлер Юзеф* (1873–1960) — польский генерал, командующий Северным фронтом.

² Имеется в виду: *Сталин И.* Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого // Правда. 1924. 20 декабря.

С. И. Либерман

Дела и люди

<Фрагмент>

Впервые: *Либерман С. И.* Дела и люди (На советской стройке). New York: New Democracy Books, 1944. Печатается по первому изданию.

Либерман Семен Исаевич (?–ок. 1946) — меньшевик, управляющий лесными угодьями. На ответственных должностях в советской торговле. В 1920-х эмигрировал в Англию. Жил в Париже, в 1940 г. эмигрировал в США.

¹ Либерман цитирует фрагмент статьи из газеты «В пути», который сам Троцкий процитировал в своей автобиография «Моя жизнь».

² *Пятаков Георгий Леонидович* (1890–1937) занимал руководящие партийные, военные и государственные должности на Украине и в РСФСР. С 1920 г. на хозяйственной работе. В 1923–1927 гг. член ЦК партии. С 1923 по 1928 г. один из лидеров Левой оппозиции. Погиб в годы Большого террора.

³ Пятаков был членом Революционного военного совета 16-й армии (июнь–октябрь 1920) и 6-й армии (ноябрь 1920) Западного фронта.

⁴ Имеется в виду, что Сталин входил в состав Реввоенсовета Южного фронта.

⁵ *Троцкий Л.* На фронтах (Доклад, прочитанный в Москве 24 февраля 1919 г.) // Троцкий Л. Как вооружалась революция (На военной работе). М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 14–40.

⁶ Ленин сформулировал это так: «...тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

⁷ *Рыков Алексей Иванович* (1881–1938) — член ЦК РСДРП в 1905–1907 гг., 1917–1934 гг., член Политбюро в 1922–1930 гг., первый нарком внутренних дел РСФСР, председатель правительства СССР (1924–1930). Репрессирован.

И. М. Павлов <М. И. Нильский>

1920-е: революция и бюрократия.

Записки оппозиционера

<Фрагменты>

Впервые: *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб.: Петербург — XXI век, 2001. С. 47–91. Печатается по первому изданию.

Историк Дэвид Керанс обнаружил этот документ в Гуверовском архиве Стэнфордского университета (США), куда он попал при неизвестных обстоятельствах в 1950 г.

Нильский Михаил Иванович (1904–?) закончил 1-й МГУ в 1930 г., в 1936–1941 гг. — заключенный лагерей Воркуты (об этом оставил воспоминания под разными псевдонимами), в 1941–1945 гг. в оккупации, после 1945 г. эмигрировал в США.

¹ Имеется в виду начало открытой фазы внутрипартийного конфликта осенью 1923 г.

² Автор повествует о похоронах А. А. Иоффе (см. в наст. антологии).

³ *Муралов Николай Иванович* (1877–1937) — большевик с 1903 г., занимал руководящие военные должности, один из лидеровлевой оппозиции, репрессирован.

⁴ *Рютин Мартемьян Никитич* (1890–1937) — большевик, председатель Краснопресненского районного комитета и заведующий агитационно-пропагандистским отделом Московского комитета РКП (б), с 1928 г. в оппозиции сталинистам, подвергался арестам, репрессирован.

Н. И. Седова

Жизнь и смерть Троцкого

<Фрагменты>

Впервые: *Serge V. Vie et Mort de Trotsky*. Paris: Amiot — Dumont, 1951. Перевод с фр. Ю. Гусевой по изданию: *Serge V. Vie et Mort de Trotsky*. Paris: La Decouverte, 2003. Русский перевод печатается впервые.

Н. И. Седова просила не указывать своего соавторства, хотя ее вклад был более значительным, чем вклад писателя и в прошлом единомыш-

ленника Троцкого Виктора Сержа. Воспоминания Седовой в тексте книги заключены в кавычки.

Седова Наталья Ивановна (1882–1962) — русская революционерка, вторая жена Троцкого. В 1918–1928 гг. заведующая музейным отделом Народного комиссариата просвещения. С 1928 г. с Троцким в ссылке и эмиграции. В 1951 г. вышла из Четвёртого интернационала из-за разногласий в оценке СССР.

¹ *Чапаев Василий Иванович* (1887–1919) — участник Первой мировой. В 1917 г. вступил в РСДРП (б). С сентября 1918 г. командовал дивизиями в Красной армии.

² *Склянский Эфраим Маркович* (1892–1925) — заместитель Троцкого на посту председателя Реввоенсовета РСФСР. *Бутов Георгий Васильевич* (?–1928) — управляющий делами РВСР, личный секретарь Троцкого, погиб в заключении во время голодовки протеста. — *Глазман Михаил Соломонович* (?–1924) — секретарь-стенограф Троцкого, был несправедливо исключен из партии в ходе «чистки», после чего покончил с собой. — *Сермукс Николай Мартынович* (1896–1937) — секретарь Троцкого, в годы гражданской войны — начальник поезда председателя РВСР, погиб в годы Большого террора. — *Познанский Игорь Моисеевич* (1898–1938) — личный секретарь Троцкого, погиб в годы Большого террора. — *Эльцин Виктор Борисович* (1900–1937) — участник Гражданской войны, дивизионный комиссар, участвовал в создании Собрания сочинений Троцкого, погиб в годы Большого террора.

³ *Преображенский Евгений Алексеевич* (1886–1937) — большевик, занимал руководящие партийные, военные и государственные должности, секретарь ЦК РКП (б) в 1920–1921 гг., в 1923–1928 гг. один из лидеровлевой оппозиции. Погиб в годы Большого террора.

П. А. Гарви

Воспоминания
<Фрагменты>

Впервые: *Garvi P. A. Zapiski Sotsial Demokrata* (1906–1921). Newtonville, MA, 1982. С. 162–185. Печатается по первому изданию.

Издание представляет собой репринт машинописного текста воспоминаний Гарви.

Гарви Петр Абрамович (наст. фамилия — Бронштейн; 1881–1944) — известный деятель российской социал-демократии и профсоюзного движения. В период между революциями Гарви был активным сторонником «ликвидаторского» течения: ведения легальной работы при сохранении нелегальных «инициативных групп». В 1917 г. — на правом фланге РСДРП, в 1918–1921 гг. возглавлял меньшевистскую партийную ор-

ганизацию в Одессе. В 1923 г. выслан за границу. Более известны его «Воспоминания социал-демократа», опубликованные в 1946 г.

¹ *Семковский Семён Юльевич* (наст. фамилия — Бронштейн; 1882–1937) — член РСДРП с 1901 г., меньшевик, член ЦК. Двоюродный брат Троцкого.

² *Скобелев Матвей Иванович* (1885–1938) — меньшевик, депутат IV Государственной думы, заместитель председателя Петроградского Совета, министр труда Временного правительства России, после Октябрьской революции вступает в РКП (б), на хозяйственной работе. Репрессирован.

Согласно одному документу 19 августа 1917 г., Скобелев так характеризовал Троцкого: «Троцкий в то время был в самом тяжелом материальном положении, несмотря на то, что он — сын зажиточных родителей. Он был человек в высшей степени бескорыстный и идейный» (Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль-октябрь 1917 г. Сборник документов. М., 2012. Кн. 1. С. 773–774)

³ Опускаются фрагменты о размежевании РСДРП, характеристики Иоффе и Скобелева, история трудностей, возникших при организации конференции.

⁴ Опускаются фрагменты знакомства с Отто Бауэром, дискуссий вокруг проблемы «ликвидаторства», бесед с П. Б. Аксельродом. Последний в беседе с Гарви охарактеризовал Троцкого так: «Лев Давыдович безусловно идейный и преданный товарищ... вы к нему несправедливы» (С. 181).

Н. А. Иоффе

Время назад
<Фрагменты>

Печатается по изданию: *Иоффе Н. А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха.* М.: ТОО «Биологические науки», 1992. С. 16–52.

Иоффе Надежда Адольфовна (1906–1999) — дочь А. А. Иоффе, участница комсомольского оппозиционного движения, с 1929 г. подвергалась арестам, длительным заключениям в тюрьмах и лагерях. Реабилитирована в 1956 г., в 1960-е работала над воспоминаниями. В 1991 г. эмигрировала в США.

¹ В. Т. Шаламов в своих воспоминаниях привел другую версию этого стихотворения:

Разве можно горелкою Бунзена
Заменить стосечовый Вольфрам.
Вместо Троцкого ставят Фрунзе,
Это просто срам.

(Шаламов В. Т. Собр. соч.: Т. 4: Автобиографическая проза. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 4. С. 422.)

² См. стихотворение В. Инбер в наст. антологии.

Ю. П. Анненков

Дневник моих встреч
<Фрагменты>

Впервые: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2-х томах. New York: Inter-Language Literary Associates. Международное Литературное содружество, 1966. Печатается по изданию: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2-х томах. Л.: Искусство, 1991. Т. 2. С. 260–285.

Анненков Юрий Павлович (1889–1974) — известный русский и французский живописец и график, художник театра и кино, литератор, мемуарист. В 1924 г. навсегда покинул Россию.

¹ *Чуковский Корней Иванович* (наст. имя и фамилия — Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) — русский, советский литературный критик, переводчик, литературовед, журналист, детский писатель. В своих «Дневниках» (1901–1969) крайне негативно отзывался о Троцком.

² *Полонский Вячеслав Павлович* (наст. фамилия — Гусин; 1886–1932) — журналист, критик, историк, редактор ряда ведущих советских журналов.

³ «Гимн освобожденному труду», Петербург, 1 мая 1920 г. и «Взятие Зимнего дворца», Петербург, 25 октября 1920 г.

⁴ *Раковский Христиан Георгиевич* (1873–1941) — болгарский, советский политический, государственный и дипломатический деятель. До 1935 г. ближайший друг и единомышленник Троцкого.

⁵ *Антонов-Овсеенко Владимир Александрович* (1883–1938) — российский революционер, советский партийный, государственный и военный деятель.

⁶ *Безыменский Александр Ильич* (1898–1973) — русский советский поэт и журналист, член РСДРП (б) с 1916 г., участник Октябрьской революции, один из основателей Комсомола, активный деятель «пролетарских» литературных объединений. См. стихотворение Э. Г. Багрицкого в наст. антологии.

⁷ *Дудинцев Владимир Дмитриевич* (1918–1998) — русский советский писатель. В романе «Не хлебом единым» (1956) повествуется об изобретателе, страдающем от засилья бюрократии в годы сталинизма и сам становящийся частью этой среды.

⁸ *Суварин Борис* (наст. имя и фамилия — Борис Константинович Лифшиц; 1985–1984) — французский политический деятель и писатель, историк. Один из основателей Французской коммунистической партии. В 1923–1927 гг. поддерживал Троцкого, впоследствии стал антикоммунистом.

⁹ Анненков цитирует англоязычное издание дневников Троцкого (впервые в 1958 г.). Оригинальный текст был следующим: «Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне» (*Троцкий Л. Д.* Дневники и письма. М.: Изд.-во гум. лит.-ры, 1994. С. 194).

В. Т. Шаламов

Четвертая Вологда
<Фрагмент>

Впервые: *Шаламов В. Т.* Четвертая Вологда // Лад. 1991. № 3–10. Печатается по изданию: *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: В 6 т. + т. 7, доп. Т. 4: Автобиографическая проза / Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 110.

И. Сиротинская пишет, что Шаламов начал работу над воспоминаниями в 1968 г., закончил в 1971 г. (Примечания // Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. + т. 7, доп. Т. 4. С. 289).

Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) — русский советский писатель, поэт, литературный критик. В 1928 г. исключен по доносу. В 1929 г. арестован за участие в подпольной оппозиционной группе и за распространение «Завещания Ленина». С 1929 г. по 1932 г. и с 1937 по 1953 г. — в заключении в лагерях. Реабилитирован в 1956 г.

Л. З. Копелев

И сотворил себе кумира
<Фрагменты>

Впервые: *Копелев Л.* И сотворил себе кумира. Анн-Арбор: Ардис, 1978. Печатается по изданию: *Копелев Л.* И сотворил себе кумира. Харьков: Права людини, 2010. С. 76–326.

Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) — критик, литературовед (германист), переводчик, диссидент и правозащитник. Арестовывался в 1929 г. за связь с оппозицией большевиков-ленинцев. В 1930-е проходил обучение в Харькове и Москве, защитил кандидатскую диссертацию. В 1941–1945 гг. на фронте, в 1945–1954 гг. заключенный, в 1956 г. реабилитирован и восстановлен в членах КПСС. С 1966 г. активный диссидент, публикуется в самиздате и тамиздате. В 1968 г. вновь исклю-

чен из партии, в 1981 г. выехал в Германию, лишен гражданства СССР. С 1982 г. руководитель научно-исследовательской группы по изучению русско-немецких культурных связей (Вуппертальский проект).

¹ Имеется в виду «Свияжск» Л. М. Рейснер (см. в наст. антологии).

² Копелев в данном случае смешал стихотворение Д. Бедного «Наша двойка» («Ленин с Троцким — наша двойка, / Вот попробуй-ка, покрой-ка!») и поэму С. Есенина «Песнь о великом походе» («Ой ты, атамане! / Не вожак, а соцкий. / А на что ж у коммунаров / Есть товарищ Троцкий? / Он без слезной речи / И лихого звона / Обещал коней нам наших / Напоить из Дона»). Есенин написал поэму в июле 1924 г., впервые она была опубликована в газете «Заря востока» 14 сентября 1924 г.

³ *Киров Сергей Миронович* (наст. фамилия — Костриков; 1886–1934) — член Политбюро ЦК ВКП (б), был убит 1 декабря 1934 г. членом ВКП (б) Л. В. Николаевым. В деле об убийстве Кирова до сих пор отсутствует ясность, но политическое руководство СССР сразу же обвинило во всем «зиновьевцев» и заложило основы массовых политических репрессий 1936–1938 гг.

⁴ *Сапронов Тимофей Владимирович* (1887–1937) — большевик, после Октябрьского восстания занимал руководящие партийные и государственные должности, один из лидеров оппозиционной фракции «Демократический централизм». Расстрелян. — *Шляпников Александр Гаврилович* (1885–1937) — большевик, первый нарком труда РСФСР, лидер оппозиционной группы «Рабочая оппозиция». Расстрелян.

Г. И. Григоров

Повороты судьбы и произвол

<Фрагменты>

Впервые: *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. 1905–1927 годы. М.: ОГИ, 2005. С. 123–124, 329–330. Печатается по первому изданию.

Григоров начал работу над воспоминаниями в 1965 г., вторая и третья часть которых была издана в Израиле в 2008 и 2010 гг. Опущен фрагмент, наиболее критически встреченный специалистами, в котором Григоров, ссылаясь на свою превосходную память, пересказывает диалог с Троцким, состоявшийся в конце 1927 г., вкладывая в его уста, с одной стороны, множество пророчеств, с другой — характеристику СССР как системы «государственного капитализма», явно далекую от его действительных взглядов.

Григоров Григорий Исаевич (наст. фамилия — Монастырский; 1900–1994) — участник Гражданской войны, член РКП (б), один из первых «красных профессоров». Не будучи «троцкистом», неоднократно под-

вергался политическим репрессиям за оппозиционные взгляды. Реабилитирован в 1965 г., в 1989 г. переехал в Израиль.

¹ Описываются события, произошедшие в ходе наступления Вооруженных сил Юга России в июне 1919 г.

² Григоров описывает события, произошедшие в 1923 или 1924 г.

В. В. Шульгин

Тени, которые проходят
<Фрагмент>

Впервые: *Шульгин В. В. Тени, которые проходят* / Сост. Р. Г. Красюков. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 308.

По утверждению Р. Г. Красюкова, эти воспоминания В. В. Шульгин надиктовал ему 1970 г. (см.: *Шульгин В. В. Тени, которые проходят*. С. 13). Развернутые характеристики Троцкого до этого периода не обнаружены. Ссылаясь на «сотоварища» Троцкого и на Якушева, очевидно, Шульгин выражал свой собственный взгляд на Троцкого.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — известный общественный и политический деятель, писатель, публицист. Из потомственных дворян. Депутат Государственной думы 2–4 созывов сначала во фракции правых, затем — русских националистов, один из лидеров Всероссийского национального союза, «идейный антисемит». Принял отречение Николая II. С конца 1917 г. — активный организатор белого движения. С 1921 г. в эмиграции. С 1944 по 1956 г. — в заключении в лагерях в СССР.

¹ *Якушев Александр Александрович* (1876–1937) — чиновник Министерства путей сообщения, после революции — сотрудник ВЧК-ОГПУ, участник контрразведывательной операции «Трест» (1921–1926) по созданию фальшивого монархического подполья.

А. И. Боярчиков

Воспоминания
<Фрагменты>

Впервые: *Боярчиков А. И. Воспоминания*. М.: АСТ, 2003. Печатается по первому изданию. С. 119–122.

Рукопись воспоминаний Боярчикова была известна А. И. Солженицыну, который использовал ее для написания «Архипелага ГУЛАГ».

Боярчиков Александр Иванович (1902–1981) — член РКП (б), в Красной армии с 1918 по 1926 г., студент МГУ, активист объединенной левой

оппозиции. В 1932–1941 гг. в местах заключения и ссылке, в 1942–1945 гг. военнотрудовой, в 1949–1956 гг. в заключении.

И. Л. Абрамович

Воспоминания и взгляды

<Фрагменты>

Впервые: *Абрамович И. Л.* Воспоминания и взгляды. Кн. 1: Воспоминания. М.: «КРУК-Престиж», 2004. С. 62–77. Печатается по первому изданию.

Автор начал работу над воспоминаниями в 1980-е гг. Книга вторая «Взгляды» служит одним из ярких примеров «ортодоксальной» марксистской мысли в русле идей Троцкого.

Абрамович Исая Львович (1900–1985) — активный борец за установление советской власти на Дальнем Востоке. С 1923 г. студент Московского института народного хозяйства, поддерживал внутрипартийную оппозицию. В 1928 г. в ссылке, после отказа от оппозиционных взглядов досрочно освобожден. В 1937–1941 гг. заключенный ИТЛ, в 1941–1946 гг. на военной службе, в 1950–1956 гг. вновь в заключении. Реабилитирован в 1956 г.

¹ В 1926 г. Абрамович вел доверительные беседы с одним из лидеров левой оппозиции Иваром Тенисовичем Смилкой (1892–1937), тогда — ректором Московского института народного хозяйства.

II

ПРОПАГАНДА

<Без подписи>

<Из газеты «Рабочий путь»>

Впервые: Рабочий путь. 1917. 5 (18) сентября. Печатается по первому изданию. Статья без названия. Автор заметки неизвестен.

«Рабочий путь» («Правда») — центральный печатный орган РСДРП (б) с 1912 г. В июле 1917 г. закрыта и выходила под разными названиями, включая «Рабочий путь».

¹ *Каринский Николай Сергеевич* (1873–1948) — прокурор Петроградской судебной палаты. — *Зарудный Александр Сергеевич* (1863–1934) — министр юстиции Временного правительства.

С. А. Ауслендер

Печальные воспоминания (о большевиках)
<Фрагменты>

Впервые: *Ауслендер С.* Печальные воспоминания (о большевиках). Екатеринбург: Русское бюро печати, 1918. Печатается по изданию: Свидетельство революционных вихрей (С. А. Ауслендер. «Печальные воспоминания (о большевиках)») / Публ. И. В. Успенский // Отечественные архив. 1999. № 2. С. 50–76.

Брошюра «Печальные воспоминания...» была написана осенью 1918 г.

Ауслендер Сергей Абрамович (1886–1937) — писатель, литературный критик, драматург и педагог. Из семьи активных народовольцев. В 1914–1917 гг. на службе в армии. Летом 1918 г. покинул Москву, осенью стал сотрудником Российского телеграфного агентства в Омске. Стал первым биографом и пропагандистом А. В. Колчака. В 1919–1921 гг. скрывался, в 1922 г. возвращается в Москву.

¹ Предшествующие главки носили говорящие названия: «Как же это случилось?», «Кто виноват?» и «Кто такие большевики?». Говоря о большевиках, Ауслендер опирался книгу «Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г.», вышедшей в 1918 г. в издательстве «Задруга», организованном С. П. Мельгуновым — историком, публицистом и активным политиком из умеренно-социалистического лагеря. Особенностью книги стало использование донесений агентов охранного отделения, которые рисуют односторонне-негативный образ большевиков.

² Рокамболь — главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX в. французского писателя Понсона дю Террайя (1829–1871).

³ Скорее всего, имеется в виду парк Сокольники, находящийся в одноименном районе Москвы.

⁴ Указанные факты не были установлены.

⁵ В действительности источники говорят об отсутствии «бурных» заседаний в Кремле и «дележа власти» в этот период.

А. И. Куприн

Троцкий: характеристика

Впервые: *Куприн А. И.* Троцкий // Новая русская жизнь. 1920. 19, 20 января. Печатается по изданию: *Куприн А. И.* Голос оттуда. 1919–1934. М.: Согласие, 1999. С. 157–164.

Это не единственная статья Куприна о Троцком. Ранее, в рижской газете «Сегодня» 29 ноября 1919 г. был опубликован материал «Куприн

о Троцком», дающий представление о пропагандистских приемах автора и циркуляции его взглядов:

А. И. Куприн в «Приневском Крае» дает талантливую характеристику кровавому вождю красных Троцкому. Троцкий — сын состоятельного купца (Дерибасовская ул., магазин готового платья). В детстве был подвержен эпилептическим припадкам. Учился в Елизаветградской гимназии, там же начал свою революционную деятельность. Очень рано эмигрировал...

Ленин давал ему не очень лестные аттестации лакея и человека неразборчивого в достижении жизненных удобств. В 1917 году прибыл вместе с Лениным, Каменевым и другими из заграницы в Россию и сразу стал в самом левом крыле большевизма. Всегда вел широкий образ жизни; любит вино, женщин, драгоценные камни, хорошие сигары, утонченный стол, роскошную обстановку. Осенью 1918 года был предан «Херему» (отчуждению, проклятию) во многих синагогальных кагалах.

Затем, обрисовав портрет Троцкого и указав на характерные черты его: ненависть, жестокость и брезгливость, талантливый автор передает впечатление от созерцания этого портрета: «Невольный страх вдруг охватил мою душу своими ледяными, мохнатыми лапами. Точно я в мгновение прозрел всю глубину безумия, живущего в этом человеке и погрузился в нее с головы. Да — это настоящий безумец, мономан, присужденный (!) убийца, самый яркий и опасный субъект, какого когда-либо выпускала психиатрическая лечебница из своих изоляторов. В его мозгу могут уместиться многие душевные качества: властолюбие, властолюбие, гордость, зависть и т. д. Но их захлестывает, над ними безмерно преобладает ненасытное, пламенное влечение к крови, пожару, насилию, мучительству, разрушению.

Его речи дышат смертью и пахнут кровью. “Изжарить в медленном огне”. “Додушить”, “опоясать огненным кольцом”, “залить расправленным свинцом”, “лишить огня и воды”, “залить кровью”, “укоротить на голову” и т. д. Загадочны веления истории!

«Вместо того, чтобы безвестно пройти свой жизненный путь в качестве придирчивого, желчного Фармацевта, тяжелого мужа и деспотического отца, злобна о спорщика на митингах, обличителя и добровольного сыщика в партийной кучке, вместо того, чтобы, как главный садист, кончить свои дни в буйном отделении сумасшедшего дома, Троцкий был нелепо схвачен рукою слепого случая и вышвырнут на самый верх власти, как будто сам Рок готовил на горе великой стране этого несчастного, большого, безумного, к все-таки весьма маленького человека».

Указав на отсутствие собственных мыслей во всех речах Троцкого, на верхоглядство неуча и беззастенчивую кражу чужих фраз известных людей, Куприн заканчивает:

«Быть выплеснутым случайно на мутный гребень взбунтовавшейся черни, нести вместе с ее слепым, стихийным течением и воображать, что ты им управляешь, это состояние никогда не требовало ни величия души, ни обширности разума. На такую роль всегда попадал самый крикливый из дураков или самый свирепый из негодяев».

Куприн Александр Иванович (1870–1938) — известный русский писатель и переводчик. В 1917 г. был редактором ряда изданий, симпатизировал эсерам. Не принял Октябрьский переворот, работал в издательстве «Всемирная литература». Осенью 1919 г. поступил в чине поручика в Северо-Западную армию, был назначен редактором армейской газеты «Приневский край». С 1919 г. в эмиграции, в 1937 г. вернулся в СССР.

¹ Из всего перечисленного Куприным документально подтверждены только эпилептические припадки, об одном из которых, случившихся после Октябрьского переворота, Троцкий поведал в воспоминаниях.

² Из стихотворения В. Н. Некрасова «Недавнее время» (1870).

³ В действительности Троцкий был центральной фигурой Петроградского совета. Суд над членами Совета привлек внимание общественности.

⁴ *Гапон Георгий Аполлонович* (1870–1906) — священник, политический деятель и профсоюзный лидер. Организатор январской рабочей забастовки и массового шествия рабочих к царю 9 (22) января 1905 г., закончившегося расстрелом рабочих и положившего начало Первой русской революции.

⁵ *Петр Моисеевич Рутенберг* (1878–1942) был близок к Гапону, но в 1906 г. убил его после того, как он попытался завербовать его в охранку.

⁶ *Рачковский Петр Иванович* (1851–1910) — вице-директор Департамента полиции в 1905–1906 гг. Троцкий не имел (и не мог иметь) контактов с Рачковским.

⁷ *Анатоль Дейблер* — государственный исполнитель смертных приговоров, которого называли «Хозяином Парижа».

⁸ Документальных свидетельств этой встречи не обнаружено. Отношение Троцкого к своему национальному происхождению передано верно.

⁹ Цадик — духовный лидер хасидской общины, «праведник», «святой»; Шпола — еврейский город в Киевской губернии.

¹⁰ Перечислены цари Вавпуракана, Вавилонии и Ассирии.

¹¹ Документальных свидетельств этого не обнаружено.

¹² Документальных свидетельств этого не обнаружено.

¹³ *Марат Жан-Поль* (1743–1793) — один из лидеров партии якобинцев в Великой французской революции

¹⁴ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830–1905) — крупнейший военный теоретик Российской империи 2-й половины XIX в.

В. Сольский

Троцкий
<Фрагменты>

Впервые: Голос России. 1919. 16 (3), 17 (4) мая. Печатается по первому изданию.

Сольский Владимир (?-?) — ведущий публицист эмигрантской общественно-политической газеты «Голос России». В 1921 г. в Берлине вышли две его книги: о Ленине и о Гражданской войне в России.

¹ *Кюльман Рихард фон (1873–1948)* — министр иностранных дел Германской империи во время Первой мировой войны с августа 1917 по июль 1918 г., руководитель германской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске.

А. А. Дивильковский

Троцкий (Л. Д. Бронштейн, род. 1874 г.)

Печатается по изданию: *Дивильковский А. Троцкий // Спутник красноармейца*. М.: Литературно-издательский отдел ПУР РВСР, 1920. С. 90–91.

«Спутник красноармейца» — брошюра, изданная тиражом 250 тыс. экземпляров. «Настоящее издание представляет собою первую попытку собрать в одной книге все важнейшие сведения, которые необходимо усвоить каждому красноармейцу как гражданину и воину нашего рабоче-крестьянского, советского государства», — сообщала редакция брошюры. Среди авторов коротких статей были известные большевики, включая Л. Б. Каменева, В. А. Антонова-Овсеенко и др.

Дивильковский Анатолий Авдеевич (1873–1932) — публицист, член РСДРП с 1898 г., член Петербургского комитета РСДРП. В эмиграции с 1906 по 1918 г. Работал в управлении делами СНК.

¹ В источнике ошибка — Троцкий родился в 1879 г.

² *Кромвель Оливер (1599–1658)* — военный и политический лидер Английской революции, лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. — *Эгмонт Ламораль (1522–1568)* — испанский военачальник и нидерландский государственный деятель, его казнь спровоцировала начало Нидерландской революции.

Г. Ф. Устинов
Трибун революции

Впервые: *Устинов Г.* Трибун революции (Л. Д. Троцкий). М., 1920. Печатается по первому изданию.

Брошюра начиналась с предисловия от издательства: «Выпускаемая в свет брошюра тов. Устинова написана им в конце 1918 г., но вследствие целого ряда причин она лишь теперь смогла быть напечатанной.

Написанная в разгаре Гражданской войны — брошюра, естественно, во многом устарела, но, тем не менее, она не утратила интереса и в наше время, когда победоносная Красная Армия, ликвидировав фронт кровавый, — переходит на не менее героическую борьбу на фронте бескровном, по-прежнему имея и на последнем фронте своим вождем великого трибуна и организатора пролетарской революции т. Троцкого».

Сам Троцкий впоследствии не упоминал ни Устинова, ни его брошюру.

Устинов Георгий Феофанович (1888–1932) — русский советский журналист, прозаик. В начале 1918 г. перешел от левых эсеров к большевикам, но выбыл из нее в 1921 г. В годы Гражданской войны редактор советских газет, автор статей и пропагандистских брошюр. Возможно, входил в редакцию газеты «В пути», издававшейся в поезде председателя РВСР Троцкого. Устинов не сумел прославиться в качестве литературного критика и писателя. В 1922 г. заведовал отделом заграничной информации РОСТА. Покончил жизнь самоубийством.

¹ *Савинков Борис Викторович* (1879–1925) — известный революционер, руководитель Боевой организации партии социалистов-революционеров, но был исключен из ПСР в октябре 1917 г. В правительстве Керенского — управляющий военным ведомством. Один из главных организаторов антибольшевистского военного сопротивления. Был арестован в СССР в 1924 г., осужден на 10 лет, покончил жизнь самоубийством. Прозаик, поэт, публицист, мемуарист.

² *Лебедев Владимир Иванович* (1883–1956) — известный член ПСР, один из организаторов «Народной армии» правительства Комитета членов Учредительного собрания, в 1919 г. эмигрировал. — *Степанов Александр Петрович* — полковник Генштаба, руководил Северной группой «Народной армии», эмигрировал в 1920 г. — *Фортуатов Борис Константинович* — член ПСР с 1902 г., один из наиболее активных организаторов антибольшевистских сил, в 1920 г. перешел на сторону «красных».

³ Устинов пересказывает речь, которая была частично опубликована: *Троцкий Л.* Значение взятия Казани (Речь в Казанском театре на другой день после взятия Казани 11 сентября 1918 г.) // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. I. Первоначальный период организации сил. М.; Л., 1926.

⁴ Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) — первое всероссийское правительство, организованное членами Учредительного собрания 8 июня 1918 г. в Самаре. Власть правительства охватывала часть Поволжья и Южного Урала. 23 сентября 1918 г. КОМУЧ принял участие в создании Временного всероссийского правительства (Уфимской директории, «Директории»).

⁵ Имеется в виду покушение на Ленина 30 августа 1918 г.

⁶ *Локхарт Брюс* — глава специальной британской миссии при Советском правительстве с января по сентябрь 1918 г. Фигурант «Дела Локкарта» ВЧК, согласно которой Локхарт руководил заговором дипломатических представителей Великобритании, Франции и США с целью свержения советской власти.

⁷ *Каплан Фанни Ефимовна* (1890–1918) — участница революционного движения, эсерка, исполнительница покушения на Ленина 30 августа 1918 г.

⁸ «Я меч, я пламя» — начало и окончание «Гимна» (1840) Генриха Гейне (1797–1856).

⁹ *Каменский Василий Васильевич* (1884–1961) — русский поэт-футурист. Устинов имеет в виду поэму Каменского «Стенька Разин» (1918).

¹⁰ Командующим 5-й армией Восточного фронта был полковник Петр Антонович Славен (1874–1919).

¹¹ Самара была взята 4-й армией РККА 7 октября 1918 г.

¹² Симбирск был взят 1-й армией РККА 12 сентября 1918 г.

¹³ Ярославское восстание (мятеж) — белогвардейское вооруженное выступление в Ярославле 6–21 июля 1918 г., организованное Союзом защиты Родины и Свободы под общим руководством полковника А. П. Перхурова.

¹⁴ Фрагменты текста за авторством Троцкого, переработанные Устиновым, можно обнаружить и в других частях брошюры Устинова, но для исчерпывающего текстологического анализа требуются исходные «автобиографические заметки» Троцкого.

¹⁵ В предисловии к «Моей жизни» Троцкий писал: «День моего рождения совпадает с днем октябрьской революции. Мистики и пифагорейцы могут из этого делать какие угодно выводы. Сам я заметил это курьезное совпадение только через три года после октябрьского переворота».

¹⁶ *Лабриоло Антонио* (1843–1904) — итальянский философ, основатель итальянского марксизма и социалистической партии.

¹⁷ *Кржижановские Глеб Максимилианович* (1872–1959) и *Зинаида Павловна* (1869–1948) с 1902 г. руководили «искровским центром» в Самаре, там же работал *Ленгник Фридрих Вильгельмович* (1873–1936).

¹⁸ *Виктор Адлер* (1852–1918), *Фриц (Фридрих) Адлер* (1879–1960) — лидеры левого крыла австрийской социал-демократии. Троцкий назвал

Ф. Адлера, убившего в 1916 г. президента Австро-Венгрии, «рыцарем долга».

¹⁹ *Мандельберг Виктор Евсеевич* (1869–1944) — русский революционер, меньшевик, публицист, врач.

²⁰ *Троцкий Н.* До 9 января. Женева, 1905.

²¹ *Trotzky N.* Russland in der Revolution. Dresden, 1909.

²² См. воспоминания Д. Ф. Сверчкова в наст. антологии.

²³ *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878–1943) — член Исполкома Петроградского совета рабочих депутатов в 1905 г., с 1907 г. член ЦК ПСР, председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел в составе второго коалиционного Временного правительства, председатель Всероссийского демократического совещания и Временного совета Российской республики («Предпарламента»). После Октябрьского переворота — один из организаторов Комитета спасения Родины и Революции, председатель Государственного совещания в Уфе, глава Временного Всероссийского правительства («Директории»), выслан правительством Колчака за границу.

²⁴ *Лозовский Соломон Абрамович* (1878–1952) — видный участник революционного и профсоюзного движения в России, заместитель Наркома иностранных дел, начальник Совинформбюро. Репрессирован.

²⁵ *Урицкий Моисей Соломонович* (1873–1918) — российский революционный и политический деятель, в 1918 г. председатель Петроградской ЧК. — *Мануильский Дмитрий Захарович* (1883–1959) — советский и украинский политический деятель, член ЦК ВКП(б) (1923–1952). — *Владимиров Мирон Константинович* (1879–1925) — партийный и государственный деятель. — *Чичерин Георгий Васильевич* (1872–1936) — нарком иностранных дел РСФСР, затем СССР с 1918 по 1930 г. — *Чудновский Григорий Исаакович* (1890–1918) — советский, партийный и военный деятель, погиб во время наступления немецких войск на Украину. — *Павлович Михаил Лазаревич* (наст. фамилия — Вельтман; 1871–1927) — известный востоковед, меньшевик, член РКП(б) с 1918 г., первый ректор Московского института востоковедения. — *Лебедев-Полянский Павел Иванович* (1882–1948) — член РСДРП(б) с 1902 г., критик, один из создателей советской цензуры.

²⁶ *Лорио Фернан* (1870–1932) — учитель, синдикалист, один из основателей Французской коммунистической партии (ФКП). — *Росмер Альфред* (1877–1964) — французский синдикалист, затем в ФКП, сторонник Троцкого. — *Монатт Пьер* (1881–1960) — основатель Всеобщей конфедерации труда, затем в ФКП. — *Гильбо Анри* (1884–1938) — французский левый поэт, публицист, деятель Коминтерна, сторонник Троцкого. — *Мергейм Альфонс* (1881–1925) — французский синдикалист, один из лидеров ВКТ, после 1917 г. был противником коммунистов. — *Ротштейн Фёдор Аронович* (1871–1953) — русский революционер, политэмигрант, деятель левого движения Великобритании, советский

дипломат. — *Роланд-Холст Генриетта* (1869–1952) — нидерландская поэтесса и писательница, участница социал-демократического и коммунистического движения.

²⁷ *Переверзев Павел Николаевич* (1871–1944) — российский адвокат, политический деятель. Министр юстиции Временного правительства.

²⁸ *Ермоленко Д. С.* (1874–?) — прапорщик, в 1914 г. взят в плен немцами, в 1916 г. завербован ими в качестве агента-диверсанта, 25 апреля 1917 г. сдался русской контрразведке и дал показания на большевиков.

²⁹ *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880–1918) — офицер, левый эсер, командир отрядов Красной гвардии и Красной армии, командовал Восточным фронтом. 10 июля 1918 г. поднял мятеж, застрелился во время ареста.

³⁰ *Вальден Павел Борисович* (1887–1948) — полковник, один из первых предложил услуги советскому правительству.

³¹ *Духонин Николай Николаевич* (1876–1917) — генерал, исполнял обязанности верховного главнокомандующего русской армией в ноябре-декабре 1917 г., стал жертвой солдатского самосуда.

И. Л. Оршер

Красный часовой Кронштадт
<Фрагмент>

Впервые: *Д'ор О. Л.* <*Оршер И. Л.*> Красный часовой Кронштадт. М.: Литературно-издательский отдел ПУ РСФСР, 1920. С. 25–26. Печатается по первому изданию.

Оршер Иосиф Львович (1878–1942) — русский советский писатель и журналист, сатирик, пародист, фельетонист. Известность приобрел, работая в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе». В 1918 г. редактировал один из первых советских сатирических журналов — «Гильотина». В 1919 г. был корреспондентом петроградского филиала Российского телеграфного агентства.

Я. Суцеский <Я. Г. Блюмкин>

День Трощкого

Впервые: *Суцеский Я.* День Трощкого // Огонек. № 1. 1923. С. 2–4. Печатается по первому изданию.

По воспоминаниям карикатуриста Бориса Ефимова, статья была написана Яковом Блюмкиным, а псевдоним придумал редактор «Огонька» Михаил Кольцов.

Блюмкин Яков Григорьевич (1900–1929) — известный революционер и советский разведчик. В 1917–1918 гг. член Партии левых эсеров,

с 1920 г. член РКП (б). Будучи сотрудником ВЧК, направленным левыми эсерами, совершил террористический акт против посла Германии в РСФСР. Скрывался в подполье, вел борьбу с контрреволюцией. В 1919 г. был амнистирован после явки с повинной. Троцкий взял над Блюмкиным шефство и устроил его работником в свою канцелярию. Выполнял ответственные задания ОГПУ за границей. В 1929 г. тайно установил контакт с высланным Троцким, за что был расстрелян.

¹ *Гастев Алексей Капитнович* (1882–1939) — русский революционер, профсоюзный деятель, поэт и писатель, теоретик научной организации труда и руководитель Центрального института труда. Член ВКП (б) с 1931 г. Один из идеологов Пролеткульта.

² *Кропоткин Петр Алексеевич* (1842–1921) — князь, русский революционер, ученый, публицист, один из самых влиятельных теоретиков анархизма.

К. Радек

Лев Троцкий

Впервые: *Радек К.* Лев Троцкий — организатор побед // Правда. 1923. 14 марта. Печатается по изданию: *Луначарский А. В. и др.* Силуэты: политические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 351–356.

Радек Карл Бернгардович (наст. фамилия — Собельсон; 1885–1939) — деятель международного социал-демократического и коммунистического движения, советский политический деятель. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП (б), в 1920–1924 гг. член (в 1920 г. — секретарь) Исполкома Коминтерна. В 1923–1928 гг. один из лидеров Лево́й оппозиции, после отречения от нее — на пропагандистской работе. Убит в тюрьме.

¹ 23 февраля 1923 г. впервые стал праздноваться день основания Красной армии.

² *Мольтке фон Куно* (1800–1891) — германский генерал-фельдмаршал, один из основателей Германской империи, крупнейший военный теоретик.

³ Имеется в виду трактат «О войне» Карла фон Клаузевица (1780–1831).

⁴ *Верховский Александр Иванович* (1886–1938) — русский военный деятель. Военный министр Временного правительства (1917).

⁵ *Борисов Вячеслав Евстафьевич* (1861–1941) — военный публицист, писатель и педагог, генерал-лейтенант Русской императорской армии. С 1918 г. на службе в академии Генерального штаба РККА, сотрудничал в журнале «Военное дело». В 1919 г. перешел к белым, но был осужден ими за сотрудничество с красными. В 1920 г. в эмиграции.

⁶ *Осинский (Оболенский) Валериан Валерианович* (1887–1938), *Ломов (Оппокон) Георгий Ипполитович* (1888–1938), *Яковлева Варвара Николаевна* (1884/1885–1941) — деятели российского революционного движения, с 1917 г. занимали ответственные партийные и государственные должности.

⁷ *Альтфатер Василий Михайлович* (1883–1919) — контр-адмирал Русского Императорского флота, первый командующий Военно-Морской Флота РСФСР.

⁸ Радек не верно передал смысл сказанного Троцким на IX съезде РКП (б). Полемика шла по вопросам управления: «Я полагаю, что если бы наша армия и гражданская война не ограбили бы наши хозяйственные органы, забравши оттуда все наиболее крепкое, инициативное, самостоятельное, то несомненно, что вступление на путь единоличия наступило бы раньше, вопреки тому, что говорят т. Осинский и другие» (Протоколы девятого съезда РКП (б). М., 1934. С. 116).

⁹ *Моор Дмитрий* (наст. имя и фамилия — Дмитрий Стахивевич Орлов; 1883–1946) — известный русский художник, один из основоположников советского политического плаката.

¹⁰ В 1929 г. Радек переметнулся на сторону Сталина, став одним из его главных пропагандистов. Во время Московского политического процесса в 1936 г. Радек написал характерную статью «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий». Большая часть статьи была посвящена главным подсудимым — Зиновьеву, Каменеву и др., но они служили предлогом для обвинений в адрес Троцкого:

«...“Вождь” этой банды фашистских убийц Троцкий пытается перед лицом этих показаний отбрезаться пустым отрицанием. Главный вдохновитель и организатор убийств Кирова, вождь целой своры подготовителей убийств руководителей партии и СССР думает, что факты исчезнут от его уверток <...>.

<...>...их гетман, фашистский обер-бандит Троцкий, благодаря доброте советской власти сумел унести голову за границу. Он думает, что раз его не может допросить советский суд, то можно лгать сколько угодно. Он лжет, что не занимался никакой деятельностью в СССР, хотя пишет статьи о СССР. Он лжет, что, может быть, какие-то сочувствующие ему люди злоупотребляли его именем! Фашистский обер-бандит Троцкий зря рассчитывает, что он сможет обмануть кого бы то ни было.

Раньше, чем он был выброшен советской властью за границу, он уговаривал меня, Раковского, Смильгу, что надо создать за границей центр, который бы из-за границы и руководил действиями троцкистов в СССР. В январе 1928 г. он готовил побег за границу, уговаривая меня и других то же самое сделать, ибо без заграничного центра ничего не выйдет. Знал об этом Смирнов, который добыл для этой цели заграничный паспорт. Паспорт оказался неподходящим для Троцкого, и был решен мой побег. И, хотя я тогда находился в плену троцкизма и совершал тяжелое преступление против партии, я ужаснулся от мысли о действиях под охраной буржуазных государств против СССР и саботировал

попытку побега. Троцкий был рад, когда его выслали, хотя театральными жестами против высылки протестовал. С первого момента пребывания за границей он организовал не только базу для пропаганды против политики ЦК в СССР, но организовал преступления. В 1929 г. он, Троцкий, уговорив троцкиста Блюмкина организовать транспорт литературы в СССР, послал к нему в гостиницу своего сына Седова с поручением организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых Троцкому для антисоветской работы. От эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому, людям, связанным с ним восемнадцати лет. <...> Но кто, знающий отношения этих людей к Троцкому, поверит хотя бы на момент, что они клеветают на него? Нет таких людей здесь в стране, и не найдутся такие люди за границей, если им с документами изложить историю отношений Троцкого к своей группе, если припомнить, как отзывался о Смирнове и Мрачковском Троцкий в первой своей статье, написанной им в «Дейли экспресс» после того, как он очутился за границей.

Кровавый бандит, готовящий смерть лучшим людям пролетариата, не забывает и в этой случае о присущем ему театральном шутовстве. Он предлагает судебное разбирательство в Норвегии, где он докажет свою невиновность. Пошлите ему только в Норвегию Мрачковского, Смирнова, Фрица Давида и Юрина (Бермана). Тогда дело будет в шляпе! Кровавый шут, мелкобуржуазный когда-то революционер, позже мелкобуржуазный контрреволюционер, теперь явный фашист, плохие шутки шутит. Дело разбирается в присутствия сотен людей, десятков иностранных корреспондентов, и никто, не потерявший ума, не поверит, что обвиняемые клеветают на себя и Троцкого! Никто не усомнится в его кровавой вине веред этой страной, перед прахом Кирова, перед вождями нашей партии, на жизнь которых он посягал, перед человечеством, на мир которого он посягал, организуя свои покушения.

Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата!» (Радек К. Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий // Известия. 1936. 21 августа).

Е. М. Ярославский

Мистер Троцкий на службе буржуазии,
или Первые шаги Л. Троцкого за границей

Впервые: *Ярославский Е.* Мистер Троцкий на службе буржуазии или первые шаги Л. Троцкого за границей // Правда. 1929. 9 марта. Печатается по изданию: *Ярославский Е.* Мистер Троцкий на службе буржуазии или первые шаги Л. Троцкого за границей. М.; Л.: Госиздат, 1929.

Ярославский Емельян Михайлович (наст. фамилия — Губельман; 1878–1943) — российский революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель. Один из инициаторов создания журнала «Сибирские огни». Ведущий идеолог и пропагандист антирелигиозного движения. Играл важную роль в разгроме «антипартийных» течений и утверждении апологетики сталинистского режима.

¹ В 1929 г. Троцкий издал брошюру «Что и как произошло», в предисловии к которой звучало пояснение: «Собранные в этой книжке статьи были написаны Л. Д. Троцким для мировой буржуазной печати. Цель этих статей, как ясно из их содержания, состояла в том, чтобы на место лжи, сенсации и клеветы поставить правду. Пуская в мировое обращение легенду о контрреволюционном заговоре “троцкистов” против Советской власти, Сталин оказывал величайшую услугу подлинной контрреволюции за счет основных интересов Советской республики. Опровергнуть эту легенду необходимо было прежде всего в интересах СССР. Статьи Л. Д. Троцкого были прочитаны десятками миллионов читателей во всем мире и тем выполнили свое назначение. Тысячи и тысячи рабочих захотят узнать подлинную правду об “оппозиции”».

Гонорар, уплаченный газетным агентством за эти статьи, целиком внесен в особый фонд, предназначенный для издания статей, речей и писем Ленина, запрещенных Сталиным в СССР, и важнейших документов ВКП, скрываемых от партии в интересах Сталина и его фракции».

В одной из статей, опубликованных в брошюре «Что и как произошло», Троцкий аргументирует политическую целесообразность использования «буржуазной» печати:

«Оппозиция находится в совершенно исключительном положении. Оппозиция прямо и непосредственно представляет сейчас небольшое меньшинство рабочего класса. Она не имеет за своей спиной ни массовых организаций, ни государственных ресурсов. В то же время оппозиция располагает старым авторитетом в массах и идейным капиталом, ибо в состав оппозиции во всех странах входят те элементы, которые руководили Коминтерном в период первых четырех Конгрессов, а в Советской республике — те, которые вместе с Лениным создавали её и руководили ею.

От широких масс оппозиция отрезана механически сталинским аппаратом репрессий, использовавшим для этого победы мировой буржуазии над пролетариатом и давление новых собственников в СССР.

Если оставить в стороне отдельные двусмысленные выступления демократической и социал-демократической печати по поводу высылки оппозиции и пр., если взять в целом оценку, данную буржуазной и мелкобуржуазной печатью борьбе между оппозицией, центризмом и правой, то картина совершенно ясна. Переводя, по своему обыкновению, эту борьбу принципов на борьбу лиц, вся буржуазная печать говорит: Сталин *несомненно* прав против Троцкого, Рыков *по-видимому* прав против Сталина. Мало того. Буржуазная печать в течение всех этих лет характеризовала оппозицию словами сталинской печати (грабеж мужика, восстановление военного коммунизма, стремление разжечь

войну или вызвать революционные авантюры, отказ защищать СССР, наконец, подготовка вооруженной борьбы против Советской власти). Притворяясь, что верит этой клевете, буржуазная печать искусно пользуется ею для борьбы против коммунизма в целом и оппозиции, как его наиболее решительного и непримиримого крыла. Десятки миллионов рабочих во всем мире воспринимают клевету сталинской фракции со страниц буржуазной и с. д. печати.

Тесное сотрудничество сталинской фракции с мировой буржуазией и её печатью в борьбе с оппозицией есть основной исторический факт. Это сотрудничество с особенной наглядностью проявилось в высылке т. Троцкого в Турцию и в соглашении Сталина с наиболее реакционными элементами германского правительства о недопущении Троцкого в Германию. Отметим тут же, что наиболее «левые» с. д. соглашаются (на словах) допустить т. Троцкого в Германию на условиях отказа его от политической деятельности, т. е. предъявляют ему то самое требование, которое Сталин через ГПУ предъявлял ему в Алма-Ата. Что касается Франции и Англии, то здесь Сталин и без соглашения не мог сомневаться в помощи правительств и таких органов, как Temps и Times, категорически высказавшихся против допущения. Другими словами: у Сталина против оппозиции соглашение de jure с турецкой полицией и с частью германского правительства, и соглашение de facto с буржуазной полицией всего мира. Лозунг этого соглашения: *заткнуть оппозиции рот*. Буржуазная печать, каковы бы ни были отдельные эпизоды, в основном поддерживает и освящает это соглашение. Такова основная группировка сил. Только слепой может её не видеть. Только оплаченный чиновник может её отрицать.

Полному успеху этого единого фронта, имеющего целью обречь оппозицию на безмолвие, препятствует, однако, тот факт, что, как уже сказано, во главе оппозиции во многих странах, особенно же в СССР, стоят революционеры; которых знают широкие трудящиеся массы, взглядами, политикой и судьбой которых эти массы искренне интересуются. К этому присоединяется элемент политической сенсации, вызываемый драматическими формами борьбы против оппозиции. Эти обстоятельства открывают в известные моменты для оппозиции эпизодическую возможность прорыва единого фронта сталинской и буржуазной печати. Так, высылка т. Троцкого дала ему возможность на страницах буржуазной печати, в миллионах экземпляров, заявить, что оппозиция борется против сталинского национал-социализма за дело международной революции; что оппозиция будет в первых рядах обороны СССР от классовых врагов; что обвинение в подготовке вооруженного восстания против Советской власти или в подготовке террористических покушений есть подлая бонапартистская махинация.

Было бы, разумеется, абсурдом утверждать, что оппозиция сможет хотя бы раз изложить свои действительные взгляды на страницах буржуазной печати. Но крупнейшим завоеванием является уже то, что удалось в десятках миллионов экземплярах опровергнуть наиболее отравленную термидорианскую ложь и тем толкнуть известную часть рабочих-читателей на путь ознакомления с подлинными взглядами оппозиции. Отказаться от такой исключительной возможности было бы смешным и жалким доктринерством. Обвинение в сотрудничестве в буржуазной печати звучит не только непристойно, но пря-

мо-таки глупо в устах тех господ, которые передают оппозиционеров в руки буржуазной полиции».

² Докатились // Правда. 1929. 24 января. Статья была включена в собрание сочинений Сталина: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. М., 1949. С. 313–317.

³ В архиве Троцкого сохранился документ, датированный 24 марта 1929 г., озаглавленный «Интервью, данное мною социал-демократической печати», в котором автор дает разъяснения:

«Неделю тому назад ко мне явился константинопольский представитель немецкой социал-демократической печати. Я ему дал приблизительно следующее интервью.

Вы понимаете сами, что факт моего интервью социал-демократической печати является довольно необычным для обеих сторон. Это первое и, пожалуй, последнее интервью, вызванное совершенно исключительными обстоятельствами. Так как я ходатайствую сейчас о допущении меня в Германию, так как большинство немецкого правительства состоит из социал-демократов, то я прежде всего заинтересован в ясном определении своего отношения к социал-демократии. В этой области, разумеется, ничто не изменилось. Мое отношение к социал-демократии остается прежним. Более того, моя борьба с фракцией Сталина есть лишь отражение моей общей борьбы с социал-демократией. Неясность или недомолвки не нужны ни мне, ни вам.

Некоторые социал-демократические издания пытаются найти противоречие между моей принципиальной позицией в вопросах демократии и моим ходатайством о допущении меня в Германию, т. е. в демократическую республику. Здесь нет никакого противоречия. Мы вовсе не «отрицаем» демократию, как отрицают её анархисты (на словах). Буржуазная демократия имеет преимущества по сравнению с предшествующими ей государственными формами. Но она не вечна. Она должна уступить свое место социалистическому обществу. Мостом к социалистическому обществу является диктатура пролетариата.

Коммунисты во всех капиталистических странах участвуют в парламентской борьбе. Использование права убежища принципиально ничем не отличается от использования избирательного права, свободы печати, свободы собраний и пр.» (Houghton Library, bMS 13, T-3185).

⁴ *Розенфельд Курт* (1877–1943) — социал-демократ, депутат Рейхстага в 1920–1932 гг.

⁵ *Доманевская Ольга Иосифовна* — русская социал-демократка, находилась в эмиграции.

⁶ Имеется в виду Центральный комитет Коммунистической партии Германии.

⁷ *Носке Густав* (1868–1946) — немецкий социал-демократический политик и государственный деятель, один из лидеров правого крыла СДПГ.

⁸ Последнее предложение в оригинале было иным: «Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства».

⁹ Имеется в виду письмо А. А. Иоффе (см. в наст. антологии).

¹⁰ 26 мая 1927 г. Великобритания прервала дипломатические отношения с СССР.

¹¹ *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920.

¹² Ярославский и в дальнейшем работал пропагандистом политических решений руководства ВКП (б):

«Нечего говорить о самом Троцком, вся деятельность которого представляет собой цель преступных махинаций против рабочего класса, становившихся с каждым разом все чудовищнее. В истории нашей партии имя Троцкого встречается не раз, но оно встречается в ней всегда как имя врага ленинизма. Вот в 1904 г. он выступает с меньшевистским манифестом “Наши политические задачи”, глашатаем барского, индивидуалистического анархизма; он клеветает на Ленина, называя его представителем реакционного крыла в рабочем движении, пророчествует гибель ленинизма. Он берет под защиту экономистов, боровшихся против старой ленинской “Искры”, доказывая, что экономизм во многих отношениях прогрессивнее, революционнее и ближе задачам пролетарского движения, чем старая “Искра”. Во время русско-японской войны, когда большевики в интересах пролетарского дела желали поражения русского самодержавия, Троцкий выступает с меньшевистскими, либеральными, пацифистскими лозунгами. Теперь Троцкий выступает как пораженец по отношению к пролетарскому государству, мечтая о победе германского и японского империализма над пролетариатом и крестьянством СССР. Троцкий не прочь был выдвинуть какую угодно, внешне очень “левую” теорию, лишь бы собрать вокруг себя парочку — другую сторонников, ибо никогда, на всем протяжении борьбы против ленинизма, Троцкий не имел за собой никакой массы.

В период между двумя революциями, в 1911–1913 гг., Троцкий сколачивает разношерстный, беспринципный августовский блок, пытается объединить все антиленинские группы для борьбы против большевистской партии. Во время империалистической войны Троцкий занимает каутскианскую позицию, мешая части рабочих разобратся в истинном положении дела и задерживая их переход на позицию революционной борьбы. В 1915 г. Троцкий ополчился против ленинской теории победы социализма в одной стране. В период пролетарской диктатуры Троцкий на всем ее протяжении противопоставляет ленинской линии свою троцкистскую программу капитуляции. С ней он выступает в период Бреста. В период профсоюзной дискуссии Ленин назвал методы Троцкого несоевскими.

Троцкий фальсифицирует историю Октябрьской революции; он пытается повести молодежь против старой большевистской гвардии;

Троцкий и его группа, встав на путь контрреволюционного перерождения, пытаются внушить недоверие к ленинскому руководству ЦК, обвиняя его в “перерождении”. Вместе с Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым, Радеком, Пятаковым и другими Троцкий пророчил стране Советов гибель, говорил о термидоре и, будучи сам реставратором капитализма, готовил поражение советского государства.

В пору наибольшего разворота, антиленинской борьбы троцкистская организация имела вместе со сторонниками Зиновьева, Каменева, Шляпни-

кова, Сапронова, вместе ее всеми лидерами антиленинского блока всего лишь несколько тысяч сторонников во всей стране. Но именно потому, что Троцкий не имел за собой масс, он мог лишь рассчитывать и рассчитывал на третью силу.

Изгнанный из страны Советов как организатор контрреволюционного блока, Троцкий связывается с главарями германских фашистов, с Гитлером и Гессом, переходит к ним на службу, получает от них средства на борьбу против коммунизма, организует на эти средства диверсионные группы для разрушительной работы в СССР и ведет большую законспирированную игру, в которой пущены в ход все средства международной провокации и шпионажа. К его услугам германское правительство предоставляет самолеты, фальшивые паспорта для его агентов, диверсантов, террористов, шпионов, которых он рассылает туда, где они нужны его хозяевам — Гестапо и японскому генеральному штабу. Он горюпит своих сторонников с совершением террористических актов, он подбадривает их, высмеивает их колебания и добивается согласия на самые чудовищные преступления, потому что он, Троцкий, воспитал в своей школе кадры самых отвратительных бандитов, самых озверелых преступников против рабочего класса.

Таков этот “вождь” троцкистов, которому давно уже вынесен приговор миллионов трудящихся» (*Ярославский Е.* Итоги процесса троцкистских изменников и предателей социалистической Родины // Историк-марксист. 1937. № 1 (59). С. 7–8).

С. В. Дмитриевский

Сталин

<Фрагменты>

Впервые: *Дмитриевский С. В.* Сталин. Берлин: Стрела, 1931. Печатается по изданию: *Дмитриевский С. В.* Сталин: Предтеча национальной революции. М.: ЭКСМО, 2003. С. 243, 306.

Дмитриевский Сергей Васильевич (1883–1964) — публицист, общественный деятель. Участник белого движения, член «Союза возрождения России». В 1919 г. вступает в РКП (б). С 1922 г. на дипломатической работе, с 1927 г. первый секретарь посольства СССР в Швеции. С 1930 г. невозвращенец со статусом беженца. Сотрудничал с правыми эмигрантскими кругами, выступал с апологетикой национал-социалистического режима Гитлера.

¹ Дмитриевский искажает хорошо известные факты, говорящие об обратном.

² Так в оригинале. Правильно: кондотьеры.

³ Троцкий не противопоставлял «рабочее» и «рабоче-крестьянское государство». Требование «сверхиндустриализации» (за счет «ограбления деревни») приписывалось оппозиционерам, но не было их собственной идеей.

⁴ *Сталин И.* Вопросы и ответы: Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Правда. 1925. 21 июня.

<Без подписи>

Подлая троцкистско-фашистская банда
<Фрагмент>

Впервые: Подлая троцкистско-фашистская банда // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 1–12. Печатается по первому изданию.

«Исторический журнал» — ежемесячный популярный (тираж указанного номера — 52 тыс. экз.) иллюстрированный журнал по вопросам гражданской истории, до 1937 г. носил название «Борьба классов». Главным редактором журнала и, вероятно, автором передовой статьи, являлся Борис Михайлович Волин (1886–1957) — большевик, с 1917 г. занимал ответственные партийные должности.

¹ Передовая «Докатились». «Правда» от 8 октября 1936 г.

² Далее рассказывается о главных фигурантах дела, осужденных на расстрел или длительные тюремные сроки.

И. В. Сталин

Смерть международного шпиона

Впервые: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «СМЕРШ». 1939 — март 1946 / Сост. Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. М.: Международный фонд «Демократия», 2006. Печатается по оригиналу: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1124. Л. 63–66. Подлинник. Машинопись. Правка Сталина дается частично.

Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фамилия — Джугашвили; 1878–1953) — российский революционер, большевик, занимал руководящие государственные, партийные и военные должности с 1917 по 1953 г.

¹ Оригинальное название: «Бесславная смерть Троцкого»

² Убийца выдавал себя за «Жака Морнара». Сталин знал, что подлинное имя убийцы Троцкого — *Рамон Меркадер* (1913–1978), испанский коммунист, агент НКВД. Отсидел 20 лет — максимальный срок в мексиканской тюрьме. Герой Советского союза (1960), сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, советник министерства иностранных дел Кубы.

³ Вычеркнуто: «против Ленина и Сталина».

⁴ Ленин написал краткую заметку под названием «О краске стыда у Иудушки Троцкого» не позднее января 1911 г. Как и другие наиболее резкие высказывания, они были адресованы Троцкому в ходе фракционных драг в эмиграции. Очевидно, Ленин решил *не публиковать* эту заметку. Впервые она была опубликована в «Правде» 21 января 1932 г., в день годовщины смерти Ленина, по личному распоряжению Сталина. Для поколения образованных людей рубеже XIX–XX вв. не требовалось пояснять, что «Иудушка» — образ, созданный в сатирическом романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1880) и ставшем клише нелепого, поверхностного, но лицемерного человека, играющего в добродетель, но неосознанно совершающего предательство. В контексте 1930-х гг. образ «Иудушки» уже мог восприниматься в контексте возраставшего антисемитизма. В 1933 г. Троцкий откликнулся на распространение этого клише в небольшой заметке «Последняя фальсификация сталинцев». В частности, Троцкий писал: «В эмигрантской борьбе того времени чуть не в каждой полемической статье можно было встретить “острые” позаимствования у Салтыкова. В данном случае дело шло даже не о статье, а о записке в сердитую минуту. К евангельскому Иуде Иудушка Головлев не имеет, во всяком случае, никакого отношения».

⁵ Цитируется фрагмент краткого письма Ленина Зиновьеву 24 августа 1909 г. (впервые напечатано в 1933 г.), посвященного, в частности, конфликту вокруг газеты «Правда», редактором которой был Троцкий. Сталинская пропаганда вырывала из контекста этот эмоциональный фрагмент, абсолютизируя оценку Лениным Троцкого. Пропущенный фрагмент письма был следующим: «Либо равенство в редакции, *подчинение* ЦК и неперевоз в Париж никого кроме Троцкого (он хочет “устроить” на наш счет, негодяй, всю теплую компанийку “Правды”!) — либо разрыв с этим проходимцем и разоблачение его в ЦО».

⁶ Вычеркнуто: «и Сталина».

⁷ Троцкий такого не говорил.

⁸ Выделено Сталиным.

⁹ В действительности Троцкому с большим трудом удалось получить визу на проживание во Франции, а затем и в Норвегии, откуда он был депортирован из-за давления со стороны СССР.

¹⁰ Вычеркнуто: «Со смертью Троцкого политической арены капиталистического мира сошла еще одна фигура матерого шпиона и агента, заклятого врага трудящихся».

III ПУБЛИЦИСТИКА

Л. Н. Войтоловский

Политические силуэты

Впервые: *Войтоловский Л. Н. Политические силуэты. (С демократического совещания). III. Мария Спиридонова. Троцкий // Киевская мысль. 1917. 27 сентября. Печатается по первому изданию.*

Войтоловский Лев Наумович (1875–1941) — российский врач, журналист, публицист и литературный критик. Участник Первой мировой войны, делегат II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, меньшевик. В 1920–1922 гг. в Красной армии, затем на литературной работе.

¹ Описываются события Всероссийского демократического совещания в Петрограде 14–22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 г.

² *Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902)* — известный русский скульптор-реалист, одна из работ называлась «Мефистофель» (1883).

³ Эти идеи Троцкий высказывал ранее в статье «Элементы бонапартизма» (Пролетарий. 1917. 15 августа), которая вошла в его брошюру «Что же дальше? (Итоги и перспективы)», изданную в Петрограде не ранее сентября 1917 г.

М. Горький

Несвоевременные мысли

<Фрагменты>

Впервые: *Горький М. К демократии // Новая жизнь. 1917. 7 ноября; Горький М. Вниманию рабочих // Новая жизнь. 1917. 10 ноября; Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 12 ноября. Печатается по изданию: Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 149–153.*

Горький Максим (наст. имя и фамилия — Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) — один из самых значительных русских писателей, драматургов и публицистов. Был близок социал-демократическому движению, оказывал финансовую и другую помощь революционерам. В 1917–1919 гг. открыто выражает свое неприятие методов большевизма (отношение к интеллигенции в первую очередь), сохраняя при этом симпатии его вождям. В 1921 г. эмигрирует, но в 1932 г. окончательно возвращается в СССР, становясь главным идеологом в художественной сфере, пропагандистом советской политической системы.

¹ Троцкий откликнулся на эту статью в специальной речи, произнесенной 27 ноября (10 декабря) 1917 г.: «И даже люди, как Горький... люди несомненно честные, но проникнутые насквозь мелкими и пошлыми предрассудками мещанской среды, готовы проливать свои слезы по поводу насилия над нововременскою свободой печати» (*Троцкий Л. О свободе печати // Правда. 1917. 30 ноября*).

² Цитата из Верховенского, главного героя романа «Бесы» Ф. М. Достоевского.

³ *Карташев Антон Владимирович* (1875–1960) — последний обер-прокурор синода во Временном правительстве, член ЦК партии кадетов. — *Бернацкий Михаил Владимирович* (1876–1943) — последний министр финансов Временного правительства, арестован. — *Коновалов Александр Иванович* (1875–1949) — министр торговли и промышленности, заместитель министра-председателя Временного правительства. Все трое были арестованы в ночь с 25 на 26 октября 1917 г., позднее были отпущены и присоединились к белому движению.

⁴ 6 ноября 1917 г. З. Н. Гиппиус записала в своем дневнике о Горьком: «Он производит страшное впечатление. Темный весь, черный, “некочной”. Говорит — будто глухо лает. <...> — Я... органически... не могу... говорить с этими... мерзавцами. С Лениным и Троцким» (*Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. С. 334*).

В. И. Ленин
<Фрагмент>

Впервые: *Горький М. Владимир Ленин. Л.: Госиздат, 1924. С. 23*. Печатается по первому изданию.

Откликаясь на остро критическую статью Троцкого «Верное и фальшивое о Ленине (Мысли по поводу горьковской характеристики Ленина)», опубликованную в «Известиях» 7 октября 1924 г., Горький сделал, помимо прочего, следующую запись: «Троцкий — наиболее чужой человек русскому народу и русской истории» (цит. по: *Горький М. Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1974. Т. 20. С. 535*). В 1931 г. для второго, исправленного варианта очерка (*Горький М. В. И. Ленин. М.; Л.: ГИХЛ, 1931*) Горький целиком изменил смысл этого эпизода:

«Я был очень удивлён его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого, — Владимир Ильич подметил моё удивление.

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных спецов. Помолчав, он добавил потише и невесело:

— А всё-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нём что-то... нехорошее, от Лассаля...»

М. Е. Кольцов

Красный китеж. Троцкий

Впервые: *Кольцов М.* Красный китеж. Троцкий // Куранты (Киев). 1918. № 8. С. 8–9. Печатается по первому изданию.

Кольцов Михаил Ефимович (наст. имя и фамилия — Мойсей Фридлянд; 1898–1940) — российский советский публицист, писатель, общественный деятель, один из классиков российской журналистики. Активный участник революционных событий в Петрограде. В 1918 г. вступил в РКП (б), в разное время работал в наркоматах просвещения и иностранных дел. Редактор журнала «Огонек» и других, специальный корреспондент «Правды», руководил иностранным отделом Союза писателей СССР. Один из ведущих советских пропагандистов. Участник Гражданской войны в Испании. Арестован в 1938 г., расстрелян в 1940 г.

¹ *Жорес Жан* (1859–1914) — деятель французского и международного социалистического движения, борец против милитаризма, был застрелен националистом 31 июля 1914 г.

² Дстойный вид (фр.).

³ *Троцкий Л.* Френч // Киевская мысль. 1915. 13 января.

⁴ Петроградская трудовая коммуна — название правительства марте 1918 — феврале 1919 г. (вместо Петросовета).

Троцкий

Впервые: *Кольцов М.* Первый круг. Этюды революции. М.: Издательство «Книгопечатник», 1922. С. 69–79. Печатается по первому изданию.

¹ *Троцкий Л.* Брестский этап // Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. I. Пленарные заседания. Заседания политической комиссии. М., 1920. С. 2.

² *Каледин Алексей Максимович* (1861–1918) — генерал от инфантерии, один из первых организаторов белого движения.

³ *Троцкий Л.* На фронтах (Доклад, прочитанный в Москве 24 февраля 1919 г.) // Троцкий Л. Как вооружалась революция (На военной работе). М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 14–40.

⁴ *Троцкий Л.* Глубокомысленное пустословие // Военное дело. 1919. № 23–24.

⁵ *Троцкий Л.* Мобилизация труда // Экономическая жизнь. 1920. 28 января.

⁶ *Троцкий Л.* Внимание к мелочам // Правда. 1921. 1 октября.

А. В. Луначарский

Лев Давидович Троцкий

Впервые: *Луначарский А. В.* Великий переворот: (Октябрьская революция). Пг., 1919. Ч. 1. Печатается по изданию: *Луначарский А. В. и др.* Силуэты: политические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 343–350.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — революционер, в социал-демократическом движении с 1892 г., с 1903 г. большевик, в оппозиции «ленинцам», вместе с другими «межрайонцами» окончательно вступил в РКП (б) в августе 1917 г. Один из самых известных деятелей революции 1917 г. В 1917–1929 гг. народный комиссар просвещения, после отставки — на научной и дипломатической работе. Публицист, критик, писатель, искусствовед.

¹ «Русская газета» издавалась в Петрограде в 1904–1906 гг.

² Международный социалистический конгресс в Копенгагене (VIII конгресс II Интернационала) проходил с 28 августа по 3 сентября 1910 г.

³ «Vorwärts» — центральный орган Социал-демократической партии Германии.

⁴ Школа в Болонье (ноябрь 1910 — март 1911) была организована левой большевистской группой «Вперед» и вызвала критику со стороны Ленина и его сторонников.

⁵ *Кимвал бряцающий* — распространенное выражение в русской литературе, заимствованное из Библии: означает торжественную, но малосодержательную речь (см.: 1 Кор 13, 1).

⁶ В. М. Чернов занимал место министра земледелия Временного правительства с мая по июль 1917 г.

Н. Н. Суханов

Записки о революции

<Фрагменты>

Впервые: *Суханов Н.* Записки о революции. В 7 кн. Кн. 1–7. Берлин; Пб.; М.: Изд. З. И. Гржебина, 1922–1923. Печатается по изданию: *Суханов Н. Н.* Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1991. С. 190–337.

Суханов Николай Николаевич (наст. фамилия — Гиммер; 1882–1940) — участник российского революционного движения, экономист и публицист. В 1903–1907 гг. член ПСР, впоследствии нефракционный социал-демократ, близкий к меньшевикам-интернационалистам. Активный участник революционных событий 1917 г., редактор газеты «Новая жизнь», член Исполкома Петроградского совета, член ВЦИК 2–4 созывов. В 1920 г. вышел из меньшевистской партии, в 1923 г.

безуспешно попытался вступить в РКП (б). Работал в государственных, исследовательских и литературных институтах. В 1930 г. был арестован, в 1940 г. расстрелян.

¹ Суханов повествует о событиях мая 1917 г. Троцкий приехал в Петроград не ранее 4 (17) мая.

² «Новая жизнь» — ежедневная газета группы меньшевиков-интернационалистов и писателей, объединившихся вокруг журнала «Летопись». Выходила с апреля 1917 по июль 1918 г. в Петрограде и Москве.

³ Конференция Межрайонной организации объединенных социал-демократов состоялась 2 (15) июля 1917 г. в Петрограде.

⁴ Описываются события, произошедшие в ходе июльской вооруженной демонстрации, в результате которой вожди большевизма оказались вне закона.

⁵ Суханов повествует о событиях после подавления мятежа Л. Г. Корнилова.

⁶ Суханов описывает события, произошедшие на Всероссийском демократическом совещании, проходившем Петрограде 14–22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 г. в противовес Государственному совещанию в Москве. Речь Троцкого опубликована: *Троцкий Л. Д.* Соч. 1917. Т. 3. Ч. 1. С. 285–293.

⁷ 9 (22) сентября 1917 г. Троцкий был избран председателем Петроградского совета.

⁸ Описываются события II Всероссийского съезда Советов 25 октября 1917 г.

М. Смоленский <М. Н. Шварц>

Троцкий
<Фрагменты>

Впервые: *Смоленский М. <Шварц М. Н.>* Троцкий. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921. Печатается по изданию: *Смоленский М. <Шварц М. Н.>* Троцкий. 2-е изд. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921. С. 9–62.

Шварц Михаил Наумович (1873–1946) — философ, литератор. В 1920-е гг. член Союза русских евреев в Германии, сотрудничал в газете «Голос России», выступал с докладами в Берлине. После 1933 г. в Париже. Книга Шварца вышла в популярной коммерческой серии «Всеобщая литература». Шварц был членом группы В. Б. Станкевича «Мир и труд», ориентированной на примирение с политическим режимом в СССР, что отразилось на его попытке дать объективный портрет Троцкого.

¹ Скорее всего, автор имеет в виду: *Trotzky N. Russland in der Revolution. Dresden, 1909.*

² Опущен анализ взглядов Троцкого по ряду политических вопросов.

³ *Каутский Карл (1854–1938)* — немецкий политический деятель, экономист, историк, публицист, один из марксистских классиков эпохи II Интернационала.

⁴ Опущен указанный Смоленским фрагмент.

⁵ *Зомбарт Вернер (1863–1941)* — немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры.

⁶ Отряды «Красной гвардии» начали появляться еще до возвращения Троцкого в Россию.

В. И. Невский

«Южно-русский рабочий союз»

<Фрагмент>

Впервые: *Невский В. И. «Южно-русский рабочий союз» в городе Николаеве в 1897 г. С приложением письма Л. Д. Троцкого. М.: ГИЗ, 1922. С. 40–42.* Печатается по первому изданию.

В приложении к книге было помещено письмо Троцкого Невскому 5 августа 1921 г., в котором Троцкий, предваряя свои замечания к тексту Невского, в целом положительно отозвался о нем: «Пробелы и фактические неточности имеют второстепенный характер <...>. Ваша работа проделана с большой тщательностью, столь редкой в наше торопливое время...» (С. 88).

Невский Владимир Иванович (наст. имя и фамилия — Феодосий Иванович Кривобоков (Кривобок); 1876–1937) — революционер, в социал-демократическом движении с 1897 г., один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания, член Учредительного собрания, занимал ответственные партийные, военные и советские должности (нарком путей сообщения, зампреда ВЦИК, заведующий отделом ЦК, ректор). В 1921 г. на научной работе в Истпарте ЦК РКП (б), после 1925 г. занимал должности директора Третьяковской галереи, Библиотеки им. В. И. Ленина. Арестован в 1935 г., расстрелян.

¹ В. И. Невский пишет: «Заканчивая наш очерк, необходимо заметить, что главным руководителем николаевской с.-д. организации, “Южно-русского рабочего союза”, был... Л. Д. Бронштейн, т. е. Л. Д. Троцкий...» (*Невский В. И. «Южно-русский рабочий союз» в городе Николаеве в 1897 г. С приложением письма Л. Д. Троцкого. М.: ГИЗ, 1922 С. 55.*)

² Далее автор повествует об остальных ключевых деятелях организации, ее разгроме жандармами и наказаниях.

А. М. Терне

В царстве Ленина
<Фрагмент>

Впервые: *Терне А.* В царстве Ленина: Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин: Издание А. Терне, 1922. С. 17–21. Печатается по первому изданию.

«Каюсь, ни одного из этих лиц, о которых я собираюсь писать, мне лично не приходилось видеть. Т. е. видеть-то, собственно говоря, приходилось каждый день, потому что новые российские правители любят всюду выставлять себя напоказ. Нет такого местечка в Совдепии, где бы не было портретов или бюстов вождей мирового пролетариата: в казенных учреждениях, на станциях, на заборах, на столбах, в окнах закрытых магазинов — эти любители дешевой популярности помещают свои самодержавные лики, куда опережая в этом отношении всякие иные режимы. Однако как выглядят они в личной и общественной жизни, мне не приходилось самому наблюдать. Поэтому настоящий очерк основан лишь на том, что мне приходилось читать в Совдепии или слышать от других лиц, делая отсюда свои собственные выводы» (*Терне А.* В царстве Ленина. С. 13).

Терне Андрей Михайлович (1859–1921) — экономист и социолог. Декан экономического отделения Кубанского политехнического института. Эмигрировал в 1921 г.

¹ Утверждения автора не соответствуют историческим фактам: в 1921 г. советское руководство не рассматривало вопрос о походе в Индию, Сталин был не «клеветом», а оппонентом Троцкого с 1918 г., и он не мог находиться в 1921 г. на «границе Афганистана».

² *Dii minores* — букв.: младшие боги (*лат.*).

Л. М. Рейснер

Свияжск
<Фрагменты>

Впервые: *Рейснер Л.* Свияжск // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 177–189. Печатается по первому изданию.

Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926) — российская журналистка, поэтесса и писательница. В 1918 г. вступила в РКП (б), в 1918–1919 гг. — комиссар Морского Генерального штаба, политработник Волжской флотилии.

¹ *Розенгольц Аркадий Павлович* (1889–1938) — член РСДРП с 1908 г., с 1917 г. на ответственных партийных, государственных и военных должностях.

² Любопытен фрагмент воспоминаний А. П. Розенгольца:

«Бои начались непосредственно у самой станции [Свияжск]. Я предложил тогда наркомвоену Троцкому оставить Свияжск, но он категорически отказался это выполнить. Все доводы, что его гибель или взятие в плен может иметь губительный результат для всего военного дела республики, им отвергались. Тогда мне пришлось, поскольку Троцкий находился в черте армии, дать ему письменное приказание от имени Реввоенсовета армии оставить Свияжск и перейти на пароход. С огромным трудом и внутренней борьбой Троцкий это предписание выполнил.

Впоследствии я узнал, что он выполнил это предписание довольно оригинально.

Ночью Л. Д. Троцкий на одном из миноносцев принял участие в прорыве по направлению к Казани. Военная флотилия, в том числе и миноносец, на котором был Троцкий, этот рискованный шаг проделала и, неожиданно появившись у Верхнего Услона, возле Казани, обстреляла и зажгла его. Очевидцы говорят, что картина была довольно причудливая. Чехо-словаки, занявшие Верхний Услон, с испугу начали метаться, прыгать с высот, ими овладела необычайная паника. Тут же надо отметить интересную деталь: неожиданно на миноносце, на котором был Троцкий, перестала работать машина и испортился руль как раз у самого Верхнего Услона, непосредственно под дулом неприятельских орудий. Достаточно было одного выстрела картечью из орудия по этой цели, которая была безусловно видна при ярком свете горевших зданий, чтобы миноносец, со всем находившимся на нем, был потоплен. Но паника у противника была так велика, что он не заметил этой попавшей в его руки добычи. Миноносец минут через 10 был исправлен, и военная флотилия вернулась обратно, совершив с успехом свое славное дело» (*Розенгольц А. П. Из воспоминаний о борьбе за Казань // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М., 1926. С. 22–23*).

³ *Маркин Николай Григорьевич (1893–1918)* — член РСДРП с 1916 г., активный участник революционных событий в Петрограде, член ВЦИК, служил в охране Ленина, один из создателей и комиссар Волжской военной флотилии, погиб во время боев за Казань. Троцкий тепло вспоминал Маркина, в том числе в своих воспоминаниях.

⁴ *Вацетис Иоаким Иоахимович (1873–1938)* — с 1 сентября 1918 по 9 июля 1919 г. главнокомандующий всеми Вооруженными силами РСФСР.

⁵ Фрагмент баллады М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль. Из Цедлица». Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

Г. К. Попов

Стремящимся в Россию
<Фрагмент>

Впервые: *Попов Г.* Стремящимся в Россию (жизнь в советской республике). Берлин: Издательство «Наши проблемы», 1924. С. 14–21. Печатается по этому изданию.

Попов Георгий Константинович (1899–?) — во введении к книге автор сообщил о себе немногочисленные биографические данные: «... уроженец Прибалтийского края... ездил в Советскую Республику в качестве корреспондента американского газетного синдиката “Hearts-Press” и “Frankfurter Zeitung”, имея заграничный паспорт. Я поехал в Россию, чтобы объективно рассказать о том, что я увижу; моему намерению остаться объективным и не изменить, несмотря на ужасное разочарование, постигшее меня в России — или лучше, чтобы не оскорблять этого дорогого мне имени в — “Союзе социалистических советских республик”. В Советской Республике я был два раза, в 1922 и 1923 гг. Во второй раз я был арестован Чекой... удалось освободиться лишь с величайшим трудом, благодаря заступничеству иностранных журналистов в Москве и протесту заграничной прессы...»

Б. Каменецкий

<Ю. И. Айхенвальд>

Адвоката дьявола

Впервые: *Каменецкий Б.* <Айхенвальд Ю. И.> Адвоката дьявола. (Л. Д. Троцкий. О Ленине) // Руль. 1924. 1 октября. Печатается по первому изданию.

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) — литературный критик. Был также известен как публицист, редактор и переводчик. Не приняв Октябрьский переворот, в 1922 г. был выслан на «философском пароходе». Обосновался в Берлине, сотрудничал в нескольких эмигрантских изданиях.

Л. Б. Каменев

Ленинизм или троцкизм

Впервые: *Каменев Л.* Ленинизм или троцкизм? Доклад тов. Л. Б. Каменева // Правда. 26 ноября. 1924. Печатается по изданию: *Каменев Л.* Ленинизм или троцкизм? Доклад тов. Л. Б. Каменева / Об уроках Октября. Л.: Прибой, 1924. С. 3–70.

Каменев Лев Борисович (наст. фамилия — Розенфельд; 1883–1936) — один из наиболее известных деятелей социал-демократического движения в России, большевик, депутат IV Государственной думы. С 1917 г. занимал ряд руководящих государственных и партийных должностей. Член ЦК РСДРП (б) 1917–1927 гг., Политбюро ЦК 1919–1925 гг. В 1922–1925 гг. состоял во фракции с Зиновьевым и Сталиным, в 1925–1928 гг. один из лидеров объединенной («троцкистско-зиновьевской») оппозиции. Впоследствии отошел от политической борьбы, работал в экономической и литературных сферах, но подвергался травле и арестам. Один из главных подсудимых Первого московского процесса 19–24 августа 1936 г., расстрелян.

¹ *Троцкий Л.* Уроки Октября // Троцкий Л. Сочинения. Серия I: Историческое подготовление Октября. Т. III. 1917. Ч. I. От Февраля до Октября. М.; Л.: Госиздат, 1924. С. IX–LXVII.

² Л. Б. Каменев опускает часть фразы. В оригинале после слов «Резолюция Троцкого» следовало: «*призывающая местные организации к подготовке “общепартийной конференции” помимо и против ЦК*» (*Corneu F. Trotsky’s challenge: The Literary Discussion of 1924 and the fight for the Bolshevik Revolution.* Boston: Brill, 2015. P. 208. f. 10).

³ В оригинале: «*поддержит “фонд” Троцкого*» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 57).

⁴ Далее идут слова: «*и антипартийную конференцию, им созываемую*» // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 57.

⁵ В тексте Полного собрания сочинений вместо антипартийных элементов: «*и гг. Потресовы и впередовцы*» (Там же).

⁶ Каменевым опущены слова: «*после пленума*» (Там же. С. 60).

⁷ Каменев опустил следующие слова: «*в отличие от скрывающих так или иначе свое лицо*» (*Corneu F. Trotsky’s challenge...* P. 209. f. 12).

⁸ В тексте в Полного собрания сочинений далее идёт фраза: «*Они хотят делать карьеру на дешевенькой проповеди соглашения*» — со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов! — причем, по необходимости, хранят полное молчание о политических условиях этого удивительного якобы «соглашения» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 285).

⁹ В оригинале: «*Поэтому, если немецким товарищам Троцкий говорит...:*» (*Corneu F. Trotsky’s challenge...* P. 214. F. 23).

¹⁰ Каменевым опущена часть фразы: «*свою линию в “Живом деле” и “Нашей зари” и “Троцкий — за границей”*» (*Corneu F. Trotsky’s challenge.* P. 215. f. 25).

¹¹ Опущено: «*анонимом*» (*Corneu F. Trotsky’s challenge...* P. 216. f. 26).

¹² Опущено: «*в Вене 23 апреля (9 мая)*» (*Corneu F. Trotsky’s challenge...* P. 216. f. 28).

¹³ Аксельрод П. Б. Наочереднуютему (Из писем П. Б. Аксельрода к друзьям) // Наша заря. 1912. № 6. С. 17 (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 217. f. 32*).

¹⁴ Корни отмечает, что выражения, приведенные Каменевым, были использованы во время процесса «Антисоветского Троцкистского центра» в 1937 г. (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 217. f. 33*).

¹⁵ Троцкий Л. Д. Война и революция. Крушение Второго Интернационала и подготовка третьего. В 2-х т. 2-е изд. М., 1923.

¹⁶ В оригинале: «Если бы Буквоед и Троцкий» (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 222. f. 44*).

¹⁷ Каменев добавил слово «меньшевиков» в оригинальную цитату (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 222. f. 46*).

¹⁸ В оригинале дальше идет: «надеюсь, видели “Войну” Плеханов + Алексинский + К^о? позор-то!» (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 223, f. 51*). Ф. Корни указывает, что это письмо Ленина к А. М. Коллонтай, хотя приведенная цитата взята из письма Ленина А. Г. Шляпникову: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 133–134).

¹⁹ В оригинале дальше: «не видит того, что это “противодействие” может оказать только революционный пролетариат и только в виде социальной революции. На то он и социал-либерал!» (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 224. f. 56*).

²⁰ По поводу этого лозунга Троцкий писал в книге «Перманентная революция» (1930):

«Если бы я даже в какой-либо статье 1905 г. формулировал отдельный двусмысленный или неудачный лозунг, способный подать повод к недоразумению, то этот лозунг надо было бы теперь, т. е. 23 году спустя, брать не изолированно, а в связи с другими моими работами на ту же тему, а главное, в связи с моим политическим участием в событиях. Нельзя же просто сообщать читателям голое название неизвестного им (а равно и критикам) произведения и потом вкладывать в это название такой смысл, который находится в полном противоречии со всем, что я писал и делал.

Но может быть не лишним будет прибавить, — о, критики, — что я никогда и нигде не писал, не произносил и не предлагал такого лозунга: “без царя, а правительство рабочее”. В основе этого главного аргумента моих судей лежит, помимо всего прочего, постыднейшая фактическая ошибка. Дело в том, что прокламацию под заглавием “Без царя, а правительство рабочее” написал и издал за границей летом 1905 года Парвус. Я в это время давно уже жил нелегально в Петербурге и никакого отношения к этому листку ни делом, ни помышлением не имел. Узнал я о нем гораздо позже из полемических статей. Никогда не имел повода или случая высказываться о нем. Никогда не видел и не читал его (как, впрочем, и все мои критики). <...>

Мало того. Случай так предусмотрительно подвел одно к одному, что в то самое время, как Парвус выпустил заграницей неизвестную мне листовку “Без царя, а правительство рабочее”, в Петербурге нелегально издана была

написанная мною прокламация под заглавием: “Не царь, не земцы, а народ”. Заглавие это, неоднократно повторяющееся в тексте прокламации в качестве лозунга, объемлющего рабочих и крестьян, как бы нарочно придумано для того, чтобы в популярной форме опровергнуть позднейшие утверждения насчет перепрыгивания через демократическую стадию революции».

²¹ В оригинале: «*Такие виднейшие большевики и коммунисты, как Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Милютин*» (*Corney F. Trotsky's challenge... P. 251. f. 89*).

Г. Е. Зиновьев

Большевизм или троцкизм?

<Фрагмент>

Впервые: *Зиновьев Г.* Большевизм или троцкизм // Правда. 1924. 30 ноября. Печатается по изданию: *Зиновьев Г.* Большевизм или троцкизм / Об уроках Октября. Л.: Прибой, 1924. С. 96–141.

Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия — Радомысльский; 1883–1936) — один из наиболее известных деятелей социал-демократического движения в России. В эмиграции один из ближайших сотрудников Ленина. С 1917 г. занимал руководящие государственные и партийные должности. Председатель Петроградского (с 1924 — Ленинградского) Совета рабочих и солдатских депутатов (1917–1926), председателя Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (1919–1926), член ЦК (1907–1927), член Политбюро ЦК (1921–1926). В 1922–1925 гг. в союзе со Сталиным и Каменевым против Троцкого, в 1926–1927 гг. один из лидеров «объединенной» оппозиции. В 1928 г. капитулировал, отошел от политической борьбы. Как и Каменев, был расстрелян в 1936 г.

¹ *Дубровинский Иосиф Фёдорович* (1877–1913) — российский революционер, большевик, член ЦК партии.

² *Гольденберг Иосиф Петрович* (1873–1922) — видный российский социал-демократ. Сотрудничал с Троцким в «Правде», в 1914–1919 гг. в оппозиции большевикам. В 1920 г. принят в РКП (б).

³ Имеется в виду Лейбористская партия (Labour Party) Великобритании.

В. М. Молотов

Об уроках троцкизма

Впервые: *Молотов В.* Об уроках троцкизма (По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине») // Правда. 1924. 9 декабря. Печатается по изданию:

Молотов В. Об уроках троцкизма. По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине». Л., М.: Госиздат, 1925.

Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фамилия — Скрыбин; 1890–1986) — советский политический и государственный деятель. С 1917 г. занимал ответственные политические должности. С 1921 по 1930 г. — один из секретарей ЦК партии. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 гг. Ближайший единомышленник Сталина. С 1957 г. в опале, с 1962 по 1984 г. исключен из партии.

¹ Первый среди равных (*лат.*).

² Как отмечает Ф. Корни, подобная характеристика Горького не употребляется Л. Троцким в его книге о Ленине (см.: *Corney F. Trotsky's challenge: The Literary Discussion of 1924 and the fight for the Bolshevik Revolution.* Boston: Brill, 2015. P. 290, f. 13).

А. С. Мартынов

У истоков троцкизма

Впервые: *Мартынов А.* У истоков троцкизма. Л.: Прибой, 1925. Печатается по первому изданию.

Мартынов Александр Самойлович (наст. фамилия — Пикер; 1865–1935) — участник революционного движения с 1884 г. сначала как член партии «Народная воля». С 1903 г. входил в руководящее ядро меньшевистской фракции РСДРП, в годы Первой мировой войны — меньшевик-интернационалист. Активный участник революции 1917 г. В 1918 г. отошел от партийной работы, до 1922 г. работал учителем на Украине. В 1923 г. на XII съезде РКП (б) был принят в члены партии, впоследствии занимался публицистикой, преподаванием и научной деятельностью.

¹ Правда. 1924. 9 декабря.

² Там же.

³ Известный биограф Троцкого высказывал противоположные суждения. См.: *Дойчер И.* Вооруженный пророк рок, 1879–1921. М.: Центрполиграф, 2006. С. 74–75.

⁴ *Троцкий Л. Д.* О Ленине. М.; Л.: Госиздат, 1924. В тексте ссылки на страницы даются по изданию: *Троцкий Л.* О Ленине. Материалы для биографа. М.: Грифон М, 2005.

⁵ *Троцкий Л.* О Ленине. С. 32.

⁶ *Ленин В. И.* Речь при выборах редакции «Искры» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 307.

⁷ *Троцкий Л.* О Ленине. С. 29–30.

- ⁸ *Мартынов А. С.* Две диктатуры. Женева, 1905.
- ⁹ *Троцкий Л.* Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы). Женева, 1904.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 21–72.
- ¹¹ *Ленин В. И.* Что делать // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 290.
- ¹² *Потресов А. Н.* О двуликой демократии // *Искра.* 1903. № 35. С. 2–3.
- ¹³ *Троцкий Л.* Наша революция. СПб., 1906. С. 19.
- ¹⁴ *Троцкий Л. Д.* Итоги и перспективы. Движущие силы революции // *К истории русской революции.* М.: Политиздат, 1990. С. 97
- ¹⁵ *Троцкий Л. Д.* Итоги и перспективы. С. 100.
- ¹⁶ *Троцкий Л. Д.* Итоги и перспективы. С. 108–109.
- ¹⁷ *Гуревич Эммануил Львович* (лит. псевдоним — Е. Смирнов; 1866–1952) — видный социал-демократ, меньшевик.
- ¹⁸ *Фондаминский Илья Исидорович* (лит. псевдоним — Бунаков; 1880–1942) — крупный деятель Партии социалистов-революционеров.
- ¹⁹ *Ленин В. И.* Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 21.
- ²⁰ Третий съезд РСДРП (апрель–май 1905 года): Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 185.
- ²¹ *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 403.
- ²² *Джапаридзе Арчил Леванович* (1875–1908) — меньшевик, депутат Государственной думы II созыва.
- ²³ Исправлено. Было: «расходимся».
- ²⁴ *Череванин Федор Андреевич* (наст. фамилия — Липкин; 1869–1938) — видный деятель правого крыла российской социал-демократии.
- ²⁵ Видимо, имеется в виду книга: *Череванин.* Пролетариат в революции // *Борьба общественных сил в русской революции.* Вып. 2. М., 1907.
- ²⁶ Положение, которое было прежде (*лат.*).

<Без подписи>

Не до пляски

Впервые: Не до пляски // *Дни.* 1925. 25 января. Печатается по первому изданию.

«Не до пляски» — передовая статья, напечатанная в газете «Дни», основанной в 1922 г. в Берлине, в 1924–1925 гг. имела подзаголовок «Русская республиканская ежедневная газета». В 1923–1927 гг. редактором газеты был М. М. Тер-Петросян, член ПСР.

¹ *Дантон Жорж Жак* (1759–1794) — один из отцов-основателей Первой французской республики, был казнен по обвинению в заговоре с целью низвергнуть республику.

² Неподкупным называли Максимилиана Робеспьера.

³ «Тройкой» называли политический блок членов Политбюро Сталина, Зиновьева и Каменева.

⁴ «Нет великого Патрокла! / Жив презрительный Терсит!» — из стихотворения «Торжество победителей» (1829) В. А. Жуковского (1783–1852), которое представляет собой перевод одноименной баллады И. Ф. Шиллера. Терсит и Патрокл — персонажи древнегреческой мифологии, участники Троянской войны. *Терсит* — физический и нравственный урод. *Патрокл* — герой, погибший от руки Гектора под Троей.

⁵ Имеется в виду резолюция «О выступлении т. Троцкого», принятая Пленумом ЦК РКП (б) 17–20 января 1925 г.

⁶ ЧОН (части особого назначения) — военно-партийные отряды, создававшиеся при партийных организациях для оказания помощи Советской власти в 1919–1925 гг.

А. В. Амфитеатров

Карно по-большевицки

Впервые: *Амфитеатров А. Карно по большевицки // Возрождение*. 1927. 7 декабря, 10 декабря. Печатается по первому изданию.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — известный русский прозаик, публицист, литературный и театральный критик, драматург. До революции 1917 г. неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После Октябрьского переворота сотрудничал в антибольшевистских изданиях, с 1921 г. в эмиграции, где активно публиковался в антибольшевистских периодических изданиях.

¹ Подобного рода слухи периодически озвучивались на страницах зарубежных и русских эмигрантских газет. Они отражали веру в то, что большевики не пользуются реальной поддержкой населения. В этой связи интересен фрагмент речи Амфитеатрова, произнесенной на русском вечере в помощь голодающим в Праге 22 ноября 1921 года:

«Ненависть к Троцкому создала другой популярный анекдот.

Главнокомандующий Троцкий ревизует какую-то провинциальную часть. Страшно устал. Ложится спать, наказав ординарцу обязательно разбудить его в 6 часов утра. Ординарец был не из его обычной свиты, а прикомандированный к нему частью, из новеньких. Когда наступил условленный час, он спохватился, что не знает, в каких именно выражениях должен он будить спящего главнокомандующего.

— По-нынешнему: “Вставайте, товарищ Троцкий!” — фамильярно для такой особы, пожалуй, обидится...

— Махнуть по-старому: “Ваше высокопревосходительство, извольте вставать!” — невозможно! контрреволюция! еще угодишь в Ч. К.!

Однако думал, думал — и надумался.

Почтительно склоняясь над почивающим, запел умилённым голосом первый стих из “Интернационала”:

— “Вставай, проклятым заклеянный!” ...

Больше не потребовалось. Подействовало. Троцкий вскочил, как встрепанный:

— Встаю! встаю!..

Москву сильно тревожит неукротимое восстание Тамбовского края, руководимое Антоновым. Отчаявшись победить этого неуловимого гверильяса, Ленин отправил к нему делегацию с запросом о мирных условиях. Антонов будто бы прислал в ответ, в конверте, свою визитную карточку, напечатанную по новой орфографии:

С. Антонов.

— Ну, на что это похоже? — возмущается Ленин, показывая карточку Троцкому, — я к нему — с дельными предложениями, а он мне отвечает чётр знает чем...

Троцкий внимательно рассматривает карточку и пожимает плечами:

— Не понимаю, почему ты волнуешься. Я вижу здесь полный ответ.

— Помилуй! где же?

— То-то, что ты русский, привык читать все слева направо, — вот и не понимаешь. А я, как еврей, читаю справа налево, — так мне и ясно...

“С. Антонов” — в обратном чтении, справа налево, — читается:

— Вон от нас!

Большую пипцу уличному остроумию дают излюбленные большевизмом сокращения наименований правительственных учреждений, чинов и присутственных мест. Уверяют, будто есть такая должность:

— Заместитель комиссара по морским делам.

Сокращенно это выражается:

— Замкомпоморде!..

Было нелепое учреждение, именовавшееся Морскою Авиацией, и, конечно, имело свое управление, — Управление Морской Авиацией, — У. М. А. — Ума.

Когда учреждение это было упразднено за ненадобностью, факт был оповещён в правительственных газетах под заголовком:

— Расформирование Ума.

Можете представить себе восторг обывателей!

По поводу тех же сокращений.

Сидит будто бы Ленин и размышляет:

— Есть у нас Совнарком, Совдепы, Совнархозы, а все — как будто еще чего-то не хватает... Как ты думаешь, Троцкий, какой бы нам “сов” еще изобрести?

А Троцкий ему — мрачно, по-французски:

— *Sauve qui peut!* [Спасайся, кто может]» (*Амфитеатров А.* Горестные заметки: Очерки красного Петрограда. Берлин: Грани, 1922).

² *Краснов П. Н.* Понять — простить. Берлин: Медный всадник, 1924.

³ *Бакунин Михаил* Александрович (1814–1876) — русский революционер, один из главных теоретиков анархизма.

⁴ *Avec une langue bien* — с хорошо подвешенным языком (*фр.*).

⁵ Троцкий не учился ни в Киеве, ни в Риге.

⁶ *Chevaliers d'industrie* — мошенники (*фр.*).

⁷ Троцкий писал статьи для «Киевской мысли» для заработка, он избегал политических высказываний, учитывая цензуру (поэтому статьи не могли быть «пораженческими»), но ни в одной из статей автор не высказывался в «патриотическом» духе.

⁸ *Карно Лазар* (1753–1823) — французский государственный и военный деятель, инженер и ученый, был одним из создателей новой армии Первой республики Франции.

⁹ *In statu belli* — в состоянии войны (*лат.*).

¹⁰ *Catulum leonis* — львенок (*лат.*).

¹¹ Слух о «депутации еврейского духовенства» распространился не позднее января 1918 г. Например, 17 января 1918 г. П. Е. Мельгунова-Степанова записала в дневник следующее: «Соня рассказывала, как депутация раввинов и евреев была у Троцкого, умоляя его именем его народа не вести такую политику, которая обрушится на евреев же. “Я не еврей, — сказал Троцкий, — я член интернационального пролетариата”. “Но есть же Егова”, — возопил раввин. — “Для меня нет”. — “Это не значит, что его нет и что он нас не покарает”, — ответил раввин и разорвал свое покрывало. Говорят, что Троцкий побледнел, когда тот пригрозил ему гневом Бога, но это маловероятно. Один простой солдат как-то сказал: “Отменил бы царь запрещение водки и сидел бы спокойно до сих пор на своем престоле”, — глубины этой мысли он не понимает сам. Говорят, что Франция объявила России войну, но, может быть, это смешали с оккупацией» (*Мельгунова-Степанова П. Е.* Дневник: 1914–1920 М.: Кучково поле, 2014. С. 153).

¹² Документальных свидетельств этого не обнаружено.

М. И. Ганфман Троцкий-эмигрант

Впервые: *Ганфман М.* Троцкий-эмигрант // Сегодня. 1929. 20 февраля. Печатается по первому изданию.

Ганфман Максим Ипполитович (1872–1934) — журналист, один из основателей и редактор газеты «Сегодня» (Рига). Начинал как марк-

сист, впоследствии примкнул к кадетам. Участвовал в создании центрального печатного органа кадетов «Речь» и сотрудничал в ней вплоть до закрытия газеты советским правительством в августе 1918 г. В 1921 г. эмигрировал в Латвию.

¹ *Лёбе Пауль* (1875–1967) — член Социал-демократической партии Германии, председатель рейхстага в 1920–1924 и 1925–1932 гг.

² Вероятно, Ганфман имеет в виду следующий фрагмент из доклада Троцкого на V Всероссийском Съезде 9 июля 1918 г., на другой день после подавления происходившего 6–8 июля мятежа левых эсеров: «Невольно приходится сказать: в таких случаях есть одно средство — прижечь каленым железом, чтобы не было таких примеров, и каленое железо было пущено в ход». Это было сказано в контексте объяснения репрессий против левых эсеров, в частности, Троцкий сосредоточился на причинах расстрела Александровича, бывшего заместителем Дзержинского в руководстве ВЧК.

М. А. Алданов

Сталин

<Фрагменты>

Впервые: *Алданов М.* Сталин // Последние новости. 1927. 18, 20 дек. Печатается по изданию: *Алданов М.* Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого / Сост., вступит. статья Б. Аверина; коммент. Б. Аверина, Н. Бочкаревой СПб.: РХГИ, 1999. С. 149–163.

Алданов Марк Александрович (1886–1957) — известный писатель и публицист русского зарубежья. Принадлежал к «народным социалистам», активно боролся с большевиками. Осенью 1918 г. был секретарем делегации «Союза возрождения России» в Европе. В 1919 г. эмигрировал во Францию, в 1942 г. в США. Плодовитый автор и редактор, пользовался популярностью и авторитетом среди эмигрантов.

¹ Троцкий не ограничился статьей (*Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф // Правда. 1923. 12 июля), но развернул кампанию против восстановления винной монополии, в результате которой решение было временно отложено. Действия Троцкого были расценены его оппонентами в ЦК РКП (б) как предлог для открытого политического конфликта, но внутрипартийная борьба вспыхнула осенью 1923 г. по другим причинам.

² *Иванов-Козельский* (*Иванов*) *Митрофан Трофимович* (1850–1898) — известный актер русского провинциального театра.

³ *Лазимир Павел Евгеньевич* (1891–1920) — левый эсер, председатель Военно-революционного комитета Петроградского совета, после Октябрьской революции — на руководящих должностях в армии.

⁴ О роли Н. Г. Маркина см. статью Л. М. Рейснер «Свяжск» в наст. антологии.

⁵ Под «пятеркой» имелся в виду военно-революционный центр в составе Бубнова, Дзержинского, Свердлова, Сталина и Урицкого, который ведал организационной стороной восстания, а не политической, и входил в состав Военно-революционного комитета Петросвета (руководимого Троцким); под «семеркой» имелось в виду Политическое бюро ЦК РСДРП (б) (Политбюро) в составе Бубнова, Зиновьева, Каменева, Ленина, Сокольников, Сталина и Троцкого. Алданов ошибается, говоря о «чрезвычайно великой» роли Сталина в подготовке восстания.

⁶ «Электризатором» Троцкого назвал Луначарский (см. в наст. антологии).

⁷ Исследовательница творчества Алданова О. Лагашина справедливо отмечает, что «из всех выдающихся большевистских деятелей Троцкий, по Алданову, в наименьшей степени выдерживает сравнение с Наполеоном». Троцкий, подчеркивает исследовательница, был «представлен у Алданова в нарочито сниженном контексте». «Непривычная резкость алдановских высказываний о Троцком» позволила Лагашиной предположить, что «речь идет не только об идеологических разногласиях, но и заочном конфликте». Исследовательница пишет:

«Одним из свидетельств этого конфликта между двумя публицистами является статья Алданова “История как материал для психологии (или о том, как испортился Демьян Бедный)”. Поводом для ее написания послужила гневная статья Троцкого, опубликованная в его журнале “Бюллетень оппозиции” и посвященная очерку Алданова “Убийство графа Мирбаха”. Недовольство Троцкого было вызвано тем, что в своем очерке Алданов привел свидетельство немецкого мемуариста, по утверждению которого в 1918 г. Троцкий объявил германскому послу Мирбаху, что большевики уже мертвы, и который заодно обвинил последних в получении от Германии денег на организацию революции в России. Свидетельство немецкого дипломата Ботмера, приведенное Алдановым в очерке, появившемся в янв. 1936 г., было использовано в кампании против Троцкого, развязанной в Советской России. Причем газета “Правда” откликнулась на алдановскую публикацию в “Последних новостях» практически немедленно.

Возмущенный “клеветой”, Троцкий попытался оправдаться в подконтрольном ему издании. После этого Алданов, опять-таки оперативно откликнувшись на эту попытку, буквально не оставил от него камня на камне, предположив, что утверждение о “смерти большевиков” было очередным театральным высказыванием Троцкого “для истории”, о котором, в отличие от педантичного немца Ботмера, он благополучно забыл на следующий день» (Лагашина О. «Недонаполеон»: Марк Алданов о Л. Троцком // Toronto Slavic Quarterly. N 34. Fall 2010. P. 218–229).

⁸ Франция, шествующая с гордо поднятой головой, достигающей звезд... (фр.).

⁹ *Троцкий Л.* Двоебезвластие // Вперед. 1917. 2 (15 июня).

¹⁰ *Троцкий Л.* В плену у англичан. Пг.: Книга, 1917.

¹¹ *Троцкий Л.* Покладистый божественный промысел // Новый мир. 1917. 14 (27 марта).

¹² *Цеткин Клара (1857–1933)* — одна из самых известных деятельниц немецкого и международного социалистического, затем коммунистического движения.

¹³ Марк Вишняк, будучи непримиримым критиком большевизма, справедливо указал на «недооценку» Алдановым Троцкого: «Троцкий служит для Алданова фоном для портрета главного “героя” Сталина, которого Алданов в такой же мере, на наш взгляд, переоценивает, в какой недооценивает Троцкого. Признать Сталина “человеком выдающимся, бесспорно самым выдающимся во всей ленинской гвардии”, можно только в самом формальном смысле употребленных при этом слов. По существу же эта характеристика так же неверна, как и отзыв о Троцком как “актере для невзыскательной, провинциальной публики”, “Иванов-Козельском русской революции”, “лишенным идей, хотя и не лишённом ума и характера». Вишняк утверждал, что «как оратор, писатель и темпераментный политически боец Троцкий гораздо даровитее и, в этом смысле, выше не только бездарного Сталина, но “гениального”, — по убеждению не одних только официальных большевиков, — Ленина. Не уступал Троцкий Ленину и в мужестве» (*Вишняк М.* Герои нашего времени // Современные записки. № XLII. 1930. С. 462, 463).

¹⁴ Иллюстрацией главного вывода Алданова может послужить цитата: «То, что происходит сейчас в России, это борьба, борьба личная, почти такая борьба, какая ведется в животном царстве. Я утверждаю, что все положения Сталина можно найти у Троцкого, и обратно: надо только взять их речи и статьи не за несколько недель, а за несколько лет» (*Алданов М. А.* Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб.: РХГИ, 1999. С. 163).

Убийство Троцкого <Фрагменты>

Впервые: *Алданов М. А.* Убийство Троцкого // Новый журнал. 1942. № 1. Печатается по изданию: *Алданов М. А.* Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб.: РХГИ, 1999. С. 243–267.

¹ *Heiden K.* Der Führer — Hitler's Rise to Power. Boston: Houghton Mifflin, 1944. P. 308.

² Сборник эссе У. Черчилля «Great Contemporaries» впервые был издан в 1937 г. См.: *Черчилль У. Мои великие современники*. М.: АСТ, 2013. С. 137–145.

³ *Розанов В. В. На суде рабочих депутатов // Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. Мимолетное. 1914 год*. М.: Республика, 1997. С. 184.

⁴ *Истмен Макс (1883–1969)* — американский журналист, писатель, поэт. Был социалистом, затем коммунистом, симпатизировал Троцкому илевой оппозиции. В 1922–1924 гг. находился в СССР, где собирал материалы для книги о юности Троцкого (1925) и книги о политической борьбе в партии во время болезни и после смерти Ленина (1925), в приложении к которой он опубликовал «Завещание Ленина». Тогда Троцкий был вынужден публично опровергнуть подлинность «Завещания», но в письме Муралову в 1928 г. он утверждал, что «по решению руководящей группы оппозиции, я подписал заявление о Максе Истмене, навязанное мне большинством Политбюро, под угрозой ультиматума: либо подписать заявление, как оно есть, либо вступить по этому поводу в открытую борьбу». Истмен перевел «Историю русской революции» Троцкого (1932), но к тому времени он уже отходил от марксизма, а впоследствии стал антикоммунистом. Троцкий критиковал взгляды Истмена в своих последних заметках, изданных под названием «Бонапартизм, фашизм и война».

П. П. Муратов

Автобиография Троцкого

Впервые: *Муратов П. Автобиография Троцкого // Возрождение. 1930. 6, 8 февраля*. Печатается по первому изданию.

Муратов Павел Павлович (1881–1950) — искусствовед, публицист, литературный критик. В 1918–1922 гг. заведующий секцией музеев Наркомата просвещения РСФСР. С 1922 г. невозвращенец. Постоянный сотрудник русской эмигрантской газеты «Возрождение».

М. В. Вишняк

Герои нашего времени <Фрагменты>

Впервые: *Вишняк М. В. Герои нашего времени // Современные записки (Париж). № XLII. 1930. С. 449–468*. Печатается по первому изданию.

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1976) — российский юрист, публицист. Член ПСР с 1905 г., секретарь Учредительного собрания.

С 1919 г. в эмиграции, член редколлегии общественно-политического и литературного журнала русского зарубежья «Современные записки». С 1940 г. в эмиграции в США.

¹ Скорее всего, имеется в виду *Штейнберг Исаак Захарович* (1888–1957) — член партии левых эсеров, нарком юстиции СНК РСФСР, в 1923 г. был лишен гражданства, издал свои мемуары «Нравственный облик революции» (1923) и «Когда я был наркомом» (1929). — *Беседовский Григорий Зиновьевич* (1896–1963?) — советский дипломат, первый секретарь советского посольства во Франции, эмигрант-невозвращенец, в 1930–1931 гг. опубликовал «На путях к Термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата». — *Ларсон М.* — псевдоним Лазерсона Мориса (Моисея) Яковлевича (1882–1952) — советского специалиста, оставшегося за границей в 1925 г. и опубликовавшего в 1929 и 1932 гг. свои мемуары о советской службе.

² *Соломон (Исецкий) Георгий Александрович* (1868–1942) — видный деятель российской социал-демократии, меньшевик, с 1918 г. на государственной службе, с 1923 г. невозвращенец, автор книг воспоминаний «Среди красных вождей» (1930) и «Ленин и его семья» (1931).

³ Здесь и далее Вишняк цитирует «Мою жизнь» Троцкого.

⁴ *Железняков Анатолий Григорьевич* (1895–1919) — балтийский матрос, анархист, командир 1-й советской конной батареи и бригады бронепоездов во время Гражданской войны, погиб в бою с Добровольческой армией.

⁵ *Макдональд Джеймс Рамсей (Рамси)* (1866–1937) — премьер-министр Великобритании в 1924, 1929–1931 и 1931–1935 гг.

⁶ *Бобчинский Петр Иванович* — персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

⁷ Автор не указывает источник цитаты. В опубликованных трудах Ленина она отсутствует.

⁸ Имеется в виду фрагмент: «Свежий полк, на который мы так рассчитывали, снялся с фронта во главе с комиссаром и командиром, захватил со штыками наперевес пароход и погрузился на него, чтобы отплыть в Нижний. Волна тревоги прошла по фронту. <...> Пароход причалил к пристани, дезертиры высадились, я назначил полевой трибунал, который приговорил к расстрелу командира, комиссара и известное число солдат. К загнившей ране было приложено каленое железо».

⁹ Вишняк искажил смысл приведенной Троцким цитаты из диалога с Лениным: «Если бы мы должны были погибнуть для победы германской революции, мы были бы обязаны это сделать. Германская революция неизмеримо важнее нашей. Но когда она придет? Неизвестно. А сейчас нет ничего более важного на свете, чем наша революция. Ее надо обезопасить во что бы то ни стало».

¹⁰ Говоря о «вранье» газеты «Правда», Троцкий имел в виду кампанию против его «Уроков Октября», начавшуюся в конце 1924 г. Высылки из СССР Троцкий был подвергнут в 1929 г.

¹¹ Вишняк также написал статью к двадцатилетию революционных событий 1917 г., заключительная часть которой была посвящена Троцкому:

«Один из самых главных творцов Октября, Троцкий и по сей день продолжает доказывать, что *его* Октябрь, который он делал вкупе и в дружбе с Лениным и Сталиным, был сделан не “методами политического гангстеризма”, не “грязью, ложью и клеветой”, применяемыми “Борджиа-Сталиным”, “вероломным узурпатором, хладным убийцей, могильщиком революции” и проч. проч. Было бы долго и практически бесцельно приводить былые утверждения Троцкого в защиту “калёного железа” и “утюга” диктатуры, до бессудных казней, превращения лидеров социал-революционной партии в заложников, вынесения условных приговоров к расстрелу, и т. д. включительно.

В порядке вероломства и хладнокровного убийства Троцкий не уступал Сталину и, тем не менее, потерпел от него поражение в борьбе за власть и за право говорить именем и от имени “невиданной в мире советской и социалистической республики”. Капитулировав перед Сталиным в порядке физическом, Троцкий капитулирует сейчас вторично — уже не перед Сталиным — в порядке морально-политическом. Троцкий признает и выдвигает против “Сталина-Борджиа” те самые начала свободы и демократии, в открытом и беззащитном нарушении которых во имя социализма и мировой (“перманентной”) революции и заключалось все непревзойденное своеобразие сотворённого и Троцким, вкупе с Лениным и Сталиным, Октября.

Когда Троцкий, вот уже второй десяток лет, обличает сталинскую власть и доказывает сейчас, что “социализм немислим без самодеятельности масс и расцвета человеческой личности”, что “вся политическая атмосфера Советского Союза проникнута духом инквизиции”, что “бюрократические вожди (Советов [— М. В.]) вынуждены скрывать действительность, обманывать массы, маскировать себя, называть черное белым” и т. д., — он повторяет не только то, что демократы и социалисты утверждали на десять лет раньше него, на следующий же день после утверждения в России большевистской диктатуры. Троцкий повторяет, можно сказать, азбуку демократического социализма — социализма во имя свободы, а не рабства.

Еще Герцен, со дня рождения которого исполнилось 125 лет, писал: “Социальное развитие возможно только при полной республиканской свободе, при полном демократическом равенстве. Республика, которая не вела бы к социализму, кажется нам нелепой, — переходное состояние, которое рассматривало бы себя как цель. *Социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы, без равноправия, быстро выродился в самодержавный коммунизм*”.

Троцкий понял это, очутившись “на том берегу” — с берегов Невы и Москвы перекочевав на Золотой Рог и Мексиканский залив. Но то, что он упорно отказывается распространить свою критику и на первую, решающую “пятилетку” Октября, отнимает не только убедительность у его аргументации, но и делает

ее двойственной и двуличной» (*Вишняк М. В.* Двадцать лет спустя // Русские записки. 1937. № 1. С. 256–257).

Троцкий неоднократно обращался к образу Чезаре (Цезаря) Борджиа — итальянского политического деятеля эпохи Возрождения, известного своим коварством и жестокостью. Судя по всему, Вишняк непосредственно откликнулся на статью: *Троцкий Л.* Новая московская амальгама // Бюллетень-оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937 (март). № 54–55. Далее в его тексте цитировался другой материал из этого номера «Бюллетеня»: Троцкий о процессе (Речь к американским рабочим) // Бюллетень-оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937 (март). № 54–55.

М. Н. Покровский

Об одном «Опыте автобиографии»

Впервые: *Покровский М. Н.* Об одном «опыте автобиографии» // Большевик. 1930. № 7–8. С. 129–145. Печатается по изданию: *Покровский М. Н.* Об одном «опыте автобиографии» // Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М.; Л.: Соцэргиз, 1933. С. 234–258.

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — видный историк-марксист, общественный и политический деятель. Ученик В. О. Ключевского, работал в учебных и просветительских заведениях Москвы. В 1905 г. вступает в РСДРП (б), в 1908–1917 гг. в эмиграции, с 1913 г. примыкал к «межрайонцам», сотрудничал с Троцким. В 1917 г. сыграл важную роль в революционных событиях в Москве, занимал руководящие государственные и партийные должности. С 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР, отвечал за сферу образования и науки.

¹ *Богданов Александр Александрович* (наст. фамилия — Малиновский; 1873–1928) — российский ученый-энциклопедист, революционный деятель, врач, мыслитель-утопист, один из крупнейших идеологов социализма. Член РСДРП в 1896–1909 гг., большевик, с 1905 г. член ЦК. В 1909–1911 гг. возглавлял большевистскую группу «Вперед», конфликтовавшую с «ленинцами».

² 9 февраля 1918 г. в Брест-Литовске делегация Центральной Рады подписала мирный договор с Австро-Венгрией и Германией.

³ Фрагмент автобиографии Троцкого, который имел в виду Покровский:

«Он кончил вопросом: знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу? “Что-о-о?” — спросил я в совершенном недоумении, так я был далек тогда от каких бы то ни было мыслей или опасений такого рода. “Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей

специально против Ленина...” — “Да вы с ума сошли, Менжинский, проспитесь, пожалуйста, а я разговаривать об этом не желаю”. Менжинский ушел, перекосив плечи и покашливая. Думаю, что с этого самого дня он стал искать иных осей для своего круговращения.

Но через час, через два работы я ощутил в себе что-то неладное. Этот человек с тихой, невнятной речью заронил в меня какое-то беспокойство, точно я за обедом проглотил кусочек стекла. Я стал кое-что вспоминать, сопоставлять. Сталин осветился для меня с какой-то другой стороны. Значительно позже Крестинский мне сказал про Сталина: “Это дрянной человек, с желтыми глазами”. Вот эта самая нравственная желтизна Сталина впервые мелькнула в моем сознании после визита Менжинского. Наведавшись после того на короткое время в Москву, я, как всегда, первым делом посетил Ленина. Мы поговорили о фронте. Ленин очень любил бытовые подробности, фактики, штришки, которые сразу, без околичностей, вводили его в самую суть дела. Он не выносил, когда к живой жизни подходили по касательной. Перескакивая через звенья, он задавал свои особые вопросы, а я отвечал, любуясь, как он хорошо сверлит. Мы посмеялись. Ленин чаще всего бывал весел. Я тоже не считаю себя угрюмым человеком. Под конец я рассказал про визит Менжинского на Южном фронте. “Неужели же тут есть частица правды?” Я сразу заметил, как заволновался Ленин. Даже кровь бросилась ему в лицо. “Это пустяки”, — повторял он, но неуверенно. “Меня интересует только одно, — сказал я, — могли ли вы хоть на минуту допустить такую чудовищную мысль, что я подбираю людей против вас?” “Пустяки”, — ответил Ленин на этот раз с такой твердостью, что я сразу успокоился. Как будто какое-то облачко над нашими головами рассеялось, и мы простились с особенной теплотой. Но я понял, что Менжинский говорил не зря. Если Ленин отрицал, недоговаривая, то только потому, что боялся конфликта, раздора, личной борьбы. В этом я целиком сочувствовал ему.»

Н. А. Бердяев

<Рецензия>

Впервые: *Бердяев Н.* [Рец.:] Л. Троцкий. *Моя жизнь. Опыт автобиографии.* Два тома. Берлин, 1930–1931 // Новый град. 1931. № 1. С. 91–94. Печатается по первому изданию.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский религиозный и политический философ, представитель русского экзистенциализма и персонализма. Начинал как марксист и либерал, но затем прославился критикой мировоззрения революционной интеллигенции («Вехи», «Из глубины»). Выслан из СССР в 1922 г., в эмиграции активно публиковался.

А. Ф. Керенский

От Ленина к Сталину
<Фрагмент>

Впервые: *Керенский А.* От Ленина к Сталину // Новая Россия. 1937. № 19. Печатается по изданию: *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М.: Вагриус, 2007. С. 242–243.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — политический деятель, публицист, издатель, адвокат. В 1905–1907 гг. содействовал ПСР. Депутат 4-й Государственной думы, председатель фракции Трудовой группы. Наиболее известный вождь Февральской революции 1917 г.: заместитель председателя Петроградского совета, министр юстиции Временного правительства, затем военный и морской министр, министр-председатель, глава «Директории». С июня 1918 г. в эмиграции, активно публиковался, занимался издательской и политической деятельностью.

В. М. Волин

Неизвестная революция
<Фрагменты>

Впервые: *Voline. La Révolution inconnue: 1917–1921, documentation inédite sur la Révolution russe.* Paris: Amisde Voline, 1947. Печатается по изданию: *Волин В. М.* Неизвестная революция. 1917–1921. М.: НПЦ «Праксис», 2005. С. 288–299, 430.

Волин Всеволод Михайлович (наст. фамилия — Эйхенбаум; 1882–1945) — известный деятель российского и международного анархистского движения. Активный участник революции и Гражданской войны в России, махновского движения. В 1922 г. был освобожден из тюрьмы под условие покинуть Россию. Масштабная историко-теоретическая книга «Неизвестная революция» (1940) была написана Волиным на французском языке для иностранной аудитории.

¹ Волин, очевидно, имеет в виду книгу Троцкого «Преданная революция» (1936).

² Троцкий не сводил проблему «предательства революции» к личности Сталина.

³ Далее Волин цитирует приказ Троцкого № 1854 (по книге «История махновского движения» П. А. Аршинова).

А. И. Солженицын

Двести лет вместе
<Фрагменты>

Впервые: *Солженицын А. И.* Двести лет вместе: В 2 т. М.: Русский путь, 2002. Печатается по изданию: *Солженицын А. И.* Собр. соч. Т. 27. Двести лет вместе. Ч. II: В советское время. М.: Время, 2015. С. 84–146.

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) — русский писатель, драматург, публицист, поэт, общественный и политический деятель. Участник Великой Отечественной войны. С 1945 по 1953 г. — в заключении. Один из наиболее известных антисоветских диссидентов, почвенник, консерватор. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). В 1974 г. лишен советского гражданства и выслан. Вернулся в Россию в 1994 г.

¹ *Дрейцер Ефим Александрович (1894–1936)* — советский военный и политический деятель. Был начальником неформальной личной охраны Троцкого в последние годы внутрипартийной борьбы в ВКП (б). Фигурант первого «Московского процесса» (1936), в ходе которого, после пыток, «признался» в подготовке террористических актов.

² *Гершуни Владимир Львович (1930–1994)* — российский поэт, диссидент.

IV**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ****Демьян Бедный**

Казанским товарищам

Впервые: *Бедный Д.* Казанским товарищам // Знамя революции. 1918. 13 сентября. Печатается по изданию: *Бедный Д.* Казанским товарищам // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. № 1. Казань, 1924. С. 252.

Демьян Бедный (наст. имя и фамилия — Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) — русский советский писатель, поэт, публицист и политический деятель. Член РСДРП (б) с 1912 г. В годы Гражданской войны на агитационной работе, с 1923 г. активно выступает против внутрипартийной оппозиции. В 1920-е был одним из самых публикуемых авторов, с 1930 г. в длительной опале, в 1938 г. исключён из партии.

А. Т. Аверченко

Разговор за столом

Впервые: *Аверченко А.* Разговор за столом // Юг. 1919. 13 октября. Печатается по изданию: *Аверченко А. Т.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. Рай на земле. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2014. С. 40–45.

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) — русский писатель, сатирик, драматург и театральный критик, редактор журналов «Сатирикон» (1908–1913) и «Новый Сатирикон» (1913–1918). С 1919 г. агитировал за Добровольческую армию, вместе с частями которой в 1920 г. эмигрировал.

Международный ревизор

Впервые: *Аверченко А.* Международный ревизор // Юг России. 1920. 3 апреля 1920. Печатается по изданию: *Аверченко А. Т.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. Рай на земле. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2014. С. 26–28.

¹ *Петерс Яков Христофорович* (1886–1938) — один из создателей и первых руководителей ВЧК, заместитель председателя ВЧК.

Короли у себя дома

Впервые: *Аверченко А.* Короли у себя дома // Юг. 1919. 9 октября. Печатается по изданию: *Аверченко А. Т.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. Рай на земле. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2014. С. 92–95.

¹ Имеется в виду А. А. Блок и его поэма «Двенадцать» (1918), ставшая одним из самых значительных литературных произведений эпохи революции и гражданской войны в России. При этом Блок не был «придворным поэтом» большевистского режима.

Семейная радость

Впервые: *Аверченко А.* Семейная радость // Юг России. 1920. 16 апреля. Печатается по изданию: *Аверченко А. Т.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 11. Салат из булавок. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2015. С. 284–285.

Дружки

Впервые: *Аверченко А.* Дружки // Юг России. 1920. 12 сентября. Печатается по изданию: *Аверченко А. Т.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 11. Салат из булавок. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2015. С. 412–414.

Слова и мысли

Впервые: Аверченко А. Слова и мысли // Юг России. 1920. 27 октября (9 ноября). Печатается по изданию: Аверченко А. Т. Собр. соч.: В 14 т. Т. 11. Салат из булавок. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2015. С. 453–454.

Е. Баклажанов <А. П. Платонов>

Рассказ не состоящего больше во жлобах

Впервые: Баклажанов Е. <Платонов А. П.> Наша газета. 1923. 3 июля. Печатается по изданию: Платонов А. П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М.: Время, 2011. С. 342–344.

Платонов Андрей Платонович (наст. имя и фамилия — Андрей Платонович Климентов; 1899–1951) — русский советский писатель и публицист. Участник Гражданской войны, военный корреспондент, рядовой, после демобилизации работал инженером. В 1941–1945 гг. служил военным корреспондентом. В 1930–1940 гг. подвергался нападкам, наиболее значительные произведения не были опубликованы.

М. А. Светлов

Ночные встречи
<Фрагмент>

Впервые: Светлов М. Перевал: Сборник / Под ред. А. Веселого, А. Костерина, М. Светлова. Л.: ГИЗ. 1925. Сб. 3 С. 240–248. Печатается по первому изданию.

Светлов Михаил Аркадьевич (наст. фамилия — Шейнкман; 1903–1964) — русский советский поэт; с 1919 г. в коммунистическом движении, участник Гражданской войны, издается с 1923 г., автор широко известного стихотворения «Гренада». В 1927–1928 гг. поддерживал левую оппозицию, по данным НКВД, занимался нелегальной деятельностью (подпольная типография, издание газеты, сбор средств семья арестованных оппозиционеров).

¹ Троцкий написал хвалебную рецензию на книгу комсомольского поэта А. И. Безыменского (см.: Троцкий Л. «Как пахнет жизнь» // Правда. 1923. 17 ноября). Вскоре Безыменский публично выступит в защиту Троцкого во внутрипартийной дискуссии, но после осуждения «оппозиции» большинством партии будет всегда придерживаться «генеральной линии» партии.

Э. Г. Багрицкий

Стихи о поэте и романтике
<Фрагмент>

Печатается по изданию: *Сарнов Б.* Перестаньте удивляться // Октябрь. 1997. № 3. С. 125–126.

Для публикации в советских изданиях Багрицкий изначально в 1925 г. заменил этот фрагмент, противопоставив не Троцкого Ленину, а Ленина Керенскому.

Багрицкий Эдуард Георгиевич (нас. фамилия — Дзюбин; 1895–1934) — русский советский поэт, переводчик и драматург. В 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию, затем работал в советских информационных агентствах, газетах. С 1925 г. в Москве. Член литературной группы «Перевал» (там же состоял Михаил Светлов), наиболее близкой взглядам Троцкого.

В. М. Инбер

При свете лампы — зеленом свете...

Печатается по изданию: *Инбер В.* Цель и путь. Стихи 1922–1924. Госиздат, [1925]. С. 12. Печатается по первому изданию.

Инбер Вера Михайловна (урождённая Шпенцер; 1890–1972) — русская советская поэтесса и прозаик. Двоюродная сестра Троцкого, который во время обучения в Одессе в 1889–1895 гг. воспитывался в их семье. Лауреат Сталинской премии второй степени (1946).

М. А. Булгаков

Белая гвардия. Пьеса. Первая редакция
<Фрагменты>

Впервые: *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. Белая гвардия. Дни Турбиных. Роман, пьесы. М.: Голос, 1997. Печатается по первому изданию. С. 462–547.

В 1925 г. М. А. Булгаков приступил к работе над пьесой на основе одноименного романа «Белая гвардия», первые 13 глав которого были опубликованы в журнале «Россия» в 1925 г., а полностью — в Париже в 1927–1929 гг. Из-за нажима со стороны советской цензуры, Булгаков удалил упоминания Троцкого и изменил название пьесы на «Дни Турбиных». Спектакль имел огромный успех, с 1926 по 1941 г. выдержал 987 представлений.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) — русский писатель, драматург, театральный режиссер и актер. В годы Первой мировой и Гражданской войн был мобилизован как врач. С 1921 г. жил в Москве,

публиковал фельетоны, очерки и репортажи для советских и зарубежных газеты и журналов. С 1926 г. успешный театральный деятель, член Всероссийского союза писателей (с 1923) и Советского союза писателей (с 1934). Подвергался гонениям советской критики.

¹ *Петлюра Симон Васильевич* (1879–1926) — украинский военный и политический деятель, глава Директории Украинской Народной Республики в 1919–1920 гг., Главный атаман войска и флота, занимал Киев 18 декабря 1918 г. и 30 августа 1919. Убит в эмиграции.

² В романе Булгаков назвал Троцкого Аваддоном (Абаддоном) — в иудейской, затем в христианской (Аполлион), онтологии — демон истребления, разрушения и смерти, ведущий полчища саранчи. Упоминался в произведениях известных русских поэтов и писателей. Например, стихотворение «Авадон» А. А. Фета (1883):

Ангел, и лев, и телец, и орел —
 Все шестикрылые — держат престол,
 А над престолом, над тем, кто сидит,
 Радуга ярким смарагдом горит.
 Молнии с громом по небу летят,
 И раздается из них: «Свят, свят, свят!»
 Вот пронсящийся ангел трубит,
 С треском звезда к нам на землю летит,
 Землю прошибла до бездны глухой,
 Вырвался дым, как из печи большой.
 Медными крыльями грозно стуча,
 Вышла из дыма с коня саранча.
 Львиные зубы, коса как у жен,
 Хвост скорпионовым жалом снабжен.
 Царь ее гордой сияет красой,
 То Авадон, ангел бездны земной.
 Будут терзать вас и жалить — и вот
 Смерть призовете, и смерть не придет;
 Пусть же изведает всякая плоть,
 Что испытания хочет Господы!

М. М. Зощенко

Неприятная история

Впервые: *Зощенко М.* Неприятная история // *Бегемот*. 1927. № 27. Печатается по изданию: *Зощенко М. М.* Собр. соч. М.: Время, 2007. Т. 3. С. 71–74.

В 1935 г. Зощенко переработал рассказ для публикации его в составе «Голубой книги»: изменил название на «Интересный случай в гостях» и заменил Троцкого на А. И. Рыкова (в 1924–1930 гг. — председатель СНК СССР), за что был подвергнут критике в «Правде».

Зоценко Михаил Михайлович (1894–1958) — русский советский писатель, драматург, сценарист и переводчик. Участник Первой мировой войны, в 1918 г., добровольцем вступил в Красную армию. Принадлежал к литературной группе «Серапионовы братья», в 1920–1930-е пользовался огромной популярностью среди читателей. С 1946 по 1953 г. был в опале.

Рюрик Ивнев

Богема

<Фрагмент>

Впервые: *Ивнев Р.* Богема: Роман. М.: Вагриус, 2006. С. 203–207. Печатается по первому изданию.

Автор приступил к написанию автобиографического романа в 1930-е гг.

Рюрик Ивнев (наст. имя и фамилия — Михаил Александрович Ковалев; 1891–1981) — русский поэт, прозаик, переводчик, мемуарист. После Октябрьской революции работал секретарем А. В. Луначарского. В 1921 г. возглавляет Всероссийский союз поэтов, тогда же сближается с имажинистами и Есениным.

¹ *Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962)* — русский поэт-имажинист, прозаик, драматург, мемуарист.

² *Ройзман Матвей Давидович (1896–1973)* — русский поэт-имажинист, прозаик, мемуарист.

А. И. Солженицын

Красное колесо

<Фрагменты>

Впервые: *Солженицын А. И.* Собр. соч. В 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-PRESS, 1991. Т. 20. Печатается по изданию: *Солженицын А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 16. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. — Узел IV: Апрель Семнадцатого. Книга 2. М.: Время, 2009. С. 476–552.

Сам Солженицын определил жанр своего романа-эпопеи как «повествование в отмеренных сроках».

¹ Вымышленный персонаж «Красного колеса».

² Опускается фрагмент «революционной карьеры Льва Троцкого» — художественной биографии, описывающей события до возвращения Троцкого из США.

V
РАЗНОЕ

<Л. Г. Дейч>

<Записные книжки>

<Фрагменты>

Впервые: Записные книжки Л. Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 3–30. Печатается по первому изданию.

Дейч Лев Григорьевич (1855–1941) — один из основателей марксистской организации «Освобождение труда» в 1883 г., затем один из лидеров меньшевиков. Резко отрицательно отнесся к захвату власти большевиками. С 1918 г. принимал активное участие в увековечивании памяти Г. В. Плеханова.

¹ См. «Политическое завещание» Г. В. Плеханова в наст. антологии.

Г. В. Плеханов

Политическое завещание

<Фрагмент>

Печатается по изданию: *Бережанский А. С.* Плеханов: жизнь, судьба, завещание. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 238–239.

Как справедливо заметил польский историк Я. Канцевич, «Политическое завещание» является не завизированным текстом Г. В. Плеханова. В то же время оно, безусловно, выражает взгляды части русских социал-демократов 1918–1920 гг. (см.: *Канцевич Я.* Еще раз о «Политическом завещании» Г. В. Плеханова // Отечественная история. 2001. № 6. С. 179).

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — один из основателей российского социал-демократического движения, признанный теоретик и пропагандист марксизма. В 1876–1879 гг. член народнической организации «Земля и воля», после ее раскола в 1879 организует «Черный передел». С 1880 по 1917 г. в эмиграции. В 1883 г. основывает группу «Освобождение труда», позднее участвует в организации российской социал-демократии за рубежом, газеты «Искра». С 1903 г. один из лидеров меньшевизма, в годы Первой мировой войны во главе оборонческой группы «Единство», осудил Октябрьский переворот.

С. М. Дубнов

Книга жизни
<Фрагменты>

Печатается по изданию: *Дубнов С. М. Книга жизни: материалы для истории моего времени: воспоминания и размышления. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2004. С. 414.*

Дубнов Семен Маркович (1860–1941) — российский еврейский историк, публицист и общественный деятель, один из классиков и создателей научной истории еврейского народа. В 1922 г. эмигрировал в Германию, погиб в Рижском гетто.

¹ В дневнике 9 июня Дубнов писал: «В одном собрании я вчера участвовал, большом еврейском митинге в зале Биржи, где выступали Винавер, Слиозберг, военные делегаты и другие. Цель — протест против царящей анархии. Я указал на глубокий корень зла: «гипертрофию классовизма» в революционном движении, извращающую ход революции, поскольку классовое начало не подчиняется национальному и государственному» (*Дубнов С. М. Книга жизни: материалы для истории моего времени: воспоминания и размышления. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2004. С. 414.*)

² О. В. Будницкий, специалист по истории евреев в годы революции и Гражданской войны, прокомментировал этот фрагмент так: «Аналогичные мысли высказывали историки и публицисты и тогда, и теперь. Однако с таким же успехом можно было бы объявить не принадлежащими к своему народу революционеров русского происхождения на основании того, скажем, что они не исполняли православных обрядов. Думаю также, что активное участие евреев в русском освободительном движении объяснялось как раз не их разрывом с еврейством, а принадлежностью к нему» (*Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М., Иерусалим: Мосты культуры, 1999. С. 7.*)

³ «Великий разбой» — часто встречающееся выражение тех лет. Скорее всего, восходит к характеристике государства, данной Августином.

А. А. Иоффе

Письмо Л. Д. Троцкому 16 ноября 1927 г.
<Фрагмент>

Печатается по изданию: *Троцкий Л. Портреты революционеров / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. С. 335–342.*

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) — участник российского революционного движения, советский дипломат и партийный деятель. С 1908 г. являлся ближайшим единомышленником и другом Троцкого. 17 ноября 1927 г. после тяжелой болезни покончил с собой.

¹ Далее опущена часть письма, в котором Иоффе объясняет свое решение покончить самоубийством.

² Известны две речи Троцкого на смерть Иоффе, а также биографические заметки о нем (см.: *Троцкий Л.* Портреты революционеров. С. 326–332).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович И. Л. 247, 797
Аверин Б. 833
Авксентьев Н. Д. 12, 297, 397, 750, 804
Адлер В. 293, 803
Адлер Ф. 293, 803, 804
Айхенвальд Ю. И. 27, 28, 435, 824
Аксельрод П. Б. 79, 83, 132–133, 207, 293, 446–447, 450–451, 460, 512, 582, 585, 589–590, 755, 792, 826
Алданов М. А. 21, 323, 665, 772, 777, 779, 833–835
Альтфатер В. М. 332, 807
Амфитеатров А. В. 615, 830, 832
Анненков Ю. П. 23, 36, 215–216, 219, 227, 793–794
Антокольский М. М. 361, 816
Антонов-Овсеенко В. А. 226–227, 303, 330, 631, 793, 801
Аракчеев А. А. 262
Араратов 172
Арбатов З. Ю. 29
Аронсон Г. Я. 12
Аршавский М. 234, 235
Аршинов П. А. 841
Ассман А. 10
Ассман Я. 10
Аттила 262
Ауслендер С. А. 21, 253, 798
Багрицкий Э. Г. 730, 793, 845
Бажанов Б. Г. 145, 158, 655, 783
Бакунин М. А. 616, 832
Балабанова А. И. 175, 303, 495, 788
Балмашев С. В. 139, 782
Бармин А. Г. 180, 788
Бебель А. 328, 388
Бедный Д. 33, 229, 232, 333, 631, 636, 709, 795, 834, 842
Безыменский А. И. 229–230, 729, 793, 844
Берзин Я. Н. 169, 787
Бернацкий М. В. 365, 817
Бернштейн Э. 75, 506, 521, 774
Беседовский Г. З. 655, 837
Бисмарк, Отто фон 232, 266
Бицилли П. 38, 39
Блок А. А. 216, 281, 325, 843
Блюмкин Я. Г. 322, 805–806, 808
Бобчинский П. И. 659, 837
Богданов А. А. 91, 685, 839
Бодлер Ш. 200
Борджиа Ч. 838–839
Борисов В. Е. 330, 806
Боровой С. Я. 18, 19, 34, 35
Бочкарева Н. 833
Боярчиков А. И. 29, 241, 796
Брик Л. Ю. 212
Бродский И. А. 13
Бройдо Е. Л. 207
Бронштейн Л. Д. (Троцкий) 19, 47–49, 51–63, 65–80, 82, 120, 135, 137, 239, 255, 257, 271, 293, 413, 617–619, 621, 678, 791–792, 801, 821
Бронштейн Н. Л. 202
Бронштейн О. Д. 53, 137, 774, 776
Брюсов В. Я. 36, 37
Буденный С. М. 226, 233, 667

- Будницкий О. В. 849
 Бударйтскис И. Б. 9
 Булгаков М. А. 19, 24, 37, 732, 845, 846
 Бунин И. А. 30
 Бурлюк Д. Д. 37
 Бутов Г. В. 204, 791
 Бухарин Н. И. 16, 32–33, 154, 233, 331, 442, 543, 656–658, 666, 690, 766, 779
 Вальден П. Б. 307, 805
 Вандервельде Э. 103, 467, 748, 752, 776
 Вацетис И. И. 422, 823
 Верховский А. И. 329, 806
 Веселый А. 844
 Ветлугин А. 323
 Вильгельм II 96, 104, 109, 114, 637, 686, 759
 Виссолати Л. 520
 Витте С. Ю. 85, 165, 775, 786
 Вишняк М. В. 26–27, 31, 654, 835–839
 Владимиров М. К. 303, 804
 Владимов Г. Н. 13
 Войтинский В. С. 12, 522
 Войтоловский Л. Н. 26, 361, 816
 Волин Б. М. 814
 Волин В. М. 16, 703, 841
 Волкова Э. Л. 157, 785
 Воронцов В. П. 49, 774
 Ворошилов К. Е. 151, 169, 226, 234, 347, 657, 660
 Врангель П. Н. 34, 49, 120, 186, 187, 212, 622, 725
 Гаазе Г. 610
 Ганфман М. И. 626, 832, 833
 Гапон Г. А. 263, 750, 800
 Гарви П. А. 16, 206, 336, 775, 791, 792
 Гарибальди Дж. 717
 Гарт Дж. 636
 Гарт Ш. 636
 Гастев А. К. 326, 806
 Гед Ж. 103, 303, 776
 Гейден К. 633
 Генрих Г. 280, 803
 Герасимова Н. К. 16
 Герцен А. И. 35, 301, 654, 838
 Гершуни В. Л. 706, 842
 Гильбо А. 303, 804
 Гильферинг Р. 501–502, 518
 Гинденбург П., фон 267–268, 621
 Гинцбург И. Я. 23
 Гиппиус З. Н. 19, 25, 817
 Гитлер А. 152, 351, 354, 633, 813
 Глазман М. С. 204, 243, 705, 791
 Гоголь Н. В. 23, 837
 Гойа Ф. 423
 Голубев И. П. 17
 Гольденберг И. П. 522–524, 827
 Горький М. 35–36, 263, 282, 304, 358, 365, 544, 548, 816–817, 828
 Гофман М. 117, 310, 376, 621, 668, 687
 Гоц А. Р. 21, 751
 Григоров Г. И. 236, 795–796
 Гроссман В. С. 32
 Грузенберг О. О. 143, 782
 Гуль Р. Б. 39, 786
 Гуревич С. 72
 Гуревич Э. Л. 829
 Гусева Ю. В. 790
 Гусев С. И. 80, 657, 775
 Гучков А. И. 111, 296, 776
 Давид Ж.-Л. 217
 Даниельсон Н. Ф. 49, 774
 Данилов С. С. 227
 Данищевский К. Х. 159, 191–192, 785
 Дантон Ж. Ж. 613–614, 830
 Дан Ф. И. 12, 132, 294, 324, 336, 339, 447, 449, 455, 460, 462, 469, 573, 750
 Даян Г. 542–543, 548, 554
 Дейблер А. 264, 800
 Дейч Л. Г. 46, 71, 79, 91, 93, 95–97, 99, 106, 763, 774, 776, 848
 Деконский П. П. 114, 776

- Делакруа Э. 217
Деникин А. И. 12, 37, 120, 187, 222,
272, 313, 333, 622
Дерен А. 216
Дзержинский Ф. Э. 166, 174, 188, 621,
690, 695, 833–834
Дивильковский А. А. 271, 801
Дикштейн С. Л. 207
Диоклетиан 262
Дионисий Сиракузский 262
Дмитриевский С. В. 27, 31, 147, 346,
813
Добролюбов Н. А. 83
Довлатов С. Д. 13
Дойчер И. 828
Доманевская О. И. 339, 811
Достоевский Ф. М. 673, 775, 817
Драгомиров М. И. 266, 800
Дрейфус А. 683, 685
Дрейцер Е. А. 705, 842
Дубнов С. М. 28, 767, 849
Дубровинский И. Ф. 522–523, 827
Дудинцев В. Д. 230, 793
Духонин Н. Н. 307, 805
Дыбенко П. Е. 660

Ермоленко Д. С. 304, 805
Есенин С. А. 211, 230, 232, 737–740,
795, 847
Ефимов Б. Е. 805

Железняков А. Г. 657, 660, 837
Желябов А. И. 748
Жерико Т. 217
Живодер 657, 660
Жорес Ж. 328, 367, 371, 388, 408, 818
Жуковский В. А. 830

Зарудный А. С. 252, 397, 797
Засулич В. И. 79, 293–294, 382, 581–
582, 755, 764
Зензинов В. М. 12
Зив Г. А. 25, 32, 46, 773–779

Зиновьев Г. Е. 13, 16, 20, 27, 33, 38,
114, 145–146, 153–154, 160, 166–
174, 178, 183–184, 195, 197–199,
233–234, 247–248, 338, 353, 442,
471, 480–481, 494, 496–497, 501–
502, 506, 512, 555, 619, 628, 633,
650, 657, 673–674, 691, 753–754,
766–767, 785, 787, 807, 812–813,
815, 825, 827, 830, 834
Злыднев П. А. 125
Значковский 126
Зомбарт В. 407, 821
Зорин С. С. 370
Зоф В. И. 225
Зоценко М. М. 734, 846–847

Иванов Вс. В. 35, 37
Иванов-Козельский М. Т. 630, 833,
835
Ивнев Р. 737, 739, 847
Изгоев Н. 20
Ильин И. А. 12, 31
Инбер В. М. 212–213, 731, 793, 845
Иоанн IV Грозный 262
Иоффе А. А. 198, 206, 213–214, 302,
343, 631, 636, 753, 769, 790, 792,
812, 849–850
Иоффе Н. А. 24, 211, 792
Истмэн М. 634

Каледин А. М. 378, 818
Калинин И. А. 8
Калинин М. И. 150, 184, 233–234,
674, 785
Каменев Л. Б. 32–33, 53, 132, 137,
149, 153–154, 183–184, 195, 197,
199, 204, 233–234, 243, 353, 384,
393, 441–442, 480, 496–497, 502,
506, 523, 555, 628, 633, 650, 657,
674, 691, 751, 753, 766, 774, 776,
778, 799, 801, 807, 812–813, 824–
827, 830, 834
Каменев С. С. 226, 705
Каменский В. В. 281, 803

- Канатчиков С. И. 447
 Каплан Ф. Е. 278, 632, 803
 Кареев Н. И. 49, 774
 Карно Л. 621, 631, 633, 777, 832
 Карсавин Л. П. 31
 Карташев А. В. 365, 817
 Касьянов Г. 9
 Каутский К. 295, 323, 344, 406–407, 433, 466–467, 473, 507, 510, 512, 521, 610, 646, 821
 Кемаль Атаюрк 342
 Керанс Д. 790
 Керенский А. Ф. 12, 21, 29, 80, 111, 114–115, 118, 135, 149, 257, 280, 296, 304–307, 320, 329, 363, 370, 374, 397–399, 401, 439, 562, 620–621, 623, 632, 643–644, 648, 653, 671–672, 676, 702, 750, 781, 802, 841, 845
 Кинг Д. 14
 Киров С. М. 234, 358, 795, 807, 808
 Кишкин Н. М. 397
 Клаузевиц К., фон 325, 329, 806
 Клемансо Ж. 149, 783–784
 Колоницкий Б. И. 21
 Колчак А. В. 212, 272, 798, 804
 Кольцов М. Е. 367, 772, 805, 818
 Комаров Н. П. 146, 172, 783
 Коновалов А. И. 114, 365, 397, 817
 Копелев Л. З. 13, 39–40, 232, 794–795
 Копосов Н. 9
 Корнилов Л. Г. 397, 400, 786, 820
 Корни Ф. 826, 828
 Костерин А. Е. 844
 Красин Л. Б. 150, 172, 188, 219, 655, 784, 788
 Краснов П. Н. 19, 20, 135, 187, 306, 307, 378, 615, 617, 781, 832
 Краснощеков А. М. 212
 Красюков Р. Г. 796
 Крестинский Н. Н. 166, 656, 840
 Кржижановская З. П. 293, 803
 Кржижановский Г. М. 293, 803
 Кромвель О. 271, 801
 Кропоткин П. А. 326, 806
 Крыленко Н. В. 116, 119, 166, 191, 631, 777
 Куйбышев В. В. 234, 358
 Куприн А. И. 22–23, 260, 798–800
 Куторга И. 18
 Куусинен О. В. 518
 Кюльман, Рихард фон 267, 310, 649, 687, 801
 Лабриола А. 292, 803
 Лазаревский И. 227
 Лазерсон М. Я. 655, 837
 Лазимир П. Е. 630, 833
 Ламораль Э. 271, 801
 Лампен А., фон 34
 Лассаль 55, 59, 61, 121, 164, 169, 295, 332, 362, 636, 774, 817
 Лебедев В. И. 802
 Лебедев-Полянский П. П. 303, 804
 Лебедев П. П. 227
 Лебе П. 626, 627, 833
 Ледебур Г. 610
 Ленгник Ф. В. 293, 803
 Ленин В. И. 26, 36–37, 78–81, 83–85, 88–89, 91, 95, 110, 113–116, 118, 124, 132, 140, 148–155, 157, 159, 164–169, 171, 174–175, 177–178, 181–183, 187–198, 202–204, 206–207, 212, 227, 232–234, 239, 245, 247, 253–254, 256–259, 263, 266, 277–279, 285, 288–289, 293, 305, 331, 338, 344, 347–348, 352–353, 356–358, 365–366, 379, 381, 383–392, 405, 407–409, 413–415, 428, 430, 432, 435–439, 443, 445–504, 506–513, 515–525, 527, 529–530, 532, 534–536, 540–564, 566–574, 576–577, 580–586, 589–591, 599–604, 607–610, 616, 620, 622, 626–632, 634, 639, 642, 644, 648–651, 653, 655, 657, 659–660, 662–670, 672–675, 677, 681–685, 687, 689–693, 696, 698–704, 715, 717–723,

- 739, 753–756, 763–766, 769, 778–779, 781, 785, 789, 794–795, 799, 801, 803, 809, 812, 815, 817, 819, 821–829, 831, 834–841, 845
- Лермонтов М. Ю. 673, 823
- Либерман С. И. 18, 39, 186, 789
- Либер М. И. 139–141, 750, 782
- Либкнехт К. 666, 686
- Липман М. А. 9–10
- Лихтенштадт В. О. 15–16
- Лозовский С. А. 303, 338, 804
- Локхарт Брюс 277, 803
- Ломов Г. И. 194, 331, 807
- Лопухин В. Б. 14–15
- Лорио Ф. 303, 804
- Луначарский А. В. 33, 219, 231, 303, 382, 392–393, 406–409, 598, 715–717, 719, 723, 753, 778, 806, 819, 834, 847
- Людвиг Э. 297, 298
- Люксембург Р. 91, 295, 457, 463, 511, 682, 684
- Люддеквист В. Я. 787
- Макдональд Дж. Р. 658, 837
- Макиавелли Н. 633
- Малинова О. Ю. 9
- Малянтович П. Н. 80, 775
- Мандельберг В. Е. 95, 293, 775, 804
- Мануильский Д. Э. 303, 387, 804
- Манухин И. И. 19
- Марат Ж.-П. 217, 266, 621, 752, 756, 800
- Марголис А. Д. 16
- Мариенгоф А. Б. 737–740, 847
- Маркин Н. Г. 422, 630, 660–661, 823, 834
- Маркс К. 60, 132, 198, 254, 295, 298, 323, 325, 348, 354, 407, 438, 448, 498, 506–507, 537, 547, 549, 555, 576, 583, 659, 672–673, 675, 716, 718
- Мартов Ю. О. 12, 78–79, 83, 91, 95–96, 113, 132, 167, 200, 207, 293–294, 296, 339, 356, 384, 386, 388, 393, 403–404, 446–447, 450–451, 455–457, 460, 462, 465–466, 471–472, 509, 511, 569, 581–582, 584, 596, 606, 610, 685, 749–750, 755
- Мартынов А. С. 33, 447, 463, 473, 578, 606, 684, 828–829
- Маслов П. П. 12
- Матисс А. 216, 225
- Махно Н. И. 16
- Маяковский В. В. 37, 212, 229
- Мельгунова-Степанова П. Е. 832
- Мергейм А. 303, 804
- Меркадер Р. 356, 814
- Миллер А. И. 9, 10
- Милюков П. Н. 12, 111–112, 296, 304, 632, 741, 746, 748, 776
- Михайловский Н. К. 49, 774
- Молотов В. М. 33, 147, 234, 541, 783, 827, 828
- Мольтке К., фон. 266, 327, 806
- Монатт П. 303, 804
- Моор Д. 333, 807
- Муравьев-Виленский М. Н. 26, 262
- Муравьев М. А. 306, 805
- Муралов Н. И. 197–198, 204, 225, 248, 370, 415, 790, 836
- Муратов П. П. 21, 641, 836
- Нагловский А. Д. 17, 27, 39, 164, 786–788
- Надежный Д. Н. 171, 172, 787
- Наполеон I 10, 217, 232, 266, 354, 363, 414, 593, 602, 622, 631, 636, 722, 777–778, 823, 834
- Наполеон III 354
- Нарбут В. 23, 24
- Наумов В. П. 814
- Невский В. И. 33, 410, 542, 543, 821
- Некрасов В. Н. 13, 800
- Некрасов Н. А. 52, 262
- Нерон 262
- Нечаев С. Г. 365, 775
- Николай II 241–242, 289, 669, 796

- Нильский М. И. 21, 23, 195, 790
Носке Г. 341, 811
- Ольминский М. С. 579, 780
Оршер И. О. 319, 805
Осинский В. В. 331, 807
Осипович Н. М. 56
Павлович М. Л. 303, 804
Павлуновский И. П. 169–172, 174, 787
Пальчинский П. И. 397
Парвуса 85, 206, 447–448, 630
Парвус А. Л. 43, 84, 107, 213, 294, 296, 383, 447, 449, 592, 594, 596–597, 773, 826
Пастернак Б. Л. 36, 230
Патрокл 614, 830
Переверзев П. Н. 304, 805
Перхуров А. П. 803
Петерсон К. А. 160, 203, 785
Петерс Я. Х. 621, 715, 716, 843
Петлюра С. В. 732, 733, 846
Петрункевич И. И. 90, 775
Пикассо П. 216, 225
Платонов А. П. 21–22, 24, 726, 844
Плеве В. К. 26
Плеханов Г. В. 48, 79, 84, 91, 95–97, 103, 107, 167, 207, 293–294, 382, 384–385, 447, 449, 569, 581–585, 682, 754, 764, 826, 848
Плотникова Н. С. 814
Подвойский Н. И. 238, 330, 370, 631
Познанский И. М. 204, 791
Покровский М. Н. 17, 21, 91, 303, 671, 839
Поливанов Е. Д. 168, 787
Полонский В. П. 215, 226, 228, 793
Понсон дю Террай П. А. 798
Попов Г. К. 430, 824
Потресов А. Н. 12, 79, 167, 293, 446, 452–453, 462, 582, 587–588, 596, 775, 825, 829
Преображенский Е. А. 204, 234, 791
Прутков К. 52
- Пуанкаре Р. 181, 324
Пугачев Е. И. 233, 647, 649, 767
Пятаков Г. Л. 187, 191, 204, 233–234, 351, 353, 533, 657, 789, 812
- Радек К. Б. 33, 190, 204, 219, 234, 248, 327, 336, 351, 353, 518, 533, 636, 806–808, 812
Разин С. Т. 55, 233, 649, 717, 767, 803
Раковский Х. Г. 219, 248, 303, 619, 753, 793, 807
Раскольников Ф. Ф. 225, 394
Рачковский П. И. 263, 800
Раян Д. 14
Резник А. В. 36
Робеспьер М. 371, 582, 613, 621, 717, 779, 830
Родичев Ф. И. 90, 775
Розанов В. В. 634, 836
Розенгольд А. П. 420–421, 822–823
Розенфельд К. 335, 338, 811
Ройзман М. Д. 737–740, 847
Роланд-Холст Г. 303, 805
Росмер А. 303, 804
Ротштейн Ф. А. 303, 804
Рошковский Ф. Н. 128–129, 131
Рудзутак Я. Э. 234
Руднев В. 38
Рузвельт Ф. Д. 153
Рутенберг П. М. 263, 800
Рутыг Г. 787
Рыков А. И. 154, 194, 234, 480, 494, 497, 674, 700, 790, 809, 827, 846
Рютин М. Н. 198, 214, 790
Рязанов Д. Б. 138, 140, 206, 303, 385, 463, 684, 753, 782
- Савельева И. М. 11
Савинков 273, 276–278, 289, 316, 397, 422, 802
Савинков Б. В. 12, 273, 276–278, 289, 316, 397, 422, 802
Салтыков-Щедрин М. Е. 815
Сапронов Т. В. 234, 795, 813

- Сарнов Б. М. 845
Сверчков Д. Ф. 38, 125, 144, 779–780, 804
Светлов М. А. 729, 844–845
Святополк-Мирский Д. П. 35
Северянин И. 212
Седова Н. И. 200, 208, 790, 791
Седов Л. Л. 181, 354, 808
Семковский С. Ю. 206, 385, 606, 792
Семков С. М. 109, 110, 776
Серж В. 791
Сермуks Н. М. 204, 705, 791
Сипягин Д. С. 139, 782
Сиротинская И. 794
Склянский Э. М. 146, 204, 218, 220, 226, 243, 705, 791
Скобелев М. И. 206, 213, 385, 397, 750–751, 792
Славен П. А. 803
Смилга И. Т. 191, 214, 225, 234, 247–248, 797, 807
Смирнов И. Н. 421, 807, 808
Соколов В. В. 31
Соколовская А. Л. 49, 53–55, 57–58, 72–73, 77, 93, 207, 774, 785
Соколовский Г. Л. 72
Соколовский И. Л. 57, 72, 76, 82
Сокольников Г. Я. 150, 225, 351, 518, 784, 812, 834
Солженицын А. И. 14, 705, 741, 796, 842, 847
Соломон Г. А. 655, 837
Солский В. 17
Сольский В. 26, 267, 801
Сталин И. В. 27, 32–33, 145–146, 148–149, 153–155, 157–158, 166–169, 174, 178, 182–185, 189–190, 195–196, 214, 218–219, 225–226, 228, 233–234, 244–246, 248, 334, 344, 346–347, 349–353, 356–357, 414, 442, 496, 624, 626–628, 630–631, 633–634, 638–640, 650, 652–653, 656–658, 660, 663–665, 667, 669–670, 674, 683, 689, 691, 698–699, 702–703, 753, 783, 785, 789, 807, 809–811, 813–815, 822, 825, 827–828, 830, 833–835, 838–841
Станкевич В. Б. 820
Стасова Е. Д. 166
Стеклоv Ю. М. 27, 82, 750, 751
Степанов А. П. 273, 276, 278, 802
Степун Ф. А. 31, 38, 39
Струве П. Б. 12, 49, 127, 646, 764, 767, 780
Стучка П. И. 166
Суварин Б. 230, 335, 794
Суворов А. В. 323, 622
Суханова Г. К. 19
Суханов Н. Н. 19, 38, 392, 510–511, 519, 750, 819–820
Сухомлинов В. А. 111, 777
Сырцов С. И. 150, 784
Терещенко М. И. 397
Терне А. М. 413, 822
Тер-Петросян М. М. 829
Толстой А. Н. 20, 21, 617
Толстой Л. Н. 216, 220, 222, 224–225, 698, 833, 835
Тома А. 103, 752, 776
Туган-Барановский М. И. 585
Тухачевский М. Н. 225–226, 243–244, 287, 347, 657
Тушинская М. М. 16
Тышко Я. 91
Тьеполо Дж. Д. 218
Уншлихт И. С. 225, 657
Урицкий М. С. 160, 303, 387, 393, 439, 717, 749, 804, 834
Успенский И. В. 798
Устрялов Н. В. 12
Уэльс Г. 440, 544
Фейт А. Ю. 297
Фет А. А. 846
Филипп II 262
Фокке Д. Г. 22, 23, 31, 32

- Фондаминский И. И. 829
Фортунатов Б. К. 273, 277–278, 316,
422, 802
Фрагонар Ж. О. 218
Франс А. 632
Фрунзе М. В. 146, 158, 212, 783, 792
- Халлер Ю. 180, 789
Хаттон П. Х. 11
Хаустов В. Н. 814
Хорти М. 34
Хрусталева-Носарь Г. С. 85, 125, 129–
130, 164, 296, 383, 592, 634, 775
Хук С. 39
- Цезарь Гай Юлий 624
Церетели И. Г. 12, 91, 449, 602, 750,
751, 757, 759
Цеткин К. 632, 835
- Чапаев В. И. 203, 283, 284, 791
Чернин О. 324, 687
Чернов В. М. 12, 18, 320, 388, 390,
393–395, 400, 446, 573, 597, 750,
819
Чернявский Г. И. 17
Черчилль У. 153, 181, 345, 633, 836
Чичерин Г. В. 303, 327, 764, 804
Чудновский Г. И. 303, 319, 804
Чуковский К. И. 215, 793
Чхеидзе Н. С. 114, 393, 398, 401, 462,
465–466, 510, 610, 669, 683, 749,
751, 757
- Шаламов В. Т. 231, 792–794
Шварц М. Н. 27, 405, 820
Швиговский Ф. 47, 92, 292, 775
Шешковский С. И. 262
Шляпников А. Г. 234, 795, 813, 826
Шопенгауэр А. 47, 51, 65
Шпанбрукер Г. 233
Шпенглер О. 323, 433
- Штейнберг И. З. 655, 837
Шульгин В. В. 12, 28, 239, 796
Шульц К. Г. 328
- Щастный А. М. 113, 118, 777
Щукин С. И. 225
- Эйнштейн А. 323, 433
Эльцин В. Б. 204, 791
- Юденич Н. Н. 16, 170, 173, 615, 649–
650, 788
- Яковлева В. Н. 331, 787, 807
Якушев А. А. 239, 240, 796
Ярославский Е. М. 13, 33, 185, 334,
657, 808, 809, 812, 813
- Bernhard M. 11
Bonnell E. A. 14
- Corney F. 825–828
- David-Fox M. 8
- Erl A. 10
- Halfin I. 20
Heiden K. 835
Hook S. 39
- King D. 14
Kritzman L. D. 12
Kubik J. 11
- Nora P. 11–12
Nunning A. 10
- Reznik A. V. 8
- Serge V. 790
- Wells H. G. 544
Wyndham F. 14

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>А. В. Резник</i> . Введение	7

I

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>А. Л. Парвус</i> По тюрьмам во времена революции <Фрагмент>	43
<i>Г. А. Зив</i> Троцкий. Характеристика (по личным воспоминаниям)	46
<i>Д. В. Сверчков</i> На заре революции <Фрагменты>	125
<i>П. Н. Краснов</i> На внутреннем фронте <Фрагмент>	135
<i>В. Д. Медем</i> Из моей жизни <Фрагменты>	137
<i>В. В. Беренштам</i> В боях политических защит <Фрагмент>	142
<i>Б. Г. Бажанов</i> Воспоминания секретаря Сталина <Фрагменты>	145
<i>К. Х. Данишевский</i> Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921) <Фрагмент>	159
<i>N. N. <А. Д. Нагловский></i> Троцкий	164
<i>А. И. Балабанова</i> Моя жизнь — борьба <Фрагменты>	175
<i>А. Г. Бармин</i> Тот, кто выжил <Фрагменты>	180

<i>С. И. Либерман</i>	
Дела и люди <Фрагмент>	186
<i>И. М. Павлов <М. И. Нильский></i>	
1920-е: революция и бюрократия.	
Записки оппозиционера <Фрагменты>	195
<i>Н. И. Седова</i>	
Жизнь и смерть Троцкого <Фрагменты>	200
<i>П. А. Гарви</i>	
Воспоминания <Фрагменты>	206
<i>Н. А. Иоффе</i>	
Время назад <Фрагменты>	211
<i>Ю. П. Анненков</i>	
Дневник моих встреч <Фрагменты>	215
<i>В. Т. Шаламов</i>	
Четвертая Вологда <Фрагмент>	231
<i>Л. З. Копелев</i>	
И сотворил себе кумира <Фрагменты>	232
<i>Г. И. Григоров</i>	
Повороты судьбы и произвол <Фрагменты>	236
<i>В. В. Шульгин</i>	
Тени, которые проходят <Фрагмент>	239
<i>А. И. Боярчиков</i>	
Воспоминания <Фрагменты>	241
<i>И. Л. Абрамович</i>	
Воспоминания и взгляды <Фрагменты>	247

II ПРОПАГАНДА

<Без подписи>	
<Из газеты «Рабочий путь»>	251
<i>С. А. Ауслендер</i>	
Печальные воспоминания (о большевиках) <Фрагменты>	253
<i>А. И. Куприн</i>	
Троцкий: характеристика	260
<i>В. Сольский</i>	
Троцкий <Фрагменты>	267
<i>А. А. Дивильковский</i>	
Троцкий (Л. Д. Бронштейн, род. 1874 г. ¹).	271
<i>Г. Ф. Устинов</i>	
Трибун революции	273

<i>И. Л. Оршер</i> Красный часовой Кронштадт <Фрагмент>	319
<i>Я. Суцеский <Я. Г. Блюмкин></i> День Троцкого	322
<i>К. Радек</i> Лев Троцкий	327
<i>Е. М. Ярославский</i> Мистер Троцкий на службе буржуазии, или Первые шаги Л. Троцкого за границей.	334
<i>С. В. Дмитриевский</i> Сталин <Фрагменты>	346
<Без подписи> Подлая троцкистско-фашистская банда <Фрагмент>	351
<i>И. В. Сталин</i> Смерть международного шпиона	356

III ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Л. Н. Войтоловский</i> Политические силуэты	361
<i>М. Горький</i> Несвоевременные мысли <Фрагменты> В. И. Ленин <Фрагмент>	365 366
<i>М. Е. Кольцов</i> Красный китеж Троцкий	367 371
<i>А. В. Луначарский</i> Лев Давидович Троцкий	382
<i>Н. Н. Суханов</i> Записки о революции <Фрагменты>	392
<i>М. Смоленский <М. Н. Шварц></i> Троцкий <Фрагменты>	405
<i>В. И. Невский</i> «Южно-русский рабочий союз» <Фрагмент>	410
<i>А. М. Терне</i> В царстве Ленина <Фрагмент>	413
<i>Л. М. Рейснер</i> Свяжск <Фрагменты>	417
<i>Г. К. Попов</i> Стремящимся в Россию <Фрагмент>	430

<i>Б. Каменецкий <Ю. И. Айхенвальд></i>	
Адвоката дьявола	435
<i>Л. Б. Каменев</i>	
Ленинизм или троцкизм.	441
<i>Г. Е. Зиновьев</i>	
Большевизм или троцкизм? <Фрагменты>	506
<i>В. М. Молотов</i>	
Об уроках троцкизма	
(По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине»)	541
<i>А. С. Мартынов</i>	
У истоков троцкизма.	578
<Без подписи>	
Не до пляски	613
<i>А. В. Амфитеатров</i>	
Карно по-большевицки.	615
<i>М. И. Ганфман</i>	
Троцкий-эмигрант	626
<i>М. А. Алданов</i>	
Сталин <Фрагменты>	630
Убийство Троцкого <Фрагменты>	633
<i>П. П. Муратов</i>	
Автобиография Троцкого	641
<i>М. В. Вишняк</i>	
Герои нашего времени <Фрагменты>	654
<i>М. Н. Покровский</i>	
Об одном «Опыте автобиографии»	671
<i>Н. А. Бердяев</i>	
<Рецензия>	698
<i>А. Ф. Керенский</i>	
От Ленина к Сталину <Фрагмент>	702
<i>В. М. Волин</i>	
Неизвестная революция <Фрагменты>	703
<i>А. И. Солженицын</i>	
Двести лет вместе <Фрагменты>	705

IV

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

<i>Демьян Бедный</i>	
Казанским товарищам	709

<i>А. Т. Аверченко</i>	
Разговор за столом	710
Международный ревизор	715
Семейная радость	720
Дружки	721
Слова и мысли	724
<i>Е. Баклажанов <А. П. Платонов></i>	
Рассказ не состоящего больше во жлобах	726
<i>М. А. Светлов</i>	
Ночные встречи <Фрагмент>	729
<i>Э. Г. Багрицкий</i>	
Стихи о поэте и романтике <Фрагмент>	730
<i>В. М. Инбер</i>	
При свете лампы — зеленом свете.....	731
<i>М. А. Булгаков</i>	
Белая гвардия. Пьеса. Первая редакция <Фрагменты>	732
<i>М. М. Зощенко</i>	
Неприятная история	734
<i>Рюрик Ивнев</i>	
Богема <Фрагмент>	737
<i>А. И. Солженицын</i>	
Красное колесо <Фрагменты>	741

V

РАЗНОЕ

<i><Л. Г. Дейч></i>	
<Записные книжки> <Фрагменты>	763
<i>Г. В. Плеханов</i>	
Политическое завещание <Фрагмент>	765
<i>С. М. Дубнов</i>	
Книга жизни <Фрагменты>	767
<i>А. А. Иоффе</i>	
Письмо Л. Д. Троцкому 16 ноября 1927 г. <Фрагмент>	769
Сокращения	771
Комментарии	773
Указатель имен	851

Научное издание

Л. Д. ТРОЦКИЙ: PRO ET CONTRA

*Образ Льва Троцкого
в культурной памяти России*

Антология

Составитель
Александр Валерьевич Резник

Директор издательства Р. В. Светлов
Заведующий редакцией В. Н. Подгорбунских
Корректор С. А. Авдеев
Верстка О. М. Кукушкиной

Подписано в печать 1.12.2016. Формат 60×90_{1/16}
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 54,00. Тираж 300 экз.
Зак. № 131

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75
E-mail: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86
E-mail: biont11@mail.ru. Тел.: (812) 207-58-43